АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г. ИБРАГИМОВА

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ
Г. ИБРАһИМОВ исем. ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ һӘМ СӘНГАТЬ ИНСТИТУТЫ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

20–21 октября 2025 года, город Казань

ХӘЗЕРГЕ ФӘННИ ТИКШЕРЕНҮЛӘР ЯКТЫЛЫГЫНДА ТЕЛ БЕЛЕМЕНЕҢ АКТУАЛЬ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Халыкара фәнни-гамәли конференция
материаллары җыентыгы

2025 ел, 20–21 октябрь, Казан шәһәре

Казань
2025

УДК 811
ББК 81.2
А 43

Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ

Составители:
М.З. Валиева, Э.Х. Кадирова,
Б.К. Миннуллин, Р.Ф. Мирхаев

А 43 Актуальные проблемы языкознания в свете современных научных исследований: сборник материалов международной научно-практической конференции. 20–21 октября 2025 года / сост.: М.З. Валиева, Э.Х. Кадирова, Б.К. Миннуллин, Р.Ф. Мирхаев. – Казань: ИЯЛИ, 2025. – 400 с.

ISBN 978-5-93091-517-4

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкознания в свете современных научных исследований», проводимой в рамках международного научного симпозиума «Современные тенденции развития лингвистической науки: проблематика и методология исследований». Сборник включает в себя статьи по вопросам исследования языков в синхроническом, диахроническом и ареальном аспектах, тенденциям развития лингвокультурологии и когнитивной лингвистики и проблемам языковой идентичности в условиях многоязычия.

Издание адресовано ученым-лингвистам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами современного языкознания. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 811
ББК 81.2

ISBN 978-5-93091-517-4

© Оформление. Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2025

УДК 81’27:82.0:159.9

Багироков Хазрет Заурбечевич
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
Bagirokov Hazret Zaurbechevich
Adygea State University
Maykop, Russia
e-mail: hbagirokov@mail.ru
Уджуху Айтеч Асхадович
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
Udzhukhu Aytech Askhadovich
Adygea State University
Maykop, Russia
e-mail: aitech.udzhukhu11@gmail.com

ИДЕНТИЧНОСТЬ АВТОРА В СТРУКТУРЕ ДОМЕНОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПИСАТЕЛЯ

ETHNOIDENTITY OF THE AUTHOR IN THE STRUCTURE OF THE DOMAINS OF THE MENTAL SPACE

Аннотация. *Анализируются когнитивно-ментальные основания идентичности индивидуально-авторского языкового сознания (ИАЯС) писателя, транслирующего закодированные имплицитные и эксплицитные лингвокультурные смыслы в коммуникативно-дискурсивных практиках (КДП) в социокультурной ситуации адыгейско-русского билингвизма. Анализ доменов ментального пространства (ДМП), передает структуру секторальности этнической концептосферы и презентует социокогнитивный резерв билингвальности ИАЯС, позволяя транслировать национальную аксиологию иноязычному читателю. Сравнительный, лингвокультурологический методы и статистической прием обработки эмпирического материала позволяют презентовать корреляцию этнической концептосферы в соответствии с динамикой установленной частотности концептов, характеризуя шкалу билингвальности языкового сознания.*

Annotation. *This paper analyzes the cognitive-mental foundations of the identity of the individual author’s linguistic consciousness (IALC) of a writer, conveying coded implicit and explicit linguacultural meanings in communicative-discursive practices (CDP) in the sociocultural context of Adyghe-Russian bilingualism. The analysis of mental space domains (MSD) conveys the sectoral structure of the ethnic conceptual sphere and presents the sociocognitive reserve of ILC bilingualism, allowing for the transmission of national axiology to a foreign-language reader. Comparative, linguacultural methods, and a statistical approach to processing empirical material allow us to present the correlation of the ethnic conceptual sphere in accordance with the dynamics of the established frequency of concepts, characterizing the scale of bilingual linguistic consciousness.*

Ключевые слова: *социокогнитивистика, билингвизм, языковое сознание, домен, менталитет, концептосфера, фразеологизм, пословица*

Keywords: *sociocognitivistics, bilingualism, linguistic consciousness, domain, mentality, conceptual sphere, phraseology, proverb*

Введение. В рамках теоретической лингвистики активно развивается научное направление социокогнитивная лингвистика (СКЛ), известное также как когнитивная социолингвистика. P. Harder указывает: «…мы находимся в эпохе социального поворота <…> который <…> прослеживается во всех когнитивных науках» [21: 115]. И.Ф. Михайлов утверждает: «<…> перед когнитивной теорией общества стоят две ключевые задачи <...> разделять индивидуальное и социальное в когнитивном аппарате <…> необходимость и пути преобразования когнитивного в социальное» [11: 21]. Социокогнитивные подходы нашли отражение в работах как зарубежных (см. [20; 19; 23; 18; 22] и др.), так и отечественных учёных (см. [11; 9; 13; 7; 6; 12; 8 и др.]). Американский лингвист Gardner P. отмечает междисциплинарность СКЛ: «В настоящее время <…> большинство <…> ученых пришли в когнитивную науку <…> из философии, психологии, искусственного интеллекта, лингвистики, антропологии или нейронауки <...>» [20: 7]. В своих работах G. Fauconnier использует понятие «ментальное пространство» «<…> для обозначения структуры знаний в ментальном мире человека» и определяет «<…> разрозненные блоки, конструируемые в ходе того, как мы думаем и говорим…, активизированные различными способами с различной целью… может включать знание из нескольких доменов» [19: 352] с «<…> четко-очерченной областью концептуализации, <…> семантических единиц <…>» [23: 145] и «<…> понятие домена, использующегося в теории концептуальных метафор, несколько шире <…>» [18: 181]. Билингвальный резерв индивидуально-авторского языкового сознания (ИАЯС) в секторальных областях доменов ментального пространства (ДМП) для носителей адыгейского, русского и других языков неодинаков, что и обусловливает актуальность данной статьи, так как концепт как единица лингвокультурологического анализа представляет имманентную категорию национальной аксиологии, отличает специфику и особенности когнитивной семантики и формальной семантики. По мнению G. Lakoff, «все концепты структурированы <…> как внутренне, так и относительно друг друга» [22: 614]. Понятие «концептосфера» Д.С. Лихачев представляет, как «ментальную структуру, охватывающую всю культуру в целом <…> как совокупность концептов нации» [9: 5]. Концептосфера, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, – «упорядоченная совокупность концептов <…> в виде обобщенных представлений, мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов…» [13: 19]. В.И. Карасик и коллеги считают, что «<…> концепты – многомерные ментальные образования – в концептосферах отдельных личностей и в концептосфере <…>, в пространстве которой существуют личности» [7: 13–15]. И.В. Зыкова констатирует: «<...> концепт – культурно-детерминированная идеальная сущность <…>, которая имеет невербальное воплощение <…>» [6: 45–46]. Задача работы – анализ взаимосвязи между процессами, как индивидуальный билингвизм и идентичность ИАЯС, возможный вывод, национальная концептосфера ищет способы трансляции этнического языка и культуры, в результате чего когнитивный резерв билингвальности в определенной степени трансформирует ИАЯС и способствует обновлению «глубинных» смыслов «говорящей» этнической концептосферы. По мнению С.Г. Ни-

колаева, исследуемая «разновидность двуязычия поддается обсуждению с точки зрения художественного текста. <…> возможен не менее значимый анализ билингвизма с позиций творческого литературного контекста конкретной личности <...>» [12: 96]. У.М. Бахтикиреева о ИАЯС билингва говорит, что эта «<…> способность выразить мысли на языке <…> формируется через глубокое погружение писателя в свою языковую культуру и классическую (в данном случае русскую) литературу <…>» [1].

Рассматриваемая проблема идентичности ИАЯС в ситуации адыгейско-русского билингвизма с использованием количественно-статистических методов и техник в СКЛ достаточным образом не разработана. ДМП, транслирующие «глубинные смыслы» этнического субстрата концептосферы, демонстрирующие национальную концептосферу в контексте графо-морфемной и культурно-языковой диверсификации русскоязычного текста в общем и кавказском языкознании в полной мере не представлены. Правомерным является то, что анализ когнитивно-ментальных оснований идентичности ИАЯС дает возможность выявления социокогнитивного резерва адыгейско-русского билингвизма, транслирующего социоментальные намерения этноса, не вызывая конфликта лингвокультур, позволяя в перспективе анализировать продукт ИАЯС текст в социокогнитивном, функциональном и динамическом аспектах. Билингвальность ИАЯС как когнитивно-ментальный инструмент поддерживает обработку, интерпретацию и передачу этнических «глубинных смыслов» индивида и этноса, что, по мнению Е.С. Кубряковой, способствует связи «сознания <…> с природой концептов, определяющих сознание» [8: 29]. Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим вниманием к антропоцентрическому аспекту в лингвистике, а также исследованию когнитивно-ментальных оснований идентичности ИАЯС в качестве лингвокреативного ресурса билингвизма.

Материалы и методы исследования. Фактический материал статьи включает выборку КДП из книги А.А. Хагурова «Жизнь коротка, как журавлиный крик». Методы включают комплексный анализ слов и их сочетаний, ФЕ, пословиц и их переносных значений, а также их лингвокультурологический анализ и интерпретацию. Исследование охватывает 85 слов, не идентифицированных как части речи. Статистическая интерпретация социокогнитивной шкалы билингвальности ИАЯС и анализ эмпирического материала проводился с опорой на литературу [4; 3].

Обсуждение. Типологию концептосферы в ДМП, транслирующих «глубинные структуры» билингвальности ИАЯС, представляем следующей классификацией:

1) **философский ДМП:** <...> *Как раз тогда наши ученые посадили на Луну космический аппарат. <...> По всему было видно, что бабушка приняла наше сообщение как весть об очередной проделке обезумевшего человечества. Некоторое время она сидела с отрешенным видом, глядя на огонь, а потом с философской грустью сказала:*

– Если и закинули туда железку – она обратно им же на голову и упадет [16: 275–281]. Социокогнитивная база билингвальности ИАЯС характеризуется влиянием философских рассуждений, социологической статистики, влиянием других гуманитарных и прикладных наук.

ДМП транслирует специфику и формы понимания мира, знаний, источником чего являются философские концепции, научные открытия, повлиявшие на эволюцию человека и оказавшие особое влияние на миропонимание и ценностные концептуальные установки этноса описываемого временного отрезка. Национальная аксиология связана с реалиями, их свойствами, характеризуя этническую концептосферу, транслируя языковую картину этноса, поддерживая социокогнитивный конструкт философских размышлений бабушки Абрека: Нахьыпэм *«В былое время»*; Бэ ш1эн, мак1э ш1эн *«В один прекрасный день»*; Ик1ахьыгъэк1и ишъомбгъуагъэк1и *«Вдоль и поперек»*; Нишъэ и1, ц1ыфэу зэк1эми ащыгъуазэр *«Всевидящее око»* и др. [4: 120], выражая неопределенную двусмысленность происходящего в окружающем нас мире. Этническую концептосферу определяют такие паремии, как Акъыл зи1эр зэк1эмэ як1эсэн *«У кого ум, тот опора для всех»*; Бзыур зы1этырэр тамэ, ц1ыфыр зы1этырэр иакъыл *«Птицу поднимают ее крылья, а человека – его ум»*. Количество паремий адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих философский ДМП – 151, что составляет 36%. В адыгейском языке функционирует около1700 ФЕ [4: 120], презентующих философский ДМП – 23, что составляет – 10%. В контактирующих языках концепт ц1ыфы *«человек»* в семантико-структурном отношении и количественно разнонаправлен;

2) **этический ДМП:** *Уже взрослым я выяснял у своих адамиевских (аул Адамий) тетушек причину, по которой они удерживали меня целый год в своем ауле. <…> В один голос они говорили, что считали своим долгом прокормить родного племянника хотя бы год … Теперь я верю: они говорили правду* [16: 38–92]. Социокогнитивная база этноса транслирует в домене концепты, не порождая лингвокультурного конфликта, а презентуя национальный этикет «Адыгэ хабзэ»: *Адыгский этикет, <…> дело тонкое <…> много оттенков, незаметных для непосвященного* [16: 38–92]. Рефлексивно-оценочное мышление *адамиевских (аул Адамий) тетушек*, обращенное к этническим нормам и этикету адыгского этноса, не носит отрицательных параметров. ИАЯС транслирует то, что язык этноидентичен и презентует реализацию адыгагъэ *«адыгство»* в ситуации гетерогенности лингвокультур, способствуя эволюции адыгейско-русского билингвизма. «Глубинные смыслы» когнитивно-ментального пространства презентуют паремии: И1орэ иш1эрэ зэтеты *«Его слова и дела неразрывны»*; Адыгэ хабзэ зехьэгъош1оп *«Соблюдать Адыгэ хабзэ нелегко»* [3: 120], характеризуя ИАЯС с сбалансированным и адекватным билингвизмом. Этническую концептосферу транслируют ФЕ: Гухэлъышъу *«Благое намерение»*; Делэ гощэгъу нахьи, губзыгъэ дэогъу *«Лучше тяжба с умным, чем дележ с глупым»*; Зычы-зыпчэгъоу зэгот *«Водой не разольешь»* и др. [4: 120]. Количество частотных паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих этический ДМП – 144, что составляет 34%. Всего функционирует ФЕ – 1700 [4: 120], а презентующих этический ДМП – 56, что составляет – 24%;

3) **эмоционально-чувственный ДМП:** *Я стоял в степи, которая отделяла бывшую хату тети Сасы от переправы. И чувствовал, как возвращаюсь в то время – сороковые годы. После войны вместо лодочной*

станции была устроена паромная переправа <…> [16: 38–92]. В «Русско-адыгейском словаре» Х.Д. Водождокова лексема **переправа** представлена как *«зэпырык1ын, зэпырыщын»* [5: 1991], но, по нашему мнению, существительное **зэпырык1ып1** уместно при переводе. Социокогнитивный резерв билингвальности ИАЯС транслирует «путь» как структурированную схему, которую сам автор прошел в пространстве и времени, а «глубинные смыслы» этнической концептосферы представлены так: Къошшыпхъур хы къумиблым къыкъок1ы *«Братья-сестры из-за семи морей придут на помощь»*; Зы1эжэжьын, узыфэсакъыжьын; умы1уапхъэ умы1он *«Брать (взять) себя в руки»*; Е ул1ын, е ул1эн *«Быть иль не быть»*; И1оф дэи, плъэгъумэ угъын *«В плачевном состоянии»* и др. [4: 120]. Социокогнитивная база этноса представлена лексемой **гу** *«сердце»*, являясь структурной единицей сложных слов, презентуя специфику и диапазон данного когнитивно-ментального конструкта адыгской концептосферы. ФЕ и слов с лексемой **гу** *«сердце»* в адыгейском языке – 279 единиц [4: 120], где влияние оказывает полисинтетизм национального языка, в русском языке таких идиом – 59 единиц [15: 543]. Общее количество паремий в адыгейском языке – 450 [17: 128], презентующих эмоционально-чувственный ДМП – 45, что составляет 10%. В адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [4: 120], презентующих эмоционально-чувственный ДМП – 53, что составляет – 17%;

4) **эстетический ДМП:** *В зимние вечера дедушка часто ходил на охоту и возвращался, непременно обвешанный зайцами. Однако оставлял он не более двух – остальные как садакъ раздавались «бедным соседям» – тем, в семьях которых не было мужчин. Таких близких соседей было три семьи, и дедушка проявлял заботу о каждой* <…> [16: 38–92]. Социокогнитивная база ц1ыфыгъэ *«человечность»* презентует такие концепты: Ц1эры1у, анахь чъэпхъыгъ, зыпшъэ умык1ожьын *«Звезда первой величины»*; Уеплъымэ укъегъэшхэк1ы *«Любо-дорого смотреть»*; (Ц1ыф) гъуаз, щысэтехып1 *«Путеводная звезда»* и др. [16: 120]. Социокогнитивное пространство этноса презентует лаконичное, ёмкое и мудрое понятие ц1ыфыгъэ *«человечность»*, транслируемое кодексом «Адыгэ хабзэ». По мнению ученых-лингвистов, «<…> *ц1ыфыгъэ* – моральное качество, <…> предполагающее обходительность, почтительность и сдержанность в повседневном общественном и семейном быту <…>» [2: 17–18]. Концепт ц1ыфыгъэ *«человечность»* транслирует оппозицию человеческое/нечеловеческое; человеческое: Нэм ек1урэр гуми ек1у *«Что приемлет глаз, то приемлет и сердце»*; Ш1у умыш1эу ш1у ущымыгугъ *«Не делая добро, не жди добра»*; нечеловеческое: Осэпсхэмыхьэр – 1ахьынчъ *«Тот, который не вступает в росу, т. е. бездельник»;* Жэк1э маис, 1эк1э сэмэгу *«Языком – сабля, рукой левша»* [3: 120]. Общее количество паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих эстетический ДМП – 29, что составляет 7%. Данные ФЕ презентуют этническую концептосферу ц1ыфыгъэ *«человечность»*: Пэрыохъунчэу, дэгъоу = тхъу щыфагъэм фэдэу *«Без сучка, без задоринки»*, Ц1ыфмэ ямышъэгъу *«Белая ворона»*, Унэш1у къыс-щыф *«Будь добр»*. Всего функционирует ФЕ около 1700 [16: 120], презентующих эстетический ДМП – 18, что составляет – 8%;

5) **научный ДМП:** <…> *Если действительно существует информационное поле Вселенной (об этом наука стала говорить вполне серьезно), то почему и такая вездесущая стихия, как Вода, не может принимать, перерабатывать и использовать мировую информацию? А если она это может, мы имеем некий Солярис здесь на Земле. Да и вообще… Как бы вся наша планета не превратилась в Солярис* <…> [16: 38–92]. Научный дискурс адыгейского литературного языка преимущественно сложился как филологический, идет процесс выработки терминологического аппарата академического и других дискурсов. ФЕ этнической концептосферы могут явиться внутренним ресурсом для развития научного дискурса адыгейского литературного языка: Иакъыл къэк1он, изэхэш1ык1 къэк1он зэхиш1ык1ы хъун *«Браться (взяться) за ум»*; Аужыпкъэм, зэфэхьысыжьыгъэу къэп1он хъумэ *«В конечном счете»*; Зэхэубытагъэу, зэрэпсаоу *«В общем и целом»* [4: 120], которые по форме и содержанию транслируют логичность или констатацию фактического материала, универсальны для разных языков, но уникальны в национальном языке. Общее количество паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих научный ДМП – 22, что составляет 5%. В адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [4: 120], презентующих научный ДМП – 38, что составляет – 10%;

6) **религиозный ДМП:** *Что касается мусульманской веры моей нации <…>. Язычество – детская пора человеческого духа<…>. На небесах решили: Муса свой срок отжил. И послали за ним псэхэх. (Ангел смерти)* <…>. [16: 38–92]. Социокогнитивная база домена, связанная с этнической концептосферой, презентует в КДП «символы» исламской культуры лексемами **Аллахь** «араб., тур.», **быслъымэн** *«мусульманин»* «араб., перс., тур.», **псэхэх** *«ангел смерти»*, функционируя в обиходно-разговорном стиле речи, охватывают конфессиональный участок и отражают специфику картины мира адыгов. По данным словаря «Энциклопедия черкесской мифологии» М.И. Мижаевой, М.М. Паштова мифологема трактуется так: [Псахех] (от *псэ* – ‘душа’ и *хэх* – ‘изъять’) – ангел смерти [10: 460]. Следует отметить, что часто встречается в КДП нивелировка религиозных норм в рамках «Адыга Хабза», так как этническая концептосфера транслирует когнитивно-ментальный конструкт, сложившийся в социуме: Джыхьнэм маш1у *«Ад кромешный»*, Гъаш1э к1ахьэ охъу *«Чтобы твоя жизнь была долгой»* и др. [15: 120]. В ментальном пространстве этноса выработано отношение к религиозному и обыденному в индивидуальном и коллективном сознании, что транслирует когнитивный резерв билингвальности ИАЯС имплицитно, что презентуется на «глубинном» уровне: Укъызалъфым пстэури гуш1уагъэ, узыл1эжьык1э зыфэбгъэгъышъущтхэмэ *«Когда ты родился, люди обрадовались, если ты сможешь сделать так, чтобы после твоей смерти они плакали по тебе»;* Къошыр зыщыбэм бэныр щыбыхъу *«У кого много родни, у того могила просторная»* и др. [3: 128]. Количество частотных паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих религиозный ДМП – около 17, что составляет 4%. Всего в адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [4: 120], а транслирующих религиозный ДМП – 23, что составляет – 10%;

7) **архетипический ДМП:** <…> *Чем больше живу на свете, тем чаще образы детства являются во всей яркости красок* <…> [16: 38–92]. КДП ИАЯС транслируют интериоризованную информацию, характеризующую соотношение пространства и времени в детских воспоминаниях. Этническая концептосфера презентует не только детскую мыслительную деятельность, но и структурно-семантические интериоризованные значения концептов: Ащыгъупшэжьын, тумы хъун игугъу зыш1ыжьырэр оры *«Кануть в лету»*; Егъаш1и *«Во веки веков»* и др. [4: 120], которые функционально преподносят информацию о первичном опыте и этапе организации социокогнитивной базы в детстве, передаваемые из поколения в поколение этносом. Семантика языкового знака говорит о разнородности и исходных структурных составляющих социокогнитивной базы ИАЯС: <…> *Чем больше живу на свете, тем чаще образы детства являются во всей яркости красок* <…> *существует память чувств; ты вспоминаешь не только ситуации, события, но и чувства, которые они в тебе рождали* <…> *конечно, будет не оригинал чувств, а его копия* <…> [16: 38–92]. Информационную и глубинную наполненность ДМП характеризует этническая концептосфера: Дунаир къошыныжъ хъугъэп, къутэжын къодыеу щытэп *«Мир не превратился в старый кувшин, готовый развалиться»*; Дунаир 1эджыми къялыгъ *«Мир уцелел от многих потрясений»* и др. [3: 128]. Общее количество частотных паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих архетипический ДМП – 7, что составляет 2%. Всего функционирует около 1700 ФЕ [4: 120], презентующих архетипический ДМП – 7, что составляет – 8%;

8) **мифологический ДМП:** *Когда вода войдет в берега,* <…> *мужчины (женщинам этого не дано) будут часто видеть Женщину Воды – Къольбаст* <…> [15: 38–92]. Социокогнитивная база этнической концептосферы посредством билингвальности ИАЯС транслирует символическую составляющую домена. В «Энциклопедии черкесской мифологии» И.И. Мижаевой, М.М. Паштова презентуется Алмэсты [Алмасты] (Къулбасты, Къолбастэ, Алмастын, Налмэстын) – персонаж низшей мифологии, враждебный человеку; человекоподобное существо большого роста, покрытое густой шерстью, чаще женского пола <…> [10: 460]. Далее, Псыхъу-гуащэ [Псыхо-гуаша] (от *псыхъуэ* – ‘[долина] реки’ и *гуащэ* – ‘богиня’) – богиня рек <…> может навести страх на увидевшего ее [10: 460]. Домены характеризуют концепты, реализующие сверхъестественное отражение действительности, как нереальное выражение реальности, транслируя эволюцию и специфику преломления коннотативных смыслов в языковой картине автора КДП. Находясь в «плену» у ментального пространства, ИАЯС отражает наивное одушевление природы, олицетворение вещей, метафорическое сопоставление возможностей человека и природы, являясь составляющей сюжетно-понятийной структуры КДП, требуя анализа авторского замысла как многоуровневого структурированного набора элементов единого когнитивного пространства. Этническая концептосфера презентует информацию, транслирующую специфику и перспективу концептуального структурирования действительности, способствуя познанию мира и получению новых представлений о нем, характеризуя

когнитивно-ментальные конструкты этноса: Жъогъозэшиблым загъазэмэ нэф мэшъы *«Семь звезд – братья (так называют адыги Большую медведицу) сделают один круг обращения вокруг себя – наступает рассвет»;* Нарт ы1уагъэм епц1ыжьырэп *«Нарт верен своему обещанию»;* Къамзэгум бгыр къет1эк1ы *«Муравей, и тот гору крошит»* и др. [3: 128]. Общее количество частотных паремических конструкций адыгейского языка – 450 [3: 128], а презентующих мифологический ДМП – 8, что составляет 2%. ФЕ в адыгейском языке функционирует около 1700 [4: 120], презентующих мифологический ДМП – 18, что составляет – 7%.

Заключение. В заключении отметим, что новое научное направление СКЛ выступает как парадигмообразующая идея, акцентирующая внимание на социоцентризме, неофункционализме и культуроцентризме, определяя статус билингвизма как синкретичного, бинарного явления и «продукта» моделей, форм национально-русского би-/транслингвизма, а термин «домен ментального пространства» позволяет систематизировать концептуальные категориальные параметры секторальности этнической концептосферы, углубляя существующие в теоретической лингвистике представления относительно лингвокультурологической основы КДП с преобладанием в ИАЯС идиомы «русский язык». Анализ эмпирического материала, презентующего этноидентичность ИАЯС в структуре ДМП, позволяет говорить о высоком когнитивном резерве билингвизма, транслирующем «глубинный» субстрат этнической концептосферы этноса. СКЛ нуждается в развитии количественно-статистического инструментария для анализа социальных процессов в социуме и изучения лингвокультурных медиаторов ИАЯС, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, а предлагаемая типология ДМП может стать основой для будущих исследований, так как количественные параметры этнической концептосферы представлены неравномерно и требуют научных изысканий. Выявленная в работе высокая частотность функционирования «глубинных» смыслов, характеризующих этническую концептосферу ИАЯС (философский ДМП – 36% и этический ДМП – 34% в паремиях, в этическом ДМП – 24% и научном ДМП – 10% в идиомах) характеризует национальную аксиологию как когнитивный ресурс билингвальности в структуре ДМП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). URL: http://magazines.russ.ru/druєzhba/2009/12/ba12.htrml (дата обращения: 09.12.2023).

2. Бижева З.Х. Культурные концепты в адыгских языках // Проблемы развития государственных языков КБР: сб. науч. тр. Нальчик, 1996. 236 с.

3. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на русском и адыгейском языках). Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1992. 120 с.

4. Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Русско-адыгейский фразеологический словарь. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1993. 119 с.

5. Водождоков Х.Д. Русско-адыгейский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 1991 с.

6. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии. Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 749 с.

7. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 356 с.

8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Институт языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 202 с.

9. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. 538 с.

10. Мижаева М.И., Паштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии. Майкоп: Паштов З. В., 2012. 460 с.

11. Михайлов И.Ф. Когнитивные основания социальности: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01. М., 2021. 21 с.

12. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов н/Д, «Старые русские». 2005. Ч. II. 196 с.

13. Попова З.Д., Стернин И.Ф. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 226 с.

14. Постовалова В.И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении // Живодействующая связь языка и культуры: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. М.; Тула: ТГУ им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. 272 с.

15. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.

16. Хагуров А.А. Жизнь коротка, как журавлиный крик. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2011. 520 с.

17. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. 567 с.

18. Cienki, A. Frames, idealized cognitive models, and domains // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 187 p.

19. Fauconnier G. Mental spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 352 p.

20. Gardner H. The mind's new science: a history of the cognitive revolution. N. Y.: Basic Books, 1985. 512 p.

21. Harder P. Meaning in mind and society. A functional contribution to the social turn in Cognitive Linguistics. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2010. 131p.

22. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 614 p.

23. Langacker R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1990. 145 p.

УДК 008:81’25

Башкатова Юлия Алексеевна
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
Bashkatova Yulia Alekseevna
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: bashkhut@gmail.com
Петрова Ольга Александровна
Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Россия
Petrova Olga Alexandrovna
Siberian Transport University
Novosibirsk, Russia
E-mail: olga.olett@yandex.ru

КИНОДИСКУРС КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ (ЛКТ): НА ПРИМЕРЕ ЛКТ «ПЕРЕВОДЧИК»

CINEMATIC DISCOURSE AS A MEANS OF REPRESENTING LINGUOCULTURAL TYPES: THE CASE OF THE “TRANSLATOR” LCT

Аннотация. *В статье исследуется роль кинодискурса в формировании и репрезентации лингвокультурных типажей. Особое внимание уделяется лингвокультурному типажу «Переводчик», анализируются его стереотипные и конструируемые образы в кинематографе, а также механизмы их создания через языковые и неязыковые средства. Рассматриваются функции кинодискурса как инструмента трансляции и трансформации представлений о переводчиках.*

Annotation. *The article examines the role of cinematic discourse in the formation and representation of linguocultural types. Special attention is paid to the linguocultural type “Translator”; its stereotypical and constructed images in cinema are analyzed, as well as the mechanisms of their creation through linguistic and non-linguistic means. The functions of cinematic discourse as a tool for transmitting and transforming ideas about translators are considered.*

Ключевые слова: *кинодискурс, лингвокультурный типаж, переводчик, стереотип, репрезентация*

Keywords: *cinematic discourse, linguocultural type, translator, stereotype, representation*

Кинематограф, являясь одним из наиболее мощных средств массовой коммуникации, обладает значительным потенциалом в формировании и трансформации общественного сознания. Особое место в этом процессе занимают лингвокультурные типажи – устойчивые образы, отражающие определенные культурные установки, стереотипы и представления о носителях того или иного языка и культуры. Понимание того, как кинодискурс конструирует и транслирует эти типажи, позволяет глубже осмыс-

лить взаимодействие языка и культуры, а также механизмы формирования межкультурного понимания. Лингвокультурный типаж – это не просто набор индивидуальных черт, а скорее собирательный образ, воплощающий в себе социально значимые характеристики, часто основанные на стереотипах. Эти типажи формируются под влиянием культурных норм, исторических событий, а также в результате интерпретации различных артефактов культуры, к которым, безусловно, относится и кинематограф. Настоящая статья ставит своей целью проанализировать, каким образом кинодискурс функционирует как средство репрезентации лингвокультурных типажей, используя в качестве объекта исследования лингвокультурный типаж «Переводчик». Выбор данного типажа обусловлен его спецификой: переводчик как посредник между культурами, чья деятельность неразрывно связана с языком и его интерпретацией, является интересным объектом для анализа в контексте взаимодействия языка, культуры и их экранного воплощения.

Кинодискурс представляет собой сложную и многогранную систему, в которой языковые и неязыковые элементы, такие как аудиовизуальные средства, композиция кадра, актерская игра и музыкальное сопровождение, синергетически взаимодействуют, формируя целостное смысловое поле. Именно в этом комплексном взаимодействии происходит конструирование лингвокультурных типажей (ЛКТ), отражающих социокультурные представления о той или иной группе людей.

Языковые средства, являясь прямыми инструментами кинодискурса, играют ключевую роль в формировании образа персонажа. К ним относятся диалоги, монологи, закадровый текст, а также выбор лексики, грамматических конструкций, акцентов и интонаций [2]. Для ЛКТ «Переводчик» особое значение приобретают следующие аспекты:

1. Уровень владения языками: Демонстрация беглости, наличие или отсутствие акцента, допущение ошибок или, напротив, совершенное владение языками оказывают существенное влияние на восприятие персонажа, подтверждая или опровергая существующие стереотипы о переводчиках.

2. Лингвистическая компетентность: Использование профессиональной терминологии, демонстрация знания культурных реалий, умение адекватно переводить идиомы и метафоры служат маркерами профессионализма или его отсутствия, формируя впечатление о квалификации переводчика.

3. Коммуникативные стратегии: Манера поведения переводчика в различных ситуациях – формальная или неформальная, стремление облегчить понимание или акцентировать свою роль – также вносит вклад в формирование его образа, отражая его профессиональную идентичность и стиль взаимодействия с другими участниками коммуникации.

Наряду с языковыми средствами, неязыковые элементы также оказывают значительное влияние на конструирование образа переводчика в кинодискурсе:

1. Визуальная репрезентация: Одежда, прическа, манера держаться, мимика и жестикуляция формируют внешний облик переводчика, который зачастую конструируется в соответствии с культурными стереотипами,

представляя его как «интеллигентного», подчёркнуто «иностранного» или, напротив, стремящегося к «слиянию» с аудиторией.

2. Ситуативная репрезентация: Контекст, в котором действует переводчик (деловые переговоры, культурные мероприятия, личные встречи), его социальное окружение и место действия влияют на восприятие его роли и типажа, определяя его статус и сферу деятельности.

3. Сюжетные функции: Роль переводчика в развитии сюжета, его позиция как пассивного посредника, активного участника событий, источника юмора или драматических поворотов, оказывает определяющее воздействие на его типологическую принадлежность и восприятие аудиторией.

Следует отметить, что образ переводчика в кинематографе не является статичным и монолитным. Он подвержен влиянию устоявшихся культурных стереотипов, а также может быть целенаправленно сконструирован сценаристами и режиссерами для достижения определённых художественных или идеологических целей. Рассмотрим подробнее некоторые распространенные стереотипные представления о переводчиках, отраженные в кинодискурсе.

• **«Невидимый посредник»:** Переводчик, который остается в тени, выполняя свою функцию безукоризненно, но лишенный индивидуальности. Такой образ часто встречается в фильмах, где акцент делается на самих переговорах или событиях, а переводчик лишь технический элемент. Этот феномен соответствует концепции «переводчика как невидимой фигуры», описанной Л. Венути [11], в рамках теории перевода, где подчеркивается тенденция к стиранию субъектности переводчика в процессе межъязыковой коммуникации. Данный подход отражает функциональное восприятие переводческой деятельности, что может способствовать ее недооценке в профессиональном и социальном контекстах [9]. Ярким примером является фильм ***«Переводчик» (“The Interpreter”, 2005)***, где, несмотря на глубокую личную вовлеченность главной героини, второстепенные синхронные переводчики в ООН показаны как безликие голоса, лишенные индивидуальности. Их речь звучит в наушниках делегатов, но сами они остаются «невидимыми», что визуально подчеркивает их роль как технического инструмента коммуникации.

• **«Шпион / Двойной агент»:** Переводчики, использующие свое положение для получения информации, манипулирования или двойной игры. Этот образ часто встречается в шпионских триллерах, где переводчик может быть как виновником, так и жертвой интриг. В качестве примера можно привести фильм ***«Опасные секреты» (“Official Secrets”, 2019)***, где британская переводчица Кэтрин Ган, работая в Центре правительственной связи, получает секретную информацию, свидетельствующую о незаконной подготовке к войне в Ираке. Кэтрин, движимая моральными принципами и чувством ответственности, решается передать эту информацию прессе, рискуя своей карьерой и личной свободой. Её действия мотивированы не только профессиональным долгом, но и убеждением в том, что общественность имеет право знать правду. Главная героиня использует свой профессиональный доступ к секретной информации для раскрытия правды, осознанно нарушая закон о государственной тайне ради высших этических принципов и выступая как активный субъект, а

не пассивный передатчик информации. Подобный пример позволяет проанализировать, как данный стереотип используется в кинодискурсе для создания драматического напряжения и привлечения внимания к важным общественно-политическим проблемам. Этот образ согласуется с концепцией «переводчика как политического актора» [5], чьи действия влияют на геополитические процессы. Аналогичные мотивы прослеживаются в фильме ***«Сноуден» (“Snowden”, 2016)***, где технические специалисты становятся разоблачителями.

• **«Источник юмора»:** Неточности перевода, курьезные ситуации, связанные с языковыми или культурными различиями, могут быть использованы для создания комического эффекта. В этом случае переводчик становится объектом шуток, а его лингвистические ошибки – источником смеха. Ярким примером подобного обыгрывания является фильм ***«Трудности перевода» (“Lost in translation”, 2003)***, где сцена с переводчицей, вынужденной балансировать между культурными и языковыми барьерами, становится источником тонкого, но ощутимого юмора. Неловкость, возникающая при передаче тонких нюансов иностранного языка и культурных идиом, подчеркивает сложность переводческой работы и одновременно создает комичный эффект за счет несоответствия ожиданий и реальности. Подобный подход находит отражение и в популярном сериале ***«Теория большого взрыва»*** **(“*The Big Bang Theory”, 2007)**, где персонажи-ученые, обладающие высоким интеллектуальным багажом, нередко сталкиваются с коммуникационными трудностями, требующими участия переводчика. В сериале обыгрываются ошибки автоматического перевода, подчеркивая превосходство человека над алгоритмами.

• **«Культурный мост»:** Традиционный стереотип переводчика как «культурного моста» находит многочисленные воплощения в мировом кинематографе. Этот образ, восходящий к концепции «переводчика как культурного посредника» [7], предполагает активное участие специалиста не только в языковом, но и в культурном посредничестве между сторонами. В отличие от «невидимого посредника», такой персонаж часто наделяется агентностью и становится катализатором межкультурного взаимопонимания. Иллюстрацией этого стереотипа служит фильм ***«Вавилон» (“Babylon”, 2022).*** Главная тема картины – непонимание и глобализация. Режиссёр показывает, что люди живут в огромном мире, не понимают друг друга и говорят на разных языках, даже если пользуются одним. Основной посыл фильма − преодолеть разделение людей и стремиться к пониманию друг друга. В фильме ***«Семь лет в Тибете» (“Seven Years in Tibet”, 1997)*** персонаж Хайнрих Харрер, австрийский альпинист, оказавшийся в Лхасе и изначально не являясь переводчиком в традиционном смысле, по мере своего пребывания в Тибете учит местный язык и постепенно становится посредником между западным миром и тибетской культурой. Харрер, через свои отношения с юным Далай-ламой, открывает для себя и для зрителя глубинный смысл тибетского буддизма, их обычаи, их миропонимание. Его личное развитие и преодоление собственных предрассудков отражают процесс построения «культурного моста». Он не только переводит слова, но и передает ценности, объясняя нюансы жизни в изоляции, их духовные практики и глубокую мудрость. Эти примеры показывают, что «культурный

мост» – это не просто профессия, а скорее особая роль, которую может выполнять человек. Главное, что этот персонаж способен видеть дальше слов, понимать глубинные мотивы и ценности, и тем самым помогать другим людям, странам и даже цивилизациям находить точки соприкосновения и строить диалог. Однако, как предупреждает С. Берман [6], такой образ может создавать завышенные ожидания от реальных переводчиков, на которых нередко возлагают ответственность за успех или провал межкультурной коммуникации. Кроме того, как показывает анализ М. Тиможко [10], подобные репрезентации часто упрощают сложный процесс культурного посредничества.

• **«Герой -лингвист»:** В фантастических фильмах переводчик наделяется сверхспособностями к языкам как, например, в фильме ***«Прибытие» ("Arrival", 2016).*** Этот образ подчеркивает идею о том, что переводчик способен не только понимать, но и интерпретировать культурные коды, что делает его незаменимым в ситуациях, требующих глубокого понимания. Главная героиня, доктор Луиза Бэнкс, демонстрирует комплекс характеристик, которые выходят за рамки традиционных переводческих стереотипов. Она преодолевает фундаментальные лингвистические барьеры в общении с гептаподами, разрабатывая принципиально новую семиотическую систему коммуникации и проявляя способность к парадигмальному мышлению. Луиза не просто расшифровывает слова инопланетного языка, но и глубоко погружается в их способ мышления, в их мировосприятие. Она понимает, что их язык отражает совершенно иную концепцию времени и причинно-следственных связей. Через диалог и наблюдение она постепенно переводит не только их слова, но и их культуру, их философию, открывая для человечества совершенно новый взгляд на реальность.

Она применяет полевые методы лингвистики в экстремальных условиях, осуществляет междисциплинарный синтез, объединяя лингвистику, физику и математику, а также управляет межкультурным (межвидовым) диалогом на государственном уровне. Лингвистическая компетенция становится инструментом глобального спасения.

1. «Переводчик-герой»: Стереотип переводчика как героя, активно влияющего на ход событий в критических ситуациях, широко распространен в кинематографе. Фильмы ***«Переводчик» ("The Covenant", 2023) и «Русский перевод» (2006)*** иллюстрируют эту тенденцию, изображая переводчиков не просто как лингвистических посредников, а как ключевых участников, чьи действия в условиях конфликта и политических интриг зачастую спасают жизни. Их роль выходит за рамки перевода, включая понимание культурных контекстов, принятие моральных решений и, в некоторых случаях, обладание дополнительными навыками. Это соответствует исследованиям Дж. Мандей о том, что в военных конфликтах переводчики часто оказываются в роли не только лингвистов, но и стратегов, что соответствует концепции стратегов в военных конфликтах [8]. Основные черты этого стереотипа включают: действие в экстремальных условиях, принятие решений, влияющих на жизни, активное участие в сюжете и сочетание лингвистических с иными (например, тактическими) компетенциями. Однако, как отмечает А. Пим [9], такая героизация может создавать

нереалистичные ожидания от профессии, где в реальности переводчики редко оказываются в подобных драматических обстоятельствах. Тем не менее, эти образы помогают повысить видимость профессии и подчеркнуть ее значимость в критических ситуациях.

В кинематографе образ переводчика конструируется посредством различных средств выразительности, формирующих восприятие этого лингвокультурного типажа. Языковые особенности, такие как наличие акцента, речевые ошибки или использование профессиональной терминологии, намеренно акцентируются для создания определённого впечатления. Акцент может указывать на иностранное происхождение персонажа или, напротив, придавать ему экзотический оттенок. Цитаты из мировой литературы, известные фразы из фильмов или исторических событий, связанных с переводом, усиливают определённые черты типажа. Действия и реакции персонажа, его поведение в стрессовых ситуациях и взаимодействие с другими героями также играют важную роль в формировании образа. Нервозность может свидетельствовать о неуверенности, а спокойствие – о профессиональной компетентности. Контрастное изображение переводчика с другими персонажами, например, с необразованным собеседником или дипломатом, подчёркивает его интеллектуальные и профессиональные качества. Кинодискурс выполняет ряд важных функций в репрезентации ЛКТ «Переводчик». Во-первых, он транслирует и закрепляет существующие в обществе стереотипы, как позитивные, так и негативные. Во-вторых, авторская интерпретация и творческий подход способствуют созданию новых, сложных и многогранных образов, разрушающих устоявшиеся стереотипы. В-третьих, демонстрируя переводчиков в различных культурных контекстах, кино способствует лучшему пониманию роли посредника в межкультурной коммуникации и освещает сложности и нюансы этого процесса. Наконец, образ переводчика может использоваться для продвижения определённых идеологических или политических взглядов, подчёркивая, например, «дружественность» или «враждебность» культур.

В заключение следует подчеркнуть, что кинодискурс является мощным инструментом репрезентации лингвокультурных типажей. На примере ЛКТ «Переводчик» мы видим, как языковые и неязыковые средства кинематографа формируют разнообразные образы, отражающие стереотипы и авторские интерпретации. Анализ кинодискурса позволяет понять, как функционирует культурная память и как формируются общественные представления о профессиях. Изучение киноpрепрезентаций переводчиков раскрывает особенности их профессиональной деятельности и проливает свет на вопросы межкультурной коммуникации, роли языка в формировании идентичности и преодолении барьеров между народами. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на детальный анализ конкретных фильмов, сравнение репрезентаций в разных кинематографических традициях и изучение влияния этих экранных образов на реальное восприятие переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2004. 288 с.

2. Фёдорова И.К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43 (181). С. 142–149.

3. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. Москва: ИД Восточная книга, 2009. 288с. URL: https://ibooks.ru/bookshelf/27023/reading (дата обращения: 23.08.2025).

4. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: URSS, 2009. 192 с.

5. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. Routledge, 2006. 208 p.

6. Berman S. The Translator's Visibility: Scenes from the Contemporary Latin American Fiction. Bloomsbury Academic, 2021. 218 p.

7. Hatim B., & Mason, I. Discourse and the Translator. Longman, 1990. 258 p.

8. Munday J. Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making. Routledge, 2012. 208 p.

9. Pym A. On Translator Ethics: Principles for Mediation Between Cultures. John Benjamins Publishing, 2012. 189 p.

10. Tymoczko M. Enlarging Translation, Empowering Translators. St. Jerome Publishing, 2007. 360 p.

11. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. Routledge, 2008. 319 p.

УДК 811. 512.145

Бәширова Илида Басыйр кызы
Казан, Россия
Баширова Илида Басыровна
Казань, Россия
Bashirova Ilida Basirovna
Kazan, Russia
E-mail: lilvil25@mail.ru

ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕ ТАРИХЫ – АНЫҢ СТИЛЬЛӘРЕ ТАРИХЫ
(Каюм Насыйриның тууына 200 ел тулу уңаеннан)

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА – ИСТОРИЯ ЕГО СТИЛЕЙ
(К 200-летию со дня рождения Каюма Насыри)

THEORETICAL ASPECTS OF TURKIC-TATAR LITERARY LANGUAGE
(The works of Qayum Nasyri)

Аннотация. *Учитывая, что полувековая многопрофильная художественно-литературная и научная деятельность ученого-энциклопедиста и классика-просветителя Каюма Насыри, подразумевается и в аспекте формирования теории тюрко-татарского литературного языка, в данной статье ставится задача проанализировать ее в рамках теории о том, что "история татарского литературного языка – это история его стилей". Многогранное научное творче-*

ство гениального ученого Каюма Насыйри в данной статъе исследуется на основе истории функциональных стилей тюрко-татарского языка. Согласно современному пониманию, Каюм Насыри, анализируя и описывая различные аспекты общественно-политичекской жизни, выражал свои творческие идеи через семи функциональных стилей литературного языка своего времени.

Annotation. *Considering that the half-century, multidisciplinary artistic and literary activity of the scientist-encyclopedist and classic Kayum Nasyri is also implied in the aspect of the formation of the theory that "the history of the Tatar literary language is the history of its styles". The multifaceted scholarly work of the brilliant educator Qayum Nasyri is examined in this article through the lens of the history of functional styles of the Turkic-Tatar language. According to current understanding, Qayum Nasyri, by analyzing and writing about various aspects of social life, expressed his creative ideas through the 7 functional styles of the literary language of his time.*

Ключевые слова: *Каюм Насыйри, литературный язык, функциональные стили*

Keywords: *Qayum Nasyri, literary language, functional styles*

Каюм Насыйриның (1825–1902) тууына 200 ел булу уңае белән үткәрелә торган чараларга мөнәсәбәттә, әледән-әле: «Каюм Насыйри – основатель татарского литературного языка» дигән фикер кабатлана. К. Насыйриның иҗади эшчәнлеге башланган XIX гасырның уртасына кадәр, татар халкының төрки-татар язма әдәби теле җиде-сигез йөз еллар буена эзлекле кулланылышта булуы мәгълүм. Әлеге үзенчәлек гомумтюркологик хезмәттә ассызыклана. «Языки мира. Тюркские языки» дигән энциклопедик басмада, төрки гаиләнең борынгы һәм хәзерге вакытта яшәүче 39 халык теленең язмачылык тарихы V-VI, VIII–IX, X–XII йөзләрдә гомумтөрки гаиләдә башланып, XII–XIII гасырдан үз дәүләтендә язылган истәлегенең язылу датасы билгеле булганга, иске язулы телгә ия (старописьменные) халыклар дигәндә, азәрбайҗан, төрек, төрекмән, уйгур, үзбәк телләре белән рәттән, татар теле дә истә тотыла [51: 358]. Төрки-татар теленең язма истәлеге дигәндә, Кол Галинең, үз дәүләте Болгарда, сәнгатьчә нәфис образлар белән иҗат ителеп, 1233 елда тәмамланган «Кыйссаи Йосыф» поэмасы күз уңына куела. Димәк, Кол Галине, үлемсез әсәре белән, халкыбызны иске язулы телләр рәтендә раслатучы мәшһүр шәхес икәнлеген дә истә тотарга тиеш булабыз. Галимнәр белдерүенә күрә, иске язулы телләрнең әдәби нормасы формалаша, әлеге норма традиция буларак дәвам ителә, аерым дәүләт (төбәктә) яшәүчеләрнең сөйләмә тел үзенчәлекләре белән баетылуы, язма норманың төрле вариантлары белән кулланылышын барлыкка китерә [1: 533]. Әлеге юнәлештә, К. Насыйри әдәби язма телебезне нигезли дигәндә, нәрсәнең ничек итеп расланuын төгәлрәк ачыклау сорала. Тема итеп билгеләнгән «Татар әдәби теле тарихы – аның стильләре тарихы ул» дигән фикер кысасында, галимнең, язма әдәби телне сөйләмә телдән аерып карарга кирәк булуын ассызыклап, үз чоры әдәби теленең функциональ стильләрендә иҗат итүен, мәкалә кысасында тезислар рәвешендә булса да анализларга җөрьәт ителә.

К. Насыйриның кулъязмаларын өйрәнүче М. Гали туганнарына язылган хатларының сөйләмә телдә булуын белдерә [5: 127]. Классик мәгърифәтче галим, сөйләмә тел дигәндә, табигый җанлы сөйләшү баруын

Н.И. Ильминскийга язган хатында аңлата [48: 176]. Шуның белән бергә: «Мәдәниятле һәрбер адәмнең ике төрле теле булып, берсе анасыннан сөт имгән мөддәттә үгрәнгән теледер. Икенчесе, дәхи бер остазга тәгълимгә бирелгәч, гыйлем вә фән лөгатьләре белән ачылган теледер», – дип, язма телнең үзенчәлеген билгели [33: 31–32; 22: 299]. Шулай итеп, татар халкының бөек мәгърифәтчесе, Казан төрки лингвистика мәктәбенең күренекле вәкилләре булган, И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), Н.В. Крушевский (1851–1887), В.А. Богородицкийлар (1857–1941) белән бер үк вакытларда, җанлы сөйләмә телнең язуда чагылыш таба торган язма әдәби тел белән тәңгәл күренеш булмавын, «...телемездә ун төрле тауыш хәрефләре бардыр ки, ...ошбу ун тауыш хәрефләре бәрабәренә өч галәмәтебез бар дыр...», – дип, татар телендәге сузык авазлары әйтелешенең язуда дөрес чагыла алмавын исбатлый [35: 3; 22: 301]. Бу уңайдан, язма әдәби телдә, сүзләрне вазыйфаларына туры китереп, кулланырга кирәклек, ягъни татар сүзләре белән гарәп һәм фарсы алынмаларының төрле максаттан файдаланылуы күрсәтелә [34; 21: 32–33]. Әлеге нигездә, татар теле дип башланган беренче хезмәтеннән үк, теле белән бергә милләт тә, халык та татар дип атала, татар теле атамасының тарихтан килүенә ишарә ителә [29; 21: 29]. Татар атамасының тарихтан килүе дигәндә, К. Насыйриның, XVIII гасыр ахырларында, С. Хәлфин эшчәнлеге белән башланып (1778, 1785), алга таба күп сандагы авторлар тарафыннан, русларга татар телен укыту өчен, дәреслекләр язылуына нигезләнүе аңлашыла. Әлеге эшчәнлекнең мөһимлеге академик А.Н. Кононов җитәкчелегендә төзелгән хезмәттә билгеләнә: «Первым преподавателем татарского языка для русских именным указом Екатерины II был назначен казанский татарин Сагит Хальфин (приступил к преподаванию 5 октября 1769 г.) родоначальник хальфинской династии преподавателей татарского языка <...>» [19: 18]. Бу эшчәнлек XVIII гасыр урталарында Россиянең барлык төбәкләрендәге уку йортларының программаларында «татарский язык» дигән предмет куелуы белән дәвам ителә. «Кроме светских духовных заведений подготовкой специалистов по восточным языка занимались также духовные заведений. Одним из крупных центров подготовки востоковедов, и в частности тюркологов, для миссионерской деятельности, были Казанская духовная академия и семинария...», – дип, бу юнәлештә эшләүчеләрнең нинди хезмәтләр язулары күрсәтелә [19: 9-90]. Билгеле ки, русларга татар телен укыту өчен беренче басма дәреслек С. Хәлфин тарафыннан языла. «Письмо у Татар пишется от правой руки къ левой, такъ какъ и книги у них начинаются; и оно собственныхъ буквъ не имеетъ; а употребляются въ немъ Арапская, у коихъ считается дватцать девять» дип, «Азбука татарского языка...» хезмәтендә, 29 хәреф, башта кириллда язылып исеме бирелә һәм сүз башы, сүз уртасы, сүз ахырындагы язылышы белән гарәп графикасында күрсәтелә [19: 282]. Шулай итеп, гасырлар буена гарәп графикасы белән башланып, дәүләтенең атамасы белән, Болгар төркисе, Алтын Урда кыпчак төрки-татар теле, Казан ханлыгы классик иске-татар теле дип, төрки нигез истә тотылып, гасырлар буена эзлекле кулланыла торган төрки-татар теле дигән төшенчә, кирилл-рус хәрефе белән күрсәтелеп, төрки тамыры истә тотылмыйча, И. Гиганов сүзлегендә «российско-татарский» дип билгеләнгән язма телне [19: 147], Россиянең барлык төбәгендә яшәүче русларга, Әби патша хөкеме

белән укыту башлана. Татарларга рус телен өйрәтү истә тотылмый. Өйрәтүчеләр, асылда, Казандагы духовная академия һәм семинария укытучылары була. Әлеге даирәдә Каюм Насыйриның татар теле дип, ижади эшчәнлеге башлана; әмма халык үз теленең Болгар-Казан төркисе дип исемләнгән вакытлары булуын да яхшы хәтерли. Шуның белән бергә, К. Насыйри беренче хезмәтен дә үк: «Кыскача татар нәхүе. Татарча һәм урысча үгрәнүчеләргә файдалы гыйлем булсын өчен...» дип, кемгә ни өчен язуы турында махсуслап искәрмә ясый [29; 22: 289]. Ижади өйрәнү барышында: «... Татар теле мөстәкыйль бер тел булса, әлбәттә, үзенә махсус дөрес язу кагыйдәләрен аңлату да синтаксис мәсьәләләренең бер тармагы булуы үзенчәлегеннән, гаять игътибар кылыначак шәйдер», – дип, аңлатма бирә [29; 21: 29–30]. Татар телен, русларга өйрәтүчеләрнең ысул / максатыннан үзгә халәттә, аның үзенә хас кагыйдәләре белән мөстәкыйль тел булуын аңлап, махсус фән буларак тикшерергә кирәклек зарурлыгы ассызыклана. Аның төрле тармакларын, аларның кагыйдәләрен ислах кылып аңлатырга кирәклекне исбатлау юнәлешендә ижат итә. XX гасыр башында, галимнең ижаты турында сүз әйтүчеләр аның татар теле дигән атамасын хуплап, яратып кабул итә. Ф. Әмирхан: «...иң әүвәл татарларга үзләренең бер телләре бар икәнен белдертер өчен, "Ләһҗәи татари" вә "Фәвакиһел җөләса" тәэлиф итүче вә ул ук, иң әүвәл, әсәрләрен татарча яза башап, һәр язу таныган кеше истифадә итәрлек тарызда ясаучы...» дип, куанычын белдерә [2: 67–73]. Ж. Вәлиди: «Каюм әфәндегә кадәр татар теле дигән бер тел йук иде. Телемезне иң әүвәл бер телгә хисаблаб аның да кагыйдәсе барлыгын, башка телләрдән ким булмавын вә хәттә артыклылары булуын дәгъва вә исбат итүче улдыр», – дип, галимнең ижаты өйрәнелгәндә, аның бу үзенчәлегенә игътибар ителергә тиешлеген билгели [4: 61]. Чыннан да, галимнең эшчәнлеген, ижтимагый-сәяси вәзгыятькә нигезләп тикшерү барганда, Г. Ибраһимовка хас булганча, бер мәкаләдә кистереп әйтелгән фикер, икенче мәртәбә тагын да киңәйтеп дәвам ителүе күренә [16: 220–222.]. К. Насыйри хезмәтләрен рус мөстәшәркъләре (востоковеды) төзегән сарыф китаплары белән чагыштырып аңлата: «Боларның һичберендә татар теленең үзенә махсус хасыятләре бөтенләй юк <...>. Боларны татар теленең сарфы һәм нәхүе дип атарга һичбер юл юк <...>. 1895 елда К. Насыйриның "Әнмүзәҗ"е чыга. Хәзерге көндә санлары егермегә якынлашкан сарыф һәм нәхү китапларының башы, бисмилласы – Каюм әфәнденең шул китабыдыр» [17: 110–111]. Әдип әсәрләренең 8 нче томын төзүче Ф. Фәсиев тарафыннан бу фикергә искәрмә ясала [17: 377–378]. Г. Ибраһимов үзенең фикерләрен йомгаклап бирергә кирәк дип саный [18: 483–484]. Телче галим Л. Җәләйнең «Татарларда мәгърифәтчелек хәрәкәте һәм Каюм Насыйри» дигән мәкаләсе басыла [12; 22: 311]. Шул ук рухта Х. Курбатовның мәкаләсе языла [20; 22: 310]. Әлеге юнәлештәге тикшерү әдәбиятчы галим М. Гайнуллин тарафыннан колачлы булып үстерелеп дәвам ителә [6: 127–171; 7: 258–273]. XXI гасыр башында, академик М.З. Зәкиев, югарыда әйтелгән фикерләргә нигезләнеп: «Здесь необходимо особо осветить деятельность Каюма Насырова по разработке норм татарского национального литературного языка. В историю татарского народа он вошел как основоположник татарского национального литературного языка», – дип белдерә. Әмма, фикер дәвам ителә: «Как известно, литературный язык состоит из

множества стилей. Полное формироване национального литературного языка происходит лишь тогда, когда все стили его основываются на общенародных нормах» [14: 29, 31]. Димәк, «Әдәби телнең тарихы – аның стильләре тарихы ул» дип, тикшерү барганда, бу мәсьәләнең мөһимлеген истә тотып, өйрәнүне дәвам итәргә кирәк булу аңлашыла. Стиль, стилистика дип сүз башлаганда, әлеге фән тармагына нигез салучы, татар тел белеменең беренче фән докторы, танылган педагог-остаз Л. Җәләй (1894–1966) хезмәтләренә мөрәҗәгать итү объектив дөреслеккә туры килә [3]. Галимнең беренче мәкаләләрендә: а) стиль – ул бер әдәбият,телгә караган нәрсә генә түгел, б) стиль – ул сыйныфның яшәү, көрәш, үз интересларын яклауда кулланылган алым үзенчәлекләреннән тора", – дип аңлатыла [8]. Әлеге юнәлештәге гамәли эшчәнлекнең, ягъни хосусый текстны язма сөйләм күренеше буларак ничек тикшерелергә кирәклек мәсьәләләре «Практик стилистика алдында торган төп бурычлар» дигән мәкаләдә яктыртыла [9]. «Тукай телендә фигыльләр» дигән күләмле язмада дәвам ителә [10]. Л. Җәләй озак еллар Казан дәүләт университетында «Татар диалектологиясе», «Татар теленең тарихи грамматикасы», «Татар әдәби теле тарихы» курслары буенча лекцияләр укый, имтиханнар ала. Мин дә Җәләй аганың 1958-1959 нчы еллардагы лекцияләрен тыңлаучы бәхетлеләрнең берсе булганмын икән. «Әдәби телнең гомумхалык теленнән аермасы – стиль булуда, ул стильләр тарихы» дигән теманы, Л. Җәләй «Татар теленең стильләре тарихы» дигән махсус курс буларак укыта: «Формалашып җиткән әдәби тел биш стильгә бүленә, аларның һәрберсенең тарихы бар: 1) сәнгатьчә әдәбият стиле, 2) фәнни һәм фәнни-популяр әдәбият стиле (гыйльми әсәрләр теле стиле), 3) публицистик (иҗтимагый-политик темалага караган) әдәбият стиле, 4) йомышлы әдәбият стиле, 5) хатлар язу стиле», – дип, бу стильләрне, хосусыйлап тикшерү максат итеп алына. Лекциядә һәр стильнең, әдәби язма сөйләм күренеше буларак, ягъни язма текстлары нигезендә, үзләренә хас табигате, вазыйфасы, терминнары, тарихи үсеш-үзгәреше күзаллана [11]. Шулай итеп, XX йөз урталарында, татар әдәби теле тарихын барлыкка китерә торган функциональ стильләре дигәндә, аның биш төрдә кулланылышта булуы билгеләнә; теория буларак хәзер дә истә тотылуы мәгълүм. Әлеге стильләрне, К. Насыйри иҗатына мөнәсәбәттә, академик Э.Р. Тенишев билгеләгәнчә, әдәби телнең табигатенә хас булган төп биш үзенчәлекнең берсе дип санала торган функциональ-стилистик вариантлылыгына ия булу үзенчәлегенә нигезләп аңлату дөрес дип кабул ителә [49: 67]. Темабызга туры китереп, К. Насыйриның үз чоры язма әдәби телен, функциональ-стилистик вариантлылыкта ничек файдалануын күзаллау максатыннан, авторның мәгълүм хезмәтләрен [21, 22: 289–303] аерым стильләргә нисбәтләп күрсәтергә җөрьәт итәбез. Беренчедән, сәнгатьчә әдәбият стиле дигәндә, К. Насыйри төрек телендә [23], гарәп телендә [24, 25, 26, 27, 28] иҗат ителгән әдәби әсәрләрне, аң / фикерендә эстетик кабул итеп, олуг мәгърифәтче буларак, татар укучысы үз телендә укып аңласын дигән максат белән, татар теленең нәфис сүз-сурәтләре белән «<...> илебездәге ислам кешеләре теленә тәрҗемә ителеп» укучы хозурына тапшыра. Олуг галим М. Гайнуллин тарафыннан җентекләп тикшерелә [7: 150–159; 8: 268–270]. Бу урында, күрсәтелгән әсәрләрне әдәби тел тарихы юнәлешендә караганда, Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» поэмасыннан башлап,

әдәби әсәрне укучыга икенчел текст буларак җиткерү ысулының, К. Насыйри иҗатында да яратып дәвам ителүенә игътибар юнәлтәбез. Икенчедән, энциклопедик белемле галим, иҗтимагый тормышны алып бару өчен мөһим булган мәсьәләләрне фәнни яктан тикшерү зарурлыгын аңлый. Бу стильдә «<...> урысча үгрәнүче мөселман егетләре өчен вә һәм татарча үгрәнүче урыс егетләре өчен <...>» – дип башланган юнәлештәге өйрәтү максаты [29], телнең төрле тармакларында дәвам ителеп берләшүе күренә [30; 31; 32]. Максатына ярашлы рәвештә: «<...> бер хосус өчен, рус кешесе белән мөкяләмәгә җитәрлек микъдар белмәк белән хасил булыр», – дип, «русча үгрәнүчеләргә бераз нәсыйхәт» бирелә [30: 34–35]. Шуның белән бергә, «<...> хосусан рус телен укытканда, үз телебезнең кагыйдәсен бәян кылгучы бер китапка мохтаҗ буладыр идем, әгәр берәү үз теленең кагыйдәләрен белмәсә, аңар гайре телне үгрәнү гаять мөшкилдер» [35: 3], «<...> безнең үзебездә тел үгрәнмәк һөнәре моңарчы юк иде», дип, татарларга үз телләрен фәнни нигездә өйрәтү юнәлешендә эшчәнлек башлана [33; 34; 35]. Алга таба, бу юнәлештәге эшчәнлек: «Һәр телнең кагыйдәсе бардыр. Гыйльме хисап, гыйльме җәгърәфия, гыйльме һәндәсә вә табигыять гыйльме риязиятнең (математика) шөгъбәләредер (бүлек). Боларны күрмәгән адәм – адәм булмыйдыр. Адәмне егетләндерә торган фәннәрдер. Һәркайсыннан балаларыгызга бераз-бераз белдермәк лязем иде», – дип [2: 46], иҗтимагый тормышны алып баруда мөһим булган әлеге төгәл фәннәрне тикшергән хезмәтләре басыла [36; 37; 38; 39; 40; 41] һ. б. Гадәти сүзнең истыйлях вазыйфасына «күтәрелүен» автор төрле фәннәрдә төрле ысул белән тормышка ашыра. «Хисаплык» мәсьәләләренең кагыйдәләрен аңлату барышында, татар теленең сүзе алгы планга куела [22: 293; 87–88; 37]. Фәнни стильдә язылган «Тәварихе Казан» хезмәте теленең, төгәл фәннәрне өйрәнеп язылган хезмәтләрдән аерылу үзенчәлеген, К. Насыйри үзе аңлата [21: 69]. Димәк, фәнни стиль дигәндә, жанрына карап, әдәби телнең төрле мөмкинлеге файдаланылуын истә тотарга кирәк була. Өченчедән, К. Насыйри, «Казан халкына мөрәҗәгәте» дигән, сәнгатьчә ялкынлы публицистик (иҗтимагый-сәяси темаларга караган) әдәбият стилендә, тыңлаучыларга эндәшеп, хис-кичерешләре белән «мин» дип үз исеменнән, әлхитабес-салис бүлегендә яза: «Үзегез хәер, балаларыгыз утын, сез бала тәрбия кыла белмисез <...>. Балаларыгызның бары анасыннан имчәк имгәндә үгрәнгән телләре бар <...>. Мәгърифәт иясе бер адәмгә тапшырып тәрбия кыйлдыра алмыйсыз». Әлеге фикер әлхитабер-рабигъ бүлегендә һәм башка бүлекләрдә дәвам ителә [21: 39–48]. Шуның белән бергә, К. Насыйри, әдәби тел тарихында эзлекле булып килә торган ысулны, ягъни башка стильләрнең текстларында да, авторның мөнәсәбәте ачыктан-ачык белдерелган публицистик рухтагы өзекләр белән фикерен тәгаенләве мәгълүм [40; 22: 72; 39; 22: 299]. Димәк, публицистик әдәбият стиленә берләшә торган ялкынлы язмаларын барлап, берәштереп, хосусый функциональ стиль, тоташ язма сөйләм, үзенчәлекле текст буларак өйрәнүне көтә. Дүртенчедән, «Казан шәһәрендә икамәт итүче гыйззәтле мөэмин вә мөселман кардәшләргә игълан кыламын шул хосуста кем, бу Россия мәмләкәтендә торып, русча белмәк дөнья могамәләсе өчен гаять зарур вә мөһим эштер <...>» – дип, йомышлы (эш кәгазьләре) әдәбият стилендә «Игъланнамә» басыла [21: 57]. Бу юнәлештә, галимнең төрле хезмәтләре бергә тупланган

«Игъланәт» дәфтәре дә истә тотыла [22: 302]. Бу урында, Календарьларда басыла торган йомышлы эш-гамәлләренә нисбәтле белдерүләргә игътибар итәргә кирәк була.

Бишенче стиль дигәндә, хатлар язу стиле истә тотыла, профессор М. Гайнуллин хезмәтендә мисаллар белән аңлатыла [21: 24–25], професор В. Хаков хезмәтендә тарихи нигездә өйрәнү барганда, К. Насыйри эшчәнлегенә дә мөнәсәбәт белдерелә: «Мәктүп һәм хат сүзләре элегрәк үзара синоним булып йөриләр. К. Насыйри мәктүп сүзен киң мәгънәдә язу, эш кәгазьләре төшенчәсендә дә куллана [49: 280, 287]. К. Насыйри үзенең "Әбүгалисина кыйссасы"нда патшалар арасында язылган хатта, рәсми-тантаналы яңгыраш тудыру өчен, югары стиль үзенчәлекләреннән файдалана», – дигәндә, «Олуг мәртәбәле падишаһ...» дип башлана торган хатның тексты бирелә [49: 291–292]. Димәк, галимнең төрле кешеләргә, төрле максат белән язылган эшчәнлеген дә барлап, хосусый функциональ стиль, үзенчәлекле язма текст буларак, махсуслап тикшерәсе барлыгы күренә.

Алтынчы һәм җиденче стильләр дигәндә, Л. Җәләй тарафыннан күрсәтелә алмаган, «Шәҗәрәи мөбәракән пәйгамбәр» [42; 22: 289], «Гакаид рисаләсе» [43; 22: 290], «Мохтәсар тәварих әнбия...» [44; 22: 296], «Утыз вәгазь..» [45; 22: 297], «Әхлак рисаләсе» [46; 22: 298], «Тәрбия китабы» [47; 22: 299] кебек әсәрләре истә тотыла. «Бисмиллаһи-р рахмани-р-рахим» аяте белән башланган «Гакаид рисаләсе» болай дип аңлатыла: «Мәгълүм булсын, галимләр вә имамлар әйтмешләрдер һәр мөэмин вә мөселманга өч төрле гыйлемлекне үзенең халенә кирәк кадәр үгрәнмәк фарыз гыйнадыр (байлык), кирәк язу танымаса да галимләрдән тел белән сорашыб үгрәнмәк фарыздыр димешләр. <...> әүвәл, Гакаид гыйлемедер, ягъни иманны вә инти кадны (җитешсезлекне күрсәтү) төзек кыйлмак гыйлемедер. Икенче, фарызларны, ижабларны (уңай ризалыкны белдерү), хәрамны вә хәлялне айыра белмәк гыйлемедер. Өченче, калеб гыйлемедер, ягъни ниятне яхшы кыйлмак, йауыз холыклардан вә йауыз сагышлардан сакланмак, изге холыкларны тотмак бәянында булган гыйлемлекдер» [43: 2–3]. Галимнең бу юнәлештәге эшчәнлеге, XX гасыр ахырларына кадәр, иҗтимагый-сәяси таләпләр кысасында бәяләнә. Олуг галим М. Гайнуллин профессор Григорьевның: «Казан университетында алган гыйлеме Каюм Насыйрины исламга битараф карарлык югары дәрәҗәгә күтәргән. Ул бу яктан безнең Россия мөселманнары арасында беренче кеше», – дип бәяләгән фикерен кабатлый [7: 131; 8: 259–260]. Әлеге фикерләргә мөнәсәбәт белдерү уңаенда, К. Насыйриның «Гәрчә указный булмаса да, тирә-якта Насыйр мулла дип мәшһүр» гаиләдә тәрбияләнеп үсүенә игътибар итү сорала. К. Насыйри иҗаты өйрәнелү уңаенда, татар әдәби теле тарихында, гасырлар буена дәвам ителә торган Илаһият тәгълиматы традициясенең эзлекле рәвештә дәвам ителүе аңлашыла. Менә «Кырык вәзир» кыйссасында: «Ушбу гыйбрәтнамә хикәятләрне тәрҗемә кыйлып интишарына сәбәп булудан максудым, мөтәрҗимнең хәер-дога белән яд кылынмагыдыр», – дип, XIII йөздән, татар сәнгатьчә әсәрләрен тәмамлаганда, укучылардан хәер-дога өмет итү ысулы файдаланыла [6: 250]. Менә «Әбүгалисина кыйссасы»: «Бисмиллаһи-р рахманир-рахим. Әл-хәм дүлиллаһи рабби-л -галәмин вә-л-салават вә-л-сәлам галәә хәйр хилкаһу Мөхәммәд вә сәхаба әҗмәгыйн» дип, башлана һәм «Әл халь тәвәккел галә Аллаһ, тәрҗемәсенә шөруг кыйлдым.

Әл фәкыйрь Габделкаюм бине мөллә Габденнасыйр», дип, махсус ассызыклый [24: 2]. «Кырык бакча» хикәятләрендә Аллаһы Тәгалә төшенчәсе актив файдаланыла [22: 272] h. б. Бу төрдәге өзекләрне дәвам итәргә мөмкин [22: 95], димәк, «Каюм Насыйриның исламга битараф карарлык дәрәҗәгә күтәрелүе»нең бик үк югары булмавы аңлашыла. XX гасырның ахырларында әлеге юнәлештәге эшчәнлекне объектив нигездә тикшерү мөмкинлеге гамәлгә куелгач, галимнең «Утыз вәгазь» әсәрен, гарәп теле белгече Ж.Г. Зәйнуллин тәфсилләп анализлый [13: 47–49]. К. Насыйри иҗатында дини юнәлештәге эшчәнлекнең мөһимлеген, Айдар Хәйретдинов галимнең мәкаләсен тәрҗемә итеп тикшерү барышында һәм үзенең мәкаләсендә, фәнни-объектив дәрәҗәдә җентекләп аңлата. Галимнең дини юнәлештәге эшчәнлеге анализлангач, нәтиҗә ясала: «Как видим, работая в религиозной тематике, учёный выступал как в роли богослова – знатока ислама, так и прогрессивного мыс лителя, знакомящего своих читателей с высокими этическими и гуманис тическими ценностями ислама, показывая его как учение, обращённое к высокому разуму, мысительным способностям и духовным потенциям человека. Сказанное верно как для трудов учёного по исламскому богословию, так и для его религиозно-художественных произведений, посвящённых проблемам воспитания, этики и реабилитации свободы разума. Даже художественно-литературные произведения Каюма Насыри, полностью посвящённые воспеванию высокой роли разума и свободомыслия, тем не менее, выстроены на идейно-содержательной основе постулатов Корана и духовно-нравственных канонов ислама», – дип, ассызыклана [50]. Гомумиләштерелеп әйтелгән әлеге актуаль фикерне, стильләр дип тикшерү барганда: а) «учёный выступал как в роли богослова», ягъни Сәнгатьчә Илаһи / Рухани әдәбият стилендә; б) «<...> так и для его религиозно-художественных произведений, посвящённых проблемам воспитания, этики и реабилитации свободы разума», ягъни Сәнгатьчә Илаһи / Рухани / Инсани әдәбият стилендә дип, ике стильгә нисбәтләп карарга мөмкин булуы аңлашыла. Сәнгатьчә Илаһи, Рухани / Инсани әдәбият стилендә, «Бисмиллаһир-рахманир-рахим, әмма бисмиллаһу хәмед вә салават соңында ошбу “Әхлак рисаләсе” балаларга явыз холыктан сакланып, изге холык белән холыкланмак өчен, ата-ана нәсыйхәте мәнзилендә нәсыйхәтдер», – дип башлана торган хезмәте истә тотыла. Дини гыйлемле булу белән бергә, әхлаклы да булырга кирәклекне, Аллаһы хөкеменә нигезләнеп, баласына ата-ана үзе өйрәтергә тиешлек күз уңына куела. Димәк, бу очракта, Илаһият тәгълиматын, баланың ата-анасы нәсыйхәте рәвешендә, ягъни Аллаһы Тәгалә хөкеме, аерым зат / инсанның эшчәнлеге буларак тормышка ашырылу максаты билгеләнә һәм Сәнгатьчә Илаһи / Рухани / Инсани әдәбият стилендә тасвирлау башлана: «Гәрчә тәмам кагыйдә белән булмаса да, хәрефләрне дикъкать белән дөрес куйдырмак тиеш. Игътибарсыз, аннан моннан сызгаламак язуны вә хәрефләрне тәхфиф кылу (кимсетү) булмас микән, чөнки безнең язу хәреф ләремез Коръән сүзендәге хәрефләрдер, ригая кылмак (хөрмәтләү) тиеш <...>». Шул ук рисаләнең «Гыйлем вә наданлык» дигән өлешендә, гыйлемле булу дигәндә, дөрес ниятләү, уку һәм язу мәсьәләләре истә тотылып: «И газиз бала! Агяһ бул, адәмгә иң әүвәл бигрәк кирәк вә бигрәк лазем нәрсә-гыйлемдер<...>. Илаһи ният кыйлдым гыйлем үгрәнмәккә, белмәгәнемне белмәк өчен вә

белмәгәннәргә үгрәтмәк өчен вә шәригатьне тергезмәк өчен вә дин ислам-ны бакый кылмак өчен дип, ният итеп гыйлем үгрәнмәгә иҗтиһад кыла күр», – дип, баланың үзе тырышырга тиешлегенә өстенлек бирелә, ягъни «Әхлак рисаләсе»нең Сәнгатьчә Илаһи / Рухани / Инсани әдәбият стилендә язылуы мәгълүм була. Хезмәттәге төп фикерләре галимнең: «Балаларны тәрбия кыйлмак вә тәрбия итмәк дигән сүз фәкать ашатып-эчертеп үстермәк мәгънәсендә генә түгелдер, бәлки ашатып-эчертеп үстермәк, вә баланың холкын, фигылен ислах кыйлмак вә төзәтмәк, вә, хайванидан чыгарып, инсаният дәрәҗәсенә китермәк, вә тәгълим бирмәк, вә үгрәтмәк, вә укытмак, вә әдәбе әркян (нигез) бирмәк мәгънәсендәдер. Ошбу рисаләдә зикер кыйлыначак хикәятләр, вәгазьләр вә нәсыйхәтләр һәммәсе, вә бу рисаләнең һәрбер кәлимәсе – бер тәрбиядер, шул җәһәттән “Тәрбия китабы” дип ат бирдек», – дип, 112 бүлекчәле «Китаб-әт-тәрбия» дә, Аллаһы Тәгаләнең хөкеме, аксакаллардан, Локман хәким, падишаһлардан, Искәндәр Руми, шәехләрдән, олуглардан нәсыйхәт бирелә [22: 128–151]. Димәк, «Китаб-әт-тәрбия» әсәренең дә, Сәнгатьчә Илаһи / Рухани / Инсани әдәбият стилендә язылуы аңлашыла. Шулай итеп, К. Насыйри, катлаулы ижади эшчәнлеге белән, үз чоры әдәби телнең 7 (җиде) функциональ стилендә формалашуын исбат итә була. Илаһият тәгълиматы традициясе автор аңында эстетик кабул ителгән дөньяви чынбарлыкны Сәнгатьчә Илаһи / Рухани / Инсани әдәбият стилендә сәнгатьчә тасвирлануы нигезендә дәвам ителү белән бер үк вакытта, гакылга, фәнгә таянып, аерым фән тармагы өйрәнелеп язылган хезмәтләренең, үзләренә хас «тел»е булырга тиешлеге, ягъни гарәп телендәге истыйляхлар, татарча тәрҗемә ителеп, татар укучысы хозурына җиткерелә. Димәк, К. Насыйри – «основатель татарского литературного языка» дигәндә, энциклопедик галим, классик мәгърифәтче-педагог, колачлы ижади эшчәнлегендә, һәркайсының үзенә хас табигате һәм вазыйфасы булган җиде функциональ стильгә бүленү мөмкинлеген раслап, шул стильләрнең кулланылышы белән, үз чорындагы татар язма әдәби теленең, формалашуын билгели була. Бу юнәлештә, К. Насыйриның ижади эшчәнлегендәге әдәби телнең, XX гасыр уртасындагы әдәби телдән, үзенең кулланылу даирәсе ягыннан да, тел сурәтләү чараларын файдаланылуы ягыннан да күләмлерәк-колачлырак булуы ачык күренә. Алга таба, әлеге әсәрләрне, функциональ стиль, хосусый язма сөйләм,үзенчәлекле текст дип өйрәнү барганда, гомумтелнең сөйләм төзелеше тикшерелә торган синтаксис тармагына нигезләнеп, текст синтаксисы / синтаксик стилистика фәне категорияләре таләбе белән, һәр текстның тема / идеясе, кереш / башламы, теманың мәгънәви үзәге булган композиция төзелеше, сүз һәм сурәтләү чаралары сайланышы белән авторның мөнәсәбәте белдерелүенә, бетем / йомгаклауда тәмамлану үзенчәлегенә игътибар итәргә кирәк булуы күренә [15: 5–12; 450–466]. Иншалла, бу юнәлешне яшь галимнәребез дәвам итәрләр дигән өметтә калабыз.

ӘДӘБИЯТ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 1969. 606 с.

2. Әмирхан Ф. Әдәбиятка гаед // Әсәрләр: Дүрт томда. 4 т.: Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. Б. 67–73.

3. Бәширова И. Латыйф Җәләй – остаз, олуг педагог // Мәдәни җомга. 2025. № 13, 14, 15.

4. Вәлиди Ж. Әдәби тел барышы: беренче җөзьә. Оренбург: Вакыть, 1912. 122 б.

5. Гали М. К. Насыйриның кульязма мирасы // Каюм Насыйри. 1825–1945 (Тууына 120 ел тулуга башышланган гыйльми сессия материаллары). Казан, 1948. 127 б.

6. Гайнуллин М. Каюм Насыйри // Татар әдәбияты XIX йөз. Югары уку йортлары өчен. Казан: Таткнигоиздат, Укыту-педагогик әдәбият редакциясе, 1957. Б. 127–171.

7. Гайнуллин М. Каюм Насыйри // Татар әдәбияты тарихы: алты томда. 2 т. XIX йөз татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр, 1985. Б. 258–273.

8. Җәләй Л. Стилистика һәм әсәрнең композициясе.Тәрҗемәчеләр белән уку өчен бер курс. 1934. 36 б.; Стилистика һәм гомуми тел белеме буенча язмалар. 1935. 38 б. // ИЯЛИ. Мирасханә. Ф. 29, оп. 1, ед. хр. 4.

9. Җәләй Л. Практик стилистика алдында торган бурычлар // Мәгариф. 1935. № 11.

10. Җәләй Л. Тукай телендә фигыльләр // Совет әдәбияты. 1938. № 3, 4, 5.

11. Җәләй Л. Лекция. Кулъязма (1958–1959). Шәхси архивта саклана.

12. Җәләй Л. Татарларда мәгърифәтчелек хәрәкәте һәм Каюм Насыйри // Совет әдәбияты. 1945. № 2. Б. 37–44.

13. Зәйнуллин Ж.Г. XVIII йөз – XX йөз башында татар рухани әдәбияты (Коръән тәфсирләре, хәдисләр һ. б. чыганаклар. Тәрҗемә принциплары һәм тел үзенчәлекләре). Казан: Мәгариф, 1998. 207 б.

14. Закиев М.З. Каюм Насыри // Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М.З. Закиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 424 с.

15. Зәкиев М.З. Кереш. Сөйләм төзелеше системасы турындагы фән буларак синтаксис // Татар грамматикасы: өч томда. Т. 3. М.: Инсан; Казан: Фикер. Б. 5–12, 450–466.

16. Ибраһимов Г. Яңа татар әдәби теленең беренче баскычларында // Әсәрләр: сигез томда. 8 т. Төрки һәм татар тел белме буенча хезмәтләр (1910–1930) // Казан: Татар. кит. нәшр. 1987.

17. Ибраһимов Г. Татар телен тикшерү юлында (татар сарыфлары // Әсәрләр: сигез томда. Т. 8. Төрки һәм татар тел белме буенча хезмәтләр (1910–1930). Казан: Татар. кит. нәшр. 1987.

18. Ибраһимов Г. Каюм бабаның йөз еллыгы (1825–1925) // Әсәрләр: сигез томда. Т. 5. Казан: Татар. кит. нәшр.1978. 615 б.

19. Кононов А.Н. Из истории изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период // Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М.: Гл. ред. вост. лит., 1974. С. 9–90.

20. Кукляшев С. Татарская хрестоматия. Казань: Тип. Ун-та, 1859. 164 с.

21. Курбатов Х.Р. Атаклы галим, педагог һәм мәгърифәтче // Яшь сталинчы. 1955. 16 февр.

22. Насыйри К. Сайланма әсәрләр: ике томда. 1 т. Казан: Татар. кит. нәшр, 1974.

23. Насыйри К. Сайланма әсәрләр: ике томда. 2 т. Библиографик белешмә, революциягә кадәр басылып чыккан хезмәтләре. Казан: Татар. кит. нәшр, 1975. Б. 289–303.

24. Насыйри К. Кырык вәзир кыйссасы (1 басма). Казан: Ун-т тип., 1868. 163 б.

25. Насыйри К. «Әбүгалисина кыйссасы» димәклә мәшһүр тәхәйелнең тәрҗемәсе. Габделкаюм мелла Габделнасыйр углының тәрҗемәт вә таснифәтеннәндер (1 басма). Казан: Ун-т тип., 1881. 112 б.

26. Насыйри К. Кырык бакча. Мөстәтәруф сүзләре вә һәм галәмәи Зәмәхшариның рауза сы ыслубы вазәрә бакча тәсмия кыйлынды. Габделкаюм мелла Габделнасыйр углының мәҗмугасыннан. Казан: Перов литогр., 1880. 58 б.

27. Насыйри К. Җәваһирел хикәят вә әл-әсилә вә ләтаиф әр-риваять вә әл-әмсалә. Тәр җемәт мин китаби әнис әл-җәлис әл-имам әс-Сөети Рәхмәтулла. Мин мөәлләфат Габдел каюм ибн мелла Габделнасыйр әш-Шырдани. Казан: Ун-т тип., 1884. 139 б.

28. Насыйри К. Әфсәнаи Гөлрөх вә Камәржан.Чин падишаһының кызы Гөлрөх белән Хорезм шаһ углы Камәржанның мажарасыдыр ки... Казан: Ун-т тип., 1896. 54 б.

29. Насыйри К. Кыскача татар нәхүе. Татарча һәм урысча үгрәнүчеләргә файдалы гыйлем булсын өчен нәхү кагыйдәләрен бәян кыйлудан башка фәкать мисаллар үзәринә ихтисар кыйлынды. Казан: Ун-т тип., 1860. 77 б.

30. Насыйри К. Татарча-урысча лөгать китабы. Казан: Ун-т тип., Фәтхулла Хәмидулла Амашев нәшере, 1878. 120 б.

31. Насыйри К. Кавагыйде кыйраәт русия мәҗмугасы. Илле сабактыр, Ибтидан русча укырга үгрәтүче китапдыр. Әсәр Габделкаюм ән-Насыйри. Казан: Ун-т тип., 1889. 24 б.

32. Насыйри К. Рус хөрүф һиҗасе вазәрә мөрәттип лөгать китабы. Казан: Ун-т тип., 1892. 264 б.

33. Насыйри К. Кавагыйде китабәте, ягъни тасниф вә имля кагыйдәләрен бәян кыйлучы бер яңа фәндер. Габделкаюм Габделнасыйр углының истихрәтендин. Казан: Ун-т тип., 1892, 24 б.

34. Насыйри К. Ләһҗәи татари, татар телендә мәүҗүд булган әл-лөгать. Әүвәл җилд. Казан: Ун-т тип., 1895. 226 б.; Җилд сани. Казан: Ун-т тип., 1896. 106 б.

35. Насыйри К. Әнмүзәҗ. Казан: Ун-т тип., 1895, 87 б.; Казан, 1975. 208 с.

36. Насыйри К. Буш вакыт.– Казан: Казан: Ун-т тип., 1860. 12 б.; 1868. 87 б.

37. Насыйри К. Хисаплык, ягъни гыйлем хисап кагыйдәләре яки арифметика вә һәм хисаплык мәсъәләләре. Әүвәл мәртәбә(басыла) Габделкаюм Габделнасыйр углының таснифедер. Казан: Ун-т тип., 1873. 52 б.

38. Ысулы җәгърәфия кәбир. Азия кыйтгасы. Габделкаюм Габделнасыйр углының таснифләреннәндер. Казан: Ун-т тип., 1894. 206 б.

39. Насыйри К. Гөлзар вә чәмәнзар, ягъни үләнлек вә чәчәклек. Хавассы нәбатат бәянында бер китаптыр ки мәмләкәтемездә ике әҗзаханә сахиблары тасниф кыйлынмышдыр. Андан без тәрҗемә кыйлып интишарына сәгый кыйлдык Габделкаюм Габделнасыйр углы ән-Насыйри. Ошбу китапта мәзкүрың нәбататның русча вә һәм татарча исемнәре тәрҗемә кыйлынып 1887 елгы календарьда басылмыш иде. Казан: Ун-т тип., 1894. 112 б.

40. Насыйри К. Мәнафигъ әгъза вә кануны сыйххәт. Казан: Ун-т тип., 1893. 31 б.

41. Санаигъ голфания. Бер яңа фәндер ки, мәгъдәндән мәгъмуль нәрсәләрне шәһед тәрикъчә алтынламак, көмешләмәк вә кургашламак кебек гамәлләрне бәян кыйлыр. Габделкаюм Габделнасыйр углының әсар ижтиһадияләреннән. Казан: Ун-т тип., 1900. 29 б.

42. Насыйри К. Шәҗәрәи мөбәракән пәйгамбәр / К. Насыйри нәшере. 1860, 1 табак, басма табылмады.

43. Насыйри К. Гакаид рисаләсе. Габделкаюм мелла Габденнасыйр углының мөэлли фатеннәндер. Өченче мәртәбә басыла. Казан: Ун-т тип., 1896.

44. Насыйри К. Мохтәсар тәварих әнбия... Тәварих фәнендин гаять кирәкле вә әһле исламдан һәркемгә белмәкле лязим булган тәварих әҗмалыдыр. Ибтидаи тәварих фәнендин балаларга укытыр өчен тасниф кыйлынды могтәбәр тәварихи китаплардан / Бу китапны тасниф кыйлды Гаделкаюм Габденнасыйр углы. Казан: Ун-т тип., 1884. 78 б.

45. Насыйри К. Утыз вәгазь... Казан: Ун-т тип., Насыйри басмасы, 1888. 180 б.

46. Насыйри К. Әхлак рисаләсе. Казан: Ун-т тип., 1881. 32 б.

47. Насыйри К. Тәрбия китабы. Габделкаюм мелла Габденнасыйр углының таснифәтедер. Казан: Ун-т тип., 1891. 32 б.

48. Насыйри К. Мәҗмәгыль әхбар. Габделкаюм Габделнасыйр углы җәмигъ вә тәртип кыйлдым... Казан: Ун-т тип., 1895. 176 б.

49. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков // Советская тюркология. 1988. № 3. С. 67–78.

50. Хайрутдинов А.Г. Мифтах аль-кур’ан Каюма Насыри Ислам в современном мире. URL: https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/download/256/198

51. Языки мира: Тюркские языки. Бишкек, 1997. 544 с/

УДК 81`27

Биткеева Айса Николаевна
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
Москва, Россия
Bitkeeva Aysa Nikolaevna,
Gorky Institute of World Literature of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЯЗЫК И КУЛЬТУРУ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ

METHODOLOGY OF ASSESSMENT OF SOCIAL IMPACT ON LANGUAGE AND CULTURE: THE CASE OF NORTHERN CITY

Аннотация. *Статья представляет методику оценки социального воздействия на язык и культуру, основанная на подходах социолингвистики. Инструментарий позволяет детально рассмотреть соотнесенность социокультурных факторов, являющихся ключевыми в формировании облика города – близость городского сообщества от природы, исторический, политический, экономический факторы, демографическая, коммуникативная и символическая мощности и языковой конкуренции или языковой монополии, языковых идеологий, языкового активизма в условиях Севера и др.*

Городская среда открывает новые возможности для межкультурного диалога и расширения языкового репертуара жителей Арктики, но в то же время создает риски языковой ассимиляции и утраты языков коренных народов. Сложные природно-климатические условия, отдаленность и неразвитость транспортной инфраструктуры существенно затрудняют проведение полевых исследований в арктических городах, что отражается на количестве и глубине имеющихся научных работ по данной проблематике.

Разработка универсальных показателей (индикаторов) языковой ситуации для оценки качества жизни позволяет интегрировать выработанные индикаторы не только при типологизации районов компактного проживания КМНС по потенциалу устойчивости системы жизнеобеспечения и этнической культуры, в оценках воздействия этнологической среды (этнологической экспертизы), но и в международную систему оценки благополучия населения Арктики, в т. ч. и в городском пространстве.

Источниками выступили материалы комплексного исследования языкового пространства в Анадыре, Якутске, Билибино в октябре 2023 г., Мирном и Билибино в мае – апреле 2024 г., с анкетированием около 800 информантов – горожан Якутска, Мирного, Анадыря, Билибино разных социальных групп и интервьюированием 41 чел. разных социальных групп населения в указанных городах.

Annotation. *The article presents a methodology for assessing the social impact on language and culture based on sociolinguistic approaches. The toolkit allows for a detailed examination of the correlation of sociocultural factors that are key in shaping the image of the city – the proximity of the urban community to nature, historical, political, economic factors, demographic, communicative and symbolic power, language rivalry or language monopoly, language ideologies, language activism in the North, etc.*

The urban environment opens up new opportunities for intercultural dialogue and expansion of the linguistic repertoire of Arctic residents, but at the same time creates risks of linguistic assimilation and loss of indigenous languages. Complex of nature and climatic conditions, remoteness and underdevelopment of transport infrastructure significantly complicate field research in Arctic cities. Arctic cities still rarely become the subject of special scientific analysis.

The working out of universal indicators of the language situation for assessing the quality of human well-being allows integrating these indicators not only in the typology of areas of compact residence of indigenous peoples of the North according to the potential for the sustainability of the life support system and ethnic culture, in assessing the impact of the ethnological environment (ethnological expertise), but also in the international system for assessing the well-being of the population of the Arctic.

The research is based on the materials of a field research of the language space in the industrial cities Anadyr, Yakutsk, Bilibino in October 2023 and Mirny and Bilibino in 2024. The survey covered 800 citizens and interviewing 41 people of different social groups of the population of the mentioned cities.

Ключевые слова: *языки России, языковая ситуация, языковая политика, языковое пространство промышленного города, социальное воздействие на язык и культуру, арктические индикаторы, северный город*

Keywords: *languages of Russia, language situation, language policy, linguistic space of an industrial city, social impact on language and culture, arctic indicators, northern city*

Введение. Необходимость поиска баланса между урбанизацией, индустриализацией, модернизацией и сохранением культурно-языкового наследия, обеспечения устойчивого развития арктических сообществ в условиях стремительных социокультурных изменений один из основных вызовов нашего времени. Городская среда открывает новые возможности для межкультурного диалога и расширения языкового репертуара жителей Арктики, но в то же время создает риски языковой ассимиляции и утраты языков коренных народов. Несмотря на растущий интерес исследователей к проблемам языкового взаимодействия в северных и арктических городах, многие вопросы, связанные с функционированием и развитием многоязычия в урбанизированной среде Крайнего Севера, остаются малоизученными. Северные и арктические города до сих пор редко становятся объектом гуманитарного научного анализа. Практикоориентированных исследований проблем северных и арктических регионов не гуманитарного плана больше, так, экологами, биологами и зоологами разработаны критерии и методики для проведения экологической экспертизы, которые позволяют точно оценить и выработать стратегии развития, направленные на минимизацию экологического ущерба при освоении территорий. Это привело к тому, что с 2011 г. в России началась практическая реализация закона об этнологических экспертизах.

Немаловажна роль языка как социального показателя благополучного развития человека в Арктике, однако, как оценить качественные изменения в языковом потенциале северных и арктических городов?

Ученые и общественность говорят об угрозе исчезновения языков и культур народов России. Сегодня почти все языки РФ находятся на разных стадиях языкового сдвига. Казалось бы, язык и культура величины аб-

страктные, однако, тоже поддающиеся количественному анализу. В статье представлена методика оценки социального воздействия на язык и культуру на основе комплекса показателей влияющих на языковую ситуацию.

Представленная методология экспертизы социального воздействия на язык и культур северного города разработана на основе экспертных исследований, включающих этнокультурные показатели: зарубежных практик оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA) и арктических социальных индикаторов (Arctic Social Indicators – ASI), отечественного опыта проведения Этнологической экспертизы. При разработке методологии учитывались этнокультурные показатели, представленные в рассматриваемых экспертных исследованиях.

Апробация модели экспертизы социального воздействия на язык и культуру проводилась на материале, полученном в ходе полевых исследований языкового пространства северных и арктических городов в Анадыре, Якутске, Билибино, Мирном Центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН совместно с Центром арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в 2023–2024 гг. Исследование включило проведение масштабного анкетирования и интервьюирования разных социальных групп населения городов Республики Саха (Якутия) – Якутск, Мирный и Чукотского автономного округа – Анадырь, Билибино. В анкетировании приняли участие около 800 информантов, записано 41 интервью в указанных городах (Полевые материалы авторов 2023 г. – далее ПМА-2023); полевые материалы авторов 2024 г. – далее ПМА-2024).

Этнокультурная ситуация в Этнологической экспертизе. Одной из экспертиз, в рамках которых проводятся комплексные междисциплинарные исследования, является Этнологическая экспертиза (ЭЭ). Понятие Этнологической экспертизы появилось в российской правовой системе в 1999 г. в федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социальнокультурной ситуации на развитие этноса» [1].

Феномен этнологической экспертизы находится на начальной стадии как в государственно-правового, так и научного осмысления. [2; 3; 4; 4; 5; 6].

Рассмотрим этнокультурные показатели, присутствующие в ЭЭ, проводимых в Республике Саха (Якутия), чье законодательство в отношении ЭЭ существенно опережает федеральное.

Социально-культурная ситуация в зоне влияния планируемой и прогнозируемой хозяйственной и иной деятельности анализируется в отдельном разделе «Характеристика этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов, в том числе медико-демографической, этносоциологической оценки населения». В данном разделе приводятся следующие этнокультурные показатели этнологического мониторинга:

– характеристика языковой ситуации, функционирование родного языка (социальная языковая ситуация (количество хранителей и носителей); владение родным языком (признание языка родным); наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических

языках, использование этнической символики в языковом ландшафте поселений, в оформлении административных зданий);

– преподавание родного языка и культуры в образовательных учреждениях: официальный статус школы (родной); количество часов родного языка и культуры; учебники, рабочие тетради, словари, справочники по родному языку и культуре; наличие преподавателей родного языка и культуры; экзамены по родному языку и культуре;

– характеристика культурного центра (включая местные музеи и библиотеки) по сохранению и развитию родного языка и культуры (наличие фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор; вклад общественных организаций в сохранение и развитие родного языка и культуры;

– описание мест историко-культурного наследия.

В виду того, что ЭЭ в основном проводятся в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС), представленных в основном сельскими поселениями, мы решили апробировать этнологическую экспертизу на материале северных городов, где наиболее контрастно высвечивается взаимосвязь и взаимозависимость вопросов недродобывающих компаний и коренных народов, состояние их традиционной среды обитания, культуры и языка. Полагаем, что методика ЭЭ должна быть полимасштабна – федеральный уровень (когда рассматривается вся страна), региональный уровень (когда изучается регион и/или смежные регионы), территория муниципального образования (когда, рассматривается один район), поселенный уровень (когда рассматриваются отдельный город и/или сельский населенный пункт).

Разработка универсальных показателей (индикаторов) языковой ситуации для оценки качества жизни позволит интегрировать выработанные индикаторы не только при типологизации районов компактного проживания КМНС по потенциалу устойчивости системы жизнеобеспечения и этнической культуры, в оценках воздействия этнологической среды (этнологической экспертизы), но и в международную систему оценки благополучия населения Арктики, в т. ч. и в городском пространстве.

Существующие подходы к оценке жизнеспособности языков, такие как методология ЮНЕСКО и факторы, выделенные А.Е. Кибриком, предоставляют ценную основу для понимания текущего состояния языкового разнообразия. Они позволяют выявить языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и определить ключевые факторы, влияющие на их выживание. При разработке показателей витальности языка учитываются в первую очередь языковые данные (наличие межпоколенной передачи, коммуникативная мощность и др.), социальные параметры (демографическая мощность, способ расселения группы и др.). Однако, как мы полагаем, в современных условиях для более точной оценки необходимо учитывать расширенный спектр параметров. В быстро меняющемся мире, где социально-экономические факторы играют все более важную роль, необходимо включать в анализ экономические аспекты, связь сообщества с природой, исторический контекст, идеологические установки и др. Игнорирование этих факторов может привести к неполной или даже ошибочной оценке

витальности языка, упуская из виду важные движущие силы, влияющие на его развитие или упадок.

В частности, развитие арктических регионов представляет собой яркий пример того, как экономические и социальные изменения могут оказывать глубокое воздействие на языки коренных народов. Дальнейшие исследования и разработки в области оценки жизнеспособности языков должны учитывать эти сложные взаимосвязи, стремясь к созданию комплексного и полимасштабного анализа, способного отразить реальную картину языкового ландшафта и обеспечить основу для эффективных мер по сохранению языкового и культурного наследия. Это особенно очевидно на примере развития северных и арктических регионов, об этом речь пойдет далее.

Эксперты и сами носители языков считают, что система оценки этнокультурного и языкового ущерба необходима. В.И. Шадрин вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха Якутия в интервью отмечает, что на сегодня полностью отсутствует методика расчета ущерба этнокультурным процессам, хотя с 2011 г. началась практическая реализация закона об этнологических экспертизах (ПМА-2024).

В сборнике нормативных правовых актов и в аналитическом материале «Этнологическая экспертиза в России» под редакцией А.И. Горбуновой, отмечается, что «существующие методики расчета убытков (ЭЭ – от авт.) построены на принципе доказывания валового дохода и не отражают весь комплекс взаимосвязанных потерь для традиционной экономики, сохранения языковой среды и т. д.» [7: 36]. Действительно, необходимым результатом научного изыскания по итогам экспертизы следовало бы считать разработку и внедрение системы мер, ориентированных на поддержание традиционного уклада жизни и хозяйствования, сохранение языков и культуры коренных малочисленных народов, а также создание рабочих мест как в традиционных, так и в новых отраслях, чтобы компенсировать утерянные объемы промыслов, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на языковой среде. При этом, достижение обозначенного результата определяется не только качеством самой этнологической экспертизы как таковой, но и, в равной степени, социальной ответственностью и политикой компании [7: 37]. Проблемы языковой среды коренных сообществ остаются вне этнологической экспертизы, хотя как инструмент реализации государственной национальной политики Российской Федерации, должны быть учтены и включены в рамках этнологической экспертизы. Назрела необходимость разработки комплексной оценки социального воздействия на язык и культуру. При этом мы должны понимать, что языковая комфортность напрямую зависит от социально-экономического развития локуса, которое приводит в итоге неизбежно к культурному многообразию и возможно развитию гибридных форм культур или унификации локальных сообществ, где доминирует один язык, малые языки «страдают» в результате роста числа населения, трудовой миграции, промышленного освоения и т. д. [8; 9].

Соответственно, можно говорить о том, что гуманитарная проблематика оценивания этнокультурных и языковых ситуаций недостаточно разработана в отличии от социально-экономического развития арктических территорий. Учитывая, что язык является основой культуры и самоидентификации народа, его сохранение и развитие должно стать одним из приоритетов

в стратегии развития Арктической зоны России. Для обеспечения языковой комфортности жителей городских поселений необходимо проводить соответствующие мероприятия, включая поддержку и развитие национальных языков, обеспечение доступа к образованию на родном языке, создание условий для использования языка на рабочих местах и в повседневной жизни и др.

Методология экспертизы социального воздействия на язык и культуру. В предыдущих публикациях нами подробно рассматривался комплекс методов, позволяющих системно подойти к исследованию языковой ситуации городского пространства посредством оценивания языковой комфортности [10].

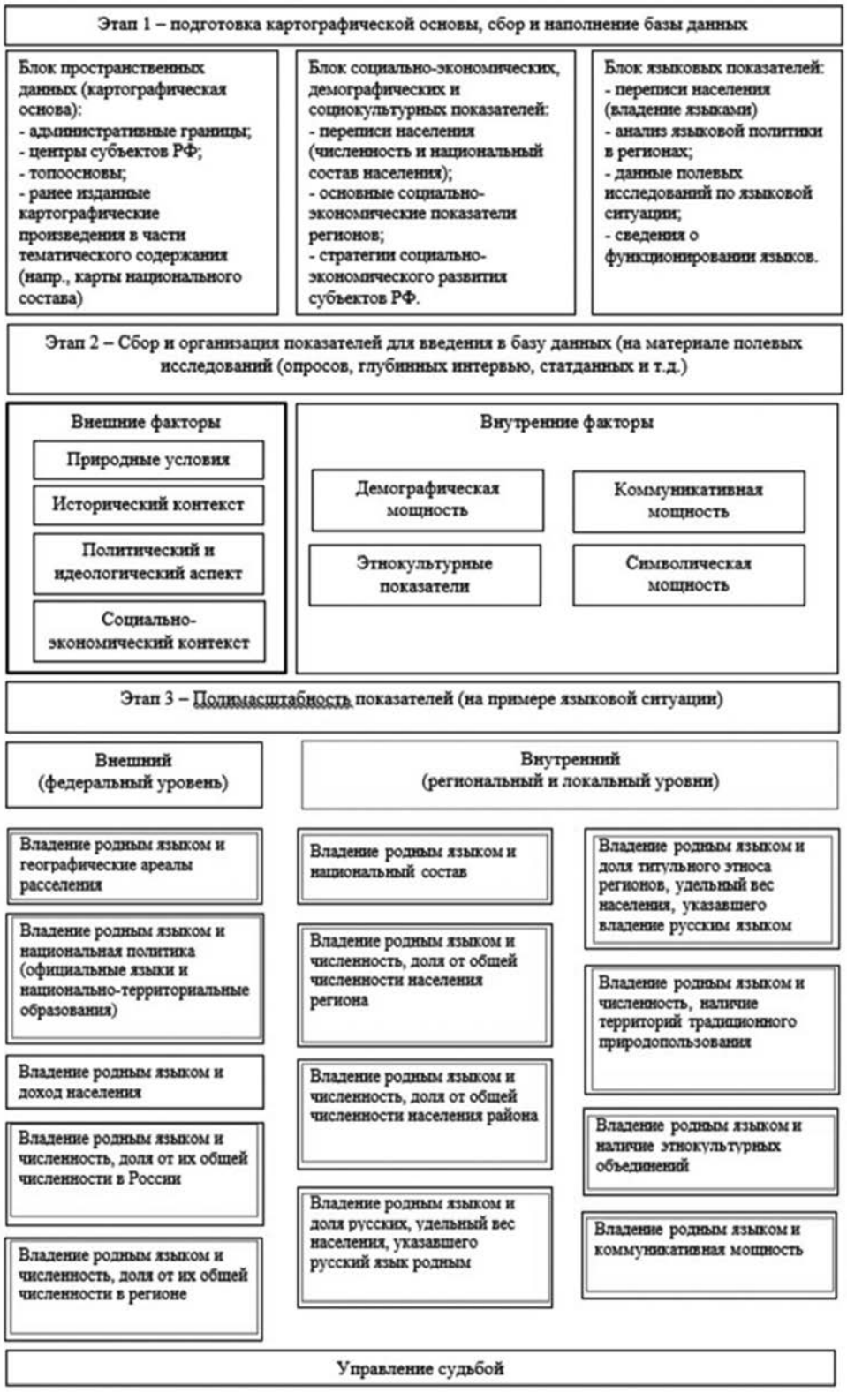
Разработка комплексной оценки языковой комфортности базируется на ряде ключевых положений, которые определили метод расчета и источников данных. Во-первых, комплексная оценка должна быть применима к любому территориальному объединению, а не только отдельным категориям, выделенным по численности сообщества или территориально-административному статусу. Во-вторых, предполагается возможность отслеживания динамики и адаптации оценки к изменениям, происходящим в каждом конкретном территориальном объединении. В-третьих, используемые индикаторы должны быть общедоступны, открыты и применимы для качественного и количественного выражения комплексного анализа.

Полагаем, основой языковой экспертизы могут послужить многофакторная модель прогнозирования развития языков, разработанная нами [8] и индикаторы оценки языковой комфортности предлагаемой нами ранее [9].

Предлагаем усовершенствовать данную модель в части этнокультурных показателей (ЭП) и дать оценку этноязыковой ситуации (ЭС). Оценка этноязыковой ситуации проводится с учетом всех факторов, детализирована в части определения оценочных факторов и суммирования их количественных и качественных показателей и определялась по формуле:

ЭС = (ПУ+ИК+ПиИА+ДМ+СЭК+КМ+СМ+ЭП) + УС, где ЭС – этноязыковая ситуация, **ПУ** – природные условия, **ИК –** исторический контекст, **ПиИА –** политический и идеологический аспект, **ДМ –** демографическая мощность, **СЭК** – социально-экономический контекст, **КМ** – коммуникативная мощность, **СМ** – символическая мощность, **ЭП** – этнокультурные показатели, **УС** – управление судьбой.

Индикатор УС «Управление судьбой» означает механизм успешного функционального развития языков с учетом четырех аспектов, из которых первые три аспекта – правовая и институциональная поддержка развития языков, деятельность языковых активистов и научный подход в деле сохранения языков [11]. К этим аспектам добавляем еще один важный аспект – социально-коммуникативный климат, который включает всех участников социально-коммуникативной системы, представляя собой языковой (коммуникативный) баланс в полиязычном, поликультурном сообществе, гармоничное софункционирование идиомов и их широкой функциональной дистрибуции. Социально-коммуникативный климат представляет собой цепь причинно-следственных отношений в софункционировании идиомов. При учете всех этих четырех аспектов возможно оценить языковую комфортность.


Этап 1 – подготовка картографической основы, сбор и наполнение базы данных
Блок пространственных данных (картографическая основа):
- административные границы;
- центры субъектов РФ;
- топоосновы;
- ранее изданные картографические произведения в части тематического содержания (напр., карты национального состава)
Блок социально-экономических, демографических и социокультурных показателей:
- переписи населения (численность и национальный состав населения);
- основные социально-экономические показатели регионов;
- стратегии социально-экономического развития субъектов РФ.
Блок языковых показателей:
- переписи населения (владение языками)
- анализ языковой политики в регионах;
- данные полевых исследований по языковой ситуации;
- сведения о функционировании языков.
Этап 2 – Сбор и организация показателей для введения в базу данных (на материале полевых исследований (опросов, глубинных интервью, статданных и т.д.)
Внешние факторы
Природные условия
Исторический контекст
Политический и идеологический аспект
Социально-экономический контекст
Внутренние факторы
Демографическая мощность
Коммуникативная мощность
Этнокультурные показатели
Символическая мощность
Этап 3 – Полимасштабность показателей (на примере языковой ситуации)
Внешний (федеральный уровень)
Внутренний (региональный и локальный уровни)
Владение родным языком и географические ареалы расселения
Владение родным языком и национальная политика (официальные языки и национально-территориальные образования)
Владение родным языком и доход населения
Владение родным языком и численность, доля от их общей численности в России
Владение родным языком и численность, доля от их общей численности в регионе
Владение родным языком и национальный состав
Владение родным языком и численность, доля от общей численности населения региона
Владение родным языком и численность, доля от общей численности населения района
Владение родным языком и доля русских, удельный вес населения, указавшего русский язык родным
Владение родным языком и доля титульного этноса регионов, удельный вес населения, указавшего владение русским языком
Владение родным языком и численность, наличие территорий традиционного природопользования
Владение родным языком и наличие этнокультурных объединений
Владение родным языком и коммуникативная мощность
Управление судьбой

Суммирование числовых показателей выраженности исследованных факторов проводится для каждой группы показателей. Ввиду того, что единица измерения у каждого показателя разная, для последующей комплексной оценки применена балльная шкала от 0 до 5. Дооценка количественных показателей проводится с привлечением качественных показателей (исторический, политический контекст и др.) для определения уровней комфортности. Для качественных показателей принимались два значения: 0 – если показатель отсутствует и 1 – если показатель имеется. При выставлении баллов учитывались особенности каждого показателя. Значимость показателя зависит какое значение оно носит: негативное (отрицательное) или положительное значение. Больший балл ставится – если показатель имеет негативное (отрицательное) значение, меньший – если – положительное. Так, чем больше площадь города, тем сложнее организовать качество жизни в нем и т. д.

Соответственно, уровни комфортности определяются через суммирование количественных показателей по каждой группе с учетом качественных показателей. В её основу положен системный подход, который даёт возможность многостороннего, взаимосвязанного рассмотрения взаимодействующих элементов, характеризующих языковую комфортность городского пространства. Подсчет баллов идет по минимальной сумме значений показателей. Чем меньше набрано баллов – тем лучше значение группы показателей. Результатом является критерий оценки, осуществленный по подсчету баллов по каждой группе показателей: *критически неблагоприятная; неблагоприятная; относительно благоприятная; благоприятная*.

Комплексная оценка языковой комфортности

	Природные условия	Символ мощ-ть	Демогр мощ-ть	Соц-экон	Политич.	Коммун. мощ-ть	Управл судьбой	Итого	
Якутск	1	1	1	4	1	1	1	10	относительно благоприятная
Мирный	2	2	4	1	2	4	3	18	неблагоприятная
Анадырь	1	3	2	2	3	2	2	15	неблагоприятная
Билибино	3	4	3	3	4	3	4	24	критически неблагоприятная
критически неблагоприятная		более 20							
неблагоприятная		15 - 20							
относительно благоприятная		10 - 15							
благоприятная		менее 10							

Выбранный способ оценки позволяет детально рассмотреть соотнесенность социокультурных факторов как исторический контекст, близость городского сообщества от природы, демографической мощности, политического, экономического и этнокультурного контекстов, коммуникативной и символических мощностей, в свою очередь представленных ключевыми показателями и выстраиванием городским сообществом судьбы – проявлений языковой конкуренции или языковой монополии, языковых идеологий, языкового активизма и др.

Заключение. В современных кризисных условиях усиливающееся неравенство в сфере экономики, доступа к социальным ресурсам городов провоцируют конкурентный режим взаимодействия проживающих в них этнических групп. В этой связи, актуальной научной проблемой становится моделирование языковых процессов и прогнозирование их развития.

Рассмотренная методика экспертизы влияния социального фактора на язык и культуру универсальна и в целом, преимущества предложенной методики заключаются в визуализации социолингвистической ситуации среды, в визуализации совокупности представлений коллективного образа пространства, местности (района). С помощью данной методики мы можем оценить и прогнозировать социолингвистическую ситуацию в динамике как промежуточное исследование и далее следовать стратегически, и работать в фокус-группах для выявления роли глокальной культуры, сохранения или утраты своей идентичности в условиях урбанизации и шире глобализации, а также по определенным направлениям как межэтнические контакты, например, проведение глубинных интервью.

Языковая комфортность заключается во взаимообусловленности правовой, административно-институциональной поддержки языков, деятельности языковых активистов, наличии научного подхода при языковом планировании и благоприятного социально-коммуникативного климата, который в свою очередь зависит от социально-экономического благополучия города. В зависимости от полученных итоговых баллов комплексной оценки показателей выделяются следующие уровни языковой комфортности: критически неблагоприятные – более 20 баллов, неблагоприятная – 15–20, относительно благоприятная – 10–15, благоприятная – менее 10. В исследованных городах отсутствует благоприятная языковая комфортность, что в первую очередь обусловлена суровыми природными условиями, низкими качеством жизни, труднодоступностью и удаленностью.

Разработанная методика экспертизы универсальна и может применяться в других исследованиях. Например, в разделе «Характеристика этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов, в том числе медико-демографической, этносоциологической оценки населения» при проведении Этнокультурной экспертизы рассматриваются этническая структура, наличие и описание работ, проводимых культурно-досуговыми учреждениями (сельскими клубами, этноцентрами, музеями, библиотеками). Подробно описываются национальные праздники и сохранность национальной культуры в традициях и обычаях, в образе питания, в национальной одежде и в повседневной жизни. Соответственно, мы можем говорить о применимости оценки этнокультурной ситуации при проведении Этнологической экспертизы.

Предлагаемая модель языковой экспертизы носит обобщающий характер, учитывая все многообразие факторов. Данная методика оценивания требует апробации в других городах, модификации с учетом особенностей отдельного города/района и отдельных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» //

Электронный фонд нормативно-технической и нормативноправовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901732262 (дата обращения: 20.04.2024).

2. Садовой А.Н. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» – «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. Вып. 1. Кемерово: СКИФ, 2005.

3. Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / под ред. С.В. Чешко. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 10–62.

4. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1. С. 125–135.

5. Головнёв А.В., Комова Е.А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 158–175.

6. Вахтин Н.Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 135–139.

7. Этнологическая экспертиза в России. Сборник нормативных правовых актов и аналитический материал. 2022. № 1. 93 с.

8. Биткеева А.Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. 2022, № 4. С. 38–52. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.3

9. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 169–187. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.9

10. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 151–170. doi: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10

11. Кибрик А.А. (2020) Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. № 1. С. 17–28.

УДК 323.282.21

Бобырь Елизавета Андреевна
Российский государственный гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Россия
Bobyr Elizaveta Andreevna
Russian State Hydrometeorological University
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: lizabobir@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

POLITICAL CORRECTNESS IN THE JAPANESE LANGUAGE: HISTORICAL CONTEXT AND CONTEMPORARY TRENDS

Аннотация. *В данной статье рассматривается эволюция политической корректности в Японии, анализируются ключевые изменения в лексике, связанные с инвалидностью, гендером, возрастом и социальными группами. Особое внимание уделяется историческим предпосылкам и современным тенденциям в языковой политике, а также влиянию глобализации на японскую культуру речи.*

Annotation. *This article examines the evolution of political correctness in Japan, analyzing key lexical changes related to disability, gender, age, and social groups. Particular attention is paid to historical antecedents and contemporary trends in language policy, as well as the influence of globalization on Japanese speech culture.*

Ключевые слова: *политическая корректность, языковая политика, глобализация, социальные изменения, стигматизация, кастовая система, мужская и женская речь, гендерно-нейтральный язык, терминологические замены*

Keywords: *political correctness, language policy, globalization, social change, stigmatization, caste system, male and female speech, gender-neutral language, terminology replacement*

Введение.

Политическая корректность в Японии развивалась под влиянием как внутренних социальных процессов, так и международных тенденций. В отличие от западных стран, где политическая корректность стала предметом активных общественных дебатов, в Японии изменения происходили постепенно, преимущественно через законодательные инициативы и рекомендации СМИ.

Исторический контекст. Досовременный период (до 1868 года).

В эпоху Эдо (1603–1868) японское общество было строго стратифицировано, что находило прямое отражение в языке [1]:

Термины для неприкасаемых каст:

«Эта» (穢多) – термин, буквально означающий «осквернённые» или «загрязнённые» – применялся по отношению к социальной группе, члены которой занимались видами деятельности, считавшимися ритуально нечистыми в традиционном японском обществе (в соответствии с буддийскими канонами). К таким занятиям относились убой скота, снятие и выделка шкур и другие подобные промыслы.В социальных представлениях эпохи Эдо эти профессии воспринимались как оскверняющие, что привело к жёсткой изоляции не только самих представителей данной касты, но и их потомков. Они подвергались систематической дискриминации и социальному угнетению на протяжении многих поколений [4].

«Хинин» (非人) – «не-люди» – обозначал одну из каст неприкасаемых, которая отличалась от касты «эта» (穢多). В отличие от «эта», которые жили в отдельных поселениях, «хинин» проживали среди других сословий, и их статус часто не наследовался, а мог быть дан в наказание за определенные проступки и снят после очищения.

Эти термины не просто описывали социальный статус, но и несли мощную стигматизирующую функцию, что можно рассматривать как антипод современной политкорректности.

Гендерная асимметрия в языке.

Гендерная маркированность японского языка исторически формировалась под влиянием конфуцианских норм и строгой социальной иерархии. Лингвистические различия между мужской и женской речью (男女言葉, danjo kotoba) не просто отражали, но и конструировали гендерные роли, закрепляя патриархальные представления о «подобающем» поведении [2].

Фонетико-грамматические особенности гендерной речи:

Женская речь (女言葉, onna kotoba) характеризовалась смягчённостью, вежливостью и косвенностью, что соответствовало конфуцианскому идеалу «добродетельной женщины» (女徳, jotoku) [3].

Лингвистические маркеры:

Частицы окончаний:

1. 「〜わ」(~wa) – «Я пойду わ» (行くわ) – смягчающее утверждение
2. 「〜の」(~no) – «Это правда の» (本当の) – инфантилизирующая интонация
3. 「〜かしら」(~kashira) – «Пойдёт ли дождь かしら?» (雨が降りますかかしら?) – выражение неуверенности

Лексика:

- 「あら」(ara) – междометие удивления (женское)
- 「まあ」(mā) – «Ой!» (типично женское восклицание)

Избегание грубых форм:

Женщины редко использовали местоимение「俺」(ore, грубое «я») или повелительные формы глаголов.

Социальная функция: подчёркивала скромность, покорность и эмоциональность, соответствующие образу «хорошей жены и мудрой матери» (良妻賢母, ryōsai kenbo) [5].

Мужская речь (男言葉, otoko kotoba) ассоциировалась с прямотой, силой и социальным статусом [8].

Лингвистические маркеры:

Местоимения:

- 「俺」(ore) – грубое/неформальное «я» (мужское)
- 「僕」(boku) – нейтральное «я» (молодые мужчины)
- 「お前」(omae) – грубое «ты»

Глагольные формы:

4. 「〜だ」(~da) – прямая утвердительная форма (行くだ)
5. 「〜ぜ」(~ze), 「〜ぞ」 (~zo) – усиленные окончания (行くぜ!)

Лексика:

- 「くそ」(kuso) – «чёрт!» (мужское ругательство)
- 「やる」(yaru) – «делать» (более агрессивное, чем 「する」 suru)

Социальная функция: закрепляла доминантность мужчин в публичной сфере, особенно среди самураев и чиновников [8].

Исторические корни гендерной дифференциации.

Влияние конфуцианства [2]:

「男尊女卑」 (danson johi) – «Мужское превосходство и женская неполноценность».

Женская речь должна была демонстрировать уважение к мужчинам через:

2. Использование вежливого стиля (敬語, keigo)
3. Избегание резких интонаций

Литературные примеры:

- «Повесть о Гэндзи» (XI век): женские персонажи говорят мягко, с частицами「〜わ」и「〜の」, а мужчины используют прямые формы.
- Пьесы театра Кабуки (Эдо): женские роли (оннагата) имитировали «идеальную» женскую речь, даже если актёры были мужчинами.

Почему гендерная речь в японском языке не воспринималась как проблема до XX века?

4. Естественность гендерных ролей [5]:

Разделение на「外」(soto, «внешний мир» – мужской) и「内」(uchi, «дом» – женский) считалось естественным порядком.

Женская речь ассоциировалась с「和」(wa, гармонией), мужская – с「力」(chikara, силой).

5. Отсутствие феминистского дискурса:

До эпохи Мэйдзи (1868–1912) не существовало массовых движений за гендерное равенство.

В 1920-х годах японский феминизм начал активно развиваться, отражая влияние западных идей и перемен в японском обществе. Женщины боролись за свои права, включая избирательное право и доступ к образованию, а также за изменение социальных норм и представлений о роли женщины.

В 1920 году была создана «Новая женская ассоциация» (新日本婦人協会). Благодаря усилиям этой организации в 1922 году были внесены изменения в законодательство, позволяющие женщинам участвовать в политических собраниях.

Период Мэйдзи-Тайсё (1868–1926): первые шаги к модернизации языка

После Реставрации Мэйдзи начался процесс сознательной модернизации языка:

• Отмена кастовых терминов (1871) – официальная отмена статуса «эта» и «хинин», хотя стигма сохранялась.

• Появление новых нейтральных терминов: «сэймин» (平民) – простолюдин вместо прежних кастовых обозначений.

Также происходят первые попытки медицинской корректности:

В медицинских текстах этого периода появляются попытки смягчить лексику:

• «сумасшедший» (気違い) → «психопат» (精神病者) – смена термина для душевнобольных. «Сумасшедший» – это уничижительный термин с дискриминационным подтекстом, который иногда рассматривается как запрещенный в современном обществе. С другой стороны, «психопат» – это медицинский термин, который относится к человеку с психическим заболеванием и не имеет дискриминационного подтекста [6].

• «слепота, слепой» (как состояние или грубое обозначение) (盲) → «невидящий, человек с нарушением зрения» (盲者) – более формальное обозначение слепых [6].

Послевоенный период (1945–1989): формирование современной парадигмы

Под влиянием американской оккупации происходят важные изменения:

• 1947 год: Конституция Японии закрепляет принципы равенства, но на практике дискриминация сохранялась

• 1950-е: начало движения бураку за права дискриминируемых каст

• 1960-е: первые попытки реформировать язык в отношении инвалидов

Примеры реформ этого периода:

В сфере медицины/инвалидности:

• «врач» (医者) (буддийские и синтоистские представления) → «доктор, исцеление, искусство врачевания, медицина и т. д.» (医) – более уважительное обращение к врачам.

• «калека» (不自由者) → «человек с ограниченными возможностями» (障害者) – смена термина для инвалидов.

В профессиональной сфере:

• «прислуга» (女中さん) → «домашняя работница» (家政婦) – замена уничижительного термина для домработниц.

Современный период (1990-2020-е): глобализация и новые вызовы

Влияние международных норм

После ратификации конвенций ООН происходят системные изменения:

• 2004 год: официальная замена термина «слабоумие» (痴呆) на «деменция, когнитивные нарушения» (認知症) для обозначения деменции.

• В 2010-е годы движение за гендерно-нейтральный язык в Японии.

Медсестра:

Было: 看護婦 (кангофу – «медсестра», только для женщин).

Стало: 看護師 (кангоши – «медицинский специалист», с 2002 года) [7].

Стюардесса:

Было: スチュワーデス (сутюва:дэсу – от английского stewardess).

Стало: 客室乗務員 (кякусицу дзё:муин – «бортпроводник», с 2010-х) [7].

Категория	Устаревшие/оскорбительные термины	Современные нейтральные замены
Инвалидность	1. めくら (мэкура) – «слепой» 2. つんぼ (цумбо) – «глухой» 3. ちんば (тянба) – «хромой» [7]	1. 視覚障害者 (сикаку сё:гайся) – «человек с нарушением зрения» 2. 聴覚障害者 (тё:каку сё:гайся) – «человек с нарушением слуха» 3. 肢体不自由者 (ситай фудзию:ся) – «человек с ограниченными возможностями» [7]
Гендер	1. 看護婦 (кангофу) – «медсестра» (только ж.) 2. スチュワーデス (сутюва:дэсу) – «стюардесса» 3. 保母 (хобо) – «няня» (жен.) [7]	1.看護師 (кангоши) – «медработник» 2.客室乗務員 (кякусицу дзё:муин) – «бортпроводник» 3.保育士 (хоикуши) – «воспитатель» [7]

ЛИТЕРАТУРА

1. Buraku Problem Research Institute. A Study on Buraku Discrimination in Japan. Osaka : Buraku Problem Research Institute, 1984.

2. Gottlieb N. Language and Society in Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

3. Ide, S. Onna kotoba to wa nani ka // Gengo Seikatsu. 1979.

4. Nakamura K. Discrimination and the Buraku Issue in Japan. Abingdon: Routledge, 2015.

5. Washi, R. «Japanese Female Speech» and Language Policy in the World War II Era // Gender and Japanese Society. 2004.

6. Кабинет министров Японии. Белая книга о людях с ограниченными возможностями: [на яп. яз.] Токио, 2021.

7. Weblio Jisho [Электронный ресурс]. URL: https://www.weblio.jp/ (дата обращения: 07.07.2025).

8. The Routledge Handbook of Japanese Sociolinguistics / Edited by P. Heinrich, Y. Ohara. London: Routledge, 2019.

УДК 811.112.2’373.611

Бондарко Николай Александрович
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
Bondarko Nikolai Alexandrovich
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
E-mail: n-bond@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ СИНХРОНИЧЕСКОГО И ДИАХРОНИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

TOWARDS THE METHODS OF SYNCHRONIC AND DIACHRONIC WORD-FORMATION IN THE GERMAN LANGUAGE: FROM CONFRONTATION TO INTERPLAY

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ методологических основ науки о словообразовании немецкого языка на разных этапах его развития. В центре внимания находится вопрос о взаимодействии двух ключевых подходов: диахронического, изучающего историческое развитие словообразовательных моделей, и синхронического, анализирующего их функционирование в определенный период как целостной системы. Делается вывод о том, что современная методология представляет собой интегративный синтез обоих подходов, позволяющий объяснить не только структуру, но и динамику словообразовательной системы.*

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of the methodological foundations of the study of German word formation at various stages of language history. The focus is on the interaction between two key approaches: the diachronic, which studies the historical development of word-formation patterns, and the synchronic, which analyzes their functioning in a specific period as an integral system. It is concluded that modern methodology represents an integrative synthesis of both approaches, making it possible to explain not only the structure but also the dynamics of the word-formation system.*

Ключевые слова: *немецкий язык, словообразование, диахрония, синхрония, композиты, историческое языкознание*

Keywords: *German language, word-formation, diachrony, synchrony, compounds, historical linguistics*

Исследование словообразования немецкого языка представляет собой уникальную лабораторию лингвистических методов, в которой диахронический и синхронический подходы из конфронтационных парадигм превратились во взаимодополняющие инструменты анализа. Эволюция методологии от изолированного изучения этимологии слова к его системному функциональному анализу отражает общий путь развития языкознания и демонстрирует глубинные связи между структурой языка, историей и сознанием его носителей.[1]

Рассмотрим происхождение и диалектическое взаимодействие двух методологических парадигм[2]. Фундамент науки о немецком словообразовании был заложен в русле младограмматической традиции (В. Вильманнс, Г. Пауль, Ф. Клуге). Для этой «диахронической» парадигмы были характерны следующие черты:

1) атомизм и ориентированность на этимологию слова: анализ фокусировался на истории изолированных морфем (аффиксов) и отдельных слов. Исследователь интересовался прежде всего происхождением той или иной морфологической единицы и самого слова, его «исконным» значением, а вовсе не его местом в системе современного языка;

2) интерес к способам словопроизводства – а именно, к тому, как слово было создано в прошлом, часто без учета современной смысловой мотивации для носителя.

3) метод «случайных находок»: анализ отдельных, часто уникальных примеров, вырванных из текстового контекста, не позволял судить о реальной продуктивности и частотности моделей [3: 41–42].

Синхронический подход, сформировавшийся под влиянием структурализма, предложил принципиально иной взгляд на словообразовательные процессы, обусловивший следующие исследовательские принципы:

1) примат системы над изменением: задача структурно ориентированного исследования заключается в реконструкции словообразовательной системы конкретного исторического периода (например, средневерхненемецкого) как функционального целого;

2) ориентация исследователя на языковое восприятие: ключевым становится вопрос, как носитель языка той эпохи воспринимал и «мотивировал» слово, какие связи между словами были для него актуальны;

3) корпусный анализ языкового материала: нормой в современной лингвистике стало изучение объемных текстовых массивов с известными

[1] См. обзоры исследовательских подходов к немецкому синхроническому и историческому словообразованию в работах: [Müller 2002; Solms 1998]; см. там же наиболее актуальную на конец XX в. литературу вопроса.

[2] Последующее изложение теоретических концепций, включая примеры, основывается на работах М. Хаберманн [Habermann 2002], О.П. Мюллера [Müller 2002], Э. Зеебольда [Seebold 2002], П. фон Поленца [von Polenz 2002] и Х.Х. Мунске [Munske 2002]..

параметрами (автор, время, место) для получения объективных данных о распределении и продуктивности моделей;

4) функционально-семантический анализ: требуется изучение не формы слова самой по себе, а функции модели в системе – как она противопоставляется другим моделям для выражения определенных значений (например, агенса, инструмента, абстракции и т. д.) [3: 42].

Таким образом, если синхрония отвечает на вопросы о том, как данная модель работает в системе и для чего она используется, то диахрония – на вопросы о том, откуда произошло конкретное слово и почему оно так выглядит. Диахронические процессы должны рассматриваться как причины изменения системы (см. подробнее: [9: 20–21]). Диахронический анализ выявляет не просто изменения в инвентаре слов, а глубокую трансформацию самой системы правил. К ключевым процессам, подробно описанным М. Хаберманн и Х.Х. Мунске, относятся формальные преобразования, функциональные сдвиги и заимствования слов с их интеграцией в немецкий язык. Мунске предлагает анализировать историческое изменение в словообразовании по аналогии с изменением словарного состава, в трех аспектах: 1) количество лексем (появление новых и исчезновение старых); 2) форма лексем (морфологические изменения); 3) значение лексем (семантические сдвиги). Однако ключевое отличие заключается в объекте: если изменение словарного состава касается отдельных слов, то изменение в словообразовании касается моделей и правил, по которым эти слова образуются (см. [7: 25–26]).

К формальным преобразованиям относятся следующие процессы:

1) слияние (Zusammenfall): например, различные исторические суффиксы (*-i*, *-ō*, *-a*) в результате фонетической редукции слились в один суффикс *-e* (*Güete*, *Gabe*, *Bote*);

2) грамматикализация – переход полнозначных лексем (например, двн. *heit* – «достоинство» [DWb X, Sp. 919, s. v.], или двн. / свн. *tuom* — «власть, статус» [Lexer II, Sp. 1574, s.v.] в разряд словообразовательных аффиксов (*-heit*, *-tum*). Этот процесс сопровождается семантическим «выцветанием», потерей самостоятельности и часто фонетической редукцией;

3) переосмысление (Reanalyse) – сдвиг морфемных границ. Например, в глаголах на *-igen* (*huldigen*) элемент *-ig-*, изначально бывший частью основы, был постепенно переосмыслен как часть глагольного суффикса [3: 46–48].

Среди функциональных сдвигов выделяются следующие процессы:

1) семантический дрейф – кардинальное изменение значения аффиксов. Приставка *be-* эволюционировала от конкретного локального значения («вокруг») к акциональному («полностью») и, наконец, к чисто словообразовательной функции транспозиции существительного в глагол (*der Ring* > *beringen*) [3: 49–50];

2) изменение продуктивности: бывает связано с утратой одних моделей (например, образование отглагольных существительных с помощью суффикса *-ôd*/*-ôt*, от которого остались лишь реликты типа *Heimat*, *Armut*) и активизация других [3: 46–48]. Конкуренция моделей часто приводит к вытеснению менее выразительных (так, суффикс *-er* вытеснил *-o* в образовании nomina agentis: *Bäck**er*** вместо *Beck* < свн. *becke* < двн. *beck**o***) [7: 27];

3) заимствование и интеграция – реактивация словообразования на основе заимствований. Иноязычные аффиксы (*-ation*, *-ismus*, *anti-*, *ex-*) были вычленены из заимствованных слов и интегрированы в немецкую систему, образовав новый арсенал словообразовательных средств, конкурирующий с исконным;

4) изменение грамматической природы слова: особого внимания заслуживает превращение флективных морфем в словообразовательные. Так, генитивное окончание -s превратилось в адвербиальный суффикс (*eines Abends → abends → nachts*, *längst*), а генитивные окончания (начиная с того же -s) стали интерфиксами (связующими элементами) в композитах (*Freundes + Hand → Freundeshand*) [7: 27–29].

К семантическим изменениям относится «метонимический» сдвиг значения, а именно, изменение значения целых классов слов, ведущее к появлению новых моделей. Примером могут служить отглагольные имена на *-ung*, которые первоначально обозначали действие (*die Übersetzung* – «перевод» как процесс), но затем метонимически стали обозначать результат (*die Übersetzung* – «перевод» как текст), инструмент (*die Leitung* – «руководство», но также и «проводка»), место (*die Wohnung* – «жилье») и т. д. Эти устойчивые семантические группы могут становиться основой для новых словообразовательных моделей [7: 34–36].

Важным фактором формирования системы словообразовательных инструментов и моделей является идеология и растущая рефлексия о языке среди его наиболее образованных носителей. Так, П. фон Поленц обращает внимание на существование тесной связи между историческим развитием немецкого словообразования и эволюцией языкового сознания – того, как носители языка воспринимают, осмысляют и идеологически нагружают свой язык. Автор выдвигает тезис о том, что немецкий язык в сравнении с другими европейскими языками (например, английским или французским) проявляет особую склонность к использованию словообразовательных моделей, особенно композитов (сложных слов), которые обладают свойством «прозрачности» (мотивированности) своей внутренней формы [11: 462].

В контексте формирования немецкого национального языка важно отметить социокультурные процессы, зародившиеся в конце XV в., – растущую читательскую аудиторию в городах, всеобщее чтение Библии (особенно в новом переводе Мартина Лютера), процветание книгоиздательского дела, внедрение школьного образования, появление первых грамматик и словарей немецкого языка (см. подробнее: [1]). Как убедительно демонстрирует фон Поленц, в XVII–XVIII веках деятельность «языковых обществ» (Sprachgesellschaften) и пуристов превратила словообразование в инструмент «языкового патриотизма». Идеология, основанная на мифе о «чистоте» и «аутентичности» немецкого языка, пропагандировала «прозрачные» композиты как норму. Борьба с заимствованиями (Fremdwortverdeutschung) путем создания калькированных образований и новых сложных слов (*Tätigkeitswort* вместо *Verb*) была не просто пуризмом, а масштабной тренировкой словообразовательной компетенции нации. И если традиционная немецкая филология рассматривала их усилия барочных языковых обществ не как формирование политической идеологии, а как сугубо ученые, гуманистические или религиозные стремления, то со-

временная, историко-социологическая школа видит в немецком «языковом патриотизме» или «культурном патриотизме» (*Kulturpatriotismus*) непрерывную предшествующую ступень более позднего «языкового национализма» (*Sprachnationalismus*). Устойчивая установка на мотивированность внутренней формы слова до сих пор влияет на формирование терминологии в науке, технике и политике [11: 460–462].

Обратимся к методологии языкового анализа композитов. Синхронный срез языковой системы должен описываться как моментальный снимок непрерывного изменения. Синхронный анализ не фиксирует статичную картину, а выхватывает динамичный процесс изменения в его конкретный момент. Это позволяет выявить:

1) вариантность и конкуренцию: сосуществование синонимичных форм (*umfahren* / *herumfahren*) является прямым свидетельством начавшегося языкового изменения, когда новая форма еще не вытеснила старую.

2) двойную мотивацию: многие слова могут одновременно анализироваться носителями по разным моделям. Например, прилагательное *kostbar* («драгоценный») могло мотивироваться и от существительного *Kost* («пища», «яство»), и от глагола *kosten* («стоить»). Такая двойственность – важный этап на пути переосмысления и сдвига в системе.

3) расхождение между синхронной мотивацией и диахронией: Синхронное восприятие часто противоречит исторической правде. Классический случай – «обратное» словообразование (Rückbildung), например: исторически существительное *Sanftmut* («кротость») образовано от прилагательного sanftmütig («кроткий»), но современный носитель воспринимает sanftmütig как производное от Sanftmut. Аналогично, связь schlagen («бить») – Schlag («удар») воспринимается как взаимная, хотя диахронически глагол первичен [3: 55].

Рассмотрим изучение композитов как удачный пример методологического синтеза. Сложные слова (Komposita, Zusammensetzungen) – это визитная карточка немецкого словообразования. Их можно считать идеальным объектом для демонстрации взаимодействия синхронического и диахронического исследовательских подходов.

Синхронный анализ детально классифицирует композиты по следующим параметрам:

1) частеречная принадлежность (главный компонент определяет часть речи: *der Schreibtisch* (существительное), *dunkelblau* (прилагательное), *mitkommen* (глагол).

2) семантические отношения между компонентами: притяжательные (*Hundehütte* – конура, принадлежащая собаке), целевые (*Bücherregal* – полка для книг), локативные (*Strandkorb* – кресло, находящееся на пляже).

3) морфологическая структура: чистые примеры словосложения (Haustür) и словосложения со связующими элементами (Fugenelemente: *s*-, *-n*-, *-en*-), как в существительных *Liebes**s**brief*, *Hühn**er**suppe*[1].

---

[1] Наиболее подробный системный анализ композитов в современном немецком языке, выполненный в соответствии с перечисленными признаками, представлен в: [Ortner и др. 1991]. Сама структура описания демонстрирует исключительную значимость семантических параметров (складывающихся в разветвленную систему) на фоне грамматических словообразовательных моделей.

Диахронический анализ должен объяснять происхождение этих моделей – например, следующими процессами:

1) возникновение связующих элементов как результат застывания флективных форм (родительного падежа: *des Freundes > Freundeshand*).

2) универбация – слияние синтаксических конструкций в одно слово (*Rad fahren > radfahren*).

3) грамматикализация полнозначных слов в аффиксоиды и префиксы (*riesen-* в *riesengroß*) [7: 28].

Примером реализации современного комплексного подхода к описанию словообразовательных средств и моделей в синхронном срезе средневерхненемецкого языка, но с учетом и исторической перспективы, может служить рассмотрение глагольных аффиксов авторами 3-го тома новой грамматики средневерхненемецкого языка [5]. Так, для префиксов отмечаются следующие процессы:

1) смена «лидера»: если в языковой системе средневерхненемецкого периода доминировали неотделяемые приставки, то в нововерхненемецкий – отделяемые;

2) специализация: неотделяемые приставки сузили свои функции, а отделяемые – расширили и стали более продуктивными (напр., *ein-*).

3) смысловое упрощение: исчезли многие пары глаголов, где приставка не меняла смысл основного глагола.

4) спад продуктивности приставки *ge-*: эта приставка полностью потеряла способность образовывать новые глаголы и сохранилась только в причастиях прошедшего времени.

Сходные явления отмечаются и для суффиксов:

1) сдвиг ролей: суффиксы утратили ведущую роль в изменении способа действия (акциональности), которая перешла к приставкам. Старые суффиксы вымерли или их значение стерлось.

2) появление новых «лидеров»: например, популярность иноязычного суффикса *-ieren* резко возросла, и он занял место прежнего лидера *-igen*.

На основании полного частотного анализа языкового корпуса авторы приходят к следующему выводу: в ходе развития от средневерхненемецкого и ранненововерхненемецкому периоду система перешла от суффиксального к префиксальному способу образования глаголов.

Далее, проводимый анализ учитывает региональное варьирование (диатопию) афиксов. Если в случае приставок различия в основном состояли в их написании, а не в их функциях, то, напротив, некоторые суффиксы имели четкую региональную «прописку»: так, суффикс *-ieren* был популярен на юге, а *-igen* – в центральных регионах германских земель.

Кроме того, была исследована также связь распределения афиксов с типами текстов (диатекстуальность). Было установлено, что если префиксы слабо зависели от жанра, то суффиксы были более чувствительны к этому параметру. В частности, суффикс *-ieren* характерен для куртуазной литературы, а *-igen* – для религиозной прозы (см. подробнее: [5: 156–161]).

Как можно видеть, современная наука о словообразовании немецкого языка отказывается от жесткой дихотомии «диахрония vs. синхрония». Методологической нормой становится интегративный подход, базирующийся на следующих тезисах:

1. Любое синхронное состояние системы гетерогенно и пронизано следами прошлых и зародышами будущих изменений. Соответственно, вариантность, двойная мотивация или колебания нормы – это не признаки сбоя системы или ошибок, а прямые сигналы о латентных процессах языкового изменения.

2. Диахронические процессы не могут быть адекватно объяснены без понимания системных отношений в синхронных срезах, через которые они проходят. Исчезновение модели объясняется не абстрактным «устареванием», а ее проигрышем в конкуренции в рамках определенной функциональной ниши.

3. Языковая структура и языковое сознание взаимосвязаны. Нормативная деятельность интеллектуалов, основанная на определенной идеологии, способна активно формировать словообразовательную систему, делая ее более продуктивной и «прозрачной», как это и произошло в немецком языке.

Таким образом, методологической особенностью исторического и современного словообразования (на примере немецкого языка) как лингвистической дисциплины является не строгий безальтернативный выбор между подходами, а их синтез, позволяющий построить трехмерную модель словообразования, учитывающую его формальную структуру, историческую динамику и культурно-идеологическую обусловленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка, XVI–XVIII вв. / АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1984. 248 с.

2. DWb – Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/25. URL: www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemid=H05708 (дата обращения: 22.09.2025).

3. Habermann M. Sprachwandel im Licht diachroner und synchroner Wortbildung // Habermann M., Müller P.O., Munske H.H. (Hgg.): Historische Wortbildung des Deutschen (RGL 232). Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 41–57.

4. Lexer – Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/25. URL: www.woerterbuchnetz.de/Lexer?lemid=T02561 (дата обращения: 22.09.2025).

5. MhdGr. III 2009 – Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (Hgg.): Mittelhochdeutsche Grammatik, Teil III: Wortbildung. Tübingen: Niemeyer, 2009.

6. Müller 2002 – Müller P.O. Historische Wortbildung im Wandel // Habermann M., Müller P.O., Munske H.H. (Hgg.): Historische Wortbildung des Deutschen (RGL 232). Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 1–12.

7. Munske 2002 – Munske H.H. Wortbildungswandel // Habermann M., Müller P.O., Munske H.H. (Hgg.): Historische Wortbildung des Deutschen (RGL 232). Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 23–40.

8. Ortner и др. 1991 – Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache: eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Hauptteil 4. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1) / Hrsg. von L. Ortner u. a. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. 863 s.

9. Seebold 2002 – Seebold E. Was ist synchronische Wortbildungslehre? Was ist diachronische Wortbildungslehre? // Habermann M., Müller P.O., Munske H.H. (Hgg.): Historische Wortbildung des Deutschen (RGL 232). Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 13–22.

10. Solms H.-J. Historische Wortbildung // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger (Hgg.) – 2., vollständig neu bearb. und erweit. Aufl. Teilbd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). S. 596–609.

11. Von Polenz 2002 Polenz P. von. Historische Wortbildung und Sprachbewußtseinsgeschichte // Habermann M., Müller P.O., Munske H.H. (Hgg.): Historische Wortbildung des Deutschen (RGL 232). Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 459–463.

УДК 811.512.157

Борисова Юлия Михайловна
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
Borisova Yuliya Mikhailovna
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
E-mail: julaai@mail.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СЕНОКОШЕНИЯ ЯЗЫКА САХА

SYNTAGMATIC WAYS OF FORMING TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN THE SAKHA LANGUAGE RELATED TO HAYMAKING

Аннотация: *В статье проводится анализ терминологических словосочетаний якутского языка, связанных с процессом сенокошения. На основе собранного фактического материала из различных источников, рассматриваются разновидности терминологической синтагматики: сложные термины, составные термины и слова-термины, состоящие из трех и более слов. Такие модели обеспечивали семантическую прозрачность и легкое усвоение терминов носителями языка.*

Annotation. *The article analyzes the terminological phrases of the Yakut language related to the haymaking process. Based on the collected factual material from various sources, the varieties of terminological syntagmatics are considered: complex terms, compound terms and words-terms consisting of three or more words. Such models provided semantic transparency and easy assimilation of terms by native speakers*.

Ключевые слова: *якутский язык, терминологические словосочетания, сенокос, сложные термины, составные термины*

Keywords: *Yakut language, terminological phrases, haymaking, complex terms, compound terms*

Сенокошение является одним из традиционных занятий народа саха, от процесса заготовки сена в летний период зависит выживание крупного рогатого скота в зимний период. Раньше до внедрения механизации в сельскохозяйственный труд, подготовка к сенокосу и сам ручной сенокос за-

нимал весь летний хозяйственный цикл. К лексическим единицам данной отрасли относятся обозначения отдельных процессов сенокошения, орудий труда, виды сена и его состояния. Исследование лексики, связанной с сенокошением в языке народа саха, демонстрирует не только богатство и разнообразие языковых единиц, но и их глубокую связь с культурными традициями и образом жизни. Источниковой базой для исследования послужили данные толковых, переводных и диалектологических словарей якутского языка.

Как известно, одной из отличительных особенностей начального этапа терминологической работы являлось активное использование составных номинаций, представленных многокомпонентными словосочетаниями, выполняющими терминологическую функцию. Данный способ номинации отражал потребность в точном обозначении новых понятий при отсутствии устоявшихся однословных эквивалентов. Например, такие единицы, как *от түгэҕэ* ‘основание стога’, *суор тумса хотуур* ‘коса с изогнутым лезвием’ или *кыдама атырдьах* ‘длинные вилы’, не только фиксировали специализированные понятия, но и сохраняли прозрачную внутреннюю форму, что облегчало их восприятие носителями языка.

Подобные словосочетания часто возникали как результат описательного перевода или калькирования, что позволяло адаптировать новые реалии к языковому сознанию и культурному контексту. Их структурная сложность компенсировала отсутствие лаконичных терминов, обеспечивая при этом семантическую точность и доступность. Доктор филологических наук Е.И. Оконешников отмечает, что термины-словосочетания отличаются однозначностью и большей терминологической точностью, что не всегда достигается при подборе слов-терминов [4: 126]. Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин подчеркивают, что «если слово или словосочетание выражают профессиональное понятие, если сфера функционирования слова или словосочетания ограничена рамками знания, оно должно включаться в терминологический словник даже в том случае, если словосочетания состоит из 5, 6 и более слов» [2: 67].

Таким образом, терминологическими словосочетаниями признаются семантически целостные и воспроизводимые единицы, обладающие функцией выражения специальных понятий. Принципиальное отличие терминологического словосочетания от свободного заключается в его однопонятийной природе – устойчивой связи с определенным понятием в рамках конкретной терминосистемы. Е.И. Оконешников выделяет три разновидности якутской терминологической синтагматики: сложные термины, составные термины и термины-словосочетания, состоящие из трех и более компонентов [5: 175].

Сложные термины определяются как лексикализованные словосочетания, приобретшие в процессе семантико-структурной интеграции статус единой номинативной единицы. Сложный термин функционирует как семантически целостный знак, характеризующийся неразрывным единством плана содержания (означаемого) и плана выражения (означающего). Из собранного материала, можно сделать вывод о том, сложные термин сенокошения, в основном построены по изафетной конструкции: *от хомуура* ‘сенокос’ [7: 280], *атырдьах салаата* ‘рожон’ [6: 98], *хотуур*

суола ‘прокос’ [1], *от охсуута* ‘сенокошение’ [7: 280], *нуучча хотуура* ‘литовка’ [7: 280], *саха хотуура* ‘горбуша’ [7: 280]. Наиболее яркой характеристикой сложного термина является невыводимость его значения из значений составляющих его компонентов. Образование некоторых сложных терминов в области сенокошения происходит с помощью примыкания или управления: *оттуур сир* ‘покос’ [6: 105], *охсуллубут от* ‘сено’ [6: 90], *кэбиһиилээх от* ‘стог’ [6: 90], *кылыс от* ‘осока’ [6: 65], *сытыган эрбэһин* ‘полынь’ [7: 363], *от охсооччу* ‘косарь, косец’ [7: 280]. Функция сложного термина – обозначать одно специальное понятие с помощью комбинации двух слов, образующих смысловое единство. Обязательным внешним признаком в данном случае выступает его однословный эквивалент в русском языке.

Составные термины, как и сложные термины, состоят из двух компонентов – элементов, которые некогда были частью свободных словосочетаний. В результате лексикализации они приобретают семантическую целостность, проявляющуюся в устойчивой связи компонентов. Терминологическое значение составного термина выводится из общего значения его компонентов, при этом терминологическое значение опорного компонента распространяется на все словосочетание. Главным компонентом, формирующим значение составного термина, является однословный термин – выразитель родового понятия. Составной термин чаще всего употребляется для обозначения видового различия родового терминологического поля:

– составные термины, построенные по изафетной конструкции – *от тҥһэ* ‘вершина стога’ [7: 280], *от хааһа* ‘бровка стога’ [7: 280], *от тэллэҕэ* ‘основание стога’ [6: 280], *от мунньуута* ‘уборка сена’ [7: 280]; *от кэбиһиитэ* ‘стогование сена’ [1], *хотуур хаалыыта* ‘конец косовицы’ [1], *от үлэтэ* ‘сенокосная страда, сеноуборочные работы’[1], *сыһыы бэттиэмэтэ* ‘мятлик луговой’ [1]. Как показывают примеры, такие термины в результате лексикализации приобретают устойчивый характер и преимущественно обозначают конкретно-предметные понятия.

– особенность составных терминов, построенных на подчинительной связи управления, заключается в том, что опорными словами в них выступают существительные с универсальными терминообразующими аффиксами (-ыы): *тэлгэтэн охсуу* ‘косьба с раскидкой’*, хомуйтаран охсуу* ‘косьба со сбором’*, ыһан охсуу* ‘косьба с разбрасыванием’ [6: 130].

В терминологической лексике, связанной с сенокошением имеются составные термины, образованные на основе атрибутивных отношений их компонентов, в них первый компонент выступает в роли определения второго, хотя между ними порою не наблюдается живой атрибутивной связи: *тҥҥтэх от* ‘охапка сена’ [7: 417]; *тимир атырдьах* ‘железные вилы’ [7: 52], *кыдама атырдьах* ‘длинные вилы’ [1], *кур от* ‘прошлогоднее сено’ [6: 57], *оттоох ходуһа* ‘травянистый луг’ [7: 280] и др.

Трехкомпонентные терминологические словосочетания образуются на базе других терминологических образований: сложных терминов, составных терминов и опорных слов-терминов, – которые выступают в качестве ведущего терминообразующего средства для терминологических словосочетаний, состоящих из трех и более компонентов: *көлө-илии звенота*

‘полумеханизированное звено (на сенокосе)’ [1], *от охсор массыына* ‘сенокосилка (прицепляется к транспорту)’ [1].

Отличительная черта терминосистемы сенокошения в якутском языке – наличие безэквивалентной диалектной лексики, переданной в словарях описательным переводом, как показывает материал такими примерами являются в основном наименования, определяющие размер стога в Верхоянском улусе: *тоһоҕос от* ‘стог сена на 20 голов скота зимнего содержания’ [3: 244], *мөҥүрүөн от* ‘стог сена на шесть коров зимнего содержания’ [3: 163], *кырыылаах от* ‘стог сена, рассчитанный на 10 голов скота зимнего содержания’ [3: 138], *уучча бэргэһэтэ* ‘стог сена на пять голов скота зимнего содержания’ [3: 267], *эҥил мэйиилээх* ‘стог сена на пятнадцать голов скота зимнего содержания’ [3: 321].

На основе представленного в исследовании материала, можно сделать вывод о том, что лексика сенокошения в якутском языке представляет собой не просто набор профессиональных терминов, а ценный культурно-исторический пласт, отражающий традиционный уклад жизни и хозяйственную деятельность народа саха. Она включает три основных типа терминологических единиц – сложные, составные и многокомпонентные термины, – формирующиеся на основе аналитических моделей номинации и часто сохраняющие семантическую мотивированность. Синтаксический способ терминообразования служит эффективным инструментом для вербализации современных сложных научно-технических понятий, позволяя создавать точные, прозрачные по семантике и функционально ориентированные термины-словосочетания. Этот подход обеспечивает гибкость номинации, системность терминологии и адаптацию новых концепций в языковое сознание без потери точности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь якутского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// https://igi.ysn.ru/btsja/ (дата обращения: 15.05.2025).

2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 105 с.

3. Диалектологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976. 392 с.

4. Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха: (на материале общей и отраслевой лексикографии). Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. филиал, 2004. 196 с.

5. Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии: сб. науч. статей. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. 210 с.

6. Петрова Т.И. Краткий якутско-русский словарь. Якутск: Якутский Край, 2005. 203 с.

7. Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П.А. Слепцова. М.: Сов. Энциклопедия, 1972. 608 с.

УДК 811.512.145

Булатова Миңнира Рәхим кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Булатова Миннира Рахимовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Казань Россия
Bulatova Minnira Rakhimovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: m.r.bulatova@mail.ru

КИРОВ ӨЛКӘСЕ ТАТАРЛАРЫ
(балтач, нократ сөйләшләре һәм йола фольклоры үрнәкләре)

ТАТАРЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(нукратский, балтасинский говоры и образцы обрядового фольклора)

TATARS OF THE KIROV REGION
(Nukrat, Baltasin subdialects and examples of ritual folklore)

Аннотация. *Статья посвящена языковой характеристике татар Кировской области. В работе рассматриваются некоторые фонетические, морфологические особенности балтасинского и нукратского говоров среднего диалекта татарского языка. Она написана на основе конкретных материалов, собранных автором во время экспедиции, организованной в 2018 г. Институтом языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ по татарским населенным пунктам Слободского, Малмыжского и Вятскополянского районов Кировской области. Приводятся образцы речи, содержащие материалы по обрядовому фольклору татар данного региона.*

Annotation. *The article is devoted to the linguistic characteristics of the Tatars of the Kirov region. The work examines some phonetic, morphological, lexical features of the baltasin and nukrat subdialects of the middle dialect of the Tatar language. It is written on the basis of specific materials collected by the author during a comprehensive expedition conducted in 2018 by the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to Tatar settlements of the Slobodsk, Malmyzh and Vyatskopolyansk districts of the Kirov region. Speech samples containing materials on the ritual folklore of the tatars of this region are provided.*

Ключевые слова: *диалектология, средний диалект татарского языка, балтасинский говор, нукратский говор, фонетика, морфология, обрядовый фольклор*

Keywords: *dialectology, middle dialect of the Tatar language, baltasin subdialect, nukrat subdialect, phonetics, morphology, folk traditions*

Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, дөньяда татарларның телен, әдәбиятын, халык иҗатын, музыкаль һәм тасвирый сәнгатен югары фән дәрәҗәсендә өйрәнә торган гыйльми-тикшеренү үзәге буларак, милләттәшләребез яшә-

гән төбәкләргә ел саен экспедицияләр оештыра. Халкыбызның рухи һәм милли-мәдәни мирасын туплауны дәвам итү максаты белән 2018 елда Киров өлкәсенең Слободской, Малмыж һәм Нократ Аланы районнарына фәнни экспедиция уздырылды. Бу өлкәдә татар теле урта диалектының нократ һәм балтач сөйләшләре урын алган.

1. *Нократ (нократ-кистем) сөйләше* Вятка (тат. Нократ) елгасының бер тармагы булган Чепца елгасы бассейнында таралган: Киров өлкәсенең Слободской районында һәм Удмуртия республикасының Юкамен, Глазов, Балезино районнарында. Сөйләшне болай атау Вятка (Нократ) төбәгендәге кырыктан артык татар авылларын берләштерүче Слободской районының Нократ (Карино) һәм Балезино районының Кистем авыллары исемнәреннән чыгып кабул ителгән.

Чепца буе татарлары казан татарларының мөстәкыйль төркемен тәшкил итәләр һәм глазов-кистем (югары Чепца), юкамен-палагай (урта Чепца), нократ (түбән Чепца) төркемнәренә бүленеп йөртеләләр [4: 5; 3: 36–37]. Татар диалектологиясе фәнендә нократ сөйләшенең кистем, бисермән-керәшеннәр, нократ, глазов (юкамен) урынчылыклары билгеләнгән [1: 142]. Киров өлкәсенең Слободской районы татар авыллары нократ урынчылыгына карый.

Нократ сөйләшендәге кайбер фонетик үзенчәлекләр:

[*а*] авазы, барлык позицияләрдә дә урта диалектның касыйм, пермь, дөбьяз, нагайбәк, керәшен сөйләшләрендәге кебек, иренләшү төсмере булмаган, ачык аваз булып әйтелә (мәсәлән, қатын – әд. ха^{o}тын, орф. хатын). Бу үзенчәлеге белән татар теленең көнбатыш диалект сөйләшләре белән дә уртаклык күрсәтә.

[ә] авазы ике вариантта: а) татар әдәби телендәгечә киң әйтелешле (*сәғәт* – әд. сәгать, *қәғәз* – кәгазь, *Сәлимә);* б) тар әйтелешле [*ə*] – яңгырашы белән рус телендәге [э] авазына якын тора (*чәчкә* – әд. чәчкә, *киләләр* – киләләр). Бу үзенчәлек белән нократ сөйләше казан арты керәшеннәре сөйләшенең мишә һәм кама буе урынчылыклары, шулай ук касыйм, пермь, мордва-каратай сөйләшләренә якын тора.

Нократ сөйләшендә [э(*е*)] авазының шулай ук ике варианты бар: а) тар әйтелешле [э(е)], гомумтатар сүзләрендәге кебек, тамыр һәм кушымчаларда, сүз башында һәм сүз ахырында килә ала (эшче, беренче); сөйләштә ул әдәби телдәге [ө] авазы урынына да кулланыла (*элеш* – әд. *өлеш, сет* – сөт һ. б.); б) киң әйтелешле [э(е)] авазы әдәби телдәге [*и*] авазы урынына килергә мөмкин (*бэш* – әд. биш, *тэз* – тиз, *кэрпеч* – кирпеч һ. б.).

Сөйләштә кайбер сүзләрдә әдәби телдәге [*ч*] тартыгы урынына нечкәртелгән [*т'*] кулланыла: *т'ишмә* – әд. чишмә, *т'аршу* / *т'аршоу* – чаршау, *т'ашка* – чашка һ. б.

Сүз һәм иҗек ахырында тирән тел арты [*қ*], [*к*] тартыкларына аерым очракларда йомык [’] (һәмзә) аваз тәңгәл килү күренеше күзәтелә: *қай’қаныма* – әд. кайтканыма, *ите* – итек, *би’йыра’* – бик йырак, *а’ча* – акча һ. б. (урта диалектның касыйм сөйләшенә дә хас күренеш). Сирәк очракларда йомык аваз [’] (һәмзә) тел алды [*д*], [*т*] тартыкларын да алмаштыра: *ир-а'лар* – әд. ир-атлар, *за’лы* – затлы һ. б.

Морфологик яктан:

Исем-исем сүзтезмәләре нократ сөйләшендә күп очракта кушымчасыз гына кулланыла: *қазан кеше* – әд. казан кешесе, *ураза бәрйэм* – ураза бәйрәме. Чагышт.: шулай ук урта диалектның пермь һәм көнчыгыш диалект сөйләшләрендә дә.

Иялек һәм төшем килешендәге исемнәр һәм алмашлыкларга *-қысы* / *-кесе* кушымчалары ялгап сөйләү нократ сөйләшенең төп морфологик үзенчәлекләреннән берсе дип әйтергә мөмкин: *безненкесе йер алма* – әд. безнең бәрәңге, *қызымнықысы шал′* – кызымның шәле, *анынқысы кулмик* – аның күлмәге һ. б.

Хәзерге заман хикәя фигыльнең кушымчасы киң вариантта, ягъни *-ай*/ *-әй* дип әйтелә: *син йасайсын* – әд. йасыйсың, орф. ясыйсың, *кәрәксенмәйләр* – кирәксенмиләр. *Бәлешне чақырышқан wақытта (мәсәлән, туйда) йасайбыз* [2: 79]. Чагыштыр, *-ай*/*-әй* вариантларын кулланып сөйләү Себер, Башкортстан, Әстерхан, Чиләбе һ. б. өлкә татарларында да сакланган. Әлеге форма татар әдәби телендә XIX гасыр ахырына кадәр кулланылган.

Фигыльнең *-ма*/*-мә, -мага*/*-мәгә* формалары күзәтелә: *Сабантуйны уздырма* (әд. уздырырга) *тийешләр. Сезне тыңнамаға керәйем әле дидем.* Бу формалар әлеге көндә урта диалектның касыйм, бәрәңге, пермь, бастан, эчкен, әстерхан һәм өлешчә тагын башка сөйләшләрендә сакланган.

Нократ сөйләшендә, әдәби телдән аермалы буларак, исә, -ды + исә теркәгече дә бик еш кулланыла: Сүземә исә қолақ та салмадылар. Йаңғыр йауды исә (әд. яуса), әйберләрне өйгә керт. Чагыштыр: -ды исә (борынгы татар телендә -ды ирсә) конструкциясе Башкортстан, Пермь, Курган өлкәсендәге татар сөйләшләренә дә хас күренеш.

Әйтергә кирәк, нократ сөйләшендә татар теленең башка реликт (нагайбәк, касыйм, пермь, керәшен, подберезье, мордва-каратай) сөйләшләрендәге кебек, тарихның тирән катламнарын ачарга ярдәм итә торган, иске татар язма әдәби теленә хас булган үзенчәлекләр ныграк сакланып калган.

2. *Балтач сөйләше.* Киров өлкәсенең Малмыж һәм Нократ Аланы районнарында яшәүче милләттәшләребез тел үзенчәлекләре ягыннан татар теле урта диалектының балтач сөйләшенә карый. Балтач сөйләше Татарстанның төньяк-көнбатышында, Киров өлкәсенең һәм Удмуртиянең көньягында (Шушма һәм Бурец елгалары бассейны) таралган. Бу сөйләш – казан арты сөйләшләре арасында әдәби телгә иң якын торганы. Нократ Аланы Татарстанның өлешчә Мамадыш районы белән чиктәш булганга күрә, биредә бераз мамадыш сөйләше үзенчәлекләре дә чагылыш таба. Төбәктә яшәүче халыклар белән аралашу нәтиҗәсендә биредәге татарларның күбесенчә Татарстанның Балтач, шулай ук Кукмара, Арча районнарыннан күчеп килеп төпләнгәннәре ачыкланды.

Нократ Аланы һәм Малмыж районнарында таралган сөйләшнең авазлар системасы, сүз төркемнәре, грамматик категориясе һәм сүзлек байлыгы, нигездә, татар әдәби тел белән бертөрле. Фонетика өлкәсендә аерымлыклар позицион күренешләргә һәм аваз тәңгәллекләренә кайтып кала: [а] авазының көчле иренләшкән варианты хас (а^{o}т, ка^{o}ра^{o}); ике сузык арасындагы [д] авазының яңгыраулашуы (қазақ – әд. кадақ); [з] авазына сирәк кенә очракларда интерденталь («сакау») [*d*] тәңгәл килә (*хәdер* –

әд. хәзер, хәдрәт – хәзрәт); [ң] авазына тел очы [н] тәңгәллеге иялек килеш кушымчасында, 2 нче зат берлек сан хикәя фигыльдә һәм кайбер сүзләрдә күзәтелә (безнен – әд. безнең; *барасын* – барасың); *җ*-лаштыру системалы түгел (йарый / җарый – әд. йарый, орф. ярый); [ң] тартыгыннан соң [ғ], [г] авазлары өстәлү очраклары (*моңғар* – әд. моңа, *бабайыңға* – бабаеңа) һ. б.

Морфология өлкәсендә дә диалекталь күренешләр күп түгел: *аннан ары* / *аннан соң* рәвеше урынына *андары* сүзен куллану (*Бәрәңге, суған кушасың, андары қамыр белән төрәсең аны);* -сынға/-сенгә кушымчалы хәл фигыль формасын актив куллану (*булсынға* – әд. булсын өчен: *Бу ризық тәмлерәк булсынға әзерәк ит тә қуштық); -ғач*/*-гәч* кушымчалы хәл фигыльнең -ғачыннан/-ғачтын вариантларында кулланылуы (*Дучмақны пичтән алғачыннан* (әд. алгач), *киндер орлоғы белән майлыйлар);* дағын / дәген (әд. да / дә) теркәгечен куллану *(*Аны дағын чақыр); йабышу сүзенең ‘башлау, керешү’ мәгънәсе актив булуы (*Татарстанда футбол йабыша* (башлана) *инде.* Алты йәштән йабыштым эшләргә); кайбер авылларда кеше исемнәре кыскартылу. Мәсәлән, Яңа Пенәгәр авылында кеше исемнәрен тулы көе, ә Иске Пенәгәрдә кыскартып әйтәләр (Самыйқ – әд. Самигулла, Заһи – Заһидулла) һ. б.

Түбәндә Киров өлкәсенең Нократ Аланы районы татарларыннан диктофонга язып алынган, аларның тел үзенчәлекләрен, йола фольклоры үрнәкләрен чагылдырган сөйләү үрнәкләре (балтач сөйләше) тәкъдим ителә.

А) [*Дәрә боткасы*. Сез аны ‘қарға ботқасы’, дисез, ә бездә ‘дәрә ботқасы’, диләр. Монда урман булған. Эшнәwер дигән awылда бик бай кеше йәшәгән. Аның булған Дарйа дигән қызы. Ул қыз йаз көнө урманға кереп китеп адашқан. Ул қызны awыл халқы берничә сутка эзләгән. Тапқаннар. Атасы анын қызын тапқан сөйөнөштән қазан белән ботқа пешереп, бөтөн халықны сыйлаған. Андары аны сабан wақытына күчергәннәр. Безнен awылның бер кешесе шул байда хезмәт иткән. Аның сөйләwе буйынча бу.

Дәр, дәр, дәрәгә, иртә торып,
Берсекөнгә сөрәнгә.
Сөрән суққан, бай булған,
Трупка тартқан – йуқ булған.
Һай, һай, һай, диләр,
Свей татаны бай, диләр]

(*Киров өлкәсе Нократ Аланы районының Түбән Шөн авылында С.С. Шәрәфетдиновадан (1945 елгы) Миңнира Булатова язып алды. 2018 ел)*.

Б) [*Дәрә боткасы* сабантуй алдыннан була. Бер төркөм бала-чагалар қапқа төбөнә киләләр. Кешедән дәрә җийып. Беренче көнне дәрә ботқасы була. Икенче көнне йаулық җийалар. Өчөнче көннө сабантуй, көрәш була. Қапқа төбөнә чыгып, балаларның килгәнен көтөп торабыз. Пар йоморқа, кем борчақ бирә, кем йарма, сөт, май бирә. Алар рәхмәт әйтеп, «Дәрә ботқасы ашарға килегез», дип әйтеп китәләр. Кем, қайсы ғаилә пешерәсен алдан әтеп қуйалар. Ботқаны бер җайлы җирдә қазанда пешерәләр.

Җийылған әйберләрдән. Шунда ботқаны бүлеп-бүлеп бирәләр. Awыл башында була] (*Нократ Аланы районының Ямул авылында Т.Н. Сайфетдиновадан (1946 елгы)* Миңнира Булатова язып алды. 2018 ел).

В) [*Исакайлар – каз өмәсендә казны юарга төшкәндә, яшьләрнең төрлечә шаян киенеп уйнап-биеп йөрүләре*). Қаз өмәсендә, қаз йуарға су буйына төшәләр. Исақайлар туннарны әйләндереп кийәләр. Маскалар кийеп, артқа қойорықлар тағалар. Иске йыртық кийемнәрне кийеп, мыйықлар йабыштырып. Җен булып та йөрөйләр. Қайсы айу, қайсы бүре була шунда. Әл дә кийенәләр. Awылның теге йағыннан йабышабыз (*башлыйбыз*), чығып китәбез дәген, бу йаққа хәтле. Гармуннар белән. Теге башта дискотека була инде аннан] (*Киров өлкәсе Нократ Аланы районының Яңа Пенәгәр авылында С.Н. Нургалиевтан (1940 елгы)* Миңнира Булатова язып алды. 2018 ел).

Шулай итеп, Киров өлкәсенең татар авылларында урта диалектның нократ (Слободской районы) һәм балтач (Малмыж һәм Нократ Аланы районнары) сөйләшләре таралган. Бу сөйләшләр бер төркем үзенчәлекләре белән бер-берсеннән аерылып торуга карамастан, иң беренче чиратта, уртак булган фонетик, морфологик һәм лексик билгеләр нигезендә милли телебезнең төп өлешен тәшкил итәләр. Киров өлкәсе татарлары әби-бабалары тапшырып калдырган йолаларны, гореф-гадәтләрне ихтирам итеп, матур татар телебездә аралашып гомер кичерәләр.

ӘДӘБИЯТ

1. Баязитова Ф.С. Нократ сөйләше // Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Казан: Мәгариф, 2008. I кит. Б. 140–155.

2. Булатова М.Р. Татар теле урта диалектының балтач сөйләше һәм халык традицияләре // Милли-мәдәни мирасыбыз: Киров өлкәсе татарлары. Казан, 2022. Б. 81–119.

3. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирования, расселения и демография). Казань, 1993.

4. Сыркина И.А., Касимова Д.Г. Загадки незагадочного народа: историко-этнографический очерк о чепецких татарах. Глазов: ГГПИ, 1994. 175 с.

УДК 81’276.3:398.3

Вайрах Юлия Викторовна
Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия
Vayrakh Yulia Viktorovna
Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russia
E-mail: vayrakh@yandex.ru
Демидова Евгения Евгеньевна
АНО ВО «Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семенова–Тян-Шанского»
Санкт-Петербург, Россия
Demidova Evgenia Evgenievna
International Humanitarian University
named after P.P. Semenov–Tyan-Shansky
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: mgu-spb@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ЦАРЬ-БАТЮШКА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

COGNITIVE MODEL «THE TSAR-FATHER» IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Аннотация. *Цель статьи – описание патерналистской когнитивной модели «царь-батюшка». В русской лингвокультуре государство мыслится как единая семья, возглавляет которую правитель. Существует два способа актуализации этой когнитивной модели: 1. государь-батюшка; 2. царь-батюшка. В XXI в. выражение царь-батюшка относится к устаревшей лексике, чаще употребляемой в ироничном контексте.*

Annotation. *The purpose of the article is to describe the paternalistic cognitive model of the “tsar-father”. The state is thought of as a single family headed by a ruler in Russian linguoculture: in tsarist times, the tsar, the emperor, in modern times, the president. There are two ways to actualize this cognitive model: 1. The Sovereign father; 2. The Tsar father. The expression tsar-father refers to outdated vocabulary in the 21st century, more often used in an ironic context.*

Ключевые слова: *когнитивная модель; русская лингвокультура; символ; концептуальная структура; языковая картина мира*

Keywords: *cognitive model; Russian linguoculture; symbol, conceptual structure, language picture of the world*

Введение. Отечественная лингвистика в начале XXI в. обратилась к теме лингвокультурных кодов, заложенных в фундамент языка [2; 4: 185–191; 5: 5–19; 6: 146–148]. Обращение к семиотике и семантике родства позволяет проанализировать языковые факты, описывающие власть в медиадискурсе.

Для достижения поставленной цели необходимо описать когнитивную модель «царь-батюшка». В статье решаются три задачи: 1) определение способов актуализации изучаемой модели; 2) описание вкладываемых

в модель смыслов в диахроническом аспекте; 3) выявление аксиологических компонентов в структуре концепта *царь*. Научная новизна статьи состоит в анализе когнитивной модели «царь-батюшка», репрезентируемой в медиадискурсе.

Литературный обзор. О Родине и модели родовой организации государства в русской лингвокультуре М.В. Пименова пишет так: «В значении "место обитания" различные эквиваленты имен определяются женским родом: *Россия, Русь, страна, Родина, земля, родная сторона, семья*. Слова, образованные от корневой морфемы *-отец-*, реализуются в форме женского или среднего рода: *Отчизна, Отечество*. <…> Эти языковые реалии обусловлены тем, что в мифопоэтическом сознании русского народа *страна, земля, Отчизна* ассоциируются с местом рождения, матерью и семьей, отсюда *Родина-мать, мать-сыра-земля*, управительница страной – царица-матушка. Страна и люди, ее населяющие, – это большая семья (ср.: *царь-батюшка*)»» [8: 57]. Эта модель восходит к древним представлениям о наших предках, помогающих нам в повседневной жизни: «Прототипичными религиозными воззрениями у русских (шире, у славян) были представления о предках-помощниках с того света, позже наделяемых признаками божеств. Кто живёт сейчас – тот внук этих дедов и баб (в «Слове о полку Игореве» русские называются *Дажьбоговы внуцы*)» [7: 374]. Род занимает важную позицию в повседневной жизни каждого носителя языка. Родственные отношения являются сферой метафорической экспансии во всех лингвокультурах. К описанию образа царя-батюшки обращались многие ученые [11: 430–433; 3: 242–255; 9: 51–57; 10: 261–270; 15: 100–105].

Тема терминов родства в образовании концептуальных метафор сохраняет свою актуальность и является недостаточно изученной, что определяет актуальность проводимого исследования.

Результаты. В «Большом академическом словаре современного русского языка» у слова *батюшка* указано 3 значения: 1. Устар. и народ.-поэт. Отец (обычно с оттенком почтительности); 2. Устар. почтительно-ласковое обращение к собеседнику; 3. Священник (с оттенком почтительности); 4. Только мн. в значении междометия. Разг. Употребляется для выражения изумления, радости, испуга и т. п. [1 (т. I): 362–363]. Выражение *царь-батюшка* относится к разговорному стилю, содержащему оценку – уважение:

Из них видно, на какой высоте стоял государь в глазах народа, как высоко чтили русские люди царя; а из обычного народного выражения «царь-батюшка» видно, что, несмотря на эту высоту царской власти, народ чувствовал и сердечную связь с государем. В.В. Сиповский. Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах (С XVI до XVII ст.) (1904).

Когнитивная модель «царь-батюшка» первоначально имела несколько вариантов актуализации. Рассмотрим их поэтапно.

1. Государь-батюшка.

Слово *государь* этимологи возводят к форме *господин*: «Праславянское по своему происхождению **gospodarъ* 'хозяин, владелец' получило значение 'правитель, монарх' в канцелярии последних галицко-волынских

князей, откуда в 1349 г. оно было перенесено вместе с галицкой канцелярской традицией в краковский королевский двор, где оно впервые засвидетельствовано в составе титула короля Казимира III (*господарь рускоѣ землѣ*) в соответствии с титулом *dominus Russiae* в латиноязычных документ. х. В результате польско-литовской персональной унии (1386) титул *господарь* перешел к великим князьям литовским. В самом конце XIV в. из западнорусского (староукраинского-старобелорусского) канцелярского языка Великого княжества Литовского титул заимствовали молдавские воеводы, а несколько позже, в первой половине XV в. также великие князья московские...» [14: 329]. Монеты XV в. свидетельствуют о том, что в титуле московских великих князей появляется слово *господарь* (*осподарь*): «В 1447–1448 гг. монеты Василия II выпускаются с надписью *осподарь всея Русския земли* или *осподарь всея Руси* (*wсподарь всеѣѧ Русиі*)» [13: 12–13]. Еще раньше «слово *господарь* (*осподарь*) встречается просто как обозначение владетельного князя» [12: 8]. В XVI–XVII вв. *господарь* сменяется словом *государь*.

Указанный способ актуализации когнитивной модели был первичен (согласно данным Национального корпуса русского языка). Эта модель встречается в записанной в 1786 г. «Сказке о Иванушке-дурачке»:

Однако царевна скинула у него с головы тряпку и увидела ту алмазную звезду, которую она ему в лоб влепила, тотчас взяла его за руку, повела к своему отцу, царю Гестону, и ему сказала: «Милостивейший ***государь батюшка****, ваше величество!*

В сказке дочь царя – царевна – обращается к своему отцу, подчеркивая уважительное к нему отношение: *батюшка*.

Царь традиционно именовался *государем*: *царь-государь* – народная форма уважительного обращения к правителю. Слово *государь* относится к высокому стилю, что подчёркивает статус царя и место его в общественной иерархии:

*И, набрав в лесу лык, сделал себе кнут, и по бычачьей коже хлопал, и говорил: «****Государь-царь****, помилуй, не я крал, батюшка крал!»* Сказка о Шибарше (1740).

Царь-государь «устар. господин, владелец, хозяин» [1 (т. III): 342].

2. Царь-батюшка.

Этот способ актуализации одноименной когнитивной модели впервые употребляется Ф.В. Булгариным в романе «Димитрий Самозванец» в 1830 г.:

Уж как Божие-то племя велось на царстве, так все были равны у ***царя-батюшки****, а что убоже, то лучше.*

Эта модель в данном контексте встраивается в категорию «свой-чужой»: батюшка квалифицируется как свой (родной) – *наш*:

А как взговорит млад сизой орел, Царь наш батюшка Иван Прозритель К своим детушкам, к войску русскому…

Жену царя – царицу – называют *матушкой*:

Картина была умилительная, встречающаяся только в России, где восторг народа при виде своей царицы-матушки или царя-батюшки искренно-непосредственен и сердечно-шумен. Н.Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898).

Матушкой принято называть Родину – Россию:

И вера у казаков или православная, или по старому обряду, как у русских, и говорят казаки тем же чистым русским языком, как говорят и на Руси, и любят ***матушку Россию*** *и Царя Батюшку, как любит их всякий русский человек*. П.Н. Краснов. Атаманская памятка (1898).

Своих – родных – положено защищать. За них можно и голову сложить:

Хочу голову свою положить за царя-батюшку! К.П. Масальский. Стрельцы (1832).

Сам царь выступает в качестве защитника, покровителя всего рода-народа:

Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. А.С. Пушкин. Дубровский (1833).

Как отец семейства блюдет интересы своей семьи и ее членов, так и царь отстаивает границы своего владения и покровительствует тем, кто ему подчиняется. Однако в семье отношения родственные: относиться друг к другу *по-родственному* означает «тепло, искренне, сердечно, без формальностей и обязательств, проявляя родственное отношение и заботу».

Сказочный дискурс предполагает использование эпитета *царь-батюшка* в буквальном значении. Так именует своего отца царевна:

И не знает царь-батюшка, чем свою доченьку развеселить, чего недостает ей. Н.П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872).

Позже этот смысл получает расширение. Все государство мыслится как единая семья. Однако отношения между царем и его подданными служебные, не родственные. Подданые – слуги, не родня царю:

И не за что, смотри, обязала: развѣ за то только, что мужикъ деревенскій тебя пустилъ на свѣтъ Божій, въ подданные Царя-Батюшки. С.В. Максимов. Сысоевъ (1871).

Надо ему показать ***царю-батюшке****, что теперь верный* ***слуга****, хотя он и хочет идти своих братьев бить*. Н.Н. Алексеев. Татарский отпрыск (1896).

Ради царю нашему батюшке службу сослужить, – прибавил другой. И.И. Лажечников. Последний Новик (1833).

За милость царя необходимо платить: царские люди собирают налоги – подати или народ расплачивается иными способами, отдавая свою жизнь за царя. Царь ничего не делает безоплатно:

Ну, мол, ребятушки, выручайте! царю-батюшке деньги надобны, давайте подати. М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857).

Ты думаешь, задаром царь-батюшка из вавилонского плена вас ослобонил, волю дал, руку крепкую и жестоковыйную отвел от вас, барских людей. А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889).

Род – самая устойчивая, сильная связь между людьми. Обращение к родовой терминологии в именовании царя показывает риторический прием, направленный формирование определенных ассоциаций: сближение тех, кто во власти, и тех, кем управляют. Это своего рода манипуляция сознанием, когда искусственно сооружается когнитивный мост, соединяющий свой и чужой род на основе политического взаимодействия:

Соединяются же они между собою только посредством ***царя-батюшки****, только в его верховной,* ***отеческой власти***. М.А. Бакунин. Государственность и анархия (1873).

Власть отца в роду неоспорима. Власть царя в государстве непререкаема. Эта власть распространяется на все виды взаимоотношений между людьми: *И дал ему* ***царь-батюшка родительское*** *свое благословенье, государское* ***позволенье*** *– закон свершить, честен брак принять, с меньшой девицей-сестрицей побрачиться*… П.И. Мельников-Печерский. В лесах (1871–1874).

Такую власть называют *самодержавием*, *всемогуществом*:

Самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть «царя-батюшки». П.Н. Ткачев. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России (1881).

Царь скор на расправу: *Царь-батюшка, не прикажи казнить, – дозволь, государь, слово вымолвить*. М.В. Максимов. Крылатые слова (1899).

В роду отец – голова, глава семейства. Этот статус сохраняется у него на всю жизнь. Царя могут свергнуть. Крамолы, покушения на власть царь боится и борется с их проявлениями: *Помилуй, царь-батюшка! Смеем ли мы замыслить тебя извести*? Н.Н. Алексеев. Заморский выходец (1900).

Самодержавие переосмысляет родовую организацию следующим образом. Царь – глава государства-рода: он – *батюшка*. Народ – его верные слуги. За свою службу народ расплачивается. Рядом с царем находятся исполнители его воли-власти – клевреты: *В силу основного принципа самодержавия, царь-батюшка, его слуги и клевреты по-прежнему остаются полными, неограниченными хозяевами и распорядителями имущества, чести, свободы, жизни и всех вообще человеческих прав верноподданного*. П.Н. Ткачев. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России (1881).

К исполнителям власти в XIX в. относят бояр-баринов, купцов и фабрикантов. Использование соматического кода лингвокультуры помогает вложить дополнительные смыслы в исследуемую когнитивную модель: царь – глава-голова, т. е. мыслитель, умный хозяин. К концу XIX в. этот смысл приобретает ироничный оттенок:

Надеемся на врагов своих, когда надо самим силком брать от своих злодеев, врагов – бар, купцов, фабрикантов с царем-батюшкой во главе! Рабочая газета. № 3 // «Рабочая газета», 1881.

В начале XX в. скрытый негативный оттенок смысла проявляется в мотиве расплаты за жизнь царя жизнью подданных. Такая плата – горе для народа: *Общее горе, и теперь нам сообща надоть за царя-батюшку постоять до последнего издыхания*. А.Е. Зарин. Кровавый пир (1901).

В XXI в. восприятие царя как отца семейства оценивается как прок шлое, ушедшее безвозвратно. Царь-батюшка – это уже не статус, а роль, которую может исполнять глава региона:

Надысь ***губернатор*** *Омской области Леонид Полежаев решил* ***сыграть роль царя-батюшки****, отрезанного своими коварными и хитрыми холопами от всяческой информации*. Омский мусорный абзац // «Криминальная хроника», 2003.06.10.

Во второй половине XIX в. эпитет *царь-батюшка* стал применяться в описании бога в христианстве:

Царь небесный, батюшка, видит, сколько я перенесла от людей. Н.В. Успенский. Колдунья (1863).

Восприятие бога как отца восходит к молитве «Отче наш», где к богу прямо обращаются как к отцу.

В этот же период *царем-батюшкой* называется сын божий – Иисус Христос: *Поют люди божьи: Как у нашего* ***царя***, ***Христа батюшки***. *Так положено, так уложено: Кому в ангелах быть и архангелом служить, Кому быть во пророках, кому в мучениках, Кому быть во святых, кому в праведных*. П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881).

Наравне с этим используется иное обращение к богу – *господь*, что указывает на переосмысление взаимоотношений между ним и людьми, где бог – хозяин, а люди – его рабы (ср.: *венчается* / *почил раб божий*).

Заключение. Аксиологический компонент заложен в когнитивную модель «царь-батюшка» с момента ее появления в русской лингвокультуре в середине XVIII в. В период XVIII–XIX вв. модель сохраняет позитивную оценку, определяющую царя-батюшку как отца народа. Выражение *отец народов* активно использовалось в 30–40-х годах XX в. в отношении Сталина, однако его не называли *царем-батюшкой*. В XX веке эта когнитивная модель постепенно теряет свою актуальность в связи со свержением самодержавия в России. В XXI в. эта модель угасает, единично описывается театральной метафорой и осознается носителями языка как далекое прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь современного русского языка / ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2005. Т. I. 605 с. С. 362–363. Т. III. 669 с.

2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

3. Загребельный А. В. «Царь-батюшка» в русском языке начала XX века // В мире научных открытий. 2013. № 11-2 (47). С. 242–255. EDN ROPJJF.

4. Изотова Н.Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук // Culture and Civilization. 2020. Vol. 10. Iss. 3A. P. 185–191.

5. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред.: В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.

6. Красных В.В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 146–148.

7. Пименова М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

8. Пименова М.В. Русская сказка. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2012. 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).

9. Постникова Е.Г. Власть в терминах родства (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4 (15). С. 51–56. EDN OZBDJR.

10. Постникова Е.Г. Архетипические образы Доброго Батюшки-царя и Грозного царя Московского царства как инструмент мифологизации/демифологизации власти в современных СМИ // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6, № 4. С. 261–270. EDN YPBJNW.

11. Семенов В.Б. «Царь-батюшка»: к истории символа самодержавной власти в России // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 430–433. EDN TARJUT.

12. Успенский Б.А. Государь: история и этимология слова // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 8–18.

13. Чертков А.Д. Описание древних русских монет. М.: Тип. С. Селивановского, 1834. 225 с.

14. Zoltán A. Egy halicsi kancelláriai latinizmus karrierje (господарь ‘uralkodó’) // A nyelv mint lelkünk tükre: Szavak, szövegek, gondolatok / Nagy Sándor I. (ed.). Budapest: MTA Modern Filológiai Társaság, 2022. С. 329–341.

15. Якубова Т.Н. «Дарья», «Царь-Батюшка», «Добрый», «Я»... Перспективы развития российской модели брендинга // Российское предпринимательство. 2009. № 4–1. С. 100–105. EDN KUWIYP.

УДК 81’373

Вахитова Диляра Касимовна
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
Казань, Россия
Vakhitova Diliara Kasimovna
Kazan State University of Architecture and Engineering
Kazan, Russia
E-mail: dilik15@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ В ТВОРЧЕСТВЕ М. МАГДЕЕВА

FEATURES OF INVECTIVE VOCABULARY WITH ZOONYM COMPONENT IN THE WORKS OF M. MAGDEEV

Аннотация. *В статье исследуется роль инвективной лексики с компонентом зоонимом в творчестве М. Магдеева. Анализируются особенности использования зоонимов в инвективных высказываниях, их эмоциональное воздействие. Особое внимание уделяется частотности употребления таких выражений, их роли в создании ярких образов героев и отражении культурных особенностей татар. Исследование подчеркивает важность инвективной лексики в формировании национальной стилистики татарского народа.*

Annotation. *The article deals with role of invective vocabulary containing animal components in the works of M. Magdeev. The study analyzes the features of using zoonyms in invective expressions, their emotional impact. Special attention is given to the frequency of such expressions, their role in creating vivid character images and reflecting cultural characteristics of the Tatars. The research emphasizes the importance of invective vocabulary in shaping the national stylistic identity of the Tatar people.*

Ключевые слова: *татарский язык, инвективная лексика, зооним, литературное произведение*

Keywords: *the Tatar language, invective vocabulary, zoonym, literary work*

Творческая деятельность М. Магдеева занимает важное место в татарской литературе, отличаясь богатством стилистических средств и глубиной психологического портрета персонажей. Особое внимание в его произведениях уделяется использованию выразительных средств, среди которых

инвективная лексика играет значительную роль. В контексте творчества М. Магдеева инвективы нередко содержат компоненты зоонимы, что придает им особую образность и эмоциональную силу. Такие выражения служат не только для передачи негативных эмоций, оскорблений или насмешек, но и помогают создать яркие, запоминающиеся образы, отражающие культурные особенности и менталитет татарского народа.

Использование зоонимов в инвективных высказываниях в работах М. Магдеева позволяет подчеркнуть характерные черты персонажей, их внутренние конфликты и социальные отношения. Эти лексические средства часто выступают в роли выразительных средств, усиливающих художественный эффект и создающих особую атмосферу произведения. Анализ инвективной лексики с данным компонентом в творчестве писателя дает возможность понять, каким образом автор использует язык для формирования образов, передачи эмоциональных состояний и отражения культурных особенностей татарской традиции.

В данной статье мы более подробно остановимся на использовании инвективной лексики с указанным компонентом в таких произведениях М. Магдеева, как «Без 41 ел балалары» (Мы – дети сорок первого года), «Фронтовиклар» (Фронтовики), «Ачы тәжрибә» (Горький опыт), «Кеше китә – җыры кала» (Человек уходит – песня остается).

Следует отметить, что в его произведениях среди всех инвективных единиц преобладают зоовокативы: *мөгезле* ‘рогатый’*, сарык көтүе* ‘стадо баранов’*, калай әтәч* ‘жестяной петушок’*, уҗым бозаулары* ‘телята на озимых’*, мамыксыз торна* ‘журавль бесперый’*, шыксыз үрдәк баласы* ‘гадкий утёнок’*, ахмак бозау* ‘глупый теленок’*, ахмак сыер* ‘тупая корова’*, бозау булма* ‘не будь теленком’*, юнсез хайван* ‘непутевая скотина’ и др. В результате проведенного анализа указанных произведений писателя было установлено, что инвективная лексика, содержащая компонент зооним, используется преимущественно в качестве средства выражения метафорического смысла.

В ходе анализа было выявлено, что ивнектива *дуңгыз* ‘свинья’ является самой частотной в рамках предложенной группы. Подчеркнем, что данная инвектива упоминается в каждом рассмотренном литературном труде писателя и составляет 47% от общего количества инвектив с компонентом зоонимом: *Ах, дуңгыз малай!* ‘Ах, поросенок!’ [3: 259]; *Кая йөрдең, дуңгыз?* ‘Где ты ходил, свинья?’ [1: 23]; *Хәйләкәрләр булган, дуңгыз!* ‘Хитрецом оказался, свинья!’ [2: 106]; *Юк, дәшми, дуңгыз, бәясен күтәрә!* ‘Нет, не отвечает, свинья, цену себе набивает!’ [2: 11] и др.

Инвективные выражения, содержащие компонент *эт* ‘собака’, относятся ко второй группе по частотности их употребления и составляют 17% от общего числа инвектив рассматриваемой тематики: *Чык әле монда, эттән туган нәрсә* ‘Ну-ка, выйди сюда, сукин сын!’ [3: 214]; *Шундый кабахәт кеше булып чыктың син, синең белән гомер буе аралашып синең шундый дуңгыз икәнеңне белмәгән мин юләр <...> куып чыгар син бу этне урамга.* ‘Ты оказался таким мерзким человеком, а я, глупец, с тобой всю жизнь общался и не знал, что ты такая свинья <…> выгони эту собаку на улицу’ [3: 213]; *Кызларны бик ярата бит теге эт җан <...>* ‘Он же девушек очень любит, собачья душа <…>’ [3: 214] и др.

Иногда данные инвективы могут неожиданным образом приобретать не уничижительный, а скорее комплиментарный или ироничный оттенок. Такое необычное использование инвективной лексики встречается достаточно часто в художественной литературе и служит важным стилистическим приемом. В контексте художественного текста подобные выражения нередко используются для создания определенного комического эффекта, подчеркивания остроумия автора или персонажа, а также для передачи тонких нюансов межличностных отношений. Примеры такого использования достаточно часто встречаются в повести «Без 41 ел балалары» (Мы – дети сорок первого года): *Шәп җырлый, дуңгыз малай* ‘Здорово поет, поросенок’ [4: 94]; *Ну, эт тә инде, собакы! Ничек чын күңелдән җырлый!* ‘Ну и хват, собака! Как искренне поет!’ [4: 107], а также в произведении «Ачы тәжрибә» (Горький опыт): <...> *дуңгыз диләр безнең авылда яратып та* ‘свиньей называют в нашей деревне и любя’ [3: 294]. Анализ подобных случаев позволяет понять, как авторы используют инвективы не только для выражения негативных эмоций, но и для достижения эстетического и стилистического эффекта, а также для усиления выразительности художественного текста.

Инвективы *сыер* ‘корова’, *бозау* ‘теленок’, *үрдәк* ‘утка’, *торна* ‘журавль’, *сасы көзән* ‘хорек’, *сарык* ‘баран’ и др. встречаются в произведениях М. Магдеева реже и составляют незначительную часть от общего количества инвектив рассматриваемой тематической группы: *Хватит миңа шыксыз үрдәк баласы булып йөрергә!* ‘Хватит мне быть гадким утенком!’ [3: 342]; *Карагыз ул быелгы сигезенчеләрне. Сарык көтүе бит.* ‘Посмотрите на нынешних восьмиклассников. Это же стадо баранов’ [2: 49]; *Мунчала булма! Катырак тор! Бозау булма!* ‘Не будь тряпкой! Стой на своем! Не будь слабаком!’ [1: 65]; *Ә директор – дәнья явызы! Мамыксыз торна!* ‘А директор – вселенское зло! Журавль бесперый’ [4: 44] и др.

Анализ использования инвективной лексики с названиями животных в произведениях М. Магдеева позволяет сделать вывод о многогранной функции этих лексических средств в художественном тексте. В творчестве писателя инвективы с компонентом зоонимом выступают не только как средство выражения негативных эмоций, оскорблений или насмешек, но и как важный стилистический прием, создающий яркие образные характеристики персонажей и усиливающий эмоциональную насыщенность произведения. Особенность использования таких выражений заключается в их способности приобретать не только уничижительный, но и ироничный или даже комплиментарный оттенок, что свидетельствует о гибкости и богатстве языковых средств автора.

Выводы, сделанные в ходе исследования, подтверждают, что инвективная лексика с названиями животных занимает значимое место в системе художественного языка М. Магдеева. Она служит не только для передачи межличностных конфликтов и эмоциональных состояний, но и для создания особого колорита, отражающего культурные и ментальные особенности татарского народа. Таким образом, использование инвективных выражений с зоонимами в произведениях писателя является важным инструментом художественной выразительности, способствующим более

глубокому раскрытию образов и усилению стилистической насыщенности текста. Исследование данной лексики расширяет понимание о роли языка в татарской литературе и подчеркивает ее значимость в формировании национальной стилистики и культурного самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мәһдиев М.С. Кеше китә – җыры кала // Казан утлары. 1978. № 11. Б. 7–70.
2. Мәһдиев М.С. Фронтовиклар: Роман. Икенче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 340 б.
3. Мәһдиев М.С. Ачы тәҗрибә: Истәлекләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 384 б.
4. Мәһдиев М.С. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 480 б.

УДК 811.512.145

Вәлиева Миләүшә Зәки кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Валиева Милеуша Закиевна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Valieva Mileusha Zakievna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: miliy21@mail.ru

XVII–XVIII ГАСЫРЛАР ИСКЕ ТАТАР ЯЗМА ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ ТИҢДӘШ КИСӘКЛӘРНЕҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНОВ В СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII–XVIII ВВ.

THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF HOMOGENEOUS MEMBERS IN THE OLD TATAR WRITTEN SOURCES OF THE 17TH – 18TH CENTURIES

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности употребления однородных членов предложения в старотатарских письменных источниках XVII–XVIII вв.. На основе богатого фактического материала предоставлена общая характеристика однородных членов, выявлены и описаны способы и средства связи. Примечательно, однородные члены предложения широко применяются для усиления выразительности речи и создания градаций.*

Annotation. *This article examines the peculiarities of using homogeneous members of a sentence in Old Tatar written sources of the 17th–18th centuries. Based on rich factual material, a general description of homogeneous members is provided, and methods and means of communication are identified and described. It is noteworthy*

that homogeneous members of a sentence are widely used to enhance the expressiveness of speech and create gradations.

Ключевые слова: *письменные источники, старотатарский язык, однородные члены*

Keywords: *written sources, Old Tatar language, homogeneous members*

XVII–XVIII гасыр язма истәлекләре татар теленең үсеш тарихын, тел байлыгын тикшерүдә төп чыганакларның берсе булып торалар. Бу язма ядкарьләрнең нигезендә шул чордагы әдәби телнең грамматик нормалары ята.

Бүгенге көндә иске татар язма теленең грамматик, синтаксик үзенчәлекләрен барлау-тикшерү актуаль проблемалардан санала. Әдәби текстта синтаксик категориялар грамматик чара гына булып калмыйча, язучының әйтергә теләгән фикерен җиткерүдә дә зур роль уйный. Бу җәһәттән, тиңдәш кисәкле җөмләләр мөһим урын алып тора, алар авторның дөньяга карашын чагылдыруда, лирик геройның портретын сурәтләүдә, хискичерешләрен тасвирлауда зур әһәмияткә ия. Шуларны күздә тотып, әлеге мәкаләдә XVII–XVIII гасыр иске татар язма истәлекләрендә урын алган тиңдәш кисәкләрне тикшерүне максат итәбез.

Тиңдәш кисәкләр дигәндә, нинди дә булса бер кисәккә караган һәм шул кисәккә карата бер үк мәгънә мөнәсәбәтендә торган кисәкләр күздә тотыла. Тиңдәш кисәкләрнең кагыйдә итеп алырлык төп үзенчәлеге: алар арасында тезүче теркәгечләр кулланыла яисә ул теркәгечләрне куярга мөмкин була [6: 184].

Язма истәлекләрдә стилистик максатлардан кулланылган тиңдәш кисәкләр арасында теркәгеч, бәйлек кебек ярдәмче сүз төркемнәре ярдәмендә җыеп бирелгән яки ясанап кителгән берәмлекләрне еш очратырга мөмкин. Нинди бәйләүче чаралар кулланылуына, үзара ни рәвешле ярашып килүләренә карап, тиңдәш кисәкләрне түбәндәге төркемнәргә бүлеп бирергә мөмкин:

1. Бәйлекләр ярдәмендә бәйләнештә торган тиңдәш кисәкләр:

XVII–XVIII гасыр язма истәлекләрендә *берлә /берлән* бәйлеге ярдәмендә төзүле бәйләнешкә кергән тиңдәш кисәкләр еш очрый. Мәсәлән: *Йәнә ул көймәне бозғандин соң Ғыйләмалик Күрекле чықды, қырық қызқыйы берлән, күк күгәрчен, бер алтын қузый берлән, тутый кош берлән* [2: 70].

2. Теркәгечләр ярдәмендә бәйләнештә торган тиңдәш кисәкләр. Бу чорда язма истәлекләрендә тиңдәш кисәкләр барлыкка китерүдә *вә* теркәгеченең актив булуы күзәтелә: *Хәтта Яхут халкына чыққанча андан Уралның шәрқый тарафында Тубыл суы килгәнче, Ангар дәрйалары wә Әртеш суы wә Тубыл суы, wә Уй суы, wә Миач суы бу иқлиме сабиғдан сайламаздыр, зира ки анлар Уралның шәрқый тарафында улмышлардыр* [5: 19]. *Бәс, шаһзадә Нәсры ғайарға әйди: ақча wә җеванмәртлек wә олуғ һиммәт wә йахшылық кем дөнйада бар иде* [3: 516]. *Һәммәи ғаләмдә бу нәүғы сәха wә җеванмәртлек wә хәрәм wә мөрәүwәтлек пақдамән ирәр бар икән* [3: 521]. Гомумән, *wә* теркәгече белән җыеп бирелгән тиңдәш кисәкләрнең еш кулланылуы шушы чор язма истәлекләренә хас төп үзенчәлекләрнең берсе булып тора.

3. Тиңдәш кисәкләрнең һәрберсенә ныграк басым ясауны белдереп, тиңдәш кисәкләрнең һәрберсе өчен уртак булган бер сүз кабатланып килергә мөмкин. Түбәндәге очракта, мәсәлән, *андин соң* тезмәсе кабатланып килеп, тиңдәш кисәкләрне үзара бәйли: Казан шәһәрендә йорт биләгән ханларның атлары болардыр: *әүwәл Ғабдулла хан үгълы Алтынбик хан, Ғалимбик хан, андин соң Мәхмүд хан, андин соң Мәмнәк хан, андин соң Хәлил хан, андин соң Ибраһим хан, андин соң Илһам хан, андин соң Ғабделлатыйф хан, андин соң Сахиб Гәрәй хан, андин соң Сафа Гәрәй хан, андин соң Ғали хан, андин соң Утәш хан, андин соң Йәдгәр хан* [1: 91]. Мисалдан күренгәнчә, автор, артык тирәнгә керми генә тарихи шәхесләр, төп геройлар белән таныштырганда, аларның нәсел-нәсәбен барлаганда, тиңдәш кисәкләрне мул файдалана.

4. Санау интонациясе ярдәмендә генә бирелгән яки нинди дә булса лексик берәмлекне ачыклап, тулыландырып бирелә торган тиңдәш кисәкләрне дә очратырга мөмкин. Мәсәлән, түбәндәге мисалларда тасвирлана торган күренеш-вакыйга турында күбрәк мәгълүмат бирү максатыннан әсәр тукымасына кертелгән тиңдәш кисәкләр *бонлардыр* дигән күрсәтү алмашлыгы ярдәмендә гомумиләштереп, туплап бирелә һәм шул рәвешле җөмләләрдә төзеклек, бөтенлек барлыкка килә: *Үзгә бикләрнең қошлары бонлардыр: шоңқар, лачын, қара қош, қарға, қарчыға, бөркет, итәлгү, торна, күчкән, һөд-һөд, қауд, күгәрчен, куйелдү, саескан* [1: 80*]. Андин соң барча биләрнең оранлары болардыр: Ару җан, Кунғрат, Салават, Алач, Тутылық, Саба, Ақ тыйлақ, Ак бүре, Байғың, Ак туған, Бу өч, Тыйлақ, Арнау, Барлас, Кайан* [1: 80].

5. Тиңдәш кисәкләрне барлыкка китерүдә берничә ысул бергә дә кулланыла. Мәсәлән, түбәндәге очракта тиңдәш кисәкләрне бәйләүдә санау интонациясе, тәртип саннары һәм кабатлана торган уртак сүз барысы да катнаша: *Тәқый олуғ қызының аты Рәҗәб иде, икенчесенең аты Зәхәб ирде, өченчесе Рәүхәт ирде, дүртенчесенең аты Рәхәт ирде... Зәхәб, Рәүхәт, Рәхәт – өчәүгесе Нух пәйғамбәр ғаләйһиссәлам доғасы илә көчекдин, ишәкдин, мәчедин улыб ирделәр* [1: 69].

Язма истәлекләрдә тиңдәш кисәкле җөмләләр кулланылу максатлары ягыннан да аерыла. Мәсәлән, «Дәфтәре Чыңгызнамә» әсәрендә автор теге яки бу персонажның яисә тарихи шәхеснең нәсел җепләрен яки шәҗәрәсе хакында тулырак мәгълүмат бирергә теләгән очракта ялгызлык исемнәрдән торган тиңдәш кисәкле җөмләләрне мул файдалана. Автор шул рәвешчә бер генә шәхесне дә дә күз уңаеннан төшереп калдырмыйча тасвир итәргә тели кебек: *Әбүлҗа хан үгълы Бақыр хан, аның үгълы Уҗан, аның үгълы Аваз хан, аның үгълы Күк хан, аның үгълы Әбү Гара хан, аның үгълы Қара хан, аның үгълы Күнү Мәргән, аның үгълы Уҗам Буйыл, аның үгълы Сам Савучы, аның үгълы Сар Савучы, аның үгълы Сәнға Борун, аның үгълы Качу Мәргән, аның үгълы Качумән, аның үгълы Кара Даман, ның үгълы Турымтай Чәчән, аның үгълы Тумавыл Мәргән, аның үгълы Дуйын Бәйан, аның үгълы Чыңғыз хан, аның үгълы аның үгълы Саин хан, аның үгълы Сартак хан, аның үгълы Пәртак хан, аның үгълы Тугали Йучи хан, хан, аның үгълы Тук Тәгый хан, аның үгълы Үзбәк хан, аның үгълы Җанибәк хан, аның үгълы Пәрдик Солтан хан, аның үгълы Шәбәк хан, аның үгълы Мортаза хан, аның үгълы Күчем хан, аның үгълы*

Арслан хан, аның уғлы Борһан солтан, әмма Борһан солтан урыс қулында хибес булып мөртәд булды [1: 69].

«Мәҗмугыл хикәят» әсәрендә исә тиңдәш кисәкләр башлыча тирә-юньне, бина эчләрен тасвирлаганда җәлеп ителә. Мәсәлән, түбәндәге мисалда гарәп-фарсы алынмаларыннан торган тиңдәш кисәкләр зиннәтле балконы булган, моңарчы күрелмәгән рәсемнәр, Рум илендә эшләнгән алтын пәрдәләр белән бизәлгән бина эчен тасвирлап, биредә яшәүче кешенең гади зат кына булмавын ишарә итә: *Чөн падишаһзадә ул мәнзарәгә бақты, мәқами күрде, чөн Кандәһар пор нигяр wә чөн пәлең бәдиг рәң wә түрт сөффәи рубру қлыйғлық wә руми зәр бәғыт пәрдәләр ишекләрдә салиқлық* [3: 507].

Шагыйрьләр иҗатында, чәчмә әсәрләрдән аермалы буларак, поэзиядә саналып бирелә торган тиңдәш кисәкләр азрак һәм аларны җыеп бирүдә ярдәмче сүзләр кулланылмый диярлек, автор, нигездә, санау интонациясеннән файдалана: *Қош-қорт, хәйван-хәшарәт* / *Хақға қылыр ғыйбадәт* [Мәүлә Колый, 2001, б. 60]. *Хытай, қыпчак, Йәсәви, Сәуран әүладлары,* / *Табты, Болғар, Кирмән, Казан фәрзандлары, – Булыр, барча, пиремезнең мөридәләре,* / *Пирем уғлы Мәхзүмиҗән, хәзрәт ишан* [4: 37].

Тиңдәш кисәкле җөмләләр шигырь юлларына сөйгән ярның, кыз баланың гүзәллеген, күңел матурлыгын тасвирлау, ягъни портретка характеристика бирү максатыннан килеп керергә мөмкин: *Мәдех әйләделәр һәзар кямалең:* / *Каму шиwәлегең, күркәм җәмалың* [1: 60].

Язма истәлекләрдә тиңдәш кисәкләр градация кебек стилистик чара барлыкка китерүдә аеруча актив катнаша. Мәгълүм булганча, градация образлылык тудыра торган төп стилистик алымнарның берсе булып санала. Мәсәлән, түбәндәге очракта автор градация алымын персонажның хис-кичерешләрен тулырак, тәэсирлерәк күрсәтү өчен файдалана. Аеруча романтик рухта язылган «Мәҗмугыль хикәят» әсәрендә бу алым хисләр үсешен тиңдәш фигыльләр ярдәмендә аеруча куертып, эмоциональ яктан баетып-көчәйтеп тасвирлый: *Падишаһзадә атасидин бу җавапны ишетеб, бисийәр пәришан булды, күңеле ғәмгә тулды, хатыре мәлүл булды* [3: 513]. *Шаһзадә аны күреп йөз-мең җан-дил берлә ғашыйқ булды, аһ орды, ул заман ғақыйлдин китеп торды* [3: 514].

Габдерәхим Утыз Имәни иҗатында тиңдәш кисәкләр, башка төр сурәтләү чаралары белән үрелеп, градация алымын барлыка китереп, шагыйрьнең әйтергә теләгән фикерен, үгет-нәсихәтен эмоциональ яктан көчәйтеп тасвирлый. Мәсәлән, түбәндәге мисалда надан кешегә бер генә акыллы сүз дә, изге гадәт тә, Коръән сүзләре дә, пәйгамбәр хәдисләре дә үтеп кермәвен автор шактый үтемле, образы итеп тиңдәш кисәкләр ярдәмендә җиткерә: *Аңа нәфғ итмәйә һичбер ғыйбарәт,* / *Әгәрчә сәмғ идәр йөз-мең бәшарәт,* / *Уқырсың сәмғынә Тәүрат wә Инҗил,* / *Бәраһинә дәлил Қоръән wә Тәнзи,* / *Әхадисе нәбидин чуқ ғәрәиб* / *Мәғәниләр ғәрәисын араиб, Тықарсың сәмғыйнә йакути әсрар,* / *Дәхи диярсең аңа әхләқый әбрар,* / *Нәғяһ итмәз сәнең ширин сүзиңә,* / *Хәқарәт әйләйур бәлки үзиңә* [7: 36] h. б.

Мәүлә Колыйның фәлсәфи-шигъри фикерләрен җиткергәндә исә тиңдәш кисәкләрдән торган тасвир чаралары тагын да куертыла төшә, кабатлаулар белән бергә килеп, градация төсен ала. Үзара тиңдәшләнеп

килгән сүзләр генә түгел, сүзтезмәләр, тезмә җөмләләр дә градация алымы барлыкка китерүдә катнаша. Мәсәлән, шагыйрь фикеренчә, сабыр иткәннәр дәва таба, хәтта аларның күрмәс күзләре күрә башлый, алай гына да түгел, сабыр кеше дәүләт иясе булу дәрәҗәсенә үк ирешә: *Сабыр берлә Әйүп тапты сиххәт үзен,* / *Сабыр берлә Йакуп ачты күрмәс күзен.* / *Сабыр берлә Йосыф тапты дәүләт йөзен,* / *Сабыр сүзен телдин җөда итсә булмас* [4: 19]. Түбәндәге мисалда градация лирик геройның күңелендә ташыган мәхәббәт-сөю хисләре җиткерү өчен кулланыла: *Мәхәббәт ғыйшқы берлә күңеле ташса,* / *Ғыйшықъ уты илә көйеп, йанып, қайнап пешсә,* / *Җәзебә улып, үзен белмәй җандин кичсә,* / *Хақ зекерен әйтмәлектә ағзы талмас* [4: 100].

Шул рәвешчә, XVII–XVIII гасырлар иске татар язма чыганакларында вакыйгаларны, яки вакыйгалар бара торган урынны, табигать күренешләрен тулырак тасвирлау, теге яки тарихи шәхес, персонаж хакында киңрәк мәгълүмат бирү, лирик геройның хис-кичерешләрен, дөньяга карашын тулырак чагылдыру максатыннан, авторлар тиңдәш кисәкләр аеруча мул кулланыла. Әлеге синтаксик чаралар язма текстларны төзек, ятышлы, аһәңле итүдә, тезмә әсәрләрдә ритмик камиллек барлыка китерүдә зур роль уйный. Бигрәк тә, ялгызлык исемнәр, исем сүз төркеменә караган сүзләрнең үзара тиңдәш булып килүе, аларны берләштерүдә *берлә, wә* кебек бәйләүче чараларның актив булуы шушы чор әсәрләренә хас стилистик үзенчәлекләрнең берсе булып тора.

ӘДӘБИЯТ

1. Габдессәлам // XVIII гасыр әдәбияты. Поэзия. Казан: Дом печати, 2006. Б. 41–73.

2. Дәфтәре Чыңгызнамә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәбитарихи ядкярләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Б. 37–96.

3. Мәҗмүгъ әл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. Б. 503–522.

4. Мәүлә Колый Хикмәтләр. Казан: Иман, 2001. 135 б.

5. Мөслими Тәварихы Болгария / басмага әзерл. С. Гыйләҗетдинов. Казан: Иман, 1999. 100 б.

6. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. һәм автор М.З. Зәкиев. Тулыл. 2 нче басма. Казан: ТәһСИ, 2017. III т. 536 б.

7. Утыз Имәни әл-Болгари Шигырьләр, поэмалар / төз. Ә. Шәрипов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 397 б.

УДК 811.521

Волкова Елена Викторовна
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
Санкт-Петербург, Россия
Volkova Elena Viktorovna
St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: fujivara_isae@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК Р. КЕМБАЛЛОМ

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "WAR" IN MARINA TSVETAEVA'S POETRY AND IN ITS TRANSLATION INTO ENGLISH BY R. KEMBALL

Аннотация. *Художественный перевод является одной из форм межкультурной коммуникации и средством для продвижения культуры на мировой арене. Целью статьи является описание языковых средств актуализации концепта ВОЙНА как элемента индивидуально-авторской картины мира в сборниках М.И. Цветаевой «Версты I» и «Лебединый стан», а также сопоставление их с вариантами перевода Робина Кембалла на английский язык. Особое внимание уделяется описанию когнитивных признаков концепта.*

Annotation. *Literary translation is a form of intercultural communication and a means of promoting culture on the global stage. The purpose of this article is to describe the linguistic means of actualizing the concept of WAR as an element of the individual author's worldview in Marina Tsvetaeva's collections "Versty I" and "Lebediny Stan," and to compare them with Robin Kemball's translations into English. Special attention is given to the description of the cognitive features of the concept.*

Ключевые слова: *картина мира; М.И. Цветаева; когнитивные признаки; индивидуально-авторский концепт; художественный перевод*

Keywords*: worldview; Marina Tsvetaeva; cognitive features; individual author's concept; literary translation*

Чтобы понять автора, его тексты (и адекватно перевести) нужно идти от основ его мировидения. Картина мира – источник того, как поступает человек, что он пишет и как оценивает происходящее в мире. Именно картина мира автора определяет те смыслы, которые закладываются в текст. Именно ее он и хочет (не всегда осознанно) передать читателю, потому что все идеи, оценки, чувства автора зиждутся на том, как он видит этот мир. Картина мира – междисциплинарное понятие, в определении которого нет единства, поскольку «это не объективно существующая реалия, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» [5: 4]. Тем не менее, хоть и только в сознании человека, картина мира существует и в современном мире становится объектом когнитивных исследований. Во многих источниках из области языкознания автором термина «картина мира» назван немецкий филолог и философ В. фон Гумбольдт (1767–1835). В его

понимании картина мира представляет собой «образ мира, полуосознанное или осознанное представление, являющееся результатом всей деятельности человека, его контактов с окружающей средой» [4: 151]. Данное исследование опирается на понимание картины мира как культурно детерминированного представления человека об устройстве мира и своем месте в нем, включающего, в том числе, и оценочный компонент, основанный на морально-нравственных и ценностных установках. Элементом картины мира является концепт.

Концепт определяют как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6: 90]. Исследовать концепты можно только через их вербальную актуализацию, при этом говоря о художественном тексте, необходимо иметь в виду именно художественный, индивидуально-авторский концепт. С.А. Аскольдов художественные концепты определял «точками сложнейших соцветий мысленных конкретностей», «сростками возможных образных формирований, определяемых семантикой художественного слова» [2: 267]. В когнитивной лингвистике под содержанием концепта принято понимать набор когнитивных признаков, которые распознаются через смыслы и значения языковых единиц, вербализующих данный концепт [1: 701]. Индивидуально-авторский художественный концепт может быть исследован путем применения метода контекстного анализа на материале созданных автором художественных текстов. При этом, поскольку концепта (и картина мира в целом) постоянно изменяются, развиваясь и обрастая новыми признаками с течением жизни человека, в каждом последующем созданном им тексте набор актуализированных когнитивных признаков будет меняться. Таким образом, целесообразно исследовать индивидуально-авторские концепты в диахроническом аспекте.

Концепт ВОЙНА актуализирован ещё в первых сборниках юной Марины Цветаевой, «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь». Там война предстает игрой, полной романтики, героизма и побед. Лирическая героиня мечтает отправиться на одну из исторических войн, чтобы проявить свою доблесть [3: 239]. Но полные тексты этих сборников никогда не были переведены на английский язык. Можно найти переводы только отдельных стихотворений. Тем не менее, ценность первых сборников Цветаевой именно в их целостности, и их необходимо перевести полностью, чтобы читатель мог прочесть их как дневник. Британец Робин Кембалл перевел на английский язык две книги М.И. Цветаевой – «Версты I» и «Лебединый стан», написанные во время Первой мировой и Гражданской войн. Тексты этих сборников и их переводов послужили материалом данного исследования.

Обратимся к тексту сборника «Версты I». Первая мировая война, которая шла во время его написания, хоть и не часто (внутренняя жизнь Цветаевой превалировала над внешней), но все же прорывается в тексты стихотворений отдельными возгласами: «Ох, как в ночи́ страшен / Рев молодых солдат!» [8: 269], «Ох, и поют же / Нынче солдаты! О Господи Боже ты мой!» [8: 311]. Солдаты издают «рев зверский» [8: 270], «жалобный, жа-

лостный, каторжный вой» [8: 311]. В «Стихах к Блоку» встречается мотив разговоров о войне: «И толк о немце, доколе не надоест» [8: 293]. Отношение Цветаевой к войне, желание ее прекращения проявляется также в строке «…я целую в грудь / Всю круглую воюющую землю!» [8: 284]. Наиболее часто встречающаяся номинация, составляющая ближнюю периферию номинативного поля рассматриваемого концепта, – «солдаты». Прослеживается мотив войны как посланного кем-то (Господом или колдуньей) наказания. Были выведены следующие когнитивные признаки концепта как элемента индивидуально-авторской картины мира М.И. Цветаевой, актуализированной в сборнике «Версты I»:

• ВОЙНА – несправедливое наказание свыше;
• ВОЙНА – горе для людей;
• ВОЙНА – разговоры о ней;
• ВОЙНА – смерть;
• ВОЙНА – солдаты.

Р. Кембалл в своих переводах придерживается стратегии форенизации, т. е. старается сохранить своеобразие оригинала и передать содержание как можно точнее, сохранив при этом форму. Сохранение формы оригинального произведения, однако, зачастую ведет к некоторым смысловым потерям. Концепт WAR актуализирован в тексте перевода прежде всего через номинацию «soldiers». Рев, который в оригинале встречается несколько раз, помимо варианта roar переведен еще и как «shouting», и, таким образом, переходит в дальнюю периферию, меняя наполнение концепта. «Вой» также получил два варианта перевода – «wailing» и «cry» – что несколько меняет звуковую картину жизни в Москве в военное время, переданную Мариной Цветаевой. Переводчик сохраняет отсылки к историческим военным событиям – Наполеону и истории о том, как гуси спасли Рим от нашествия галлов, а также передает идеи автора о войне как результате гнева Господня, наказания и горя.

Наиболее часто встречающаяся номинация, вербализующая концепт ВОЙНА в сборнике «Лебединый стан», написанном во время Гражданской войны, – «Дон». Затем – «солдаты», «Белая гвардия», белый и красный цвета. Это война за Отчизну, за Родину, за Бога. Гражданская война показана глазами человека, живущего в большевистской Москве, ведь Белая армия – далеко, на Дону. Поэтому не раз в тексте возникают красные знамена: это то, что постоянно видела Марина Цветаева в Москве. В рассматриваемом сборнике концепт ВОЙНА тесно переплетен в своем вербальном выражении с концептом РЕВОЛЮЦИЯ, так как именно она послужила причиной этой войны.

Теперь это совсем другая война, не та, что была в первых книгах поэта, она не состоит из побед. Появился мотив обреченности, здесь убивают и хоронят. В то же время, это война священная, на ней «принимали муки» [8: 391]. В первых сборниках война романтизировалась, говорилось о рыцарстве, но прямо не указывалось на то, что это дело чести, верность тому, кому присягнули. В сборнике «Лебединый стан» на это есть множество указаний, добровольчество на Дону ставится автором в один ряд с Вандеей. И эта война идёт внутри страны («Повеяло Бонапартом / В моей

стране» [8: 350]). Имена собственные, встречающиеся в сборнике и вербализующие концепт ВОЙНА, следующие: Бонапарт, бог Марс, Корнилов, Дон, Россия, Крым, Перекоп, Князь Игорь, Ярославна. К гражданской войне отсылают также упоминания Лжедмитрия / Гришки Отрепьева. Но здесь же в тексте присутствует и множество военных атрибутов – мундиры, погоны, оружие, награды и.т. п.

Важнейшей особенностью сборника «Лебединый стан» является образ мужа Цветаевой, Сергея Эфрона, присутствующий на его страницах в таких номинациях, как «Воин», «Ангел», «белый лебедь», «папа» и др. Эта война сопряжена с неизвестностью о судьбе дорогого человека, а еще она – за сохранение того, что было и как было. Война за дом, который нужно беречь и защищать, и за Бога, которого запрещают. Цветаева не может смириться с тем, что уходит привычная эпоха. В сборнике «Лебединый стан» представлены следующие когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта ВОЙНА:

- ВОЙНА – дело чести, долг;
- ВОЙНА – гражданская;
- ВОЙНА – солдаты, люди;
- ВОЙНА – красное и белое;
- ВОЙНА – поражения и крах;
- ВОЙНА – судьба мужа;
- ВОЙНА – ее атрибуты;
- ВОЙНА – смерть.

Р. Кембалл, следуя за текстом оригинала, использует номинации «the Don» и «soldiers», помещая их в ближнюю периферию номинативного поля концепта WAR. Следующей по частотности номинацией является «the White Guard». «White» всегда используется как эквивалент белого у Цветаевой, а вот «красный» переведен тремя вариантами: «scarlet», «crimson» и «red». Получается, цвета знамен разнятся, частотность употребления номинаций снижается, они уходят в дальнюю периферию, хотя, как уже было сказано, красный цвет окружает автора в Москве тех лет.

Переводчик использует вариант «It is over, / The White Crusade» [7: 357], говоря о «Белом походе», приравняв, таки образом, его к походу крестовому, чего Цветаева напрямую не делает. В тексте перевода встречаются и другие неточности, меняющие картину, нарисованную словом автора. Например, «погоны» в разных случаях переведены как «insignia» или «epaulets», и оба раза перевод неверен. Более того, эполеты, являющиеся украшением, не могут быть на плечах воюющих и умирающих за честь и долг. Также в тексте перевода было опущено слово «народы», что привело к исчезновению такого когнитивного признака исследуемого концепта, как участие в войне народов, народная война. Все эти изменения незаметны на первый взгляд, но, аккумулируясь, они меняют когнитивные признаки концепта, что ведет к неверной передаче индивидуально-авторской картины мира и искаженному представлению о ней читателя. Решение проблемы видится в тщательном когнитивном анализе оригинального текста переводчиком. Именно такой анализ позволит ему решить, какие средства актуализации важнейших индивидуально-авторских концептов необходимо использовать при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.К. Когнитивная интерпретация как метод выявления признаков концепта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4-3. С. 700–704.

2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

3. Волкова Е.В. Вербализация концепта ВОЙНА в поэзии М.И. Цветаевой: диахронический аспект // Материалы XXI и XXII международных научных цветаевских конференций (22–24 сентября 2018 г., 26–27 сентября 2020 г., Королев – Москва): Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2021. С. 235–244.

4. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.

5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 197 с.

7. Цветаева М.И. «Серебряно мне – петь…»: «Версты» и «Лебединый стан» в переводах Робина Кембелла = «In Silvery Tones I'm to Sing…»: «Milestones» and «The Demesne of the Swans» translated by Robin Kemball. М.: Вагриус, 2008. 368 с.

8. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

УДК 811.512.145

Галимбикова Илзирә Илгизәр кызы
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Галимбикова Ильзира Ильгизаровна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Galimbikova Ilzira Ilgizarovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ilzira.galimbikova@mail.ru

«ИДЕЛ» ЖУРНАЛЫНДА ЯҢА ЛЕКСИК БЕРӘМЛЕКЛӘР: ЛИНГВИСТИК АСПЕКТ

НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЖУРНАЛЕ «ИДЕЛ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

NEW LEXICAL UNITS IN THE "IDEL" MAGAZINE: A LINGUISTIC ASPECT

Аннотация. *Статья посвящена исследованию современного состояния лексического состава татарского языка. Рассматриваются ключевые факторы, определяющие принадлежность слова к разряду литературных единиц. Анализируются слова, недавно вошедшие в разряд литературных, а также активно используемые в речи, но пока официально не признанные в качестве литератур-*

ных элементов. Подчеркивается важность изучения процессов формирования и развития литературной нормы в условиях динамичного изменения языковой среды.

Annotation. *The article is devoted to the study of the current state of the lexical composition of the Tatar language. The key factors that determine a word's classification as a literary unit are examined. Words that have recently entered the literary category, as well as those that are actively used in speech but have not yet been officially recognized as literary elements, are analyzed. The importance of studying the processes of formation and development of the literary norm in a dynamic changing linguistic environment is emphasized.*

Ключевые слова: *журнал «Идел», лексика, активное употребление, литературное слово, лексический состав, заимствования*

Keywords: *Idel Magazine, vocabulary, active use, a literary word, lexical structure, borrowings*

«Идел» журналы татар яшьләре өчен дистә еллар дәвамында чыгучы периодик басмаларның берсе булып санала. Әлеге журнал үзенең кыйбласыннан тайпылмыйча, бүгенге көнгә кадәр нәкъ менә татар яшьләре өчен хезмәт куя.

XX гасырда, журнал тәүге адымын ясау өчен зур көрәш барган чорда, әлеге журналның язучылары да, укучылары да шактый булган дигән фикер белән килешмәү мөмкин түгел. Биредә яшьләр өчен кызыклы булган темалар, көн кадагындагы проблемалар күтәрелгән, шунлыктан әлеге журнал үз популярлыгын югалтмаган [1: 259]. Ә бүгенге, XXI гасыр яшьләрен, татар басма матбугаты белән кызыксындыру өчен бик күп көч куярга кирәк. Билгеле, бүгенге көндә «Идел» журналын басма матбугат чарасы гына дип карау дөрес булмас, төрле социаль челтәрләрдә үз эшчәнлеген алып баруы, әлбәттә, яшьләрне күбрәк җәлеп итәргә ярдәм итә. Ничек кенә булмасын, тел яшәсен өчен ул яшьләр тарафыннан кулланырга тиеш, ә «Идел» журналы моңа бер яссылык булып тора.

Билгеле булганча, телнең сүзлек составы һәрдаим үзгәрә, шул исәптән тулылана. Татар лексикасын өрәнүгә караган хезмәтләр XX гасырның 30–40 нчы елларында басылып чыга башлый һәм биредә тикшерүнең төп чыганагы булып, дастаннар, әсәрләр хезмәт итә [2: 15]. Бүгенге көндә дә татар теленең лексик составын өйрәнүдә татар әдәбиятының ядкярләре зур роль уйнаса да, халыкның җанлы сөйләм телендә кулланган берәмлекләр телнең сүзлек составын өйрәнгәндә әһәмиятле роль уйныйлар. Нәкъ менә алар татар теленең бүгенге көндәге хәлен ачыкларга ярдәм итәләр.

Тарихи-мәдәни процесслар барышында халыкның мәдәниятендә һәм тарихында булган үзгәрешләр чагыла. Мисал өчен тарихи вакыйгалар еш кына алынмалар барлыкка килүгә, сүзләрнең мәгънәләре үзгәрүгә йогынты ясый [3: 9]. 2022 елда башланган тарихи вакыйга телебездә яңа термин барлыкка китерде «махсус хәрби операция», шулай ук 1934 елда инглиз телендә кулланыла башлаган «дрон» төшенчәсе сонгы вакыйгаларга бәйле бүгенге көндә безнең телебездә дә актив кулланыла. 2019 елда бөтендөньяда таралган COVID-19 пандемиясе телгә «ковид» төшенчәсен кертеп җибәрә, элек сирәк кулланылган «QR-код» төшенчәсен актив рәвештә халык теленә

тарата, ә бүгенге көндә әлеге төшенчә ул елларда вакцинация узган кешеләрнең сертификатларында күрәтелгән билге буларак кына түгел, ә башка төшенчәләрне аңлату өчен дә еш кулланыла (QR-код аша түләү башкару, QR-код аша сайтка күчү, QR-код аша мәгълүмат алу һ. б.).

Социаль төркемнәр үзенчәлекле сөйләм барлыкка китерәләр. Яшьләр жаргоны даими рәвештә яңартылып тора, төрле һөнәр ияләре махсус терминнар формалаштыралар.

Фәнни ачышлар һәм технологик үсеш шулай ук телнең лексикасын яңа сүзләр белән баета. Шулай ук башка телләр белән элемтә барышында алынмалар барлыкка килә.

Алда әйтеп узганча телнең яшәеше, аның ни дәрәҗәдә саф булуы яшьләр тарафыннан ни рәвешле куллануыннан чыгып билгеләнә. Бүгенге көн яшьләр телендә нинди алынмалар, яңа сүзләр барлыкка килә дигән сорауга җавап табар өчен «Идел» яшьләр журналының битләренә күзәтү ясалды. Анализ барышында түбәндәгеләрне билгеләп үтәргә мөмкин.

2010 елда Рәсәйдә блогер һөнәре үсеш ала башлый. Билгеле, беренче берничә елда әлеге өлкәгә караган төшенчәләр гади халык өчен аңлашылып бетмәгән, кирәкле саналмаган булса да, бер дистә ел үтүгә әлеге профессия үз эченә алган сүзләр артык нык популрлык алдылар һәм халык телендә еш куллана башладылар.

«Блогер» төшенчәсе XX гасыр ахырында инглиз телендә кулланыла башлый, рус теленә ул XXI гасыр башында тарала, ә бүгенге көндә татар телендә дә актив кулланыла.

Блогер – блог тотучы кеше. [РТ 2018] «Шулай итеп, алга таба сезне яңа геройлар, формат һәм алып баручы – күпләрегезгә *блогер* буларак таныш Айгөл Тимер көтә» (Идел, 2024, август); «Безнең чараның максаты – төрле юнәлештә блог алып баручыларны күрсәтү, быел нинди проектларны чынга ашырачагыбызны уйлау һәм, әлбәттә, татар *блогерлары* өчен мәйданчык булдыру» (Идел, 2025, гыйнвар). Хәзер ике кешенең берсе *блогер* инде (Идел, 2025, гыйнвар).

Әлеге профессиягә бәйле яшьләр теленә шул ук исәптән татар теленә бик күп башка алынмалар да үтеп керә һәм кулланыла башлый.

Блог – даими яңартылып торган вакытлыча кыска-кыска язмалардан, рәсемнәрдән, төрле мультимедиа мәгълүматтан торган шәхси яки корпоратив веб-сайт. [РТ 2018] «Әйе, шәхси *блогыңда* бераз бу турыда сөйләгән идең» (Идел, 2025, март).

Блогинг – даими рәвештә билгеле бер темага контент булдыру һәм блог алып бару процессы. «Сезнең *блогинг* юнәлешенә ничек килеп эләгүегезне беләсе килә» (Идел, октябрь, 2024).

Конент – мәгълүмат бирү, өйрәтү, күңел ачу яки аудиториянең игътибарын җәлеп итү максатыннан бастырыла һәм таратыла торган мәгълүмат. «Бүген блогерлар матур һәм сыйфатлы гына түгел, ә аудитория өчен файдалы *контент* да эшли» (Идел, 2024 октябрь).

Лайк – блогларда һәм башка социаль челтәрләрдә кулланучыларның контентка карата мөнәсәбәтен белдерергә ярдәм итә торган функция. «Карагач, *лайк* куярга һәм фикереңне калдырырга онытма – безгә тагын да илһамланып эшләргә этәргеч булыр» (Идел, 2024, октябрь).

Паблик – социаль челтәрләрдә кулланучылар өчен алып барылган блог. «*Пабликлар* бу хакта мемнар чыгара, инфлюэнсерлар шәхси комфорт турында күп сөйли» (Идел, 2024, октябрь).

Подкаст – кулланучылар онлайн режимда йөкли яки тыңлый ала торган аудио- яки видеоформаттагы контент. «Тапшыруда мин четрекле сораулар да билгелим: *подкаст* ул – ике кешенең фикер алышуы» (Идел, 2024, август).

Тренд – актуаль юнәлеш. «*Трендлар* бөтен кешегә дә килешмәскә мөмкин бит» (Идел, 2025, март).

Хайп – агрессив реклама, аның максаты кулланучының игътибарын җәлеп итү. «Икенче сезонда Ринат Рәхмәтуллинга шалтыраттым, аның турында имеш-мимешләр кеше телендә йөри иде, мин инде шул *хайпы* «элэктереп», «Ринат абый, сезнең белән төрмәдәге свидание турында чыгыш ясарга телим», – дидем» (Идел, 2025, март).

Хейт – кемгә дә булса яки нәрсәгә дә булса тискәре мөнәсәбәт. «Шоу барышында *хейт* белән очрашырга туры килде дип беләбез» (Идел, 2025, март).

SMM-белгеч – социаль медиа платформаларында идарә итү, стратегия һәм контент белән шөгыльләнүче профессионал, ул брендны алга җибәрү, клиентларны җәлеп итү һәм аның күрүчәнлеген арттыру максаты белән шөгыльләнә. «Сүзем блогер, алып баручы*, SMM-белгеч* Ләйлә Лерон хакында» (Идел, 2024, август).

Шулай итеп, бүгенге көндә телебезгә актив рәвештә яңа алынмалар кереп тора. Алар тиз арада халык телендә таралып, әдәби сүзләр рәтендә теркәләләр. Анализ барышында «Идел» яшьләр журналы битләрендә блогер һөнәренә бәйле дә шактый яңа алынмалар теркәлгәне ачыкланды, аларның 20% инде сүзлекләрдә урын алып, әдәби сүзләр рәтенә кергән, калгаңнар әлегә сүзлекләрдә теркәлмәгән, тик халык телендә актив кулланалар, димәк, тиз арада алар да әдәби лексик сүз статусын алачаклар.

Алынмалар теләсә кайсы телне, шул исәптән татар телен үстерүдә төп роль уйный. Алар сүзлек запасын киңәйтә, телгә яңа чынбарлыкларга һәм мәдәни йогынтыларга җайлашырга мөмкинлек бирә. Мәсәлән, элек чит элементлар буларак кабул ителгән күп кенә чит ил сүзләре акрынлап көндәлек сөйләмгә интеграцияләнә һәм әдәби телнең аерылгысыз өлешенә әверелә. Бу лексиканы баету процессы, ул халыкның мәдәни үзенчәлеген саклап калуга ярдәм итә. Кайбер алынмалар инде әдәби сүз статусын алган, ә икенчеләре актив куллану стадиясендә һәм тиздән гомум кабул ителергә мөмкин. Шулай итеп, алынма сүзләрнең интеграция процессын өйрәнү телнең яшәеш механизмнарын яхшырак аңларга һәм аның бай мәдәни мирасын сакларга ярдәм итә.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галимбикова И.И. Журнал «Идел« в контексте татарской культуры и языка / И.И. Галимбикова, Х.Х. Кузьмина. Текст : электронный // Казанская наука. 2025. № 6. С. 258–260. URL: file:///C:/Users/Ilzir/Downloads/Kazanskaya_Nauka_2025_6.pdf (дата обращения: 08.09.2025).

2. Татар лексикологиясе: өче томда / проект җит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина.. Казан: ТӘһСИ, 2015. Т. I. 352 б.

3. Мөхиярова Р.Х. XX гасыр ахыры–XXI гасыр башы татар әдәби теле лексикасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. 183 б.
4. Русско-татарский словарь: в двух томах. Т. 1–2. Казань: ИЯЛИ, 2018.

УДК 811.512.145

Галимова Ольга Николаевна
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Галимова Ольга Николаевна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Galimova Olga Nikolaevna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: Olgan_77@mail.ru

ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ ТЕРМИНОГРАФИК СҮЗЛЕКЛӘРЕНДӘ КУШЫМТАЛАР ЭВОЛЮЦИЯСЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

EVOLUTION OF APPLICATIONS IN TARTAR TERMINOLOGY DICTIONARIES

Аннотация. *В статье рассматриваются приложения терминологических словарей конца XIX–XXI вв. Изучается их содержание, связь с основным указателем. Выявлено, что первое приложение, данное К. Насыри в «Словаре к книге “Цветы и травы”» (1894), представляет собой алфавитный указатель терминов, функционирующих в книге «Цветы и травы». В 20–30-е гг. XX в. приложение становится важным элементом макроструктуры словаря, поскольку показывает функционирование терминов в специальных текстах. Сегодня в этой части даются различные таблицы, иллюстрации, информация о формировании и развитии терминосистемы, алфавитные указатели терминов, пословицы и поговорки. Особую нагрузку в русско-татарских терминологических словарях несут алфавитные указатели татарских терминов, значительно расширяющие возможности словаря.*

Annotation. *The article discusses the applications of terminological dictionaries of the late XIX–XXI centuries. Their content and the connection with the main index are studied. Revealed that, the first application given by K. Nasyri in the «Dictionary for the book “Flowers and Herbs”» (1894) is an alphabetical index of the terms functioning in the book “Flowers and Herbs”. In the 20–30rd years of the XX century. the application becomes an important element of the macrostructure of the dictionary, since it shows the functioning of terms in special texts. Today, in this part, various tables, illustrations, information on the formation and development of the terminology system, alphabetical indexes of terms, proverbs and sayings are given. Alphabetical indexes of Tatar terms bear a special load in Russian-Tatar terminological dictionaries, significantly expanding the capabilities of the dictionary.*

Ключевые слова: *татарский язык, терминологический словарь, структура словаря, приложение, словник*

Keywords*: Tatar language, terminology dictionary, dictionary structure, appendix, dictionary*

Билгеле булганча, терминографиядә махсус сүзлекләрнең структурасына зур игътибар бирелә, чөнки сүзлекнең дөрес төзелеше мәгълүматны дөрес, оптималь күләмдә бирү һәм кулланучыга әлеге хезмәттән файдалануны җайлы итүнең төп шарты булып тора. Структура дип сүзлекнең һәм аның аерым кисәкләренең оештырылышына әйтәләр [2: 102]. Ул макроструктур һәм микроструктур өлешләргә бүленә. Макроструктура дигәндә сүзлекнең гомуми структурасы һәм лексик берәмлекләрне сүзлектә урнаштыру рәвеше, ә микроструктура дигәндә сүзлек мәкаләләренең форматы, эшләнеше аңлашыла [6: 37]. Макроструктураны бары сүзлек мәкаләләренә генә дә бәйләп аңлату да бар. Бу очракта сүзлекнең аерым өлешләре урнашу рәвеше мегаструктура, икенче төрле кысалы структура дип карала [3: 15]. Әмма С.В. Гринев-Гриневич фикеренчә, сүзлекнең аерым өлешләре үзара бәйләнгән булу сәбәпле, керештән алып кушымталарга кадәр барлык кисәкләр дә макроструктураны тәшкил итә. Мәсәлән, шул ук кушымталар сүзлекнең төп өлешендәге мәгълүматны киңәйтә һәм тирәнәйтә, аерым очракларда исә сүзлекнең мәҗбүри өлеше булып тора [6: 37–38]. Ф.С. Фасеев та кушымталарның сүзлекчә белән бәйлелегенә игътибар итә [28: 115]. Кереш, лөгатьлек, кушымтадан торган сүзлекләр традицион яки гадәти төзелешкә ия сүзлекләр саналалар [3: 15; 4: 177].

Кушымталар татар теленең әле беренче терминологик сүзлекләрендә үк кулланыла. Әйтергә кирәк, рус телендә термин буларак кулланылган сүзләрне җыйган «Чит сүзләр» дә К. Насыйриның «Рус хоруфы һиҗасы үзрә мөрәттәб лөгать китабы»нда (1892) кушымта буларак бирелә [28: 114], ягъни терминологик сүзлекләр телара сүзлекләргә кушымта буларак эшләнә башлый. Галимнең үсемлек, аның кайбер өлешләренең һәм алардан алынган матдәләрнең кайбер атамалары тупланган «“Гөлзар вә чәмәнзар” китабына сүзлег»е (1894) исә чын кушымта белән эшләнә. Хезмәткә «гыйлавә» бирелүе һәм аның эчтәлеге турында автор керештә үк әйтеп үтә: «كلزار و چمنزار كتابند ه مذكورنباتات ننك روسيه و لاتينيه لرى و آند ه ذكر ايتولماكان بعض نباتاتلارننك علاو ه سى بلان » / «Гөлзар вә чәмәнзар» китабында мәзкүр нәбататның русия вә латинияләре вә анда зикер ителмәгән бәгъзы нәбататларның гыйлавәсе белән [9: 1]. Кушымта «صفرندان قاراب روسچه سن تابارغه» / «Сыйфырыннан карап русчасын табарга» дигән баш астында 12–16 битләрдә урнашкан. Монда «Гөлзар вә чәмәнзар»да кулланылган атамаларның исемлеге тәкъдим ителә, һәркайсының китапта ничәнче битләрдә кулланылуы күрсәтелә. Ул, сүзлекнең төп өлешендәге кебек, үк өч баганада алфавит тәртибендә төзелә. Яңа хәрефтән башланган өлешләр, гадәттә, горизонталь сызык белән аерылып тора. Барлыгы 400 дән артык берәмлек теркәлгән. Алар арасында фитонимнардан тыш нәкъ лөгатьлектәгечә үсемлек өлешләренең һәм алардан алынган матдәләрнең атамалары да китерелә:

٢٣شالقان / шалкан

٢٣١شالقان اورلوغى / шалкан орлыгы

شالقان مایی ۲۳۲ / шалкан мае [9: 14].

Тышкы яктан сүзлек белән охшаш булса да, кушымта «Гөлзар вә чәмәнзар» китабының эчтәлеге белән бәйле. Сүзлекнең әлеге китаптан чыгып эшләнүен истә тотканда, авторның өстәмә мәгълүматны шул рәвешчә бирүе аңлашыла.

Шуннан соң терминологик сүзлекләрдә кушымталар бирү XX гасырның 20–30 нчы елларында активлашып китә. Әле кушымта дип аталмасалар да, алар хезмәтләргә билгеле бер максатны күздә тотып өстәмә рәвештә эшләнәләр, лөгатьлектән аерып биреләләр. Мәсәлән, 1926 елда чыккан «Краткий русско-татарский словарь военных терминов (толмач)» сүзлегендә винтовка, пулемёт өлешләренең атамалары һәм командаларның татарчасы тәкъдим ителгән өстәмә өлеш, керештә әйтелгәнчә, эзләп табу уңай булсын өчен сүзлек ахырында китерелә [7: 4] һәм тәрҗемәчеләргә, хәрбиләргә терминнарны дөрес куллануга ярдәм итәргә тиеш була. Бу өлеш тә сүзлек кебек үк өч баганага бүлеп эшләнгән: беренче баганада кириллицада баш рус сүзе, икенче баганада гарәп графикасында аның татар эквиваленты һәм җәяләр эчендә рус сүзе, өченче баганада кириллицада татар эквиваленты бирелә. Шуңа да алар чын мәгънәсендә сүзлек мәкаләсе булып тора:

Подушка (پادوشکا۰) مندە ر Мендәр
Ползун (پالزون) شووعچ Шуёгөч [7: 172].

Монда теркәлгән берәмлекләрнең саны да аз түгел: винтовка өлешләренең атамалары бүлекчәсенә 100, пулемёт өлешләренең атамалары бүлекчәсенә 108 атама тупланган һәм 41 команданың татарчасы бирелә. Алар арасында китерелгән *заряд, затвор, калибр, отдача, смирно, стой* кебек кайбер атамалар соңрак чыккан сүзлекләрдә, мәсәлән «Русча-татарча хәрби терминнар сүзлеге»ндә, лөгатьлеккә кереп китә [13: 21, 22, 24, 34, 59, 61].

1927 елда дөнья күргән «РСФСР кодексларында очрый торган атамалар лөгатьчәсе»ндә 31–35 нче битләрдә төрле документларның үрнәкләре (карар, гаепләү нәтиҗәсе, хөкем) китерелә. Ул, керештән аңлашылганча, татар теленең, татар терминнарының суд эшендә дөрес кулланылуын күрсәтүгә, ныгытуга хезмәт итә [27: 2].

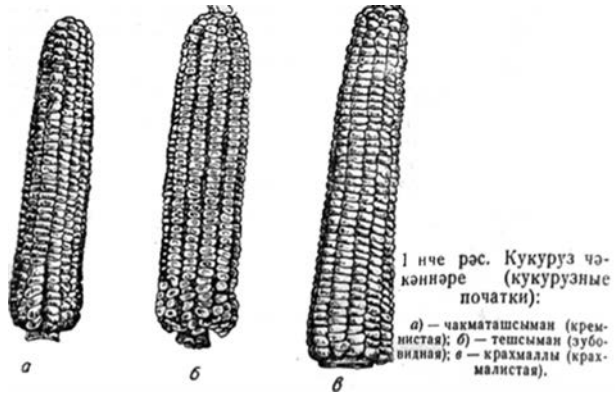
Билгеле булганча, татар телендә терминологик сүзлекләрне бер үк вакытта русча-татарча һәм татарча-русча итеп төзү тәҗрибәсе бар. Мәсәлән, «Политик экономик терминнар (русча-татарча һәм татарча-русча)» (1941) сүзлеге шундый. Ф. Фасеев ике яклы тәрҗемә сүзлекләренең татар кулланучысы өчен уңайлы булуын билгеләп үтә, ә инде «Русча-татарча терминологик сүзлекләргә кушымта итеп татарча терминнар исемлеген бирү, русча адәкватын белү өчен төп сүзлеккә цифрлар белән кайтару»ның тагын да экономияле булуына басым ясый [28: 115]. 50 нче елларда, мәсәлән, терминнар күрсәткече булган шундый сүзлекләр дөнья күрә. «Әдәбият белеме сүзлеге»нең (1950) «Төзүчедән» дип аталган керешендә хезмәтнең ахырында терминнарның кайсы биттә урнаштырылуы турында мәгълүмат булуы әйтелә. Ә «Терминнар күрсәткече»нең төзелеше турында астөшермәдә «цифрлар терминнарның кайсы биттә урнаштырылуын күрсәтә дип

аңлатыла [1: 4, 224]. Эшләнеше ягыннан ул К. Насыйриның «“Гөлзар вә чәмәнзар” китабына сүзлег»енә тартым: алфавит тәртибендә атамалар бирелә, аларның битләре күрсәтелә. Әмма бу очракта кушымтада башка хезмәттәге түгел, ә сүзлекнең үзендә инде теркәлгән терминнар урнаштырыла. 1958 елда Б.Н. Пономарев редакциясендәге русча сүзлекнең икенче басмасыннан тәрҗемә ителеп басылып чыккан «Политик сүзлек»нең күрсәткече катлаулырак төзелешкә ия. Анда төп мәкаләләр тематикалап бирелгән. Барлыгы 10 төркем, аерым төркемнәр төркемчәләргә дә бүленә. Мәсәлән, СССР төркемендә «Дәүләт һәм җәмәгать төзелеше», «Җәмәгать оешмалары», «КПСС, Совет дәүләте һәм армия эшлеклеләре», «Тышкы политика төркемчәләре бар [11: 693-696]. Ләкин андый бүленеш, белгечләргә җайлы булса да, гади кулланучы өчен тоташ алфавит тәртибендә бирүгә караганда авыррак. Моннан тыш «Кушымта» исеме астында «Үлчәүләр буенча кыскача белешмә», «Метр үлчәүләре» һәм таблицада төрле илләрдәге озынлык, мәйдан, масса, күләм һәм сыйдырыш үлчәүләре китерелә [11: 711–712]. «Русча-татарча техника терминнары сүзлеге»нең (1963) ахырында да кушымтага таблица урнаштырылган, анда «Берәмлекләрнең интернациональ системасы (CU)» урын алган [21].

Терминнар күрсәткечләре булган сүзлекләр ике яклы сүзлекләрне кысрыклап чыгармый, алар эшләнә тора. Мәсәлән, «Русча-татарча физика терминнары сүзлеге»нең (1972) икенче өлеше татарча-русча, мондагы сүзлек мәкаләләре, беренче өлештән аермалы буларак, инде аңлатмалар-сыз төзелгән. Бу сүзлекккә «Берәмлекләр системасы» «Системадан тыш берәмлекләр», «Берәмлекләрнең кабатлыларын һәм өлешләрен ясау өчен алкушымчалар кушымта итеп китерелгән [22: 132–135].

Татар теленең терминологиясе үсешен өйрәнгән Ф.С. Фасеев терминологик сүзлекләрне рәсемнәр, иллюстрацияләр белән эшләү мәсьәләсен күтәрә, бу проблеманың аерым өлкәләр, мәсәлән биология, өчен аеруча актуаль булуына басым ясый [28: 101]. 1971 елда чыккан «Русча-татарча авыл хуҗалыгы терминнары сүзлеге»нә, әнә шуны күздә тотып, кушымта итеп рәсемнәр теркәлә. Барлыгы 92 рәсем кергән әлеге өлеш «Иллюстрацияләр» дип исемләнә. Рәсемнәр «Культуралы үсемлекләр», «Чүп үләннәр», «Үсемлек авырулары һәм корткычлары», «Хайваннар һәм кошлар», «Балыклар», «Авыл хуҗалыгы техникасы» тематик төркемнәренә туплана [19: 272–303]. Сүзлекнең махсус редакторы билгеләп үтүкәнчә, рәсемнәр гомуми билгеле булган объектларга, гадәттә, бирелми, ә бары «сүз белән генә аңлатып тиешле төшенчә тудыру кыен булган очракларда кулланыла» [19: 10]. Беренчедән, ят, яңа, сирәк очрый торган экзотик атамаларның төшенчәсен булдыру өчен; икенчедән, бер үк объектның сортларын, төрләрен, аерым өлешләрен күрсәтү өчен, аерым очракларда җенес буенча аерганда уңышлы дип табыла [19: 10]. Кушымтаның сүзлек белән бәйләнешен рәсемнәрнең номерлануы һәм сүзлек мәкаләләрендә әлеге рәсемнәргә сылтамалар тәэмин итә:

кукуруза (маис) кукуруз (1 нче рәс.).
~ **восковая** балавызсыман кукуруз
~ **зубовидная** тешсыман кукуруз (1 нче *б* рәс.)
~ **крахмалистая** крахмаллы кукуруз (1 нче *в* рәс.).
~ **кремнистая** чакма кукуруз, каты кукуруз (1 нче *а* рәс.) [19: 110–111].



1 нче рәс. Кукуруз чәкәннәре (кукурузные початки):
а) — чакматашсыман (кремнистая); *б*) — тешсыман (зубовидная); *в* — крахмаллы (крахмалистая).

Рәс. 1. «Русча-татарча авыл хуҗалыгы терминнары сүзлеге»нең кушымтасыннан рәсем

«Русча-татарча астрономия терминнары сүзлеге» дә (1974) өстәмә мәгълүматны биш таблицага туплый: «Кайбер константалар таблицасы», «Җирнең геометрик һәм физик характеристикалары», «Планеталар системасы», «Планеталарның табигый иярченнәре», «Иң якын йолдызлар» [20: 58–63].

«Русча-татарча физика терминнары сүзлеге. Татарча-русча физика терминнары сүзлеге» (1996) дә кулланучыга файдалы, информатив, булган 20 таблицадан торган кушымта белән басылып чыга [23: 188–189]. Монда китерелгән мәгълүмат, әлбәттә, сүзлек мәкаләләрен баета, әмма таблицадагы кайбер атамалар лөгатьлеккә кертелмәгән. Мәсәлән, *почмакча тизлек, почмакча тизләнеш* шундыйлардан [23: 188]. Гомумән, табигать һәм төгәл фәннәрнең атамаларын туплаган сүзлекләрдә иң еш очрый торган кушымталар булып төрле берәмлекләрне күрсәткән таблицалар тора.

XX гасырның 90 нчы елларыннан терминологик сүзлекләрдә кушымталарга игътибар арта. Бу күренеш, безнеңчә, сүзлекләрдә күбрәк информация бирү омтылышы белән бәйле була. Бер төркем русча-татарча сүзлекләрнең кушымталары киң катлам татар кулланучысын күздә тотып эшләнә һәм терминнарның алфавит тәртибендәге күрсәткече итеп эшләнә. «Финанс, икътисад һәм юридик терминнар. Аңлатмалы сүзлек»нең (1996) күрсәткечендә атамалар һәм рус, һәм татар телендә бирелә [29: 207–221]. Ләкин, сүзлек русча-татарча булу сәбәпле, рус телендәге терминнарны яңадан төзеп китү, битләрен күрсәтү кирәксез эш кебек күренә. «Толковый русско-татарский словарь производственно-экономических терминов в области строительства» (2000) күрсәткечкә рус атамаларын гына кертә [26: 130–139]. «Агрохимия һәм туфрак белеме терминнарының русча-татарча аңлатмалы сүзлеге» (2003), «Агроэкология терминнарының русча-татарча аңлатмалы сүзлеге» (2008) һ. б.ш. сүзлекләр бары «Татарча терминнарның алфавит тәртибендәге күрсәткече»н тәкъдим итәләр [17: 104–134; 18: 147–189]. Соңрак мондый күрсәткечләрдә яңа элемент барлыкка килә: атаманың бите генә түгел, ә кайсы хәрефкә каравы да билгеләнә [14: 221–246; 5: 158–200].

XXI гасыр сүзлекләре кушымталарның төрле эчтәлектәгесен тәкъдим итә: төрле белешмәләр, өстәмә атамалар, иллюстрацияләр, мәкаль-әйтемнәр. Мәсәлән, «Русча-татарча аңлатмалы медицина терминнары сүзлеге»ндә (2004) кушымтада «татарларда медицина фәненең һәм теленең барлыкка килүенә, үсешенә кыскача күзәтү» ясала [16: 9, 340–348], «Математикадан русча-татарча аңлатмалы сүзлек»тә (2013) «математика тарихында эз калдырган галимнәр турында кыскача биографик белешмә бирелә» [8: 288–375]. Кушымтада рәсемнәр бирү татар терминографиясе тарихында киң таралган күренеш түгел. Мондый сүзлекләр бик аз. Шуларның берсе – «Офтальмология. Русча-татарча терминологик аңлатмалы сүзлек» (2011). Монда тугыз төсле рәсем бирелә. Медицинаның аерым тармаклары атамаларын туплаган сүзлекләрнең рәсемле булуы төшенчәләрне өстәмә рәвештә тасвирлауга, идентификацияләргә, күреп истә калдырырга, танырга ярдәм итүе белән кыйммәтле. Рәсемнәргә аңлатмаларның рус һәм татар телләрендә эшләнүе сүзлекнең русча-татарча булуы белән аңлатыла. Ләкин сүзлекнең әлеге өлешенең лөгатьлек белән бәйләнешен тиешле дәрәҗәдә түгел дип, чөнки рәсемнәрнең аңлатмаларындагы терминнарның барысы да сүзлеккә кереп бетмәгән. Мәсәлән, тугызынчы рәсемдә ике ягы кабарынкы линза һәм батынкы линза сурәтләнә. Әлеге атамалар *линза* мәкаләсендә чагылыш тапмый. Шулай да *батынкы линза вогнутый* мәкаләсенә мисал буларак кергән, ә *двояковыпуклый* баш сүзе сүзлеккә бөтенләй кермәгән [10: 25, 56–57]. Шунысын да әйтергә кирәк: хәзерге чорда, мәсәлән «Русча-татарча политехника сүзлегендә» (2016), рәсемнәр сүзлек мәкаләсе янына урнаштырыла [12]. Бу исә өстәмә мәгълүматның кушымтада гына түгел, ә сүзлек өлешендә бирелү мөмкинлеген күрсәтә.

Икенче яктан, XXI гасыр – терминологик сүзлекләрдә кушымталарның саны арткан чор. Мәсәлән, «Медицина терминнарының русча-татарча аңлатмалы сүзлеге»ндә (2004) [16], «Балык атамаларының татарча-русча-латинча аңлатмалы сүзлеге»ндә (2019) [5] һәм «Үсемлек атамаларының татарча-русча аңлатмалы сүзлеге»ндә (2020) [24] икешәр, «Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге»ндә (2018) [25] алты, «Русча-татарча тарих терминнарының аңлатмалы сүзлеге»ндә (2006) 12 кушымта бирелә. Кушымтада теге яки бу компонентлы мәкаль-әйтемнәрне, сынамышларны туплау милли компонентка игътибар, авторлар әйткәнчә, «татарча атамаларның эчтәлегенә, шигъриятенә төшенергә ярдәм итү» [24: 7–8] белән аңлатыла. Кушымтада диалектларда кулланылган атамаларның исемлеге дә бирелә [5: 201–202; 25: 156–159]. Мондый тупланмалар, тел байлыгын югалтмыйча, терминнарны диалекталь берәмлекләрдән аеруга максат итәләр.

Шул рәвешле, башта русча татарча сүзлекләргә кушымта буларак бирелгән терминологик сүзлекләр, аерым хезмәт буларак басыла башлагач ук кушымта белән эшләнәләр. Башта ул сүзлекнең үзе белән түгел, ә төп чыганак белән бәйле була һәм атамалар күрсәткече рәвешендә төзелә. Беренче тапкыр сүзлеккә кертелгәндә үк бу өлеш гыйләвә дип исемләнә. XX гасырның 20–30 нчы елларында чыккан сүзлекләрдә кушымта сүзлекнең махсус өлеше буларак күрсәтелми, ләкин мәгълүмат-

ның өстәмә китерелүе аларны кушымта дип бәяләргә мөмкинлек бирә. Ул сүзлекнең төп өлешенең дәвамы рәвешендә дә, терминнарны куллану үрнәкләре итеп тә эшләнә. Соңрак кушымталарның эчтәлеге төрлеләнә: сүзлекнең бу өлеше терминнар һәм терминоэлементлар күрсәткече, төрле берәмлекләр, зурлыклар китерелгән таблицалар, иллюстрацияләр, биографик белешмә, терминосистема тарихына күзәтү форматында оештырыла. Еш кулланыла торган терминнар күрсәткече терминологик сүзлекләр төзү тәҗрибәсенә нигезләнә: аның ике яклы сүзлекләрнең милли-чит тел өлешен гадиләштерү нәтиҗәсендә формалашуы мөмкин. Шул ук вакытта күрсәткечтә атамаларның билгеле бер хезмәттәге битен билгеләү К. Насыйри сүзлегендә үк күзәтелә. Ә инде хәрефне дә күрсәтү чагыштырмача яңа элемент булып тора. Иллюстрацияләр кушымталарга сирәк урнаштырыла. Хәзерге чорда рәсемнәрне сүзлек мәкаләсе янында бирү тәҗрибәсе кушымта буларак бирелгән мәгълүматның төп өлешкә кереп китү мөмкинлеген күрсәтә.

ӘДӘБИЯТ

1. Әдәбият белеме сүзлеге / төз.: Н. Гыйззәтуллин; ред.: Г. Халит. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. 230 б.

2. Балканов И.В. Мегаструктура отраслевого словаря (на материале военных двуязычных словарей XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 101–113.

3. Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник: 2-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 236 с.

4. Будкова С.С. Структурные параметры словарей, включающих термины подъязыка «Радиационные и плазменные технологии» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 175–179.

5. Галимова О.Н. Балык атамаларының татарча-русча аңлатмалы сүзлеге. Казан: ТӘһСИ, 2019. 204 б.

6. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учеб. пособ. изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. 222 с.

7. Краткий русско-татарский словарь военных терминов. М.: Искра революции, 1926. 176 с.

8. Математический русско-татарский толковый словарь / авт.-сост.: Л.И. Галиева, И.Г. Галяутдинов, М.З. Хуснетдинов и др.; под общ. ред. Л.И. Галиевой и Г.Г. Галяутдинова. Казан: Татар. кн. изд-во, 2013. 375 с.

9. Насыйри К. «Гөлзар вә чәмәнзар» китабына сүзлек. Казан, 1894. 16 б.

10. Офтальмология: русско-татарский терминологический толковый словарь / авт.-сост. Р.Ф. Гайнутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 127 с.

11. Политик сүзлек: проф. Б.Н. Пономарев ред. чыккан русча сүзлекнең икенче басмасыннан тәрҗ. / тәрҗ.: Б. Шәрәфетдинов, С. Хафизов, Х. Сәмигуллин, Ә. Әскәров; ред.: Г.Ф. Шәрипов, С.Х. Сәмигуллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. 173 б.

12. Русско-татарский политехнический словарь / под общ. ред. Р.А. Шакирзянова. Казань: Магариф-Вакыт, 2016. 658 с.

13. Русско-татарский словарь военных терминов / Авт.-сост Р.А. Мугинов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 151 с.

14. Русско-татарский словарь лингвистических терминов / Под ред. Ф.И. Тагировой и Ф.Ф. Гаффаровой. Казань: ИЯЛИ, 2016. 248.

15. Русско-татарский толковый словарь исторических терминов. Казань: Магариф, 2006. 224 с.

16. Русско-татарский толковый словарь медицинских терминов. Казань: Магариф, 2004. 351 с.

17. Русско-татарский толковый терминологический словарь по агрохимии и почвоведению / сост.: М.Ю. Гилязов, С.Г. Муртазина, Ф.Ф. Гаффарова. Казань: Магариф, 2003. 135 с.

18. Русско-татарский толковый терминологический словарь по агроэкологии / авт.-сост.: С.Г. Муртазина, М.Ю. Гилязов, Ф.Ф. Гаффарова, М.Г. Муртазин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 191 с.

19. Русча-татарча авыл хуҗалыгы терминнары сүзлеге / төз.: А.К. Тимергалин, Г.Г. Ахметов, Ш.Г. Садыйков; махсус ред. Ф.С. Фасеев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. 304 б.

20. Русча-татарча астрономия терминнары сүзлеге / төз.: М. Галеев, А. Тимергалин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 64 б.

21. Русча-татарча техника терминнары сүзлеге / төз.: А.К. Тимергалин, М. Галеев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 216 б.

22. Русча-татарча физика терминнары сүзлеге / төз.: М. Галеев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 136 б.

23. Русча-татарча физика терминнары сүзлеге. Татарча-русча физика терминнары сүзлеге / төз.: Г.Ю. Даутов, Д.Г. Галимов, З.М. Вәгыйзова; ред. Г.Ю. Даутов. Казан: Таң-Заря, 1996. 200 б.

24. Сабитова И.И., Саберова Г.Г. Үсемлек атамаларының татарча-русча аңлатмалы сүзлеге. Казан: ТӘhСИ, 2020. 216 б.

25. Сафина Э.И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге. Казан: ТӘhСИ, 2018. 148 б.

26. Сафиуллова Л.Ш., Биктимирова Л.Ф. Толковый русско-татарский словарь производственно-экономических терминов в области строительства. Казань: РИЦ «Школа», 2000. 140 с.

27. Словарь терминов, встречающихся в кодексах РСФСР. Казан, 1927. 36 б.

28. Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. 200 б.

29. Финансово-экономические и юридические термины. Толковый словарь / сост.: К.М. Гарифуллин, Н.Г. Хайруллин, Ф.Н. Фаткуллин, Н.К. Гарифуллин, А.М. Ганеев, Ф.С. Зиятдинов, З.А. Ахметьянова, Р.А. Бурганова, М.Х. Ханнанов. Казань: Изд-во КФЭИ, 1996. 224 с.

УДК 811.512.145

Галиуллина Гульшат Раисовна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Galiullina Gulshat Raisovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: caliullina@list.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ *ГНЕВ* В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING *ANGER* IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *Изучение лексических единиц, выражающих эмоциональное состояние человека, дает ключ к пониманию национального характера. Объектом исследования выбраны фразеологизмы, выражающие гнев в татарском языке. В данном кратком обзоре рассмотрена эмоционально-оценочная семантика данной группы фразеологизмов. На основе анализа пришли к выводу, что ядерная лексема эмоции группы «гнев» ачу 'гнев, злоба, злость' в татарском языке является универсальной и участвует при выражении разные степени состояния гнева.*

Annotation. *The study of lexical units that express a person's emotional state provides a key to understanding the national character. The object of the research is idioms expressing anger in the Tatar language. This brief review examines the emotional-evaluative semantics of this group of phraseological units. Based on the analysis, we conclude that the core lexical unit for the emotion of 'anger' – açu (anger, rage, wrath) – is universal in the Tatar language and is used to express different degrees of the state of anger.*

Ключевые слова: *татарский язык, эмотивность, лексика, фразеологизмы*

Keywords: *Tatar language, emotiveness, vocabulary, phraseological units*

В языке каждого народа имеются образные выражения, отражающие национальный колорит и репрезентирующие внутренний мир человека. Среди таких единиц особое место занимают фразеологические единицы, которые обладают свойством выражения эмоционального состояния человека. Фразеологическая эмоциональная картина мира в татарском языке насыщеннее, чем номинативная лексическая картина мира, так как фразеологизмы выражают эмоции человека через многочисленные семантические модели, основанные на образной составляющей фразеологизмов. В татарском языкознании недостаточно уделяется внимание данному аспекту фразеологических единиц, хотя языковые и стилистические аспекты выражения эмотивности на различных уровнях языка освещаются в работах Л.К. Байрамовой [1], Д.К. Вахитовой [2], Г.З. Габбасовой [3], Г.Р. Галиуллиной [4; 5], Н.Ф. Галиевой [6], Э.Н. Денмухаметовой [7], Р.Р. Замалетдинова [8],С.А Косцовой [10], А.Э. Хабибуллиной [11] и др.

Целью нашей работы является анализ эмоционально-оценочной семантики фразеологизмов, выражающих гнев.

Эмоции группы «гнев» распределяются на шкале интенсификации состояния таким образом: 1) досада, раздражение; 2) озлобленность; 3) возмущение; 4) ярость. В татарской фразеологической картине мира функционирует довольно большое количество устойчивых словосочетаний, отражающие указанные стадии эмоционального состояния. Так, например, в двухтомном словаре Наки Исанбета «Фразеологический словарь татарского языка» [9] фразеологизмов с ядерной лексемой эмоции группы «гнев» *ачу* ‘гнев, злоба, злость’ только в начальной позиции словосочетаний зафиксировано около 25 единиц. Они выражают отрицательную семантику и разную степень оценочности, например, эмотивный компонент фразеологизма *ачу тоту* представлен минимальной интенсивностью, а в фразеологизме *ачудан кара яну* букв. «стать черным от гнева» в значении ‘*гореть от злости*’ мы замечаем наиболее высокую степень интенсивности эмоционального состояния.

В новом словаре фразеологизмов татарского языка Ф.С. Хакимзянова представлено 60 устойчивых словосочетаний и выражений с данной лексемой [12].

Дополняя денотативное содержание, эмотивный аспект фразеологических единиц выражает отношение субъекта к предмету, передает разнообразные эмоции. Как известно, изучаемые нами фразеологизмы передают отрицательно-оценочные эмоции. Они показывают неодобрительного или пренебрежительного отношения к субъектам или событиям. Денотативное значение фразеологизмов, входящих в данную группу, можно определить как состояние субъекта, при котором он испытывает негодование, озлобленность, не способен контролировать свои поступки. Основу данной группы составляют фразеологизмы, в составе которых встречается лексема *ачу* ‘гнев, злоба, злость’, имеющие значение ‘*затаить гнев*’: *ачу йоту* букв. «проглотить гнев»*; ачу тоту* букв. «держать злость»; *ачу килү* букв. «гневаться, злиться, сердиться» и др. Указанные фразеологизмы выражают досаду, раздражение, в которых гнев выражен в минимальной степени. Рассмотренные выше фразеологизмы выражают отрицательное эмоциональное состояние субъекта, преимущественно переживаемое изнутри. Нам кажется, что характерные для этнопсихологии татарского народа такие внутренние качества как терпение, скрытие своего эмоционального состояния легли в основу указанных фразеологизмов.

Эмоционально-оценочное отношение может варьироваться в зависимости от того, идет ли речь о третьем лице, обращена ли она к собеседнику или же является высказыванием говорящего о самом себе. Это в основном прослеживается в тех случаях, когда речь идет о глагольных фразеологизмах, которые выступают в роли сказуемого. Ниже рассматриваемые фразеологические единицы со значением ‘гнев’ представлены по мере возрастания интенсивности негативного эмоционального состояния. Так, например, фразеологизм *сул аягы белән тору* букв. «вставать с левой ноги» в значении ‘быть в мрачном, дурном настроении, в раздражении’ употребляется в отношении третьего лица. В ней отражается состояние

озлобленности. Культурно-коннотативная семантика фразеологизма связана с суевериями татар, что если все дела выполняются с правой руки, если с утра человек встает с правой ноги, то весь день будет легким и непринужденным. Если же человек отступит от данного поверья, то удачи и хорошего настроя не ожидай ни в чем. Данная фразеологическая единица употребляется в отношении человека, действия которого выходят за рамки общепринятых норм.

Фразеологизмы *кызу кул астына туры килү; кызган чакка туры килү* ‘под горячую руку’ употребляются для оценки состояния возбуждения, раздражения и гнева. Фразеологическое значение указанных единиц основывается на значении лексемы *кызу* (производное – *кызган*) ‘горячий’, которое передает представления о состоянии субъекта, реже какого-либо предмета или явления. Денотативный компонент данного слова способствует выявлению предметной отнесенности знака, вызывая в сознании предметное представление. Сигнификативный компонент определяет соотнесенность указанных фразеологизмов с представлением признака и имеет более высокую степень абстрактности. Денотативный и сигнификативный компоненты взаимодействуют и образуют единое предметно-логическое содержание рассматриваемых фразеологизмов. Коннотативный компонент, который выступает наиболее важным из всех компонентов в семантической структуре фразеологизмов, стимулирует высокую интенсивность меры признака (*кызу, кызган* ‘горячий’), вызывает ассоциации причинно-следственного характера и демонстрирует более высокую степень обозначения гнева.

Фразеологические единицы *үзен-үзе белешмәү; чыгырыннан чыгу* ‘вне себя’, ‘в крайнем возбуждении или раздражении’ выражают ярость и чаще являются высказыванием говорящего о самом себе, чуть реже – для описания эмоционального состояния третьего лица.

Наиболее высокая степень анализируемого негативного эмоционального состояния представлена в фразеологических единицах *авызыннан ут чәчү* букв. «извергать огонь со рта» в значении ‘рвать и метать’; *күк кебек күкрәп, яшен кебек ату* букв. «греметь как гром, сверкать как молния» в значении ‘говорить гневно, раздраженно’; *җене кузгалу* букв. «шайтан (бес) забеспокоился» в значении ‘в состоянии нервного возбуждения, негодования, возмущения’; *җене котыру* / *чыгу* / *кабыну* букв. «вселился бес и негодует», имеет значение ‘выходить из себя’. Два последних фразеологизма напрямую связаны с поверьями татарского народа, которые в старину считали, что нечистые силы (җен, шайтан и др.), вселяются в людей и доводят их до состояния нервного возбуждения, возмущения, гнева, что человек перестает контролировать себя, свои эмоции и действия.

Подытоживая представленный краткий обзор, отмечаем, что существуют доминантные, ключевые эмоции, носящие универсальный характер, однако, способы их выражения имеют национальную специфику. Ядерная лексема эмоции группы «гнев» *ачу* ‘гнев, злоба, злость’ является универсальной и участвует при выражении всех четырех степеней состояния гнева.

Таким образом, фразеологические единицы, выражающие эмоции человека являются одной из значимых областей фразеологического фонда. Они позволяют понять эмоциональное состояние не только отдельно взятой личности, но и народа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамова Л.К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков: аксиологический фразеологический словарь. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 495 с.

2. Вахитова Д.К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: дис. … канд. филол. наук. Казан. гос. ун-т. Казань, 2013. 239 с.

3. Габбасова Г.З. Средства выражения экспрессивности в татарском литературном языке (на материале имен существительных и прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Башк. гос. ун-т. Уфа, 2002. 26 с.

4. Галиуллина Г.Р. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета / Г.Р. Галиуллина, А.Ш. Юсупова, Г.К. Хадиева, Э.Н. Денмухаметова. Казань, 2011. 120 с.

5. Galiullina G.R.; Khadieva G.K.; Mukhametgalieva Z.M.; Dubrovina M.E. Phraseological units as means of expressing the emotivity in the tatar language // Revista Entrelinguas. V. 7. № 1. 2021. P. 154–161.

6. Galieva N.F., Galiullina G.R. Emotive idioms Tatar language as national mentality reflection // Journal of Language and Literature. V. 6, Issue 1. 1 February 2015. P. 273–276.

7. Денмухаметова Э.Н. Фразеологическая синонимия в татарской прозе // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. № 8. С. 111–115.

8. Замалетдинов Р.Р. Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека. Казань: Бриг, 2012. 300 с.

9. Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда / ф. ред. В.Х. Хаков. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 1 (А–К). 495 б.; 1990. Т. 2. (Л–Һ). 365 б.

10. Косцова С.А. Сайфулина Ф.С. Фразеологизмы-злопожелания, адресованные обманщику/клеветнику, в современном татарском языке: структурно-компонентный анализ // Филология и культура. 2025. № 2 (80). С. 41– 47.

11. Хабибуллина А.Э. Фразеологические единицы, выражающие эмоциональное состояние человека // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. С. 152–158.

12. Хәкимҗанов Ф.С. Татар теленең фразеологизмнар сүзлеге: тотрыклы сүзтезмәләр һәм тәгъбирләр: өч томда. I т. (А–Б). Казан, 2022. 672 б.

УДК 811.512.145

Гыйльманова Мөслимә Мәлик кызы
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Гильманова Муслима Маликовна
Казанский федеральный университет
Казань Россия
Gilmanova Muslima Malikovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: muslimag80@bk.ru

1960–1980 ЕЛЛАР ШИГЪРИЯТЕНДӘ ЙОЛА ТРАДИЦИЯЛӘРЕНЕҢ ЯКТЫРТЫЛУ ҮЗЕНЧӘЛЕГЕ

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРЯДОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1960–1980-Х ГОДОВ

THE SPECIFICS OF THE DEPICTION OF RITUAL TRADITIONS IN TATAR POETRY OF THE 1960S AND 1980S

Аннотация. *Статья посвящена изучению особенностей освещения обрядовых традиций в поэзии 1960–1980-х годов. В рамках статьи рассматриваются как функции обрядов, развивающихся из устного народного творчества в поэтических произведениях, так и влияние мифических представлений на поэтическую картину мира. Обряд подчеркивает обновление ритуалов в поэтической плоскости, сохранение и передачу из поколения в поколение жизненного опыта (культуры), достигнутого в произведениях. Анализируются индивидуальные находки татарской поэзии 1960–1980-х годов.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the peculiarities of the illumination of ritual traditions in poetry of the 1960s–1980s. The article examines both the functions of rituals that develop from oral folk art in poetic works, and the influence of mythical representations on human consciousness. The rite emphasizes the renewal of rituals in the poetic plane, the preservation and transmission from generation to generation of the life experience (culture) achieved in the works. The individual finds of Tatar poetry of the 1960s–1980s are analyzed.*

Ключевые слова: *обряд, татарская поэзия, мифология, обычаи, стиль*

Key words: *ritual, Tatar poetry, mythology, customs, style*

Фәндә «берәр коллективның (гаилә, тыру, кабилә кабиләләр берлеге) яисә аерым кешенең ижтимагый-хуҗалык һәм гаилә тормышында иң җитди мизгелләрдә башкарыла торган, борынгыдан килгән һәм төрле магик сүз, сүз тезмәләре, җыр-такмак-такмаза, музыка һәм бию белән барган традицион хәрәкәт-гамәлләрне йола дип атыйлар» [1: 110].

Йолалар кеше аңын мифологик карашлар билгеләгән дәвердә үк барлыкка килә башлаган. Бер яктан йола телдән сөйләнә торган мифларның гамәли гәүдәләнәшен тәшкил итә, икенче яктан, миф магия белән сугарылган әлеге хәрәкәтләрнең ни өчен башкарылуын дәлилли, йоланың мифологик эчтәлеген аңлата [2: 235]. Һәр халык буыннан-буынга күчә торган

гореф-гадәтләрен, яшәү рәвешләрен, үз-үзләрен тоту кагыйдәләрен, карашларын, зәвыкларын сакларга омтылган. Тормыш-көнкүрештә билгеле бер йолалар үтәү, гореф-гадәтләрне тоту һәм бәйрәмнәр үткәрү барлык халыкларга дә хас. Ул әлеге халык мәдәниятенең мөһим бер өлеше булып исәпләнә. Билгеле бер йолаларның үтәлеп килүе җәмгыятьне дә тотрыклы итә. Йолаларын, традцияләрен саклаган халык кына тулы кыйммәтле тормыш белән яши.

Йола традицияләре, алар белән бәйле образ-мотивлар 1960–1980 еллар татар поэзиясендә дә актив кулланылышта йөри. Мәсәлән, Әдип Маликов «Тормыш кичәм» (1964) шигырендә татар халкында борынгыдан килгән гадәт, йола – «ике куллап күрешү»турында бәян итә. Автор сабыйларга юл бирепузса, олылар белән кул бирепкүрешүе турында әйтә. Илдә яшәүче һәр милләтнең үз йоласы барлыгын искәртә. Илебез эчендә алар уникаль, шуңа да һәрбер милләтнең йоласына хөрмәт зур: Мин илемнең һәр каласы белән / Күрешеп йөрим ике кул бирепе. Шулай ук, Гамил Авзал «Авылга кайту» (1957) шигырендә дә татар халкының «ике куллап күрешү» йоласын искә ала: Ике куллап күрешә бабайлар дип күрешүне борыңгыдан калган йола икәнлегенә ишарә итә.Үзен туган җирен сагынып кайтучы кыр казлары белән чагыштыра. Ә менә Мөдәрис Әгъләмовның «Тынлык» (1967) шигырендә юлга чыкканда үтәлә торган йола искә алына. Бу йола буенча, юлга чыгар алдыннан «тезелеп утырып тын алалар», дога кылалар, аннан соң теләкләр теләп юлга кузгалалар: Тыгыз божра булып утырырлар/ Һәм теләрләр изге сәгатьне дип автор мондый йоланы онытмаска, йортка кайткач та әдәпне бозмаска чакыра. Әлеге йола традициясен поэтик дөнья картинасында кабат тергезү татар халкының үзенчәлеген, менталитетын, дөньяга карашын, аның йолаларын тергезергә, шул рәвешле киләчәк буыннарга җиткерергә мөмкинлек бирә.

Соңгы вакытларга кадәр килеп җиткән хуҗалык йолаларында үрчемуңдырышлылык культы белән бәйләнешнең бүген дә сизелеп торуы, гаилә-көнкүреш йола-ритуалларында мифологик ышануларның яки магия элементларының саклануы бер дә гаҗәп түгел, чөнки йола нигезендә яткан магия, бер яктан, табигатьтәге «кара көчләрдән саклану, икенче яктан адәм баласына кирәк булган уңыш, байлык, бәхет һ. б. кыйммәтләрне булдыру максатыннан һәр кылынган гамәлнең асылын нигезләгән» [3: 152]. Шагыйрь Харрас Әюп «Өй өмәсе» (1982) шигырендә авылларда йорт салу өмәсен сурәтли. Элек авылларда җәй көннәре өмә җыеп йорт салу эше башкарылган. Шушы өмә барышында бер борыңгы йола – «нигезгә тәнкә салып калдыру» йоласын үтәгәннәр. Бу кешеләрнең мифологик ышанулары, күзаллаулары буенча әлеге йотта тормыш бай, бәрәкатле булсын дигән ният белән эшләнгән: Нигезләргә тәңкә сала картлар / Бәхет бирсен гомер итәргә! ди автор. Мөдәрис Әгъләмовның «Дүрт почмакка дүрт бакыр» (1973) шигырендә дә шушы йола башкарылганлыгы ассызыклана: Нигезнең дүрт почмагына / Дүрт алтын салса халык ди автор. Халыкның рухи халәтен җиткерүне шагыйрь татар халкының йола традицияләренә төреп бирә.

Киленне каршы алу – туй йоласының иң әһәмиятле өлешләренең берсе. Егетнең әнисе, элек-электән килгән гадәт буенча, яшь киленне өй бусагасы каршында каршы ала, ак җәймәгә яки мендәргә бастырып, авызына балмай ипи каптыра «Телең майдай йомшак, балдай татлы булсын» дип теләк

тели. «Туй» (1967) шигырендә дә шагыйрь Мөдәрис Әгъләмов кызны йортка алып кергәндә «мендәргә бастыру» йоласы белән таныштыра: Алгы көнгә атлаганда халык/ Үткәненә карый текәлеп.. / Үткәннәрнең яхшыларын ала, / Яхшыларын бара күтәреп дип автор борыңгы гореф-гадәтләр, халык җәүһәрләрен саклау мөһим икәнлеген искәртә, «Пар атлардан төшеп мендәргә бас» дип киңәш итә. Ренат Харисның «Йола» шигырендә дә үзенчәлекле йола сүрәтләнә: яшь парларның түшәгендә сабый баланы аунаталар. Мифик ышанулар буенча, бу йола яшьләрнең тормышлары бәхетле, күп балалы булсын өчен үтәлә: Түшиләр түшәкне догалап, / Җәяләр җәймәнең яңасын. / Түшәктә аунатып алалар / Бәхетле гаилә баласын. Автор үзе дә шул йоланы «түшәккә салыштым» ди. Үзенең дә шул йолага тугъры калып «җир буйлап ауныйсы килә»дип шигырь укучыга рухи халәтен җиткерә.

Күмү йолалары ул – билгеле бер эзлеклелектә үтәлә торган гамәлләр җыелмасы белән бәйле дини күзаллауларның хикмәтле күренеше. Һәр халык мәет җирләүне дини йола буенча башкарырга тырыша. Ислам диине кабул ителгәннән соң, үлгән кешене җирләүләр һәм искә алулар нигездә, бертөрле итеп үткәрелә, ул инде калыплашкан гадәт [4: 541]. Л. Зөлкәрнәйнең «Зиратта» (1978) шигырендә бу йоланың үтәлеше халыкның менталитетын ассызыклый: Һәркем, бер уч кайгы салып, / Кабер өстен өйдеме?.. / Изге гадәт – чал карт сорый: / «Яхшы кеше идеме?.. »

Борынгыдан килгән йола-ритуалларның вазифалары күп төрле, полифункциональ характерда. Әмма аларның «иң төп хасяте-вазифасы уртак – традицион гореф-йолалар башкару яки үтәү юлы белән кешенең хуҗалык эшчәнлеген, шулай ук көндәлек тормышын ипле итеп оештыру һәм тәртипле итеп алып барырга ярдәмләшү. Йола ритуалларның башка вазифа-хасиятләре, әйтик, коммуникатив-эмоциональ бушану, ирешелгән тормыш тәжрибәсен (культураны) саклау һәм буыннан-буынга тапшыру кебек функцияләре исә башта аталган төп функциядән үсеп чыгалар һәм аны тулыландыралар» [5: 47]. Шагыйрь Шәүкәт Галиев «Ата-баба йоласы» (1983) шигырендә мунча керүне ата баба йоласы икәнлеген ассызыклый. Мөдәррис Әгъләмовның «Коймаклар» (1963) шигырендә татар халкының кунакларны сыйлау, кунакчыллык йоласы күзәтелә: Безнең халык ачы булса булды, / Дошманына төче булмады, дип автор үткен фикер үткәрә. Сажидә Сөләйманова «Йортыңа иминлек, кардәш» (1972) шигырендә барлык төрки халыкларның сәлам бирү рәвеше (әссәламәгаләйкем дип эндәшү) йола белән янәшәлектә бирелүе күзәтелә: Минем илдән синең илгә / Изгелек тели һәркем, дип автор сәлам бирүне изге бер йола дәрәҗәсенә күтәрә.

Фольклористика һәм этнография фәннәрендә кабул ителгән гомуми классификация нигезендә халыкның йола мәдәниятен ике төргә бүлеп йөртәләр: ел фасыллары белән календарь йолалар (хуҗалык йолалары) һәм гаилә-көнкүреш йолалары. Кешенең яшәеше борынгы заманнардан ук җирдән табигатьтән аерылмаган, кешеләр хуҗалык эшләрен ел фасылларына бәйле рәвештә, мифик көчкә ышанып алып барганнар. Ел фасылларына бәйле календарь йолалар язгы, җәйге, көзге һәм кышкы цикларга бүләләр. Ә гаилә-көнкүреш йолалары кешенең гаиләдә яшәешенә, көндәлек тормышына бәйле төрле гореф-гадәтләрне берләштерә.

Роберт Миңнуллинның «Каз өмәсе» шигырендә карурый сибү ырым-йоласын күрәбез: Су буена сипсәң каурыйларын / Яреңгә дә уңар казыгыз/

Каз өмәсен сүрәтли, кызларга бәхет тели. Мөдәрис Әгъләмов «Каз өмәсе» (1968) шигырендә исә, борыңгы йола белән авыл халкының бердәмлеге мәсәләсе күтәрелә: Канат теләп үсмер кызга, юлда ныклы аяк теләп малайларга, /Бәкегә эз суза-суза / Каз өмәсе авыл иңләп узып бара. Автор эпилогны да су юлы сукмагына каз канаты, каз мамыгы тарату гадәтен атап уза. Автор мондый өмәләр артырга тиешлеге ягъни гореф-гадәтләрнең сакланырга тиешлеге мәсәләсен күтәрә. «Бу өмәләр артсын һаман!» дип тели. Л. Зөлкәрнәй «Печән өсте» (1977) шигырендә халыкның печәнгә төшү йоласын күрәбез: Борыңгыдан калган йола, / Борыңгыдан болында: / Бабайларның чалгылары / Егетләрнең кулында. Шагыйрь Гамил Авзал «Болгарлар» (1977) шигырендә татарларда таралган Нардуган йола-бәйрәмен искә ала. Бу йола 25 декабрь – 5 гыйнвар аралыгында уздырыла. Кояш календаре буенча әлеге астрономик вакыт аралыгы көннәрнең кыскаруы тукталып, акрынлап озыная башлау чорына туры килә, һәм бу йола-күңел ачу чарасы сөрән салу белән башлана: Нәүрүз әйтегез / Нардуган керә дип автор йола бәйрәмне сүрәтли.

Татар халкының календарь йола-бәйрәмнәре арасында аерым урынны яз көне үткәрелә торган Сабан туе йоласы алып тора. Календарь йола буларак Сабан туе –ул кыр эшләренә чакыра һәм табигатьтә мул уңыш алуга юнәлдерелә. Сабан туе йолаларында мифологик ышанулар белән бәйле йола элементларын табу мөмкин түгел. Харрас Әюп «Сабантуй» (1971) шигырендә: Хәтфә кебек яшел аланнарга / Ачып салган халкым күңелен дип автор бу йола бәйрәмнең әхәмиятен арттыра. «Сабантуй булып узган мәйданда» (1982) шигырендә Сабантуй узган, әмма халыкның матур гадәт-йоласы күңелләрдә калган дигән фикер күзәтелә.

Йола фольклоры-ышануларны, шигъри сүзтезмәләрне, гамәлләрне, кешенең акыл тәҗрибәсен үзенә туплаган фольклор традицияләре системасының зур бер өлеше, мирасы. Әлеге мирастан файдалану 1960–1980 еллар шигъриятен халык иҗатына якынайта, халык иҗаты мотивларын яңарта.

ӘДӘБИЯТ

1. Урманчеев Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. Т. 2 (Д–С). Казан: Мәгариф, 2009. 110 б.

2. Мифы народов мира. Энцклопедия. М.: Сов.энциклопедя, 1980. Т. 2. 574 с.

3. Соколов Ю.М. Русский фольклор: учебное пособие. 3-е изд. / отв. ред. В.П. Аникин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 152 с.

4. Татар халык иҗаты: 25 томда. Казан: Татар.кит.нәшр., 2021. 2 т.: Йола фольклоры. 2022. 541 б.

5. Бакиров М.Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. 475 б.

УДК 811.512.145’367

Гыйниятуллина Лилия Миңнулла кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Гиниятуллина Лилия Миннулловна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Giniyatullina Liliya Minnulovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: gin_liluk@mail.ru
Шәкүрова Мөслимә Мәгъсүм кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Шакурова Муслима Магесумовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Shakurova Muslima Magesumovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: vitorioarpad@gmail.com

СЫЙФАТЛАРНЫҢ ХАЛЫК ӘКИЯТЛӘРЕНДӘ ҺӘМ БӘЕТЛӘРДӘ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ И БАИТАХ

USE OF ADJECTIVES IN FOLK TALES AND BAYITS

Аннотация. *Статья посвящена исследованию имени прилагательного в татарских народных сказках и баитах. Материалом для исследования послужили лексико-тематические разряды имени прилагательного. Имя прилагательное – несложная часть речи в тюркских языках. Интересна история формирования этой части речи и ее тематические разряды в сказках и баитах.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the adjective in Tatar folk tales and baits. The material for the study was the lexical and thematic categories of the adjective. The adjective is a simple part of speech in the Turkic languages. The history of the formation of this part of speech and its thematic categories in tales and baits are interesting.*

Ключевые слова: *Татарский язык, имя прилагательное, тематические разряды, баит, сказка*

Key words: *Tatar language, adjective, thematic categories, bait, fairy tale*

Сүз төркемнәре арасында сыйфат аерым урын алып тора. Бу сүз төркеме укучыны бертөрлелектән, кабатлаулардан коткара, аралашу һәм тыңлаучыга уй-фикерне төгәл җиткерергә ярдәм итә. Лексик-семантик яктан сыйфат предметның билгесен белдереп, нинди? кайсы? кайдагы? кебек

сорауларга җавап булып килә. Сыйфатларның өйрәнелү тарихы, сөйләмдә белдергән мәгънә төсмерләре буенча сыйфатларны урынлы куллану белү – мөһим мәсьәләләрдән санала. Сыйфат сүз төркеме беренче грамматикаларда ук (И. Гиганов, М. Иванов, Г. Мәхмудов, К. Насыйри һ. б.) бүленеп чыгарыла [1: 67]. Октябрь кыйбласыннан соң М. Корбангалиев, Г. Сәгъди, Ж. Вәлиди, Г. Алпаров, Х. Бәдигый хезмәтләрендә сыйфатның төрләнешенә һәм ясалышына зур игътибар бирелә. 1913 елда Г. Ибраһимовның «Татар сарыфы» исемле китабы басылып чыга. Автор анда сыйфатларга туктала, аларны «күренешләрнең билгесен белдерүче мөһим кисәк» дип атый [2: 38]. Г. Алпаровның «Шәкли нигездә татар теле грамматикасы» гомуми тел белеме яссылыгында эшләнүе, сыйфатларны төркемнәргә аеруы ягыннан аерылып тора [3: 35]. Соңрак В.Н. Хангилдин, Д.Г. Тумашева, Ф.Ә. Ганиев, Ф.М. Хисамова, Ч.М. Харисоваларның китапларында сыйфатларның лексик-семантик, морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре, сыйфатларны тематик төркемләүгә кагылышлы мәсьәләләр өйрәнелгән [4: 35].

Рус тел белемендә күренекле тел галимнәреннән һәм педагогларыннан Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, А.В. Текучев, М.Т. Баранов, Н.М. Шанский һәм башкаларның хезмәтләре зур урын тота. Ф.И. Буслаевның 1844 нче елда «О преподавании отечественного языка» дигән китабы басыла. Ул дөрес язарга өйрәтүне ике дәвергә аера: «Берсе – әлифба өйрәнгән чорда, икенчесе – грамматика үзләштергәндә. Беренче дәвердә, ягъни әлифба өйрәнгән вакытта бала ничек ишетә, ничек әйтә – шулай язарга тиеш. Әгәр шул вакытта бала дөрес язарга өйрәнсә, күп сүзләрнең язылышын исендә калдырачак. Андый балаларга грамматика укытканда дөрес язарга өйрәтү җиңел һәм җайлы булачак. Икенче дәрәҗәдә инде укучы “ничек әйтсәң – шулай яз” дигән кагыйдә белән чикләнми, ә, грамматикага ияреп, сүзләрнең (мәсәлән, исемнәр, сыйфатларның) язылышы, төрләнеше, җөмләдә үзара бәйләнеше законнарына туры китереп яза», – ди Ф.И. Буслаев [5: 122].

К.Д. Ушинский да грамоталы булуның иң мөһим шарты – грамматиканы белү дигән карашта була, шуның белән бергә, Ф.И. Буслаев шикелле үк, күнегүләр тәкъдим итәргә кирәклеген әйтә, һәр сүз төркеменең дөрес язылышын аңлата [6: 122].

Профессор А.М. Пешковский исә үз хезмәтләрендә дөрес язарга өйрәткәндә яза торган сүзләрнең – исемнәр, сыйфатлар, фигыльләрнең мәгънәсен, аның формасын аңлап эш итүнең мөһимлеген, грамматик анализның роле зур булуны билгеләп үтә [7: 15].

Л.З. Шакирова «Обучение русскому языку в татарской школе: теория и практика» китабында грамматиканың ролен ачыклый, сөйләшергә, аралашырга өйрәтүдә сыйфат сүз төркеменең практик әһәмиятен күрсәтә: *На лугу стоит* ***зеленый*** *одинокий клен. – На лугу стоит* ***зеленом*** *одинокий клен* (прилагательные **зеленый, зеленом** согласуются с существительными клен, (на) лугу) [8: 175].

Димәк, татар һәм рус галимнәре, педагогларының күпчелеге дөрес итеп сөйләшергә, язарга өйрәтүнең сыйфатларга да бәйле булуын әйтәләр. Сыйфатларда предметларның билгесе төп үзенчәлек булып карала. Мәсәлән, *кара каш, күк күз, ак сакал, озын кул* һ. б. Бу очракта аларда

сурәтләү функциясе аеруча калку күренә. Татар халык әкиятләрендә, бәетләрендә сыйфатның лексик-тематик төркемнәрен карап үтик.

1. Тышкы кыяфәтне, характерны, аң-белем дәрәҗәләрен белдергән сыйфатлар: *гүзәл,* мәхәббәтле, *чибәр, матур, зифа, сөйкемле, күркәм, үткен, баһадир, таза; явыз, куркак, батыр; акыллы, надан, башсыз: Чәршәмбе көн кер юадыр, атна кичкә туй икән;* ***Озын чәчле, кара кашлы, нечкә зифа буйлы*** *икән* («Гайшә матур белән гашыйк Камил бәете», 188 б.) [10]. *Чирмешәннең һәр өендә кайнар яшьләр актылар;* ***Күркәм, зифа*** *егетләрне сугышка озаттылар* («Тыл бәетләре», 241 б.); *Карлыгачсылу –* ***үткен*** *кыз,* ***матур*** *кыз,* ***батыр*** *кыз: «күлгә казлар төшкән, атып алыйм әле» дип, Алпамшаның ук җәясен алып казга ата* («Алпамша», 57 б.) [9]. *Падишаны үтерергә киңәшләр; Үзенең* ***явыз*** *хатыны һәм сенатлары* («Екатерина напша бәете», 34 б.); ***Зифа*** *буем үсеп җиткәч, әткәй бирде наданга;* ***Надан*** *егетләр саналыр шайтаннан да яманга* («Наданга бирелгән кыз бәете», 157 б.).

2. Төсне белдергән сыйфатлар: *ак, кара, чем-кара, кызыл, зәңгәр, ал, алсу, сары, яшел:* ***Сары*** *атым бәйләп куйдым, салкын су алсын диеп; Туган илне ташлап киттем, башым гыйбрәт алсын дип* («Беренче Бөтендөнья сугышы бәетләре», 73 б.); *Яшь хатын балыкларны тагын да* ***кара*** *күмергә әйләндереп чыгып китә* («Алтын чүлмәк», 140 б.).

3. Тәмне, урын-вакыт, күләм-дәрәҗәләрне белдергән сыйфатлар: *татлы, баллы, тозлы, озын, биек, ерак, куе, калын* һ. б.: *Чәй янында бал булса, бал шикәрдән* ***татлырак*** («Чәйне мактау», 185 б.); *Алда шикәр,* ***куе*** *каймак, шоколад та мармелад* («Чәйне мактау», 185 б.); ***Биек*** *тауның башында борылып үскән бер богдай* («Бән китмәдем базарга», 201 б.) һ. б.

Бәетләрдә сыйфатларны мул куллану татар сөйләменең бай, аһәңле, хисле булуын күрсәтеп тора:

Чигә башлаган чиңүең калган,
Тегә башлаган тегүең калган.
Баскан эзләрең, әйткән сүзләрең,
Зәңгәр күзләрең, нурлы йөзләрең («Хәсрәтем авыр», 258 б.)

Ап-ак итеп карлар яуган биек тауның башына.
Үзем үлдем, кайгым калды атам-анам башына
(«Шофер Әнәс бәете», 252 б.)

Пейзажны детальләп тасвирлаганда да бәетләрдә сыйфатлар күпләп кулланыла, табигать күренешләре дә геройлар белән аваздаш кебек:

Иртән тордым, тышка чыктым, ***салкын*** *гына җил исә,*
Туган *илләр искә төшкәч, йөрәк бәгыремне кисә* («Рус-төрек сугышы бәете», 44 б.).

Тулган *айлар тотылды* ***газиз*** *шәгъбан аенда,*
Якты *көннәр* ***караңгы*** *булды без сугышкан чагында* («Рус-төрек сугышы бәетләре», 41 б.).

Шулай итеп, сыйфат сүз төркеме сөйләмнең стилистик яктан җыйнак һәм дөрес төзелүенә ярдәм итәләр һәм урынсыз кабатлаулардан коткаралар. Әдәби әсәрләргә анализ ясаганда сыйфатларның сөйләмдә тоткан урыны

бик зур булуына игътибар итәсең. Алар геройларның фикерен тулыландыруда, хис-тойгыларны арттыруда мөһим роль уйныйлар.

Тарихи вакыйгалар һәм шәхси фаҗигаләргә багышланган бәетләрнең нигезендә җәфа чиккән татар солдаты туган илен, авылын, гаиләсен, ата-анасын сагына, сагынганда айга карый, Дунай елгасына карап, челтерәп аккан салкын чишмәләрне искә төшерә, моңлана. Болар барысы да телнең лексик, грамматик һәм стилистик мөмкинлекләре гаять күп булуын күрсәтеп тора.

Нәтиҗәләр ясап шуны әйтәсе килә: халкыбызның поэтик иҗатында әкиятләр,бәетләр, мөнәҗәтләр иң бай һәм иң мөһим жанрлардан санала. Мәктәптә бу жанрларны өйрәнү укучының зәвыгын, әдәби тел байлыгын үстерә. Фольклор текстларына лингвистик анализ ясау укучыны халык авыз иҗаты белән тагын да кызыксындырып җибәрер, бик сирәк очрый торган сүзләр, сүзтезмәләр, чагыштырулы төзелмәләр, фигыльләр белән таныштырырга мөмкинлек бирер иде (*ике кабып бер йоту, гәүдәсе чуклы булыр, «әүвәл, әүвәл заманда... булган, ди, торган. ди»* һ. б.).

Халык авыз иҗаты әсәрләренең теле сыйфатларның күплеге белән дә характерлана. Матур әдәбият телен тикшергәндә, сыйфатлар өстәмә бизәк, колорит тудыралар. Сыйфатлар сәнгати текстның идеясен укучыга җиткерүдә, персонажны теге яки бу дәрәҗәдә характерлаганда мөһим урын билиләр. Алар әдәби телдә еш очрый торган кешедәге уңай сыйфатларны калку итеп күрсәтүгә хезмәт итәләр. Бу сүз төркеме сөйләмне баетуда, аны тәэсирлерәк һәм үтемлерәк итүдә, әдәби әсәр стиленә сәнгатьлелек бирүдә, фикерне тулырак ачуда, һичшиксез, мөһим роль уйныйлар. Һәр телнең байлыгы иң беренче чиратта сыйфатларның күплеге белән билгеләнә. Бер үк төзелмәләрне кулланмау сөйләмне җыйнак, аһәңлерәк итәргә, бертөрлелектән котылырга, фикерне төгәл, анык итеп формалаштырырга мөмкинлек бирә.

ӘДӘБИЯТ

1. Мифтахова И.Г. История татарских грамматик: исследование именных частей речи (XIX – начало XX в.). Ч. I. Казань: Хәтер, 1998. 168 с.

2. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов; Ф.С. Сафиуллина, Б.Э. Хәкимов (төз.). Казан: Казан ун-ты нәшр., 2003.118 б.

3. Алпаров Г. Сайланма хезмәтләр. Казан, 1945. 195 б.

11. Шәкүрова М.М. Укырга-язарга өйрәтүдә Г. Ибраһимовның методик системасы // Фәнни Татарстан. 2024, № 4 (44). С. 102–107

4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.

5. Ушинский К.Д. Собр. соч.: Т. 7. М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. 358 с.

6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 1-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1914. 37 с.

7. Шакирова Л.З. Основы методики преподавания русского языка в татарской школе. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 278 с.

8. Татар халык иҗаты. Әкиятләр. Казан: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияты, 2007. 287 б.

9. Татар халык иҗаты. Бәетләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 351 б.

УДК 81`2

Демидова Евгения Евгеньевна
АНО ВО «Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семенова–Тян-Шанского»
Санкт-Петербург, Россия
Demidova Evgenia Evgenievna
International Humanitarian University
named after P.P. Semenov–Tyan-Shansky
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: mgu-spb@bk.ru

ТАТАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ВЛАСТИ И СИЛЕ

TATAR PROVERBS AND SAYINGS ABOUT POWER AND STRENGTH

Аннотация. *Цель статьи – описать пословицы и поговорки татарского народа в сопоставлении с русскими, в которых затрагиваются аспекты власти и силы. В научной литературе не отмечены работы на данную тему, в этом видится научная новизна исследования. Было выявлено 5 групп татарских пословиц и поговорок, в которых: 1) смысл и образы власти и силы полностью совпадают с русскими аналогами; 2) по смыслу частично совпадают, но используемые образы разные; 3) образы частично совпадают, но смысл паремий иной; 4) ни смысл, ни образы не совпадают; 5) безэквивалентные пословицы и поговорки. Паремиологический фонд отображает представления народа о силе и власти, передаваемые через зооморфные и антропоморфные символы, основная часть которых выражает национально-культурную специфику. Зооморфными символами власти татарского народа являются баран и рыба, русского – медведь и рыба.*

Annotation. *The purpose of the article is to describe proverbs and sayings of the Tatar people in comparison with Russian ones, which touch upon aspects of power and strength. There are no works on this topic in the scientific literature, which is the scientific novelty of the study. Five groups of Tatar proverbs and sayings were identified, in which: 1. the meaning and images of power and strength completely coincide with Russian analogues; 2. the meaning partially coincides, but the images used are different; 3. the images partially coincide, but the meaning of the paremias is different; 4. neither the meaning nor the images coincide; 5. proverbs and sayings without equivalents. The paremiological fund reflects the people's ideas about power and authority, transmitted through zoomorphic and anthropomorphic symbols, the main part of which expresses national and cultural specificity. The zoomorphic symbols of power of the Tatar people are a ram and a fish, of the Russian people – a bear and a fish.*

Ключевые слова: *паремии, языковая картина мира, лингвокультура*

Key words: *proverbs, language picture of the world, linguoculture*

Введение. Актуальность проводимого исследования заключается в определении сходства и национальной специфики отображения сфер власти и силы в татарской и русской лингвокультурах. Материал исследования взят с сайтов «Миллиард.татар» и «Национальный акцент» [Поговорки на татарском языке: интернет-ресурс; Топ-20 татарских пословиц и поговорок: интернет-ресурс]. Основными методами исследования выступают сравнительный, интерпретативный и описательный.

Литературный обзор. В научной литературе отсутствуют работы, в которых анализируются пословицы и поговорки татарского и русского народов в аспекте власти и силы. В этом состоит научная новизна

исследования. Символы тюркских лингвокультур рассматривались учеными: в хакасской обрядовой практике [1: 110–121], на материале башкирского языка [2: 235–241], в культуре монгольского народа [4: 126–138].

Результаты и обсуждения. Власть осмысляется и как право, как управление, как политика, и как господство. Власть осуществляют государственные органы. Наделенный властью повелевает людьми и распоряжается делами госструктур [7: 184]. Власть – это сила и могущество, и сила дает власть.

Пословицы и поговорки на заданную тему силы и власти можно разделить на пять групп.

1 группа. Пословицы и поговорки о власти и силе, полностью совпадающие по смыслу и образам с русскими аналогами.

В русской и татарской лингвокультурах власть ассоциируется с человеком – управленцем (метонимическая связь). Отсюда использование соматического кода для передачи образа управления: *глава* (государства, муниципалитета и т. д.). Однако соматический код может быть не только антропоморфным, но и зооморфным:

тат. *Балык башыннан чери*; рус. *Рыба гниет с головы*.

Зооморфный соматический код обусловлен древними воззрениями о матери-рыбе и что «души нерожденных обитают в воде». Рыба «ассоциируется с богинями луны, материнством и деторождением. Рыба служила также в качестве пищи на всех празднествах, посвященных Великой Матери и поедалась в ее день – пятницу» [3].

Исполнительная власть заключается в жёсткой иерархии и правилах управления и подчинения. Относительно религиозной власти – правила мирской жизни в ней не применяются – перед высшей (божественной) властью все равны:

тат. *Син дә мулла, мин дә мулла, атка кем печән сала* «Ты мулла, я мулла, кто сено лошади насыплет?»; рус. *Ты мулла, я мулла, а кто накормит коня*?

2 группа. Пословицы и поговорки о силе и власти, частично совпадающие по смыслу, но не по образам.

Охотничий код русской лингвокультуры меняется на доместический код татарский лингвокультуры при передаче смысла одоления врага: для русских в пословице фиксируется совет не устраивать врагам ловушек, для татар – совет вовремя укрыться в непредсказуемом месте:

тат. *Дошманыңа кое казыма, үзең төшәрсен* букв. «Не рой врагу колодец, дай себе в него упасть»; рус. *Не рой другому яму, сам упадешь*.

Обычная стратегия получения управления в свои руки: добиться власти посулами богатства:

тат. *Агыйделнең аръягында бер энәгә бер сыер, барып карасаң, берни дә юк* букв. «По ту сторону забора стоит корова, но если пойти и посмотреть, там ничего нет»; рус. *По ту сторону Белой за иголку, якобы, корову дают, а сходишь – нет ничего*.

В татарской лингвокультуре для передачи этого смысла используется образ коровы, в русской – помимо этого образа, отступающего на второй план, первичен артефактный образ (иглы).

Вариантами, передающими нужный смысл, служат такие русские пословицы:

У соседа и трава зеленее;
Хорошо там, где нас нет.

3 группа. Пословицы и поговорки о силе и власти, частично совпадающие по образам, но не по смыслу.

В борьбе нельзя показывать свою слабость. В татарской и русской лингвокультурах воин скрывает свою физическую уязвимость до конца битвы и силён духом. Именно в духе, терпении и выносливости заключается сила победителя:

тат. *Авызың тулы кан булса да, дошманың алдында төкермә* буквально переводится так: «Даже если рот твой полон крови, не плюй перед врагом своим»; рус. *Если истекаешь кровью, все равно не показывай свою слабость перед врагом*.

Правовая сфера в татарской лингвокультуре обусловлена совместным проживанием на одной территории с представителями других народов, что отразилось на политике добрососедства:

тат. *Күрше хакы – Алла хакы* букв. «Долг соседа – долг Бога»; рус. *Право соседа – право Бога*.

В русской лингвокультуре акцентируется смысл права, в татарской – долга. В двух лингвокультурах правовая сфера диктуется свыше – от Аллаха и Бога. Образ вертикали власти общий, но это – власть не социальная, а религиозная.

4 группа. Пословицы и поговорки, не совпадающие ни по смыслу, ни по образам, передаваемым в них.

Экономическая власть состоит в перераспределении ресурсов. Местные власти не знают, как сверху перераспределяются денежные потоки:

тат. *Ашаган белми, тураган белә* букв. «Тот, кто ест, не знает, а тот, кто стоит, знает»; рус. *Знает не тот, кто ест, а тот, кто нарезает* (готовит еду).

Вертикаль власти – устойчивый образ в русской лингвокультуре. Скрытый образ вертикали власти совпадает, а образ повара или официанта, подающего еду, национально специфичен.

Зооморфный код характерен для описания сферы распределения власти:

тат. *Ике тәкә башы бер казанга сыймый*, что буквально переводится как «Две бараньи головы не поместятся в один котел»; рус.: *Два медведя в одной берлоге не уживутся*.

В русской лингвокультуре медведь – царь лесной, в английской лев – царь зверей, в татарской баран – национальный символ власти. Здесь следует дополнить, что в русской лингвокультуре зооморфные символы используются для передачи смысла социальной власти; для описания внутрисемейных отношений применимы иные – антропоморфные – образы:

рус. *Две хозяйки на одной кухне не уживутся*.

5 группа. Пословицы и поговорки, которым нет эквивалента в русском языке.

Для татарского народа ценна идея совместного проживания нескольких поколений одной семьи и всего народа в целом:

тат. *Аерылганны аю ашар, бүленгәнне бүре ашар* букв. «Кто отделится, того съест медведь, кто разделится, того съест волк».

Можно предположить, что частично передает смысл татарской пословицы русская. *Один в поле не воин*. Татарская пословица широко

использует зооморфный код лингвокультуры, смысл пословицы отсылает не только к идее единения и консолидации сил, но и идее сохранения жизни и достояния всего народа.

тат. *Хәйләсез дөнья файдасыз* букв. «Мир без фокусов/ трюков бесполезен», передаваемый смысл: *Без хитрости этот мир не в радость*.

Утилитарный смысл пословицы о манипуляциях и цирковом искусстве – искусстве создания иллюзий и управления вниманием зрителей трудно передаваем на русский язык, что обусловлено историческими реалиями. В русской лингвокультуре скоморошество стало под запретом со времён Ивана Грозного.

Государственная власть крепка службой – работой на благо страны:

тат. *Ватанга хезмәт итү – безнең бурыч* букв. «Служение стране – наш долг».

Отсутствие указаний и распоряжений в приоритете для татарского народа, даже если на кону будет достаток и сытая жизнь:

тат. *Ач тамагым, тыныч колагым* букв. «Голодное горло, тихие уши» или «Голодно брюхо (глотка), да уши спокойны». Передаваемый смысл: Лучше жить впроголодь, но без власти и указаний.

Власть понимает, что народ не должен быть голодным:

тат. *Ачның ачуы яман* букв. «Гнев голодного плох». Смысл: Страшен гнев голодного, который поднимет бунт.

Заключение. Как показало проведенное сопоставление, сфера силы и власти в русской и татарской лингвокультурах частично совпадает, на что указывают схожие образы и передаваемые посредством них смыслы. В описаниях этой сферы жизнедеятельности частотны зооморфные образы, часть которых передает забытые символы культуры Великой Богини-матери, скрываемой в образе рыбы, а другая их часть обусловлена культурными стереотипами (баран – для татарского народа, медведь – для русского народа и др.). В татарской лингвокультуре ценится сфера досуга и выдумки для того, чтобы расцветить жизнь окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнаков В.А. Баран в традиционной обрядности хакасов, связанной с жизненным циклом человека: свадьба и похороны (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-3-110-121.

2. Илимбетова А.Ф. Символика овцы (барана) в фольклоре, обрядах и обычаях башкир // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 235–241. DOI: 10.17816/snv2021104217.

3. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. URL: http://www.symbolarium.ru/index.php/Щука,_рыба (дата обращения: 08.08.2024).

4. Очир-Горяева М. А. О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников // Монголоведение. 2011. № 5. С. 126–138.

5. Поговорки на татарском языке. [Электронный ресурс]. URL: https://nazaccent.ru/phrase/pogovorki-na-tatarskom-yazyke/ (дата обращения: 10.08.2024).

6. Топ-20 татарских пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. URL: https://milliard.tatar/news/top-20-tatarskix-poslovic-i-pogovorok-173 (дата обращения: 10.08.2024).

7. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. I. 696 с.

УДК 81-26

Денмөхәммәтова Эльвира Николаевна
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Денмухаметова Эльвира Николаевна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Denmukhametova Elvira Nikolayena
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: elvir25@mail.ru

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ГАРӘП АЛЫНМАЛАРЫ ҺӘМ ТӨРКИ СҮЗЛӘР СИНОНИМЛЫГЫ

СИНОНИМИЯ ТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКИ И АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

SYNONYMY OF TURKIC VOCABULARY AND ARABIC BORROWINGS IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *В работе рассматриваются вопросы синонимии арабских слов и тюрко-татарской лексики. Опираясь на словарь синонимов татарского языка, изучаются синонимические ряды, куда входят арабские заимствования. Выявляются особенности арабизмов в составе синонимических рядов как доминанты, характеризуется активность их функционирования в татарском литературном языке и языке фольклора.*

Annotation. *The paper examines the issues of synonymy of Arabic words and Turkic-Tatar vocabulary. Based on the dictionary of synonyms of the Tatar language, synonymous series, which include Arabic borrowings, are studied. The features of Arabisms in the composition of synonymous series as a dominant are revealed, the activity of their functioning in the Tatar literary language and the language of folklore is characterized.*

Ключевые слова: *татарский литературный язык, лексика, синонимия, арабские заимствования, доминанта, язык фольклора*

Keywords: *Tatar literary language, vocabulary, synonymy, Arabic borrowings, dominant, folklore language*

Телдә синонимик мөнәсәбәттә йөргән сүзләр никадәр күп булса, бу тел шулкадәрле үскән, камилләшкән, бай санала. Бу критерийдан чыгып карасаң, татар теле – дөнья телләре арасында иң бай телләрнең берсе. АШ. Ханбикова һәм Ф.С. Сафиуллиналар тарафыннан 1999 елда төзелгән «Синонимнар сүзлеге»ндә үк 25 меңгә якын синонимик берәмлекне берләштергән 4500 дән артык оя тупланып бирелгән була [1: 3]. Сүзлеккә җирле сөйләм берәмлекләре, диалекталь сүзләр һәм соңгы елларда телгә кабул ителгән алынмалар, сөйләмдә барлыкка килгән яңа сүзләр теркәлмәгәнлекне исәпкә алганда, мондый төр сүзләрнең күләме шактый артуын күзалларга мөмкин. Алар төрле стильләрдә, төрле өлкәләрдә кулланыла торган мәгънәдәш сүзләрне тәкъдим итәләр, тел байлыгын тулырак күзалларга мөмкинлек тудыралар.

Шунысы кызыклы: эзләнүләр күрсәткәнчә, «Синонимнар сүзлеге»ндә урын алган 4500 дән артык синонимик ояның 1287 се составында гарәп яки фарсы алынмалары бар; шуларның 61 оясы бары бу тел сүзләреннән генә тора. Бу хәл гарәби һәм фарсы чыгышлы берәмлекләрнең татар теленең лексик фондында зур урын биләвен күрсәтә, синонимиядә тотрыклы үз урыны барлыгын раслый.

Галимнәр тарафыннан төрле аспектларда өйрәнелә, сүзлекләргә теркәлеп килә торган синоним берәмлекләрнең бүгенге әдәби телдә кулланылышын күзәтү татар теленең актив лексикасы үзенчәлекләрен ачыкларга ярдәм итә. Бу максаттан чыгып, төрки-татар чыгышлы сүзләр һәм аларның гарәби тамырдан барлыкка килгән мәгънәдәш берәмлекләренең татар мәкальләрендә һәм әдәби текстларда кулланылыш үзенчәлекләрен тикшерелде. Чыганак вазифасын Н. Исәнбәтнең «Татар халык мәкальләре» җыентыгы [2–4] һәм tatzet платформасында урнаштырылган Татар матур әдәбияты корпусында [5] урын алган материаллар тәшкил итте.

Алынма сүзләрнең күпчелеге бирелә торган төшенчәнең татар телендә төрки чыгышлы эквиваленты булмаган очракта кулланыла, төрки-татар сүзләре белән синонимик мөнәсәбәттә торган лексик берәмлек тәшкил итә торганнары да бар. Паремияләрнең бер төре булган мәкальләрне туплаган әдип Н. Исәнбәт мондый күренешне мәкальнең аерым төбәкләрдәге әйтелеш үзенчәлекләре белән аңлата һәм, беренче мәкальне биргәннән соң, аның төрле вариантларын төрдәшләре баш астында тәкъдим итүне кулай саный. Галим фикеренчә, «төрдәш мәкальләрдә форма һәм эчтәлек ягыннан уртаклыклар булса да, мәгънә төсмерләнешендә бик әһәмиятле төгәлләмә һәм аермалар бар. Бу төрдәшләрдә мәкальләрнең тарихи эволюциясен күрсәтә торган кызыклы төгәлләмәләр дә очрый» [4: 253–254]. Мондый берәмлекләрне хәзерге матур әдәбият әсәрләре җирлегендә дә очрату исә, татар телелексик фондының тотрыклылыгын да һәм үсеш тенденцияләрен дә билгели.

Әдәби телдә, сөйләм телендә синонимик парлар еш файдаланылсалар да, мәкальнең махсус төзелеше, яңгыраш үзенчәлекләре мондый берәмлекләрнең кулланылыш мөмкинлеген чикли. Шул сәбәпле афористик тәгъбирләрдәге гарәп һәм фарсы берәмлекләренең һәркайсы мәгънәви йөге, аһәңлелеге һәм әйләнә-тирәсендәге сүзләргә охшашлыгы, ятышлыгы ягыннан да сайланып алына.

Телдә, сөйләмдә синонимнар барысы бергә йөрмиләр; һәр сүз мәгънәсе, үзенчәлекләре белән үз урынында кулланыла. Бары синонимнарны өйрәнгәндә генә, аларны бергә туплап, мәгънәдәш сүзләр, сөйләүченең сүзлек запасы рәвешендә, тулы һәм анык мәгънәле сүзне сайлап алу өчен чыганак хезмәтен үти.

Синонимнарның төп функциясе һәр очракта фикерне тулырак һәм аныграк бирү дип билгеләнә. Тикшерелә торган материалда төрле телдән кергән мәгънәдәш сүзләр урын алганлыктан, берәмлекләр арасында идеографик синонимнар мәкальдә ешрак очрыйлар һәм паремияләрнең сөйләү моментына туры килерлек кирәкле төсмер белән әйтелү мөмкинлеген киңәйтәләр. Матур әдәбият текстларында исә мондый чикләүләр күренми, автор сөйләмен бирүдә дә, персонаж сөйләмендә дә мәгънәдәш сүзләр төрлечә кулланылалар.

Тикшерелә торган материалда мәгънәдәш сүзләрнең күпчелеген төрки-татар сүзләре һәм гарәп алынмаларыннан торган синонимик парлар алып торуы ачыкланды. Мәкальләр составында гарәп компоненты булган синонимнар 128 парны тәшкил итә, араларында хәзерге татар әдәби телендә актив кулланыла торган (мәсәлән, *ярлылык – фәкыйрьлек; саулык – сәламәтлек; беренче – әүвәлге – тәүге; үлем – әҗәл, яхшылык – әйбәтлек; белем – гыйлем; укытучы – мөгаллим* һ. б. кебек) лексик берәмлекләр дә, кулланылышлары чикләнгән синонимик парлар (мисал өчен, *яманлык – кәсәфәт; тырышу – иҗтиһат итү; сүз – кәлам* һ. б.) да бар. Әдәби телдә әлеге сүзләрнең синонимик оялары ике яки өч берәмлек белән генә чикләнмәсә дә, мәкальдә аларның барысы да түгел, ә иң активлары гына урын ала. Кайчакта «Синонимнар сүзлеге»ндә тәкъдим ителмәгән берәмлекләр дә мәкаль җирлегендә мәгънәдәш сүз буларак кулланылалар. Мәсәлән, ярлылык һәм фәкыйрьлек сүзләре мәкальләрдә түбәндәгечә урын алсалар (***Ярлылыкның*** *бер галәмәте – җиң кыскара башлау, имеш* (М)*; Ялкаулык, наданлык,* ***фәкыйрьлек*** *– бер туганнар* (М))*,* матур әдәбият текстларында *фәкыйрьлек* берәмлеге 2 тапкыр ешрак кулланылуы һәм хәерчелек синонимы белән бер үк контекстта да булуы искәртелде. Мәсәлән, *Кояштан кызынып каракучкыл төскә кергән тән аларда* ***ярлылык*** *билгесе булып санала икән.* (Г. Шәйхи); *Барысына да шул* ***хәерчелек, фәкыйрьлек*** *гаепле*. (М. Хәсәнов).

Шунысы кызыклы: аңлатмалы сүзлекләрдә кайбер гарәп берәмлекләре төрки сүзләрне шәрехләү өчен еш файдаланылалар, татар телендә нигез телдәге семантикалары белән кулланылалар. Әмма лексик берәмлекләрнең бер төркеме, алынма сыйфатында йөргәндә, гарәп телендәге мәгънәви төсмерләрен үзгәртәләр һәм татар сүзләре белән, абсолют синоним парлар булмыйча, идеографик синонимнар хасил итәләр. Мондый үзенчәлекләрне истә тотып, төрки сүз һәм гарәп алынмасы яки гарәп берәмлеге һәм төрки сүзләр арасындагы синонимияне тикшерү түбәндәгеләрне ачыкларга ярдәм итте:

1. Татар телендәге мәгънәдәш сүзләрнең шактый өлеше «Синонимнар сүзлеге»нә теркәлмәгән, әмма алар фольклор әсәрләре телендә дә, матур әдәбият әсәрләрендә дә, сөйләм телендә дә актив кулланылышта йөри. Мәсәлән, *укытучы* доминантасы астында бирелгән синонимик рәт сүзлектә *мөгаллим* һәм *остаз* сүзләрен генә берләштерүгә карамастан [1: 101], еллар үтү белән төшенчәләргә яңа мәгънәви төсмерләр өстәлү нәтиҗәсендә, *педагог, остаз* атамалары да шул ук мәгънә белән йөри башлаган. Алар мәкаль составында да, әдәби әсәрләрдә дә очрый. ***Педагогларның*** *дүртәр күзе булыр* (М)*; Сез* ***педагог*** *лабаса, чарасын күрсәгез иде!* (В. Имамов). *Укытучы* лексик берәмлеге гарәп телендәге مغلم *мөгаллим* сүзе белән абсолют синоним санала һәм «укытучы, өйрәтүче кеше»не белдерә, әмма *мөгаллим,* хәзерге сөйләм телендә активлашса да, сүзлекләрдә искергән сүз төсмере белән күрсәтелә. Шул ук синонимик рәткә керә торган *остаз* атамасы исә укытучыны гына түгел, гомумән, «берәр яхшы һөнәргә өйрәтүче кеше»не белдерә, ә *хәлфә* сүзе «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»ндә «иске мәдрәсә укытучысы» буларак кына бирелә [6: 383]. Мәкальләрдә дә алар әдәби телдәге мәгънә төсмерендә күзалланалар. *Шәп әфисәрнең начар солдаты булмый, шәп мөгаллимнең начар шәкерте булмый* (М); *Ата иркәлегеннән укытучы катылыгы яхшырак* (М); *Хәлфә мәктәпнең җаны* (М).

Гомуми мәгънәсе белән күркынычлыкны белдерә торган *куркыныч, хәвефле, хәтәр, шомлы, коточкыч, аяусыз, усал* синонимнары да әлеге халәтнең дәрәҗәсе, күләме белән аерылалар. Куркыныч нейтраль рәвештәге халәтне тәкъдим итә (*Батканга яңгыр куркыныч түгел* (М)). Гарәп берәмлекләре – *хәвеф* бу халәтнең кимрәк, ә *хәтәр* исә киресенчә күбрәк, күләмлерәк булуын белдерәләр (*Ирдән ирнең хәвефе бар* (М); *Хәтәр аяк астында* (М)). Мәгънәви төсмере белән шул ук төшенчәне аңлаткан *каза* көтелмәгән куркыныч буларак күзаллана (*Киләсе каза булса, бер хәл итмәк юк* (М)). Әдәби әсәрләрдә исә, бу берәмлекләрнең аерым-аерым кулланылулары белән беррәттән (*Хәзер аңлашылды: бая* ***хәвеф*** *барын сизеп кузгалып киткән икән ул!* (В. Нуруллин)*;* ***Хәтәр*** *җилдән бигрәк, аны вакыт–патшаның битараф сулышы сүндерә* (А. Тимергалин) h. б.), сөйләм телендәгечә парлы сүз буларак файдаланышы ешрак очрый. Мәсәлән, ***Хәвеф-хәтәр*** *юкмы?*(В. Имамов)*;* ***Хәвеф-хәтәр*** *узды бугай...» – дип, Сабиржан ниһаять иркен сулыш алды (*М. Хәсәнов) h. б.

Гает сүзе عيد нигез телдә «бәйрәм» дигәнне белдерсә, татар телендә дини бәйрәм буларак кына, сүзнең беренчел семантикасы тарайган хәлдә кулланыла. Бәйрәм лексик берәмлеге белән абсолют синоним буларак каралу мөмкинлеге булган бу сүз әдәби телдә дә, мәкальләрдә дә әлеге мәгънәви төсмерләре сакланган хәлдә очрый: *Көн дә көн дә* ***бәйрәм*** *булмый* (М); *Капка төбен көрәп* ***гаеттә****н калдым* (М); *Өлкәннәрнең сүзен тыңлап, мәчеткә чыгып китсә дә,* ***гает*** *наазыннан соң Хафизның өйгә ялгызы гына кайтып керәсе килмәде* (Г. Галиева); *Ураза* ***бәйрәме*** *көнне Казанга ук барып****, гает*** *намазы укып кайтучы бер карт белән таныштым* (А. Тимергалин) h. б.

Шул рәвешле, доминанта сүзе төрки берәмлек, ә синонимы гарәп алынмалары булган парлар исәбенә *юлчы – мосафир; үлем – әҗәл; ирек – хөрлек, азатлык; ачулану – гайрәтләнү, тиргәү; кебек – шикелле; бизәк – зиннәт* h. б берәмлекләрнең мәкальләрдә урын алуы һәм мәгънәви төсмерләрне бик үтемле итеп җиткерүләре ачыкланды. Мондый парларның матур әдәбият әсәрләрендә һәм сөйләм телендә исә тагын да ешрак кулланылуын да искәртергә кирәк. Алар, тел тукымасына җайлашканлыктан, ят берәмлек буларак сизелмиләр дә.

2. Синонимик парлар арасында еш кулланылыштагы доминанта сүзе гарәп берәмлеге, ә мәгънә төсмерләрен белдерүдә төрки-татар берәмлекләре файдаланыла торганнары да бар. Мондый күренешне татар сүзенең инде пассив лексикага күчүе, яисә мәгънәви төсмере конкретрак төшенчәне белдерүе белән аңлатырга мөмкин. Мәсәлән, «Синонимнар сүзлеге»ндә *акылсыз* доминанта сүзе астында 26 синоним тәкъдим ителә [1: 12]. Н. Исәнбәт туплаган мәкальләрдә аларның барысы да урын алмаса да, гарәп алынмалары – *акылсыз, ахмак* берәмлекләре белән беррәттән төрки чыгышлы *җүләр, тинтәк, тиле, аңкау* синонимнары, хәтта *дурак* рус берәмлеге дә кулланыла, әмма доминанта ролен гарәп берәмлеге башкара. *Акылсыз* сүзенең бу вазифада килүенә сүзнең тамырында булган *акыл* берәмлегенең мәкальләрдә иң еш кулланылуы да, сүзнең башка синонимнар арасында нейтраль төсмерле булуы да тәэсир итәдер. *Тиле* һәм *тинтәк* берәмлекләре акылы юк, акылга сай кешене, кат-кат әйтеп тә аңламаучыны белдерсәләр, *җүләр* бу төсмернең кимлегенә ишарәли, ә *ахмак*, киресенчә, иң югары дәрәҗәсен күрсәтә дип фаразлана. Рус алынмасы исә хәзерге

сөйләм телендә актив кулланыла, әдәби әсәрләрдә дә персонаң сөйләмендә еш очрый, мәкаль җирлегендә исә 2 генә тапкыр теркәлә: ***Акылсыз*** *башның зәхмәтен аяк чигәр* (М); ***Дурак*** *атыннан күрер, кайтып хатыныннан күрер* (М); *Ике* ***тинтәк*** *илгә сыймас* (М); ***Тил****е белән тиң булма* (М); ***Юләр*** *җырлый, дурак тыңлый* (А. Гадел); *Үзем* ***ахмак*** *булдым* (В. Нуруллин); *Ә* ***акылсыз*** *кеше күпме яшәсә дә, акыл җыя алмагшан, чөнки бервакытта да акыллы булмаган* (А. Гадел) h. б.

Бу синонимик ояга «акылдан язган, юләр» мәгънәсен белдергән *дивана* دیوانه фарсы берәмлеге дә керә. Нигез телдә аның «зәгыйфь, мәхәббәттән акылын югалткан; акылсыз» мәгънәләре дә бар. Татар телендә *дивана* – бөтенләй берни дә аңламый торган кеше – тинтәк төсмерләрендә кулланыла: ***Диванадан*** *ай башын сорама* (М); ***Җүләр*** *дә бер һөнәр, булма* ***дивана*** (М) h. б.

Татар телендәге **азык** лексик берәмлеге, аһәңдәшлеге белән фонетик аваз үзгәрешләре нәтиҗәсендә гарәп алынмасыннан барлыкка килгән дип фаразланса да, хәзерге көндә килеп чыгышы билгеле түгел дигән мәгълүмат та бар [7: 11]. «Синонимнар сүзлеге»нең бу мәгънәдәш сүзләр рәтендә азык доминанта берәмлек буларак тәкъдим ителә һәм ашамлык, ризык, азык-төлек, нигъмәт, тәгам, җим синонимнарын берләштерә [1: 11]. Мәкальләрдәһәм әдәби текстларда бу сүзләрнең күпчелеге һәм аш сүзе «нинди дә булса юл белән хәзерләнгән ашарга яки эчәргә яраклы ашамлык, азык мәгънәсе белән» урын ала. Синонимик оя мәкаль составында гарәби чыгышлы *локмә* берәмлеге белән дә тулыландырыла. Әмма бу берәмлек әдәби текстларда да, мәкальләрдә дә бик сирәк кулланыла, искергән сүз составына кергән. Ә азык-төлек, сый-нигъмәт кебек парлы сүз рәвешендә кулланылган синоним берәмлекләр исә, һәр киресенчә иң актив лексиканы тәшкил итәләр. ***Азыкны****ң яхшысы – әзер булганы* (М)*;* ***Ашамлыксыз*** *тамак туймый (М); Өмет өзмәсә,* ***ризык*** *кимемәс (М); Җәй җанына* ***азык-төлек*** *хәзерлә* (М)*;* ***Нигъмәт*** *кайтарырга ярамый (М);* ***Тәгам*** *тоз белән, тоз үлчәү белән* (М)*;* ***Локмә*** *карын туйдырмас, мәхәббәтлек арттырыр* (М); *Әнием, мин* ***ризык*** *таптым* (А. Хәлим)*; Арырак –* ***аш-су*** *әзерли торган почмак* (Г. Гыйльманов)*; Бәлки кибеткә кереп,* ***азык-төлек*** *мәсьәләсен рәтләргәдер, ә?* (А. Гыймадиев) h. б.

Әдәби телдә кирәклек, зур теләк төсмерен белдергән *максат* сүзенең алынма берәмлекләр арасында да, чыгышы белән төрки лексикага караган берәмлекләрдә дә мәгънәдәшләре бар. Ләкин төп төшенчәне белдерү, күп очракта термин буларак кулланылу бу алынмага йөкләнгән. «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»ндә максат « алга куелган бурыч, ирешергә, булдырырга омтылган нәрсә» [6: 404] дип аңлатыла. «Синонимнар сүзлеге»нә бу алынманың ният, морад, бурыч, теләк, исәп, мәел, максуд, касд кебек мәгънәдәшләре теркәлгән [1: 68]. Мәкальләрдә бу мәгънәви төсмердә аларның морад, максат, теләк берәмлекләре генә очрый, ә әдәби текстларда максат, ният, морад, бурыч, теләк кебек синонимнарын еш очратырга мөмкин: *Иҗтиһат иткән –* ***морадына*** *җиткән* (М)*;* ***Максатың*** *булса, юлы табылыр* (М); *Үз ягына авыштыра сөю-****морад*** (Ф. Гыйззәтуллина)*; Минем* ***бурыч*** *– димләү, алар эше – хәл итү* (А. Галиев) h. б.

Нәтиҗә ясап шуны әйтергә мөмкин: татар теленең үз сүзләре булса да, кайбер төшенчәләр гарәп алынмалары белән төгәлрәк белдереләләр, шуңа

күрә бу сүзләр әдәби әсәрләр телендә дә, фольклор әсәрләре телендә дә активрак кулланылалар, әмма төрки сүзләр дә кире кагылмый.

ӘДӘБИЯТ

1. Ханбикова Ш., Сафиуллина Ф. Синонимнар сүзлеге. Казан: Хәтер, 1999. 255 б.
2. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 3 т. 799 б.
3. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 2 т. 749 б.
4. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 1 т. 623 б.
5. Татар матур әдәбияты корпусы: [Электрон ресус]. https://litcorpus.antat.ru/index_tt.htm.
6. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: [Электрон ресус]. https://suzlek.antat.ru.
7. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.

УДК 811.512.145

Дубровина Маргарита Эмильевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
Dubrovina Margarita Emilievna
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
E-mail: maggydu@rambler.ru

ОБ ОДНОМ ЯЗЫКОВОМ СРЕДСТВЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

ABOUT ONE SPEECH ELEMENT WITH THE MEANING OF EVIDENTIALITY IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *В статье автор обращается к теме эвиденциальности и тех языковых инструментов, которые способны ее передавать в татарском языке. До настоящего момента специалисты, в основном, в категорию пересказывательности татарского языка включали одну форму – форму прошедшего времени с показателем –ган. Автор же обнаружил, что аналитическая форма имя / временная форма + икән также выражает эвиденциальность, вследствие чего автор включает эту форму в категорию субъективной модальности.*

Annotation. *In the article, the author addresses the topic of evidentiality and those linguistic tools that are capable of conveying it in the Tatar language. Until now, experts included one form in the category of retelling of the Tatar language – the past tense form -gan. The author discovered that the analytical form noun/tense form + ikən also expresses evidentiality, as a result of which the author includes this form in the category of subjective modality.*

Ключевые слова: *Эвиденциальность, модальность, грамматика татарского языка, тюркология, модальные значения*

Keywords: *Evidentiality, modality, grammar of the Tatar language, Turkology, modal meanings*

Изучение категории модальности, как на уровне семантики, так и на уровне грамматики в последние десятилетия чрезвычайно привлекает лингвистов, работающих с самыми разными языками. В общем языкознании под модальностью принято понимать отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемое различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п. [1: 229].

История изучения модального значения эвиденциальности развернуто представлена с диссертации Л.Б. Кадыровой, вышедшей в Казани в 2014 г. [4]. Однако, несмотря на то, что в тюркском языкознании эта тема не раз становилась предметом анализа, нельзя сказать, что в ней были окончательно расставлены все точки над i. Как становится понятно из обзора специальной литературы, ученые выделяют несколько языковых средств передачи семантики пересказывательности в татарском языке: временная форма прошедшего результативного действия с показателем -ган, а также некоторые синтаксические конструкции, образованные с помощью глагольной формы -ган или имени действия и послеложных слов *турында* и *хакында* [4: 18]. Тем не менее, анализ татарской речи позволил автору настоящего сочинения обнаружить еще одно средство, которое способно выражать рассматриваемую семантику.

В большинстве обзорных статей, посвященных истории изучения эвиденциальности, к большому сожалению, нет указаний на труды тюркологов Петербургской школы, среди которых видным ученым, теоретиком тюркского языкознания, бесспорно, является профессор СПбГУ В.Г. Гузев (1939–2021). Однако именно В.Г. Гузевым было много сделано для теоретического осмысления того, что такое эвиденциальная модальность, и как может быть выражена в конкретных тюркских языках.

По мнению ученого, наиболее адекватным термином для рассматриваемой модальности является термин **опосредованность (индирективность)**, которая**,** представляет собой языковое выражение информации, при котором событие не сообщается непосредственно, прямо, а передается опосредованно. При этом не имеет значения, каков источник информации или способ получения субъектом знания о событии [3: 25–26]. С исследуемым понятием связана такая грамматическая категория как субъективная модальность. Под этим термином для тюркских языков можно понимать категорию, которая добавляет к значениям форм изъявительного, условного и желательного наклонений семантический оттенок *эвиденциальности*. Самым общим определением эвиденциальности является обозначение формальными языковыми средствами источника информации о передаваемом событии [2: 22].

Как было сказано выше, традиционно в татарском языкознании выделяют только одну морфологическую форму для передачи значения опосредованности – форму прошедшего неопределенного (результативного) времени с показателем -ган (нәтиҗәле үткән заман) [5: 110]. По мнению Л.Б. Кадыровой, у прошедшего результативного -ган наличествует сема неочевидности, которая исключает личную перцептивность. «Высказывание

Ул килгән, – как пишет исследовательница, – имплицирует отсутствие факта прямого восприятия и не допускает комментария *Мин күрдем*. Эвиденциально маркированная форма перфекта представляет собой медиативный показатель широкой семантики с грамматикализацией значения косвенности, трактуемой как отсутствие прямой засвидетельствованности. Среди выделяемых А. Айхенвальд эвиденциальных систем с “двумя выборами” (evidentiality systems with two choices) татарский язык относится к системам типа А2, предполагающим грамматикализацию значений: “не из первых рук” и “все остальное” (Nonfirsthand versus ‘everything else’)» [4: 15].

Однако, в ходе исследования фактического материала татарского языка, кроме выделяемой всеми тюркологами формы -ган, удалось обнаружить еще одну форму, которая наряду со значением прошедшего неопределенного времени выражает значение опосредованности. Это языковое средство не представляет собой синтетическую морфологическую форму, а образуется посредством аналитического показателя икән. Известно, что икән в грамматиках татарского и башкирского языков не относят к неким формообразовательным средствам, существует мнение, что икән, наряду с *имеш* «якобы», *шикелле* / *ахры* / *бугай* «кажется», является модальным словом. Но в отличие от модальных слов, которые являются неизменяемыми и не имеют фиксированного места в предложении, показатель *икән* может присоединять аффиксы сказуемости и всегда в высказывании выступает в позиции сказуемого. Это говорит о том, что *икән* является частью составного сказуемого (как именного, так и глагольного), тогда как другие модальные слова вообще не являются членами предложения.

В данной работе предлагается конструкции, образованные по аналитической модели: *имя (И. Сущ, И., Прил, Мест и др)/ форма времени + показатель икән*, трактовать в качестве словоизменительных форм, составляющих категорию субъективной модальности (в специальной литературе также используется термин субъектная модальность), которые также способны выражать семантику эвиденциальности. Показатель икән может присоединяться к любым временным глагольным формам и к именам в тех случаях, когда временное значение отходит на второй план, тем самым подчеркивая модальное значение неочевидности в высказывании. Таким образом, субъективная модальность образуется посредством добавления модальной связки *икән* к основе имени или любой временной форме глагола. Связка *икән* может присоединять личные аффиксы сказуемости:

Ед. число	Мн. число
1 л. икән-мен	1 л. икән-без
2 л. икән-сең	2 л. икән-сез
3 л. икән	3 л. икән-(нәр)

В речи исследуемые формы чаще всего употребляются для выражения следующих семантических оттенков:

1. Передача сообщения со слов другого лица:

Уфада яңа мәктәп ачыл**ган икән**. [информант]. ‘*Говорят, в Уфе открыли новую школу*’.

Ул мәктәптә яхшы укы**ган икән**. [информант]. ‘*Говорят, в школе он хорошо учился*’.

Ул хастаханәгә бар**ган икән**. [информант]. ‘*Он, оказывается, уже ходил в больницу*’.

Тышта **суык икән** [информант]. ‘*Говорят, на улице холодно*’.

Яңгыр **яуа икән** [информант]. ‘*Говорят, идет дождь*’.

2. Передача информации на основе умозаключения:

Син акыллы икәнсең [информант]. ‘*А ты, оказывается, умный*’.

Мин матур икәнмен [информант]. ‘*Да я красивая, оказывается*’.

Сез килгән икәнсез [информант]. ‘*Вы, оказывается, пришли*’.

3. Рассказ о прошлых событиях, биографическое повествование, повествование в литературных произведениях:

Элек заманда бер **батыр икән**. Үзе бик **фәкыйрь икән**, ди [6: 20]. ‘*Жил, говорят, в прежние времена один бытыр. Говорят, был он очень беден*’.

Бу һәрвакытта өстән чыга, моның шикелле батыр булмый, монар җиткән кеше юк икән [6: 20]. ‘*Он всегда выходил победителем, не было человека, который был бы равен ему*’.

«Алып кайттыңмыни, каһарманым? – ди; иң батыр кеше **син икәнсең**», – ди. [6: 32] ‘*Она сказала: «Ты принес, герой? Да ты, оказывается, самый храбрый человек»*’.

Таким образом, автор настоящего исследования предлагает рассматривать аналитические формы с показателем *икән* не как свободные синтаксические образования, а как формы, составляющие грамматическую категорию субъективной / опосредованной модальности в татарском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

2. Баджанлы Э. О существе турецких эвиденциальных показателей // Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. М., 2007. С. 22–27.

3. Гузев В.Г. О тюркских языковых средствах опосредованного сообщения о событии // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 26. СПб., 2005. С. 25–44.

4. Кадырова Л.Б. Сопоставительное исследование категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности (на материале английского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 22 с.

5. Татарская грамматика: в 3 томах. Т. 2. / ред. кол. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 397 с.

6. Дутан батыр // Татар халык әкиятләре / төз.: Х. Ярми, Х. Гатина. Казан: Раннур, 1999. 383 б.

УДК 81’27:81’42

Евтых Элла Ибрагимовна
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
E-mail: evtykh.ella@gmail
Evtykh Ella Ibragimovna
Kuban State University
Krasnodar, Russia
Рябинина Алевтина Геннадьевна
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
Ryabinina Alevtina Gennadievna
Kuban State University
Krasnodar, Russia
E-mail: alyar2015@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ-МЕМ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

MODERN INTERNET MEMES: APPROACHES TO DETERMINATION

Аннотация. *В статье анализируются разные подходы к определению термина современного интернет-мема с лингвистической точки зрения. Предлагается разграничивать постоянные и возможные свойства мемов. Интернет-мем определяется как медиатекст, являющийся единицей культурной информации и выполняющий коммуникативную функцию. Выделены возможные свойства и ключевые характеристики интернет-мемов.*

Annotation. *The article analyzes different approaches to defining the term of a modern Internet meme from a linguistic point of view. It is proposed to distinguish between the constant and possible properties of memes. An Internet meme is defined as a media text that is a unit of cultural information and performs a communicative function. The possible properties and key characteristics of Internet memes are highlighted.*

Ключевые слова: интернет-мем, медиатекст, креолизованный текст, поликодовый текст, гибридный текст, культурные коды

Keywords*: Internet meme, media text, creolized text, polycode text, hybrid text, cultural codes*

Интернет-мемы прочно вошли в повседневную жизнь, став неотъемлемой частью онлайн-коммуникации и цифровой культуры. Их повсеместное распространение и стремительная эволюция обусловливают актуальность научного исследования данного феномена. Определение понятия «интернет-мем» представляет значительный интерес не только для социологов и культурологов, но и для лингвистов, поскольку меметические единицы оказывают влияние на развитие языка и его функционирование в виртуальной среде.

На сегодняшний день, несмотря на обилие научных работ, посвященных изучению интернет-мемов, не существует единого, четкого и общепризнанного определения данного феномена. Эта проблема обусловлена рядом факторов. Во-первых, интернет-мемы как лингвокультурное явле-

ние постоянно эволюционируют, приобретая новые формы и функции, что затрудняет создание универсального определения. Во-вторых, существующие дефиниции зачастую не охватывают всей сложности и многогранности данного феномена, ограничиваясь лишь отдельными его аспектами.

Следует отметить, что понятие интернет-мема давно вышло за пределы молодежной аудитории и активно используется представителями старшего поколения, что свидетельствует о его широком распространении в современной культуре и языке. При этом мемы активно функционируют не только в сети, но и на телевидении, что еще раз подтверждает их значимость. Роль интернет-мемов в современном мире столь велика, что уже обсуждается возможность включения данного термина в толковые словари, фиксирующие актуальные языковые процессы и изменения в лексике. Таким образом, разработка четкого и универсального определения станет важным шагом в изучении интернет-мемов как лингвокультурного феномена и позволит зафиксировать его место в языке и культуре.

Впервые термин «мем» был введен Р. Докинзом в 1976 году для обозначения самовоспроизводящейся информационной единицы, природа которой схожа с вирусной. Согласно Докинзу, мем представляет собой основную единицу передачи культурной информации, т. е. имитации [5]. Однако современное понимание интернет-мема существенно отличается от исходного значения, предложенного биологом.

К.Г. Петросян определяет интернет-мем как информационную единицу, передающую культурный код, который может быть творчески дополнен любым языковым сегментом, относящимся к соответствующей группе [12: 75]. Более широкую дефиницию предлагает Громовая, рассматривая интернет-мем как «особый вид современного языкового явления, развившийся в условиях цифровых трансформаций, что определяет его сущностные характеристики, специфику виртуального общения и лингвостилистические особенности» [4: 28]. Ю.В. Щурина трактует интернет-мем как единицу информации, объект, получивший популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями [14: 62]. Однако в настоящее время спонтанность распространения интернет-мема уже не является основополагающим фактором. Напротив, интернет-мемы часто создаются целенаправленно авторами, стремящимися к их массовому распространению и популяризации.

Н.Г. Марченко рассматривает интернет-мем как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества», акцентируя внимание на его культурной специфике [9: 113]. Схожую позицию занимает Е.М. Поляков, определяя мем как единицу культурной информации, обладающую способностью к самокопированию и распространению среди людей данной социальной группы, что характеризует не только систему распространения интернет-мема, но и его сущностные свойства [13: 161]. В свою очередь, А.Д. Осипова рассматривает интернет-мем как средство современной коммуникации, одной из ключевых характеристик которого является эмоциональность [11: 40].

Природа интернет-мема остается предметом дискуссий, поскольку не существует единого, исчерпывающего определения данного явления.

Однако можно утверждать, что мемы всегда ориентированы на широкую аудиторию. В зависимости от своей структуры интернет-мем может представлять собой как изображение без текстового сопровождения, так и исключительно текстовую единицу, включающую в себя даже одно слово. Кроме того, мемы могут существовать в виде видео или анимации без вербального компонента, а также в формате креолизованного текста, интегрирующего вербальные и визуальные элементы.

Определения интернет-мема, предлагаемые различными исследователями, нередко включают возможные, но не обязательные характеристики данного явления. Например, лингвист С.В. Канашина определяет интернет-мем как «особый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации» [8: 8]. В свою очередь, Е.М. Александрова сравнивает интернет-мем с новой формой языкового анекдота, подчеркивая его креолизованную природу, при которой текст и изображение образуют единое семиотическое целое с определенной прагматической направленностью [1: 65].

С.В. Канашина в 2017 году дала определение интернет-мема как «комплексного феномена интернет-коммуникации, представляющего собой целостную, завершенную единицу, включающую текст и картинку в квадратной рамке» [7: 2]. Однако в настоящее время подобное описание утратило свою актуальность, так как современные интернет-мемы могут принимать различные формы и далеко не всегда представляют собой контаминацию изображения или текста.

Л.Ш. Мигранова и Е.И. Кромина, рассматривая интернет-мем с точки зрения теории коммуникации, определяют его в первую очередь как средство общения [10]. Ю.В. Щурина и Е.И. Горошко относят интернет-мем к речевым жанрам [3; 15].

С.В. Канашина рассматривает интернет-мем также как медиатекст [8: 13]. Э.В. Гмызина определяет его как «разновидность креолизованного медиатекста, включающего визуальную (картинка, фотография, рисунок) и вербальную (надпись) составляющие» [2: 122]. А.В. Изгаршева предлагает рабочее определение интернет-мема как «реализуемого в интернет-пространстве особого рода медиатекста меметического содержания, созданного интернет-аудиторией и обладающего креолизованной структурой» [6: 3].

Таким образом, термин «интернет-мем» рассматривается учеными с различных позиций. При его определении целесообразно разграничивать постоянные и возможные свойства. Исходя из анализа представленных дефиниций, интернет-мем можно охарактеризовать как медиатекст, являющийся единицей культурной информации и выполняющий коммуникативную функцию. Он может обладать гибридной текстовой структурой (креолизованной, поликодовой, полимодальной) и служить инструментом передачи культурных кодов. Ключевыми характеристиками интернет-мема являются краткость, яркость, афористичность и ситуативная обусловленность, что способствует привлечению внимания широкой аудитории. Выделяемые исследователями признаки оказываются значимыми для изучения трансформации культурных, лексических, композиционных, прагматических и иных аспектов интернет-мемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2(74). С. 65–69.

2. Гмызина Э.В. Интернет-мем как вид медиатекста: сборник трудов конференции. // Культурология, искусствоведение и филология: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. С международным участием (Чебоксары, 28 мая 2021 г.) / редкол.: Н.И. Баскакова [и др.] Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 121–124.

3. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. С. 370–389.

4. Громовая М.И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа // Мова. 2015. № 23. С. 27–31.

5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.

6. Изгаршева А.В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мытищи, 2021. 24 с.

7. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277).

8. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. №1.

9. Марченко Н.Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества //Казанская наука. 2013. №. 1. С. 113–115.

10. Мигранова Л.Ш., Кромина Е.И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современноӥ филологии и проблемы методики обучения языкам: материалы третьеӥ международноӥ научно-практическоӥ конференции (Брянск, 05–07 ноября 2015 г.) / под ред. В.С. Артемовоӥ. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2015. С. 239–243.

11. Осипова А.Д. Интернет-мемы как средство современной коммуникации // Исследования молодых ученых: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2020 г.). Казань: Молодой ученый, 2020. С. 40–42.

12. Петросян К.Г. Интернет-коммуникация и специфика ее англо-русского перевода (на материале интернет-мемов) // Вестник современных исследований. 2019. № 2.1(29). С. 72–76.

13. Поляков Е.М. Меметика: наука или парадигма? // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 160–165.

14. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161–173.

15. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации: монография. Чита: ЗабГУ, 2015. 223 с.

УДК 37.0

Җиһаншина Руфия Рифгать кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Зиганшина Руфия Рифгатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Ziganshina Rufiya Rifgatovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ziga04.04@mail.ru
Хөснетдинов Дамир Хәйдәр улы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Хуснутдинов Дамир Хайдарович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Khusnutdinov Damir Khaydarovich
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: domer1982@mail.ru

ЮГАРЫ СЫЙНЫФЛАРДА ТАТАР САЙТЛАРЫН КУЛЛАНУ МӨМКИНЛЕКЛӘРЕ

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАТАРСКИХ САЙТОВ В СТАРШИХ КЛАССАХ

OPPORTUNITIES TO USE TATAR WEBSITES IN HIGH SCHOOL

Аннотация. *В статье рассматриваются современные подходы к внедрению интернет-ресурсов на татарском языке в образовательный процесс. Подчеркивается значимость применения мультимедийных и интерактивных платформ, а также необходимость интеграции цифровых технологий в обучение татарскому языку. В статье представлены практические рекомендации по использованию интернет-ресурсов в учебной деятельности, что способствует более эффективному освоению языка и формирования интереса к национальному наследию среди старшеклассников.*

Annotation. *The article discusses modern approaches to implementing Internet resources in the Tatar language within the educational process. The article emphasizes the importance of using multimedia and interactive platforms, as well as the need to integrate digital technologies into teaching the Tatar language and. Itprovides practical recommendations for using Internet resources in educational activities, contributing to more effective language learning and the development of interest in national heritage among high school students.*

Ключевые слова: *татарские сайты, информационные ресурсы, аудио-визуальные материалы, цифровые технологии, интерактивные уроки, интернет образование*

Keywords: *tatar websites, information resources, audio-visual materials, digital technologies, interactive lessons, online education*

Заманча технологияләр үсеш алуга бәйле рәвештә тел дәресләрен нәтиҗәлерәк үткәрү максаты белән уку-укыту процессында аларны куллану мөмкинлекләрен ачыклауны да таләп итә. Шундый методларның берсе булып аудио-визуаль материаллы сайтлар куллану тора. Галимнәр искәртүенчә, «дәрестә мондый методны куллану мәгълүматны кабул итү нәтиҗәлелеген арттыра, уку-укыту процессына төрлелек өсти, укучыларның белем алуга мотивациясен һәм кызыксынуын арттыра». Әмма татар теле дәресләре өчен аудио-визуаль материаллы сайтлар нигезендә төзелгән бирем-күнегүләрнең булмавы һәм әлеге чараларны татар теле дәресләрендә файдалану үзенчәлекләренең фәнни аспектта җитәрлек дәрәҗәдә өйрәнелмәве, белем бирүдә куелган максатларны тулыканлы тормышка ашыру мөмкинлеге бирми, бу үз чиратында, сайланылган темабызның актуаль яңгырашын билгели.

Педагогикада аудио-визуаль материаллы сайт кысаларында заманча техник белем бирү чарасы, шул җөмләдән, традицион кинофильм, радио- һәм телетапшыру, тавыш язмасы, видеоролик, репортаж, интервью һ. б. лар, ягъни белем бирү процессында күрү һәм ишетү рецепторларына йогынты ясауны күздә тоткан чара аңланыла. Аралашу ситуацияләрен һәм әйләнә-тирә чынбарлыкны тергезә торган аудио-визуаль материаллы сайтлар үзләренең ачык төсләрдә ясалуларына һәм ишетеп-күреп кабул ителә торган образларның мәгълүмати кыйммәтенә бәйле рәвештә белем бирүнең сыйфатын арттыруда нәтиҗәле чыганак булып торалар. Шул ук вакытта дәресләрдә күрсәтмәлелек дидактик принцибы, белем бирүне индивидуальләштерү һәм бер үк вакытта барлык укучыларны да колачлап алу гамәлгә ашырыла, дәресләрнең мотивацион ягы көчәя.

Югары сыйныф укучылары белән эшләгәндә укучыларның психофизиологик үзенчәлекләренә бәйләнешле рәвештә, укучыларның мөстәкыйль танып белү эшчәнлегенә аерым басым ясау сорала, шулай ук кулланыла торган сайтларның эчтәлек ягыннан үзгәреш кичерүе дә күзәтелергә тиеш, дип уйлыйбыз, чөнки абстракт-логик фикер йөртү үсә, төшенчәләр турында фикерләү катлаулана, игътибарлылык арта. Болар барысы да уку мотивациясенең артуына, уку эшчәнлегенең нәтиҗәлелегенә һәм продуктивлыгына йогынты ясый. Югары сыйныф укучысының психологик үзенчәлекләре генә түгел, уку эшчәнлеге дә үзгәреш кичерә. Төп үзенчәлек тугызынчы-унберенче сыйныфтагыларның уку эшчәнлегенең акыл эшчәнлеге активлыгына, мөстәкыйльлеккә бик зур таләпләр куюыннан гыйбарәт. Нәкъ менә югары сыйныфларда безнең фикеребезчә, «Гыйлем» кебек татар сайтыннан файдалану мөмкинлекләре арта төшә. Мисал өчен, унынчы сыйныфта дөньядагы телләр, тел яшәеше өчен шартлар, телләрнең үлүе, моның нәтиҗәсе кебек проблемаларга беркадәр кагылып кителә.

Алга таба укытучы укучыларга «Гыйлем» сайтының «Тел» бүлегендә бирелгән «Телнең яшәүгә сәләте» дип исемләнгән инфографика белән танышырга тәкъдим итә. Укытучы болай дип әйтә ала: «Гыйлем» сайтыннан алынган инфографикага карагыз, телнең яшәү сәләтенә йогынты ясаган факторларны анализлагыз. Сезнең фикерегезчә, татар теленә «су» тиешле дәрәҗәдә сибеләме? Тел дигән гүзәл чәчкәбез шиңмәсме?

Укучылар төркемнәрдә фикер алыша алалар. Һәр пункт буенча тикшерү-фикер алышуны тәэмин итү мөһим [1].

Укучылар телләрнең яшәешенең әһәмияте турында өстәмә мәгълүмат белән мөстәкыйль эшли алалар. Укучы аларны кызыксындырып, болай әйтә ала: укучылар, «Гыйлем» сайты ярдәмендә сез шулай ук мондый сорауларга җавап бирә аласыз: Тел беткәч, тагын ниләр югала? Югала башлаган телләрне саклау кирәкме? Тел һәм биология фәннәре ничек бәйләнгән? Өй эшенең ижади варианты буларак, әйтелгән темаларга кечкенә доклад әзерләүне сайлый аласыз.

Аңлашылганча, бу очракта укучыларның мәгълүмат белән мөстәкыйль эшләү күнекмәләре, ижадилыклары арта. Шул рәвешчә, ижадилык кеше тормышын алга илтүче төп көчкә әверелә», – диелә Г. Шамсутдинова хезмәтендә [3]. Укытучы укучыларга, доклад әзерләү дәвамында, башка сайтларга мөрәҗәгать итү мөмкинлеген дә әйтә.

Унберенче сыйныфта «Стилистика» бүлеге кысыларында «Нур.татар» [2] сайтыннан файдалану мөмкинлекләре бар. Алар арасында «Күренекле татарлар» дигән рубрика бар. Анда атаклы татар кешеләре – галимнәр, мәгариф эшлеклекләре, җырчы, нәфис сүз осталары һ. б. турында мәгълүмат бирелә. Укучылар үзләренә ошаган атаклы шәхеснең тормыш юлы белән танышалар, кызыклы мәгълүматны дәфтәрләренә язып алалар, текстның стилен билгелиләр.

Унберенче сыйныфта (рус мәктәпләре, татар төркемнәрендә) укучылар татар теленнән булган белемнәрен системалаштыралар, өстәмә белемнәр белән тирәнәйтәләр. Аларга бәхәсле материаллар да тәкъдим итәргә һәм шулар нигезендә дискуссия, бәхәс алып бару осталыкларын камилләштерү өстендә эшләргә була. Мәсәлән, «Белем.ру» сайтында Равил Һадинең «Унберме? Ун берме?» дигән мәкаләсе китерелә. Автор татар, рус, инглиз телләрендә саннарның язылышына игътибар итә. Укучылар, дискуссия рәвешендә, мондый проблемалы эш өйрәнелә торган фәнгә кызыксынучанлыкны, мотивацияне күтәрә; укучыларның танып белү дәрәҗәсен үстерә; аралашуда үзара аңлашу, ярдәм тою атмосферасы, әйләнә-тирәдә уңайлык тудыра; балаларның иҗат потенциалын ача.

Нәтиҗә ясап, шуны әйтеп китик: татар сайтларының артык тиз булмаган, әмма стабиль үсеше аларны дәресләрдә, дәрескә әзерләнү этабында, дәресләргә яңачалык кертү юнәлешендә эшләгәндә кулланырга мөмкинлек бирә. Болар барсы да дәрес сыйфатына уңай нәтиҗә ясый. Заман мәктәбендә белем бирү процессын хәзер инде Интернет челтәре биргән мөмкин-

лекләрдән гайре күз алдына да китереп булмый. Шуңа күрә укытучы алар белән даими танышып барырга, эшендә кулланырга тиеш.

ӘДӘБИЯТ

1. Гыйлем сайты. URL: http://giylem.tatar/archives/2166 (мөрәҗәгать итү вакыты: 11.11.2022).

2. Нур.татар. URL: https://nur.tatar/category/kitaplar/ (мөрәҗәгать итү вакыты: 11.11. 2022)

3. Шамсутдинова Г. Татар телен укытуда яңа педагогик технологияләр. URL: https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2013/02/13/tatar-telen-ukytuda-yana-pedagogik (мөрәҗәгать итү вакыты: 10.11.2022).

УДК 81`272

Захарова Акулина Егоровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия
Zakharova Akulina Egorovna
Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
E-mail: linamestnikova@gmail.com
Захарова Наталия Егоровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия
Zakharova Natalia Egorovna
Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
E-mail: zakharova_nataly@mail.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

NATIVE LANGUAGE AS AN INDICATOR OF THE STABILITY OF ETHNIC IDENTITY

Аннотация. *Дискурс языкового строительства подразумевает под собой необходимость постоянного мониторинга над изменяющейся социолингвистической ситуацией, характером языковых отношений, этнической идентичности, ценностными установками и языковой компетенцией различных социокультурных групп носителей языков.*

Annotation. *The discourse of language construction implies the need for constant monitoring of the changing sociolinguistic situation, the nature of language relations, ethnic identity, values, and language competence of various sociocultural groups of language speakers.*

Ключевые слова: *родной язык, коренные малочисленные народы Севера, Республика Саха (Якутия),языковая идентичность, самоидентификация, поликультурный социум*

Keywords: *native language, indigenous peoples of the North, Republic of Sakha (Yakutia), linguistic identity, self-identification, multicultural society*

Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) характеризуется рядом особенностей. По данным Переписи 2020 года в многонациональной Якутии проживают более 135 национальностей, пять из которых являются коренными малочисленными народами Севера – эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи. Языки коренных малочисленных народов Якутии относятся к различным языковым группам – тунгусо-маньчжурской, палеоазиатской и тюркской – они имеют кардинальные различия в лексике, грамматике, фонетике, а сходства могут быть либо случайные, либо приобретенные в результате длительного контактирования, и функционирующие как заимствованные элементы. Для оценки жизнеспособности языков России Институтом языкознания РАН была разработана «Классификация статусов витальности». По этой шкале языки коренных малочисленных народов Севера относятся к группе языков с прерванной межпоколенческой передачей с индексом 2Б Прерывающиеся (interrupting) – эвенкийский, эвенский, долганский, чукотский; с индексом 2А Прерванные (interrupted) – тундренный юкагирский; а лесной юкагирский отнесен к группе 1В+ Засыпающие (silent) [13: 10, 15–17]. Разработчиками данной классификации так же сформулированы основные задачи, которые необходимы для поддержки языков, они различны в зависимости от индекса витальности. Тем не менее предназначение данных языков – обеспечение коммуникации прежде всего представителей тех этносов, для которых они являются родными. Таким образом языки коренных малочисленных народов Севера обладают статусом официальных языков в местах их компактного проживания [1]. Эти территории в официальных документах именуются – места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. «Их удельный вес в этих районах от общей численности каждого народа варьируется от 1,0% до 8,9%» [7: 203]. На территории Якутии такими местами признаны 70 населенных пунктов в 21 северном районе.

Таким образом, 1) малочисленные народы Якутии расселены по всей территории республики и компактно проживают на исторически сложившихся территориях; 2) коммуникативное пространство каждого из пяти народов имеет свои особенности, характеризующееся не только уникальными культурными нормами и традициями, но и приобретенными вследствие взаимодействия с другими народами, проживающими на данной территории; 3) государственными языками и языками межнационального общения выступают русский и якутский.

В 1999 году вышла статья «Социолингвистические проблемы языков коренных малочисленных народов Севера РС(Я)» [17], в которой авторы подчеркивают, что «добротно выполненные убедительные социолингвистические исследования имеют огромное теоретическое и практическое значение. Они рассматриваются как научная основа для выработки оптимальной языковой политики и языкового строительства, что имеет жизненно важное значение для возрождения и развития языков, особенно малочисленных народов Севера». Это одна из первых статей региональных ученых, указывающая цели и ставящая задачи нового исследовательского направления. Один из выводов, которые были сделаны авторами касает-

ся языковых ситуаций: «исследования языковых ситуаций должны ориентироваться на конкретные реалии, учитывать сложившуюся обстановку и преследовать четко поставленные цели и задачи. При этом очень важно заранее позаботиться о том, чтобы была четко определена обследуемая совокупность для точности выбора объекта, а также для утверждения принципа достаточности и репрезентативности». В статье также авторы приводят обоснованные задачи для «социолингвистического обследования» эвенков, включая «факторы, выявления конкретного содержания которых является ближайшей задачей»: 1) национально-демографические; 2) культурно-языковые; 3) национальное самосознание; 3) языковая политика и языковое строительство». Почему внимание обращено к эвенкам? Дело в дисперсном расселении. Этот факт, как считают исследователи, усложняет описание языковой ситуации по эвенкам.

Проект «Мониторинг функционирования языков коренных народов Республики Саха (Якутия)» в 2022–2024 гг. осуществлялся в рамках Государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 гг.». Была разработана комплексная методика системного мониторингового анализа языковой ситуации мест проживания коренных малочисленных народов Севера РС(Я).

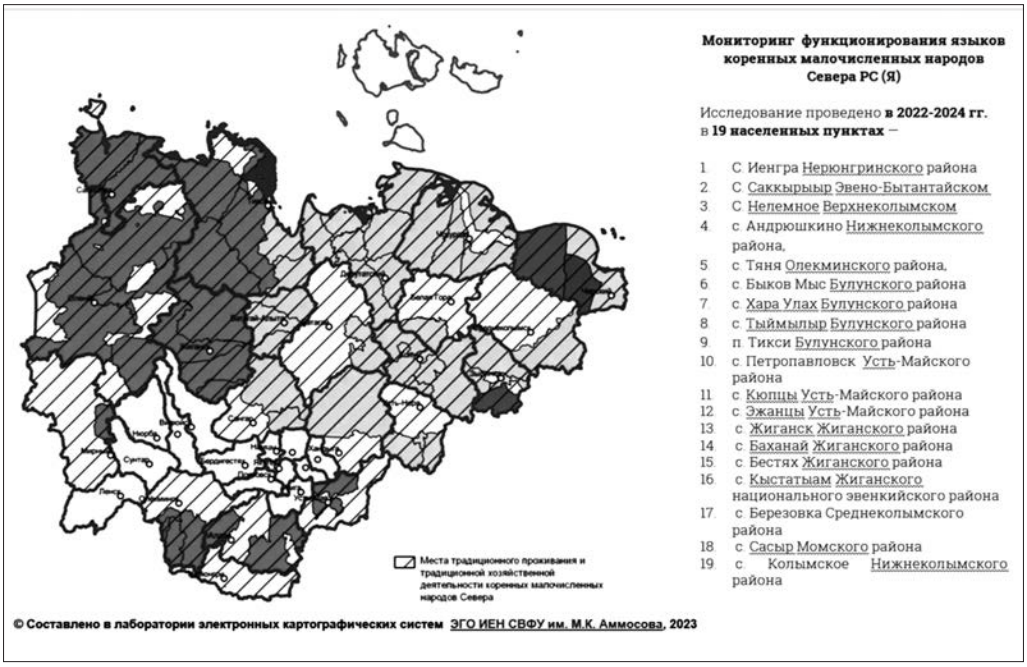


Рис. 1. Карта расселения и география мониторинга функционирования языков коренных малочисленных народов Севера Республике Саха (Якутия) (2022–2024 гг.)

География исследования охватывает (на 2024 год) 19 населенных пунктов в 10 районах Якутии (рис. 1). Эмпирическая база мониторинга составляет 1520 анкет. Сбор первичной информации производится локально

в каждом населенном пункте отдельно, с учетом специфики национальных наслегов и районов: с. Иенгра Нерюнгринского района ((n=100, 2022 г.), с. Саккырыр Эвено-Бытантайского района (n=100, 2022 г.), с. Нелемное Верхнеколымского района (n=40, 2022 г.), с. Андрюшкино Нижнеколымского района (n=100, 2023 г.), с. Тяня Олекминского района (n=100, 2023 г.), сс. Быков Мыс (n=80, 2023 г.), Хара Улах (n=100, 2023 г.), Таймыр (n=100, 2023 г.), п. Тикси (n=100, 2023 г.) Булунского района, сс. Петропавловск (n=100, 2024 г.), Эжанцы (n=59, 2024 г.), Кюпцы (n=50, 2024 г.) Усть Майского района, с. Березовка (n=50, 2024 г.) Среднеколымского района, сс. Жиганск (n=190, 2024 г.), Кыстатыам (n=70, 2024 г.), Баханай (n=60, 2024 г.), Бестях (n=50, 2024 г.) Жиганского района, с. Сасыр (n=84, 2024 г.) Момского района, с. Колымское (n=88, 2024 г.) Нижнеколымского района.

Объект исследования – населенные пункты, относящиеся к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности – «исторически сложившиеся территории (ареалы), в пределах которой малочисленные народы Севера исконно осуществляют традиционное природопользование, культурную и бытовую жизнедеятельность, влияющую на их самоидентификацию, образ жизни» [2].

Основным инструментом исследования для сбора количественных данных является анкета. Она состоит из трех блоков – этнолингвистический, этнокультурный, социально-демографический.

В этнолингвистический блок вошли вопросы о выборе национальности, маркерах этнической идентичности, выборе родного языка, определении сфер его использования, выявлении агентов этноязыковой социализации, определении уровня владения языками, языковой преемственности и приоритетов в выборе языков для новых поколений; в этнокультурном блоке – вопросы о традиционной культуре коренных малочисленных народов Севера; социально-демографический блок состоит из характеристик респондентов, включающих пол, возраст, образование, сферу деятельности, семейное положение, длительность проживания в населенном пункте.

Принципы проекта:

– каждый населенный пункт исследуется локально, как единое целое коммуникативное пространство, обладающее уникальными культурными и территориальными характеристиками. «Здесь важно и ценно мнение каждого респондента и информанта, и поскольку данной позиции не вполне соответствуют количественные методы сбора социологической информации, синхронно используются качественные методы (глубинные интервью, включенное наблюдение, открытые групповые дискуссии, ассоциативный эксперимент и др.). К примеру, во время экспедиции в Тянский национальный наслег (2023 г.) было проведено пилотное исследование по выявлению уровней владения эвенкийским языком по 7 критериям, разработанным на основе CEFR, включающим оценку аудирования, чтения, диалогической и монологической речи и письма на родном языке» [8];

– в состав каждого экспедиционного отряда входят исследователи, из числа представителей коренных малочисленных народов Севера, владеющие родными языками, «контекстуальными особенностями культуры,

эпистемиологическим содержанием этнических символов и кодов, носители традиционных знаний и этнического менталитета, что обеспечивает не только доступность в получении сведений, достоверность расшифровки данных, но и личностную мотивацию и социальную ответственность за будущее родных языков и судьбу исследуемого народа» [8].

Анализ данных, касательно родных языков был проведен по нескольким пунктам:

– выбирают ли язык своего этноса в качестве родного? Вопрос о родном языке является сложным индикатором этнонациональной идентичности. Сегодня признак "считаю родным языком" не совсем тождественен признаку "владею данным языком как первым/ основным". Представители малочисленных народов декларируют свою языковую идентичность, хотя реальное языковое поведение не соответствует должному уровню языковой компетенции на данном языке. [9]. Социологическое исследование, проведенное Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках проекта «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» в 2021 году выявило, что: «Язык КМНС сегодня становится вторичным фактором их идентичности, и на практике наблюдается сокращение носителей языка народов, относящихся к миноритарным в России» [11: 34]. 54,4% респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера считают, что можно признавать себя представителем коренного малочисленного этноса, даже если не знаешь родного языка, 25,7% затруднились ответить, остальные ответили отрицательно на данный вопрос.

Рассмотрим ответы респондентов в районах, где выявлен низкий уровень языковой компетенции и в качестве родных языков чаще указывают другие (якутский или русский) языки. Так, в Булунском районе в исследовании участвовало четыре населенных пункта: сс. Быков Мыс (n=80), Хара Улах (n=100), Тыймылыр (n=100), п. Тикси (n=100). Согласно данным социологического опроса, большинство респондентов родным языком считают якутский, свободно владеющих родными языками (эвенским, эвенкийским) исследование не выявило, часть респондентов указали владение разговорным языком (от 1 до 3,8%) и знание отдельных слов и фраз (на эвенском языке – в п. Хара-Улах (27%), на эвенкийском – в п. Быков Мыс (16,3%)). В Усть-Майском районе обследовано три национальных наслега – Петропавловский, Кюпский, Эжанский. Свободно вадеющих родным языком (эвенкийский) нет, в качестве родного указывают якутский – 69,8% , русский – 30,2%. При этом отмечен высокий уровень этнической самоидентификации (70%) и мотивации к изучению родного языка [8].

– для оценки востребованности родных языков коренных малочисленных народов Севера изучены ответы на открытый вопрос анкеты: «Какими языками, Вам бы хотелось, чтобы прежде всего владели Ваши дети/ внуки?» Чтобы выявить приоритеты, респондентам предлагалось самостоятельно вписать языки в открытые строки, распределив их по степени

значимости на I, II, III места. Так, в селах, где родной язык функционирует и ведется его преподавание в образовательных учреждениях (эвенкийские – с.Тяня, с.Иенгра; юкагирские – с. Андрюшкино, с. Нелемное; долганское – с. Юрюнг-Хая; чукотское – с. Колымское) отмечаются высокие позиции и частота упоминаний в ответах, что говорит о престиже родного языка в языковых установках населения [8; 14].

Проведённое исследование в Республике Саха (Якутия) выявило устойчивую тенденцию языкового сдвига в сторону государственных языков – якутского и русского. На фоне снижения языковой компетенции и сокращения функциональных сфер использования родных языков наблюдается усиление роли традиционной культуры как системообразующего компонента этнической идентичности. В этих условиях сохранение и ревитализация языков коренных малочисленных народов Севера приобретают особую значимость, становясь задачей как самих этнических сообществ, так и предметом государственной языковой политики. Анализ современной социолингвистической ситуации подчёркивает необходимость постоянного мониторинга динамики языковых отношений, трансформации этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня языковой компетенции среди различных групп носителей. Полученные данные свидетельствуют о важности комплексного подхода к изучению факторов, влияющих на языковую устойчивость в условиях меняющегося языкового ландшафта. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят выработать более эффективные стратегии поддержки языкового разнообразия и культурной преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. № 1170-XII. Режим доступа: https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-sahajakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija (дата обращения: 19.04.2025).

2. Закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. № 59-З N 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» (в ред. от 30.01.2019 № 2099-З N 109-VI).

3. Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1

4. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России (2022) / отв. ред. В.С. Магун. М.: Изд-во Института социологии РАН. 327 с.

5. Данилов И.А., Захарова Н.Е., Захарова А.Е. (2024) Символическая мощность эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии // Новые исследования Тувы. № 4. С. 348–359. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22

6. Захарова А.Е. Социолингвистическая ситуация в полиэтническом регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) / А.Е. Захарова, Н.Е. Захарова // Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан). Уфа : Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, 2023. С. 196–219.

7. Захарова А.Е. Экстралингвистические условия функционирования эвенкийского языка в Якутии / А.Е. Захарова, Н.Е. Захарова, В.В. Филиппова // I научные Гантимуровские чтения: Сборник докладов, Чита, 05 апреля 2023 года. Чита: Читинская городская типография, 2023. С. 88–95.

8. Захарова А.Е. Язык как ресурс витальности коренных малочисленных народов Якутии (на материалах социологических исследований) / А.Е. Захарова, Е.Г. Маклашова // Социолингвистика. 2025. № 1(21). С. 92-117. DOI 10.37892/2713-2951-1-21-92-117.

9. Захарова Н.Е. Содержание концепта «родной язык» в языковой картине мира современных долган Хатанго-Анабарского региона (социопсихолингвистический аспект) / Н.Е. Захарова, А.Е. Захарова // Филология: научные исследования. 2022. № 12. С. 46-55. DOI 10.7256/2454-0749.2022.12.39556.

10. Захарова Н.Е. Этноязыковая идентичность населения полилингвокультурного социума (на примере Анабарского района Якутии) / Н.Е. Захарова, А.Е. Местникова // Социальные процессы современной России: Междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 года. Т. 1. Нижний Новгород: Научно-исследовательский социологический центр, 2020. С. 151–154.

11. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии (2022) / отв. ред. В. Б. Игнатьева. Новосибирск: Наука. 272 с.

12. Каплунова М.Я. (2020) Методы прогнозирования в социолингвистике // Социолингвистика. № 1. С. 54–62. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-54-62

13. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А. (2022) Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН. 80 с.

14. Осипов Б.Я. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Берёзовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия) / Б.Я. Осипов, А.Н. Хабаровская // Социолингвистика. 2025. № 1 (21). С. 118–143. DOI 10.37892/2713-2951-1-21-118-143.

15. Подойницына И.И. Построение выборки социологического исследования: метод. рекомендации. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2002. 28 с.

16. Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, стратегии адаптации населения () / отв. ред. В.Б. Игнатьева. Новосибирск: Наука, 2024. 192 с.

17. Слепцов П.А., Роббек В.А. Социолингвистические проблемы языков коренных малочисленных народов Севера РС(Я). Якутск, 1999. С. 6–29.

18. Хилханова Э.В., Хилханов Д.Л. Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования // Социолингвистика. № 4 (16). С. 35–52. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-35-52

УДК: 821.512.145

Зиннәтуллина Гөлзара Фазылрахман кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Зиннатуллина Гульзара Фазулрахмановна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Zinnatullina Gulzara Fazulrahmanovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: Zara-75@yandex.ru

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ЯЗУЧЫЛАРЫНЫҢ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ НЕОЛОГИЗМНАРНЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

НЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

NEOLOGISMS IN THE WORKS OF CONTEMPORARY TATAR WRITERS

Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел №565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе ярдәмендә әзерләнде

Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ №565 от 16.07. 2024

Аннотация. *В данной статье рассматриваются использование неологизмов и их функции в творчестве современных татарских писателей Гелюси Закировой и Алины Хабибуллиной. Актуальность статьи заключается в раскрытии стилистических функций использования неологизмов в художественных произведениях. Они имеют определенную экспрессивно-стилистическую цель в литературном произведении, только тогда их использование считается уместным и правильным. Материалы статьи можно использовать при обучении родному (татарскому) языку, также на занятиях литературы.*

Annotation. *This article examines the use of neologisms and their functions in the works of contemporary tatar writers Gelusa Zakirova and Alina Khabibullina. The relevance of the article lies in revealing the stylistic functions of using neologisms in literary works. They have a specific expressive and stylistic purpose in a literary work, and only then is their use considered appropriate and correct. The materials of the article can be used in teaching the native (Tatar) language, as well as in literature classes.*

Ключевые слова: *неологизмы, номинативная функция, экспрессивно-стилистическая функция, когнитивная функция*

Keywords: *neologisms, nominative function, expressive and stylistic function, cognitive function*

Дөньядагы һәрбер тел ачык һәм һәрвакыт үсештә. Аның сүзлек составындагы яңа һәм искергән сүзләр бертуктаусыз үзгәреп тора.

Неологизм – телдә яңа барлыкка килгән сүз яки сүз тезмәсе [5: 438]. Ул грек теленнән *neos* – яңа, *logos* – сүз дигәнне аңлата. Татар телендәге неологизмнар – шул телдә сөйләшүчеләргә элек билгеле булмаган предмет,

төшенчә яки вакыйганы атау өчен барлыкка килгән һәм әлегә телнең актив сүзлек запасына кермәгән яңа сүзләр. Яңа сүзләр барлыкка килүнең төп сәбәпләре: а) яңа предметлар барлыкка килү, технологияләр үсеше, кешеләр тарафыннан мәдәният һәм сәнгать әсәрләре тудыру; б) тормышта, җәмгыятьтә үзләре белән яңа төшенчәләр алып килгән тарихи, сәяси һәм мәдәни вакыйгалар яки үзгәрешләр.

Соңгы биш ел эчендә татар телендә бик күп яңа сүзләр барлыкка килде. Коронавирус пандемиясе чорында һәм аннан соң булган вакциналаштыру, технологияләр үсеше, ясалма фәһем, илебездә барган кайбер тарихи вакыйгалар – болар барысы да, әлбәттә, яңа сүзләр барлыкка килү чыганагы булып тора. Татар телендәге неологизмнарны шартлы рәвештә өч төркемгә бүләргә мәмкин: а) короновирус белән бәйле неологизмнар: *локдаун* – дәүләт тарафыннан кертелгән гражданнарның хәрәкәт иреген чикләү, инглиз теленнән рус теле аша кергән сүз; *антиваксер* – прививкаларга каршы чыгучы, бу сүз 2020 нче елда массакүләм вакциналаштыру һәм QR-кодлар буенча үткәрү системасы игълан ителгәннән соң модага керде. Җәмәгать урыннарына, кафе, ресторанларга һәм сәүдә үзәкләренә коронавирус вакцинасының ике дозасыннан соң бирелгән код булганда гына керергә мөмкин иде; *ковидолог* – коронавирус белән бәйле авыруларны өйрәнү һәм дәвалау белән шөгыльләнүче белгеч, әлеге неологизм аркасында яңа, перспективалы һөнәр килеп туды; б) технологияләр үсеше белән бәйле яңа сүзләр: *медиафейк* – нинди дә булса файда алу өчен социаль челтәрләрдә дөреслеккә туры килмәгән, ялган мәгълүмат тарату; *ясалма фәһем (ЯФ)* – үзенең күргән мәгълүматына таянып, яңалык яки искелекне берләштереп, ниндидер яңа мәгълүмат ясау өчен кулланыла торган система. Соңгы вакытта әлегә төшенчә тормышыбызга үтеп керде, төрле өлкәләрдә, юнәлешләрдә иркен кулланыла башлады. Аның ярдәмендә мәкаләләр язу, видеолар, фильмнар төшерү, китаплар, рәсемнәр эшләү һәм тавыш язмаларын төрле телләрдә яңгырату мөмкинлеге туды; в) социаль челтәрләрдә барлыкка килгән неологизмнар: *милленниал* (яки *некст* буыны) – якынча 1981 нче елдан 1996 нчы елга кадәр туган кешеләр буыны, әлеге буынның үзенчәлеге булып цифрлы технологияләр белән чиктән тыш кызыксыну санала. Ә 1981 нче елга кадәр туганнарны *бумерлар* дип атый башладылар, *беби-бум* тезмәсеннән – Бөек Ватан сугышы тәмамланганнан соң туучылар санының иң югары ноктасы.

Неологизмнарда өч функцияне аерып күрсәтергә мөмкин: номинатив (атау), экспрессив-стилистик, когнитив. Беренчесе – элек булмаган предметларны, төшенчәләрне, күренешләрне атау өчен барлыкка килгән сүзләр: *блогер, хейтер, һ. б.* Яңа сүзләрнең когнитив функциясе дөньяга карашны һәм аңлауны киңәйтә торган яңа концепцияләр һәм идеяләр белән бәйле. Яңа технологияләр, икътисадта, мәдәнияттә, сәясәттәге тенденцияләр неологизмнар барлыкка килүгә сәбәп була. Неологизмнарның экспрессив-стилистик функциясе аларның төшенчәләрне ачык, анык, төгәл, тойгылы итеп тапшыруыннан гыйбарәт, аеруча яшүсмерләр, яшьләр сөйләмендә чагылыш таба, чөнки алар актив рәвештә чит ил сүзләрен үзләштерәләр. Соңгы елларда яшьләр арасында *челлендж, вайб, лайк, креатив* кебек сүзләр еш кулланыла.

Неологизмнар сүзләрне һәм сүзтезмәләрне кыскарту – аббревиация ысулы белән дә ясалалар. Мәсәлән, *ЯФ* (ясалма фәһем)*, МХО* (махсус хәрби операция), һ. б.

Тормыштагы иҗтимагый, сәяси, тарихи, мәдәни вакыйгалар һәрвакыт тел, әдәбият үсешенә дә йогынты ясый. Әлбәттә, телдә билгеле бер сәбәпләр аркасында барлыкка килгән неологизмнар әдәби әсәрләрдә дә чагылыш таба. Гөлүсә Закированың «Энекәш» повесте махсус хәрби операциядә катнашкан энесенә багышланган, анда илдәге 2022 нче елдан башланган вакыйгалар сурәтләнгән һәм, әлбәттә, шуның белән бәйле яңа сүзләр күп кулланылган. Мисалларга тукталып үтик: Көзен *өлешчә мобилизация* игълан ителде [3: 3]. Аның энесе уйнап йөрми, ул мобилизация белән *махсус хәрби операциягә* алынган [3: 4]. Әмма ул *махсус хәрби операциядән* ялга кайткан, ул – герой [3: 16]. Авторның «Бияләй» хикәясендә дә әлеге теманы яктырткан яңа сүзләр шактый: Әмма *мобилизацияләнгәннәр* өчен, аларның якыннары өчен яшәүнең элек һәм хәзер дигән чикләре барлыкка килде [3: 65]. Фәнил кулына *өлешчә мобилизациягә* повестка тоттырды [3: 76].

Автоҗавапкайтаргыч (автоответчик) сүзе рус теленнән ярымкалька булып тора: Тегене-моны сораштыра башлаганнарга *автоҗавапкайтаргыч* кебек җавабы бер [3: 5]. Сажидә ахыргы кат шалтыратканда, *автоҗавапкайтаргычка* сәлам юллады [3: 56].

Берцы – озын кунычлы хәрби аяк киеме: *Берцыларның* резин табаны эреп, әче ис чыга югыйсә [3: 9]. *Берцы* табаны эреп, аягы шешүдән эренләп, шешләр чыкты [3: 39].

Автор күп кенә сүзләрне татар теленә тәрҗемә итмичә куллана: Әнә күз күреме арада ниндидер *бунгало* шәйләнеп алды [3: 35]. *Бунгало* – җыйнак кына итеп төзелгән бер катлы йорт, Бенгалия сүзеннән килеп чыккан, ягъни аны башта хәзерге Индия территориясендәге Бенгалия шәһәрендә төзегәннәр. Тора-бара ул башка илләрдә дә таралган. Ә Гөлүсә Закирова повестенда исә, хәрбиләрнең вакытлы яшәү өчен төзелгән корылмасын аңлата. Холкына карап, *позывнойлар* да тагыла торды [3: 10]. Чын күңелдән сөйләде *контрактник* Рафил Гыйльманов [3: 33]. Ярый *ротация* вакытына туры килгәнсең [3: 36]. Фазыловка әнә үзе кадәр авырлыктагы *бронежилет* белән пулемет асып, *учебкада* чабасы [3: 9]. *Бронежилет* сүзен *броник* дип тә бирә. Әдәби әсәрдә сүзләрне гади сөйләм теленә якынайтып куллану аклана, чөнки солдатлар үзара шулай сөйләшәләр: Башта *броникны,* аннан мулата катып, аннан да авырракка әйләнгән бушлатны тотып аттылар [3: 24]. Снаряд кыйпылчыгы аркасына эләккән икән, *броник* саклады, юк, әнкәсенең догалары, мөгаен [3: 27].

Пилотсыз очу аппаратын өч вариантта очратырга мөмкин: *дрон, тимер кош, птичка.* Патруль ике *дронны* бәреп төшергәнен хәбәр иттеләр. ... *Дронның* ни икәнен моңарчы телефоннан гына күргән егетләр өчен тормышның икенче этабы башланды [3: 12]. Әле ул волонтерлар белән *антидронга* акча җыешты [3: 30]. Дронны тимер кош дип тә бирә: Ул да булмады, баш очында кинәт күтәрелгән давыл сыман *тимер кошлар* очкан тавыш ишетелде [3: 35]. *Птичка – МХО*да безнең сугышчылар «беспилотник»ларны шулай дип атый: Шулай куркынычсызрак икәнен егетләр үзләре дә белә, яңгыр яуганда *птичкалар* очмый. ...*Птичкалар* йөри башла-

са, окопка сикерәсең [3: 20]. Кибетле авылга кергәнеңне кемдер хәбәр итә, чыгу юлында инде *птичкалар* сагалап тора [3: 26]. Берсендә *птичкалардан* кача-кача, анда-санда блиндажларда бөкрәеп утыра-утыра, 5 тәүлек чыктылар алар тылга [3: 34].

300 ле – хәрби операция барган урында яраланган сугышчыларны белдерә: Шул төнне беренче *300 не* госпитальгә озаттылар [3: 13].

200 ле – һәлак булган сугышчыларны аңлата: Ул көнне полктан *200 тамгалы беренче йөк* китте [3: 14]. Атыш урыныннан көч-хәл белән алып чыккан *200 тамгалы сугышчының* ярты гәүдәсе юк иде – кабаннар кимергән [3: 22]. Оныттылар Физикны. Беткән, *200 булган* дип уйлыйлар микән? [3: 23]. Мондагы *200 ләр* турында штабка әйтергә кирәк [3: 28].

Гөлүсә Закирова *СВО* һәм *МХО* кыскартылма сүзләрен параллель кулланган, алар икесе дә бер мәгънәне – махсус хәрби операция дигәнне белдерәләр: Вакытлыча ялга кайткан *СВОшникның* тавышы да, җыры да матур иде [3: 18]. *СВОга* киткәннәр белән дә аралашты, аларның аналары, якыннарының дустына әйләнде, борчу-хәсрәтләре белән уртаклашты, нинди генә язмыш ишетсә дә, йөрәк аша үткәреп елады [3: 29–30]. Сезнең контракт белән *СВОга* китүегез турында язма әзерләргә дип килдем [3: 31]. Малайга да шул инде – ул *СВОда* булып, мин монда куркып ятсам, ничек күзенә карыйм? [3: 33]. Шул җәрәхәте төзәлмәгән килеш *СВОга* җибәрделәр бит аны [3: 46]. Автор *МХО* сүзен кыскартмыйча да кулланган: Якташлар, шундый эшкә алынабыз, безгә арабыздан хәйрия эшендә катнашучылар да, шул йөкне *махсус хәрби операция* һәм яңа төбәкләргә – Лисичанск һәм Рубежное халкына илтергә әзер булган *ихтыярыйлар* кирәк [3: 58].

Солнцепек туры бәргән – *химик коралдан* болайрак, дустын танырлык та, җыярлык та, җирләрлек тә түгел [3: 39]. *Солнцепек* – утлы кораллар системасы исеме.

Шул көнне болар яшәгән позициягә *Баба Яга* һөҗүм итте [3: 39]. *Баба Яга* – авыл хуҗалыгында авыр йөкләр ташый торган дроннар, каршы як куллана.

Әнә, чыгып барганда, бер иптәшләре *лепестокка* басты, көзге яфрак арасында барын да абайлап бетерә аласыңмыни – егетне алып кына очырды [3: 27]. *Лепесток* – пехотага каршы кулланыла торган ПФМ-1 фугаслы минасы, формасы белән яфракны хәтерләтә.

Сугыш кырында кышка кадәр үлеп, яу кырыннан алып чыга алмыйча ятып калган сугышчыларның үле гәүдәләрен автор *умырзаялар* сүзе аша сурәтләп биргән: Язга таба кар астыннан *умырзаялар* чыга башлады. Чит-ят җирләрдә икенче яз җитә бит, инде үләннәр баш калкытыр дип уйлыйсың гына ... Ә юк. *Алсызыкта* җәйге киемнәрдән аунап яткан мәетләр килә дә чыга [3: 33]. *Алсызыктагы* егетләрдән барыгызга да кайнар сәлам [3: 19]. Ике атнага, берәр айга *алсызыкка* керүләр ешайды [3: 34]. Шулай киптереп, *алсызыкка* кертә башладылар [3: 36]. Егетләр *алсызыктан* кайтырга өлгерми – хәл алырга да ирек бирми, юк-бар эш кушып җәфалап бетерә [3: 38]. *Алсызыктан* чыкканда, коточкыч манзарага тап булды егетләр [3: 39].

Халыктан килгән азык-төлек, шәмнәр, медицина ярдәме өчен һәм башка кирәк-яракларны гади сөйләм телендә кулланылган *гуманитарка* сүзе

аша бирә: *Гуманитарка* белән килгән тушенкадан берничә көн үзләре аш пешереп ашадылар [3: 22]. *Гуманитарка* белән килгән шәмнәр, киптерелгән ашлар нык коткара [3: 34].

Повесть ахырында автор, укучыга аңлаешлы булсын өчен, яңа сүзләрнең аңлатмаларын белешмә-сүзлек итеп биргән.

Алинә Хәбибуллинаның яшьләр, мәхәббәт, беренче тапкыр гашыйк булу, хыянәт темасына багышланган, студентлар тормышын яктырткан «Чәчләреңдә шомырт исе» повестендагы яңа сүзләрнең кулланылышына игътибар итик. Мәсәлән, *фатирник, гитарник* сүзләре: Бүген яшьләр үзәгендә шигъри кичә – *фатирник* булды [6: 48]. Ярар, *фатирник* башланырга озак калмаган иде инде, әйберләремне җыйдым да әкрен генә өске урамга менеп киттем [6: 48]. Кунакка йөрешеп, *гитарникларга* барып, уртак кызыксынулары барлыгы ачыкланган, шундук бер-берсенә тартылдылар [6: 50].

Автор *фатирник* сүзен кулланганда шигъри кичә дип аңлатмасын да бирә. *Фатирник* – ул татарча квартирник, ягъни, ниндидер бер кысаларга керми, ирекле рәвештә уза торган үзенчәлекле кичә, татар мохитенә җайлашкан, җиңел, колакка ятышлы, заманча сүз, анда үзеңне җылы фатирда дуслар белән очрашуда кебек иркен хис итәсең. *Гитарник* сүзе *фатирникның* бер төре буларак кулланылган: гитара чиртеп, дуслар белән җыелып җырлашып, шигырьләр укып, тәмле чәй эчеп, аралашып утыру, элеккеге әби-бабаларыбыздан калган аулак өй күренешен хәтерләтә. Автор студентлар тормышының күңелле ягын, яшьлекнең матурлыгын, беренче саф хисләрне шушы сүзләр аша ачкан да салган. Әлеге сүзләрдә искиткеч романтика чагылыш таба, үзенә күрә бертөрле җылылык бөркелеп тора.

Неологизмнар телнең җанлылыгын, һәрвакыт үсеш-үзгәрештә булуын күрсәтеп тора, җәмгыятьтәге үзгәрешләрне чагылдырырга мөмкинлек бирә. Яңа сүзләр кешеләргә үз фикерләрен тәэсирлерәк, нәтиҗәлерәк белдерергә ярдәм итә. Әдәби әсәрләрдә неологизмнарны кулланып, язучылар үзләре тасвирлаган мохитне, андагы вакыйгаларны, күренешләрне, геройларының характерларын тагын да ныграк ачуга, тәэсирлерәк, үтемлерәк, отышлырак итеп укучыга җиткерүгә ирешәләр. Нәтиҗә ясап әйтсәк, соңгы биш елда татар телендә барлыкка килгән яңа сүзләр илдә һәм дөньяда барган вакыйгалар нәтиҗәсе булып тора. Тел – тормышыбызның көзгесе дип юкка гына әйтмиләр. Анда барлыкка килгән яңа сүзләр вакыт узу белән үзенең яңалыгын югалта һәм телнең актив сүзлек запасына керә.

ӘДӘБИЯТ

1. Словарь неологизмов. Неологизмы XXI века. URL: https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovarneologizmov.html?ysclid=m6exgfytig734046053https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovar-neologizmov.html?ysclid=m6exgfytig734046053 Электронная версия.

2. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki

3. Закирова Г.Р. Энекәш. Повесть, хикәяләр. Казан, 2025. 160 б.

4. Зиннатуллина Г.Ф. Сравнительно-историческое исследование словарного состава художественных произведений Гаяза Исхаки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12. Ч. 2. 2015. С. 78–80.

5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. II т. Казан, 1979. 728 б.

6. Хәбибуллина А.А. Чәчләреңдә шомырт исе. Әлмәт, 2024. 176 б.

УДК 811.512.157’272:392.3+81’26:316.356.2

Иванова Нина Иннокентьевна
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук
Якутск, Россия
Ivanova Nina Innokentievna
Institute for Humanitarian Research and Problems
of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
haar-haar@mail.ru

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ САХА И РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

ETHNOLINGUISTIC IDENTITY OF SAKHA AND RUSSIAN YOUTH: A CROSS-CULTURAL ASPECT

Аннотация. *Тезис кросс-культурного исследования заключается в том, что родной язык молодежи саха и русской молодежи признается как наиболее значимая ценность; содержание языковых установок обусловлено степенью языковой витальности языков; существует прямая корреляция якутско-русского билингвизма и паритетного билингвизма; прогнозируется сокращение ресурсов паритетности билингвизма.*

Annotation. The thesis of the k-cultural study is that the native language of the Srossakh and the Russian tradition are recognized as the most significant value; the content of language attitudes is determined by the degree of linguistic vitality of languages; There is a direct correlation between Yakut-Russian bilingualism and parity bilingualism; a reduction in the resources of parity bilingualism is predicted.

Ключевые слова: *кросс-культурное исследование; этноязыковая идентичность, языковые установки; молодежь саха; русская молодежь; билингвизм; паритетный билингвизм*

Keywords*: cross-cultural research; ethnolinguistic identity, language attitudes; Sakha youth; Russian youth; bilingualism; parity bilingualism*

Исследования языковых практик и языковых установок молодежи прежде всего актуальны своей лингвопрогностической составляющей и достаточно широко представлены в научной литературе в социолингвистическом, социологическом фокусах [1; 2; 3; 4; 6; 7].

Данная статья посвящена исследованию основных показателей этноязыковой идентичности, в т. ч. языковых установок [5] русской и якутской молодежи с целью установления общего и различного в обеих этнических общностях, отличающихся этнической принадлежностью и степенью урбанизированности. Население г. Якутска, столицы республики Саха (Якутия), полиэтнично, поликультурно, полиязычно; в целом моноэтничный Таттинский улус (по состоянию на 1.01.2023 проживает 16858 чел.[1], в т. ч.

[1] Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): статистический сборник / редкол.: И.К. Гаевая (пред.), И.И. Батожергалова, В.А. Константинова. Якутск: Тип. СМИК, 2023. С. 55.

95,2% саха) являет собой значимый ресурс духовной и материальной культуры саха. При этом показатели этноязыковой идентичности и языковые установки представляют материал для описания ценностей и речевого поведения носителей взаимодействующих языков, а содержание континуума отражает состояние и способствует проектированию будущего.

Для атрибуции языковых практик и языковых установок молодежи эмпирической базой исследования послужили: выборка молодежной когорты 16–35 лет (N=115) из массива опроса, проведенного в 2024 г. в г. Якутске[1]; выборка молодежи саха (N=120), из социолингвистического опроса, пров веденного в 2022 г. в Таттинском улусе Республики Саха (Якутия)[2]. В выборку Таттинского улуса вошли ответы молодежи саха, проживающей в сс. Ытык-Кюель и Кыйы. Для сопоставления используются итоги опросов, проводившиеся методом анкетирования среди этнических общностей саха и русских в 2022, 2024 годах. В данном исследовании используется выборка ответов молодежи от 16 до 35 лет (N=235).

Гипотеза исследования заключается в предположении о стабильном состоянии национально-языковых отношений между представителями русской молодежи и молодежи саха по следующим основаниям: 1) этнодемографическому – существенное сокращение доли русской этнической общности в г. Якутске в межпереписной период 2010–2020 гг. с 38,4% до 26,4% в противовес существенному притоку саха в результате сельско-городской миграции и составившему долю в этнической структуре с 47,4% до 59,2%; 2) этнополитическому – в то же время усиленная правовая поддержка русского языка (утверждение Правительством РФ ФЦП «Русский язык» на 2001–2005 гг. (1996 г.) и т. д.[3]), что обосновывается сложным социокультурным самочувствием русского народа, неудовлетворенностью его этнокультурных потребностей и, наконец, официальный указ В.В. Путина о признании русского народа государствообразующим в России, не могут не влиять на национальное самосознание, этноязыковое самочувствие русского населения, тем самым компенсируя их численное сокращение.

Саха и русская общности показали высокие показатели языковой самоидентификации, при этом данные, полученные у всех опрошенных саха и русских, проецируются на молодежную выборку, что говорит об однородности данного показателя в этнической общности (табл. 1).

---

[1] Выполнен в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Этноязыковое самочувствие русской этнической общности в Республике Саха (Якутия)»;

[2] Выполнен в рамках реализации проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» по мегагранту правительства Российской Федерации № 075-15-2021-616;

[3] Постановление Правительства РФ от 23.07.1996 г. № 881 Об утверждении федеральной целевой программы «Русский язык»; Постановление Правительства РФ от 31.12.1997 г. № 1674 «О Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации»; Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)»; Указ Президента РФ от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики в Российской Федерации в области исторического просвещения».

Таблица 1. Показатели языковой самоидентификации среди саха и русских (2022, 2024 гг.)

Родной язык	Все опрошенные саха в Таттинском улусе	Молодежь саха в Таттинском улусе	Все опрошенные русские в г. Якутске	Русская молодежь в г. Якутске
Якутский язык	95,3	94,3	–	–
Русский язык	–	–	98,2	100
Якутский и русский языки	4	5,6	1,7	–

Уровень владения родным (этническим) языком у всех опрошенных саха и молодежи саха незначительно отличается, случаи пассивного владения более выражены у молодых. Уровень свободного владения русским языком ниже, чем родным приблизительно на 20%, при этом он выше у молодежи, что говорит о продолжающихся тенденциях билингвизма (табл. 2), что вписывается в типологию регионального якутско-русского билингвизма в этнически гомогенных якутских общностях. К сравнению, у саха, проживающих в г. Якутске, свободное владение русским языком обнаружено у 88,6%.

Таблица 2. Показатели уровня владения родным (этническим) и русским языками среди саха в Таттинском улусе (2022 г.)

Уровни владения	Все опрошенные саха в Таттинском улусе		Молодежь саха в Таттинском улусе	
	языком саха	русским языком	языком саха	русским языком
Свободно говорю, читаю, пишу	95,3	69,7	92,9	74,6
Говорю, читаю, но не пишу	1,3	5,3	1,4	2,8
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	2,6	1,4	2,8
Говорю с затруднениями	1,3	17,4	2,8	14
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	–	4,6	1,4	5,6

Русская языковая компетенция свойственна практически всем опрошенным русским независимо от возраста, якутская – имеет градацию, включающую уровни «говорю с затруднениями» (4,2%), «понимаю общий смысл сказанного, но не говорю» (24,7%), которая выражена и у русской молодежи, но в меньшей степени: 3,7% и 15% соответственно (табл. 3).

Таблица 3. Показатели уровня владения родным (этническим) и якутским языками среди русских в г. Якутске (2024 г.)

Уровни владения	Все опрошенные русские в г. Якутске		Русская молодежь в г. Якутске	
	Русским Языком	языком саха	Русским языком	языком саха
Свободно говорю, читаю, пишу	98,2	0,8	98,1	–
Говорю, читаю, но не пишу	–	0,8	–	–
Говорю, но не читаю и не пишу	–	–	–	–
Говорю с затруднениями	–	4,2	1,8	3,7
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	–	24,7	–	15
Не владею	0,8	69,2	–	81,1

Таким образом, включенность в якутскую языковую компетенцию, как исторически обусловленный региональный интегрирующий фактор, снижается у русской молодежи. Однако, необходимо отметить, что приобретение разговорных навыков в контактном языке происходит в течение всей жизни, и часть русской молодежи, вероятно, повысит свой уровень владения якутским языком. С другой стороны, снижающаяся в последнее время якутская языковая компетенция молодежи и детей саха, может снизить мотивацию русской молодежи. И поэтому сегодня важно зафиксировать языковые установки в изучении языков (табл. 4).

Таблица 4. Установки на изучение и использование языков (г. Якутск, 2024; Таттинский улус,2022 г. в %)

Родной язык	Все опрошенные саха в Таттинском улусе	Молодежь саха в Таттинском улусе	Все опрошенные русские в г. Якутске	Русская молодежь в г. Якутске
Русский язык	19,7	14	19,2	51,4
Якутский язык	29	39,4	30	22,8
Иностранный (европейский) язык	36	30,9	40,7	64,2
Иностранный (восточный) язык	17,1	15,4	9	30

Интерес к изучению иностранных языков высок, он доминирует во всех опрошенных группах, кроме якутской молодежи; приоритеты последних заключаются в изучении и использовании (совершенствовании использования) в повседневной жизни родного якутского языка. При этом русский язык также выделяется в приоритетах русской молодежи (51,4%). Практически единое мнение по поводу использования русского (19,7 и 19,2%%) и якутского языков (29 и 30%%) прослеживается у всех опрошенных, как у саха в Таттинском, так и у русских в г. Якутске. И 22,8% русской молодежи привлекает якутский язык – т. е. при создании условий в виде курсов, предоставлении иных образовательных услуг, скорее всего бесплатных, более 1/5 могут в будущем иметь якутскую коммуникативную компетенцию.

Известно, что высокая языковая компетенция положительно коррелирует с мышлением на родном языке. Однако по данным опроса в 2014 г., несмотря на высокий уровень владения родным языком, лишь 49,6% саха в г. Якутске ответили, что думают на якутском или преимущественно на якутском языке, при этом респондентам молодого и среднего возраста привычнее было думать на обоих языках, а старшему поколению было характерно мышление на родном языке. В данном контексте приведем данные по Таттинскому улусу.

Таблица 5. Язык мышления саха в Таттинском улусе (2022 г., в %)

Родной язык	Все опрошенные саха в Таттинском улусе	Молодежь саха в Таттинском улусе
Якутский язык	73	40,5
Русский язык	6	8
Якутский и русский языки	32	43,2

* в совокупности ответов «на якутском языке» и «преимущественно на якутском языке», «на русском языке» и «преимущественно на русском языке».

Способность мыслить на обоих (русском и якутском) языках указывает на то, что преобладающая часть молодежи саха даже в сельской местности имеет координативный тип билингвизма.

Этнодемографический дисбаланс в численности наиболее крупных народов республики, вероятнее всего, должен отразиться в атрибуциях языкового состояния в республике. Распределение мнения респондентов о проблемах состояния языков весьма предсказуемо, характеризуется различной степенью уязвимости языков – по отношению к русскому языку в ответах русских респондентов оно существенно касается культурно-речевого аспекта, много ответов об отсутствии проблем; по отношению к якутскому языку – более значительных сдвигов в базисных показателях этноязыковой идентичности таких, как проблемы межпоколенной трансляции этнического языка детям и молодежи, что усложняет в целом культурную трансмиссию, сужение сферы применения языка и проблем, указанной в таблице 6, имеющих отношение к многообразию нарушений норм литературного якутского языка.

Таблица 6. Распределение ответов об имеющихся проблемах русского и якутского языков в Республике Саха (Якутия) (г, Якутск, Таттинский улус)

Проблемы языков	Русская молодежь г. Якутска о русском языке	Молодежь саха Таттинского улуса о якутском языке
Массовое использование ненормативной лексики (уголовной, бранной)	24,2	–
Массовое снижение речевой культуры	20	–
Сужение среды употребления	10	53,5
Массовое употребление заимствований из английского языка	8,5	–
Массовое употребление заимствований из русского языка	–	50,7
Дети не говорят на якутском языке	–	66,1
Многие говорят неправильно на якутском языке	–	42,2
Молодежь не говорит на родном якутском языке	–	25,3
Проблем нет	20	5,6
Затрудняюсь ответить	15,7	7

В целом, сопоставление данных в таблице отражает «уязвимое» состояние якутского языка, предопределенное 3, 5, 6, 7 и 8 позициями в таблице 6 и в целом благополучное состояние русского языка.

Когнитивный компонент в установках молодежи в целом устойчив, формируется в лоне родного языка и билингвальных аттракций. Сегодня в гомогенной этнической среде посредством внешних социокультурных трансляций генерируются двуязычные компетенции.

Аффективный компонент языковых установок представлен переменной, диагностирующей национально-языковые отношения – вопрос об оценке будущего родного (этнического) языка в кросс-культурном контексте (табл. 7).

Таблица 7. Как Вы оцениваете будущее языка своей национальности в РС(Я)? (г. Якутск, Таттинский улус, в %)

Оценки	Русская молодежь	Молодежь саха
Уверенно	47,1	22,5
С тревогой	12,8	33,8
С отчаянием	7,1	11,2
Затрудняюсь ответить	32,8	32,3

Опыт автора в кросс-культурных исследованиях саха и русских в республике в различных аспектах позволяет предположить, что несколько высокий для русских уровень тревожности и отчаяния за русский язык формируется вследствие сложившегося этнодемографического баланса в республике, о чем было сказано выше. В разрезе возрастного параметра доля уверенных среди русского населения выглядит следующим образом:

Таблица 8. Распределение по возрасту русских респондентов, уверенных в языковом благополучии русского языка (г. Якутск, 2024 г., в %)

	17–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	50–60 лет	старше 60 лет
Уверенно	36,5	9,8	35,5	14,2	4

Конативный (поведенческий) компонент недостаточно выражен у обеих этнических групп, при этом распределение видов деятельности неравномерное: если русская молодежь вовлечена в организованную публичную деятельность, то у саха она замещается семейной, культурной, либо не реализуется вовсе: «Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моей культуры необходима» (23,9%) (табл. 9). Возможно, молодые люди, проживающие в исторически сложившейся ситуации Таттинского улуса, заряженной сильными этноязыковыми, этнокультурными процессами, участвуют в них, не осознавая иного образа жизни.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Какие действия Вы лично предпринимаете для поддержки языка и культуры своего народа?» (г. Якутск, Таттинский улус, в %)

	Русская молодежь	Молодежь саха
Затрудняюсь ответить	51,4	26,7
Непосредственно участвую в различных мероприятиях (конкурсы, смотры самодеятельности, выставки народного творчества, концерты)	20	28,1
Участвую в работе общественных организаций (национально-культурных обществ, центров, любительских объединений, ассоциаций)	17,1	7
Не считаю, что культура моего народа нуждается в поддержке	15,7	1,4
Участвую в политических мероприятиях	12,8	1,4
Стараюсь привлекать внимание общественности к вопросам языка и культуры через средства массовой информации	11,4	
Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моей культуры необходима	10	23,9
Воспитываю своих детей в любви к родному языку и культуре	10	25,7
Обращаюсь в органы государственной власти, местного самоуправления	5,7	–

Таким образом, кросс-культурный подход в исследовании этноязыковой идентичности молодежи саха и русской молодежи, осложненном степенью урбанизации, выявил общее и различное в отношении в обеих этнических общностях. Когнитивный компонент достаточно выражен у обеих молодежных групп: основные показатели этноязыковой идентичности высоки; ценностное отношение к родному языку как к национально-культурному явлению, установлено у представителей обеих этнических групп, при этом у саха более выражены. Между тем, дальнейшее развитие якутско-русского билингвизма отражается в этноязыковых процессах снижением паритетного билингвизма ввиду снижения вовлеченности русской молодежи в якутскую языковую компетенцию. Аффективный компонент содержания языковых установок обеих этнических общностей обусловлено степенью языковой витальности языков – «уязвимым» состоянием якутского языка и в целом благополучным состоянием русского языка, подтверждающей нашу гипотезу о решающей роли государственной поддержки. Включенность иностранных языков в языковой репертуар молодежи, видимо, также снижает поведенческий компонент языковых установок – активные интенции по продвижению этнических языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Язык в региональных моделях национальной политики современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 100–114.

2. Габдрахманова Г.Ф. Национально-гражданская, региональная и этническая идентичности русской и татарской молодежи Республики Татарстан // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 69–76.

3. Денисова А.В. Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгеи, Калмыкии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № 1S. С. 153–158.

4. Дырхеева Г.А., Хилханова Э.В. Языковые установки молодежи Бурятии: система образования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 218–224.

5. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2022. 284 с.

6. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодёжи Арктики // Социологические исследования. 2015. №5. С. 139–144.

7. Попова А.Г. Молодежь народов Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. №1(1). С. 26–31.

8. Садыкова Р.Р. Языковые установки молодежи // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция «Казанские социологические чтения», Казань, 18–19 мая 2023 г.: сборник научных трудов. Казань, 2023. С. 309–317.

УДК 811.512

Идиятуллина Алия Илдус кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Идиятуллина Алия Илдусовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Idiyatullina Aliya Ildusovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: aliya1311@mail.ru

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ТӨС АТАМАЛАРЫН ӨЙРӘНҮ
ИЗУЧЕНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
STUDYING COLOR DESIGNATIONS IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *Цвет – это не просто визуальное восприятие, но и неотъемлемая часть культуры, отражающая мировоззрение народа, его историю и традиции. Изучение цветовой лексики любого языка, в том числе и татарского, позволяет глубже понять менталитет его носителей, их восприятие мира и особенности мышления. История исследования цветовой терминологии татарского языка – это увлекательный путь от первых, зачастую интуитивных, наблюдений до систематических научных изысканий. Несмотря на значимость этой лексической группы, история ее изучения в татарском языкознании до сих пор не получила должного освещения. Настоящая статья ставит своей целью проследить основные этапы исследования цветообозначений в татарском языке. В статье будут рассмотрены труды ученых, внесших вклад в изучение данной проблематики, проанализированы особенности цветоупотребления в диалектах татарского языка, также обозначена актуальность изучения терминов цветообозначения в диалектологическом аспекте.*

Annotation. *Color is not just a visual perception, but also an integral part of culture, reflecting the worldview of the people, their history and traditions. Studying the color vocabulary of any language, including Tatar, allows you to better understand the mentality of its speakers, their perception of the world and the peculiarities of thinking. The history of the research of the color terminology of the Tatar language is a fascinating path from the first, often intuitive, observations to systematic scientific research. Despite the importance of this lexical group, the history of its study in Tatar linguistics has not yet received adequate coverage. This article aims to trace the main stages of the study of color meanings in the Tatar language. The article will review the works of scientists who have contributed to the study of this issue, analyze the features of color use in the dialects of the Tatar language, and highlight the relevance of studying color terms in the dialectological aspect.*

Ключевые слова: *цветовая лексика, татарский язык, история изучения, диалектная лексика*

Keywords: *color vocabulary, tatar language, history of learning, dialect vocabulary*

Төс феномены, төсне кабул итү төрле фән өлкәләре вәкилләренең игътибарын күптәннән җәлеп иткән. Татар телендәге төс атамаларын өйрәнү тарихы тел белеменең мөһим юнәлешләренең берсе булып тора. Төсләр

лексикасы халыкның мәдәни һәм тарихи аспектлары белән тыгыз бәйләнгән. Тел белемендә төс визуаль характеристикаларны бирүдән тыш, символика һәм мәдәни ассоциацияләрне дә үз эченә ала. Әлеге лексик төркемнең әһәмияте зур булса да, аны өйрәнү тарихы татар тел белемендә әлегә кадәр тиешенчә яктыртылмаган. Бу мәкаләдә төс атамаларын өйрәнгән, анализланган фәнни хезмәтләрнең эчтәлегенә анализ һәм шушы проблематикага бәйле эшләргә күзәтү ясала. Шулай ук төс категориясенә бәйле диалекталь лексиканы өйрәнү әһәмияте ачыклана.

Бу өлкәдәге тикшеренүләр телнең үзенчәлекләрен ачыклау белән беррәттән, татар халкының табигать белән бәйләнешен, аның дөньяга карашын аңларга ярдәм итә. Хәзерге чорда татар тел белемендә төс атамаларын өйрәнү өлкәсендәге фәнни эшчәнлек берникадәр активлаша бара. Аерым өлкә лексикасын системалы тикшерү хәзерге татар тел белеменең мөһим юнәлешләреннән берсе булып тора. Аш-су, кием-салым, кош-корт, үсемлек атамаларын анализлаган хезмәтләр күп булуга карамастан, төскә бәйле терминнарны өйрәнүгә караган фәнни эшләр аз санлы.

Татар телендә төс төшенчәләре һәм категорияләре турыдан-туры телгә алынган беренче тикшеренү эшләреннән берсе Х.Р. Курбатовның 1976 елда басылган «Халык җырлары поэтикасы» мәкаләсен атарга була [2]. Монда автор татар һәм чуаш халыкларындагы сары төс семантикасын чагыштыра.

Күренекле татар галимәсе Ф.С. Сафиуллина татар сүзләренең этимологиясен тикшереп, кызыл «красный» төсенең килеп чыгышына да мөрәҗәгать итә. Автор «кызыл» сүзенең башта ут дигәнне аңлатуын, ә соңрак колоратив буларак кулланыла башлавын күрсәтә [3: 25]. Шунысын да билгеләп үтәргә кирәк, бу хезмәтләр татар теленең төсләрне фәнни яктан тикшерүнең беренче омтылышы булып тора.

Төс атамаларын өйрәнү татар телендә төрле телләр белән чагыштыру яссылыгында карала. Әлеге юнәлештә берничә авторның исемнәрен әйтеп китәргә кирәк. Мәсәлән, Л.А. Усмановаңың «Функциональные особенности цветообозначений в русском и татарском языках (на материале языка художественных произведений)» мәкаләсендә төрле структуралы телләрне чагыштырып өйрәнү мисалы буларак, XX гасыр башы татар һәм рус әдәбиятында кызыл төс билгеләренең функциональ үзенчәлекләре карала. Г.З. Габбасова «Цветообозначение в татарской художественной речи» фәнни мәкаләсендә татар әдәбиятында төс категорияләренең һәм атамаларының ролен анализлый [5: 166].

Р.М. Фәхретдиновның «Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках» мәкаләсе француз һәм татар телләрендәге төсләрне билгеләүнең төрле ысуллары белән бәйле лингвистик проблемаларга, шул исәптән ат төсе атамаларын анализлауга багышланган.

А.Ф. Ситдикованың «Когнитивное исследование цветового пространства в татарском языке» исемле кандидатлык диссертациясендә беренче тапкыр татар телендә «төс» концептының комплексы когнитив анализын үткәрә һәм аның лексик-семантик һәм лингвокультурологик үзенчәлекләре билгели. Шулай ук тел материалын һәрьяклап тикшерү нигезендә төзелгән төс билгеләренең структур-концептуаль моделен эшли, диссертациядә әлеге модель структурасы «ак» төсе мисалында тәкъдим ителә [4: 6].

Татар тел белемендә тематик төркемнәрне өйрәнүнең бай тарихына карамастан, татар теленең колористик системасын комплексы тикшерүгә багышланган махсус эшләр юк, шулай ук төс атамаларының диалекталь үзенчәлекләрен өйрәнүгә багышланган хезмәтләр дә юк дәрәҗәдә.

Диалектлардагы төс атамаларына бәйле материалларын анализлау әлеге тематик төркемгә караган лексемаларның семантикасының байлыгын һәм күпкырлыгын күрсәтә. Мәсәлән, диалекталь материаллар татар гомумхалык телендә зәңгәр төсне билгеләүдәге бай төсмерләрне һәм нюансларны ачыкларга мөмкинлек бирә. Шунысы кызыклы, татар телендә «зәңгәр» һәм «күк» арасында төгәл аерма билгеләү катлаулы. Чөнки спектрның бу төсен «зәңгәр» лексемасы белән билгелиләр, шулай ук зәңгәр төс өчен «күк» дигән атама да бар. Әмма аның кулланылышы сирәгрәк, чөнки аның төп һәм иң еш кулланыла торган мәгънәсе – «күк» (небо). Шулай итеп, бу сүзнең турырак тәрҗемәсе «күк төсле» булыр иде, ә күк, билгеле булганча, һава торышына карап, төрле зәңгәр төсмерләренә ия була ала [7: 33].

Диалекталь материалларны анализлау, зәңгәр төсне билгеләүдәге «зәңгәр/күк» оппозициясенә һәрвакыт туры килеп бетми торган бай төсмерләрне һәм нюансларны ачыкларга мөмкинлек бирә. Мәсәлән, *чалка* «аксыл күк» (светло-синий; сиво-чалый), *сур* «соры-зәңгәр» (серо-синий), *күмкә* «зәңгәр, куе зәңгәр – күзләр турында» (синий – о глазах), *кубрай* «куе зәңгәр» (кубовый, густо-синий), *күкчел* «күгелҗем» (синеватый, голубоватый) һ. б.

Күрсәтелгән мисаллар татар диалектларында зәңгәр спектрының төрле төсмерләрен билгеләү өчен, еш кына төрле ясалма конструкцияләр яки махсус терминнар аша бирелгән элементлардан торган төс атамаларының катлаулы системасы бар икәнен ачыклый.

Татар диалектларында төс атамаларын өйрәнү, телнең коммуникация чарасы гына түгел, дөньяны тануның уникаль коралы булуын күрсәтә. Татар төсләрен аңлату системасы, башка телләр белән контактта булып, үзенчәлеген саклый, аеруча зәңгәр спектрының нюансларында, бу диалект лексикасының символик байлыгында күренә.

Шулай итеп, татар телендәге төс атамаларның өйрәнелү тарихы күпкырлы һәм бай булуы ачыкланды. Лексикологик, семантик, этимологик аспектлардагы тикшеренүләр байтак булса да, диалектологик яктан бу өлкә әлегә җитәрлек дәрәҗәдә өйрәнелмәгән. Татар теленең диалектларындагы төсне билгеләүче сүзләрне җыю, системалаштыру һәм анализлау киләчәктәге тикшеренүләр өчен мөһим бурыч булып тора. Бу эш татар теленең лексик байлыгын тулырак ачуга, диалектларның үзенчәлекләрен ачыклауга һәм гомумән, татар халкының мәдәни мирасын саклауга ярдәм итәчәк.

ӘДӘБИЯТ

1. Габбасова Г.З. Цветообозначение в татарской художественной речи // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы регион. науч.-практ. конф. Бирск: БирГПИ, 2005. Вып. 2. С. 23–28.

2. Курбатов Х.Р. Халык җырларының поэтикасы // Татар теле һәм әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. Вып. 5. Б. 294.

3. Сафиуллина Ф.С. Башы бер, мәгънәсе мең... // Тел дигән дәрья бар... Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 136 б.

4. Ситдыкова А.Ф. Когнитивное исследование цветового пространства в татарском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Казань. 2013. 22 с.

5. Ситдыкова А.Ф. К вопросу определения базового концепта «төс» и его семантического поля на примере цветообозначений в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 163–168.

6. Усманова Л.А. Функциональные особенности цветообозначений в русском и татарском языках (на материале языка художественных произведений) // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 182–186.

7. Фахретдинов Р.М. Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках // Казанский лингвистический журнал. 2018. № 3. С. 31–41.

УДК 811.512.

Кадирова Энҗе Хәнәфи кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Кадирова Энзе Ханафиевна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Kadirova Enze Khanafievna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: enge@inbox.ru

XV–XVI ГАСЫРЛАР ИСКЕ ТАТАР ЯЗМА ӘДӘБИ ТЕЛЕНДӘ АКЫЛ ЭШЧӘНЛЕГЕН БЕЛДЕРӘ ТОРГАН ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

ПРИМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ УМСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТАРОТАТАРСКОМ ПИСЬМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XV–XVI ВЕКОВ

THE USE OF VERBS EXPRESSING MENTAL ACTIVITY IN THE OLD TATAR WRITTEN LITERARY LANGUAGE OF THE 15TH–16TH CENTURIES

Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел № 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе ярдәмендә әзерләнде

Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024

Аннотация. *Глагол занимает центральное место в лексической системе татарского языка. Изучения глагола в функциональном аспекте помогает раскрыть семантические закономерности и их способы употребления в тексте.* Целью данной статьи является выявление семантики глаголов, выражающих умственную деятельность в старотатарском письменном литературном языке *XV–XVI веков. Особенно мало изучены памятники средних веков, что делает данное исследование актуальным и необходимым.*

Annotation. *The verb occupies a central place in the lexical system of the Tatar language. The purpose of the article is to identify the semantics of verbs expressing mental activity in the Old Tatar written literary language of the 15th–16th centuries. Monuments of the Middle Ages have been studied especially little, which makes this study relevant and necessary. Studying the verb in the functional aspect helps to reveal semantic patterns and their methods of use in the text.*

Ключевые слова: *Татарский язык, старотатарский язык, глагол, Казанское ханство, семантические классы лексики*

Keywords: *Tatar language, Old Tatar language, verb, Kazan Khanate, semantic classes of vocabulary*

Текстны аның составындагы лексемалар күзлегеннән өйрәнү әсәрнең мәгънәсен җентекле аңларга мөмкинлек бирә. Урта гасыр истәлекләре бу юнәлештә аеруча аз өйрәнелгән булуы хезмәтнең актуальлеген билгели. Тикшеренү объекты сыйфатында фигыльне сайлау очраклы түгел, чөнки функциональ аспектны өйрәнү тел берәмлекләренең семантикасын аңлау һәм билгеләү һәм текстның мәгънәсен ачыклау өчен мөһим. Мәкаләдә Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә теркәлгән әлеге төркемгә караган лексемаларның семантикасы, аларның хәзерге татар әдәби телендә кулланылу үзенчәлекләре ачыклана. Өйрәнү материаллары булып XV–XVI йөзләрдәге иске татар язма истәлекләренең текстлары тора. Тикшеренү өчен Мөхәммәдьяр поэмалары һәм шигыре, Колшәриф, Өмми Камал әсәрләре, «Кыз хикәяте», «Сираҗел-колуб», «Зафәрнамәи вилаяте Казан», «Могҗизнамә» истәлекләре текстларыннан акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләр сайлап алынды. Анализ вакытында, борынгы төрки чор, урта гасыр сүзлек фондын чагылдырган сүзлекләрдән һәм татар теленең төрле сүзлекләреннән алынган мәгълүматлар кулланылды.

«Татар грамматикасы»нда тәкъдим ителгән классификациядә эш-гамәл фигыльләренең бер төркеме буларак, акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләр карала. Алар а) фикерләү, ә) фикерләү нәтиҗәсен белдерүче, б) гөман итү, в) төрле өлкәләргә караган акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләргә бүленәләр [9: 96].

Акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләрдән Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә *уйлау, төшенү, аңлау, фикер итү, фикер кылу, фикер әйләү, фикер дөшү, әндиша кылу, белү, үгрәтү, тәфәккергә бару* ‘фикерләү, уйлау’ лексемалары очрый.

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләреннән Мөхәммәдьярның «Төхфәи мәрдан» поэмасында, «Сираҗел-колуб» әсәрендә, Өмми Камал иҗатында акыл эшчәнлеген белдерә торган лексемалардан сагын- / сакын- фигыле очрый. Әлеге лексема бу чорда ук күпмәгънәле. *Кем үзүңә ни теләсәң, үзгәгә аны сакын, Йыгълатыб йемә үксүзнүң хәкын* [6: 54]; *Теләген табмагай һәргиз бәд әндиш, һәр ни сагынса – кәлүр үзенә биш* [6: 53]; *Сагынгайлар мөхибби бинәуаны, Дога берлә сәүегдергәйләр аны* [6: 228]; *Һәм бери аның сакынмакдур йима Шул фигыльләрдән кә кемсә энҗене* [12: 336] кебек мисалларда сакын- фигыле ‘уйларны кемгә яки нәрсәгә дә булса юнәлдерү, уй йөртү, фикерләү’ мәгънәсендә килә. Алдагы очракта бу лексема

‘алдагы уйлауларының нәтиҗәсеннән туган уйлауны белдерә’ һәм уйлауның объекты булып, дип сүзе белән бәйләнгән исем яки иярчен җөмлә тора: *Өчәгүси булар худ мәгзул китти, Аңа тиб сағынды, үзүнгә йетти* [6: 53]; Андаг сакынгайлар һәркем дә: «Кем бу сурны ялгуз мәнем колакымга өрделәр, булгайлар», – диб [8: 29]. *Атасы андаг сакынур ирде: углум җадулык үгрәнүр диб* [8: 74]. Сакын фигыленең этимологиясенә килгәндә, Дж. Клаусон сак- сүзе ‘уйлау’ яки ‘берәр нәрсә турында уйлау яки борчылу’ дигәнне аңлата, һәм бу фигыльгә юнәлеш кушымчасы өстәлгән дип саный [13: 812]. Борынгы төрки сүзлектә ‘уйлау, санау, нәрсәдер дип белү’ мәгънәсендә saq- формасы теркәлгән [1: 486]. Борынгы бу фигыльнең кайтым юнәлеше кушымчасы алган сакын- формасы урта гасыр әдәбияты ядкәрләрендә дә урын ала [2: 79].

Казан ханлыгы чоры чыганакларында ‘уйларны кемгә яки нәрсәгә дә булса юнәлдерү, уй йөртү, фикерләү’ мәгънәсендә уйла фигыле бары тик Кол Шәрифнең «Кыйссаи Хөбби Хуҗа» әсәрендә очрый: *Ауга чыкган Хөббигә өлеш-бәхеш онутды. Шул пәрәстә ир Хөбби бер мәгънәни уйлады* [3: 46]. «Кыз хикәяте» истәлегендә *Торды йегет, күр, нә дир атасына: «Бер фикер дөшде үгүмә уш йәнә* [4: 50] мисалы бар. Борынгы төрки сүзлектә ö- фигыле белән бәйле берничә сүз күрсәтелгән: ög ‘акыл, уй’; ög- ‘акыл, уй’ «мактау, мактау»; ögä ‘акыл, уй’ «акыллы»; ogälä- ‘акыллы дип атау’; ögdi, ögdü ‘мактау’; ögä ‘зирәк’; ögdüči ‘мактауxs’ h. б. [1: 378–379].

Күпчелек чыганакларда уйлау, сакыну фигыльләренә синоним буларак, фикер лексемасы ярдәмендә ясалган фикер итү, фикер кылу, фикер әйләү, тәфәккергә бару кушма фигыльләре килә: *Анда әйдемсә сүзүми алмадың, Фикер итеб, қолақыңа салмадың* [6: 71]; *Кыз калды анда каты әндишдә, Мәсьәлә фикер идүбән әйтә* [4: 74]; *Тәфәккергә барды, ул заман Җәбраил галәйһиссәлам хәзер булды* [8: 72]; *Хәрамә бакмады һәргиз газабин фикер идүбән тиз Хәлялдән әилде пәрһиз хисабындан хәзәр кыйлды* [12: 288]. Әмма, мисаллардан күренгәнчә, бу фигыльләр кемдер, нәрсәдер турында тирәнтен уйлауны аңлата.

Алдагы «Кыз хикәяте»ннән китерелгән мисалда хәзерге татар телендәге уй сүзе урынына әндиш лексемасы кулланыла, ә «Сираҗел-колуб» әсәрендә уйла- функциясендә әндиша кылу фигыле килә: *Габдулла күрде, әндиша кылды* [8: 74]; *Ул ишәккә менүб, Бабилдин Шамга килүб, бер вайранә әйләде, күңеле берлә әндиша кылды* [8: 71].

«Сираҗел-колуб» әсәрендә күңел белән әйтү гыйбарәсе очрый һәм ул ‘уйлануларга бирелү’ мәгънәсендә килә: *Ул күңеле берлә әйтүр ирде: «ул йүтүрмеш тәвә бәһасене хасил кылдым имди* [8: 79].

Акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләрдән, истәлекләрдә *ö- ‘уйлау’ тамырыннан ясалган *ög [7: 429] лексемасына бәйле, үгрәтү, үгрәнү фонетик вариантларында, өйрәтү, өйрәнү фигыльләре очрый. *Бер доға үгрәтәйем, йегет, сәна. Аны уқуб кер бу сағәт йулыңа* [6: 196]; *Торды, бақты, күрде: ул – җөһүд ирүр, Әйде: «Самит, мәңа иман үгрәт тәйүр* [6: 211].

Атасы андаг сакынур ирде: углум җадулык үгрәнүр диб [8: 74]; *Шаһзадә әйде: «И шаһи җәһан, Бер хәдис үгрәндем ирди ул заман* [6: 208]; *Габдулла бу авазны ишетүб, заһид катыга керде. Катында ултурды тәкый әйде: «Әй, заһид сәнең укыган кәлямеңне үгрәнмәккә килдем,*

мәңа хуш булды кәрәк. Бу көндин соң иртәсе кәчә сәңа килсәм сәнең укуган кәлямеңне үгрәнсәм сәнең динең үзә тәрбияләнсәм [8: 74], *Атам мәне җадулык үгрәнсүн диб йибәрде, мән йалган динне куйуб, ислам динен тутуб, күни йулга кереб, гам үгрәнермән* [8: 74] мисалларында бу лексема ‘фәнни әдәбият укып, тиешле мәгълүмат алу, нинди дә булса белемгә ия булу’ мәгънәсендә килә.

Чыганакларда аңла фигыле бик актив. Мөхәммәдьяр поэмаларында һәм шигырендә ул 43 урында кулланыла. Татар теленең аңлатмалы сүзлегендә бу сүзнең алты мәгънәсе китерелсә [11: 204], аларның күбесе XV–XVI гасыр ядкәрләрендә үк урын ала. Мәсәлән, *Чын мөселман ул булур, аңла йәкин, Кем хәйа берлә бәзәнүр күңле чын* [6: 187]; *Ул хикайәт қылды мәңа тыңлаңыз, Газилар әхуалени хуш аңлаңыз* [6: 194]; мисалларында аңла- лексемасы ‘кемнең, нәрсәнең яки нинди дә булса күренешнең, эш-хәлнең асылын, барлыкка килү сәбәбен, мәгънәсен ачыклау’мәгънәсендә килә.

Әлеге лексеманың чыганакларда очраган башка мәгънәләрен дә санап һәм мисаллар белән раслап китик:

1. *Чөн китабым атыны аңладыңыз, Шаһ догасы сүзләрен тыңладыңыз* [6: 174] – ‘уйлау, күз алдына китерү, күзаллау’ мәгънәсендә.

2. ‘Өйрәнү, уку һәм аңлашу процессында билгеле бер катлаулы нәрсәне аңлау’ мәгънәсендә: *Әйтәйем барчәсыни, хуш тыңлаңыз, Фикер итеб, шаһи ғаләм, аңлаңыз* [6: 180]; *Ғишық берлә сидық сүзен тыңлаңыз, Тәқрир итәйем аны – хуш аңлаңыз* [6: 205]. Мөхәммәдьярның «Нуры содур» поэмасында еш кына бел- фигыле ‘нәрсәнең дә булса асылын, мәгънәсен, эчтәлеген аңлап алу, төшенү’ мәгънәсендә килә һәм аңла-, төшен- лексемаларына синоним була: *Йахшы уқуб мәғнәләрен белеңез, Шаһи ғаләмға доғалар қылыңыз* [6: 176].

3. Берәр нәрсәне белү, ачык итеп күз алдына китерү: *Ул ғәрәбнең йирен, йортын аңлаңыз, Барчәси шурстан ирди, тыңлаңыз* [6: 188].

4. Берәр нәрсәнең, күренешнең һ. б.ш.ларның асылына акыл белән ирешү, сәбәбен аңлау: *Эчеб аның ләззәтени аңлағыл, Мәңа инғам, күб нәмә бағышлағыл* [6: 191].

5. Нәрсәнең дә булса мәгънәсенә, асылына төшенү, эчтәлеген ачыклау. *Ханға қылғай даимән үгүш доға, Мәғнә аңлаб, табса лу сүздин сафа* [6: 223]; *Барчә эшдә сабыр қылғыл, и ғәзиз, Сабыр сүзен аңла, и ғәқлы тәмиз* [6: 198]; *Шаһзадә әйде ул сағәт, ишет, Бу хәдис мәғнәсени аңла, йегет*: [6: 207].

6. Бәяләү, тану (кешене, хезмәтне һ. б.ш.). *Ул вәзирнең сүзен солтан тыңлады, Гақиланә сүзләгәнен аңлады* [6: 200]; *Чөн аның ғақиллығыны белде ул, Мәмләкәтни аңа тәслим қылды ул* [6: 201].

Мөхәммәдьярның «Нуры содур» поэмасында *Нәқел итәйем бер хәдис үзендин уш, Төрк теленчә мәғнәсен аңла хуш* [6: 203]; *Төркү теленчә сидық мәғнәсен белең – Күнилек берлә һәмишә эш қылың* [6: 205] мисалларындагы аңла һәм бел лексемалары мәгънәләре белән бер-берсенә якын торалар һәм икенче бер телдә сөйләгәнне яки чит тел сүзенең эчтәлегенә төшенүне күрсәтәләр.

Аңла- фигыленең йөкләтү юнәлеше мәгънәсен биргән тәкрир ит кушма фигыле Мөхәммәдьярның «Нуры содур» поэмасында кулланыла:

*Ғишық берлә сидық сүзе*н *тыңлаңыз, Тәкрир итәйем аны – хуш аңлаңыз* [6: 205]. Бу очракта автор кабатланмас өчен дә, әлеге лексемага мөрәҗәгать иткән дип уйларга нигез бар.

Бел- фигыленең ‘нәрсә яки кем турында мәгълүматлы булу’ мәгънәсе алдагы мисалда урын ала: *Ул жәзирә тәңиз ичрә ирди, бел, Бөтмеш ирди анда бер тағ, аңлағыл* [6: 219]. Бәеттә бел, аңла сүзләренең мәгънәләре шулай ук якын, ягъни герой тыңлаучыга яңа мәгълүмат хәбәр итә һәм шуны ассызыклый.

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләрнең мәгънәләрен анализлау нәтиҗәсендә алардагы бу төркемгә кергән күпчелек лексик берәмлекләрнең хәзерге татар әдәби телендә кулланылуы ачыкланды. Күп сүзләрнең XV–XVI гасыр чыганаклары текстларындагы мәгънәләре сакланган һәм киңәйгән; сакын- фигыленең семантикасы өлешчә сакланган: Казан ханлыгы чоры язма текстларында әлеге лексема ‘уйларны кемгә яки нәрсәгә дә булса юнәлдерү, уй йөртү, фикерләү’ төшенчәсен бирсә, хәзерге татар телендә сагыну формасында ‘кемне яки нәрсәне дә булса искә төшереп күрәсе килү, юксыну, аның янәшәсендә булырга теләү; тансыклау, күңел теләү’ мәгънәләрендә кулланыла [10: 23]. Ә аның XV–XVI гасырлардагы белдергән семантик функциясен уйлау фигыле үти. Аңла- фигыленең Мөхәммәдьярның «Нуры содур» поэмасында актив кулланылганын ачыкладык. Семантик мәгънәләрнең нечкәлекләрен оста белеп эш итү авторга бу лексеманы еш файдаланырга мөмкинлек бирә.

ӘДӘБИЯТ

1. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.

2. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и Мардан» и «Нур-и Содур»: лексика. Казань: Фикер, 2001. 230 с.

3. Кол Шәриф. И күңел, бу дөньядыр: газәлләр, кыйсса. Казан Татар. кит. нәшр., 1997. 94 б.

4. Кыз хикәяте / төз.-авт.: Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап, 2012. 184 б.

5. Мөхәммәт Әмин Могҗизнамә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 295 б.

6. Мөхәммәдьяр Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.

7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

8. Сиражел-колүб. Казан: Казан ун-ты табгыханәсе, 1903. 126 б.

9. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев. Тулыл. 2 нче басма. Казан: ТӘһСИ, 2016. Т. II. 432 б.

10. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. V т.: С–Т. Казан: ТӘһСИ, 2019. 908 б.

11. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 6 томда. I т. Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр, 2020. 751 б.

12. Фатхтдинов Ф.К. Книга Умми Камала. Өмми Камал китабы (на русском, старотатарском (рукопись, транскрипция рукописи), современном татарском языках). Казань: ИЯЛИ, 2022. 648 с.

13. Clauson G. Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972. P. 988.

УДК 811.512

Кадирова Энҗе Хәнәфи кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Кадирова Энзе Ханафиевна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Kadirova Enze Khanafievna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: enge@inbox.ru

XV–XVI ГАСЫР ИСКЕ ТАТАР ЯЗМА ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ ФИЗИОЛОГИК ХАЛӘТНЕ БЕЛДЕРӘ ТОРГАН ФИГЫЛЬЛӘРНЕҢ ФУНКЦИОНАЛЬ СЕМАНТИКАСЫ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ XV–XVI ВЕКОВ

FUNCTIONAL SEMANTICS OF VERBS OF PHYSIOLOGICAL STATE IN THE OLD TATAR WRITTEN MONUMENTS OF THE 15TH–16TH CENTURIES

Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел № 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе ярдәмендә әзерләнде

Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024

Аннотация. *В данной статье рассматриваются лексико-семантические группы глаголов физиологического состояния в текстах старотатарских памятников периода Казанского ханства. Наиболее распространенными по семантике являются глаголы, передающие физиологические состояния болезни, усталости, жажды, сна, которые имеют различную сочетаемость. Анализ языкового материала показывает, что большая часть выявленных в письменных памятниках старотатарского языка XV–XVI вв. глаголов сохранилась в современной татарской лексике.*

Annotation. *This article examines the lexical and semantic groups of verbs of physiological state in the texts of Old Tatar monuments of the Kazan Khanate period. The most common in semantics are verbs conveying physiological states of illness, fatigue, thirst, sleep, which have different combinability. Analysis of the language material shows that most of the verbs identified in the written monuments of the Old Tatar language of the 15th–16th centuries have been preserved in modern Tatar vocabulary.*

Ключевые слова: *татарский язык, старотатарский язык, глагол, семантика, глаголы физиологического состояния*

Keywords: *Tatar language, Old Tatar language, verb, semantics, verbs of physiological state*

Фигыльләрне мәгънәләре буенча төрле төркемләүдә төрле фикерләр бар. Күпчелек классификацияләрдә алар, төп мәгънәләреннән чыгып, эшгамәл һәм хәл-торыш фиыльләренә аерыла. Хәл-торыш фигыльләренә яшәешне, сыйфат ягынан хәл-торышны, аның барлыкка килүен, социаль хәл-торышны, эмоциональ халәтне, хис-кичерешне, физиологик халәтне белдерә торган фигыльләр керә [10: 99]. Татар әдәби телендә хәл-торыш фигыльләрен өйрәнгән аерым мәкаләләр басылса да [14; 2], иске татар телендә бу төркем фигыльләрнең семантикасына багышланган фәнни хезмәтләр хәзергә юк.

Тел белемендә тел берәмлекләрен функциональ аспектта өйрәнү актуаль. Фигыль телнең лексик системасында үзәк урынны алып тора, әдәби текстта мөһим роль уйный. Хәл-торыш фигыльләре субъект белән чикләнгән процессларны, субъектка хас халәтне, аның вакыт эчендә агышын белдерәләр [10: 93]. Аны функциональ юнәлештә өйрәнү текстта һәм сөйләмдә фигыльләр куллануның семантик закончалыкларын һәм ысулларын ачарга ярдәм итә.

Ф.М. Лельхова ханты телендә физиологик халәт фигыльләрен тикшереп, аларны түбәндәге лексик-семантик төркемнәргә бүлә:

1. Авыру халәтендә булуны белдерүче фигыльләр;
2. Сәламәтләнү, савыгу, терелүнең гомуми мәгънәсен белдерүче фигыльләр;
3. Йокы, ярым йокы хәлендә булуны белдерүче фигыльләр;
4. Уяну, йокыдан уяну, җанлану мәгънәсен белдерүче фигыльләр;
5. Тәненә суык үтү, салкынның тәнгә чамадан артык тәэсир итүен тою мәгънәсен белдерүче фигыльләр;
6. Арыганлык, талчыкканлык, алҗыганлык мәгънәсен белдерүче фигыльләр;
7. Үлгәннән соң тормышка кайту, терелү мәгънәсен белдерүче фигыльләр;
8. Карындагы баланы күтәрүче хатын-кызның физиологик халәтен белдерүче фигыльләр;
9. Сусау, ачлык халәтендә булуны белдерүче фигыльләр;
10. Исерү халәтенә килүне белдерүче фигыльләр;
11. Көтелмәгән яки уңайсыз шартлар йогынтысында хәрәкәтләнә алмау халәтенә килүне белдерүче фигыльләр;
12. Нинди дә булса мәгълүматны, тәэсирне истә тотуны югалту мәгънәсен белдерүче фигыльләр [6: 30–35].

«Татар грамматикасы» авторлары физиологик халәтне белдерә торган фигыльләрне төркемнәргә бүлми генә санап чыгалар. Бу группага түбәндәге лексемаларны теркиләр: җәфа чигү, азаплану, йоклау, уяну, карын ачу, ис тию, ару, тынычлану, сусау, теләү, тазару, ябыгу, сәламәтләнү, суык тию, авыру, туңу, туңдыру, өшү, өшетү, калтырану, дерелдәү, эч кату, тын бетү, сулыш кысылу, эсселәү, кычыттыру, кымыржып тору, чәнчеп китү, чәнчеп алу, чемердәп тору, аяк ою, баш кату, баш чатнау, колак чыңлау, сулкылдау, әрнү, әчетү, әчеттерү, сызлау, чемету, күңел болгану, хәлсезләнү һ. б. [10: 99].

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә физиологик халәтне белдерә торган фигыльләрнең саны чикле булу сәбәпле, без аларны төркемләргә бүлми генә карауны кулай күрдек.

‘Физик көч, егәр бетү; хәлсезләнү’, ягъни арыганлык, талчыккан-лык, алҗыганлык мәгънәсен белдерүче фигыльләр арасында иске татар язма истәлекләрендә ару лексемасы еш очрый. Ул ‘ару, талчыгу, хәл-сезләнү’ мәгънәләрендә борынгы төрки истәлекләрдә, «Әт төхфәт әз зәкийә фил-лөгат әт-төркийә» истәлегендә, Ибне Мөханна, Әбу Хаян сүзлекләрендә, Сәйф Сараиның «Гөлстан», Котбның «Хөсрәү вә Ши-рин», Мәхмүт Болгариның «Нәһҗел-фәрадис» әсәрләрендә урын ала [12: 60]. Казан ханлыгы чоры язма чыганакларында ару фигыле Мөхәммәдь-ярың «Төхфәи мәрдан», «Нуры содур» поэмаларында кулланыла: *Күб йөкүрдүң, һич арыб ултурмадуң, Арығаныңны кешегә белдүрмәдүң* [8: 183]; *Ул қуй арыды, ғақибәт тотдуң аны, Рәхим қылыб ул дәм урутдың аны* [8: 183]; *Әйдең аңа: и мөбарәк җануар, Күб йөкүрдүң сән қачыб, ар-дуң мәгәр* [8: 183]; *Үзүң арыб һәм мәне арғуздуң уш, Бер зәман қылғыл асайеш имди хуш* [8: 183]; *Ничә кем қайтардылар, – ул қайтмады, Күб йөрүде ақсаб, арыб йатмады* [8: 202]. Шулай ук «Нуры содур» әсәрендә ‘арып хәлсезләнү, талчыгу, йончу’ мәгънәсендә талу сүзе дә килә: Килди бер турғай йырак йирдин талыб, Бер саричә буйнын ағзыға алыб [7: 226]. Ул кешегә түгел, кошка карата кулланыла.

‘Йокы хәлендә булу’ны белдерүче фигыльләр Мөхәммәдьяр иҗатын-да урын ала. Үтүб кәрван, қалур ғафил уйқуда, ғафил улмас кем уйқарса (бер) хода [8: 74] мисалында уйкуда калу йоклау, йокыда калуны аңлата. Әсәрдә йоклау фигыле дә шул мәгънәдә очрый: Булар дәрхал қылычын бағладилар, Йоқлайурда барысын бағладилар [8: 92]. Ул кичә йатты, ойу-ды, нагәһан Йоклайурда төшүндә Фәхри җәһан [8: 92] бәетендәге ойу лексемасы шулай ук йоклауны белдерә. Чыганакларда теркәлгән бу лек-сик берәмлекләр һәммәсе уйку сүзенә барып тоташа. Л. Будагов аларның уйкуламак, уйкылмак, укламак, йукламак вариантларын күрсәтә [2: 166]. «Могҗизнамә» әсәре авторы йоклыйсы килүне гарәп сүзе хаб (хаб ‘йокы, йоклау’) [3: 643] ярдәмендә ясалган хаб тоту тезмәсе белән белдерә: Ял-варыркән Хакка, аны тотты хаб Улды хәзрәттән догасы мөстәҗаб [7: 122]. «Кыз хикәяте»ндә ‘йоклыйсы килмәү’ мәгънәсе уйку кәлмәү, күзенә уйку кәлмәү гыйбарәләре аша бирә: *Шад улубән йатдылар ул кэчә. Уйку кәлмәз ул йегетә, әй, хуҗа* [5: 61]; *Әндишәдән уйку кәлмәз күзенә,* Хәйран улды ул йегетүң сүзенә [5: 67]. ‘Йокыдан уяу хәлгә килү, йокыдан тору’ мәгъ-нәсендә XV-XVI гасыр чыганакларында, нигездә, уйгану формасы кулла-ныла: Адәм уғлы уйғаныб торса рәуан Сабах йатқан йерендин нагәһан [8: 183]; Уйғаныб, возу итеб вақтқа бақар, Нагәһан берәгү уш ишик қақар [8: 183]; Қайчан мөэмин мөвәххид хуш татлиғ уйуғында уйғаныб бу кәлимәне әймеш булғай [8: 15]. Өмми Камал иҗатында уйану варианты килә: Ди-рилде һәр үлү йирләр уйанды ойурлар, Тунанды кирү йәшәрде тулды һәр кор вә йуш [13: 273]; Гамь шадлыга дүнди уйурлар уйанды Һәр дөрлү нә-батат чәчәкләр бетер улды [13: 280]. Бу ике вариантны Л. Будагов төрек (уйану) һәм чыгтай (уйгану) телләрендәге кулланылыш дип аңлата [2: 165]. Кол Шәриф йокыны тәмамлап, уяу хәлгә килүне түбәндәгечә бирә: Башың күтәр гафләтдин, гафил торма, һу тигел, Күзең ачкыл уйкудин, гафил тор-ма, һу тигел [4: 280].

Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә ‘бик нык эчәсе килү; та-мак кибү, ачлык халәтендә булу’ны белдерүче фигыльләргә дә мисаллар

очрады. Мөхәммәдьярың «Нуры содур» поэмасында ‘организмның суга мохтаж булуы’ мәгънәсендә сусау лексемасы теркәлгән: Сусамыш ирди ул ғәрәб би ғөман, Эчте ул балчыклы судин нагәһан [8: 189]. Әлеге әсәрдә артык нык сусау халәтен бирү максатыннан, автор шулай ук физиологик халәтне белдерүче фигыль буларак теркәлгән йөдәү ‘азаплану, җәфалану, интегү’ [11: 723] лексемасын файдалана: Ул ғибәдәт қылмаға тәүфиқ йәнә Рузи қылдым, и фозул Заһид, сәңа» [8: 220]. Сусау сүзе «Сираҗел-колүб» әсәрендә дә очрый: Җөмлә халаиклар Гарасатга бара булсалар, тәкый сусасалар, ул көн, ул Кәүсәр хаузыдин әүвәл шәраб эчкән кемләр булур? [9: 16]. «Кыз хикәяте» истәлегендә ашыйсы килмәүне, ашыйсы килү теләге булмауны автор әлен ашына сонмау, ягъни кулын ашка сузмау сүзтезмәсе белән бирә: Қыз қаты пошуқды углан эшенә, Ул кэчдә сонмады әлен ашына [5: 66].

«Сираҗел-колүб» әсәрендә авыру халәтендә булуны белдерүдә зәхмәт тикү, агыриг тикү кушма фигыльләре очрый: *Һичкем ирсә ки зәхмәт тикмәде* [8: 3]; *Әгәр Адәм галәйһиссәламгә андин агыриг тиксә ирде, Адәм галәйһиссәламнең күңеле Хәува үзә мәһәрйан булмагай ирде* [9: 35]. Мескинләр, дәрвишләр, мөбталәләр әйделәр: Тәңре Тәгалә кодрәте берлә нә кем голләт рәнҗләре бар ирсә, барчасы хуш булды [9: 53].

Шул ук истәлектә авыру хәләтен тәннең бер өлешен белдерә торган исем + авыру сүзе ярдәмендә ясалган тезмә сүз һәм очра- фигыле аңлата: *Ул сәгать эчендә Фиргавен ләгыйнь ул һәйбәтне күрүб, карын агрыгына очраб, бер сәгатьдә дүрт йөз атлә кабемкәһгә керде* [9: 43].

Шулай итеп, кешенең физиологик халәтен характерлаучы фигыльләр тикшеренүнең объекты буларак алынып, аларның Казан ханлыгы чоры татар язма истәлекләрендәге мәгънәви вазифалары каралды. Анализ күрсәткәнчә, текстлардагы физиологик халәтне белдергән фигыльләр, лингвистик корал булудан тыш, әсәрнең семантик дөньясын киңәйтә торган хикәяләү элементы да булып торалар. Алар кешенең талчыгу, ару, авыру, савыгу, терелү, йокысы килү, сусау, ачыгу һәм башка халәтләрен күрсәтү чарасы булып хезмәт итә.

ӘДӘБИЯТ

1. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.

2. Галиева А.М. Представление глаголов физиологического действия и состояния в лексикографической базе данных татарских глаголов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 5. С. 1219–1234.

3. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан: Иман, 2018. 856 б.

4. Кол Шәриф. И күңел, бу дөньядыр: газәлләр, кыйсса. Казан Татар. кит. нәшр., 1997. 94 б.

5. Кыз хикәяте / төз.-авт.: Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап, 2012. 184 б.

6. Лельхова Ф.М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Вестник угроведения. № 1 (4). 2011. С. 30–37.

7. Мөхәммәт Әмин. Могҗизнамә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 295 б.

8. Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.

9. Сираҗел-колүб. Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1903. 126 б.

10. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев. Тулыл. 2 нче басма. Казан: ТӘһСИ, 2016. Т. II. 432 б.

11. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: II т.: Г–Й. Казан: ТӘhСИ, 2016. 748 б.
12. Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Т. II. Ташкент: Фан, 1971. 777 с.
13. Фатхтдинов Ф.К. Книга Умми Камала. Өмми Камал китабы (на русском, старотатарском (рукопись, транскрипция рукописи), современном татарском языках). Казань: ИЯЛИ, 2022. 648 с.
14. Шарифуллина А.Г. Семантика глаголов эмоционального состояния в татарском и английском языках // Филология и культура. 2013. №. 1(31). С. 24–127.

УДК 81’373

Камаева Рима Биҗан кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Алабуга, Россия
Камаева Рима Бизяновна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Елабуга, Россия
Kamaeva Rima Bizyanovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Elabuga, Russia
E-mail: kamaeva-r@mail.ru

ТАТАР ӘДӘБИ ӘСӘРЛӘРЕНДӘ МЕДИЦИНА ТЕРМИННАРЫНЫҢ РОЛЕ

РОЛЬ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ТАТАРСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

THE ROLE OF MEDICAL TERMS IN TATAR FICTION

Аннотация. *В данной статье с целью уточнения особенности употребления медицинских терминов в художественных текстах была исследована лексика романов татарских писателей А. Абсалямова «Ак чәчәкләр» («Белые цветы»), М. Хасанова «Язгы аҗаган» («Весенние зарницы»), повести З. Хакима «Хирург». В произведениях авторы стараются привлечь внимание читателя к проблеме медицины и подчеркнуть необычность событий, уделяют место описанию характерных признаков болезней, медицинские термины в произведениях являются и стилистическим средством создания речевых и портретных характеристик персонажей.*

Annotation. *In this article, in order to clarify the specifics of the use of medical terms in literary texts, the vocabulary of the novels of Tatar writers A. Absalyamov «Ak Chachaklar» («White Flowers»), M. Khasanov «Yazgi aҗagan» («Spring lightning strikes»), the story of Z. Hakima is a “Surgeon». In their works, authors try to draw the reader’s attention to the issue of medicine and emphasize the unusual nature of events. They also provide descriptions of the characteristic symptoms of diseases, and medical terms serve as a stylistic tool for creating speech and portrait characteristics of characters.*

Ключевые слова: *татарская лексика, художественное произведение, медицинский термин, стилистическое средство*

Keywords: *Tatar vocabulary, literary work, medical term, stylistic device*

Медицина терминнарының әдәби әсәрләрдә кулланылу үзенчәлекләрен ачыклау өчен, без Габдрахман Әпсәләмовның «Ак чәчәкләр», Мәхмүт Хәсәновның «Язгы аҗаган» романнарындагы, Зөлфәт Хәкимнең «Хирург» повестендагы терминнар кулланылышын тикшердек. Тикшеренүләр шуны күрсәтә: язучылар терминнарны төрлечә кулланып эш итәләр.

Габдрахман Әпсәләмовның «Ак чәчәкләр» романы – табибларга багышланган әсәр. Беренче чиратта әсәрдә врачлар дөньясы сурәтләнә. Врачлар дөньясы белән янәшә, бергә үрелеп, үзенең кайгы хәсрәте һәм савыгу шатлыгы белән аврулар дөньясы бирелә. Шуларның бер-берсенә мөнәсәбәтеннән романның мавыктыргыч сюжеты туа. Автор геройларның рухи халәтен оста күрсәтеп, кеше күңеленең нечкәлеген һәм катлаулылыгын тирәнтен ачарга тырыша. Табибларның хезмәтен барлык нечкәлекләре белән күрсәтү максатыннан автор әсәрдә медицина белән бәйле терминнарны еш куллана. Романның кайбер урыннарында автор укучының игътибарын медицина проблемасына да җәлеп итәргә һәм тасвирланган вакыйганың гадәти булмаганлыгын ассызыкларга тырыша, терминнар сөйләмнең төрле өлешләрендә кулланыла.

«Зиннуровны *больницага* бик авыр хәлдә носилка белән китереп салганнар. Авырту күкрәк сөяге астында башланган һәм *нитроглицерин* каптыргач та басылмаган. Больницада аңа *ашыгыч медицина ярдәме* күрсәткәннәр: кабат *морфий, атропин, кордиамин уколлары ясаганнар, кислород сулатканнар.* Шуннан соң гына авыруның йөзендә аз гына алсулык беленеп, тыны ачыла төшкән, *тамыр тибеше* әзрәк сизелә башлаган һәм аны өскә, *палатага* менгереп яткырганнар»[2: 26].

«Вера Павловна тиз генә *кислород мендәре* алып килеп, *кордиамин уколы* ясады. *Врачлар бүлмәсендә* Мәһира ханым Гөлшәһидәләргә *электрокардиаграмма* лентасын, *кан анализларын* күрсәтте. Шик юк *диагноз* раслана: *миокард инфаркты*.

«–Үзгәрешсез, Гөлшәһидә апа, – дип җавап бирде сестра һәм күз ачып йомганчы *приемный покойга* кереп югалды» [2: 27].

«– Мәһирә Хәбировна, – дип, профессор дәвалаучы врачка таба борылды, – *үпкәләрнең томографиясен*, һәм *бронхография снимокларын* әзерләргә кушыгыз» [2: 63].

Әсәрдә авыруларның характерлы билгеләрен тасвирлауга да урын бирелә.

«Иң элек Галина Петровнаның йөзе. *Рак белән авыручыларның* йөзләре гадәттә җир төсле була. Галина Петровнаның йөзе алай ук кебек түгел» [2: 64].

Зөлфәт Хәкимнең «Хирург» повестен автор Финляндиядә дәвалану вакытында яза. Бу повесть «Шифалы куллар» конкурсында беренче урынны яулый. Әсәрдә автор медицина белән бәйле яңа лексиканы күбрәк куллана. Кайбер терминнар аңлатма белән бирелгәннәр.

«Аңа бик куркыныч хәбәр әйткәннәр бит әле. *«Рак предстательной железы»* дигән шик белдергәннәр. *ПСА* нәрсә ул? – *Простато специфический антиген. Онкомаркер. – Канында* менә шул *ПСА* дигән нәрсә егермене тәшкил итә икән. Күпме ул? – Күп. Нормада дүрттән артмаска тиеш. *Томография* үткәнме? – Үткән. *Томографиядә* төгәл ачыклый алмаганнар. – *ПСА* саны егерме булгач, кичектермичә, *биопсия* ясатырга кирәк. – Анысы

нәрсә тагы? – Анализ өчен *простатаның җепселләрен алалар да, гистология* үткәрәләр» [5: 12].

Автор бу әсәрдә авыруның барышын тасвирлап яза, терминнар рус сүзләре белән дә, башка алынмалар белән дә бирелә.

«Бу *яман чиргә* каршы көрәш дәвам итә, әмма чарасызлык дигән төшенчә *табиб белән пациент* арасында һәрвакыт уяу тора. Дөрес, аның механизмы аңлашыла шикелле – әйбәт күзәнәкләр зәгыйфьләре һәм комсызлары белән алмашына. Бу *агрессив клеткалар* бернинди кирәкле хезмәт күрсәтмиләр, әмма тиз үрчиләр, таралалар һәм организмны дөрес яшәүдән мәхрүм итәләр. Шул агрессив күзәнәкләр аркасында, *эчке әгъзалар*, *тамырлар, нерв юллары* урынына мәгънәсез, кирәксез тукымалар барлыкка килә. Организм үзенчә көрәшә. *Лимфалар системасы рак күзәнәкләрен* үтерергә тотына, бавыр аларны, үзе аша үткәреп, эшкәртергә маташа, *бөерләр фильтрация ясый, тир аларны тышка чыгарып ташлый*. Әмма *рак күзәнәкләре* нормаль күзәнәкләр белән чагыштырганда, бик гади вә әшәке. Андый *гарип күзәнәкләрне,* әйбәтләренә караганда, «ясау» бик җиңел. Рак күзәнәген тудыру өчен көч бик аз сарыф ителә. Ә бит туклану организмга тигез бирелә – әйбәте дә, примитивы да бертигез ала ризыкны. Нәтиҗәдә, яман күзәнәк тизрәк үсә – аны бары тик үз массасын үстерү генә кызыксындыра. Үзенә тиешле размерга үскәч тә, аңа һаман туклану килә тора – димәк, аңа үрчисе генә кала. *Сәламәт организм* ул хәшәрәтне тиз генә чыгарып атарга да мөмкин. Ә карт, *хәлсез организм* моны булдыра алмый. Шунысы да бар: *рак күзәнәкләрен* төзү җиңелрәк» [5: 23].

Мәхмүт Хәсәновның «Язгы аҗаган» романы XX гасырның 70–80 нче елларында иҗат ителгән. Роман тормыш материалларының катлаулылыгы, сюжетның күптармаклылыгы белән аерылып тора. Әсәр хатирәләр рәвешендә язылган. Әсәр өермәле вакыйга белән башланып китә – коммунист Хажи үтерелә, аның Зәйтүнә исемле хатыны бу тетрәндергеч хәл тәэсирендә баласын вакытсыз тудыра. Ана Гази, Тажи, Һади исемле балалары белән тол кала. Хикәяләүчене иң кызыксындырган кешеләр – шушы бертуган Зәкиевләр. Романда төп игътибар олы малай Газигә юнәлә. Гази – әтисе гомерен биргән эшкә тугрылыклы малай. Комсомол активисты, курку белмәс көрәшче. Рабфак укучысы, медицина институты студенты. Фронтта хирург. Әсирлек. Аннан соңгы газаплар, кыерсытылулар, әсир дигән яман исемнең үз артыннан тагылып йөрүе. Гази аңа бәйләнешле кешеләр турында язганда, автор шактый оста эш итә. Тикшеренү өчен алынган медицина белән бәйле лексика нәкъ менә шул урыннарны тасвирлаганда файдаланыла.

«Илья Олеговичка шундук ярдәм күрсәтә башладылар: *ясалма сулыш алдырдылар: укол кададылар*, авыз-борыныннан ниндидер сыекчыклар белән чылатылган *марля-маскалар* куйдылар. Һәм шундук күләгәдә торган бөркүле арбага сузып салып, әрәмәлек эчләтеп кенә каядыр алып киттеләр» [6: 133].

Без романда хирургларның хезмәтен барлык нечкәлекләре белән чагылдырган урыннарны еш очратабыз.

«Бездә: “*Операция* вакытында *хирург* дирижер булса, *анестезиолог* беренче скрипка”, – диләр... » [6: 36].

«*Операцияне* Дисә ясады. Тынлыкны бары тик инструментларның сирәк-сирәк чыңлап куюлары һәм *хирургның* кыска боерыклары гына боза иде:

–*Тампон... пинцет... зажим...ланцет...* » [6: 30].

«Газизның бәхетенәме, бәхетсезлегенә каршымы, *медсанбат* әллә ни зур түгел иде, персоналы да алты-җиде кешедән генә тора. Шуларның берсе *санитар, өч медсестра*. Бәлки шуңадыр, эш шулкадәр күп, вакыт белән санашу юк. Көнме? Төнме? Еш кына аяк асты йокларга туры килә иде.

Операциягә керешкәнче үк *кан* бирү чарасын күрделәр. *Операция* шактый катлаулы буласы. Иң әүвәл, көч-хәл белән генә гәүдәгә эләгеп торган кулны аерып алдылар. Вак *сөякләрне* чүпләделәр. *Кан тамырларын* бәйләп, каппилярларны томалап, яраны тегү эшенә керешергә генә торганда, Чумаковны чакырып алдылар.

Өлкән хирург, Газига ияк кагып операцияне төгәлләргә кушып, җәһәт кенә чыгып китте» [6: 392].

Персонажларны характерлаганда да автор терминнарны уңышлы куллана, шулай ук терминнар персонажларның сөйләм һәм портрет характеристикасын булдыруның стилистик чарасы да булып тора.

«Ул *баш врачның* ышанычын тулысынча аклады кебек, тиз арада үзен чын *хирург* итеп танытып өлгерде. Хамзин *баш хирург* белән мактанып туя алмады. Больницаның даны тиз арада бик ераклarга таралып өлгерде.

Чаллыга башка тирә-юнь районнардан да килә башладылар. Ә Гази турында: “Булмасны да булдыра, соңгы сулышы өзелгән авыруларны да аякка бастыра ала”, – дигән сүзләр йөрде» [6: 33].

«Аның каравы массажистканың килүен ул һәрвакыт түземсезлек белән көтә һәм еш кына, кафедрадан әйткән кебек тантана белән:

– Массаж – бөек нәрсә ул! – дип әйтеп куя торган иде.

– Кешегә тормыш ритмы кирәк. Киеренкелек артыннан йомшару, эш артыннан ял булырга тиеш» [2: 154].

Терминнар әдәби әсәрләрдә туры мәгънәдә дә, күчерелмә мәгънә дә кулланыла. Терминнар күчерелмә мәгънәдә фразеологизмнарның компонентлары буларак бирелә.

1. *Медицина терминнарының туры мәгънәдә кулланылуы*.

«Шуннан Гөлшәһидә, борчылып, аны *район больницасына ренгентка* алып барды һәм авыруны *ренгентолог* белән бергә үзе карады. *Үпкәләрнең тамыр төпләре карала башлаган* иде! Бәхеткә, Әбүзәр абзый *больницада* туры килде. Ул *онколог* чакырырга киңәш итте. Шулай ук *ракмы* икәнни? » [2: 243].

2. *Медицина терминнарының күчерелмә мәгънәдә кулланылуы.*

Медицина терминнары З.Хәким иҗатында троплар буларак кулланыла. Шулай ук терминнар фразеологизм составында да очрый.

«Оятсыз, намуссыз кешегә залимлек нәрсә ул? Кем икәнен чыраена бәреп әйтсәң дә, төкерә ул синең сүзеңә һәм синең үзеңә.

Дөрес, аның механизмы аңлашыла шикелле – әйбәт күзәнәкләр зәгыйфьләре һәм комсызлары белән алмашына. Бу агрессив клеткалар бернинди кирәкле хезмәт күрсәтмиләр, әмма тиз үрчиләр, таралалар һәм организмны дөрес яшәүдән мәхрүм итәләр. Шул агрессив күзәнәкләр

аркасында, эчке әгъзалар, тамырлар, нерв юллары урынына мәгънәсез, кирәксез тукымалар барлыкка килә. Организм үзенчә көрәшә. Лимфалар системасы рак күзәнәкләрен үтерергә тотына, бавыр аларны, үзе аша үткәреп, эшкәртергә маташа, бөерләр фильтрация ясый, тир аларны тышка чыгарып ташлый. Әмма рак күзәнәкләре нормаль күзәнәкләр белән чагыштырганда, бик гади вә әшәке. Андый гарип күзәнәкләрне, әйбәтләренә караганда, «ясау» бик җиңел. Рак күзәнәген тудыру өчен көч бик аз сарыф ителә. Ә бит туклану организмга тигез бирелә – әйбәте дә, примитивы да бертигез ала ризыкны. Нәтиҗәдә, яман күзәнәк тизрәк үсә – аны бары тик үз массасын үстерү генә кызыксындыра. Үзенә тиешле размерга үскәч тә, аңа һаман туклану килә тора – димәк, аңа үрчисе генә кала» [5: 23].

«Кешелек дөньясының төпкелендә, ягъни кешенең үзәгендә ниндидер яман шеш ята. Анда син скальпель белән керә алмыйсың. Бернинди УЗИ, МРТ, компьютер томографиясе күрсәтми аны» [5: 26].

«Бәлки алар без чишә алмаган мәсьәләләрне күптән чишкәннәрдер, үзәкләрендәге *яман бер шешне* күптән инде алып ташлаганнардыр» [5: 30].

«Француз врачы бик дөрес әйткән: *буыннарны һәм буыннар өстендәге ярыны ревматизм ялый гына, йөрәкне тешли*» [2: 9].

«Биредә, больницада, бөтенләй башкача. *Инфаркт* мине көтмәгәндә-уйламаганда кайнар эш өстендә *аяктан бәреп екты*» [2: 185].

«Башка берәү *хәл эчендә ятканда,* врачның үз хәле турында уйларга хакы юк» [6: 30].

Язучылар табибларның һөнәри эшчәнлеген күрсәтүне үз бурычлары итеп куймыйлар. Шул ук вакытта әсәрләр медицина терминологиясе белән тулы. Авторлар укучыга тәэсир итәргә омтылалар, аларны кызыксындырган проблемалар турында уйланырга яки ниндидер ситуацияләргә һәм процессларга башкача карарга мәҗбүр итәләр.

ӘДӘБИЯТ

1. Әдәбият белеме: терминнар һәм төшенчәләр сүзлеге / төз.-авт.: Д.Ф. Заһидуллина, В.Р. Әминева, М.И. Ибраһимов, Н.М. Йосыпова, Ә.М. Закиржанов, Т.Ш. Гыйлаҗев, Г.Р. Гайнуллина. Казан: Мәгариф, 2007. 231 б.

2. Әпсәләмов Г. Ак чәчәкләр. Роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 510 б.

3. Әхмәтьянов Р.Г. Татар терминологиясенең тарихи чыганаклары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 174 б.

4. Сәлимов Х.Х. Тел гыйлеме терминнары сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 143 б.

5. Хәким З. Хирург // Казан утлары, 2019. № 12. Б. 8–55.

6. Хәсәнов М.М. Язгы аҗаган: Роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 607 б.

7. Шамсутдинова Р.Р. Медицинская терминология в татарском языке: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2000. 219 с.

УДК 811.161.1’38:821.161.

Касьяненко Наталья Евгеньевна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет
Донецк, ДНР, Россия
Kasyanenko Natalya Evgeievna
«FSBEI HE Donetsk State University»
Donetsk, DPR, Russia
E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

РОЛЬ АЛЛЮЗИИ В ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА

THE ROLEOF ALLUSIONIN CONVEYING CULTURALLY SIGNIFICANT INFORMATIONIN E.G. VODOLAZKIN’S WORKS

Аннотация. *В статье на материале романного творчества Е.Г. Водолазкина рассматриваются особенности аллюзий автора. Аллюзия при этом характеризуется как стилистический прием и фигура интертекста. Предметом анализа становится та роль, которую выполняют аллюзивные проявления в процессе передачи культурно-ценностной информации.*

Annotation. *The article examines the features of the author’s allusions based on the novel works of E.G. Vodolazkin. Allusion is characterized as a stylistic device and an intertextual figure. The analysis focuses on the role played by allusive manifestations in the process of conveying cultural and value-based information.*

Ключевые слова: *Е.Г. Водолазкин, аллюзия, идиостиль, интертекст, код культуры, стилистический прием, функции*

Keywords: E.G. Vodolazkin, allusion, idiostyle, intertext, cultural code, stylistic device, functions

Современная гуманитарная наука в своей основе является когнитивной и направлена она на отражение картины мира, в том числе языковой. Это не случайно, поскольку отличительной чертой объекта изучения (языка) является антропоцентризм, рассматриваемый современными учеными как онтологическая установка, как «переключение интересов исследователя с объекта познания на субъект» [8: 6], как познание языка с позиций отражения в нем человека. Язык при этом рассматривается как культурный код нации, как своеобразное «зеркало культуры», отражающее окружающую действительность, образ жизни носителя языка, его менталитет, специфику национального характера. Э. Сепир под подлинной культурой понимает, с одной стороны, некий культурный идеал, определяемый традицией (или общественным классом), а – с другой, систему ценностей, характеризующую народ как нацию. При этом носитель языка, конкретный индивид должен быть духовно органично связан с национальной культурой (см. об этом [9: 16–117]).

Учитывая все сказанное, стоит еще раз акцентировать тот факт, что язык является продуктом культуры, он предполагает формирование лингво-культурных кодов, обеспечивающих трансляцию культуры в системе языковых знаков.

Существенную роль в передаче культурного кода играет и художественная речь, воплощающая индивидуально-авторское видение мира и оригинальные приемы передачи эстетически значимой информации, в том числе культурно-ценностной. В этом смысле представляется интересным обратиться к изучению аллюзии как средства трансляции культуры и выявить ее роль в этом, привлекая язык художественных произведений.

Вполне закономерно, что материалом для реализации отмеченной цели избрано романное творчество Е.Г. Водолазкина, которое, безусловно, является нестандартным и востребованным среди нынешнего поколения. Кроме того, сам факт включения произведений писателя в программу по литературе для поступающих в высшие учебные заведения некоторых вузов (например, Санкт-Петербургского университета) свидетельствует о высокой их оценке и значимости – не случайно Е.Г. Водолазкин является трижды лауреатом только премии «Большая книга», не говоря о других его заслугах. Список исследований этого интереснейшего автора постоянно пополняется (см. например [12], [13] и др.), однако стилевые особенности его прозы изучены на сегодняшний день только фрагментарно. Между тем изучение идиостиля писателя не только проливает свет на особенности мировосприятия художника слова, но и является важнейшей составляющей теории интерпретации художественного текста. Наконец, главным, конечно, при выборе материала исследования рассматривается то обстоятельство, что произведения Е. Г. Водолазкина насквозь пронизаны аллюзиями.

Стоит отметить, что аллюзия как явление не ново. Оно имеет достаточно давнюю традицию изучения как лингвистами, так и литературоведами в самых разных аспектах. Множество же определений этого феномена свидетельствует о его многогранности. Кроме того, некоторые ученые считают аллюзию «одной из наименее определенных категорией стилистики» [15: 43].

Слово «аллюзия», по мнению исследователей, появилось в европейских языках с XVI века и в переводе с французского означает «намек». В русском языке оно входит в научный оборот в XVIII в. («Словарь русского языка XVIII века» фиксирует данное слово как новое).

Аллюзию определяют как «употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой» [10] или на прецедентный текст [14]. Это явление характеризуют как «специфический намек, особенность которого состоит в иносказании» [7: 9], ссылку «на какой-либо исторический, мифологический, литературный факт», не имеющий прямого указания на источник [5: 124], как проявление «непрерывной диалогичности текстопорождения, в частности художественного творчества» [17: 24]. При этом подавляющая часть исследователей рассматривает аллюзию как категорию стилистики, как стилистический прием, риторический прием усиления речи (см., например, [5], [10], [16]), прием художественной выразительности [18].

Кроме того, лингвисты подчеркивают то обстоятельство, что аллюзия относится к интертекстуальным категориям ([1], [14], [15] и др.), являясь определенным средством проявления интертекстуальности, или фигурой интертекста.

Как отправное в этом смысле можно рассматривать определение интертекстуальности, данное И.В. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий, реминисценций» [1: 346]. Иначе говоря, аллюзия является реализацией интертекстуальности, «отголоском, эхом» чужого текста в авторском, его «опознаваемым» элементом.

В аспекте интертекстовых характеристик аллюзии лингвисты выделяют исходный текст, или текст-донор и модифицированный текст, или текс-реципиент, а также рассматривают средства объективации таких аллюзий, или репрезентанты.

Ну и наконец, целесообразно еще раз подчеркнуть, что аллюзия обладает культурологической маркированностью, поскольку она, с одной стороны, событийна, а с другой – «проецирует упоминание того или иного факта на порождаемый текст» [6: 1431], насыщая последний культурной информацией и объективируя ее для социума.

Рассмотрим подробнее, какова роль аллюзий в передаче культурного кода в произведениях Е.Г. Водолазкина.

Спектр аллюзий в романном творчестве писателя достаточно широк. При этом они отражают индивидуальную языковую личность автора, его культурный багаж, систему оценок и включают когнитивную составляющую, позволяющую выявить индивидуальную картину мира творца.

Определенная часть аллюзий у Е.Г. Водолазкина соотносится с библейскими текстами и насыщена культурологической информацией. Так, из разрозненных сведений о главном герое романа «Авиатор» – Платонове – читающий знакомится в том числе с кругом его чтения: это, прежде всего, любимый с детства «*Робинзон Крузо*» Д. Дефо. Стремясь передать краткое содержание любимого в детстве произведения, Платонов проводит параллель с евангельской Притчей о блудном сыне, делая при этом значимые выводы: «*Если бы он* [Робинзон Крузо – **Н.К.**] *с самого начала вел себя благоразумно…Я не знаю, как это выразить, чтобы не впасть в менторский тон. Такая как бы* ***притча о блудном сыне***» [3: 16].

Данная аллюзия демонстрирует стремление автора пролить свет на нравственную позицию своего героя, возможно, обусловленную не столько религиозным чувством, сколько привычкой, воспитанной традицией, соизмерять свои действия и поступки с библейскими заповедями.

Обращение к подобным аллюзиям Е.Г. Водолазкина наблюдается и в романе «Оправдание острова», что можно рассматривать как попытку объяснить историю, дать собственную оценку событиям, поскольку, по его собственным словам в одном из интервью, «история является одним из главных персонажей этого романа». Один из Председателей вымышленного Острова Маркел учредил Трудовой лагерь из четырех тысяч крестьян, в котором возникли трудности со съестными запасами. В ответ на эту ситуацию Маркел вместо того, чтобы решать проблему, заявил начальнику Лагеря: «*Бог темного прошлого, которого мы отменили,* ***пятью хлебами накормил пять тысяч человек***» [4: 241], цинично при этом возразив: «*Так неужели же ты <…>тем же количеством хлеба не можешь накормить*

всего четыре тысячи». В ответ начальник ответил, что «***алчущие этим не насытятся***».

Здесь мы наблюдаем отсылку автора к известному евангельскому сюжету (см. Евангелие от Матфея, 14) и нагорной проповеди Иисуса, которая рассматривается как своеобразная нравственная концепция христиан и составляет неотъемлемую базисную часть национальной культуры русского человека. Кроме того, аллюзия в этом случае выступает средством продемонстрировать единство индивидуального и исторического времени.

Культурной информацией пронизаны и литературные (или, правильнее сказать, литературно-исторические) аллюзии Е.Г. Водолазкина. Например, в романе «Лавр» один из значимых персонажей – Амброджо, – рассуждая о дате рождения Иисуса Христа в связи с возможным концом света, приводит убедительные, как он считает, доказательства. Относительно непоколебимости последних главный герой романа Арсений высказывает сомнение, приводя в качестве аргумента фразу из трагедии А. Пушкина «Моцарт и Сальери», репрезентантом которой в тексте-реципиенте выступает трансформант – риторический вопрос: *«Какой, спрашивается,* ***гармонией ты поверишь*** *всю эту* ***алгебру****?»* [2: 247]. Ставшее уже крылатым выражение *поверить алгеброй гармонию* из текста пушкинской трагедии и имеющее значение ‘попытка проверить точным расчетом то, что относится к области чувств’, опровергается Амброджо философствованием о небесной гармонии, отраженной в высшем смысле чисел. Данная аллюзия содержит намек на прецедентный текст и выполняет традиционную для нее когнитивно-информативную функцию. Она не только описывает определенный фрагмент культурного пространства, не только сообщает культурно-ценностную информацию, но и подтверждает присутствие базовых знаний в сознании большинства носителей русского языка и русской культуры. Широко известное высказывание Аполлона Григорьева «*А Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным <…>*» лишний раз находит свое подтверждение.

Принципиально иную роль исполняет у писателя отсылка к факту биографии А.С. Пушкина. Известно, что поэт погиб в возрасте 37 лет. Размышляя о явлениях, протекающих во времени, Амброджо, сопровождающий Арсения в путешествии, иллюстрирует свою позицию примером: *«Явление выражает себя и прекращает свое существование.* ***Поэт гибнет****, скажем,* ***в 37 лет****, и люди, скорбя о нем, начинают рассуждать о том, что он мог бы еще написать»* [2: 288]. Поскольку Амброджо обладает даром предвидения, он апеллирует к событиям будущего, и здесь аллюзия *выполняет* функцию связующего звена, своеобразного мостика между прошлым и будущим. При этом лексемы *поэт гибнет* и количественно-именное сочетание *в 37 лет* выступают как маркеры текста-рецепиента (по терминологии Н.Ю. Новохачевой, В.П. Москвина и др., аллюзивные репрезентанты).

Такая же связь прошлого с будущим реализуется и благодаря иной аллюзии в том же романе. Предвидение будущего у Амброджо раскрывается во время морского путешествия в диалоге между ним, капитаном и паломниками об итальянском городе Паренцо. В ответ на убежденность палом-

ника Фридриха относительно того, что Троя не существовала, Амброджо замечает: «*Есть у меня предчувствие, что в один прекрасный день Трою кто-то отыщет. Возможно, это даже будет человек из твоих краев*» [2: 320]. Откровенные маркеры аллюзии в данном диалоге явно не выражены, не считая замечания героя о том, что *Трою кто-то отыщет.* Однако имя одного из паломников – Фридрих – воспринимается как своеобразный ответ на замечание о том, что это *будет человек из твоих краев*. Германская принадлежность имени Фридрих намекает на то, что известный немецкий археолог-самоучка XIX века Генрих Шлиман своими уникальными раскопками доказал, что существование Трои, упомянутое в Илиаде, не «басня», а быль. В данном случае мы наблюдаем передачу культурно значимого факта мировой истории.

В заключение целесообразно отметить, что использование аллюзии – в этом лингвисты единодушны – требует определенной коммуникативной компетенции. Так, И.Р. Гальперин, рассматривая аллюзию как один из дополнительных информативных приемов стилистики, отмечает затрудненность процесса декодирования сообщения, включающего ссылку на чужой текст. Ученый мотивирует это тем, что не все стороны аллюзии, представляющей собой «сложное, многогранное явление <…> привлекаются в качестве компонентов сообщения» [5: 124]. Поскольку аллюзия является преимущественно принадлежностью художественного текста, ее «правильное» прочтение предполагает достаточную общую образованность, которая дает возможность «увидеть», а главное – адекватно осмыслить аллюзивный намек. В ином случае намерение автора, как утверждает В.М. Мокиенко, останется «непрочтенным» [14: 33].

Обобщив все, сказанное выше, подведем некоторые итоги:

1) аллюзия как лингвокультурное явление и фигура интертекста является неотъемлемой частью стилистики Е.Г. Водолазкина и воплощает не только индивидуально-личностную культуру автора, но и включает культурную, в том числе когнитивную и ценностно-осмысляющую составляющие текста художественных произведений писателя;

2) аллюзивные фрагменты в романах Е.Г. Водолазкина проливают свет на культурно-языковую компетенцию носителей языка, на базе которой читателями распознаются культурные смыслы;

3) в романах Е.Г. Водолазкина аллюзии не только выполняют когнитивно-информативную функцию, которая впрямую соотносится с задачами лингвокультурологии, но и осуществляют единство нашей истории, обеспечивая функцию связки между историческими эпохами и целостность романного времени и повествования;

4) существенной особенностью аллюзий Е.Г. Водолазкина является их направленность на раскрытие языковой личности персонажа, выявление нравственной позиции автора и героев. Аллюзивные отсылки обнаруживают в этом смысле склонность писателя к ассоциативному мышлению, способность использовать наглядные аналогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 443 с.

2. Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 440 с.

3. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 410 с.

4. Водолазкин Е.Г. Оправдание острова: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 405 с.

5. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 174 с.

6. Гарифуллина А.М. Аллюзии сквозь призму культурного кода // Вестник Башкирского ун-та. 2009. Т. 14. № 4. С.1431–1434.

7. Гарифуллина А.М. Культурологическая маркированность аллюзий в художественном дискурсе Д. Фаулза: автореф. дис. … канд филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2010. 24 с.

8. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

9. Межуев В.М. Эдвард Сепир о культуре подлинной и мнимой // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 115–129.

10. Дронова Е.М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности (на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 германские языки. Воронеж, 2006. 24 с.

11. Квятковский А.П. Поэтический словарь [Электронный ресурс] / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с.

12. Кочетова С.А. Имя произведения как «книга in restricto» (на материале романа Е. Водолазкина «Оправдание острова» // XV Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения (14 сентября 2021 г.): материалы конференции / ред. В.М. Калинкин, А.В. Петров. Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2022. С. 21–28.

13. Махинина Н.Г., Сидорова М.М., Насрутдинова Л.Х. Древнерусский текст в романе Е. Водолазкина «Лавр» («Александрия») // Филология и культура. 2019. № 1 (55). С. 184–189.

14. Мокиенко В.М. Адам Евгеньевич Супрун и исследования интертекста // Текст в языке, речи, культуре: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2017. С. 32–46.

15. Москвин В.П. Аллюзия как фигура интертекста. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов // Грани познания. 2014. Вып. 1 (28). С. 43–47.

16. Новохачёва Н.Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2005. 28 с.

17. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.

УДК 81’27

Кириленко Светлана Владимировна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Kirilenko Svetlana Vladimirovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: svetlanavk@inbox.ru

СОЛИДАРНОСТЬ, ПРЕСТИЖ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ СООБЩЕСТВ В РЕСПУБЛИКАХ РФ

SOLIDARITY, PRESTIGE AND LANGUAGE IDENTITY: ANALYSIS OF SPEECH COMMUNITIES IN THE REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *В статье рассматриваются языковые установки как важнейший социолингвистический механизм, определяющий перспективы развития малых языков в условиях многоязычия. Исследование основано на данных анкетирования в трех республиках РФ – Калмыкии, Карелии и Якутии. Анализируются установки членов речевого сообщества, не владеющих титульным языком, с фокусом на категориях солидарности и статуса (престижа).*

Annotation. *The article examines language attitudes as a key sociolinguistic mechanism determining the prospects for the development of minority languages in multilingual settings. The study is based on survey data collected in three republics: Kalmykia, Karelia, and Yakutia of the Russian Federation. It analyzes the attitudes of speech community members, who do not speak the titular language, with a focus on the categories of solidarity and status (prestige).*

Ключевые слова: *языковые установки, языковая идентичность, престиж, билингвизм, малые языки, социолингвистика*

Keywords: *language attitudes, language identity, prestige, bilingualism, minority languages, sociolinguistics*

Языковые установки играют важную роль в формировании статуса и функций языка в обществе. Отношение к языку также тесно связано с процессом его межпоколенческой передачи [1: 8–28], [2], что особенно актуально в контексте сохранения и развития титульных и малочисленных языков Российской Федерации. В условиях полилингвизма языковые установки могут быть как фактором устойчивости, так и источником деструктивных процессов [3], [4].

В полилингвальном сообществе неизбежно возникает языковой дисбаланс в пользу доминирующего языка. Одним из актуальных научных вопросов становится определение длительности сохранения обоих языков в активной повседневной коммуникации билингвов. Возможны различные сценарии языкового развития: билингвы совершенствуют владение функционально вторым языком, а те, кто не владеет титульным языком, – начинают его изучение. Ключевым фактором, определяющим перспективы сохранения языка, являются языковые установки внутри речевого сообщества, под которым в данном исследовании понимается полилингвальная общность.

Целью работы является выявление особенностей существующих установок в языковой среде по отношению к титульным языкам – калмыцкому, карельскому и якутскому – в республиках Российской Федерации, а также определение их взаимосвязи с категориями языковой идентичности, престижа и солидарности. В фокусе исследования – то, как жители этих регионов, не владеющие титульными языками, воспринимают их, считают ли их престижными и значимыми для сохранения культурной идентичности. Благоприятные языковые установки могут побудить членов речевого сообщества активно поощрять изучение языка среди своих детей или внуков или даже принять решение выучить язык самостоятельно в более позднем возрасте, создавая потенциально благоприятную среду для языкового развития. Если члены сообщества осознают важность хотя бы базового владения языком, перспективы могут быть весьма многообещающими.

Исследование опирается на ключевые работы в области социолингвистики, посвященные языковым установкам [5], теории языковой компетенции [6], а также на современные исследования социолингвистических маркеров власти и солидарности в коммуникации [7]. В основе исследования – два центральных понятия: языковой статус и языковая солидарность. Первое отражает восприятие языка как престижного и социально значимого, тогда как второе демонстрирует степень эмоциональной привязанности к нему как к компоненту культурной и / или этнической идентичности. Для анализа использован метод непрямой оценки – интерпретация мнений 224 респондентов, не владеющих титульным языком, проживающих в Республиках Калмыкия, Карелия и Саха (Якутия).

Приведем некоторые результаты исследования.

В Карелии большинство опрошенных (72%) не планируют обучать карельскому языку младшее поколение в образовательных учреждениях; 59,1% считают, что его изучение должно быть добровольным, а не обязательным. Престиж владения карельским языком оценивается противоречиво: 62,4% считают его (скорее) престижным, 37,6% – не престижным. Восприятие перспектив языка является сдержанным: 41,9% респондентов верят в его сохранение лишь на бытовом уровне, 35,5% предсказывают исчезновение, и только 14% ожидают развития.

В Республике Саха (Якутия) наблюдается другая тенденция: знание якутского языка 52,2% респондентов воспринимают как гражданский долг, а 62,3% намерены использовать обучать ему детей и/или внуков в образовательных учреждениях. Язык обладает высоким престижем среди респондентов, хотя они сами им и не владеют: 86,9% считают его (скорее) престижным. Будущее языка видится преимущественно в положительном ключе: 49,3% ожидают его сохранения на бытовом уровне, 33,3% – развития, и лишь 4,3% – исчезновения.

В Республике Калмыкия респонденты, не владеющие титульным языком, тем не менее в большинстве своем считают знание калмыцкого языка гражданским долгом – 64,5%. При этом 33,9% планируют обучать ему детей, тогда как 61,3% – не планируют. Престиж калмыцкого языка – высок: 82,2% респондентов считают его «скорее престижным».

Результаты исследования демонстрируют разнообразие сложившихся языковых установок по отношению к исследуемым титульным языкам. Около трети опрошенных, хотя сами и не владеют языком, тем не менее

считают, что знать их обязательно. Такое же количество респондентов в трех республиках хотели бы, чтобы их дети/внуки говорили на титульном языке. Подавляющее большинство считают карельский, калмыцкий и якутский – престижными языками. В Республике Саха (Якутия) наблюдается самый высокий уровень солидарности с титульным языком. В Калмыкии, несмотря на позитивные языковые установки и признание престижности языка, отмечается невысокая мотивация к его активной межпоколенной передаче. В Карелии низкий уровень языковой лояльности коррелирует с преобладанием пессимистичных ожиданий относительно дальнейшей судьбы карельского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 8–28.

2. Тишков В. А. Перепись населения и меняющиеся идентичности [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. 2002. URL: demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_02.html (дата обращения: 02.07.2025).

3. Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 62–74. DOI: 10.25178/nit.2020.1.5.

4. Хилханова Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.

5. Baker, C. (1992) Attitudes and Language. Multilingual Matters, Clevedon, UK, 173 p.

6. Hymes, D. (1971) Competence and performance in language theory, Language acquisition: models and methods, Academic Press, London, UK, 67–99.

7. Кириленко С. В. Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих // Социолингвистика. 2022. Т. 4, № 12. С. 140–153.

УДК 394.2

Кириллова Зоя Николаевна
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Кириллова Зоя Николаевна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Kirillova Zoya Nikolaevna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: zkirillova@yandex.ru

КЕРӘШЕН ТАТАРЛАРЫНДА ЧУК АТАМАСЫ

ТЕРМИН ЧУК У КРЕЩЕНЫХ ТАТАР

TERM CHUK AT BAPTIZED TATARS

Аннотация. *Статья посвящена выявлению значений термина чук у крещеных татар (кряшен). Среди ученых существуют различные взгляды на происхождение слова, которые были исследованы в работе. В статье также пред-*

ставлены различные аспекты названия и порядка проведения похожего праздника или обряда у тюркских и финно-угорских народов.

Annotation. *The article is devoted to identifying the meanings of the term chuk at Baptized Tatars (Kryashens). Among scholars, there are various views on the origin of the word that have been investigated in the work. The article also presents various aspects of the name and procedure for holding a similar holiday or rite among the Turkic and Finno-Ugric peoples.*

Ключевые слова: *крещеные татары, кряшены, традиции, праздники, обряды*

Keywords: *Baptized Tatars, Kryashens, traditions, holidays, rituals*

Керәшен татарларында чүк атамасының берничә варианты кулланылган: чүк итү, чук, чүпкә кийү, чүп быткасы һ. б. Тикшеренүләрдән күренгәнчә, чүк сүзе шундый ук мәгънәдә чуваш телендә дә бар: учук, чук, чукләмә – кырда корбан чалу, сумар чук – яңгыр теләү, самарта чук – йомырка белән корбан ясау, сара чуклеми – сыра белән үткәрелә торган теләк, чук уйахе – корбан ае. Мари телендәге цок, чок һәм удмурт телендәге чек һәм цок сүзләре дә кырга чыгып уздырыла торган корбанны белдергән [3: 164–165]. «Татар теленең этимологик сүзлеге»ндә исә Р. Әхмәтьянов әлеге сүзнең Н. Остроумов сүзлегендә урын алган «Тройсын көнендә уразага керер алдыннан уздырыла торган бәйрәм» мәгънәсен китерә. Чуваш телендәге *чӗк, чук, чок, чүк*, мари диалектларындагы *цок, цүк, чок, чокымыш*, удмуртчадагы *чук, чеке, цок* сүзләренең «үлгәннәрне искә алу (Труйчын) көнендә кычкырык сүзе» ~ алтайча *чок* > шорча *шок,* алтай диалектларында *шок* – мәҗүси корбан бәйрәмендә кычкырык сүзе» дип аңлата. Чуваш һәм мари телләрендә бу сүзнең күп мәгънәле һәм продуктив сүзьясагыч нигез булуын искәртеп, объектив тикшеренүчеләрнең аны татар теленнән, татар мәҗүсилегеннән таралган дип белдерүләрен күрсәтә. *Чүк < чок* сүзе һәм йоласының монгол халыкларында X гасырдан билгеле булуын да аңлатып үтә [2: 460].

Чүк сүзенең чуваш, мари, удмурт, мордва, алтай, казах, кыргыз һәм төрекмән телләрендә булган охшашлыгын күздә тотып, Р. Әхмәтьянов борынгы төркиләрдә башта әлеге йола ут культы белән бәйле булган, ә җир эшкәртүгә күчкәч, аграр бәйрәмгә әйләнгән һәм шул хәлдә күрше финугыр халыкларына да кабул ителгән дип фаразлый [1: 164].

Ф. Баязитова фикеренчә, керәшен сөйләшләрендә кулланыла торган чүк сүзе күплекне, бергәләп җыелуны аңлаткан булса кирәк. Моны чүк сүзенең җыен мәгънәсендә кулланылуы да исбатлый: Әрнәш чүге, Тупылат чүге (Әлеге бәйрәмнәр хәзерге вакытта да күрше авыллар белән бергәләп уздырыла, мәсәлән, Тупылат чүге Иванай (элеккеге исеме – Тупылат) һәм Казак Чаллысы авыллары катнашында үткәрелә. – *З.К.*). Моннан тыш, Пермь татарлары сөйләшләрендә тау чук, аткары чук – урам яки авылның бер өлеше. Татар әдәби телендәге чук сүзе (мәсәлән, калфак чугы), күптин-күп, чуктин-чук сәлам (хат язганда) шулай ук күплекне белдерү өчен кулланылган [3: 165].

Корылык булган вакытларда кырга чыгып ботка пешерү һәм соңыннан су сибешү дә керәшеннәрдә чүк сүзе белән белдерелгән. Рәүфә Уразман хезмәтендә тәкъдим ителгән 37 атама арасында чук, чук үткәрү һәм

чук боламыгы атамалары да урын алган [7: 55]. Үткәрү тәртибе нигездә татар халкының башка төркемнәреннән аерылмаган, бары мөселман динендәгечә намаз уку гына булмаган, аның урынына келәү иткәннәр [4: 110].

Гомумән, керәшеннәрдә шактый күп бәйрәм һәм йолалар мәҗүсилектән калган ышанулардан гыйбарәт. Мисал өчен, Нардуган шул сәбәпле христиан дине тарафыннан тыелган да була [6: 214]. Кайбер төрки халыклар һәм татарларның берничә төркемендә урын алган Олы көн христиан динендәге Пасха бәйрәме үзенчәлекләреннән тыш, керәшеннәрдә мәҗүсилек элементларын да үз эченә ала; яз бәйрәме, туганнар белән аралашу, күңел ачу көне һәм балалар өчен бигрәк тә көтеп алынган бәйрәм буларак үткәрелә [5: 9, 11].

Күренгәнчә, чүк сүзе галимнәр тарафыннан төрлечә аңлатыла. Гомумиләштереп әйткәндә, әлеге атама төрки һәм фин-угыр халыкларында мәҗүсилек чорыннан калган корбан биреп яңгыр теләү йоласы мәгънәсен белдергән. Шул ук вакытта чүк сүзе башка мәгънәдә дә кулланылган, аерым алганда, җыен яки хәзерге сабантуйга охшаш бәйрәмне дә аңлаткан.

ӘДӘБИЯТ

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

2. Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. II т. (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

3. Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.

4. Кириллова З.Н. Керәшен татарларында аграр-дини йола лексикасы // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию создания Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. 10–11 сентября 2019 г. / сост. Э.И. Сафина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 108–111.

5. Кириллова З.Н. Керәшеннәрдә Олы көн бәйрәме // Занкиевские чтения [Электронный ресурс]: сборник тезисов докладов IX Междунар. науч.-практ. конф. (3–5 апреля 2025 г., г. Тобольск) / отв. ред. С.Р. Муратова. Киров: Изд-во МЦИТО, 2025. С. 8–12.

6. Кириллова З.Н. Керәшеннәрдә Нардуган бәйрәме // Просветительство и межкультурный диалог: наследие Каюма Насыри в контексте современных исследований: материалы междунар. науч. форума, посвящ.о 200-летию со дня рождения Каюма Насыри / сост.: Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова. Казань: ИЯЛИ, 2025. С. 210–215.

7. Уразман Р. Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 96 б.

УДК 81:061.12(476) «19/20»

Копылов Игорь Леонович
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси
Минск, Республика Беларусь
Kapylou Ihar
Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature
Researches of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: iharkap@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

CURRENT ISSUES IN BELARUSIAN LINGUISTICS IN THE LIGHT OF MODERN RESEARCH

Аннотация. *В статье рассматриваются основные достижения и перспективы белорусского языкознания в свете современных научных исследований, отражается роль лингвистических изысканий в формировании национальной идентичности и белорусской государственности.*

Annotation. *The article examines the main achievements and prospects of Belarusian linguistics in the light of modern scientific research, reflects the role of linguistic research in the formation of national identity and Belarusian statehood.*

Ключевые слова: *Белорусское языкознание, современные технологии, национальная идентичность*

Keywords: *Belarusian linguistics, modern technologies, national identity*

Белорусское академическое языкознание имеет более чем вековую историю и тесно связано с процессами становления белорусской нации и формирования белорусской государственности. В начале прошлого века языкознание как наука выполняло не только научную функцию, ориентированную на исследование языка как системы, его происхождения, структуры и развития, но и общественно-политическую. За относительно короткий промежуток времени была проведена комплексная научная обработка живого народного языка, что позволило превратить его в упорядоченную, кодифицированную систему и спользовать во всех сферах общественной жизни. Кроме того, лингвистические исследования послужили интеллектуальным фундаментом для политического и культурного обоснования существования белорусской нации и определения локализации белорусского этноса: учеными-языковедами была создана научная база, на которой строилась идеология национального возрождения.

На современном этапе язык выступает одной из важнейших составляющих культурного кода нации, является символом национального сознания, элементом национальной идентификации и формой исторической памяти народа, которая хранит его прошлое, обеспечивает преемственность поколений и облегчает понимание процессов национального развития.

Особенно возрастает роль национального языка как фактора сохранения национальной самобытности в условиях глобализации и культурной унификации.

Язык – динамическая система, и для ее изучения, описания и сохранения традиционных методов уже недостаточно. Современные технологии открывают новые возможности как для ученых, так и для носителей языка. Сегодняшние лингвистические исследования характеризуются рядом особенностей. Во-первых, ориентацией на сохранение языкового наследия, которое является неотъемлемой частью историко-культурного наследия народа (сбор, систематизация, оцифровка устных и письменных источников разных эпох и разных регионов). Во-вторых, широким использованием современных технологий, в первую очередь связанных с корпусной лингвистикой, что дает возможность изучать лексику, особенности грамматического строя, устанавливать частотность слов в реальных текстах, создавать электронные словари и описывать грамматические системы. Третья особенность – внедрение искусственного интеллекта, способствующего созданию систем распознавания и синтеза речи, что открывает новые возможности в области фонетики, фонологии и прагматики. В-четвертых, использование новых технологий в сфере образования посредством онлайн-платформ, приложений, электронных учебников позволяет вовлекать молодежь в изучение родного языка через социальные сети, мобильные сервисы, различные игры и т. д.

В Беларуси на конституционном уровне (статья 17 Конституции Республики Беларусь) закреплено государственное двуязычие [1], что является основой урегулирования языкового вопроса в стране. Полноценное и всестороннее развитие государственных языков является гарантом гуманитарной безопасности государства. Эти положения закреплены в Концепции информационной безопасности страны: «белорусский язык, наряду с конституционно закрепленным в государстве двуязычием, содействует повышению национального самосознания белорусского общества и функционированию его духовности. Расширение социальных функций и коммуникативных возможностей белорусского языка, его полноценное и всестороннее развитие вместе с другими элементами национальной культуры выступает гарантом гуманитарной безопасности государства» [2]. В связи с этим деятельность Института языкознания имени Якуба Коласа (единственной научной организации, которая планомерно и системно занимается исследованием вопросов белорусского языкознания) направлена на обеспечение теоретической и фактологической базы научного сопровождения государственного белорусско-русского двуязычия и потребностей современной языковой практики, а также на анализ места и роли белорусского языка в коммуникативном и культурном пространстве белорусского общества.

Традиционно одним из приоритетных направлений белорусского языкознания является изучение истории национального языка. В настоящее время завершается комплекс исследований, в которых проведен детальный анализ памятников старобелорусского литературно-письменного языка XIV–XVIII вв. В изданных монографиях прослежена языковая ди-

намика на орфографическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, исследована специфика лексического состава, освещены вопросы взаимосвязей с другими языками, отражена роль и функции языка в общественно-политической и культурной жизни наших предков: «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (2 т.), «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы», «Гістарычная марфалогія беларускай мовы», «Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.», «Развіццё арфаграфічнай сістэмы беларускай мовы», «Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.» и др. Проведена работа по изучению языка отдельных памятников письменности (например, «Гістарычныя запіскі Ф. Еўлашоўскага»), исследованы особенности функционирования церковнославянского языка на землях древней Беларуси («Святое Евангеліе. Слуцк»; «Житие блаженной Евфросинии, игумении Вседержителя Святого Спаса во граде Полоцке», «Жыровіцкае Евангелле»). Осуществлена лексикографическая обработка словарного фонда старобелорусского языка и подготовлены уникальные историко-лингвистические словари: «Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы», «Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі», «Гістарычна-этымалагічны слоўнік іншамоўнай лексікі ў старабеларускай мове». Самым значимым достижением названного направления является «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» в 37 выпусках – первый и единственный в отечественной гуманитарной науке справочник, который с максимальной полнотой отражает словарное богатство белорусского языка XIV–XVIII вв.

Результаты исследований в области истории белорусского языка подтверждают значимость письменного наследия как свидетельства национально-культурной идентичности белорусов. В перспективе планируется развивать неразработанные в диахроническом языкознании направления: историческую стилистику и фразеологию, лингвотекстологию, лингвистическое краеведение. Актуальным остается введение в научное обращение неопубликованных источников. Так, в архивах Санкт-Петербурга хранится рукопись известного белорусского этнографа, фольклориста и лексикографа Ивана Носовича «Алфавитный указатель старинных слов, извлеченных из “Актов, относящихся к истории Западной России”, изданных в 1853 г.», а также разрозненные материалы для «Словаря западнорусского наречия» археолога, историка, археографа, священника Ивана Григоровича. В свете современных научных исследований рассматривается проект по внедрению новейших разработок в области искусственного интеллекта для подготовки программы, способной распознавать древние тексты и переводить их в электронный формат.

В системе духовно-культурных ценностей белорусской нации особое место занимают народные говоры: они служат не только основой современного литературного языка, но и отражением психологии, философии народа, его социально-экономического развития, исторической памяти. В современных условиях глобализации и интенсивного технического прогресса в обществе происходят существенные изменения, серьезно меняется традиционный языковой ландшафт, прежде всего сельский. В связи со старением сельского населения и миграционными процессами народные

говоры в значительной степени трансформировались и находятся на стадии исчезновения. Соответственно, стоит задача максимально полно собрать, систематизировать и исследовать диалектный язык. В Беларуси сформирована научная школа, результаты деятельности которой известны далеко за пределами страны. Диалектологами был подготовлен «Лексічны атлас беларускіх народных гаворак» (5 т.), включающий около 2000 лингвистических карт, на которых отражено более 200 тысяч лексем, что дает возможность показать специфику и самобытность народного языка. Кроме того, подготовлены фундаментальные исследования, которые свидетельствуют о языковом богатстве разных регионов Беларуси: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», «Слоўнік беларускіх гаворак паўночназа-ходняй Беларусі і яе пагранічча», «Тураўскі слоўнік», «Лінгвістычны мікраатлас Тураўшчыны», «Мова Сенненшчыны» и др. Лексикографические традиции, заложенные учеными еще в 60-е годы XX в., сегодня активно развиваются и воплощаются в новых проектах. Впервые в истории славянского языкознания подготовлен комплекс тематических словарей, отражающих лексику сферы живой природы, характеристики человека и его деятельности, сельского хозяйства и других занятий: «Жывёльны свет: тэматычны слоўнік», «Раслінны свет: тэматычны слоўнік», «Чалавек: тэматычны слоўнік», «Сельская гаспадарка: тэматычны слоўнік», «Плытніцтва: тэматычны слоўнік» и др.

Главной задачей национальной диалектологии на современном этапе является систематизация материалов всех лексикографических источников, что найдет отражение в «Сводном словаре белорусских народных говоров».

С целью стабилизации орфографических норм современного белорусского литературного языка, обеспечения единого языкового режима в школьном обучении и единства печатных белорусскоязычных изданий в Республике Беларусь принят Закон Республики Беларусь «Аб Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Принятие закона позволило сохранить единство норм письменного языка, содействовало повышению его престижа как государственного. Кроме того, введение закона способствует оптимизации процесса овладения белорусским языком в рамках школьного обучения. Подготовлена фактологическая база по введению в действие закона: изданы словари и справочники «Беларускі арфаграфічны слоўнік», «Современный русско-белорусский словарь», «Слоўнік арфаграфічных новаўвядзенняў», «Асобна, разам, праз злучок» и др.

Важным научным направлением в условиях государственного двуязычия Беларуси является систематическое сравнительное изучение белорусского и русского литературных языков на современном этапе их развития. Учеными проведены систематические сравнительные исследования белорусского и русского языков на морфологическом, словообразовательном и лексико-семантическом уровнях. Результатом стали коллективная монография «Сравнительная характеристика русского и белорусского языков. Морфология», «Сравнительная характеристика русского и белорусского языков. Словообразование». Издан «Русско-белорусский системный семан-

тический словарь» (2 т.) – новый тип двуязычных словарей, не имеющий аналогов не только в нашей республике, но и в странах СНГ.

В белорусском языкознании активно развиваются новые направления – неология и неография. Радикальные преобразования в социальной, политической, экономической и культурной жизни вызвали значительные изменения в лексике многих языков, в том числе белорусского, в связи с чем возникла острая необходимость создания словарей, отражающих основные тенденции развития и формирования лексического состава белорусского языка в указанный период. Языковедами подготовлены «Белорусско-русский толковый словарь новых слов и новых значений слов», «Словарь новых заимствованных слов белорусского языка», представляющие лексику, которая появилась в начале XXI в. и широко используется в периодической печати и текстах, размещаемых в Интернете.

Лексикографическое описание лексико-семантической и фразеологической систем современного белорусского языка с учетом тенденций последних десятилетий является первоочередной задачей отечественного языкознания. Оно позволит максимально полно отразить семантические, грамматические и стилистические изменения, произошедшие в языке на протяжении XX – начала XXI в., выявить лексические новации. Сегодня ведется активная работа по подготовке нового многотомного толкового словаря белорусского языка с привлечением современных цифровых технологий.

Под эгидой лингвистов в Республике Беларусь ведется постоянная работа по стандартизации и нормализации собственных географических названий в рамках специального научно-консультативного центра. Разработанные теоретические основы по стандартизации топонимов нашли свое применение при подготовке нормативного справочника «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь» в 6 томах. В настоящее время стоит острая задача по сбору микротопонимии, самой уязвимой категории собственных имен. Микротопонимы отражают исторические, культурные и этнографические особенности регионов, их сбор помогает сохранить уникальные языковые памятники. Названия мелких географических объектов служат источником для исследования миграций, хозяйственной деятельности и традиционного уклада населения. Полученные данные важны не только для научной, но и для туристической сферы и краеведения.

Не утрачивает своей актуальности и направление, связанное с разработкой, систематизацией и упорядочением научной и научно-технической терминологии на белорусском языке. Специалистами подготовлен ряд фундаментальных изданий: «Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі», «Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов», «Русско-белорусский политехнический словарь», «Русско-белорусский терминологический словарь по порошковой металлургии» и др. В настоящее время ведется работа по нормализации юридической терминологии на белорусском языке.

На протяжении многих лет ученые работают над созданием «Этимологического словаря белорусского языка» (издано 14 томов), раскрывающего

происхождение лексики белорусского языка в ее соотношении с лексикой других языков.

Этнолингвистами Института создана электронная база данных белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа на основе уникального рукописного архива, собранного учеными, педагогами, студентами в конце 70-х – 80-х гг. XX века на всей территории Беларуси. Сегодня база данных представляет собой массив диалектной, фольклорной, этнографической информации (около 26,5 тысячи единиц) из 1610 населенных пунктов всех регионов Беларуси, отражающий представления, поверья, обычаи, легенды, мифологические сюжеты и т. д. В современной парадигме научной гуманитаристики этнолингвистическое исследование культурного ландшафта Беларуси в синхроническом и диахроническом аспекте имеет высокую актуальность. Оно позволяет продемонстрировать разнообразие таких этнокультурных явлений, как календарные и семейные обряды и их элементы, верования, легендарные и мифологические сюжеты и мотивы, образы и персонажи народной прозы, их распространение на территории Беларуси.

В Институте языкознания развивается и такое уникальное направление, как китабистика. Объектом его исследования является рукописное наследие белорусских татар как неотъемлемой части белорусской культуры, содержащей богатейший материал по истории белорусского языка XVII–XX вв. Результатом научных изысканий стало издание каталогов «Рукописи белорусских татар конца XVII – начала XX в. из государственных книжных собраний страны», «Рукописи белорусских татар XVIII – начала XXI века из государственных и общественных книжных собраний страны»; издан каталог наиболее ценных рукописей, сохранившихся в частных книжных собраниях Беларуси – «Тафсиры, китабы и хамаилы из частных книжных собраний Беларуси». Также публикуются и исследуются отдельные тексты: «Из рукописного наследия татар Великого княжества Литовского: тексты и исследования», «Письменное наследие татар Великого княжества Литовского и его историко-культурный контекст».

Появление новых информационных технологий и компьютеризация лингвистической работы способствовали возникновению новых направлений в языкознании. Ученые разработали уникальную методику преобразования электронной орфографической записи белорусских слов в фонетическую транскрипцию, результатом применения которой стал «Орфоэпический словарь белорусского языка». Это первый полный академический словарь в белорусском языкознании, в котором зафиксированы правила литературного произношения.

Впервые создан Национальный корпус белорусского языка объемом 1 млрд словоупотреблений, включающий тексты белорусского языка с XVI века до наших дней. В рамках работы над корпусом была подготовлена Грамматическая база белорусского языка – крупнейший электронный словарь белорусского языка на сегодняшний день, включающий 266 000 парадигм. Корпус и грамматическая база широко и эффективно используются самими учеными для проведения научных исследований и в лексикографической практике, они востребованы в учебном процессе,

в учебно-методической работе, в редакционно-издательской деятельности, при изучении математических моделей языка и дальнейшем создании программ автоматической обработки текста.

На основе научных исследований в области фонетики, проводимых в Институте языкознания имени Якуба Коласа, создан фонетический преобразователь, позволяющий конвертировать слова и тексты на белорусском языке в международную фонетическую транскрипцию IPA и транскрипцию, принятую в системе образования Беларуси. В свою очередь, на основе фонетического преобразователя, Грамматической базы белорусского языка и нейросетей GlowTTS и HiFiGAN создан уникальный синтезатор белорусского языка. Для целей практического перевода создано несколько электронных параллельных русско-белорусских корпусов текстов (переводы кодексов Республики Беларусь и корпус переводов художественной и документальной литературы, подготовленные совместно с Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН).

Учеными-языковедами впервые подготовлен и издан «Китайско-белорусский. Белорусско-китайский словарь» (20 тыс. слов). Создание словаря имеет большое практическое и культурологическое значение – это важный шаг в расширении межкультурного общения между белорусским и китайским народами.

Таким образом, исследования в области белорусского языкознания направлены на укрепление роли языка в социокультурной сфере, что важно для сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Современные научные подходы, в том числе использование новых технологий, открывают перспективы для более глубокого изучения историко-культурной роли и возможности укрепления статуса белорусского языка в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). [Электронный ресурс]. https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875 (дата обращения: 15.09.2025).

2. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (утверждена постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 № 1). [Электронный ресурс]. https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001) (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 81`27

Крестьянинова Александра Алексеевна
Московский финансово-промышленный университет Синергия
Москва, Россия
Krestyaninova Alexandra Alekseevna
Synergy Moscow University of Finance and Industry
Moscow, Russia
e-mail: akrestyaninova89@gmail.com
Хакиева Залиха Усмановна
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Чеченский государственный педагогический университет
Грозный, Россия
Khakieva Zalikha Usmanovna
Kadyrov Chechen State University, Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
e-mail: zalikha_khakieva@mail.ru

ИМПЛИКАЦИИ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ «СЫН ГОР» В ДИСКУРСЕ XIX–XXI ВВ.

IMPLICATIONS OF THE COGNITIVE MODEL "SON OF THE MOUNTAINS" IN THE DISCOURSE OF THE 19TH–21ST CENTURIES

Аннотация. *Описываемая в статье когнитивная модель «сын гор» берёт истоки в мифологическом мышлении – когда люди, проживающие на определенной территории, воспринимаются сыновьями земли – той местности, где они проживают. На берегах водных пространств живут сыновья реки/ моря, в горах живут сыны гор. Основная часть концептуальных метафор «сын гор» реализует значение отличительных черт характера и темперамента жителей подобных пространств. Жители гор отличаются особенным (взрывным) характером, темпераментом, что сказывается на их традициях и быте. Сложившийся у горян уклад жизни обусловлен климатом, ландшафтом.*

Annotation. *The cognitive model "son of the mountains" described in the article has its origins in mythological thinking – when people living in a certain territory are perceived as sons of the earth – the area where they live. The sons of the river/sea live on the shores of the water spaces, and the sons of the mountains live in the mountains. The main part of the conceptual metaphors "son of the mountains" implements the meaning of the distinctive character traits and temperament of the inhabitants of such spaces. The inhabitants of the mountains have a special (explosive) character and temperament, which affects their traditions and way of life. The Goryans' way of life is determined by the climate and landscape.*

Ключевые слова: *когнитивная модель, терминосистема родства, концептуальная метафора, дискурс, лингвокультура*

Keywords: *cognitive model, kinship terminological system, conceptual metaphor, discourse, linguoculture*

Цель статьи – описать когнитивную модель «сын гор» в разных типах дискурса. Задачи статьи: 1. Описать языковой материал из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) на предмет реализации данной ког-

нитивной модели в современном дискурсе; 2. Выявить смысловые закономерности её актуализации.

Термин *когнитивная модель* появился в зарубежной лингвистике в последней четверти XX в. В лингвистике XXI в. под термином *когнитивная модель* понимается определенный стереотипный образ, с его помощью организуется некоторый объем знаний, в том числе и обыденных, бытовых. Когнитивная модель определяет концептуальную организацию опыта, его оценку, а также то, что мы желаем выразить [1: 33].

Теория концептуальной метафоры, объективирующей определенную когнитивную модель, была предложена Дж. Лакоффом и Я. Ковешжечем в совместной работе «Когнитивная модель гнева, присущая американскому английскому» [3: 195–221]. В своей книге «Метафоры, которыми мы живем», вышедшей в 1980 г., Дж. Лакофф и М. Джонсон обнаружили, что:

1. Метафора распространена не только в языке, но и в мыслях и действиях [2: 4]. С этой точки зрения метафора рассматривается не только как аспект языка, но и как аспект мышления. Мыслительные процессы в значительной степени метафоричны, и, таким образом, повседневный язык метафоричен.

2. Литературная метафора является расширением обычной метафоры повседневного языка [5: 203]. Замечательное открытие Дж. Лакоффа и М. Д жонсона позже было оформлено в виде современной теории метафоры [5]. Основной аргумент этой теории заключается в том, что метафора подразумевает понимание одной концептуальной области в терминах другой концептуальной области. Например, носители английского языка думают и говорят о споре в терминах войны, любви – в терминах путешествия, идеях – в терминах еды, гневе – в терминах огня и т. д.

Слова, обозначающие родство и родственные отношения, активно участвуют в создании концептуальных метафор. Терминология родства реализует концептуальные метафоры, актуализирующий определённые черты лингвокультуры. Теоморфная мифологема *мать-сыра-земля* в лингвокультуре проявляется посредством таких когнитивных моделей, как «сын земли», «сын полей», «сыновья моря» и т. д. Мать-сыра-земля – это Великая Богиня-мать, у которой есть дети:

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья? Д.В. Веневитинов.

Отсюда и соответствующие устойчивые выражения: *земля-матушка, сын земли* и т. д. Поэты и писатели пополняют языковой арсенал подобных концептуальных метафор:

Я – сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом…
Я – сын земли, где дни и годы – кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна. В.Я. Брюсов.

Сынами гор называли народы, жившие рядом или среди гор. К ним относятся казахи, аварцы, грузины, киргизы, армяне, башкиры, тувинцы и др. народы:

Кавсадзе играет грузина, сильного и благородного сына гор, невероятно обаятельного в любом своем жесте или слове. Г. Заславский. Тонкий и толстый // Независимая газета, 05.10.2000.

Художественный дискурс ознаменовался появлением ряда произведений, посвящённых теме сынов и, шире, жителей гор. Среди них:

Хлебников Велимир. Жители гор. 1912.

Ахмедов Магомед. Исповедь сына гор; перевод с аварского автора // Дружба народов. 2022. № 12. С. 155-184.

Алиев Мамедгесуйн. Сын гор. М.: Советский писатель, 1982. 342 с.

Жаксылыков А. Сын степей и гор, Адий... – Алматы: Қазақ университеті, 2016.

Исследование языкового материала позволило выявить эпитеты жителей гор:

1) коренные;

2) дикие:

От Бирска вглубь до самых гор – наше! А жители там – башкирье, дикари, народ негодный, нерабочий, сорье на земле, нищими по золоту ходят, лень им золото поднять… М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1936.

3) бедные;

4) суровые:

Суровый житель гор, глядя на ребёнка, забывал всю свою суровость. М. Шелли. Смертный бессмертный. 1833.

Суровый нрав жителей гор обусловлен трудными условиями выживания.

5) мирные;

6) местные;

7) древние:

Так наш народ и не узнал ничего больше о древних жителях гор. Дж.Р.Р. Толкин. Возвращение Короля. 1955.

Все народы, живущие в горах, считаются древними. Их история уходит вглубь веков.

8) живущие в замкнутом пространстве:

Только тогда жители прибрежных равнин узнали, что на свете существуют высокие горы, а жители гор узнали, что на планете имеются обширные пустыни, и т. д. Г. Бабаев, Контрольные работы по географии. 7 класс, 2009.

Обитатели земли отличаются характером, темпераментом, традициями и бытом. Сложившийся уклад жизни обусловлен климатом, ландшафтом:

Бедные не любят богатых, патриоты – либералов, москвичи – понаехавших, жители равнины – обитателей гор… Б. Бронштейн. Сенька на Стеньку // Новая газета, 12.12.2018.

Основные эпитеты, характеризующие *сынов гор*, относятся к разным дифференцирующим признакам:

1. особый нрав (гордый):

Волк – в «защитке», с «калашом» наперевес выбивает из аула банд-формирования, то бишь Зайца – гордого сына гор. Новогодняя» девятка // Аргументы и факты, 2001.12.26;

2. проявляющий темперамент (горячий, буйный):

Может, виной тому было имя воспетого Данелем Дефо его тезки, может, буйный, толкающий сына гор на поиски приключений характер. Л. Иванов. Приключения Робинзона // Труд-7, 12.10.2001;

3. социальное положение (вольный):

Мог ли он, свободный сын гор, видеть, как унижают человека, попирая его права, и не вступиться за него? В. Светлов. При дворе Тишайшего, 1911;

4. воинские качества (отважный);

5. подтверждающий/ проявляющий нормативные черты (истинный, настоящий);

6. подобный птице – орлу (пернатый).

Языковой материал дополняет список этих эпитетов:

7. физическая сила и мощь:

Все его чествовали и заставляли пить за компанию, пока он не почувствовал себя слегка навеселе и, боясь впасть в излишнюю непринуждённость, остановился, дивясь, с какой лёгкостью эти могучие сыны гор поглощали крепкие вина. Санд Ж. Снеговик, 1859.

8. коварство:

Видимо, сын гор уже придумал, как обеспечить подчинённому неприятности. В. Мясоедов. Четвертая магическая война, 2015.

9. противоречивость:

«Скажите, как проехать к бывшей даче Микояна?». «Нет ничего проще», – заверили сыны гор. При этом каждый из них указал в сторону, взаимоисключающую одна другую. И. Филатова. Пустят ли царева наследника за кремлевскую стену? // Московский комсомолец, 10.12.1997.

10–11. эмоциональность и искренность:

Глаза сына горели красиво и светло; опираясь грудью на стол, он подвинулся ближе к ней и говорил прямо в лицо, мокрое от слез, свою первую речь о правде, понятой им. М. Горький. Мать (1906).

12. мстительность:

Князь горийский попомнит, как он оскорбил вольного сына гор. Князь горийский – завтра же найдет в саду труп своей дочери! Харрабаджа! Л.А. Чарская. Княжна Джаваха, 1903.

13. непрощение нанесенных обид:

К кому относилась эта угроза – ко мне ли, за то, что я выдала его, или к моему отцу, оскорбившему вольного сына гор ударом нагайки, – я не знаю. Но его взгляд скользнул по нас обоих, и невольно опустились мои глаза, встретив его сверкающие бешеным огнем зрачки, а сердце мое болезненно сжалось предчувствием и страхом. Л.А. Чарская. Княжна Джаваха, 1903.

14. рождённый среди гор:

Расул Гамзатов – славный сын гор! Это человек с большой буквы, с прекрасной душой, пронесший свой талант через большую и сложную жизнь. Кизилюртовские вести. 08.09.2021.

15. обаяние:

Подполковник Мухтар Байчоров был мудрым, добрым, мужественным, порядочным, обаятельным сыном гор Карачая. Н. Хубиев. Сын гор Карачая. 2025.

У каждого народа есть свои таланты, вписанные в историю земли. У аварского народа таким талантом был Расул Гамзатов – народный поэт Республики Дагестан, у казахов – Адий Шарипов.

Все народы имеют собственные сказания и фольклор. В «Независимой газете» упоминается одна легенда, существовавшая у народов, живущих в горах:

– Я вспоминаю горскую легенду, которую мне рассказали на Кавказе: в древности существовал обычай, по которому, когда член племени достигал преклонного возраста и становился для него бременем, его сын должен был отвести своего родителя в горы и убить. «Мне не нужно изобретать велосипед» // Независимая газета, 29.07.1999.

Сделаем краткие выводы. Когнитивная модель «сын гор» вербализуется одноимённой конструкцией во всех типах дискурса с XIX–XX–XXI вв. Впервые она встречается в переводе романа Жорж Санд в художественном дискурсе. Позже она подхватывается публицистами, поэтами, писателями, прозаиками. В XX в. она частотна в публицистике. Посредством изучаемой когнитивной модели актуализируется три значения: 1. Рождённый в горах; 2. Человек особого характера и темперамента (сыны гор – горячие, взрывные, свободные, вольные, свободолюбивые); 3. Оценка – соответствующий норме (настоящий, истинный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 2001. 497 с.

2. Lakoff G. & Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

3. Lakoff G., Kövecses Z. The Cognitive Model of Anger Inherent in American English // Cultural Models in Language and Thought / D. Holland, & N. Quinn (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, University of California at Berkley, 1983. P. 195–221.

4. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 614 p.

5. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / A. Ortony (Ed). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

УДК 811.512.211

Кузьмина Раиса Петровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение Российская академия наук
Якутск, Россия
Kuzmina Raisa Petrovna
Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North Siberian Branch Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
E-mail: raisakuzmina2013@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЁД» В ЭВЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “ICE” IN THE EVEN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. *Концепт «лёд» в эвенской языковой картине мира обладает более сложной и многослойной семантической структурой, чем просто физическое состояние воды. Он несет в себе глубокий культурный и мифопоэтический смысл, отражая тесную взаимосвязь эвенов с природо-климатическими условиями Севера. Семантический анализ эвенских лексем, обозначающих «лёд», выявляет не просто синонимические ряды, а сложную систему языковых единиц, дифференцированных по различным семантическим признакам.*

Annotation. *The concept of “ice” in the Even language picture of the world has a more complex and multilayer semantic structure than just the physical state of water. He carries a deep cultural and mythopoetic meaning, reflecting the close interconnection of Evens with the nature-climate conditions of the North. The semantic analysis of the Even lexemes, denoting the “ice”, reveals not just synonymous ranks, but a complex system of language units differentiated by various semantic features.*

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт, лексема, лингвокультура, сема, признак*

Keywords*: linguistic picture of the world, concept, lexeme, linguaculture, seme, feature*

В эвенском языке концепт «лёд» выражается с помощью лексемы *бөкэс* с дефиницией ‘лёд, льдина; ледяной, подлёдный’. Это слово происходит от глагольной основы *бөку-*, имеющей значение ‘обледенеть, покрыться льдом, замерзнуть (о реках)’ [6]. Корреляции лексемы отмечены в пяти языках тунгусо-маньчжурской группы: эвенк. *буксэ, буктэ* ‘лёд (на реке, на озере); наледь; (С-Б) родник с наледью; сосулька’; ульч. *букэ(н-)* ‘сосулька’; орок. *буккэ* ‘лёд’; нан. букэ ‘сосулька’. Кроме того, аналогичные лексемы можно найти в древнетюркском языке, где слово *buz* переводится как ‘лёд’ [6].

В эвенской языковой картине мира эвенов глагольная основа *бөку-* ‘обледенеть, покрыться льдом, замерзнуть (о реках)’ демонстрирует высокую степень продуктивности. Она выступает в качестве базового элемента для образования целого ряда слов, принадлежащих к различным частям речи. Дериваты отражают не только сам процесс обледенения, но и связанные

с ним действия (заготовка льда, хождение за льдом), места (место заготовки льда), состояния (быть покрытым льдом, быть скованным льдом), качества (ледяной, ледовитый), а также абстрактные понятия (обледенение, ледостав). Это указывает на центральную роль льда и обледенения в эвенской культуре и среде обитания. Образование дериватов происходит с помощью различных формантов.

Субстантивные дериваты: суф. *-н* образует существительное, обозначающее процесс или состояние – *бөкун* ‘обледенение, замерзание; ледостав’; *-р* образует существительное, обозначающее конкретный объект, связанный со льдом – *бөкур* Ол ‘ледник’; *-мкин* образует существительное, указывающее на место действия – *бөклимкин* ‘место заготовки льда’; *-мди* образует существительное, вероятно, обозначающее инструмент или средство, связанное с льдом – *бөкэсэмди* Ох ‘ледокол’; *-р* образует существительное, обозначающее конкретный объект, связанный со льдом – *бөкур* ‘ледник’; *-нмэй* образует существительное, обозначающее процесс – *бөкунмэй* ‘сковывание льдом, замерзание, обледенение, ледостав’ [1; 2; 3; 4; 7].

Глагольные дериваты обозначают действия, связанные со льдом: *-ли-дэй: бөклидэй* ‘ходить за льдом, приносить лёд; заготовлять лед’; *-лэ-дэй: бөклэдэй* ‘идти за льдом, принести лёд’; *-вкэн-дэй*: *бөкувкэндэй* ‘сковать, покрыть льдом’; *-т-тэй: бөкуттэй* ‘быть покрытым льдом’; *-вкэт-тэй: бөкувкэттэй* ‘сковывать, покрывать льдом’ [1; 2; 3; 4; 7].

Адъективная лексема, описывающая свойства, связанное со льдом: *-лкэн: бөкэсэлкэн* ‘ледяной, со льдом, ледовитый’.

Причастия: *-ты: бөкутты* ‘скованный льдом, покрытый льдом, ледяной’; *-чэ: бөкучэ* ‘скованный льдом, покрытый льдом, замерзший, обледеневший, обледенелый, ледяной; сковывание льдом, замерзание, обледенение’ [6; 8].

Согласно словарям эвенского языка, в лингвокультуре эвенов лексема бөкэс представлена различными синонимичными лексемами [5; 6; 8].

Семантический анализ эвенских слов, обозначающих «лёд», демонстрирует не просто синонимию, а скорее семантическую градацию и специализацию лексических единиц:

1. *Батăн ~ батон* ‘мерзлота, мерзлая почва; твёрдый, застывший (о почве, льде, снеге)’ – это наиболее общий термин, являющийся гиперонимом для всех остальных. Он фокусируется на самом факте замерзания и затвердевания вещества, не конкретизируя его природу. Ключевой признак – твердость и застывшее состояние, а не обязательно наличие именно льда. Это подчеркивает важность процесса замерзания в эвенской картине мира, больше, чем самой субстанции «лед».

2. Бут ‘мерзлота; растрескавшаяся от мороза земля; замерзший бугром лёд на реке’ – этот термин описывает замерзшую землю, часто с акцентом на растрескивание от мороза, и может также относиться к бугристой форме льда на реке. Он более специфичен, чем *батăн*, указывая на определенную текстуру и состояние поверхности.

3. *Бөгэ*, *бөгэне*, обозначающие ‘наледь; накипень (намёрзлые кочки, бугры)’ – эти слова описывают специфическую форму льда – наледь, образующуюся на поверхности земли, часто в виде бугров или кочек. В отличие от *батăн*, *бөгэ* и *бөгэне* фокусируются на морфологии ледяного образова-

ния и его месте формирования. Они указывают на конкретную форму льда, возникшую в результате определенного процесса.

4. *Бөкур* ‘ледник’ – это термин, обозначающий крупномасштабное, устойчивое ледяное образование. *Бөкур* не просто описывает лед, а выделяет его значимость в экосистеме. Ледники влияют на водный режим и климат, занимая в мировосприятии этноса особое место. Семантика *бөкур* выходит за рамки простого обозначения льда и включает в себя экологическое и географическое измерение

5. *Иӈэкчэ, иӈигйэ, иӈкил’е, н’иӈэмсэ* ‘мерзлый, мороженный, ледяной; мерзлота’ – зафиксированные в говорах эвенского языка, описывают постоянно присутствующую мерзлоту, подчеркивая её долговременность и неизменность. Они указывают на устойчивое, глубинное состояние почвы, а не на временное явление.

6. Лексема *дётис* со значением ‘наледь; место, покрытое круглый год льдом; лед на реке, не тающий летом’, выделенная в ламунхинском, тюгясирском и томпонском говорах также описывает наледь, но акцент ставится на её продолжительности и устойчивости во времени. *Дётис* является постоянным, не исчезающим даже летом, что выделяет его среди других форм льда.

Синонимы объединены общей семой «лёд», но различаются по дополнительным семам, указывающим на: форму и структуру льда, местоположение льда, продолжительность существования льда, масштаб ледяного образования.

В целом, семантический анализ показывает, что синонимы слова *бөкэс* ‘лед’ не являются полными взаимозаменяемыми вариантами. Они отражают многогранность понятия «лед», подчеркивая разные его аспекты и связанные с ним явления. Выбор синонима зависит от контекста и того, какой аспект ледяного образования необходимо подчеркнуть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

2. Кузьмина Р.П., Шарина С.И. Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 39).

3. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982. 241 с.

4. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 776 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 11).

5. Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. Москва: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 777 с.

6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Ответ. ред. Цинциус В.И. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А–Ӈ. 672 с.

7. Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. 184 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 36).

8. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.

УДК 81’26

Кузьмина Халисә Хатыйп кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Кузьмина Халиса Хатиповна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Kuzmina Khalisa Khatipovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: shirmanx@yandex.ru

КОЛ ГАЛИНЕҢ «КЫЙССАИ ЙОСЫФ» ӘСӘРЕНДӘ СИНТАКСИК СУРӘТЛӘҮ ЧАРАЛАРЫНЫҢ КУЛЛАНЫШЫ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ»

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION IN THE POEM OF KUL GALI “KYSSA-I YUSUF”

Аннотация. *Изучение синтаксических категорий в контексте стиля художественной литературы относится к области синтаксической стилистики. Синтаксическая поэтическая стилистика отличается от обычной синтаксической структуры текста тем, что она служит для создания поэтического эффекта, выразительности и гармонии стихосложения. В поэме XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали использованы анафоры, эпифоры, градации и литоты, а также изобразительные приемы и символы, свойственные тюркской поэзии, которые становятся важными элементами языка произведения.*

Annotation. *The study of syntactic categories in the context of the style of fiction belongs to the field of syntactic stylistics. Syntactic poetic stylistics differs from the usual syntactic structure of the text in that it serves to create a poetic effect, expressiveness and harmony of versification. The 13th-century poem “Kissa-i Yusuf” by Kul Gali uses anaphors, epiphores, gradations and litotes, as well as pictorial techniques and symbols peculiar to Turkic poetry, which become important elements of the language of the work.*

Ключевые слова: *синтаксическая стилистика, «Кысса-и Йусуф», Кул Гали.*

Keywords: *syntactic stylistics, «Kissa-i Yusuf», Kul Gali.*

Синтаксик категорияләрне стильгә мөнәсәбәтле рәвештә өйрәнү синтаксик стилистика өлкәсенә карый. Синтаксик шигъри стилистика текстның гадәти синтаксик структурасыннан аерыла, чөнки ул шигъри эффект, тәэсирлелек һәм аһәңлелек булдыру өчен кулланыла. Синтаксик шигъри стилистика текстны эмоциональрәк һәм сәнгатьле итә торган параллель конструкцияләр, кабатлаулар, инверсияләр һәм башка алымнар кулланырга мөмкин.

Татар әдәби теле тарихы стилистик һәм грамматик яктан шактый яхшы өйрәнелгән. Мәсәлән, М.З. Вәлиева [1], Э.Х. Кадирова [2],

Б.К. Миңнуллин [5], Ф.Ш. Нуриева [6], Р.Ф. Мирхәев [7] хезмәтләрендә төрле гасырларга хас тел-стиль чаралары җентекле тикшерелә. Әлеге мәкаләдә Болгар дәүләте чорына караган «Кыйссаи Йосыф» әсәренең шигъри стилен барлыкка китерә торган кайбер синтаксик сурәтләү чараларына күзәтү ясала.

Татар әдәби телендә төп синтаксик шигъри фигураларының берсе – инверсия. Инверсия җөмләдәге сүзләрнең тәртибен үзгәртүдән гыйбарәт, бу текстка шигъри аңлаешлылык һәм ритмиклык бирә. Мәсәлән, традицион сүз тәртибе урынына, шагыйрь инверсияне билгеле бер сүзләргә логик басым кую яисә аерып алу, тәэсир булдыру өчен куллана ала. нең үлчәме сөйләүгә, хикәяләүгә (шигъри сөйләм – нәзымга) корылган тезмә әсәр, шуңа күрә әсәр тукымасында ия һәм хәбәр урыны еш алышынмый. Шуңа карамастан, поэмада инверсия ысулына мисаллар очрый, тик аларны Кол Гали шигъри сүзнең көчен белеп, кирәкле урында гына куллана. Мәсәлән: *Бән – олмән, дүшдә сәңа билдирдиләр,* / *қаршу чықыб, хезмәт қыйл диб бойурдыйлар,* / *һич гөмансыз, шол кишимән, билгил имди* [3: 289]. Әлеге мисалда беренче юлдагы җөмлә төрки телгә хас конструкция буенча төзелмәгән, синтетик җөмлә *(дүшдә сәңа билдирилгән киши – мән)* урынына аналитик җөмлә кулланылган (*бән – олмән, дүшдә сәңа билдирдиләр),* чөнки бу очракта логик басым *бән олмән* (шул кешемен) сүзләренә төшә һәм авторга гомуми контекстта бу сүзләрне аерып алып күрсәтергә кирәк. Шулай ук авторның өстәмә рәвештә хәбәрлек кушымчасын *(-мән)* куллануы да бу эффектны көчәйтә. Нәкъ шуңа охшаш конструкция Зөләйханың Йосыфны Мисыр патшасы булгач очраткан эпизодында кулланыла: *Бән – олмән, сәни сатун алдым иди,* / *җүмлә малум сәңа фида қылдым иди,* / *сәниң дәрдиң билә хәйран қалдым иди,* / *бу күн имди бу халә дүшдүм имди* [3: 730]. Әлеге юллардагы *бән – олмән, сәни сатун алдым иди* җөмләсе нәкъ алдагы мисалдагыча төзелгән, шулай ук *бән – олмән* тезмәсен аерып күрсәтергә кирәк булган өчен кулланыла.

Ол түн кәчди, йариндәси иртә болды, / *Йағқубың һәм башына ғақлы кәлди,* / *огланларын үндәйүбән кәнә сурды:* / *Қаны бәним Йусуфым?!" – дәйүр имди* [3: 147]. Традицион төрки калыпка салынган шигъри юллар үз көенә әйтеләләр, һәм кинәт бер сүз әнә шул калыптан читкә чыга: Йағъкуб пәйгамбәр «Минем Йосыфым кайда?!» дип сорамый, ә «Кайда минем Йосыфым?!» дип таләп итә. Бер сүзнең урыны алышуга бәйле рәвештә текстта эмоциональ киеренкелек барлыкка килә, чөнки сорау алмашлыгы алгы планга күтәрелә һәм басым астында катгый рәвештә әйтелә. Өстәмә синтаксик-стилистик чара – полисиндетон күренеше (теркәгечләрне, кисәкчәләрне, бәйлекләрне кабатлау яисә башка урынга күчерү) буларак, *һәм* теркәгече кулланылган (*Йағкубың һәм башына ғақлы кәлди*). Шул рәвешле, инверсия ысулы ярдәмендә эмоциональ киеренкелек барлыкка килә. Нәкъ шундый ук алымны кол углан Бәшир белән булган эпизодта да очратабыз: *Халиқ бәңа шөйлә вәғдә қылмыш иди,* / *"Сәни уңдан сәwиндирәм", – димиш иди,*/ *уш Йағқубың мөждәси хазир кәлди,* / *Қаны бәнүм Бәширүм?!" – дәйүр имди* [3: 147].

Киеренкелек әсәрнең үтә фаҗигале урыннарында кабатлана. Мәсәлән, Йосыфның агалары тарафыннан җәберләнүен тасвирлаган эпизодта

инверсия ысулы Йосыфның агасы Рауил сөйләмендә кулланыла: *Рауил сачын чәкүбән йирә сүрә,* / *“Кәлтүрүң Йусуфый, өлтүрүң!” – дир* [3: 80]. Сөйләм «Йосыфны китерегез, үтерегез!» рәвешендә төзелми, ә боерык фигыль тәмамлык алдына куела (*Кәлтүрүң Йусуфый, өлтүрүң!*), шуның хисабына диалогның эмоциональ тоны үзгәрә.

Шигъри нәзымда, гадәттә, юл ахырында фигыльләрне рифмалаштырган автор, әсәрдә күзгә күренмәс персонажларның берсе булган иблис турында сөйләгәндә, ия һәм хәбәрнең урыннарын алыштыра: *Улуқ сәғәт хазир кәлди ләғин иблис,* / *бу иш ичрә қыйлу кирди мәкер тәлбис,* / *бу он қарендәш нийәтин қыйлды хәсис,* / *җүмләсини батил йула тартар имди* [3: 80]. Бу өзектә автор җиткерергә теләгән төп фикер – *җүмләсини батил йула тартар* (барысын да начар юлга тарта), ягъни барлык бәла-казаларның башында иблис торуын аңлата. Әлеге фикерне җиткерү өчен Кол Гали беренче юлның җөмлә төзелешен үзгәртә: *Улуқ сәғәт хазир кәлди ләғин иблис (Шул ук сәгатьтә килде ләгыйнь иблис)*, ягъни ияне җөмлә ахырына, хәбәрне җөмлә уртасына, хәл һәм аергыч арасында урнаштыра. Шул рәвешле, *иблис* сүзенә рифма итеп, башка юлларда аны сыйфатлый торган тискәре төсмерле сүзләрне куя. Әлеге строфада авторның кирәкле урында мәгънә көчәйтүдәге осталыгы чагыла.

Ия һәм хәбәрнең урынын алыштыру түбәндәге юлларда да чагыла: *Халем дишвар, тәнүм мәҗрух, көңлүм мәғмүм,* / *нәгяһ дүшдүм бу михнәткә мән бир мәзлум* [3: 84] (*дүшдүм мән*); *Кәлди-кирди ол заһид ол қойуйа,* / *ғәля-д-дәуам тағәт қылды ол мәүләйә,* / *тағәт эчрә доға қылды ол мәүләйә,* / *Йусуфый көрмәкликә ауар имди* [3: 113] (*кәлди-кирди ол заһид*) һ. б.

Ия белән хәбәр арасында урнашкан иярчен кисәкләр – аергыч, тәмамлык, хәл һ. б. кисәкләрнең шулай ук урыны алышырга мөмкин: *Андан ғәзиз Йусуф әйдүр: “Билиң байық,* / *бән ирермән қәрдәшиңиз Йусуф сиддиқ* [3: 927]. *Бән ирермән қәрдәшиңиз Йусуф сиддиқ* юлында «Мин кардәшегез тугры Йосыф буламын» мәгънәсе бирелә.

Аерым очракларда инверсия рифма таләпләре буенча барлыкка килә. Мәсәлән, *Тәүфиқ сәндән уманурмән мән зәғиф қул* [3: 14] юлы туры сөйләм кагыйдәләре буенча *Мин, зәгыйфь кол, синнән тәүфик көтәм* рәвешендә төзелергә тиеш, әмма шигъри кануннар буенча, *қул ~ йул ~ мул* сүзләре үзара рифмалаша: *Тәүфиқ сәндән уманурмән мән зәғиф қул*, *дәлил – сәни дутанләр башарур йул,* / *әгәр тәүфиқ вирүр ирсәң, – қодрәтиң мул,* / *бу бәндә үзрә дәлилим сән олғыл имди* [3: 14].

Тагын бер мөһим синтаксик фигура – параллелизм. Параллелизм – ритмик гармония барлыкка китерү һәм укучыга эмоциональ тәэсирне көчәйтү өчен шигырьдәге аерым бер сүзне, гыйбарәне яки фразаны сөйләмнең төрле урыннарында кабатлау. Синтаксик параллелизмга (аның бер төре булган анафорага) мисал итеп, түбәндәге юлларны күрсәтергә мөмкин: *Ики йүз биң эр ашар сағ йанындан,* / *ики йүз биң эр ашар сул йанындан,* / *ики йүз биң эр ашар һәм уңындан,* / *һәм ардындан ики йүз биң ашар имди* [3: 703]. Әлеге өзектә дүрт тапкыр кабатланып килгән *ики йүз биң эр ашар* тезмәсе Йосыф пәйгамбәрнең Мисыр патшасы булганнан соңгы мәһабәтлеген күрсәтү өчен кулланыла һәм укучыга, чыннан да, көчле тәэ-

сир ясый: кол булып сатылган Йосыфның югары дәрәҗәгә ашуын күрсәтә. Шуны да әйтергә кирәк: әлеге сурәтләү чарасы (анафора) мондый көчле рәвештә әсәрдә бары тик бер генә тапкыр кулланыла. Шулай да әсәрдә бер строфада ике тапкыр кабатлау кулланылган тагы бер мисалны күрсәтергә кирәк: *Фәсих дилин сәхих сөзи оғлан сүйләр, / уғланның сүйләдигин ғәзиз дыңлар, / уғланның сүйләдигин ғаләм таңлар, / тилгә кәлиб, нә көрдигин әйдүр имди* [3: 289]. Әлеге строфада икенче һәм өченче юллар башында кабатланган *уғланның сүйләдигин* тезмәсе гаҗәпләнү, шаккату хисен укучыга җиткерү өчен кулланыла, чөнки сүз ун җиде көнлек сабый баланың телгә килеп, ни күргәнен сөйләгәне турында бара: *Ғәзиз әйдүр: “Ол кичик тыйфел-оглан, / он йиди күнлүк ирүр, йаңы туган, / сөзләмәди буның дәк һәргиз инсан, / нитә сөзләб, тануқлык вирүр имди?!”* [3: 289]. Укучыны да әлеге шаккаткыч хәлгә ышандыру өчен, автор синтаксик стилистика фигурасын – анафораны кулланган.

Анафора – бер үк сүзнең яки сүзтезмәнең эзлекле рәвештә шигъри юл яки җөмлә башында кабатлануы. Ул ритм булдыра һәм текстның эмоциональ тәэсирен көчәйтә, билгеле бер идея-фикергә яки образларга басым ясый. *Самәд көрәр, көргәнин һич йаңылмаз, / самәд бушуб йаздығыйн қул аңламаз, / самәд оқы дуқынса, һич уңалмаз, / аңа қаза оқы дәйеб аңла имди!”* [3: 540]. Әлеге строфада самәд (Аллаһ) сүзе өч тапкыр юл башында кулланылып, укучының игътибарын үзенә җәлеп итә. *Бәс, ол дәмдә ғәзиз Кыйтфир әмер қылды, / ол оғланны анасы алуб кәлди, / ол огланны ғәзиз Қыйтфир әлә алды, /ухшайубән аңа сөаль әйләр имди* [3: 540]. Строфасында исә *ол огланны* тезмәсе кабатланып килә һәм тасвирны тулыландыра.

Алдагы мисалда да анафорага якын тезмәне очратабыз: *Йусуф әйдер: Қардәшләрим, үмидләрим, / Нәтә буйлә қылурсиз, ғазизләрим, / нишә буйлә идәрсиз, уйаларим, / Мән сизләрә нә сөч қылдым дәйүр имди* [3: 77]. Әлеге юлларда кабатланып килгән *нәтә буйлә* һәм *нишә буйлә* тезмәләре фонетик яктан беркадәр аерылса да, мәгънәсе буенча бер үк һәм ул кабатланып кулланыла. Бу очракта да мәгънәне көчәйтү һәм укучының иң нечкә хисләренә тәэсир итү максатында кабатлау алымы кулланылган.

Эпифора исә, киресенчә, бер үк сүзне яки сүзтезмәне эзлекле рәвештә шигъри юл яки җөмлә ахырында кабатлаудан гыйбарәт. Ул шулай ук текстның ритмын һәм эмоциональ тәэсирен көчәйтә, ләкин моны җөмлә ахырында кабатлау хисабына эшли. «Кыйссаи Йосыф» әсәрендә моңа шактый күп мисаллар табарга мөмкин: *Анлар кирди икин-икин бир қапуйә, / Ибни-Йәмин йалғыз қалды бир қапуйә, / һәр тарафдан бақубән һәр қапуйә, / йулдашсыз, мәхрүм қалуб турур имди* [3: 797]; *Йусуф аңа қамчыны сону вирди, / бир “ah!” үрди, Йусуфә кирү вирди* [3: 738]; *Ол арада үч күн тәмам кәчмиш иди, / анларны Йусуф тәмам билмиш иди, / җүмләсинә аг атлас тон кийүрмиш иди, / дүртүнчи күн тапуғыйнә варырлар имди* [3: 768]; *сиз әйтүрсиз, атамызый нәби, дирсиз, / биримизни артуқырақ сәүәр, дирсиз* [3: 777] һ. б.

Әсәрнең синтаксик үзенчәлеге буларак, сөйләмнең диалогларга корылуын да күрсәтергә мөмкин. Әсәрдә персонаж сөйләме автор сөйләменә караганда өстенлек ала. Җанландыру, символлар куллану да әсәр

тукымасында урын ала. Автор ниятен белдерү өчен Кол Гали төрки стилистик сәнгатьлелек чараларын: эпитет, метафора, антитеза, афоризмнар, Коръәннән мәкальләр һәм гыйбарәләр куллана [4: 239].

Шул рәвешле, Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» поэмасында инверсия, анафора, эпифора кебек сурәтләү алымнары кулланыла, алар әсәр теленең мөһим элементларына әверелә. Гомумән, әсәрнең теле искиткеч матур, җиңел укыла һәм әсәрдә барган вакыйгалар сурәтләү чаралары ярдәмендә укучының күз алдында җанланып гәүдәләнәләр.

ӘДӘБИЯТ

1. Валиева М.З., Миннуллин Б.К. Стилистические особенности употребления имён числительных в старотатарских письменных источниках // Фәнни Татарстан. 2023. № 4 (40). С. 7–16.

2. Кадирова Э.Х. Казан ханлыгы чоры язма истәлекләрендә кайбер синтаксик чараларның стилистик кулланылышы // Занкиевские чтения: интеграция науки и практики в современном образовательном пространстве: традиции и инновации. Сборник тезисов докладов VIII Международной научно-практической конференции. Киров, 2024. С. 130–134.

3. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / Төп текстны (транскрипцияне) әзерләүче, кереш мәкаләне, искәрмә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирламасын ясаучы филология фәннәре кандидаты Ф.С. Фәсиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 542 б.

4. Кузьмина Х.Х. Авторская интенция в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» / Х.Х. Кузьмина, Г.К. Хадиева, Г.Р. Шакирова // Казанская наука. 2022. № 4. С. 239–242.

5. Миңнуллин Б.К. XX йөз башы татар газета текстларының грамматик структурасы: үткән заман сыйфат фигыль формаларының кулланылыш үзенчәлекләре // Фәнни Татарстан. 2023. № 3 (39). Б. 7–12.

6. Нуриева Ф.Ш. Хисам Кятибнең «Җөмҗөмә солтан» дастанының поэтик үзенчәлекләре // Фәнни Татарстан, 2022. №2. С. 7–17.

7. Мирхәев Р.Ф. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар мәгърифәтчелек прозасы әсәрләрендә сыйфат фигыльләрнең стилистик кулланылышы // Фәнни Татарстан. 2021. № 2(30). Б. 15–21.

УДК 811.512.145; 81-139

Лемская Валерия Михайловна
Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия
Lemskaya Valeriya Mikhaylovna
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia
E-mail: lemskaya@tspu.ru
Токмашев Денис Михайлович
Национальный исследовательский
Томский государственный университет;
Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники
Томск, Россия
Tokmashev Denis Mikhaylovich
National Research Tomsk State University;
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
Tomsk, Russia
E-mail: kogutei@yandex.ru

ИННОВАЦИИ В ДОКУМЕНТАЦИИ ТОМСКО-ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

INNOVATIONS IN DOCUMENTATION OF TOMSK-TATAR DIALECTS: A RESEARCH AND APPLIED ASPECT

Аннотация. *Внедрение инновационных технологий в изучение языков народов России и их преподавание – приоритетное направление современных социогуманитарных исследований. Исследование языков коренных народов Сибири и Севера является приоритетной задачей для научного сообщества Томской области. Статья описывает опыт томских научно-образовательных центров по изучению и внедрению образовательных инициатив по варианту татарского языка, распространенному в Томской и Кемеровской областях.*

Annotation. *Introduction of innovative technologies to the study of the indigenous languages in Russia and their teaching is a priority area of modern research in social sciences & humanities. Research of the peoples' languages indigenous for Siberia and the North is a priority task set by the scientific community of the Tomsk Region. The article describes the experience of Tomsk scientific and educational centers for the study and implementation of educational initiatives regarding the Tatar language variety, widespread in the Tomsk and Kemerovo regions.*

Ключевые слова: *томско-татарские диалекты, документация, экспериментальные фонетические исследования, УЗИ-методы, онлайн-курс*

Keywords: *Tomsk-Tatar dialects, documentation, experimental research in phonetics, ultrasound methods, online course*

Введение. Научно-исследовательские центры, занимающиеся изучением языков и культур народов России, к настоящему времени уже накопили определенную массу лингвистических данных, которые нуждаются как в обработке, так и дальнейшем использовании. Изучение языков народов

России и внедрение современных инновационных технологий в практику их преподавания является приоритетным направлением научно-практических инициатив. Исследование языков коренных народов Сибири и Севера представляет собой приоритетную задачу для научной общественности Томской области. В настоящей статье представим опыт реализации проектов томских научно-образовательных центров, связанных с изучением и внедрением образовательных инициатив по татарскому языку в том его варианте, который распространен на территории Томской области и в некоторых сопредельных районах Кемеровской области.

Коренные языки Томской области. К коренным языкам Томской области, сложившимся на ее территории до прихода и расселения русскоязычного населения и в настоящее время все еще имеющих активных носителей, относятся чулымско-тюркский (ныне представленный только среднечулымским диалектом), селькупский (южноселькупский вариант с нарымским и среднеобским диалектами, последний представлен иванкинским говором), хантыйский (восточнохантыйские говоры – александровский и вах-васюганский) и татарский язык (томский диалект) [1; 2].

Об истории изучения томско-татарских диалектов. Изучение томско-татарских диалектов с лингвистической точки зрения наиболее активно происходило с середины XX в. Основным видом фиксации данных была фонологическая запись в системе орфографии литературного татарского языка (в первую очередь – диссертация М.А. Абдрахманова [3]; работы Д.Г. Тумашевой [4]; Д.Б. Рамазановой [5; 6] и др.).

Язык томских татар. Язык томских татар (томско-татарские диалекты) традиционно считается диалектом сибирско-татарского варианта татарского языка с говорами эуштинско-чатским и калмакским [4; 5; 6; 7; 8]. Носителями эуштинско-чатского говора являются татары-эуштинцы, которые компактно проживают в деревнях Эушта (территория которой располагается на левом берегу р. Томи и ныне официально присоединена к г. Томску) и Тахтамышево (расположена также на левом берегу р. Томи в 15 км от центра г. Томска), а также татары-чаты, проживающие преимущественно в д. Черная Речка (на левом берегу р. Томи в 10 км. от центра г. Томска). Носители калмакского говора в основном проживают либо проживали, так же как и татары-чаты, на берегу р. Томи, но на территории Кемеровской области в д. Юрты Константиновы Яшкинского района (причем расстояние до этого населенного пункта от центра г. Томска по грунтовым дорогам с пересечением небольших рек вброд составляет всего примерно 50 км, некоторая часть населения из Томской области именно так добирается до этого населенного пункта). В 2020 г. нами установлено, что несколько носителей калмакского говора проживают в д. Черная Речка.

Считается, что язык томских татар – следствие конвергенции сибирских тюркских вариантов и привнесенного казанского варианта языка [3]. При этом уже начиная с конца XIX в. наблюдается высокая степень интерференции со стороны литературного татарского языка, и томско-татарское население говорит либо смешанно, либо переходит скорее на литературный вариант [3].

Начало документации татарского языка. В 1945 г. научной школой Томского государственного педагогического института (ныне – универ-

ситета) под руководством проф. А.П. Дульзона была принята комплексная программа исследования языков и культур народов Сибири и Севера [7: 79]. В 1940-1950-х гг. исследованиями эуштинско-чатского говора под руководством А.П. Дульзона в Томской научной школе занимались М.А. Абдрахманов и Р.А. Ураев [3; 8]. Собран полевой материал в рукописных тетрадях, созданы карточные мини-словари (русско-томско-татарский и томско-татарско-русский).

В 1960–1990-е гг. казанскими исследователями Д.Г. Тумашевой и Д.Б. Рамазановой был собран и впоследствии опубликован диалектологический материал [4; 5; 6; 7]. Фиксация языковых данных языка томских татар также производилась З.С. Камалетдиновой [9; 10] и Э.Р. Миндияровой [11].

Внимание к культурному наследию томских татар с начала 1990-х гг. привлекается и усиливается благодаря инициативам Томского татарского центра. В центре организуются культурные кружки, языковые курсы татарского языка, основанные, однако, на литературной норме. Вплоть до 2000-х гг. языковой материал как правило фиксировался исследователями на слух в виде полевых записей. В качестве графической основы применялась норма орфографии литературного татарского языка. Аудиозаписи, если и велись, широкой научной общественности как правило не доступны.

Новые проекты по документация томско-татарских диалектов. В 2016–2019 гг. при поддержке международного проекта «Полная документация и архивизация телеутского, эуштинско-чатского и мелетско-чулымского – трех сопредельных тюркских языков Сибири, находящихся на грани исчезновения» (Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chat, and Melets Chulym: three areally adjacent critically endangered Turkic languages of Siberia. URL: https://www.elararchive.org/index.php?name=SO_c460779c-eb33-46be-bd35-ae589e249343) производилась документация в т. ч. томско-татарских диалектов. Согласно требованиям проекта, это включало записи видео-, аудио-, письменных материалов (в т. ч. фонологическую транскрипцию, аннотацию и разметку текстовых данных, заметки, описание / анализ), фиксацию изображений, а также полный набор метаданных (структурированные сведения о собранных данных, включая социолингвистические сведения об информантах и исследователях) [12]. В ходе реализации проекта данные по томско-татарским диалектам включали более 50 часов аудиозаписей, 20 часов видеозаписей, более 1 часа из которых были расшифрованы, переведены на русский и английский языки и аннотированы в формате поморфемной разметки, что составляет корпус в 10 тыс. словоупотреблений.

В 2017–2021 гг. в Национальном исследовательском Томском государственном университет реализован мегагрант «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», в ходе которого также внимание уделено изучению процессов русско-татарского билингвизма, определены проблемы языковой интерференции между русским и татарским языками, установлены случаи двунаправленной языковой интерференции у отдельных татарско-русских билингвов.

Проекты по документации томско-татарских диалектов, реализованные с 2016 г., были нацелены на фиксацию как можно большего массива речевых данных (спонтанные монологи, диалоги, интервью на языке) с обязательной записью данных на аудио- и видеоносители в цифровом формате. Частично данные расшифрованы, проанализированы (в т. ч. с полной аннотацией с переводом видеоряда) и размещены на ресурсах грантодателей (Программа документации исчезающих языков, ELDP, https://www.elararchive.org/uncategorized/SO_c460779c-eb33-46be-bd35-ae589e249343/; ЛингвоДок – Лингвистические платформы, https://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all?language=500%2C122).

Экспериментальные фонетические исследования с применением УЗИ-методов. Инновационным вектором современных исследований томско-татарских диалектов является фиксация особенностей произношения через применение ультразвуковых технологий записи движения речевого аппарата с аудио- и видеосопровождением в динамике [13]. Потенциал таких исследований весьма высок как для научных, так и для образовательных целей – именно через визуализацию движения органов речи можно отчетливо увидеть разницу в произнесении отдельных языковых единиц, что несомненно облегчит процесс объяснения обучающемуся тех или иных положений об артикуляции изучаемого языка.

В 2022–2023 гг. при поддержке Российского научного фонда проводились экспериментальные изыскания звукового строя томско-татарских диалектов – чатского (с. Юрт-Ора), эуштинского (с. Эушта, д. Черная Речка), калмакского (д. Юрты-Константиновы), а также поволжско-приуральского по происхождению татарского идиома, носители которого проживают в Притомье (д. Нижегородка). Основным материалом исследований явились извлеченные из записи ультразвуковые снимки положения языка при артикуляции различных звуков, сопоставленные с их формантными характеристиками.

По итогам проекта было обнаружено [13], что:

• эуштинский говор демонстрирует два различных артикуляционных паттерна для аллофонов /k/. Материал, записанный в д. Эушта, приближен к телеутскому. Он имеет контраст [k] и [q] и по положению дорсальной части, и по положению корня языка. Вероятно, это является следствием давней этногенетической связи бачатских телеутов и татар-аборигенов бассейна Томи (эуштинцев и калмаков);

• слабо выраженный, хотя и присутствующий, контраст велярного и увулярного аллофонов у носителя из д. Черная Речка, а также отсутствие контраста по положению корня языка, можно объяснить сильным смешанным характером томско-татарского диалекта как такового, поскольку в Черной Речке вместе с эуштинцами и калмаками исторически проживают переселенцы из поволжско-приуральских татар. Возможно, акустико-артикуляционная база западного диалекта татарского языка (без оппозиции велярного и увулярного вариантов /k/) распространилась среди части томских татар;

• отсутствие оппозиции [k] и [q] у носителя из д. Нижегородка с большой долей вероятности говорит о мишарском происхождении татар-переселенцев, населявших эту деревню с XVII в. Положение корня языка

при артикуляции велярного либо увулярного аллофонов не меняется, а положение спинки меняется незначительно – велярный аллофон характеризуется большей степенью продвинутости тела языка вперед, однако общий изгиб контура языка идентичен для обоих аллофонов. Положение исследуемой фонемы в начале либо исходе слова не оказывает значительного влияния на артикуляцию.

• эуштинский и особенно калмакский говоры приближаются к алтайско-телеутским в отношении артикуляционных паттернов для гласных – в них также противопоставлены задние и передние гласные по форме языка – изогнутый посередине и продвинутый вперед соответственно. Это является косвенным подтверждением гипотезы о наличии в калмакском говоре субстрата, родственного языку современных телеутов Кемеровской области и алтайцев республики Алтай.

Анализ данных с применением современных компьютерных технологий. Проекты томской лингвистической школы, помимо собственно фиксации аудио- и видеоданных по исследуемым языкам, включают аннотирование (морфологическую и синтаксическую разметку текста с поморфемным переводом глоссов и свободным переводом самого зафиксированного текста) в программе FieldWorks (FLEx). Синхронизация размеченного текста с аудио- и видеоданными, полученными от носителей, осуществляется через программу ELAN (материала представлен по принципу оформления слоев для репрезентации разнородного лингвистического материала с возможным выравниванием анализа по временным меткам с синхронизацией аудио- и / или видеоданных). Узконаправленные фонетические исследования акустической фонетики осуществляются путем обработки фрагментов аудиозаписи в программе «Praat: doing phonetics by computer», благодаря анализу в которой возможно автоматически установить показатели частоты основного тона, длины того или иного звука / фонемы, интенсивность произнесения, формантный состав фонем (иными словами, «увидеть» гласная фонема или согласная, а гласная переднего или заднего ряда, а также в каком направлении «движется» интонация и др.). Лингвистическая платформа ЛингвоДок (https://lingvodoc.ispras.ru) является отечественной разработкой, развиваемой в ходе работы по многочисленным грантовым проектам ряда научных организаций (прежде всего Института системного программирования РАН, а также Института языкознания РАН). ЛингвоДок – это инструмент для создания, анализа и хранения словарей, текстовых корпусов и конкордансов, охватывающих различные языки и диалекты; разработчиками активно развиваются расширенные возможности платформы – прежде всего, для (полу)автоматического парсинга и автоматического анализа как фонетических, так и лексических данных не только отдельных языков, но и языковых групп, в которые они входят (например, установление когнатных корней между различными родственными языками; состава аллофонов для выявления инварианта фонем и пр.). Программа AAA («Articulate Assistant Advanced») применяется для записи и последующей расшифровки фонетических данных, полученных при помощи УЗИ-сканирования с синхронизацией аудио- и видеозаписи. В программе возможна как автоматическая, так и редактируемая интерпретация данных по изменению положения языка как отдельных, так и разных носителей

(для установления срединных показателей артикуляции тех или иных фонем, причем программа «умеет» учитывать различия в записи данных, когда датчики при работе с разными информантами могут крепиться в несколько отличающихся местах, и устанавливать усредненные показатели осей на графиках для сравнения этих данных).

Все перечисленные инструменты анализа были активно использованы в ходе вышеупомянутых научных проектов. Большая часть собранного полевого материала с анализом отдельных фрагментов записи доступна широкой общественности через онлайн-архивы, доступ к которым открыт при условии регистрации пользователя в системе.

Образовательные инициативы: онлайн-курс. Следует особо отметить опыт создания и внедрения онлайн-курса, связанного с татарским языком. Так, в 2018 г. был подготовлен и записан массовый открытый онлайн-курс «Взаимодействие языков и культур: сохраняем и расширяем свою идентичность (на примере изучения татарского языка как родного и иностранного)» [14], размещенный изначально на платформе Coursera, однако далее переведенный на платформу Stepik (https://stepik.org/course/114976/promo). Этот курс занял 3 место на конкурсе EdCrunch Award-2018 ООС в спецноминации «Культура, история, философия». Всего с момента размещения на платформе Stepik курс изучили 425 слушателей, а ранее на платформе Coursera на курс было зарегистрировано более 1500 слушателей, большая часть из которые прошла обучение. Модули курса включают моделирование речевых ситуаций, возникающих в процессе ежедневной коммуникации (приготовление пищи, посещение музея и др.), что оказывается несомненно близким слушателям и вызывает неподдельный интерес обучающихся. В курс интегрированы видеоролики с участием авторов курса и жителей населенных пунктов Томской области – носителей языка в ситуациях общения, соответствующих тематическим разделам, с их последующей дидактизацией. Образцы живой спонтанной речи отражают разноуровневые диалектные особенности томско-татарских идиомов.

В настоящее время с развитием современных компьютерных технологий и телекоммуникационных систем взаимодействие представителей разных этносов как между собой в бытовом общении, так и с теми, кто может выступать в роли преподавателей различных дисциплин, выходит на новый уровень. Учитывая имеющийся опыт организации занятий по изучению (в т. ч. бесписьменных и исчезающих) языков в режиме онлайн (например, для чулымского языка Томской области [15]), представляется, что такая методика также применима как для образовательных, так и просветительских инициатив касательно томско-татарских диалектов.

Заключение. Завершая обзор, отметим, что все перечисленные выше инновационные ресурсы по документации томско-татарских диалектов являются источником не только ценных языковых, но и культурных данных, доступ к которым весьма облегчен, а предварительная обработка материала позволяет с легкостью находить ту или иную информацию. Эти данные можно использовать в дальнейшем с целью как преподавания, так и просвещения широкой общественности в области томско-татарского языка и основ культуры томских татар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардина Е., Гончарова Т.А., Грошева Г.В. и др. Этнография народов Томской области. Издание третье, исправленное и дополненное. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2018. 184 с. ISBN 978-5-89428-864-2. EDN RIZQFO.

2. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://70.rosstat.gov.ru/VPN2020 (дата обращения: 20.10.2023).

3. Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения: на материале тюркского говора деревни Эушта, Томского района, Томской области: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.00.00. Томск, 1959. 261 с.

4. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар: [татарско-русский]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с. ISBN 5-7464-0507-8/

5. Рамазанова Д. Б. Себер диалектларыннан материаллар. Казан: Фикер, 2001. 143 б.

6. Рамазанова Д.Б. Себер татарларының том диалекты // Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары: Сборник статей. 2-е издание. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 96-170. EDN PVMQPB.

7. Дульзон А.П. Диалекты татар–аборигенов Томи // Ученые записки. Т. XV. Томск: Томский государственный педагогический университет, 1956. С. 297–379. EDN HFUZFV.

8. Ураев Р.А. Материалы по языку дер. Эушты [Полевые материалы]. Томск, 1948. 142 с.

9. Камалетдинова З.С. Тюрко-татарская георгафическая терминология и топонимия Томской области РФ: специальность 10.02.06: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 1997. 182 с. EDN NLIRMX.

10. Камалетдинова З.С. Тюркская ландшафтная лексика Нижнего Притомья. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. 257 с. ISBN 978-5-7511-2576-9.

11. Миндиярова Э.Р. Способы выражения категории посессивности в эуштинском говоре татарского языка (по материалам экспедиций 2007 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 86-90. EDN KXLRZD.

12. Filchenko A., Lemskaya V., Liliavina E. et al. Comprehensive documentation and archiving of Teleut, Eushta-Chat, and Melets Chulym. Three areally adjacent, critically endangered Turkic languages of Siberia // Turkic Languages. 2019. Vol. 23, No. 2. P. 265–295. EDN GMTFEB.

13. Токмашев Д.М., Лемская В.М., Хакимова А.А. и др. Артикуляционные параметры дорсального смычного /k/ в тюркских языках Южной Сибири по данным ультразвукового исследования (на материале телеутского языка и диалектов татар Сибири) // Урало-алтайские исследования. 2023. № 4(51). С. 106-119. DOI 10.37892/2500-2902-2023-51-4-106-119. EDN XDMPTG.

14. Нагель О.В., Токмашев Д.М., Сафиуллина Е.Ш. и др. Взаимодействие языков и культур: сохраняем и расширяем свою идентичность (на примере изучения татарского языка как родного и иностранного): массовый открытый онлайн-курс. Томск: Томский государственный университет, 2018. URL: https://stepik.org/course/114976/promo (дата обращения: [10.09.2025]).

15. Лемская В.М., Селянинова Л.А. Преподавание родного языка в рамках проекта «Музей – центр возрождения чулымской культуры»: опыт очно-дистанционных занятий // Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии : материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Улан-Удэ, 17–18 декабря 2020 года. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. С. 65-69. DOI 10.18101/978-5-9793-1591-1-65-69. EDN TXULTW.

УДК 811.554

Лукина Маргарита Петровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия
Lukina Margarita Petrovna
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
Yakutsk, Russia
E-mail: margarita-lukina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

FEATURES OF THE STUDY OF THE CATEGORY OF MODALITY IN THE YUKAGIR LANGUAGE

Аннотация. *Статья раскрывает особенности значений категорий модальности в юкагирском языке. Модальность отражает не только грамматическую структуру языка, но и когнитивные, культурные особенности носителей языка, а также специфику передачи знаний и опыта в обществе.*

Annotation. *The article reveals the features of the meanings of modality categories in the Yukaghir language. Modality reflects not only the grammatical structure of the language, but also the cognitive, cultural characteristics of native speakers, as well as the specifics of the transfer of knowledge and experience in society.*

Ключевые слова: *юкагирский язык, категория модальности, лингвокультурология, когнитивная лингвистика*

Keywords: *Yukaghir language, category of modality, linguacultural studies, cognitive linguistics*

Исследование категории модальности в юкагирском языке требует комплексного подхода к анализу модальности, что позволяет учитывать все уровни языковой системы (взаимодействие грамматических, лексических и прагматических средств), а также культурно-когнитивные особенности носителей языка. Такой подход особенно важен для языков с богатой морфологией и уникальными коммуникативными традициями, к числу которых относится и юкагирский язык. Методологические основы комплексного подхода к изучению категории модальности базируются на интеграции нескольких лингвистических методов и теоретических концепций, что позволяет всесторонне исследовать данные категории как сложное языковое явление: 1) Функционально-семантический подход. Этот метод ориентирован на описание закономерностей функционирования языковых средств модальности с учётом их семантической нагрузки и коммуникативной функции. В юкагирском языке это особенно важно для анализа форм изъявительного наклонения и модальных глаголов необходимости и волеизъявления; 2) Формально-логический и традиционный анализ, при котором изучаются грамматические формы и структуры, через которые реализуется модальность (наклонения, частицы, служебные слова). Этот подход помогает систематизировать формальные средства выражения модальности и понять их синтаксическую и морфологическую организацию;

3) Когнитивно-культурный аспект. Методология учитывает связь модальности с культурными и когнитивными особенностями носителей языка, что позволяет раскрыть роль модальности в формировании языковой картины мира юкагиров и отражении ментальных моделей.

Функционально-семантическое поле модальности в юкагирском языке включает:

1. Морфологические средства, формирующие ядро поля модальности: формы наклонения, модальные суффиксы и словообразовательные особенности модальных глаголов. В юкагирском языке насчитывается 5 наклонений глагола, отличающихся друг от друга морфологическими показателями и модальной семантикой. Это – изъявительное, неочевидное, сослагательное, повелительно – побудительное, наклонение намерения. Особый интерес среди наклонений юкагирского языка имеет противопоставление наклонений изъявительного и неочевидного. Первое можно было бы назвать наклонением «очевидным», так как говорящий сообщает при помощи форм этого наклонения о событиях реальных, которые он видел, в то время как при помощи форм неочевидного наклонения он сообщает о событиях, зрителем которых он не был.

Модальность изъявительного наклонения именно в том моменте грамматического значения, по которому сообщение о действии, то есть содержание сказуемого и через него всего предложения, говорящим лично представляется, оценивается как достоверное отражение действительности.

Изъявительное наклонение тесно связано с категорией времени и имеет специальные показатели. Изъявительное наклонение юкагирского языка имеет формы настояще-прошедшего (аорист) и будущего времени. Настояще-прошедшее выражается основой глагола, оформленной личными окончаниями утвердительно-предикативной или утвердительно-объектной форм спряжения: *Мэт мэ пуньиӈ.* ‘Я убил’; *Мэт илэлэ пуньмэӈ.* ‘Я убил оленя’. Показателем настоящего времени является видо-временной суффикс *-ӈу* который выражает также форму длительного способа действия.

Формы побудительно-понудительного наклонения глагола юкагирского языка выражают различные оттенки волеизъявления воли говорящего лица к совершению действия: приказ, повеление, побуждение, понуждение, призыв, просьбу, пожелание, совет, разрешение, предупреждение и др. Побудительные предложения с предикатом в форме 1-го лица обычно употребляются во множественном числе и образуются от основы глагола при помощи постфикса *-йли*: *Малаа, кэвэчэйли!* ‘Давай, пошли!’ (призыв к действию). Форма 1-го лица мн. числа может образоваться аффиксом *-ӆа*: *Wиэӆа!* ‘Давайте, сделаем!’ Второе лицо ед. числа повелительного наклонения образуется от основ глагола с присоединением к ним постфикса *-к*, а второе лицо множ. числа *-ӈик: Малаа, йахтэк!* Давай, спой-ка! *Малаа, йахтэӈик!* ‘Давайте, спойте-ка!’ Форма повелительного наклонения для 3-го лица ед. числа образуется аффиксом *-ӆан*, а для 3-го лица мн. числа аффиксом *-нуӆан: Тудэл киицӆан.* ‘Пусть он дает.’ *Титтэл киинуӆан*. ‘Пусть они дадут.’ Если повеление-приказ относится не к настоящему, а к будущему времени, то форма повелительного наклонения для 2-го лица ед. и мн. числа образуется сложным аффиксом *-тэӆанэк: Эгуойиэ кэлутэӆанэк!*

‘Завтра приходи!’ От глаголов, выражающих просьбу совершить действие, повелительно-побудительное наклонение образуется с помощью суффикса -наак. Суффикс *-наак* определяет 2-е лицо ед. числа: Wиэнаак! ‘Сде2 лай-ка!’ (в смысле «Как-нибудь, пожалуйста, сделай!»).

Наклонение намерения. Наклонение намерения выражает модальность намерения отправиться совершить действие субъекта; намеренно совершившееся действие, или намеренно совершающееся действие и образуется посредством суффикса *-чэ*, который присоединяется к основе глагола при помощи соединительного аффикса *-ии*. Например: *Эе, маархалльэӈа чаайлэ лawшичэ-кѳдильэлҥа.* ‘Аа, пошли пить чай в одном месте, бедные’. Намеренное совершение действия может выражаться деепричастием на *-р: Хадьир лэйгумурэйльэлдаӈа, йалӈилҥинь ууй, ахун лawйэ лawшичэр.* ‘Вот, когда немного стемнело, пошел к озеру, чтобы хоть воды попить пошел’ (букв.: «пошедши попить»).

Сослагательное наклонение в юкагирском языке выражает помимо значения возможности, сослагательного желания и предположения, оптативные, связанные с волей и эмоционально-экспрессивные отношения, т. е. чувственные стороны психики: *Тэн чиилэҥ кэлуҥул, чаайлэҥ ат лawҥумлэ!* ‘Люди едут, попили бы чай!’ Сослагательное наклонение в юкагирском языке образуется при помощи препозиционной частицы *-ат*, которые ставится перед глаголом.

Неочевидное наклонение. В неочевидном наклонении отражаются события неочевидные (невидимые), т. е. при помощи форм неочевидного наклонения говорящий сообщает о событиях, зрителем которых он не был. Неочевидное наклонение употребляется в тех случаях, когда говорится об информации, полученной не на основании опыта самого рассказчика, а лишь: 1) понаслышке, 2) в виде предположения, 3) в качестве выводов, сделанных на основании известных данных, что произошло какое-то событие, 4) во сне или 5) как воспоминание о событиях, случившихся в раннем детстве рассказчика, или о которых он узнал позднее. Неочевидное наклонение имеет две формы: неочевидное наклонение определенное и неочевидное наклонение неопределенное. Определенное образуется при помощи суффикса *-льэ(л)*, неопределенное образуется при помощи *-льэлтэ*.

Служебные модальные глаголы в юкагирском языке формируются с помощью компонентов-формантов *-мораw, -мори, -бунь* (и его алломорфов *-буол, -буонь*), которые присоединяются к основному глаголу. Эти компоненты выражают значения необходимости, возможности, волеизъявления и субъективной оценки, играя ключевую роль в передаче модальных оттенков.

1. Компонент *-мораw* выражает категоричную необходимость, близкую к объективному обязательству. В отличие от *-мори*, он передаёт более жёсткое требование, часто связанное с внешними обстоятельствами.

2. Компонент *-мори* передаёт субъективную необходимость или возможность, часто с оттенком вынужденности («придётся»). В отрицательной форме выражает невозможность действия.

3. Компонент *-бунь (-буол, -буонь)* и его варианты кодируют волеизъявление: желание, намерение, отказ. Формы -буол (страдательный залог) и -буонь (3-е лицо) добавляют нюансы значений – желание/нежелание: *Тэт*

эл киилбунь. ‘Ты не хочешь давать’; привычку/склонность (в форме *-буол*): *Жанчибуол.* ‘Любить просить’ (*букв*. «иметь привычку просить»); Опосредованную волю (через 3-е лицо): *Ах жанчидьаабуоньдаӈа*. ‘Она очень любит выпрашивать’ (говорящий комментирует чужое действие).

4. Прагматические функции. -мори и -бунь подчёркивают личную позицию говорящего, в то время как -мораw акцентирует внешнюю необходимость.

2. Лексические средства, формирующие переходную зону модальности: модальные слова, словосочетания и частицы.

В юкагирском языке категория модальности выражается не только грамматическими формами, но и разнообразными лексическими средствами –модальными словами, словосочетаниями и частицами. Эти элементы формируют так называемую переходную зону модальности, обеспечивая тонкую градацию субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания, выражение сомнения, уверенности, предположения и других модальных оттенков. Н.Е. Петров в своих работах, посвященных модальности и модальным словам, делает вывод, что «в связи с интенсивным развитием письменного литературного языка, модальные слова развились в богатую самостоятельную часть речи…» [5; 6]. Семантика модальных слов лишена номинативного значения и ощутимой лексичности. У них, как и у других служебных слов, лексическое (словарное) значение совпадает с грамматическим, точнее, служит для выражения модального значения на уровне грамматики. По В.В. Виноградову лексико-грамматическое значение модальных слов в основном заключается в определении «точки зрения говорящего субъекта на отношение речи к действителъности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи <...>» [2: 725].

Модальные слова в юкагирском языке – это лексические единицы, которые несут модальное значение и могут выступать как вводные слова или самостоятельные компоненты высказывания. Они часто не имеют самостоятельного лексического значения, их семантика совпадает с их грамматически модальным значением. В связи с этим модальные слова способны иметь широкое функциональное употребление и в зависимости от контекста могут выражать различные оттенки и нюансы модальности.

Модальные словосочетания в преобладающем своем большинстве лексически и синтаксически неразложимые комплексы. Это, по существу, по своей семантике и отчасти структуре сложносоставные модальные слова. К модальным сочетаниям в юкагирском языке, выражающим различные модальные значения предположения относятся: *«нумунэ модьэнг»,* которое обозначает подтверждение предположения: ‘говорил же я’, что...; *«эльугун льиэ»* выражает предположение угрозу: ‘погоди же, смотри же’; *«эйк угунэнг»* выражает подтверждение говорящим предположения собеседника: в самом деле; действительно; *«эйк льиэ»* выражает подтверждение высказываемой мысли: ‘в самом деле’, ‘и ведь действительно’ и др.

Модальные частицы. В юкагирском языке к модальным частицам, выражающим отношение говорящего к содержанию высказывания относятся*: -ах*, которая выражает неожиданность, обнаружение говорящим кого-чего-либо ранее неизвестного (незамеченного) или сомнение, удивление: неужто, неужели; *исэ* выражает неуверенность говорящего лица

по отношению к содержанию высказывания, обозначая: ‘может’, ‘может быть’, ‘возможно’; *эйк* выражает: вопрос с различными оттенками (догадка, сомнение), выведывание чего-либо и т. п.; *мидьэк* 1) в сочетании с глаголом утвердительной формы выражает опасение: ‘а вдруг’; 2) в сочетании с глаголом в отрицательной форме выражает затаенную надежду, реализация которой маловероятна: ‘не ... ли вдруг’ (случайно); 3) в сочетании с местоимениями выражает любопытство: ‘интересно же’; ‘посмотрим же’ и др.

Лексические средства формируют в юкагирском языке важную переходную зону модальности, обеспечивая выражение субъективных оттенков, связанных с уверенностью, сомнением, источником информации и эмоциональной оценкой. Их изучение расширяет понимание модальной системы языка и способствует сохранению языкового наследия юкагиров.

3. Лексико-синтаксические средства, выражающие периферию поля модальности.

Изменение порядка слов в предложении, т. е. инверсия в юкагирском языке, является одним из основных средств выражения модальных отношений. В юкагирском языке такое отклонение от порядка членов предложения связано с изменением синтаксических связей и актуальным членением предложения [3]. При выдвижении на первый план членов предложения (как второстепенных, так и главных), говорящее лицо обращает внимание собеседника к своему высказыванию. Так, в различных структурах предложения при определенном интонационном оформлении, можно обнаружить различные модальные отношения говорящего к высказыванию: 1) Обычный порядок слов. *Туҥ уо, пудэ эл чиҥичэрэйдэҕэ гитньэр, эл сэwт нимэҕа*. ‘Этот ребенок, пока не стемнеет, не зайдет домой’; 2) Выделение обстоятельства на первом месте. *Пудэ эл чиҥичэрэйдэҕэ гитньэр, туҥ уо эл сэwт нимэҕа.* ‘Пока не стемнеет, наверное, этот ребенок домой не зайдет’ (предположение); 3) Выделение действия. *Туҥ уо нимэҕэ эл сэwт, пудэ эл чиҥичэрэйдэҕэ гитньуор*. ‘Этот ребенок не зайдет домой, пока не стемнеет’ (утверждение).

Модальность, выраженная модальными видами предложений.

1. Вопросительные предложения. Описание вопросительных предложений в якутском языке, как одного из синтаксических средств выражения модальности, на основе классификации И.Е. Алексеева, было продолжено Н.Е. Петровым. Здесь можно заметить, что Н.Е. Петров в своей работе выделяет вопросы, не требующие ответа, которые по его мнению, «весьма разнообразны по своему модальному значению и требуют специального монографического исследования» [6]. В юкагирском языке среди вопросительных модальных предложений нами выделяются следующие виды: вопросительные предложения с общим вопросом; вопросительные предложения с альтернативным вопросом; вопросительные предложения со специальным вопросом; несобственно-вопросительные модальные предложения, которые, в свою очередь, подразделяются на предложения с риторическим вопросом, вопросом – сомнением, вопросом – удивлением, вопросом – упреком, вопросом – догадкой, вопросом – опасением, вопросом – досадой (сожалением), вопросом – недоумением, вопросом – недовольством, вопросом – переспросом. Описательное монографическое

исследование побудительных предложений в якутском языке проведено И.Е. Алексеевым [1].

2. Побудительные предложения. Модальное значение побудительных предложений в юкагирском языке заключается в значении не нереального, а нереализованного действия, поскольку возможность его совершения не исключается. Побудительные модальные предложения выражают приказание или просьбу, обращенную либо непосредственно к собеседнику, либо к третьему лицу. Такие предложения могут быть как утвердительными, так и отрицательными.

3. Восклицательные предложения. В юкагирском языке в восклицательных предложениях активно используются модальные частицы, междометия, модальные слова и сочетания. В восклицательных предложениях выражаются различные чувства, передаваемые с особой интонацией; отношение говорящего к чему-либо в ходе речевого общения. Особенность восклицательных предложений в юкагирском языке – это их краткость, обусловленная эмоционально-экспрессивной модальностью.

Модальные функции речевой интонации. Интонация в сочетании с соответствующей грамматической структурой предложения и его лексическим составом является важным специфическим средством выражения модального значения высказывания. Мелодика речи тесно взаимосвязана с фразовым ударением, т. е. сильным произнесением одних слов в предложении по сравнению с другими словами (неударными). Основное изменение мелодии в юкагирском языке, определяющее цель высказывания, происходит в последнем ударном слоге. Так, в повелительных и повествовательных предложениях в последнем ударном слоге происходит падение тона, иначе говоря, эти предложения произносятся с нисходящим тоном: *Альӈа мэтинь почэсэйӈик!* ‘Пришлите мне рыбы!’ Модальное значение данного предложения состоит в отношении говорящего к высказыванию, которое проявляется в виде повеления (приказа). В такой форме интонации говорящее лицо может обратиться к близким родственникам, как бы имея в виду обязательное выполнение просьбы. В повествовательных предложениях, если в последнем ударном слоге происходит повышение тона, иначе говоря, когда эти предложения произносятся с восходящим тоном, выражается просьба говорящего лица: *Альӈа мэтинь почэсэйӈик!* ‘Пришлите мне рыбы, пожалуйста!’ В этом предложении при помощи интонации выражается просьба говорящего лица. В такой форме принято обращаться к дальним родственникам, подразумевается – «пожалуйста». В юкагирском языке интонация оформляет предложение в законченное высказывание и передает различные оттенки модальных значений.

Так, модальность в языке отражает не только грамматические категории, но и культурно обусловленные способы выражения воли, необходимости, возможности и оценки. Исследование модальных глаголов необходимости и волеизъявления, а также их словообразования, раскрывает традиционные представления юкагиров о долге, ответственности и социальном поведении [4]. Это помогает реконструировать национальную картину мира и этнокультурные ценности.

Таким образом, исследование категории модальности в юкагирском языке является ключевым элементом для комплексного понимания юкагирского языка и языковой картины мира юкагиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев И.Е. Побудительная фраза в якутском языке. Новосибирск, 1970. 132 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 785 с.

3. Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ч VI. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1982. 304 с.

4. Лукина М.П. Модальные значения, выраженные формами прошедшего времени изъявительного наклонения в юкагирском языке // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Алтаистика. 2021. № 3 (3). С. 81– 90.

5. Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1984, 188 с.

6. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1999. 153 с.

УДК 80

Махадов Ахмедия Камилович
МБОУ «Гимназия 37» им. М. Нурбагандова
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия
Makhadov Akhmedia Kamilovich
MBOU “Gymnasium 37” named after M. Nurbagandov
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
E-mail: ahmed020895@mail.ru
Асланбекова Эльвира Аслановна
МБОУ «Гимназия 37» им. М. Нурбагандова
Махачкала, Россия
Aslanbekova Elvira Aslanovna
MBOU “Gymnasium 37” named after M. Nurbagandov
Makhachkala, Russia
E-mail: elvira27041985@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЛЕЗГИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ARTISTIC CREATION AND PROBLEMS OF THE LEZGIAN LITERARY LANGUAGE

Аннотация. *В статье ставится вопрос о становлении лезгинского литературного языка и негативно влияющих на его формирование факторах. Общеизвестно, что литературные языки складываются путем непрерывного обогащения словаря диалектами, архаизмами, неологизмами, заимствованиями с их непременной фонетической обработкой. В развитии и становлении литератур-*

ного языка определяющую роль играют художественная литература, театры, радио и телевидение, газеты, журналы, электронные средства массовой информации.

Annotation**.** *The article raises the question of the formation of the Lezghin literary language and the factors negatively affecting its formation. It is well known that literary languages are formed through the continuous enrichment of the dictionary with dialects, archaisms, neologisms, borrowings with their indispensable phonetic processing. In the development and formation of the literary language, fiction, theaters, radio and television, newspapers, magazines, and electronic media play a decisive role.*

Ключевые слова: *лезгины, язык литературный и разговорный, фонетика и орфография, раздельная и цельная оформленность сложного слова*

Keywords: *Lezgins, literary and colloquial language, phonetics and spelling, separate and integral design of a complex word*

Излишне говорить, какую громадную роль в жизни народа играет язык. Кроме своей повседневной роли как средства общения, родной язык является хранителем исторической и духовной культуры народа, формирует и развивает этническое сознание. Язык сохраняет этническую самоидентичность. Без языка нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего для народа. Без языка народ не может помнить своего прошлого, своей истории и культуры – базиса для дальнейшей надстройки и развития и может превратиться в человека без родства – манкурта. Без языка народ не сможет выжить в настоящем и перешагнуть в будущее, значит, исчезнет как народ.

«По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и его гражданской ценности, – говорил Константин Паустовский. – Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку».

Лезгины в настоящее время в основном проживают на своих исторических землях в Северном Азербайджане и Южном Дагестане. Помимо этого, проживают также в Турции, Иране, Средней Азии, в России. На лезгинском языке говорит более полутора миллионов человек (официальная статистика показывает меньше). Лезгинский язык имеет несколько наречий, диалектов и говоров. Вопросы терминологии (наречие, диалект, говор) в лезгинском языке достаточно полно не разработаны, даже запутаны. До сих пор нет четкого разграничения понятий «наречие», «диалект», «говор». К примеру, кимилское, фийское, на наш взгляд, наречия считаются диалектами. В то же время диалектами являются кубинский, ахтынский, кюринский. А гельхенский, курахский, самурский, яркинский диалекты, на наш взгляд, укладываются в понятие «говоры».

Под понятием «язык» мы подразумеваем средство общения народа, имеющего общую историю, культуру и единую этническую среду (родину). Язык складывается в течение длительного времени посредством конвергенции (схождения) разных языковых форм (наречий, диалектов, говоров). Распад единого языка на наречия, диалекты, говоры обусловлен дивергенцией (расхождением) языка в результате происходивших в истории народа стихийных бедствий и войн, миграций и расселений на другие территории и т. п.

Наречие складывается в изолированной, отдаленной от материнского языка (границей, естественными преградами и т. п.) части населения внутри общего языкового культурно-исторического этнопространства. Диалект складывается как язык жителей определенного населенного пункта в относительно изолированных условиях. В основе говора лежат фонетические искажения и деформация слов внутри диалекта или наречия.

В 30-х годах XX века в качестве лезгинского литературного языка выбран кюринский диалект. Существующее в литературе название диалекта «гюнейский» (на тюркском «солнечная сторона») является необъективным, ибо язык теневой и солнечной сторон населенных пунктов один и тот же. На конференции «Пути сохранения, изучения и развития родного языка» (Касумхур, 2014) было одобрено наше предложение, вернуться к усларовскому названию «кюринский» [1: 141].

Как свидетельствует рукописный альманах из села Кири (Икра), еще в 18–19 веках – задолго до выбора единого литературного языка, представителями разных регионов (Кюре, Курах, Табасаран, Ахцах (Ахты), Куба, Агул) стихи писались на кюринском диалекте [2: 201].

До появления письменности лезгинский язык развивался в основном в устной форме (время становления фольклора), хотя албанская письменность для народов Кавказской Албании существовала до Месропа Маштоца. Об этом свидетельствуют найденные членом-корреспондентом АН Грузии Зазой Алексидзе в 1992 году на Синае тексты албанских палимпсестов IV века и их последующая расшифровка немецким лингвистом профессором Вольфгангом Шульцом.

Как известно из античных источников, албанские цари переписывались с греческим миром своим письмом. К выводу о бытовании письменности в Албании античного времени задолго до V века и ее использовании для международных отношений приходит и К.В. Тревер [3: 300].

Армянский историк VIII в. Гевонд, перечисляя языки, на которых существует перевод Библии, на 12-м месте упоминает албанский язык. Средневековые арабские писатели и географы (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси и др.) сообщали, что жители Аррана говорили на своем арранском языке. Албанский историк Хетум Патмич сообщает об алфавитах, которыми пользовались в XIV в.: «…были разные алфавиты – один армянский, другой албанский» [4: 15].

Из-за частых войн с многочисленными захватчиками (киммерийцы, скифы, сарматы, массагеты, гунны, хазары – с севера; мидяне, римляне и греки, иранцы, арабы, тюрки – с юга), письменность в Албании в полной мере развиться не могла.

По свидетельству албанского историка Моисея Каланкатуйка, просвещение в Албании интенсивно начало развиваться при Вачагане III, правившем в 487–510 годах и прозванном за свои благие дела Благочестивым. При нем во всех церквях и приходах открывались школы; в его правление были приняты «Албанские каноны» – Конституция страны.

Со вторжением арабов на земли албан (после смерти Джаваншира в 681 г.) процесс просвещения на основе албанской письменности прерывается. С потерей христианства албаны потеряли и страну. Христианство сохранилось только в Южной Албании (междуречье рек Куры и Арас), на-

селение которой при помощи арабов перевели на армянское монофизитство. Там и развивалась агиографическая и историческая литература, писались первые судебники и каноны для государства (католикос Виро, Давдак Картал, Моисей Дасхуранви, Моисей Каланкатуйк, Михитар Хаш, Хетум Патмич, Макагия и др.).

С образованием на исламизированной территории Северной Албании нескольких самостоятельных политических образований, развитие культуры и просвещения на основе христианства прекратилось. Только в XI–XII века появляются имена просвещенных людей: автор хроники Дарбант-нама Маммус ал-Лакзи (ум. до 1089 г.), суфий Абу Абдаллах ал-Хасан сын Маммуса (ум. в сер. XII в.), автор суфийского энциклопедического словаря «Базилик истин и сад тонкостей» Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди, ученик Маммуса (ум. в первой пол. XII в.) и др. Области Шарван и Кура, города Шемаха, Кепелек, Шабран, Ганзах, Дербент становятся культурными и литературными центрами. В этот период появляются известные поэты того времени: Абуль-улла Гянджеви, которому было присуждено звание главы поэтов; Фелеки Шарвани, Изеддин Шарвани, Муджуред-дин Байлакани и Гивами Гянджави. Особую известность получили Месхети (1090–1180), Хагани (1120–1199) и Низами Генджеви (1141–1202). Хотя произведения они создавали на фарси, образ их мыслей был пропитан албанским духом.

Во все эти периоды, наряду с другими языками, в посталбанском пространстве происходило рождение и развитие как устных, так и письменных традиций, новых имен и на родном лезгинском языке. К таким мастерам относится Кура Мелик (1199–1239). Его стихотворение «Вставайте, защищать родной очаг!» становится своеобразным боевым гимном в борьбе против монголо-татар.

В письменной культуре лезгины сменили несколько алфавитов: албанский (54 буквы), арабский (28), кюринский (усларо-казанфаровский) и кюринский «облегченный» Абужафером Мамедовым (по 46), латинский (29) и кириллицу (45 букв). Ни один из этих алфавитов, кроме албанского, к лезгинской фонетике не был приспособлен. В кириллице присутствуют не характерные для лезгинской фонетики и не продуктивные в лезгинском языке три буквы (Ё, Ю, Щ) и два знака (Ь, Ъ). Но отсутствуют пять букв для различения непридыхательных согласных (к, п, т, ц, ч) от придыхательных, двух аффрикат (ж, з), губно-губного W, сонорного Нь, занимающего промежуточное положение между А и Э гласной буквы Æ (æ), буквы для передачи фарингального звука, подобного арабскому «`айн». Для передачи этого звука в письме стихийно используется Ъ, претендующий на буквенный статус: *ваъ* ‘нет’, *неъ* ‘ешь’, *яъ* ‘ну’, *йаъ* ‘мать’, *фуъ* ‘хлеб’, *таъсир* ‘влияние’ и т. д. [5].

Если даже без аффрикат Ж и З, губно-губного W и сонорного Нь както можно обойтись, но отсутствие пяти букв для придыхательных согласных К, П, Т, Ц, Ч существенно влияет на семантику фразы и орфографию письма. (При необходимости различения придыхательных согласных, пока приходится пользоваться латинской буквой h, присоединяемой к согласной букве: I – **кар** 1) ‘корка на ране’; 2) ‘ободок’ *(напр.,* сита); 3) околыш *(напр.,* папахи); II – **khap** 1) ‘дело’, 2) ‘двор’; I – 1) **кал** ‘корова’, 2) ‘степь’;

II – **кhал** ‘неспелый’; I – 1) **тур** – ‘просунь’; 2) ‘горный бык’; 3) ‘этап соревнования’; II – 1) **тhур ‘**меч’; 2) ‘женская шаль с бахромой’ и т. д.

К искажению фонетики и орфографии приводит также путаница двух фонем «Я» и «Йа», которые отличаются тем, что «Я» произносится при полном раскрытии рта, а «Йа» – лишь при незначительном размыкании губ: *яру* ‘красный’, *яъ* ‘мать’ *(курах. диал.), ясин* ‘молитва’, *йад* ‘вода’, *йа* ‘есть’…

В лезгинском языке совершенно не разработано понятие о долгих гласных звуках, которые играют существенную роль в соблюдении благозвучия языка: *маани* ‘песня’, *маана* ‘значение’, *маалим* ‘учитель’, *ваан* ‘голос’ и др. (Для сравнения, слова с краткими гласными: *дана* ‘теленок’, *ч1ана* ‘приблизительно’, *хала* ‘тетя’, *гада* ‘мальчик’ и др.).

Все вышеотмеченные проблемы графики были учтены лишь в албанском алфавите и частично в усларо-казанфаровском. В связи с переходом Республики Азербайджан в 2001 году на латиницу, происходит отход южных лезгин от лезгинской письменной традиции. Наиболее активная часть южных лезгин, выдвигая кубинский диалект вместо кюринского на роль литературного, призывает к полному очищению языка от ориентализмов, что в принципе невозможно и может уничтожить язык.

На вопрос корреспондента информационно-аналитического центра ФЛНКА «можно ли говорить о нарастающем культурном отчуждении дагестанских и азербайджанских лезгин?» еще в 2012 году поэт и общественный деятель из Баку Музаффер Меликмамедов ответил, что «уже в ближайшие 20–30 лет культурная отчужденность дагестанских и азербайджанских лезгин будет явно видна». Вот прошло каких-нибудь 8–9 лет, и это отчуждение уже заметно.

При сложившейся обстановке уже отчетливо видно противопоставление двух диалектов лезгинского языка – кубинского и кюринского. Так, сторонники очищения языка от ориентализмов меняют литературные слова на свои диалектные: *к1ани* ‘любимый’ на *кани, т1вар* ‘имя’ на *твар, куь* ‘вы’ на *цуь* и т. д. В кубинском диалекте явно наблюдается смягчение абруптивов, и процесс этот проходил веками под воздействием тюркского языка.

В кубинском диалекте идет путаница переходных и непереходных глаголов: фраза *за балк1андихъ калтугзава* ‘я гоняюсь за лошадью’ звучит как *зу балкандихъ калтугзава* (в первом случае местоимение *Я* в эргативе – и глагол *гоняюсь* переходный; во втором – *Я* в именительном падеже, а глагол непереходный, что обессмысливает фразу. Такие ляпсусы допускаются и в лезгинской газете: *ам дережайрихъ калтугнач* (вместо *Ада калтугнач)* [6].

С некоторыми предложениями кубинских лезгин согласиться можно: избавиться от тюркских суффиксов *-лу, -миш* и проч. или свести их к минимуму. В последние годы в лезгинской газете действительно наблюдается засилье тюркизмов. И происходит это зачастую в ущерб родной лексике.

Даже в письме, казалось бы, грамотных людей встречается неуместное употребление тюркских суффиксов: *шадлу* (нужно *шад*) ‘веселый’,

паклу (нужно *пак*) ‘святой’, *марагълу* (нужно *маракь*) ‘интересный’ и т. п.

Мы упоминали, что за время своей письменной истории лезгины пять раз меняли свою письменность: албанский (в Южной Албании действовал вплоть до XIV века), арабское письмо (IX – нач. XIX в.), аджам на основе арабского алфавита (1928 г.), усларо-казанфаровский алфавит параллельно с арабской (1860–1910 гг.), латиница (1928–1938 гг.), кириллица (с 1938 г.). Самым удачным по сей день остается албанский алфавит, в котором каждой фонеме соответствует свой знак. Хотя в усларо-казанфаровском и его облегченной А. Мамедовым версии – кюринском алфавитах наблюдается старание максимально охватить лезгинскую фонетику.

Причины сегодняшних проблем лезгинской письменности, а значит, и языка были заложены в самом начале перехода на другие алфавиты. Так, переходя на кириллицу, в лезгинскую графику ввели непродуктивные в лезгинском языке буквы в ущерб необходимым буквам. Если отнять из 45 букв кириллицы три буквы и два знака, то остается 40 букв (это около 75% от необходимого количества букв).

В правописании слов принят фонетический принцип: то есть пишем, как слышим. Но этот принцип разрушает орфографию, и поэтому ни в одном языке мира фонетический принцип не соблюдается. Не пишем же слова *солнце, сегодня, нравится, автор* как *сонце, севодня, нравица, афтор.* Но почему-то позволяем себе писать слова типа *ягъун, эч1ягъун* в повелительной форме или в прошлом времени, как *я, эч1я, яна, эч1яна* (неправомерно отбрасывая корневое «гъ», указывающее на удлинение предшествующей гласной и в письме не читается).

Искажения в правописании зачастую узаконивает и нормативная литература, в частности, орфографические и другие словари. Так, в орфографическом словаре лезгинского языка (составитель Р.И. Гайдаров) литературные варианты слов оказались измененными на слова из его родного кюринского диалекта: *паркут* – вместо *паркут1* ‘недвусмысленный намек’, *т1арат1* – вместо *тарат1* ‘флаг, знамя’, *расук* – вместо *расука* ‘нафаршированный овечий желудок’, *хизан* вместо *хазан* / *хзан* ‘семья’ и т. д. Путаются вопросительный глагол *яни?* ‘есть ли?’ и арабское заимствование *яъни* ‘то есть’. Несмотря на то, что эти слова по своей структуре и семантике разные, орфографический словарь указывает писать их одинаково, как *яни* в обоих случаях. В словаре подобных искажений непростительно много [7: 100].

Ссылаясь на упомянутый словарь, работники печатных средств корректируют орфографию слов кюринского диалекта, положенного в основу литературного языка. Исправления касаются не только авторских статей, но и художественных текстов – авторских произведений. Ущербным является также предписание в орфографическом своде, что в заимствованиях необходимо сохранять их материнскую форму, то есть уже приспособленные под лезгинскую фонетику слова *аптек, газет, истик1ан, ишик1, палту, пиян, уьтуь, птулка, Кьуркьан, мергьемет* и др. нужно писать, как *аптека, газета, стакан, ящик, пальто, пьян, утюг, бутылка, Куръан, маргьамат*…

К порче фонетического строя, благозвучия ведут также далекие от фонетического и образного строя языка неологизмы. Зачастую придумываются неологизмы, несмотря на наличие соответствующих слов в языке: *эквалан* ‘просветитель’ (есть *нурани), бадара* ‘поведение’ (есть *т1ул*), *загьид* ‘монах’ *(*есть *кишиш*), *гъейб хьун* ‘исчезнуть’ *(*есть *цуьк1 хьун*), *кевкес* ‘возбуждение’ *(гьуьрс), къавран* ‘кризис’ *(каг, кагал атун), юлжен* ‘соратник’ *(ашна, сирдаш), чсан* ‘туман’ *(гьуьм), шабагь* ‘награда’ *(савкьват, рик1ал, хурал), муракаб* ‘сложный’ *(кт1иш, ак1а;* а арабское *муракаб* ‘чернила’, принято в лезгинском, как *мерекуп1*), нужно или не нужно – везде используют слово *итиж* ‘интерес’ (слову *интерес* в лезгинском есть ряд заменителей, применяемых в разных ситуациях: *хийир, важиб, гьяз, гьас;* больше подо-шло бы *энте*, близкое к слову *интерес*), *ерим* ‘развитие’ (от тюркского *еримиш*; есть родные соответствия: *циц1ивал, эрел, вилик фин, гъала гъун, дувул кьун, к1вачи чил кьун)* и др. Вероятно, авторы неологизмов недостаточно глубоко анализируют родную лексику.

Огромная роль в развитии языка принадлежит средствам массовой информации. Но особую роль в обогащении и сохранении литературного языка играет художественная литература. Поэтому к языку писателей необходимо относиться бережно. В советское время существовали упрощенные подходы к национальным языкам. Считалось, что в скором времени малые языки исчезнут, и советский человек будет владеть одним языком – русским. Плоды подобного подхода мы пожинаем сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление о сохранении, изучении и развитии лезгинского языка // Пути сохранения, изучения и развития родного языка. Вып. 1. Касумкент, 2014. С. 141.

2. Рукописный альманах из Кири (на лезг. языке; аджам и кириллица). Махачкала: Лотос, 2008. 400 с.

3. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – III в. н. э.). М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 391 с.

4. Хетум Патмич. Вертоград историй стран Востока. Гл. IX.

5. Нагиев Ф.Р. Лезги орфографияда кIватI хьанвай месэлаяр (проблемы лезгинской орфографии) // Лезги газет. 2007. 13 сент. (№ 37).

6. Сажидин. Ам дережайрихъ калтугнач // Лезги газет. 2020. 25 июня (№ 26).

7. Орфографический словарь лезгинского языка. Махачкала: Изд-во НИИ педагогики, 2001. 244 с.

УДК 811.512.145

Мирхаев Рифат Фирдинатович
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Mirkhayev Rifat Firdinatovich
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
e-mail: mirhaev77@mail.ru
Миннуллин Бахтияр Кимович
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Minnullin Bakhtiyar Kimovich
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
e-mail: bahtiyar1986@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND SPEECH PORTRAIT OF TATAR SOCIETY OF THE SECOND HALF 19TH – EARLY 20TH CENTURY: RESULTS OF STUDY

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного Фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 24-28-20132, https://rscf.ru/project/24-28-20132/.

Аннотация. *В статье освещаются источники, ход проведения и основные результаты исследования, направленного на реконструкцию социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX века. Для достижения поставленной цели работа велась в двух направлениях. Первое включало в себя изучение социолингвистических аспектов функционирования татарского языка на уровне его форм существования. В рамках второго проводился анализ речевых практик представителей социальных групп и профессиональных сообществ на предмет установления их ситуативных, стилистических, психологических и аксиологических параметров.*

Annotation. *The article covers the sources, the course of the research and the main results of the study aimed at reconstructing the socio-speech portrait of the Tatar society of the second half 19th – early 20th century. To achieve this goal, the work was carried out in two directions. The first included the study of the sociolinguistic aspects of the functioning of the Tatar language at the level of its forms of existence. The second included an analysis of the speech practices of representatives of social groups and professional communities to establish their situational, stylistic, psychological and axiological parameters.*

Ключевые слова: *татарский язык, социально-речевой портрет, формы существования языка, социальный субстрат, среда бытования, сфера употребления*

Keywords: *Tatar language, social and speech portrait, forms of language existence, social substrate, environment, sphere of use*

Согласно научно-теоретическим основам исследования, выработанным на первом этапе реализации проекта [1; 2], работа по реконструкции социально-речевого портрета татарского общества выделенного периода велась по двум направлениям:

1) выстраивание функциональной парадигмы татарского языка и изучение социолингвистических аспектов функционирования её структурных элементов;

2) анализ речевых практик представителей социальных групп и профессиональных сообществ татарского общества в ситуативном, стилистическом, психологическом и аксиологическом аспектах.

В рамках реализации проекта при выстраивании функциональной парадигмы татарского языка и изучении социолингвистических аспектов функционирования её структурных элементов, основное внимание уделялось народно-разговорным формам существования татарского языка. При этом работа выстраивалась на основе установления и описания их:

1) социальных субстратов;

2) сред бытования;

3) сфер употребления.

Следует отметить, что осуществление такого рода научно-исследовательских действий в отношении тех или иных периодов прошлого осложняется в силу отсутствия возможности наблюдения воочию за языковыми процессами. И здесь основная роль отводится источникам, которые содержат в себе необходимые сведения. В качестве таковых нами были выделены датированные концом XIX и началом XX столетий труды этнографической и диалектологической направленности, учебные пособия и словари по татарскому языку, а также произведения отдельных писателей-просветителей.

Первую группу составили такие работы как «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» А.Г. Бессонова (1881), «О мишарях в Чистопольском уезде Казанской губернии» В.А. Казаринова (1885), «Сведения о мишарях. Этнографический очерк» Е.А. Малова (1885), «Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях» В.К. Магницкого (1896), «О языке и народности мишарей» Г.Н. Ахмарова (1903).

Данные источники были использованы для восстановления социолингвистических аспектов функционирования территориальных диалектов татарского языка. Для этого включённый в них этнографический и языковой материал был проанализирован на предмет выявления сведений о характере социального субстрата, границах сред бытования и сфер употребления данных идиомов. Следует отметить, что перечисленные выше работы не включают в себя прямых данных о предмете исследования, они носят косвенный характер. Так, например, в них указываются районы проживания носителей территориальных диалектов. И они совпадают с историческими зонами расселения крестьян, которые представляли основную массу татар в рассмотренный период и задавали тон экономическим отношениям. Данное обстоятельство в свою очередь обеспечило использование территориальных диалектов как в семейном и регионально ограниченном общении, которые являются традиционными средами их бытования, так и

в профессионально-производственном, социально-групповом и временно организованном коммуникациях. Далее анализ представленной в источниках лексики на предмет её применения в тех или иных общественных сферах показал, что основную массу составляют слова, которые, как правило, функционируют в хозяйственной деятельности и повседневном быту. Были зафиксированы также лексические единицы, применяемые в области религиозных отношений.

Данная работа была проведена и с источниками, имеющими отношение к общенародно-разговорной форме существования татарского языка. Здесь были рассмотрены такие пособия как «Практическое руководство к изучению татарского языка», составленное старшим учителем Первой Казанской гимназии М.М. Махмудовым (1857) и восьмое издание «Самоучителя для русских по-татарски и для татар по-русски» (1882) языковеда и педагога Г.А. Вагапова.

В обоих случаях также были изучены лексикографические труды, а именно составленные историком и этнографом Н.П. Остроумовым «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещённых татар Казанской губернии» (1876) и «Татарско-русский словарь» (1892), а также «Татарско-русский словарь» (1878) известного татарского просветителя Каюма Насыри.

Кроме того мы обратились и к произведениям таких писателей-просветителей как Риза Фахретдин, Фатих Карими и Касим Биккулов. Из них был извлечён и проанализирован материал, содержащий в себе образцы речи носителей территориальных диалектов татарского языка.

В результате было выявлено следующее:

1) социальные субстраты территориальных диалектов и общенародно-разговорного идиома татарского языка, за исключением ограниченности первых в региональном отношении, в рассмотренный период охватывали все слои общества;

2) в плане соотношения с такими составляющими языковой ситуации как среды бытования и сферы употребления данные идиомы дополняли друг друг на региональном и общенациональном уровнях.

Анализ речевых практик представителей социальных групп и профессиональных сообществ татарского общества в ситуативном, стилистическом, психологическом и аксиологическом аспектах преследовал цель реконструкции социально-речевых портретов исторических сообществ, а именно коммерческих и духовно-религиозных кругов, а также крестьян и рядовых горожан. Здесь, кроме языковой составляющей, основное внимание было уделено также изучению:

1) социальных ситуаций, оказывавших влияние на характер коммуникативных актов;

2) контекстуальных стилей, сопутствовавших коммуникативным актам;

4) психологических установок, определявших тон общения;

5) ценностных ориентаций субъектов общения.

По нашему мнению, именно данные факторы в своей совокупности и определяют облик социально-речевых портретов тех или иных коллективов, а в конечном итоге и самого общества.

Для успешного решения поставленных задач в качестве источников, наряду с работами историков, в которых исследуется социальная структура татарского общества второй половины XIX и начала XX столетия, были привлечены также прозаические и драматические произведения таких представителей татарской литературы данного периода как Захир Бигиев, Гаяз Исхаки, Шакир Мухаммадов, Касим Биккулов и Галиасгар Камал. Выбор указанных авторов объясняется тем, что они первыми предприняли попытку изобличения социальных корней тех проблем, которые переживало татарское общество на стыке двух веков, через реалистичное отображение быта, повседневности, психологического и духовного облика своих современников. И всё это сопровождается образцами из речевой практики последних.

Полученные результаты указывают на то, что социально-речевые портреты исследованных нами исторических сообществ в языковом отношении характеризуются преобладанием разговорных форм, а в духовно-ценностном – утилитарно-прагматических установок [3]. С определёнными оговорками данные параметры могут быть проецированы и на общество в целом. Как уже было сказано выше, в рассмотренный период социальные субстраты народно-разговорных форм татарского языка охватывали все слои населения. Кроме того они были представлены во всех средах общения и начали проникать в новые для них общественные сферы. А полноправными носителями традиционного литературного идиома, который был ограничен в плане своего функционального употребления, выступали лишь представители определённых кругов, а именно интеллигенции. Что касается духовно-ценностной составляющей, то утилитарно-прагматические установки сопутствовали жизнедеятельности всех слоев общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. К вопросу изученности проблемы языковой ситуации в татарском языкознании // Казанская наука. 2024. № 8. С. 124–127.

2. Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. Социально-речевой портрет поволжских татар во второй половине XIX – первом десятилетии XX века: теоретические основы изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Вып. 10. С. 3505–3509.

3. Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 197–211. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13.

УДК 8.81

Мичугина Светлана Викторовна
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
Michugina Svetlana Viktorovna
Moscow City University
Moscow, Russia
E-mail: michuginasv@mgpu.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА

THE DIGITAL TURN IN LINQUISTICS: INVESTIGATING COLOR TERMINOLOGY

Аннотация. *В современных условиях развития цифровых технологий лингвистические методы исследования претерпевают определенные изменения, связанные с внедрением цифровых сервисов в научную деятельность. В данной статье рассматривается влияние цифровизации на изучение семантики цветообозначений. Показано, как современные инструменты, такие как искусственный интеллект, корпусная лингвистика, визуализация данных и онлайн сервисы, расширяют возможности анализа семантики цветовой лексики.*

Annotation. *In the context of modern digital technology development, linguistic research methods are undergoing significant changes due to the integration of digital tools into scholarly activities. This paper examines the impact of digitalization on the study of the semantics of color terms. It demonstrates how contemporary tools – such as artificial intelligence, corpus linguistics, data visualization, and online platforms – expand the possibilities for analyzing the semantics of color-related vocabulary.*

Ключевые слова: *цифровизация лингвистики, термины цвета, корпусные данные, визуализация данных, семантика, цифровые гуманитарные науки*

Keywords: *digitalization of linguistics, color terms, corpus data, data visualization, semantics, Digital Humanities*

Введение. Современная лингвистика всё активнее интегрирует цифровые технологии, что позволяет преодолевать ограничения традиционных методов и расширять границы научного познания. Одной из перспективных областей, в которой цифровизация оказывает значительное влияние, является изучение семантики цветообозначений – лексических средств, с помощью которых различные языки кодируют определенные фрагменты визуального спектра. Цвет и термины цвета как объект лингвистического анализа занимают одно из центральных мест в когнитивной лингвистике, типологии и антропологической семантике, поскольку отражает взаимодействие процессов зрительного восприятия, социо-культурной среды и языковой карины мира.

Цель данной статьи – показать, как цифровые методы трансформируют исследования терминов цвета на примере английского языка. В работе анализируются как общие тенденции цифровизации в лингвистике, так и конкретные результаты в изучении цветообозначений.

Цветообозначения в традиционной лингвистике. Исследования цветообозначений имеют достаточно долгую историю. Основные проблемы изучения цвета и соответственно цветообозначений связаны с анализом членения цветового спектра в различных языках, количеством цветообозначений и их соответствия в различных, как правило европейских, языках, сравнительным описанием различных символических и ассоциативных значений в определенных культурах с последующим определением языковых универсалий в научной лингвистической картине [1; 2]. Особый всплеск интереса к изучению терминов цвета можно отметить в когнитивных исследованиях, где цвета как системное образование были использованы как наглядных пример естественной категории и способы ее реализации в языке на примере категории с фокусом как ее центром [3] и дальнейшее ее развитие в теорию прототипов, где категория цвета представляла собой прототипическую структуру с базовым цветом в качестве прототипа всей категории. Отдельно можно отметить пианерскую работу в области антропологии Б. Берлина и К. Кея по изучению языковых универсалий на примере терминов цвета. В своем исследовании авторы предложили иерархическую модель развития цветовой лексики в европейских языках, согласно которой в языке категория цвета последовательно развивается от бинарной оппозиции белого и черного цветового термина до до красного, зелёного, жёлтого на одной ступени иерархии, синего, коричневого и далее четырех цветов одновременно: фиолетового, розового, оранжевого и серого [4].

Традиционные методы включали полевые исследования, использование физических цветовых шкал (например, Munsell или NCS), интервью с носителями языков и трудоемкую ручную обработку данных. Эти подходы позволили заложить основы типологии цветовой лексики, но имели существенные ограничения: малая выборка, субъективность интерпретации, трудности в стандартизации условий эксперимента и ограниченность межъязыкового сравнения [8; 9].

Например, различия в восприятии границ между *розовым* и *pink* в русском и английском языках на цветовом континууме, или отсутствие чёткого разделения между зелёным и синим и наличие в некоторых языках термина *grue* в некоторых языках требовали тонкого контекстуального анализа, который было сложно масштабировать с малыми объемами данных.

Цифровизация лингвистических исследований: общие тенденции. Цифровизация лингвистики – это процесс внедрения вычислительных методов, больших данных, цифровых платформ и искусственного интеллекта в лингвистические исследования. Этот процесс охватывает такие направления, как корпусная лингвистика, обработка естественного языка (Natural Language Processing), машинное обучение, визуализация данных и создание цифровых ресурсов гуманитарных наук, в том числе лингвистических.

Цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities) предоставляют исследователям инструменты для анализа текстов в масштабах, недоступных ранее. Например, национальные языковые корпуса (НКРЯ, COCA, BNC) позволяют отслеживать употребление слов в постоянной динамике, выявлять коллокации и частотность употребления в опрделенной сочетаемости,

определяя специфику языковой единицы на современном этапе развития языка в опрделенных культурных условиях.

В то же время платформы вроде Sketch Engine или AntConc делают корпусный анализ доступным даже для исследователей без глубоких программистских навыков. С их помощью можно сформировать свой корпус текстов и затем подвергнуть его анализу в соотвествии с заданными исследователями критериями. Полученные данные можно экспортировать и использовать не только для для дальнейшего лингвистического изучения, но и для преподавания. Особую роль играет возможность интеграции данных из разных дисциплин: психологии, нейронауки, антропологии и, конечно, лингвистики. Это позволяет строить более полные модели языкового поведения, включая когнитивные аспекты восприятия цвета.

Одним из ключевых достижений стало создание стандартизированных цифровых цветовых палитр, основанных на моделях RGB, HEX и CIELAB. Эти модели позволяют точно задавать цвета в цифровой среде, что критически важно для воспроизводимости экспериментов.

Онлайн-платформы, такие как PsychoPy, Gorilla.sc или jsPsych, позволяют проводить массовые эксперименты по идентификации цветов. Данные программы предоставляют исследователю возможность создавать зрительные стимулы, в нашем случае цветовые, одновременно фиксируя и анализируя их поведенческие реакции, мозговую активность или любую другую физиологическую активность. Участники из разных стран могут в реальном времени выбирать названия для представленных цветов, а данные автоматически собираются и структурируются. Такой проект, как ColourLex, результатом которого является создание 772 цветовых образца с соответствующим наименованием этого цвета на основе произведений искусства живописи, уже собрали данные по цветовой лексике более чем из 100 языков мира [5].

Корпусная лингвистика, в свою очередь, даёт возможность анализировать не только нормативные, но и употребительные особенности цветообозначений. Например, в НКРЯ (Национальный корпус русского языка) можно проследить, что слово голубой чаще употребляется в контекстах, связанных с небом, глазами или одеждой, в то время как синий – с техникой, документами или эмоциями (синяя тоска). Сравнительный анализ английского blue и русского синий/голубой в параллельных корпусах показывает, что английский язык, не разделяя эти оттенки лексически, компенсирует это модификаторами (light blue, sky blue, navy blue). Анализ частотности и контекстов позволяет выявить культурно обусловленные универсалии употребления терминов цвета в определенной языковой картине мира [5].

Цифровые инструменты также позволяют строить семантические карты цветовых терминов. Метод многомерного шкалирования (Multidimensional Scaling) применяется для визуализации воспринимаемого сходства цветов на основе данных от носителей языков. Например, исследования показывают, что в русском языке «голубой» и «синий» образуют два отдельных кластера, в то время как в английском blue остаётся одним полем с градиентными переходами [6].

Интерактивные карты, такие как те, что представлены в базе данных WALS (World Atlas of Language Structures), позволяют сравнивать языки по

наличию базовых цветовых терминов, а также визуализировать географическое распространение тех или иных терминов цвета [7].

Следует отметить и тот факт, что цифровизация способствует развитию междисциплинарности проводимых исследований. Например, данные о цветовом восприятии из нейропсихологии (электроэнцефалографии, eye-tracking) можно сопоставлять с лингвистическими реакциями. Исследования показывают, что носители языков с раздельными терминами для «синего» и «голубого» быстрее различают эти оттенки в перцептивных задачах. Данный эффект лингвистической относительности, который становится измеримым благодаря цифровым экспериментам с носителями различных языков.

Подводя некоторые итоги, мы можем выделить определенные преимущества и риски цифровизации лингвистических исследований. Среди преимуществ, прежде всего, следует отметить следующие:

– масштабируемость проводимых исследований: возможность охватить сотни языков и тысячи участников;

– точность определения цветового оттенка и соответственно точность полученных данных: стандартизированные цветовые модели и автоматизированный сбор данных;

– воспроизводимость модели проводимых экспериментов: открытые данные и коды экспериментов позволяют реплицировать исследования;

– интеграция полученных данных: объединение лингвистики с данными из психологии, антропологии, дизайна.

Однако не следует забывать и о возникающих рисках использования цифровых технологий:

– техническая неоднородность: различия в калибровке экранов могут искажать восприятие цвета;

– этические вопросы: защита персональных данных;

– языковая и культурная предвзятость: большинство цифровых платформ ориентированы на английский язык и западные цветовые образцы как базу данных;

– нехватка специалистов лингвистов-программистов: требуется синтез лингвистических, программных и когнитивных компетенций.

Перспективы и заключение. Цифровизация открывает новые горизонты для изучения терминов цвета в различных языках. В качестве перпективных результатов лингвистических исследований цветовой терминологии можем предположить следующие:

– создание глобального цифрового атласа цветовой лексики с интерактивными картами и ИИ-анализом;

– использование машинного обучения для прогнозирования развития цветовой лексики в языках;

– разработку стандартов для цифровых цветовых экспериментов;

Однако необходимо понимать, что цифровые методы не отменяют, а дополняют традиционные подходы. Они позволяют перейти от описательных моделей к аналитическим, от локальных наблюдений – к глобальным сравнениям. Изучение цветообозначений становится не только лингвистической, но и междисциплинарной задачей, отражающей сложную связь языка, восприятия и культуры в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мичугина С.В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с. EDN NIMRMR.

2. Мичугина С.В. О некоторых подходах к изучению цвета и цветонаименований // Аракинские чтения. Актуальные проблемы лингвистики и методы преподавания английского языка: Сборник научных трудов. Москва: МГПУ, 2002. С. 97–109. EDN SRFFEA.

3. Рош Э.Х. «Естественные категории». Когнитивная психология. 1973. 4 (3): 328–50.

4. Berlin B., & Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. University of California Press. 1969.

5. ColourLex. Sience and Art. URL: https://colourlex.com/das-farbenbuch/

6. Regier T., Kay P., & Khetarpal N. Color naming universals: The role of color stability and salience. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. 102(43), 15278–15283.

7. Monaghan P., et al. The role of experience in the acquisition of color terms. Cognitive Science. 2018. 42(2). 397–429.

8. WALS Online – World Atlas of Language Structures. https://wals.info

9. Taylor K.I., de Bruin, H., & Ruesch, J. ColourLex: A database of colour terms in 100 languages. Proceedings of the 19th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue. 2015. P. 147–155.

УДК 811.512.212 + 215

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия
Morozova Olga Nikolaevna
Amur State University
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: morozova_olga06@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ: ТИПЫ ВЛИЯНИЯ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

PHONETIC ADAPTATION IN TUNGUSIC LANGUAGES: TYPES OF INFLUENCE FROM CONTACT LANGUAGES

Аннотация. *Контактное влияние вызвало дивергенцию фонетики эвенкийского (РФ) и орочонского (КНР) языков. Русский язык спровоцировал смену апикального уклада на дорсальный у эвенков, а орочоны сохранили апикальность благодаря контактам с китайским и даурским. В эвенкийском ослабла роль аспирации, тогда как в орочонском возникло противопоставление по придыхательности. Выявлены интерференционные явления в орочонском, включая маркировку конечного гласного. Интонационные системы дивергируют: орочонскому свойственна слоговая мелодичность, эвенкийскому – речитативный контур. Внешние факторы приводят к трансформации артикуляционно-акустических баз и взаимному непониманию носителей тунгусских языков разных стран.*

Annotation. *Contact influence has caused a divergence in the phonetics of the Evenki (RF) and Oroqen (PRC) languages. Russian triggered a shift from an apical to a dorsal articulation setting among the Evenki, while the Oroqen retained apicality due*

to contacts with Chinese and Daur. The role of aspiration has weakened in Evenki, whereas a contrast based on aspiration has emerged in Oroqen. Interference phenomena have been identified in Oroqen, including the marking of the final vowel. The intonation systems diverge: Oroqen is characterized by syllabic melodicity, while Evenki has a recitative contour. External factors lead to a transformation of the articulatory-acoustic bases and mutual unintelligibility among Tungus speakers of different countries.

Ключевые слова: *тунгусо-маньчжурские языки, фонетическая адаптация, артикуляционный уклад, аспирация, интерференция, интонация*

Keywords: *Tungusic languages, phonetic adaptation, articulation setting, aspiration, interference, intonation*

В настоящее время в языках тунгусов северо-востока Азии зафиксированы фонетические инновации, которые мы связываем с адаптацией их звуковых систем к фонетике контактирующих с ними языков.

Речь идет о двух типах такой адаптации в регионе Верхнего Приамурья. А.М. Певнов называет Верхнее Приамурье географическим центром интенсивных языковых контактов, способствующих появлению новых языков [5: 194]. Ю. Янхунен придерживается такого же мнения и считает регион Большого Хингана на правобережье Амура в КНР колыбелью зарождения тунгусских и монгольских языков [9].

На примере Верхнего Приамурья можно выделить два типа адаптации звукового строя тунгусских языков: 1) современный левобережный эвенкийский (говоры эвенков Амурской области, РФ), который несет в себе явления взаимодействия фонетических систем русского и якутского языков; 2) правобережный орочонский (говоры орочонов провинции Хэйлунцзян КНР), адаптирующийся под слоговой китайский язык, что проявляется в воздействии на звуковую систему орочонского языка в целом, и на отдельные участки речевой цепи в частности.

Результаты нашего исследования основаны на применении экспериментальных методик, как артикуляционных, так и акустических. Материал для фонетических исследований в формате аудио записывался в лабораторных условиях Амурского государственного университета и, в дальнейшем, проводился его анализ в компьютерных программах по обработке звукового сигнала PRAAT, Audacity. Для получения данных об артикуляции языков коренных народов Амурской области мы сотрудничали с Дальневосточным научным центром физиологии и патологии дыхания, расположенном в г. Благовещенске и использовали методики МРТ (магнито-резонансной томографии). В ходе таких медицинских и акустических процедур мы получаем томограммы, где отчетливо можно проследить артикуляционно-акустическую базу и динамику её развития у современных эвенков Амурской области.

В ходе сопоставления сегментных и супрасегментных характеристик звуковых единиц эвенкийского языка России и орочонского языка Китая, мы постарались определить изменившуюся специфику артикуляционно-акустических баз современных тунгусов Приамурья.

У рассматриваемых языков прежде всего хотелось бы отметить разный артикуляционный уклад. У орочонов артикуляционный уклад остался этнически неизменным – апикальным – поскольку окружающие его язы-

ки такие же апикальные. У современных эвенков России артикуляционный уклад – дорсального характера. Процесс артикуляционных изменений у эвенков России в историческом развитии периода последних 80-ти лет зафиксирован данными экспериментальной фонетики.

Как показывали экспериментально-фонетические исследования артикуляции у эвенков России, постепенная смена апикального тунгусского уклада на дорсальный русский происходила, начиная с конца 30-х гг. прошлого века [3; 1; 7]. В первых фонетических экспериментах 1930-х гг. по изучению артикуляторных привычек эвенков фиксируется общий апикальный уклад артикуляторных органов при производстве тунгусской речи. Например, эвенкийский /l/ в 1937 году в речи ербогаченских эвенков представлял собой переднеязычный апикальный щелевой звонкий согласный [3: 158], уже через 50 лет в конце 1980-х аналоговыми приборами регистрируются редко апикальные, чаще дорсальные настройки эвенкийских переднеязычных согласных [1: 62].

В эксперименте М.И. Матусевич, проводившимся в 1937 г. в Ленинграде, были получены палатограммы эвенкийских переднеязычных согласных, исследование которых доказывало апикальную артикуляцию в ротовой полости говорящих на эвенкийском языке [3]. В эксперименте Т.Е. Андреевой, проведенном 50 лет спустя в 1987 г. в Новосибирске, на дентопалатограммах и рентгеносхемах уже фиксируются слабоапикальные артикуляции переднеязычного латерального /l/ в словах *лу* ‘смола’, *ала* ‘вкусный’, *дял* ‘ум, разум’ [1: 62]. Наконец, спустя уже 30 лет в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В.М. Наделяева новосибирского академгородка по данным рентгенографирования и магнитно-резонансной томографии группа ученых получает данные о кардинальной смене этнической артикуляции эвенков России с апикальной на дорсальную. Их вывод: переднеязычные настройки согласных звуков в эвенкийском языке являются дорсальными, кончиковых (апикальных) не зафиксировано [7].

За пределами нашей страны, у орочонов КНР, не имеющих контактов с носителями русского языка, сохраняется этнический апикальный уклад речи. Соматические данные, полученные нами от орочонов провинции Хэйлунцзян (орочонская деревня Синьшэн), методом статического магнитно-резонансного томографирования (МРТ), показывают сохранность апикальной артикуляции у переднеязычных /t^h/, /t/, /s/, /n/. Тем не менее, дорсальные реализации [ʃ]-аллофона переднеязычной щелевой фонемы /s/ имеются, а плавный переднеязычный /l/ реализуется в своей какуминальной артикуляции. Причины сохранности апикального типа настройки основного произносительного органа (языка) у орочонов, по нашему мнению, объясняются отсутствием коммуникации с представителями других этносов, в артикуляторной базе которых имеются дорсальные типы переднеязычных. Орочоны правобережья Амура уже более ста лет проживают в тесном соседстве с носителями китайского и даурского языков, тип артикуляционного уклада которых учеными определяется как апикальный (см. о китайском языке [8: 34, 39, 41, 45], даурском [6: 128]).

Таким образом, эвенкийский и орочонский языки разошлись прежде всего в артикуляционном укладе, который в языке эвенков под влиянием

русского языка стал дорсальным, а в языке орочонов при поддержке китайского остался апикальным (хотя и не без дорсальных реализаций).

Кроме того, одной из современных тенденций в развитии языка эвенков России является уход от придыхательности речи, под которой вслед за Л.П. Зиндером мы понимаем выдох, продолжающийся некоторое время после взрыва, главным образом, у смычных согласных до начала следующих гласных [2: 120]. Аспирация у эвенкийских шумных смычно-взрывных перешла из дифференциального в интегральный признак и в настоящее время не участвует в противопоставлении фонем /p/ – /b/, /t/ – /d/, /k/ – /g/ [4: 342]. И, напротив, звуковая картина орочонского языка Китая отличается от эвенкийского языка России большей интенсивностью (громкостью) и насыщенностью шумовыми параметрами сегментов с дополнительными гортанными артикуляции. На слух русскоязычного человека орочонский язык в отличие от эвенкийского более громкий и шумный.

С другой стороны, в ходе экспериментов нами была зарегистрирована реализация аспирированных шумных смычных в орочонском языке КНР, которая отсутствовала у аналогичных согласных в языке эвенков России. Оказалось, что орочонские пары губно-губных, переднеязычных и заднеязычных смычных согласных фонем /p^h/ – /p/, /t^h/ – /t/, /k^h/ – /k/ противопоставлены не по признаку глухости/звонкости, а по придыхательности/непридыхательности, вероятно, при поддерживающем влиянии соответствующих пар инициалей доминирующего китайского языка. Как уже указывалось, данное противопоставление в языке селемджинских эвенков не фиксируется. Например, в орочонских словах *малу* [t^halu] ‘береста’ и *таусун* [tausun] ‘соль’, первые согласные звуки данных слов противопоставлены не по признаку глухости/звонкости (как это было бы в эвенкийском языке), а по наличию аспирированного шума и его отсутствию.

Данностью современности становится факт, что китайский язык для орочонов, усвоенный вторым, стал в настоящее время функционально первым (что также верно и для русского языка эвенков России). Представим некоторые выявленные нами фонетические факты интерференционного влияния китайского языка на орочонский, которые проявляются в: 1) эллиптировании либо рефлексе конечного сонорного при сохранности назализации предшествующего гласного; 2) глухости этнически звонких шумных и оглушенности (по крайней мере, начала реализации) сонорных согласных; 3) включенности гортанных дополнительных артикуляций в фонацию конечной фазы орочонского слова.

Последние данные акустического анализа орочонской речи позволили выявить синергетический комплекс фонетических характеристик конца орочонского слова (изолированно произнесенного). Можно говорить об особом механизме маркировки орочонского ауслаутного гласного. Маркеры последнего следующие: 1) увеличение интенсивности (громкости); 2) увеличение длительности; 3) усиление плотности колебания голосовых связок; 4) усиление надсвязочных качественных модуляций фарингализации, эпиглоттализации; 5) крутое движение гортани сверху вниз (интонограмма показывает крутое падение интонационного контура вниз).

Наблюдаются отличные тенденции в реализации эвенкийских и орочонских интонационных конструкций. Самой яркой чертой в интонации

орочонского языка является то, что каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление.

Основной отличительной особенностью интонации в речи эвенков является наличие речитативных мелодических отрезков и небольших восходящих и нисходящих переходов между ними. Контрастные изменения уровня высоты основного тона в эвенкийской речи обусловливают ступенчатый характер мелодического рисунка в целом и реализуются в сравнительно небольшом мелодическом диапазоне. Это находит отражение в общей монотонной интонации утвердительных предложений эвенкийского языка.

В настоящее время в данном трансграничном регионе северо-востока Азии имеется ситуация резкого языкового контраста, когда тунгусы-билингвы, общаясь на своих родных языках (эвенкийском и орочонском), понимают друг друга плохо либо вообще не понимают. Использующие в своем повседневном общении разные доминирующие языки, эвенки России и орочоны Китая адаптировали свои артикуляционно-акустические базы, что вызвало кардинальную трансформацию тунгусских звуковых систем РФ и КНР.

Выводы. 1. Дивергенция звуковых систем левобережного эвенкийского и правобережного орочонского языков Приамурья породила ряд фонононваций, которые, детерминированы взаимодействием внутренних лингвистических факторов и внешних лингвистических и экстралингвистических факторов, включающих диалектное разнообразие и давление фонологических систем и моделей их реализации контактирующих языков.

2. При сопоставлении сегментных и супрасегментных характеристик звуковых единиц эвенкийского и орочонского языков на современном этапе их развития, были выявлены факты изменившейся специфики артикуляционно-акустических баз современных тунгусов Приамурья.

3. Возникшие в относительно недавнем прошлом фонетические новации в генетически родственных тунгусских языках коренного населения северо-восточной Азии показывают, каким образом происходит адаптация языков (в данном случае сингармонических) в ситуации их глобализационного вытеснения доминирующими языками из всех сфер функционирования, включая семейно-бытовую коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.

2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1979. 312 с.

3. Матусевич М.И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 40. № 237. С. 132–169.

4. Морозова О.Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков верхнего приамурья (на материале эвенкийского и орочонского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Благовещенск, 2021. 481 с.

5. Певнов А.М. Работа над рукописью С.М. Широкогорова «Ороченско-русский словарь (1912–1913)» // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы: Сб. тр. Третьей международной

междисциплинарной Тунгусской конф. / гл. ред. С.В. Андросова. Благовещенск: ООО «ИПК «Одеон», 2019. С. 187–196.

6. Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 174 с.

7. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Добринина А.А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. С. 186–191.

8. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 141 с.

9. Janhunen J. A. Prolegomena to a Comparative Analysis of Mongolic and Tungusic // Proc. of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Kawasaki, Japan: August, 7–12, 1995. Ed. by G. Stary. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1996. P. 209–218.

УДК 811.512.14

Мөгътәсимова Гөлназ Ринат кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Мугтасимова Гульназ Ринатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Mugtasimova Gulnaz Rinatovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: Gulnaz.Mugtasimova@kpfu.ru

ГАИЛӘДӘ КАБУЛ ИТЕЛГӘН ТРАДИЦИЯЛӘРНЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛИ ТОРГАН ТАТАР МӘКАЛЬЛӘРЕ

ТАТАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

TATAR PROVERBS REPRESENTING FAMILY TRADITIONS

Статья посвящена семейным ценностям, которые отражены в татарских пословицах. В работе представлено понятие и назначение пословиц, их связь между человеком и обществом. Через интерпретацию пословиц раскрываются взаимоотношения между супругами, родственниками, детьми, определяется смысл существования человека в семье. Объясняется роль семейных традиций, совместного труда, уважение старшего поколения, воспитание детей.

Annotation. *The article is devoted to family values, which are reflected in Tatar proverbs. The paper presents the concept and purpose of proverbs, their connection between man and society. Through the interpretation of proverbs, the relationship between spouses, relatives, and children is revealed, and the meaning of a person's existence in the family is determined. The role of family traditions, joint work, respect for the older generation, and parenting is explained.*

Ключевые слова: *татарский язык, пословица, семья, семейные ценности, семейные традиции, семейные взаимоотношения*

Keywords: *Tatar language, proverb, family, family values, family traditions, family relationships*

Татарларда хатынның һәм ирнең гаиләдәге урынын билгели торган мәкальләр шактый күп. Алар гаилә тормышының үзәген тәшкил итәләр. Мәкальләрдә алар һәрвакыт бергә. Алга таба без аларны берничә төркемчәгә бүлеп карарбыз.

Беренче төркем – хатынның һәм ирнең бер бөтен булуын күрсәтүче мәкальләр. Мәсәлән, *Бизмән белән гер бергә, хатын белән ир бергә; Ир белән хатын арасына кыл да сыймый; Ир белән хатын – бер җан, бер тән; Ир белән хатын – икесе бер камырдан; Ир белән хатын бер балчыктан коелган; Ир белән хатын икесе бер чыбыктан сөрелгән; Ир белән хатын керешеп беткән; Ир белән хатын куш тирәк, төбер бер дә тамыры бер; Ир белән хатын – игезәк җан; Ир белән хатын – куш тирәк, төбе бер дә тамыры бер; Ир белән хатынның туфрагы бер.*

Рухи бергәлек ир белән хатын арасындагы бәйләнешнең ныклыгын күрсәтеп тора. Гаилә проблемалары бергә хәл ителүе турында сөйли. Татар халык мәкальләре ир белән хатын арасына чит кешеләрнең кысылмавын киңәш итә: *Ир белән хатын арасына кергәнче, кылыч белән кылыч арасына кер; Ир белән арасына кергәнче, утка кер; Ир белән хатын арасына күзе чыккан керер; Ир белән хатын арасына кыл да сыймый; Ирле-хатынлы арасына иске киткән катышыр.*

Мәкальләрдә ирсез калуның хатын-кыз өчен иң начар җәза булуы әйтелә: *Ятим хатын – канаты сынган кош; Тол хатынга мунчаның актыгы, түшәкнең ястыгы; Ялгыз хатын – канатсыз кош* һәм башкалар.

Икенче төркем – гаиләдәге бәхәсләр турындагы мәкальләр. Бу турыда татар халкы болай ди: *Атына ачуланган хатынын кыйнаган; Ахмак хатыны белән булашыр; Ир белән хатын талашыр, түшәгендә ярашыр; Ир какканны ил кагар; Ирне үзеннән чыгарма!* һәм башкалар.

Өченче төркем – гаиләдә ирләрнең баш булуы турындагы мәкальләр. Гаиләдә ирләрнең баш булуы, ә хатыннарның буйсынып яшәве татар мәкальләрендә чагылыш тапкан. Мәсәлән, *Ир – баш, хатын – муен; Ир – ат, хатын – арба; Ир – аяк, хатын – олтырак; Ир – беләк, хатын – терәк; Ир – келәт, хатын – йозак, Ир хакы – тәңре хакы* һәм башкалар.

Шунысын да билгеләп үтәргә кирәк, ир белән хатын образларының метафоралары татар гаилә-никах традицияләренең мөһим компоненты булып тора. Мисаллардан күренгәнчә, ир белән хатын образларының кеше органнарын тасвирлау аша кызыклы метафорасы барлыкка килгән.

Болар барысы да татарларда патриархаль гаилә мөнәсәбәтләре булуы турында сөйли. Г.Б. Сайфутдинова, Ю.Е. Железнякова һәм Т.А. Титова да үзләренең «Семья и брак у татар Поволжья: культура, традиции и обряды» мәкаләсендә татар гаиләсенең патриархаль һәм авторитар принципларга нигезләнүен искәртәләр, гаилә әгъзаларының – өлкәннәргә, хатыннарның ирләренә берсүзсез буйсынуын билгеләп үтәләр [4].

Күпчелек очракта гаиләдә төп рольне өлкән ир-ат башкарган. Җир, җитештерү чаралары һәм акча гаилә башлыгы – ир кулында тупланган булган. Гаиләдә татар хатын-кызлары өстенлек итү очраклары бик сирәк күренеш булган [1: 121].

Әйе, алда каралган мисаллар галимнәрнең фикерләрен раслап, ирнең хуҗалык һәм гаилә башлыгы булып килүен күрсәтәләр. Шул ук вакытта *Ир – баш, хатын – муен* дигән татар мәкале хатынның муен булып, ирне кая тели шунда борып йөртүен, хатыннан башка ирнең беркая да борыла

алмавын күрсәтә. Мондый мәкаль башкорт, казах халкында да бар: *Ир – баш, ҡатын – муйын; Еркек – бас, ургашы – моен.*

Шуңа күрә татар мәкальләрендә ир кешенең гаиләдә баш булуы уңай дип каралса, хатыннарның баш булуы – бик тискәре күренеш. Мәсәлән, *Заман ахыры булганда, һәркем хатын сүзе белән йөрер имеш; Ире басынкы булса, хатыны дуамал булыр; Ир кеше үз вазифасын белмәсә, аңа хатыннар баш була, ди; Бер әтәч тугыз тавыкка баш, бер ир бер хатынга баш булалмаган; Әкрен иргә хатын баш.*

Дүртенче төркем – хатыннарның гаилә терәге булуы турындагы мәкальләр. Чыннан да, гаилә учагын саклауда хатын-кыз аерым урын тота: *Йорт тоткан да хатын, йорт бетергән дә хатын; Начар гармун көй бозар, начар хатын өй бозар; Хатын булмый, өй булмас; Хатынсыз йорт – ел кебек* һәм башкалар.

Мәкальләрдә ата-аналар һәм балалар арасындагы мөнәсәбәт тә ачык чагыла. Әлбәттә, монда әнинең роле бик зур икәне ачыклана. Кыз яки хатын белән чагыштырганда, ана гаиләдә бик зур йогынты көченә һәм абруйга ия. Бу, әлбәттә инде, халык авыз иҗатында да чагылыш таба: *Ана хакын уч төбендә тәбә кыздырып ашатсаң да кайтара алмассың; Ананың бер догасы җиде мулла догасына җитә; Кояш янында – җылылык, ана янында – изгелек; Ана җылысы – кояш җылысы; Җәннәт аналарның аяк астында* һәм башкалар. Монда анасын кадерләгән, хөрмәт иткән кеше генә бәхеткә лаек була алуы турында ассызыклана.

Ата-ана дигәндә, ата сүзе алга куелган. Әти кеше гаиләне яшәтүче, тукландыручы, сакчысы булып санала. Татар халкында ир, егет, балалар – әтиләре янында, кыз бала әниләре янында, аларның үрнәгендә үсәргә тиеш дигән караш яши. Мәсәлән, *Ата аркасы – кала аркасы; Атаңа ни кылсаң-алдыңа шул килер; Атасына күрә баласы; Ата булмаган ата кадерен белмәс* һәм башкалар.

Әлеге мәкальләр әти белән әнинең гаиләдәге абруен, хөрмәтен күрсәтә. Яшь чактан ук алар балаларда олыларга карата хөрмәт хисе, мөхтәрәмлек хисе тәрбиялиләр. Һәр кешедә җиденче буынга кадәр үзенең ата-бабаларын белергә тиеш. Баласыз өй тулы булмый. Балалары булмаган гаилә бхетсез гаилә булып санала. Әгәр дә гаиләдә балалар булмаса кешеләр аны бозым яки каргыш белән аңлаталар. Кызларны әни белән әбиләре өй хуҗалыгын алып барырга аш-су әзерләргә өйрәтә. Шулай ук яшь балаларны карау да алар өстенә төшә. Шуңа күрә яшүсмер чагына кыз бала инде бар эштә дә әнисенә ярдәмче. Кияүгә чыккач, ул ире гаиләсенә күченә. Анда ул кайана сүзен тыңларга тиеш һәм үзенең эш сөючәнлеге белән ихтирам яулап алырга тиеш . йорт хуҗалыгын алып бару тәҗрибәсен туплап балалар үстереп ул тулы хокуклы хуҗабикә була. Татар телендә гаилә һәм гаиләнең көнкүреше темасы белән бәйләнгән күп кенә мәкаль әйтемнәр бар. Аларда традицион гаилә моделе, рухи байлыклар чагылдырыла.

Балалар тәрбияләү процессында гаиләнең иң мөһим вазифаларының берсе этномәдәният кыйммәтләрен тапшыру һәм этник үзаң тәрбияләүдән гыйбарәт.

Мәкальләрнең төп эчтәлеге өлкәннәргә охшарга тырышуга кайтып кала. Кияүгә чыкмаганнар – киленнәргә, энеләре – абыйларына, кызлары – әниләренә, уллары әтиләренә охшарга тырыша: *Аганы күреп, эне үсәр, апаны күреп сеңел үсәр.*

Гаиләдә улларның варис булуын, ә кызларның бернинди хокуклары да булмавын мәкальләр дә күрсәтеп тора: *Ир бала туса, сөнече күбрәк була; Ул туганга көн туа.*

Гаиләдә кабул ителгән традицияләрне репрезентацияләүне өйрәнгәндә, татар паремиологик сурәтендә чагылыш тапкан ир туганнар һәм кыз туганнар арасындагы традицион гаилә мөнәсәбәтләренә дә тукталу сорала. Һичшиксез, татар гаиләсе традицияләрендә ир туганнар һәм кыз туганнар арасында «туганлык» традициясе саклана. Татар телендә туганлык сүзе түбәндәгечә билгеләнә: 1) Кардәшлек. 2) күч. Үзара дуслык, иптәшлек мөнәсәбәтләре, бердәмлек, бергәлек [5: 559]. Димәк, бу сүзнең беренче мәгънәсе һәм аның тамырдаш сүзләрендәге мәгънәсе (мәсәлән: туганлыклы, туганнарча, туган-тумача, туган-тумачалык, туганчыл, туганчыллык һәм башкалар) татар гаиләсе тормышында кешеләр арасындагы якын эмоциональ мөнәсәбәтләрне белдерә ала. Моны раслау өчен, мисаллар китерик: *Агайлар булса, аш килер, туганнар булса, ту килер; Ата белән ул йөрәге бер булса, баскан туфрагың алтын булыр; туганнар көче бер булса, таулар җәүһәр булыр; Ике туган бергә килсә, сандугачтай сайрашыр; Ике туганнан аю да курка; Туган кеше – якты таң; Туган күп тә, бертугандай булмый, таныш күп тә, кардәшеңдәй булмый; Туган-кардәш, дус-иш белән бер утыру – бер гомер.*

Туганлык хисе кан кардәшлеге нигезендә барлыкка килү белән генә чикләнми, ә татар гаиләсенең яхшы гадәтләре аркасында да ныгый, алар буыннан-буынга күчә.

Татар гаилә традициясендә «абый һәм апа кебек» дигән язылмаган кагыйдә бар: *Аганы күреп эне үсәр, апаны күреп сеңел үсәр; Агам кемне алса, җиңгәм шул, апам кемгә барса, җизнәм шул; Агасының кигәнен энесе дә кияр, апасының кигәнен сеңлесе дә кияр; Ага-эне – ага-эненең көзгесе; Агай-эне белән аш татлы; Агасы барның ырысы бар, энесе барның тынычы бар.*

Күп балалы гаиләдә олы абый үз буыны башлыгы буларак кабул ителә һәм һәрвакыт кече балаларны яклауны үз өстенә ала. Шул ук вакытта алар олы абыйларына күбрәк бәйле булалар һәм соңрак аңсыз рәвештә аның тәртипләрен үрнәк итеп тоталар. Менә шушы гадәт татар мәкальләрендә чагылыш тапкан да инде. Гадәттә, эти-әнисе үлгәч, аңа этисенең йорт хуҗасы вазифасын үз өстенә алырга туры килә. Мәсәлән, татар мәкалендә болай дип әйтелә: *Атаң үлсә, олы абзыең – атаң, анаң үлсә, аның урынында олы апаң; Олы ага – икенче ата.*

Шул ук вакытта кече абый-кардәшләр дә өй эшләрендә ярдәм итәргә тиеш. Борынгы заманнардан ук татар гаиләсендә эшләрнең төгәл бүленеше булган. Абыйлар аучылык, игенчелек, балык тоту кебек ирләр эше белән шөгыльләнә. Кыз туганнар өйдә ризык әзерли, кием юа яки чигү чигә.

Татар гаиләсендә олы апа еш кына эти-әниләренә өй эшләре белән шөгыльләнергә, кече балаларны карарга ярдәм итә. Шулай итеп, ул традицион рәвештә әнисенең ярдәмчесе яки «урынбасары» дип санала. Олы апаның үрнәге хәтта сеңлесенең кияүгә чыгуы белән тыгыз бәйләнештә тора. Күп балалы гаиләдә кече апаны олысының шәхси сыйфатларын исәпкә алып бәялиләр һәм кияүгә алалар. Шуңа күрә ул гадәттә үз тәртибенә игътибар итә, гаиләсенең, аерым алганда, сеңелләренең намусын яклый. Моны татар мәкальләре дә раслап тора: *Апасын күзәт, сеңлесен ал.*

Кайвакыт туганнар арасындагы мөнәсәбәтләр гаилә милке, шәхси мәнфәгатьләр, көнчелек яки дошманлык аркасында бозыла. Моны раслау өчен, мисаллар китерик: *Агай-эне азса, ала булыр; Агай-эне, ерак булса, кешнәшә, якын булса, тешнәшә; Агай-эне якын йөрсә, кадере юк; Агай-эненең ызгышы – авызның сасысы белән бер; Агай-эне талаша, атка менсә яраша.*

Бу шуны күрсәтә: кан кардәшлеге туганнар арасындагы яхшы мөнәсәбәтләрне тулысынча тәэмин итә алмый.

Әмма татар гадәтләре арасында милли лингвомәдәни күренеш ачыклана: *Ашамасаң да, май яхшы, яманласаң да агай яхшы; Яхшы ага энесенең хәтерен калдырмас.* Күрәсең, кайвакыт гаилә конфликтлары кардәшләргә гомуми гаилә аңын саклап калу мөмкинлеге бирә.

Ир туганнар һәм кыз туганнар арасындагы традицион гаилә мөнәсәбәтләре гаилә традицияләренең бер өлешен тәшкил итә һәм дөньяның милли тел картинасында лингвомәдәни стереотипларга әверелә.

Шулай итеп, тәкъдим ителгән мәкальләрнең мәгънәсе татар халкының гаилә кыйммәтләрен чагылдыра, ир белән хатын, ата-аналар һәм балалар арасындагы мөнәсәбәтләрдә гаять зур тәҗрибә туплый, гаилә мөнәсәбәтләрен төзүдә хәзерге буынга киңәшләр бирә. Халык зирәклеге юл куярга, рәнҗетүне онытырга, яхшылык белән җавап бирергә яки дәшмәскә өйрәтә. Бу мираска ихтирам белән карарга кирәк. Гаилә үзенең актуальлеген югалтмас, ә акыллы сүзләр хәзерге гасырда юкка чыкмас дип өметләнергә кала.

ӘДӘБИЯТ

1. Бусыгин Е.П. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 144 с.

2. Замалетдинов Р.Р. Конструирование картины мира и паремиологический фонд языка // Филология и культура. 2010. № 19. С. 54–58.

3. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Т.1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 913 б., Т. 2, 1963. 959 б., Т. 3, 1967. 1013 б.

4. Сайфутдинова Г.Б., Железнякова Ю.Е., Титова Т.А. Семья и брак у татар Поволжья: культура, традиции и обряды // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-brak-u-tatar-povolzhya-kultura-traditsii-i-obryady (дата обращения: 10.09.2025).

5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Баш ред. Ф.Ә. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.

УДК 372.882

Мөхәрләмова Гөлназ Нурфат кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Мухарлямова Гульназ Нурфатовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Mukharlyamova Gulnaz Nurfatovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: mukharlamgul@gmail.com

ТЕЛ ЧАРАЛАРЫ ЯРДӘМЕНДӘ ЭМОЦИОНАЛЬ ИНТЕЛЛЕКТНЫҢ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯСЕ
(Г. Бәшировның «Туган ягым – яшел бишек» повестен өйрәнү мисалында)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ПОМОЩЬЮ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
(На примере изучения повести Г. Баширова «Родимый край – зеленая колыбель»)

USING LANGUAGE TOOLS REPRESENTATION OF EMOTIONAL INTELLIGENCE
(based on the example of studying G. Bashirov's novel «My homeland is the green cradle»)

Мәкалә Татарстан Республикасы Министрлар Кабинеты 16.07.2024 ел № 565 Карары нигезендә Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе ярдәмендә әзерләнде

Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы репрезентации эмоций в художественных текстах с помощью языковых средств татарского языка, которая является одним из приемов формирования эмоционального интеллекта обучающихся на уроках родного (татарского) языка и литературы. Репрезентация эмоций, будучи важной частью языковой картины мира любого языка, занимает одно из главных мест в лингвистике и осуществляется посредством слов, номинирующих различные эмоции и чувства человека; с помощью эмотивных средств; слов, описывающих эмоции и чувства человека.*

Annotation. *The article discusses the representation of emotions in literary texts using the linguistic means of the Tatar language, which is one of the methods of developing students' emotional intelligence in the lessons of the native (Tatar) language and literature. The representation of emotions, being an important part of the linguistic worldview of any language, occupies a central place in linguistics and is carried out through words that nominate various emotions and feelings, as well as words that describe emotions and feelings.*

Ключевые слова: *эмоциональ интеллект, эмоция, чувства и переживания, репрезентация, языковые средства, художественный текст, эмотивная лексика*

Keywords: *emotional intelligence, emotion, feelings and experiences, representation, linguistic means, literary text, emotive vocabulary*

XXI гасырда тиз үзгәрүчән җәмгыятьтә кешеләрнең үзара хезмәттәшлекнең нәтиҗәлелеген билгеләүче иң мөһим күнекмәләреннән берсе булып эмоциональ интеллект тора. Эмоциональ интеллект «эмоция» һәм «эмоциональлек» төшенчәләре белән бәйле. Кешенең тормыш эшчәнлегендә мөһим роль уйнаган эмоцияләр аны яшәүгә, объектив чынбарлыкны танып белүгә, иҗади эшчәнлеккә, үз хис-кичерешләре аша үз-үзен билгеләүгә, тирә-юньдәгеләр белән аралашуга сәләтле итә [5: 58].

Эмоциональ интеллектны өйрәнү тел белемендә дә, әдәбият белемендә дә бүген актуаль мәсьәләләрдән санала. Художестволы текстның идея-мәгънә эчтәлеген тапшыру чарасы – тел, ә аның семантик яктан интерпретациясе формасы, ягъни хис-кичерешләрнең дөньяга бәяләү мөнәсәбәтен чагылдыру формасы булып эмоция тора. С.Дж. Стейн һәм Говард Бук фикеренчә, тел системасының лексик, грамматик һәм синтаксик дәрәҗәләрендә чагыла торган эмоциональ интеллект «башка кешеләрнең эмоцияләрен танып белү аша интуитив рәвештә башка кешеләрнең «теләкләрен» аңлата» [3: 40]. Моннан тыш, тел эмоцияләр белән, шул исәптән башка кешеләрнең эмоцияләре белән дә идарә итү, аларның ниятләрен, мотивациясен һәм теләкләрен аңлау сәләте турындагы күзаллауларны киңәйтүгә ярдәм итә» [2: 67].

Тел белемендә эмоциональ интеллект белән бәйле аны репрезентация мәсьәләсе дә аерым урын алып тора. Эмоцияләрне, хис-кичерешләрне күрсәтү, ягъни репрезантацияләү теләсә кайсы телнең дөнья тел картинасында мөһим бер өлеше булып, хәзерге лингвистикада төп урыннарның берсен алып тора [1: 40]. Репрезентация – ул кеше тарафыннан дөньяны күзаллау процессы үзе дә, һәм бу күзаллауның кеше психикасында яки билгеле бер белемнең телнең формасында күзалланганны алмаштыручы берәмлеге дә, ягъни вербаль тел репрезентациясе дә ул [4: 44].

Репрезентациянең берничә ысулы бар: кешенең төрле хисләрен номинацияләүче сүзләр ярдәмендә; эмотив чаралар ярдәмендә; кешенең хисләрен тасвирлаучы сүзләр ярдәмендә репрезентацияләү.

Эмоциональ интеллектка ия шәхес төрле эмоцияләр белән идарә итә, әйләнә-тирәдәгеләрнең хис-кичерешләрен аңлый, башка кешеләрнең хис-кичерешләренә тәэсир итә, хис-кичерешләрнең сәбәпләрен һәм нәтиҗәләрен ачыклый белә торган була. Димәк, эмоциональ интеллект – ул кешенең җәмгыятьтә яшәү, аралашу, хезмәттәшлек итү мөмкинлеген бирә торган шәхси компетенциясе.

Кешедә әлеге компетенциянең формалашуы балалык чорыннан, мәктәп елларыннан ук башлана. Бу вакытта туган тел һәм әдәбият дәресләре турыдан-туры укучыларда эмоциональ интеллект формалаштыручы төп предметлардан санала. Тел-әдәбият дәресләрендә өйрәнелә торган художестволы текстлар үзләрендә рухи тормышның эчтәлеген тәшкил иткән дулкынландыра, шатландыра, кайгырта, ләззәтләндерә, газаплый, тынычландыра, борчый торган хисләрне чагылдыра. «Укучыларның әдәби әсәрдә чагылыш тапкан тормыш картинасын эмоциональ яктан кабул итеп һәм интеллектуаль яктан аңлау «Туган (татар) телдәге әдәбият» уку предметының предмет нәтиҗәләреннән берсе булып күрсәтелә» [5: 58].

Эмотив лексиканың мөһим чыганагы булып әдәби әсәрләр тора, чөнки әдәби текст кешенең хисләре һәм хис-кичерешләре дөньясын билгеләгән төрле тел чараларын үз эченә ала. Бүген федераль эш программаларына

кергән әсәрләрнең барысы да укучыларның хис-кичерешләренә тәэсир итәрлек әсәрләр, алар төрле эмоцияләргә бай булуы белән аерылып тора. 7 нче сыйныфта өйрәнү өчен тәкъдим ителгән Гомәр Бәшировның «Туган ягым – яшел бишек» повестенда геройлар эмоцияләре, хис-кичерешләренең төрле тел чаралары ярдәмендә белдерүен күзәтеп була. Аларны тикшерү укучыга текстны тулы итеп аңлау, авторның идеясен, аның дөньяга мөнәсәбәтен тирәнрәк төшенергә ярдәм итә.

Билгеле булганча, художестволы текстта эмоцияләр, хис-кичерешләр төрле вербаль һәм вербаль булмаган чаралар ярдәмендә күрсәтелә, аларга лексик, грамматик һәм сурәтләү чараларын кертеп карыйлар.

Әйтик, әсәрдә рәхәтлек хисен кичергән төп геройның халәтенә игътибар иттерү максаты белән түбәндәге өзекләр тәкъдим ителә. Мәсәлән, рәхәтлек хисе номинатив лексика буларак билгеләгән очраклар:

*Йокының татлы ширбәте бөтен тәнемә таралган да шундый **рәхәт эчендә** оетып яткыра, минем, бу рәхәтне качырмас өчен, хәтта кыймылдап кына да карыйсым килми* [6: 42].

*Миндәге кайнарлык әле һаман да сүрелмәгән. Дәртле уенның әле генә **татыган рәхәте**, бөтен тәнемне биләп, үзалдына кинәндереп, күңелләрне җилкендереп тора* [6: 50].

*Менә син бер малайны уздың, менә икенчесен дә артта калдырдың. Син шул **рәхәтнең муллыгына** түза алмыйча, алдагы малайны да узып китәчәгеңә нык ышанган хәлдә, ташып торган бер җилкенү белән кычкырып җибәрәсең:*

– Һәәә-й-йт! Кагы-ы-ыл!.. [6: 48].

*Таунының буеннан-буена шулай буран уйнатып, сызгырып шуып төшәсең-төшәсең дә, кинәт бер заман җирдән аерылып, чын-чыннан очып китәсең! Инеш буендагы вак таллар, күпер төбендәге кар өемнәре аста кала, җиң очларыннан, изүләреңнән, бишмәт итегеңнән җил бәреп керә. **Очу рәхәтеннән** хәтта йөрәгең кысылып килә, күзләрең йомыла* [6: 48–49].

*Баш очындагы тәрәзәдән язгы җылымса җирнең бераз гына татлырак, бераз гына ниндидер үлән исләрен дә хәтерләтә торган ягымлы исе бөркелә башлый да, шушы **рәхәткә** тирбәлеп йоклап та китәсең* [6: 59].

***Рәхәт!** Чәнәшкәң оча гына. Менә гел шулай очасы да очасы, **рәхәтне** бик озакка сузасы килә* [6: 48].

Шул ук рәхәтлек хисен башка тел чаралары ярдәмендә белдерү очракларын билгеләтеп була. Алар алда күрсәтелгән мисалларда күзәтелә (*йокының татлы ширбәте*, *кыймылдап кына да карыйсым килми, кинәндереп, күңелләрне җилкендереп тора, йөрәгең кысылып килә, күзләрең йомыла, язгы җылымса җирнең татлы, ягымлы хисе)*. Шулай ук аларны рәхәтлек хисен турыдан-туры күрсәтмәгән повестьның башка җөмләләреннән дә табып була:

*Бераздан әни **йомшак** кына тагын бер дәшеп куйды* [6: 42].

*Су буйларына, тау битләренә – бөтен тирә-якка **тын гына, йомшак кына** кызгылт караңгылык иңә* [6: 47].

Әсәрдә шатлык хисен белдерүче номинатив лексика да очрый.

*Ишек алдына йөгереп чыксам, **шатлыгымнан** телдән кала яздым* [6: 42].

Әмма андыйларның күбесе соңыннан сагынып сөйләргә генә кала. Алар тора-бара күңел хәзинәсендә сабый чакның таң яктысы төсле саф һәм үтәдән-үтә күренмәле якты ***шатлыклары*** *белән кушылалар* [6: 47].

Сабан туен, язның бу шау-шулы, ыгы-зыгылы һәм ***шатлыклы*** *якты бәйрәмен без, малайлар, кар җепшекләнә башлагач ук көтәргә тотына идек* [6: 54].

Һәммәсе кулларын маңгайларына куеп күктәге матур булып тезелеп килгән өчпочмакка карыйлар, кадерле кунакларны каршы алгандай, йөзләре ***шатлык*** *белән балкый* [6: 56].

Текстта турындан-туры шатлык хисе телгә алынмаса да, укучыларның әлеге хисне тасвирлаган башка тел чараларын таптырып була.

Яр кырыенда утырган тәбәнәк баганалар, ***җелт тә җелт килеп, егылышып кына калалар*** [6: 49].

Бөтенесе ***уһылдый, көлә, кычкырып җибәрә*** [6: 49].

Канәгатьсезлек, ачу белән бәйле эмоцияләрне тасвирлаган башка тел чаралары да күрсәтеп тора:

Баскычларны ***яман*** да ***шак-шак китереп***, *үзем белән бер көтү суык ияртеп, ишектән килеп керүгә иң элек* ***яшь әтәч булып*** *апай* ***ташланды****:*

– Ә, кайттыңмы, эшем кешесе? Әле ярты төн дә җитмәгән ич, тагын йөрисең калган! [6: 50].

Кашлары җимерелгән*, такыр* ***башын*** *чабатасына* ***игән*** [6: 51].

Мин колынны аркасыннан сыйпамакчы булып «бәһ-бәһ» дип янына бара гына башлаган идем, бия, яман да ***ачуланып****, колакларын шомартты, дәү* ***сары тешләрен ыржайтып****,* ***ашардай булып*** *башын миңа таба айкады* [6: 43].

Боегу, күңелсезләнү, төшенкелек хисләренең репрезентациясе түбәндәге җөмләләрдә күзәтелә:

Бөтен дөнья ***боеккан****. Келәт кәрнизендә, кызыл тәпиләрен корсак асларына яшереп, күгәрченнәр* ***бөрешеп утыра****. Агач ботакларындагы кабарынкы йонлы мескен чыпчыклар* ***төшенке*** *тавыш белән:*

– ***Суык-суык, суык-суык****! – дип* ***зарланалар*** [6: 76].

Мин тиз генә үз җиремә борылып карадым. Шунда миңа бик тә ***күңелсез*** *булып китте. Җир өстендә ат башы тикле* ***кантарлар турсаеп тора*** [6: 74].

Әсәрдә пейзаж бирелешендә авторның эмоцияләрне белдерүче сүзләрне күпләп куллануын күзәтә алабыз.

Менә тагын беркөнне, кичкә таба, тау астындагы ***тын*** *инешкә кинәт* ***аллә ни була****. Ул, авыр эшкә тотынган сыман,* ***уфылдый, көчәнергә керешә.*** *Ул да түгел, кыш буе өстен каплап, тынын буып яткан калын бозны* ***шатыр-шотыр китереп ватып ыргыта да кабарынып, бүртенеп*** **өскә бәреп чыга**. *Килеп чыга да, – күрәсең, яз кояшы аның, башын әйләндерә торгандыр, – ул шундый* ***котырына, тилерә башлый****.* ***Шашынудан*** *кая барып бәреләсен белмичә, башта авыл уртасындагы күпергә, аннары зират янындагы тегермән буасына* ***ташлана****. Берни дә каршы тора алмый* ***котырынган*** *ташуга! Юлында нәрсә очрый, һәммәсен* ***җимереп вата*** *да* ***сыпырып кына алып китә****: карт өянкеләрне* ***сындырып ыргыта****, күпер төбендеге тау-тау тирес, кар, боз өемнәрен* ***кубарып ала****, иске мунчаларны, печән кибәннәрен* ***агызып китә*** [6: 55].

Биредә укучыларга халәтне, хисләрне, эмоцияләрне белдергән сүзләрне табып билгеләргә кушып була. Нәтиҗәдә укучылар, табигать күренешләрен ачык итеп күз алдына китерүгә ирешәләр, табигатьне тасвирлауда авторның осталыгын билгелиләр.

Әсәрдә геройның портретын биргәндә дә эмоция белдергән сүзләр ярдәмгә килә:

Фазулла зур булып ачылган, тирәли зәңгәрләнеп торган ***коточкыч*** *күзләре белән* ***йотардай, суырып алырдай булып*** *кунак кызның алсу битенә, зифа буй-сынына* ***текәлгән дә катып калган****. Аның* ***кансыз*** *иренәре өзлексез кыймылдый, әмма тавыш чыкмый. Хәзер тагын да* ***озынаеп киткән ябык*** *йөзендә* ***гаҗәпләнүме, сокланумы, каушаумы*** *билгесе булып, әллә* ***еламсырау, әллә көлемсерәү*** *шәүләләре уйный иде* [6: 83].

Эмоцияләрне белдерүнең төп сурәтләү чараларына метафора, эпитет, метонимия, синекдоха, чагыштыру, перифраз, ирония, гипербола, литота керә. Әлеге чараларны куллану әдәби текстны матурлый, әсәрнең эмоциональлеген арттыра һәм геройларның төрле эмоциональ халәтләрен тапшырырга ярдәм итә. Мәсәлән, эпитетның эмоцияне белдерүен күзәтәбез:

Көз ахырында аның үзенең бик ***сөйкемле*** *бер вакыты бар* [6: 76].

Андый батыр малайлар безнең очта бармыни соң? Җыен куркак, җыен ***тавык йөрәк****!..* [6: 53] җөмләсендә эмоциональ метафора әдәби текст персонажының эмоциональ халәтен күрсәтә, адресатка йогынты ясый, аның персонажга мөнәсәбәтен формалаштыра.

Эмоцияләрне ачыклауда фигыльләрнең дә роле зур:

Сәке өстендә шуа башлаганнан алып үз көнеңне үзең күрә башлаганчы тормыш сине кырык сират күпереннән кичерә. Әле ***иркәли*** *ул сине, әле* ***яңаклап ташлый****, бер* ***көлдерә****, бер* ***елата****, бер* ***алдын күрсәтә, биш артын күрсәтә*** [6: 46].

Әле уңда, әле сулда бары сабан ашлыгы чәчкәндә генә әйтелә торган үзенә бертөрле ***ат куу, ачулану, орышу, сызгыру*** *тавышлары ишетелеп тора* [6: 73].

Кузгала ***пышылдаулар, чыркылдаулар, китә дәртләнеп нидер көтү, нидер өмет итү, киңәш-табыш итү*** [6: 78].

Синтаксик чаралардан инверсия күренеше эмоцияләрнең көчен чагылдыра ала:

Китә шуннан су ташу! [6: 80].

Әй, бигрәк йөрәксез малай икән бу Гумәр! [6: 53].

Персонажның эмоциональ халәтен текстта график чара ярдәмендә дә чагылдырып була. Мондый чаралардан өндәү билгесен, күпноктаны күрсәтә алабыз:

Әнекәем! Карагыз әле, күрегез әле бу тамашаны! Нишләттең ул итеген, ә?! [6: 53].

– Әй, юеш танау, әй, кыланчык! – Аннары, дилбегәсен тартып, биягә чөңгереп куя [6: 44].

Менә бу эш тәк эш инде! Тырма эзләрен буйдан-буйга ничек кенә тездергән! Бур җебе белән сызганмыни! Җир башын кара син, җир башын! Машина белән чикмән якасы каеган шикелле! Шундый да матур иттергән! [6: 74].

Күренгәнчә, әдәби әсәрләрдә урын алган тойгылы җөмләләр текстка үзенчәлекле төсмер бирәләр һәм хис-кичерешләрне (шатлык, гаҗәпләнү, соклану, ачулану һ. б.) белдерү өчен хезмәт итәләр. Укучылар тойгылы җөмләләренең әдәби әсәрләрне хис-кичерешләр һәм ачык төсләр белән баетуын, вакыйгаларны яхшырак күз алдына китерергә, шулай ук геройларның характерын, аларның эмоциональ халәтен һәм төрле ситуацияләрдәге гамәлләрен аңларга булышуын аңлыйлар.

Түбәндә күрсәтелгән мисалда күпнокта сөйләүченең шикләнүен күрсәтү өчен кулланыла:

– Һм, җылы төшеп җитмәгән шул... – дип суздым. – Бүген үк чәчкәндә тишелә алмыйча сөтләнеп ятмагае, бозылып. Ярый ла җылытып җибәрсә! Чәчми торсаң, соңгарак калуы бар... Бишектәге бала инде. Җылы кирәк, җылы!.. [6: 67].

Художестволы текст белән эшләгәндә, төрле эш төрләрен кулланып, әйтик, тәкъдим ителгән өзек мисалында нинди халәт турында сүз баруын, аларны кайсы тел чаралары ачыклавын; билгеле бер эмоция, хиснең кайсы тел чаралары ярдәмендә бирелүен; өзектә нинди эмоция турында сөйләнүен билгеләтеп, билгеле бер эмоция, хиснең синонимын табарга кушып та эшләтеп була.

Шул рәвешле, мондый сорау-биремнәр укучыларда лингвистик компетенция формалаштыруга, тел күренешләрен һәм фактларын анализлау һәм бәяләү сәләтен формалаштыруга гына түгел, ә бәлки әдәби образны ачуга, персонажларның хис-кичерешләрен һәм фикерләрен тасвирлауга да юнәлдерелгән була. Бу чараларның барысы да авторга әдәби образ тудырырга, ә укучыга әдәби әсәр дөньясына керергә, автор әйтергә теләгән идеяне ачарга ярдәм итә.

Шулай итеп, мәктәптә туган (татар) тел һәм әдәбияты дәресләрендә әдәби әсәрне тикшерү барышында эмоциональ интеллект формалаштыруда әдәби текстта эмоциональ подтекстны чагылдыру (репрезентация) өчен кулланылган тел чараларын өйрәнүгә аерым игътибар бирү мөһим санала.

ӘДӘБИЯТ

1. Герасименко И.Е. Использование оценочной лексики во вторичной номинации. М.: дис. ... канд. филол. наук, 2002. 189 с.

2. Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 65–74.

3. Стейн С., Бук Г. Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи. М.: Баланс Бизнес Букс, 2017. 384 с

4. Филимонова О.Е. Категория эмотивности (когнитивный и коммуникативный аспекты). СПб., 2001. 287 с.

5. Мухарлямова Г.Н., Абдуллина Д.М. Формирование эмоционального интеллекта у обучающихся средствами художественной литературы (на примере обучения родной (татарской) литературе) // Казанская наука. 2023. № 9. С. 58–60.

6. Мухарлямова Г.Н., Абдуллина Д.М. Родная (татарская) литература: Туган телдәге әдәбият. 7 класс. В 2 частях. Первая часть: учебник для общеобразовательных организаций основного общего образования (для обучающихся, владеющих родным (татарским) языком. Казань: Издательство Академии наук Республики Татарстан, 2024. 119 с.

УДК 811.5

Мухаметшина Алиса Фаизовна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Mukhametshina Alisa Faizovna
Kazan Federal University,
Kazan, Russia
E-mail: *alisafaizovna99@mail.ru*
Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Nurmuhametova Raushaniya Sagdatzyanovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: rsagadat@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ
(на примере татарского и китайского языков)

THE SPECIFICS OF SIMPLE SENTENCES IN MULTI-SYSTEM LANGUAGES
(using the example of Tatar and Chinese)

Аннотация. *В данной статье проводится сравнительное исследование синтаксической структуры простых предложений в татарском и китайском языках. Это позволяет выделить их индивидуальные черты, обнаружить универсальные закономерности, характерные для языков в целом. Полученные выводы способствуют более глубокому пониманию синтаксических механизмов и расширяют горизонты теории межъязыкового сравнения, что является важным шагом в лингвистических исследованиях.*

Annotation. *This article provides a comparative study of the syntactic structure of simple sentences in the Tatar and Chinese languages. This allows us to identify their individual features and discover universal patterns that are characteristic of languages in general. The findings contribute to a deeper understanding of syntactic mechanisms and expand the horizons of interlingual comparison theory, which is an important step in linguistic research.*

Ключевые слова: *татарский язык, китайский язык, простые предложения, сопоставительное языкознание*

Keywords: *Tatar language, Chinese language, simple sentences, comparative linguistics*

Единицы фонетического, морфемно-словообразовательного, лексического, морфологического уровней языковой системы участвуют в процессах мышления и коммуникации только через синтаксис. Поэтому так важно разностороннее изучение синтаксического строя языка.

Синтаксис выбранных нами для данного исследования языков достаточно изучен. Первые упоминания о синтаксическом строе татарского языка встречаются в грамматике А. Троянского «Краткая татарская грамматика в пользу учащегося юношества, сочиненная Казанской Академии Учителем татарского языка священником А. Троянским» (1814 год) [1]. В дальнейшем была издана «Кыскача нәхү китабы» («Сокращенная книга по синтаксису»)

(1860 год) К. Насыри [2]. А итогом многолетних исследований ученого-просветителя по татарскому языкознанию явилась книга «Әнмүзәж», изданная в 1895 году [3]. В этой работе были заложены основы научной грамматики татарского языка, давался всесторонний анализ его фонетики и морфологических особенностей. Этой книгой К. Насыри подготовил солидную почву для дальнейших исследований татарского языка [4: 81]. Начало XX века изобилуют изданными татарскими грамматиками [5]. Монографическое исследование по синтаксису татарского языка увидел свет в 1963 году под названием «Синтаксический строй татарского языка» [6]. Среди ученых, исследовавших эту проблему в разных аспектах, можно увидеть имена Ф.С. Сафиуллиной [7], Н.Х. Шакировой [8], Н.В. Максимова [9] и др. Третий том академической «Татарской грамматики» полностью посвящен описанию синтаксического строя современного татарского литературного языка. Как заявляют авторы, «он написан на основе анализа материалов, извлеченных из всех стилей языка, и является отражением современного уровня развития татарской синтаксической науки», в нем подробно изучены грамматические схемы татарского простого предложения (модели), даны их описания [10: 232–256].

Наиболее подробно синтаксическая структура китайского языка была описана в работе «Новая грамматика национального языка» (на кит. 新著国语文法) (1924 год) Ли Цзиньси [11]. В своей работе автор отмечает, что синтаксис является ядром грамматики, и именно он вводит в китайское языкознание данный термин: «Это наука о структурной организации предложения, сокращенно – “законы предложения”» (这就是供给结构组织的科学，简称 “句法”)» [11: 18]. Основываясь на европейской лингвистической традиции разработки научного аппарата и методов, Ли Цзиньси сформировал грамматические концепты, соответствующие китайскому языку, а также именно он впервые подошел к изучению китайской грамматики с точки зрения синтаксического анализа.

На сегодняшний день, как указывает выдающийся педагог и китаист В.И. Горелов, в китайском языкознании существует следующая система, включающей в себя шесть членов предложения: 1) подлежащее (主语 – zhǔyǔ), 2) сказуемое (谓语 – wèiyǔ), 3) дополнение (宾语 – bīnyǔ), 4) комплемент или модификатор (补语 – bǔyǔ), 5) определение (定语 – dìngyǔ), 6) обстоятельство (状语 – zhuàng yǔ) [12: 78]. А в татарском языкознании различают главные (подлежащее и сказуемое) и второстепенные члены предложения, которые внутри делятся еще на три вида: конкретизирующие (дополнение, обстоятельство, определение), поясняющие (аныклагычлар) и модальные (обращения и вводные слова) [10: 74].

И в китайском, и в татарском языках большинство компонентов схожи и значениях, и в графическом обозначении. Рассмотрим каждый из них в сопоставлении двух языков.

Подлежащее в татарском языке может быть простым и составным. В китайском языке такого разделения не существует. В основном в обоих языках оно выражается именем существительным или местоимением, но и другие части речи могут играть эту роль:

подлежащее			
в татарском языке (ия)		*в китайском языке* (主语 *(zhǔyǔ)*)	
часть речи	***пример***	***часть речи***	***пример***
имя существительное	Марат мәктәпкә бара. (*досл.* Марат идет в школу.)	имя существительное	花儿都开了。 (*досл.* Цветы распустились.)
местоимение	Ул алтынчы сыйныфка күчте. (*досл.* Он перешел в шестой класс.)	*местоимение* (*личное, указательное, вопросительное*)	他是老师。 (*досл.* Он – учитель.)
имя прилагательное	Сары – минем яраткан төсем. (*досл.* Желтый – мой любимый цвет.)		这是词典。 (*досл.* Это словарь.)
наречие	Гаиләмдә күбебез спорт белән кызыксына. (*досл.* Большинство в нашей семье интересуется спортом.)		谁没有书？ (*досл.* У кого нет книги?)
имя числительное	Бу эшне икебез дә башкара алмадык. (*досл.* Эту работу мы оба не смогли выполнить.)	имя числительное + имя существительное	三十个学生学习鞑靼语 (*досл.* Тридцать студентов изучают татарский язык.)
глагол	Уку – катлаулы шөгыль. (*досл.* Обучение – сложное занятие.)	глагол (редко)	走不是办法。 (*досл.* Уходить – не выход.)

В татарском языке в зависимости от того, какой частью речи выражается *сказуемое*, различают глагольное и именное сказуемое, по структуре – простое глагольное сказуемое (*Карлар эреде.* / досл. *Снег растаял.*), составное глагольное сказуемое (*Без бәйрәм иттек.* / досл. *Мы отпраздновали.*), сложное глагольное сказуемое (*Укучылар яза башладылар.* / досл. *Ученики начали писать.*), простое именное сказуемое (*Син минем кояшым.* / досл. *Ты мое солнце.*), составное именное сказуемое (*Бу бина – Казан федераль университеты*. / досл. *Это здание – Казанский федеральный университет*.) и сложное именное сказуемое (*Көн салкын кебек*. / досл. *День кажется холодным.)* [10: 189]. В китайском языке рассматривают глагольное, именное и качественное сказуемое [13: 132]. *Глагольное сказуемое* отвечает на вопрос «что делать?, что сделать?», и обозначает действие предмета: 我去学校。 *(Wǒ qù xuéxiào.) – Я хожу в школу.*

Именное сказуемое состоит из:

а) 是 + имя существительное/местоимение: 我是老师。 *(Wǒ shì lǎoshī.) – Я учитель;*

б) 是 +имя существительное/местоимение + 的 (указывает на принадлежность предмета и отвечает на вопрос «чей?»: 这个包是我的。*(Zhège bāo shì wǒ de.) – Эта сумка моя;*

в) 是 + имя прилагательное + 的 (указывает на признак предмета и отвечает на вопрос «какой?»): 这件衣服是漂亮的。 *(Zhè jiàn yīfú shì piàoliang de.) – Это платье красивое.*

Качественное сказуемое тоже отвечает на вопрос «какой?». Но в отличие от третьего типа именного сказуемого, здесь нет конструкции «是 + имя прилагательное + 的». А так же перед прилагательным употребляется наречие степени. Чаще всего используют наречие 很 (*hěn*) – «очень», которое на русский язык может и не переводиться: 糖果很甜 *(Tángguǒ hěn tián.) – Конфета (очень) сладкая* [13: 133–135]. Кроме 很 могут встречаться еще 太 (*tài*) – «слишком», 真 (*zhēn*) – «действительно», 非常 (*fēicháng*) – «очень-очень», 最 (*zuì*) – «самый».

В основном сказуемое выражается глаголом, но и другие части речи также могут его выражать.

сказуемое			
в татарском языке (хәбәр)		*в китайском языке (*谓语 *(wèiyǔ))*	
часть речи	***пример***	***часть речи***	***пример***
имя существительное	Мин – укучы. (*досл.* Я – ученик.)	*имя существительное*	我当老师。 (*досл.* Мы станем учителями.)
глагол	Кыш җитте. (*досл.* Зима наступила.)	*глагол*	他今天交到了信。 (*досл.* Он сегодня отправил письмо.)
имя прилагательное	Аның киеме матур. (*досл.* Ее одежда красивая.)	*имя прилагательное*	桌子大。 (*досл.* Стол большой.)
имя числительное	Алар алтау. (*досл.* Их шестеро.)	*имя числительное*	那个孩子十岁。 (*досл.* Тем детям десять лет.)

И в татарском, и в китайском языке в зависимости от части речи и падежной формы слова, управляемого сказуемым, выраженным в основном глаголом, *дополнения* бывают прямыми и косвенными. В китайском языке показателями косвенности являются предлоги (用 *yòng – «с помощью»,* 跟 *gēn – «с»,* 和 *hé – «и»,* 对 *duì – «для»,* 替 *tì – «вместо»* и др.) и вспомогательные глаголы (给 *gěi «давать, предоставлять»,* 问 *wèn «спрашивать»,* 送 *sòng «дарить»* и др.) [14: 154]. Чаще они выражаются именами существительными и местоимениями. В татарском языке косвенным дополнением считаются те, которые следуют за последующим словом с помощью место-временного (Ул *фатирда* тора. / досл. Он живет *в квартире*.), исходного (Әти-әниләр *җыелыштан* тиздән кайтып җитә. / досл. Родители скоро вернутся *из собрания*.) и падежа направления (Мин *мәктәпкә* укырга барам. / досл. Я иду учиться *в школу*.), а также послелога (Без бу *кыз белән* таныш идек. / досл. Мы были знакомы *с* этой *девочкой*.).

дополнение			
в татарском языке (тәмамлык)		*в китайском языке (*宾语 *(bīnyǔ))*	
часть речи	***пример***	*часть речи*	***пример***
имя существительное	Ул дәреслек карый. (*досл.* Он смотрит учебник.)	*имя существительное*	马吃草。 (*досл.* Лошадь кушает траву.)
		местоимение (личное, указательное, вопросительное)	我知道他。 (*досл.* Я его знаю.)
			我要这个。(*досл.* Я хочу это.)
местоимение	Укытучы Вәлине күреп алды. (*досл.* Ученик увидел Вали.)		你吃什么？ (*досл.* Что ты кушаешь?)
		имя числительное + имя существительное	他买了十个本子。 (*досл.* Он купил десять книг.)

В татарском языке *определение* выражается именем существительным, именем прилагательным, местоимением, именем числительным, наречием и глаголом. В китайском – именем существительным, именем прилагательным, порядковые числительные, местоимения и глаголы и чаще всего оформляются притяжательной частицей 的 (这是很漂亮的地方。 *(Zhè shì hěn piāoliàng de dìfāng)* – Это очень красивое место.).

определение			
в татарском языке (аергыч)		*в китайском языке (*定语 *(dìngyǔ))*	
часть речи	***пример***	***часть речи***	***пример***
имя существительное	Мин әниңнең күлмәген кидем. (*досл.* Я надела мамино платье.)	*имя существительное*	中国的土广大。 (*досл.* Китайская территория большая.)
имя прилагательное	Бакчада кызыл, сары һәм алсу чәчәкләр үсә. (*досл.* В саду растут красные, желтые и розовые цветы.)	*имя прилагательное*	这里打的房子很多。 (*досл.* Здесь много домов.)
наречие	Рамил – тиз кеше. (*досл.* Рамиль – шустрый человек.)	*порядковое числительное*	这是第一颗。(*досл.* Это первый случай.)
местоимение	Миңа теге дәфтәр ошады. (*досл.* Мне понравилась та тетрадь.)	*местоимение*	那个本子很肥。(*досл.* Эта книга очень толстая.)
имя числительное	Ул икенче вариантны эшләде. (*досл.* Он выполнил второй вариант.)	*глагол*	昨天来的人是我的哥哥。 (*досл.* Пришедший вчера человек – это мой брат.)

Обозначая качественную характеристику действия, состояния или признака, а также условий, сопровождающих их, *обстоятельства* в обоих языках делятся на обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства причины, обстоятельства цели, обстоятельства условия, обстоятельства уступки. В татарском языке обстоятельства часто выражаются наречием и глаголом, а изредка именами числительным и существительным. Наречие, имя прилагательное, глагол, имя существительное и имя числительное выступают в роли обстоятельства в китайском языке.

обстоятельство			
в татарском языке (хәл)		*в китайском языке (状语 (zhuàng yǔ))*	
часть речи	***пример***	***часть речи***	***пример***
наречие	Марат тиз йөгерә. (*досл.* Марат бегает быстро.)	*наречие*	她突然回来了。(*досл.* Она внезапно вернулась.)
глагол	Мин китапханәдән кайткач керермен. (*досл.* Я зайду, как приду из библиотеки.)	*имя прилагательное*	他快点儿走。(*досл.* Он быстро убежал.)
имя числительное	Без ул шәһәргә ике көн, ике төн бардык. (*досл.* Два дня и две ночи мы шли в тот город.)	*глагол*	我坐着看书。(*досл.* Я сидя читала книгу.)
имя существительное	Ул парк аша өйгә кайта. (*досл.* Он идет домой через парк.)	*имя существительное*	我在做我的路。(*досл.* Я делаю по-своему.)

Кроме этих членов предложения в китайском языке выделяют *комплемент или модификатор* (补语 – bǔyǔ), а в татарском – уточняющие слова (аныклагычлар), вводные слова и обращения.

Комплемент (или дополнительный член предложения, модификатор действия) – это член предложения, который ставится после сказуемого и дополняет его значение. В зависимости от значения и структуры выделяют восемь видов комплемента [13: 251-253]:

модификатор степени (程度补语 chéngdubǔyǔ): 在房间脏得要死。(Zài fángjiān zàng dé yào sǐ.) – В комнате ужасно грязно.

модификатор состояния (状态补语 zhuàngtàibǔyǔ): 他的作业做得很好。(Tā de zuòyè zuò dé hěn hǎo.) – Он сделал домашнее задание очень хорошо.

модификатор результата (结果补语 jiéguǒbǔyǔ): 我找到了一本新书。(Wǒ zhǎodào liǎo yī běn xīn shū.) – Я, наконец, нашла новую книгу.

модификатор вероятности (可能补语 kěnéngbǔyǔ): 你能学一首诗。(Nǐ néng xué yī shǒu shī.) – Ты можешь выучить стихотворение.

модификатор направления (趋向补语 qūxiàngbǔyǔ): 他走进礼堂。(Tā zǒujìn lǐtáng.) – Я зашел в аудиторию.

модификатор кратности (动量补语 dòngliàngbǔyǔ): 我今天吃了三顿饭。(Wǒ jīntiān chī liǎo sān dùn fàn.) – Я кушал сегодня три раза.

модификатор длительности (时量补语 shíliángbǔyǔ): 我学了汉语三年。(Wǒ xué liǎo hànyǔ sān nián.) – Я изучал китайский язык три года.

модификатор количества (数量补语 shùliàngbǔyǔ): 他比我小五岁。(Tā bǐ wǒ xiǎo wǔ suì.) – Он младше меня на пять лет.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ структуры и видов простых предложений в татарском и китайском языках позволяет выявить их сходства и различия. Являясь разносистемными языками, оба языка отличаются спецификой строения предложений, особенностями порядка слов, их грамматическими особенностями и синтаксической структурой. Обе языковые системы представляют уникальные особенности, что можно рассматривать как результат их исторического развития, культурных особенностей и грамматических законов.

Во-первых, татарский относится к тюркским языкам и имеет агглютинативный строй. Это означает, что грамматические функции формируются с помощью присоединения аффиксов к корням слов. В татарском языке простые предложения могут иметь четкую структуру, где подлежащее и сказуемое часто расположены в стандартном порядке: в начале предложения подлежащее, а в конце – сказуемое. Например: «Мин мәктәпкә барам» (Я иду в школу). Китайский язык, в отличие от татарского, является изолирующим языком, где смысл часто передается через порядок слов и контекст, а не через изменения формы слова. Обычный порядок предложений в китайском языке таков: подлежащее + сказуемое + дополнение. Например: «我去学校» (Я иду в школу).

Во-вторых, в татарской речи порядок слов достаточно свободный. Слова могут менять свои положения, в зависимости от того, на какое слово делается акцент. Однако в письменной и литературной речи целесообразно сохранение классического порядка для ясности выражения. Возможны инверсии, особенно для выразительности, эмоциональности, риторических целей или для выражения писателем своего литературного слова. Например, можно сказать: «Мәктәптә мин» (В школе я), чтобы подчеркнуть место. В китайском языке порядок слов строго обозначен. Изменение порядка слов может привести к изменению смысла или сделать предложение вовсе бессмысленным. Например, если в предложении «我去学校» (Я иду в школу) поменять местами подлежащее и сказуемое, получится непонятная конструкция.

В-третьих, в татарском языке смысл предложения может быть изменена в зависимости от использования различных суффиксов, аффиксов или конструкций. Китайский язык же отличается многозначностью, соответственно, слово может иметь разные значения в зависимости от контекста и интонации, что придает языку особую выразительность.

Специфика структуры и видов простых предложений в разносистемных языках, таких как татарский и китайский, представляет интерес для лингвистических исследований, особенно при изучении синтаксиса. В результате анализа можно сделать вывод о том, что языковые системы отражают культурные особенности этих народов. Изучение строения отдельных языков может углубить понимание общих принципов языкознания, а также помочь в построении межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троянский А.А. Краткая татарская грамматика в пользу учащегося юношества, сочиненная Казанской Академии Учителем татарского языка священником А. Троянским. СПб., 1814. 200 с.

2. Насыйри К. Кыскача нәхү китабы. Казан, 1860. 80 с.

3. Насыйри К. Әнмүзәҗ. Казан, 1895. 212 б.

4. Салахов А.М. Развитие татарской грамматической теории (на материале грамматик татарского и арабского языков XIX – нач. XX века). Казань: ИЯЛИ, 2017. 184 с.

5. Закиев М.З. Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX в.) // TURCOLOGICA: К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука. 1976. С. 73–78.

6. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казан, 1963. 464 с.

7. Сафиуллина Ф.С. Татар телендә сүз тәртибе. Казан: Татар. кит. нәшр. 1974. 154 б.

8. Шакирова Н.Х. Структурно-семантические модели многочленных смешанных сложных предложений в современном татарском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: Тобольск, 2006. 166 с.

9. Максимов Н.В. Сөйләм калыпларына нигезләнеп, татар теленә өйрәтү технологиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 253 б.

10. Зәкиев М. З. Татар грамматикасы: синтаксис. Казан: ТӘhСИ, 2017. III т. 368 б.

11. 黎锦熙. 新著国语文法. 王力: 中国现代语法, 1924. 347页.

12. Горелов В. И. Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1982. 280 с.

13. Карпека Д. А. Синтаксис китайского языка: единицы и структуры. СПб.: Восточный экспресс, 2019. 504 с.

14. Чжао ЮньПин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Прогресс, 2019. 455 с.

15. Чжан ПэнПэн. Современный китайский язык: начальный курс. М.: Изд-во иностранной литературы, 2008. 294 с.

УДК 81’42:82

Насибуллова Гузель Ришатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Nasibullova Guzel Rishatovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: guz1983@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ А. МАТВЕЕВОЙ И А. АХМЕТГАЛИЕВОЙ

LINGUOCCOGNITIVE FEATURES OF THE CATEGORY OF SPACE IN THE PROSE OF A. MATVEEVA AND A. AHMETGALIEVA

Аннотация. *Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных особенностей категории пространства на материале прозы современных авторов-женщин Анны Матвеевой и Айгуль Ахметгалиевой. Пространство рассматривается как важная составляющая художественного мира произведений авторов, влияющая на восприятие текста читателями. Выявлены ключевые тенденции в организации пространственных структур в прозе изучаемых авторов, подчеркнуто*

значение пространства как важного компонента эстетической выразительности произведений.

Annotation. *The article is devoted to the study of the linguistic and cognitive features of the category of space in the prose of contemporary female authors Anna Matveyeva and Aigul Akhmetgaliyeva. Space is considered as an important component of the authors' fictional world, influencing the readers' perception of the text. The article identifies key trends in the organization of spatial structures in the prose of the studied authors and emphasizes the significance of space as an important element of the authors' aesthetic expressiveness.*

Ключевые слова: *пространство, современная проза, лексическая единица, А. Матвеева, А. Ахметгалиева*

Keywords: *space, modern prose, lexical unit, A. Matveeva, A. Akhmetgalieva*

Современные лингвистические исследования неоднократно подчеркивают универсальность категории пространства и ее тесную связь с категорией времени. Вместе они создают систему координат, в рамках которой происходит развитие человеческого бытия и всего окружающего мира, а язык отражает эту взаимосвязь посредством разнообразных средств и форм. В связи с этим возникает необходимость изучения специфических когнитивных особенностей представления пространства и его проявления в языке. В данной статье представлены некоторые результаты изучения особенностей вербализации элементов, формирующих пространство бытия человека, в художественном тексте в сопоставительном аспекте. В качестве источника языкового материала были выбраны произведения Анны Матвеевой и Айгуль Ахметгалиевой.

Актуальность данного исследования проистекает из нескольких ключевых факторов, тесно переплетенных с современными тенденциями в лингвистике и растущим интересом к изучению национальных картин мира. В эпоху глобализации и расширения межкультурных контактов понимание того, как разные народы воспринимают и концептуализируют окружающую их действительность, становится не просто академической задачей, но и насущной необходимостью для успешной коммуникации и сотрудничества. Современная контрастивная лингвистика, находящаяся на переднем крае этих исследований, уделяет особое внимание выявлению как универсальных, так и специфических черт в языковых картинах мира разных народов. Это направление лингвистики исходит из предпосылки, что язык не просто отражает реальность, но и активно формирует наше восприятие мира, влияя на то, как мы классифицируем, категоризируем и интерпретируем окружающие нас явления. В рамках этой парадигмы категория пространства занимает особое место. Пространство – это не просто физическое измерение, в котором мы существуем, это сложная и многогранная категория, пронизывающая все сферы человеческой деятельности. Она определяет наше местоположение, наши перемещения, наши отношения с другими людьми и объектами. Пространство влияет на наше самоощущение, нашу идентичность и нашу культуру. Настоящая работа вносит свой вклад в изучение национальных картин мира, фокусируясь на особенностях репрезентации категории пространства в русской и татарской культурах. Она позволяет выявить не только индивидуально-авторские

особенности в использовании языковых средств для описания пространства, но и общие закономерности, характерные для русской и татарской национальных картин мира. Исследование опирается на труды известных лингвистов, таких как Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, Ю.В. Казарин, Н.А. Николина, З.Я. Тураева и других авторов [2–7], которые внесли значительный вклад в изучение языковых средств выражения категорий пространства и времени в художественном тексте.

В языке пространственные категории выражаются с помощью различных средств, таких как предлоги, наречия, глаголы движения, прилагательные, описывающие форму и размер, а также метафоры и другие образные средства. Однако все эти средства отражают лишь отдельные аспекты пространственных отношений, а не пространство как таковое во всей его полноте. Рассмотрение пространственных отношений, на наш взгляд, позволяет осуществить реконструкцию различных сторон когнитивных процессов. Изучение того, как мы описываем и понимаем пространство, позволяет нам лучше понять, как работает наше мышление, как мы организуем информацию и как мы принимаем решения. Кроме того, изучение пространственных отношений позволяет исследовать соотношение концептуальных структур сознания и единиц языка, которые их объективируют. Концептуальные структуры сознания – это ментальные представления о мире, которые формируются на основе нашего опыта и знаний. Язык служит средством для выражения этих концептуальных структур, позволяя нам делиться своими мыслями и идеями с другими людьми. Однако связь между концептуальными структурами и языковыми единицами не является однозначной. Одна и та же концептуальная структура может быть выражена разными языковыми средствами, а одна и та же языковая единица может использоваться для выражения разных концептуальных структур. Е.С. Кубрякова, вслед за В. фон Гумбольдтом, указывает, что внешнее многообразие языков не отменяет наличия в них определенных когнитивных универсалий, составляющих некий априорный базис когниции [4: 19]. Это означает, что, несмотря на различия в грамматической структуре и лексическом составе разных языков, существуют общие принципы, лежащие в основе человеческого мышления и познания.

Основываясь на практический материал, можно выделить такие виды пространств, как: внешнее «реальное» пространство и «внутреннее» пространство, под которым мы понимаем своеобразие внутреннего мира героев.

Анна Матвеева активно использует разнообразные лексические единицы для описания пространства, делая его живым и осязаемым элементом своих произведений. «Реальное» пространство в художественных произведениях автора представлена такими лексическими единицами как город, улица, дом, квартира, библиотека, Екатеринбург, Париж, переулок и т. д.

Помимо определения местоположения и специфику происходящих событий, пространственная лексика выполняет и различные функции. Например, как средство передачи настроения и состояния героя, подчеркивая особенности его окружения и быта. Рассмотрим самые частотные функции в художественном дискурсе А. Матвеевой:

Пространство используется для оценки: *«Теперь Бакулина мало того, что без единого прыща, так еще и живет в Париже»* [5: 19], где Париж выражает статус человека.

Овладение пространством – достижение: *«Вера тем временем все еще пыталась разобраться с искусством – понять зачем они друг другу. … Все словно бы зависло, остановилось – даже не на полдороге, а всего лишь у открытой двери, порог которой Вера так и не могла перешагнуть»* [5: 61].

Пространство – внутренний мир человека: «*Охотно открываясь незнакомцам, Юлька брала у них что ей нужно, после чего отпускала на свободу – как птиц из клетки. Конечно, попадались и такие, что не спешили улетать, даже норовили поглубже забиться в угол, но Юлька вытряхивала их из своей жизни беспощадно*» [5: 46].

В художественных произведениях А. Ахметгалиевой расстояние служит для обозначения отношений между людьми. Рассмотрим два примера: *«Нәфисә аны биш чакрымнан урап үтә торганга әйләнде»; «Синең артыңнан җәһәннәм читенә китәргә дә әзер идем, бөтенләй икенче якка озаттылар…»* [1: 17]. Если в первом расстояние выражает неприязнь к человеку, во втором примере говорится о том, что ради любимого человека расстояние не преграда.

Также А. Ахметгалиева часто обращается к категории пространство – жизнь: *«Даладай киң, юллардай озын тоелган гомер юлын сүз дисбесенә тезгәндә, сәгатьләр генә җитмәс кебек…»* [1: 86].

Таким образом, лексические единицы с пространственным значением играют важную роль при категоризации мира. В художественных произведениях А. Матвеевой и А. Ахметгалиевой они представляют не только местонахождение героев и объектов, но и используются для выражения чувств, восприятия и оценки действительности и внутреннего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметгалиева А.А. Живу для тебя. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 207 с.

2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. М., 2003. 496 с.

3. Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 26–35.

4. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19–20.

5. Матвеева А.А. Завидное чувство Веры Стениной. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2015. 541 с.

6. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003. 256 с.

7. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. М., 2010. 127 с.

УДК 81’367/811.512.145

Нәбиуллина Гүзәл Әмир кызы
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Набиуллина Гузель Амировна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Nabiullina Guzel Amirovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail:GuzelNab2@yandex.ru

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ КОММУНИКЕМАЛАРНЫҢ СИНТАКСИК-ПРАГМАТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКЕМ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

SYNTACTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF COMMUNICATION IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *В статье рассматривается одна из самых противоречивых проблем тюркологии, проблема нечленимого синтаксиса, которая проявляется на уровне простого и сложного предложения. Актуальность исследования обусловлена тем, что лингвистический анализ структуры и семантики коммуникем позволяет обосновать статус нечленимых предложений в синтаксической системе татарского языка и выявить структурно-семантический, грамматический, прагматические аспекты нечленимых предложений.*

Annotation. T*he article examines one of the most controversial problems of Turkology, the problem of inarticulate syntax, which manifests itself at the level of simple and complex sentences. The relevance of the research is due to the fact that the linguistic analysis of the structure and semantics of communicemes makes it possible to substantiate the status of non-articulate sentences in the syntactic system of the Tatar language and to identify the structural-semantic, grammatical, and pragmatic aspects of non-articulate sentences.*

Ключевые слова: *синтаксис, семантика, татарский язык, нечленимые предложения, коммуникемы*

Keywords: *syntax, semantics, Tatar language, inarticulate sentences, communicemes*

Бер составлы җөмләләр арасында бер сүздән торып, җәенкеләнә алмый торган сүз җөмләләр аерым бер урынны алып тора. Алар сөйләмдә фикерне раслау яисә инкяр итү өчен, сөйләүченең башка кеше фикеренә мөнәсәбәтен белдерү өчен махсус җөмлә булып саналалар. Сүз җөмләләрнең бер кисәге – я ия, я хәбәр, я аергыч, я башка кисәккә тиңләп булмый, алар башка кисәкләрне үзләренә ияртә алмыйлар. Алар сөйләүченең сөйләмгә, сөйләм эчтәлегенә төрле реакциясен белдерәләр: раслыйлар, инкяр итәләр, кире кагалар, төрле тойгыларны белдерәләр. «Җөмләнең традицион кисәкләренә туры килеп бетми һәм башка кисәкләрне ияртеп җәенкеләнә алмый торган сүзләрдән торган җөмләләрне сүз җөмләләр дип атау гадәткә кергән», – дип билгеләп үтә галим М.З. Зәкиев [3: 114].

Тел белеме галимнәре билгеләвенчә, сүз җөмләләрнең вокатив төре дә була. Галим М.З. Зәкиев әлеге төр берәмлекләр хакында «сүз җөмләләр вокатив җөмләләргә якын», – ди [3: 155]. Сүз җөмләләрнең бер төрен вокатив җөмләләр алып тора. Алар тойгылы интонация белән әйтеләләр һәм бары тик исем белән генә белдереләләр. Мәсәлән, *«Ah Гаяз!..» (Х.С.)*

Галим Ж. Вәлиди вокатив җөмләләрдә кулланылган «эндәш сүзләр кешенең игътибарын җәлеп итү өчен кулланылсалар да, кайбер очракларда эндәш сүз тыңлаучының берәр сыйфатын әйтү, аны хурлау яки мактау да күздә тотыла» [1: 212], – ди. Мәсәлән, *«И җүләр! Кысканга былтыр, кычкыралар мы быел!» (Г. Тукай).*

Шул рәвешле татар телендә сүз җөмләләр бер составлы җөмләләргә шартлы рәвештә генә кертеләләр. Аларны ия составы дип тә, хәбәр составы дип тә, иярчен составы дип та карап булмый. Шуның белән сүз җөмләләр атау һәм иясез җөмләләрдән шактый гына аерылып торалар.

Тел – кешеләр арасындагы аралашу, аңлашу, мәгълүмат җиткерү чарасы буларак, катлаулы һәм күпьяклы система. Ул үз эченә лексик, грамматик, синтаксик һәм прагматик элементларны ала. Соңгы елларда телнең коммуникатив-прагматик функцияләрен өйрәнү фәндә мөстәкыйль юнәлеш – прагмалингвистика – буларак формалашты. Шушы юнәлеш кысаларында «коммуникема» төшенчәсе аеруча әһәмиятле берәмлек итеп карала. Коммуникема – билгеле бер коммуникатив максатны тормышка ашыручы, сөйләмдә конкрет ситуациядә кулланыла торган, интонацион һәм структур яктан тәмамланган тел берәмлеге. Ул сөйләүченең ният һәм адресат белән булган үзара мөнәсәбәтләре нигезендә формалаша. Коммуникема, гадәттә, үз эченә актуаль теманы, сөйләм ситуациясен чагылдыручы интонацион модельне, грамматик-семантик төзелешне ала. Бу берәмлек телне аралашу чарасы буларак куллануның реаль үрнәге булып тора.

Татар телендә сүз җөмләләрнең, коммуникемаларның төп прагматик функциясе – адресатның игътибарын җәлеп итү, сөйләмне көйләү һәм адресатны сөйләм актына тарту. Бу максаттан татар телендә төрле сүз җөмлә формалары кулланыла.

Сөйләмдә шулай: халыкның сөйләү һәм аралашу теле, нигездә, сорау һәм җавап сүзләргә нигезләнеп формалаша. Сөйләгәндә һәм сөйләшкәндә (аралашканда), берәү дә, шул исәптән, тел белгечләре үзләре дә, сөйләменең логик-грамматик (структур-семантик) төзелеше турында уйламый – сорау сүзнең эчтәлегенә һәм формасына яраклаштырып, җавап сүзен әйтә. Бу очракта җавап сүз урынында, нигездә, кайсыдыр сүз төркеменә караган мөстәкыйль мәгънәле бер генә сүз дә, сүз җөмләләр дә, гади җөмләнең баш яки иярчен кисәге дә; иярчен җөмләле кушма җөмләләрнең баш җөмләсе дә, иярчен аналитик һәм синтетик формалары да; катлаулы төзелмәләрнең баш һ. б.

Сүз җөмләләр «диалогларда, әңгәмәдәшләрнең коммуникатив стратегияләрен һәм тактикаларын яраштыруга юнәлдерелгән, регулятив функцияләр башкаралар. Мондый төр җөмләләр аралашуның билгеле бер тональлеген булдыруга ярдәм итәләр» [4: 44]. Гомумән, сүз җөмләләр коммуникатив сөйләм сферасына карыйлар һәм уңышлы аралашу өчен максималь җаваплы берәмлекләр булып торалар.

Мондый җөмләләр сөйләмдәге һәм матур әдәбияттагы диалогларда кулланылалар. Алар хәбәрлек сүзләр, бәяләү сүзләре, ымлык, аваз иярtемнәре, төрле кисәкчәләр белән белдереләләр. Мәсәлән, *«Монда ничек, сөйләшеп булырмы? – Юк» (Х. Сарьян). «Әйдә», – диде яшьти (М. Мәһдиев). «Әби нидер кыстырырга җыенган иде: – Ярар!..» – дип, карт бер җилкенеп алды. «Әйе шул», – ди Гайшә апа, шигырьнең мәгънәсен аңлатып (М. Госманов). «Ялт! Котдусны балдызы белән парлап уртага кертеп бастыралар» (М. Мәһдиев).*

Әйтергә кирәк, коммуникемаларның мәгънәсен сөйләм акты аркылы үлчәү коммуникаторлар өлкәсенә бәйле сөйләм төзү факторларын исәпкә алырга мөмкинлек бирә: шәхеснең характеристик үзенчәлекләре, ниятләре, карашлары, әңгәмәдәшләрнең шәхси мөнәсәбәтләре һ. б. [2: 23].

Коммуникема төшенчәсен аңлату өчен рус һәм чит ил лингвистларының хезмәтләренә мөрәҗәгать итәргә кирәк. В. Ю. Меликян дәреслек-кулланмаларында «коммуникема» төшенчәсенә билгеләмә бирә һәм аларны мәгънәләре ягыннан классификацияли. Аның фикеренчә, коммуникемалар – номинатив булмаган семантик структурага ия булган, аерып булмый торган җөмләләр. Алар, кагыйдә буларак, эмоциональ төслеккә ия, кыска, ләкин мәгънәви яктан йөкле, сөйләүченең объектив дөньяга мөнәсәбәтен белдерә торган гыйбарәләр булып тора [5].

Коммуникемалар билгеле бер күренешне атау урынына, шуңа ишарә генә итәләр һәм мәгълүмат җиткерү функциясен үтиләр. Алар сөйләм телендә киң таралган, кыска, икътисадый, эмоциональ яктан көчле формалар буларак, төп мәгънәне аз сүз белән тапшыру мөмкинлеген бирәләр. Коммуникеманың төп билгесе – зур мәгълүматны аз тел чарасы белән җиткерү.

Коммуникемаларны куллану тел системасының үсеш динамикасы һәм сөйләмдәге көчне экономияләү принцибы белән турыдан-туры бәйле. Алар гадәти җөмләләргә караганда күбрәк информативлык һәм экспрессивлык белән аерылып торалар. Нәкъ менә шушы сыйфатлары аркасында күп кешеләр үз сөйләмнәрендә коммуникемаларны куллана, чөнки алар сөйләмне кыска, мәгънәви яктан тыгыз һәм эмоциональ бай итәләр.

Коммуникемалар – актив сөйләм процессында кулланылучы иң популяр аралашу чараларының берсе. Алар көндәлек аралашу телендә бик продуктив, татар сөйләм теле коммуникемаларга бик бай. Коммуникемалар белән актуальләштерелгән мәгънәләрнең прагматик компоненты да аермачык күренә. Мәдәниятара аралашу өлкәсе өчен соңгысы аеруча мөһим, чөнки коммуникемалар тыңлаучыга карата авторның позициясен, фикер-карашын аңлау өчен кирәк. Бу мәгънәләр мәдәниятара аспектта, беренче чиратта, сиземләү яссылыгында – адреслаучы тарафыннан бәяләү характеры турындагы мәгълүматны кабул итүдә һәм декодлауда мөһим роль уйный.

Коммуникемаларга, ягъни сүз җөмләләргә, карата галимнәрдә күп төрле караш һәм фикерләр төрлелеге яши. Әмма алар бу төр җөмләләрнең эндәш сүзләр, хәбәрлек сүзләр, модаль сүзләр, ымлыклар, төрле аваз иярtемнәре белән бирелүе белән тулысынча килешәләр. Шулай да коммуникемаларны төзүче сүзләр телдә бик чикле. Алар *ярый (ярар, ярамас, ярамый), кирәк (кирәкми), тиеш (тиешсез) кебек хәбәрлек сүзләр, чөнки җөмләдә мөмкин, ярый (ярар, ярамас, ярамый), кирәк (кирәкми), тиеш*

(тиешсез), бар, әйе, юк сүзләре күбесенчә хәбәр булалар. Алар я раслау, я кире кагу мәгънәсен белдерәләр. Сүз төркеме ягыннан мондый сүзләрне хәбәрлек сүзләренә кертәләр.

Коммуникемалар шулай ук *шөбһәсез, нәкъ үзе, әлбәттә, табигый* һ. б. модаль сүзләр, кешенең эчке кичерешләрен, хис-тойгыларын, теләк-ихтыярын кыска рәвештә белдерә торган ура; *ах, их, эх; ай-һай, и-и-и, э-э; тфү; уф, ух, абау, ай-яй, ой; һм, гм; әһә, ә-ә-ә, алла, чү, тсс; әйдә; һайт* ымлыклары (ымлыклар –кешенең эчке кичерешләрен, хисләрен, тойгыларын һәм ихтыярын белдерүче сүзләрне ымлыклар дип атыйлар), төрле аваз иярtемнәре (иярtемнәр – кеше тавышына, хайван һәм кош-корт, бөҗәкләр чыгарган авазларга, һәм төрле җансыз предметлар тудырган авазларга охшатып ясалган сүзләр) һәм кайбер кисәкчәләр (кисәкчәләр – сүзләргә һәм җөмләләргә модаль-экспрессив мәгънә төсмерләре өсти торган үзенчәлекле сүз төркеме). Мондый кисәкчәләргә *түгел, соң, инде, әллә* һ. б. дигән сүзләр керә. Коммуникемалар сөйләүченең сөйләмгә, чынбарлыкка төрле мөнәсәбәтен белдерәләр. Мисал: *Сентябрьнең алтын кояшлы бу көннәрендә дөньяны бәрәңге сабагы исе баса. Инде! (М. Мәһдиев).* Бу өзектәге *«Инде!»* җөмләсендә ия дип тә, хәбәр дип тә, иярчен кисәкләр дип тә танырлык сүз юк. Кисәкчә хис, тойгы белдерү өчен, хәбәр итү өчен җөмлә булып килгән. Бу бер сүзле җөмләне таркатып та булмый. Таркалмый торган җөмләләр күбрәк диалогик сөйләмдә очрыйлар һәм хәбәрлек сүзләр, ымлыклар, аваз иярtемнәре, кисәкчәләр, аерым бер очракларда ихтыярлык, килешү яисә килешмәү, модаль яки эмоциональ бәяләү мәгънәсендә килгән фразелогизмнар белән белдерелә.

Ымлыклардан торган коммуникемалар шатлану, көенү, ачулану, сызлану һ. б. кебек эмоция билгеләре булып торалар һәм тойгы-кичерешләрне барлыгы белән тәкъдим итәләр. Мисаллар: *Гыймай (команда бирә). Атлар. Шунда кал! Гаскәр, алга! Һү-лә-лә-лә! Ура! Һәйт, вайт! (Н. Исәнбәт); Абау! Бу ни дигән сүз? (Ю. Сафиуллин).*

Җөмлә башында торган «*Әйе», «Юк»* сүзләре коммуникемалар булып торалар һәм раслау яискә инкяр итүне белдерәләр. «Юк һәм түгел сүзләре үзләре генә дә диалогларда инкяр җөмлә төзи алалар», – дип белдерә М.З. Зәкиев [3: 274].

Мисал:

– Сөләйман сискәнеп китте: Сарысуданмыни?

– Әйе. Чукындырдылар безнең авылны, – диде Садыйк, учак янына утырып (З. Хәким).

– Әллә сез архитектура бүлеген тәмамладыгызмы?

– Юк. Төзелеш бүлеген (Р. Вәлиев).

– Тынычрак чакларыңда йорт турында уйларга онытма.

– Ярар! (Р. Вәлиев).

Модаль сүзләрдән (*шөбһәсез, нәкъ үзе, әлбәттә, табигый* һ. б.) торган коммуникемалар хәбәрне укучыга үтемле итеп җиткерүдә ярдәмче чара булып торалар, шуның белән берлектә кешенең хис-тойгыларына тәэсир итү өчен дә хезмәт итәләр: *– Уңае килгәндә, безгә кереп чыккала. – Әлбәттә (А. Шамов).*

Татар телендә кеше тавышларын белдерүче аваз иярtемнәреннән торган коммуникемалар еш очрый.

1. Хайван, җәнлек, кош-корт, бөҗәк тавышларын тасвирлый торган аваз иярТемнәре: *uha-ha-hай, бә-ә, hay-hay, ләң-ләң, мики-ки, му-у* һ. б.

2. Җансыз предметлар чыгарган тавышларга охшатып ясалган аваз иярТемнәре: *чаж-пож, шарт-шорт, гөрс-гөрс, шыбыр-шыбыр, шатыр-шотыр, дырк-дырк, даң-доң, келт-келт, тырр-тырр, зырр-зырр, тик-так, гөбер-гөбер, шалт-шолт, тырр-пырр, кылтыр-кылтыр* һ. б. *Вахта каршындагы баганага элеп куелган рельс кисәгенә сугалар. Даң-доң! Даң-доң! (И. Салахов).*

3. Кеше хәрәкәте тудырган тавышка охшатып ясалган аваз иярТемнәре: *дөп-дөп, лап-лап, шап-шап, шак-шык, лакыр-локыр, чап-чоп, тырт-тырт, тып-тып, тыз-быз, тыпыр-тыпыр, мыштыр-мыштыр* һ. б.

4. Кеше тавышына охшатып ясалган аваз иярТемнәре: *ха-ха-ха, хи-хи-хи, үә-үә, мышык-мышык, пыш-пыш, гөж-гөж, мыдыр-медер, эһем, корык-корык, лыш-лыш, чырык-чырык* һ. б. *Хе-хе-хе! Шаяртасың, ипТәш комиссар, хе-хе-хе! (Г. Бәширов); Тс-с-с! Профессор! (К. Тинчурин).*

Хәзерге тикшеренүләрдә эндәш һәм мөрәҗәгать сүзләр мөстәкыйль сөйләм актына аерыла, ул стандарт сөйләм актына хас булган барлык үзенчәлекләргә ия. Коммуникатив аспектта адресатны өйрәнү безгә бу сөйләм актының кайбер үзенчәлекләрен карарга мөмкинлек бирә. Бу алымга мөрәҗәгать итү, мөстәкыйль эндәш һәм мөрәҗәгать итү сүзләрен контакт урнаштыручы сөйләм акты буларак, контакт урнаштыру чараларының берсе, иҗтимагый мөнәсәбәтләрнең торышын күрсәтүче һәм сөйләм акты юнәлешен билгеләүче чара буларак карарга мөмкинлек бирә. Контакт урнаштыру актларында репликалар белән алышу информатив характерга ия түгел. Мондый сөйләм актларында, информацион компонентның булмавы эмоциональ бәяләү дәрәҗәсендә компенсацияләнә, тел чаралары үзләренең икенчел мәгънәсендә кулланыл.

Шулай итеп, эндәш һәм мөрәҗәгать итү сүзләре адресатка йогынты ясау чарасы буларак, мөрәҗәгать итүченең эмоциональ һәм экспрессив халәтен белдерү сәләтенә ия, сөйләм кодын көйли, адресат тарафыннан мәгълүмат алуны гарантияли һ.б Димәк, эндәш һәм мөрәҗәгать сүзләренең әлеге үзенчәлеге аларны да коммуникемалар рәтенә кертеп карарга мөмкинлек бирә.

Шулай итеп, коммуникемалар хәбәрлек сүзләр, модаль сүзләр, ымлыклар, төрле аваз иярТемнәре, кисәкчәләр, эндәш һәм мөрәҗәгать сүзләр белән бирелә ләр.

Коммуникемалар билгеле бер күренешне атау урынына, ишарә итеп, мәгълүмат җиткерү функциясен үтиләр. Телдә киң таралган, кыскартылган, эмоциональ яктан көчле формалар булып, төп мәгънәне аз сүз белән тапшыралар. Аларны куллану тел системасының үсешенә һәм сөйләмдәге экономия принцибына туры килә. Коммуникемалар гадәти җөмләләргә караганда күбрәк информативлык һәм экспрессивлык белән аерылып торалар, сөйләмне кыска, мәгънәви яктан тыгыз һәм эмоциональ бай итәләр.

Коммуникемалар – сөйләмне кыска, тыгыз, эмоциональ йөкле итүче берәмлекләр. Алар сөйләм актының төп максатын – мәгълүмат җиткерүне – минималь тел чаралары белән тормышка ашыру мөмкинлеге бирә.

ӘДӘБИЯТ

1. Вәлиди Җ. Татар теленең грамматикасы. К. 1919. 212 б.
2. Виноградов В.В. Формально обусловленный перевод каламбуров-созвучий // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1972.
3. Зәкиев М.З. Татар грамматикасы: III т. М.: Инсан, Казан: Фикер, 1999. 512 б.
4. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2001. С. 44.
5. Меликян В.Ю. Типология вопросительных предложений // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 67–76.

УДК 811.512.157

Николаев Егор Револьевич
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
Nikolaev Egor Revolievich
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russia
E-mail: 1953307@mail.ru

ДИАЛЕКТНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛОДКИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

DIALECTAL NOMINATIONS OF BOATS IN THE YAKUT LANGUAGE

Аннотация. *В статье представлены диалектные наименования якутской лодки. Дана условная классификация, основанная на материале лодки: деревянная, кожаная, берестяная, брезентовая. Семантический анализ выявил заимствования из эвенкийского, русского языков. Номинации лодки преимущественно образуются с помощью сочетания родового слова тыы ‘лодка’ и прилагательного, указывающего на какой-либо признак лодки (например, его материал).*

Annotation. *The article presents the dialect names of the Yakut boat. A conditional classification is given based on the boat’s material: wooden, leather, birch bark, tarpaulin. Semantic analysis revealed borrowings from the Evenk and Russian languages. Boat nominations are mainly formed using a combination of the generic word you ‘boat’ and an adjective indicating some feature of the boat (for example, its material).*

Ключевые слова: *наименования лодки, диалектная лексика, якутский язык*

Keywords: *boat names, dialect vocabulary, Yakut language*

Изучение лексики материальной культуры в диахроническом аспекте не теряет свою актуальность, поскольку все еще остаются лакуны, которые необходимо описать. Так, в якутской диалектологии присутствуют пласты лексики, требующие семантико-мотивационного анализа, которые могут пролить свет в проблеме уточнения мотивирующих признаков основ лексем. Для достижения основных задач исследования в рамках данной статьи мы представим классификацию (условную) диалектных наименований лодки в якутском языке по материалу изготовления. В качестве источников

были использованы диалектологические словари якутского языка [6; 5], а также электронная версия Большого толкового словаря якутского языка [2].

В современном якутском языке для обозначения лодки в общеупотребительной лексике используются два слова: *тыы* ‘маленький лёгкий чёлн, ветка; маленькая деревянная лодка’, *оҥочо* ‘лодка, ладья (вмещает более одного человека; может быть современной металлической)’. По Н.К. Антонову, як. *тыы*, возможно, имеет параллели имеет в кетском языке: *ти* – лодка [1: 78]. Як. *оҥочо* имеет бурят-монгольские истоки: *онгосо* ‘лодка’ [2: 370].

В диалектологических словарях мы выявили около 30 наименований, которые обозначают различные типы лодок:

1. Деревянная лодка:

баат, олекм. ‘долбленая лодка’; рус. *бат*.

биэтки ‘плоскодонная лодка’; сиб. рус. *ветка*.

бээккэ, вил., долг., есей, в.-кол. ‘челнок, небольшая лодка’; сиб. рус. *ветка*.

дьалыс, дьаалыс, дьалыас, с.-кол. ‘лодочка’; верх. ‘лодка с парой весел на уключинах’; рус. *ялик*.

койуук, в.-кол. ‘долбленая лодочка из тополя’. Указывается, что заимствовано от рус. *каюк*: ‘батъ, ботничекъ, долбушка, однодеревка без набоев или душегубка, лодченка, каючекъ’ [4: 101]. Однако, в древнетюркском языке: *qajɣuq* ‘лодка, челн’ [7: 407], каю́к, юка́ (тюрк. kajyk ‘лодка, челн’). 1. Небольшая речная плоскодонная лодка с двумя веслами. 2. Грузовое одномачтовое парусно-гребное судно, использовавшееся на реках [8: 348].

хойуук, хайык, хойук, м.-канг. ‘большая лодка’; рус. *каюк*.

көҥнөй, эвф., с.-кол. ‘ветка, лодочка’. *Көҥнөй* – фонетический вариант прил. *көҥдөй* ‘полый’.

кумааһы тыы ‘разновидность лодки’. Происхождение пока не выяснено.

сыҕарым оҥочо, в.-кол. ‘разновидность лодки’. От як. глаг. *сыҕарый-* ‘переместиться в какую-л. сторону; отодвинуться, подвинуться’.

уоруйах, эвф., в.-кол. ‘лодка’. От як. сущ. *уоруйах* ‘вор’. Здесь мы видим метафорическое отображение особенности лодки – передвигаться без шума (как вор).

устурууус, устурууска тыы ‘круглодонный русский стружок)’; рус. *стружок*.

хаапыс, в.-вил. ‘большая плоскодонная перевозная лодка; карбас’; рус. *карбас*.

ньылаах, эвф., коб. ‘двухвесельная лодка’. От як. прил. *ньылаҕар* ‘плоский и покатый в верхней части (напр., лоб)’.

хардаҕас тыы ‘долбленая лодка’. От як. сущ. *хардаҕас* ‘полено’.

эбэ талаһата, эвф. ‘чёлн, лодочка’. От эвф. *эбэ* ‘употребляется в знак почтительного отношения к какой-л. местности (напр., реки, озера, леса, аласа), мать, матушка’. *Талаһа* – диалектный вариант произношения *далаһа* ‘мостик’.

моккуоку, моркуоку, сунт. ‘долблёная лодка из двух брёвен’. Скорее всего, эвенкизм.

аҥкаакка, олекм. ‘большая лодка, вмещающая 20–30 человек’; рус. *ангарка* (небольшая баржа для перевозки груза, скота и т. д.).

гилээк оҥочото, уд. ‘выдолбленная из тополя лодка, с которой добывают рыбу острогой’; иногда называют *тонустуу оҥочо*, букв. тунгусская лодка. *Гилээк*, вероятно, от *гиляки* – устаревшее название нивхов.

дуоска оҥочо, уд. ‘лодка из досок’; рус. *доска*.

хорууда тыы, сунт. ‘долблёная лодка’; рус. *корыто*.

2. Кожаная лодка:

мэрэкэ, олен. ‘ровдужная лодочка, ветка’. От эвенк. *мурекэ, мureку* ‘кожаная лодка’ [9: 378].

байдара, байдары, у.-май. ‘лодка, обтянутая кожей; байдара’; рус. байдара; эвенк. *байдара* ‘кожаная лодка’ [9: 72].

Однако в указанном словаре отмечено, что слово *байдара* заимствовано из рус. *байдарка*.

3. Берестяная лодка:

хандалыы ‘большого размера берестяная ветка’, ‘маленькая лодка’. Происхождение не ясно.

4. Брезентовая лодка:

нэрэкэ, олен. ‘брезентовая лодочка, ветка’. От эвенк. *мурекэ, мureку* ‘кожаная лодка’ [9: 378].

бирисиэн тыы, вил.; от рус. *брезент*.

В выявленных наименованиях присутствуют русизмы: *бирисиэн тыы, хорууда тыы, дуоска оҥочо, аҥкаакка, хаапыс, устуруус, баат, биэтки, дьалыс*. Объякученные слова из русского языка свидетельствуют, прежде всего, об относительно позднем заимствовании, так как некоторые материалы, из которых сделаны лодки – современные, например, брезент.

Заимствования из эвенкийского языка *нэрэкэ, мэрэкэ, байдара, моркуоку* – результат естественного взаимовлияния эвенков и якутов, поскольку оба народа на одном природном ландшафте вели промыслы и занимались рыболовством.

Как видно, большинство номинаций сложились из двух слов, тем самым образовали составной термин, где доминантой служит родовое слово *тыы* ‘лодка’. Интересно, что *тыы* употребляется в словосочетаниях чаще, чем *оҥочо*. Скорее всего, *тыы* как легкая одноместная лодка (чаще) была более распространенной, ее легко можно было перетаскивать, хранить и ремонтировать. Такая лодка в основном предназначалась как водный транспорт на озере или маленькой речке, где необходимо было ставить сети, вершу и т. п.

Заимствованные наименования якутской лодки проходят фонетическую адаптацию по законам сингармонизма гласных якутского языка, тем самым внутри слогов также происходит процесс ассимиляции согласных: брезент – *бирисиэн*, ангарка – *аҥкаакка* и т. д.

Пометы говоров говорят о том, что все рассмотренные наименования лодок относятся к периферийным говорам якутского языка. Такой разброс вполне можно объяснить тем, что рыболовство (основным занятием якутов, все же, было скотоводство и коневодство), возможно, было заимствовано в большей степени у тунгусо-маньчжурских народов, сильному

влиянию которых были подвержены, прежде всего, вилюйские и северо-восточные якуты.

Таким образом, номинации якутские лодки представляют собой симбиоз якутско-русско-эвенкийской рыболовецкой культур. Такое сосуществование образует самобытную традиционную культуру, в которой отражаются и языковые процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка / отв. ред. проф. И.М. Романов; авт. предисл. А.П. Окладников; Якут. гос ун-т. Якутск: Якут.кн. изд-во, 1971. 172 с.

2. Большой толковый словарь якутского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://igi.ysn.ru/btsja/index.php (дата обращения: 22.09.2025).

3. Бурят-монгольско-русский словарь: около 25000 слов / сост. К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Изд. 2-е, испр. и знач. умнож. по рукописи авт. СПб. М., 1881. Т. 2. И–О. 807 с.

5. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / сост.: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 292 с.

6. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост.: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

7. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.

9. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь: около 30000 слов / отв. ред. д-р филол. наук В.А. Роббек; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т проблем малочисл. народов. Новосибирск: Наука, 2004. 796 с.

СОКРАЩЕНИЯ

в.-вил. – верхневилюйский говор
вил. – вилюйский говор
в.-кол. – верхнеколымский говор
долг. – долганский язык
глаг. – глагол
есей. – есейский говор якутского языка
коб. – кобяйский говор
м.-канг. – мегино-кангаласский говор
олекм. – олекминский говор
олен. – оленекский говор
прилаг. – имя прилагательное
рус. – русский язык
сиб. рус. – сибирский русский язык
с.-кол. – среднеколымский говор
сунт. – сунтарский говор
сущ. – имя существительное
тюрк. – тюркский язык
у.-май. – усть-майский говор
уд. – говор удских якутов Хабаровского края
эвенк. – эвенкийский язык
эвф. – эвфемизм

УДК 811.512.145

Нуриева Фәнүзә Шәкүр кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Нуриева Фануза Шакуровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Nurieva Fanuza Shakurovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru
Хисматуллина Илзия Мөнир кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Хисматуллина Ильзия Мунировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Khismatullina Ilziya Munirovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ilziyakhismatullina@gmail.com

XIX ГАСЫР ХАЛЫК АВЫЗ ИҖАТЫ ТЕКСТЛАРЫНДА НАГАЙБӘКЛӘР СӨЙЛӘШЕНӘ ХАС ФОНЕТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘР (В.Н. Витевский (1981) язмалары нигезендә)

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОВОРА НАГАЙБЕКОВ В ТЕКСТАХ УСТНО-НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА XIX ВЕКА (по записям В.Н. Витевского (1891))

REFLECTION OF PHONETIC FEATURES OF THE NAGAYBEK DIALOGUE IN THE TEXTS OF ORAL FOLK ART OF THE XIX CENTURY (based on the recordings of V.N. Vitevsky (1891)

Мәкалә РНФ гранты «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ» (№ 25-78-20002) ярдәмендә әзерләнде.

Аннотация. *Статья посвящена фольклорным записям татар-казаков в составе Оренбургского казачьего войска, представленных нагайбаками. Сопоставление систем гласных и согласных фольклорного текста В.Н. Витевского (1891 год) с говором нагайбаков и говорами татар-кряшен показывает, что разговорный язык нагайбаков практически не изменился на протяжении 150 лет. Анализ языковых особенностей фольклорных текстов В.Н. Витевского показывает близость к говорам нагайбаков по представленным фонетическим особенностям.*

Annotation. *The article is devoted to folklore records of Tatar-Cossacks in the Orenburg Cossack army, represented by Nagaybaks. Comparison of the vowel and consonant systems of the folklore text by V.N. Vitevsky (1891) with the Nagaybak dialect and the dialects of the Kryashen Tatars shows that the spoken language of the Nagaybaks has remained virtually unchanged for 150 years. Analysis of the linguistic features*

of the folklore texts by V.N. Vitevsky shows the closeness to the dialects of the Nagaybaks according to the presented phonetic features.

Ключевые слова: *татар, диалект, нагайбаки, XIX век, В.Н. Витевский*

Keywords: *Tatars, dialect, Nagaibaks, XIX century, V.N. Vitevsky*

Һәрбер телнең хәзерге торышы аның үткәне белән турыдан-туры бәйле. Төрле чорларда язылып, сакланып калган язма истәлекләр татар халкының тарихын, көнкүрешен, тел үзенчәлекләрен тулырак өйрәнергә мөмкинлек бирә.

Мәкаләдә нагайбәкләрнең тарихына һәм халык авыз иҗатына мөрәҗәгать иткән Россия тарихчысы, педагог Владимир Николаевич Витевскийның 1878 елда «Оренбургский листок» газетасының 14–17, 19, 38–39, 45, 46, 48, 49 саннарында бастырылган һәм соңрак 1891 елда «Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани 31 июля по 18 августа 1877 года» хезмәтенең II томында нәшер ителгән «Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии» [1] хезмәте чыганак булап тора.

Нагайбәкләр Чиләбе өлкәсенең Нагайбәк, Чибәркүл районнарында яши. 1924 елга кадәрге административ бүленеш буенча бу авыллар Оренбург губернасының Верхнеуральск өязенә караган. Нагайбәк сөйләше фәнни яктан шактый тирән өйрәнелгән. Бу сөйләшне өйрәнгән күренекле тел галимнәре Ф.Й. Йосыпов [2; 3]. Ф.С. Баязитова [7] хезмәтләре зур әһәмияткә ия. Ф.Й. Йосыпов әлеге төркем татарларның тел үзенчәлекләрен, бүгенге көндәге торышын, сакланышын 2023 елда дөнья күргән «Казан татарлары шивәсе» хезмәтендә тулы яктыртты [3]. Ф. Йосыпов хезмәтендә тарихи әдәбиятта нагайбәкләрне мөстәкыйль халык итеп санау тенденциясе яшәп килүен билгеләп, галимнәрнең керәшен татарларының тормыш-көнкүрешен, гореф-гадәтләрен, тел үзенчәлекләрен өйрәнеп, нагайбәкләрне дә керәшен татарларының бер төркеме итеп өйрәнелүен күрсәтә [3: 157].

XIX гасырда Оренбург казак гаскәре җирлегендә гомер иткән татарларның тарихы, халык авыз иҗаты белән галим В.Н. Витевский шөгыльләнә [1: 264–267]. Аның хезмәтләрендә Оренбург казак гаскәрләреңең килеп чыгышы һәм Көньяк Уралда ныгытмаларның төзелеше карала, халык авыз иҗатыннан үрнәкләр бирелә. XIX гасырда Оренбург казак гаскәре җирлегендә гомер иткән татарларның тел үзенчәлекләре теркәлгән язмаларны тикшерү татар диалектларының тарихын өйрәнү өчен кыйммәтле чыганак булып тора. *«Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии»* хезмәтенең беренче бүлегендә В.Н. Витевский нагайбәк халкының килеп чыгышын, аларның татар халкына якын булуларын яза, гореф-гадәтләрен тасвирлый [1: 262–268]. Ә икенче бүлеге тулаем халык авыз иҗаты үрнәкләренә багышланган. Халыкның тормышы, үткән тарихы аның халык авыз иҗатында чагылыш таба. Нагайбәк халкының фольклоры бик бай. Башка керәшен татарларында сакланган кебек үк, нагайбәк халкында да борынгы җырлар, бәет-мөнәҗәтләр күп сакланган. Фольклор язмасыннан күренгәнчә, нагайбәк халкы, рус һәм украин халыкларында кебек үк, җырларны хор белән күп тавышлы итеп башкару

ягыннан да татар халык авыз иҗатына үзенчәлекле өлеш кертәләр. Бу, беренчедән, христиан дине аша керсә (чиркәүләрдә догаларны җырлап уку, дини җырлар башкару һ. б.), икенче яктан, рус һәм украин казаклары белән күп вакыт аралыгында уртак иҗтимагый тормыш кичерү нәтиҗәсендә дә барлыкка килергә мөмкин [4]. Нагайбәкләрнең халык авыз иҗаты казак тормышын чагылдырган җырларга бай. Алар туган җирне ташлап китү, аның матур табигатен, туганнарыңны, дус-ишеңне өзелеп сагыну, туган җиреңә мәхәббәт һәм тугрылык белән сугарылган.

В.Н. Витевский нагайбәкләрдән язып алган текстлар жанр ягыннан өч төркем тәшкил итә. Иң зур төркем җыр жанрына багышланган һәм алар тематик яктан дини, көнкүреш, мәхәббәт, хор белән башкарыла торган туй, яуга бару, тарихи төрләргә бүленгән. Шулай ук татар-казак гаскәриләренә багышланган җырлар да бар. Җырлар өлеше 50 дүртъюллыктан тора. Үрнәкләрдән мисаллар: а) дини: *Кыръ казы уза жазъ көне,* / *Көзь кайтадыръ каты кырауда;* / *Берь ауызъ иманъ безь белмейбезь,* / *Ней әйтербезь каты сорауда?!* [1: 268]; б) көнкүреш: *Бара торгачь минь утырдымъ* / *Унъ аягымъ талганга;* / *Алдымъда каламь, жаздымъ сялямь,* / *Жөрякяйемь уттай жанганга.* / *Бара торгач мин утырдым* / *Уң аягым талганга;* / *Алдымда каләм, яздымъ сәләм,* / *Йөрәкәем уттай янганга* [1: 269]; в) тарихи: *Егоръ Мескеннень сары аты* / *Казакъ кулында жөрөйдерь;* / *Егоръ Мескеннень газизъ тяне* / *Жирь куйнында черей дерь.* / *Самарканда черей дерь* [1: 276] һ. б.

Икенче бүлектә В.Н. Витевский халык арасыннан язып алынган табышмаклар урнаштырган. Гомумән алганда, бу табышмаклар көнкүрешкә бәйле, аларда сүз *моржа, чүмәлә, көймә, арба тәгәрмәче, себерке, урак, мүк чалгы* һ. б. турында бара: *Инясеннянь элеке баласы тыуаръ (Чюмәля). Ана бара, эзе жукъ (Кимя)* [1: 276].

Өченче бүлектә татар халкында киң таралган «Ак елан» һәм «Кәҗә белән сарык» әкиятләре урын алган.

Язмада инкыйлабка кадәр сакланган орфография кулланылган, үзенчәлек буларак [ө], [ә], [ү] сузык авазларын белдерү өчен ӧ, ӓ, ӱ хәрефләре китерелүен билгеләргә кирәк: *сӧрдемь* [1: 268] – әд. *сөрдем*, *шӧкӧрь* [1: 268] – әд. *шөкер*, *ӱтлаўекь* [1: 269] – әд. *үтләвек*, *ӱрмясямъ* [1: 271] – әд. *үрмәсәм*, *төбӧнь* [1: 275] – әд. *төбен, әбей* [1: 277] – әд. *әби*, *әйткянь* [1: 277] – әд. *әйткән*, *тӧкӧрекъ* [1: 275] – әд. *төкерек*. Текстта сузык авазларны белдергән 12 хәреф теркәлгән. Калын сузык авазларны бирү өчен *а, ы, о, у* хәрефләре кулланыла. Нечкә авазлар *и, е, э, ӱ, ӧ, ӓ, ю* хәрефләре белән белдерелгән. Сузыкларны бирүдә үзенчәлекләр бар. Мәсәлән, [ә] авазын белдергәндә, сүз башында күп очракта ӓ хәрефе кулланыла: *ӓтейнень* [1: 269] – әд. *әтинең*, *ӓдямлярга* [1: 273] – әд. *адәмнәргә*, *әле* [1: 274] – әд. *әле*. Сүз уртасында һәм сүз ахырында [ә] авазы **я** хәрефе белән белдерелә: *гӧллярь* [1: 270] – әд. *гөлләр*, *Гӧмбяй* [1: 270] – әд. *Гөмбәй*, *кюзляреңне* [1: 271] – әд. *күзләреңне*, *бирсямь* [1: 271] – әд. *бирсәм*, *бездя* [1: 273] – әд. *бездә, меңнярь* [1: 268] – әд. *меңнәр, биргянь* [1: 277] – әд. *биргән, өстялгя* [1: 269] – әд. *өстәлгә*, *Мяскяўдя* [1: 269], – әд. *Мәскәүдә исяннярь* [1: 274] – әд. *исәннәр*, *әйлянәсе* [1: 276] – әд. *әйләнәсе* һ. б.

Иренләшкән нечкә сузык [ү] авазын белдергәндә дә бу тенденция саклана. Сүз башында ӱ хәрефе, ә сүз уртасында ю хәрефе кулланылган:

ӳтерде [1: 277] – әд. *утерде*, *ӳткянь* [1: 275] – әд. *уткән*, *кюзъ* [1: 275] – әд. *күз*, *тюмгякь-тюмгякъ* [1: 275] – әд. *түмгәк-түмгәк*, *кюрялмадыкъ* [1: 275] – әд. *күрә алмадык*.

Сүзләрдәге рәт һәм ирен гармонияләре, әдәби телдәге шикелле үк, эзлекле рәвештә саклана, ягъни барлык сүзләр дә сингармонизм законына буйсына. Язма инкыйлабка кадәрге графикада теркәлгәнлектән, калын тартыклардан соң ъ, ә нечкә тартыклардан соң ь хәрефләре язылган: *тӧшмядегезь* [1: 274] – әд. *төшмәдегез*, *кюрешерь* [1: 275] – әд. *күрешер*, *чӧгондерь* [1: 276] – әд. *чөгендер*, *курганнанъ* [1: 275] – әд. *курганнан*, *кюрялмадыкъ* [1: 275] – әд. *күрә алмадык*, *озонъ* [1: 276] – әд. *озын*, *сыукъ* [1: 276] – әд. *суык* һ. б.

— 275 —

5. Кайпинмята харъ тирянь,
Ментянь атямъ кайъ жирянь;
Мянь тутянярмямы бянь сягинямъ,
Кайтябъ (¹) кюрешерь бенъ тавъ бо-

5. Въ беренькѣ сѣдѣ глубокъ; лошадь подо мною красно-рыжая. Я очень скучаю о родныхъ, — какъ-бы на царя повидаться съ ними?

VII.

Пѣсни историческія.

Егоръ Бѣлый.

1. Кагы-курганнанъ пододъ чыгтыкъ,
Ташъ кюперлярдя кужнаги;
Посланныларь нарыны кильде,
Урысъ каллярень белнеге.

1. Изъ Кагы-кургана мы вышли въ походъ — почевать на каменномъ мосту. На встрѣчу вышли посланные, чтобъ разузнать положеніе русскихъ.

2. Бейянь тауныкъ башындянъ
Акыръ тубларынъ атадыръ;
Шулъ Акирянь командасы,
Тюмякъ-тюмгякъ жатадыръ.

2. Съ вершины высокой горы стрѣляетъ изъ пушекъ Акиръ; Акирова команда лежитъ кучами.

3. Агыкъ Дарьяне ӳтянь чакта,
Ата жядцякъ бӧлӧнмӧй;
Берь-беребенне кюралмадыкъ,
Кюнь алларибызъ тӧбӧнтя.

3. Когда проходили по быстрой рѣкѣ Дарьѣ, насъ чуть-чуть водой не увлекло; другъ друга изъ-за было видно отъ густаго дыма передъ глазами.

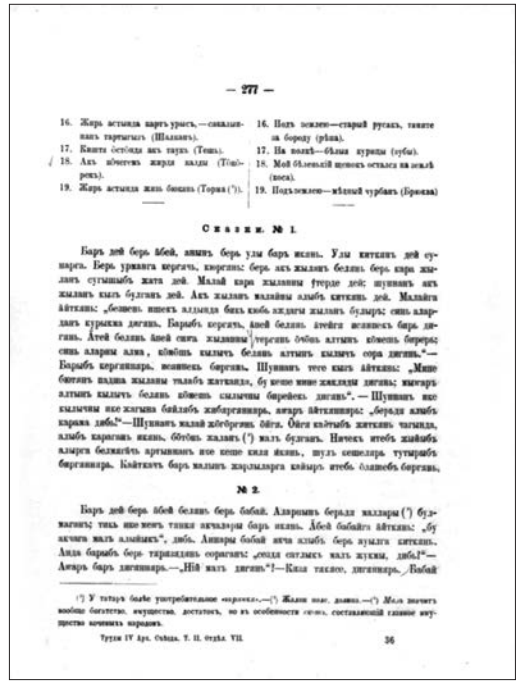
4. Агыкъ Дарьяпянь бушкда
Сувыралыбъ ӳсянь таларъ жуки;
Бера Хозайнызъ жагаяшка
Тюнейгне халларъ жуки!

4. По берегамъ быстрой Дарьи нѣтъ густого тальника. Предопредѣленіе Единаго Бога нельзя не покорится.

5. Егорь Мосинянь сары аты
Тирякъ тӧбӧнь кимяри;
Егорь Мосинги жядеря тейгячь,
Инякай дей-дей, тилмери.

5. Соловая лошадь бѣднаки Егора гложетъ стволъ тополя. Когда къ бѣднаку Егора пошла пуля, онъ говорилъ жалобнымъ голосомъ: „Мама, яли!“

(¹) Начекъ итебь.



— 277 —

16. Жирь астында карт урысъ, — сакалынакъ тартыгыкъ (Шалкавъ).
17. Кишта остӧнда акъ тауукъ (Тешь).
18. Акъ пӧчегемъ жирди калды (Тӧшӧрекъ).
19. Жирь астында жинь бокань (Торма (¹)).

16. Подъ землею—старый русакъ, таскаетъ за бороду (рѣка).
17. На полкѣ—бѣлая курица (зубы).
18. Мой бѣленькій щенокъ остался на землѣ (носъ).
19. Подъ землею—жёлтый чурбакъ (брюхо).

Сказки. № 1.

Барь дей берь бӧюй, аннинъ берь улы барь ялян. Улы киткянь дей сугышгя. Берь урянга керягчь, кюрелис: берь акъ ялдякъ белянь берь кара ялдякъ сугышыбъ жяга дей. Малай кара ялдяпы ӳтерде дей: шушнанъ акъ ялдякъ кыгь булгянь дей. Акъ ялдякъ малайны алыбъ киткянь дей. Малайга айтканы: „бешеюнь пишекъ алдында бякъ кюбь ялдяги ялдякъ булыръ; сишь алардякъ курыкма дегянь. Барыбъ керсячь, дней белянь ачейги яхшисекъ барь дегянь. Ачей белянь дней сишь ялдяпы утерсянь ӧтбь алтыкъ кӧмешь берерде; сишь аларны алиа, кӧмешь кыгычъ белянь алтыкъ кыгычъ сора дегянь.“— Барыбъ кергяпларь, пешекъ бергянь. Шушнанъ тесе кыгь айтканы: „Мине бютянъ ядина ялдяны ялабъ жяткянде, бу кеше яине ялдядя дегянь; яячарь алтыкъ кыгычъ белянь кӧмешь кыгычны бирейсекъ дегянь“. — Шушнанъ яке кыгычны яке ялгына бяйлабъ жибяргянняръ, яячарь айтканларъ: „Берядя алыбъ кирява дябъ!“—Шушнанъ жядай жёгёргянь. бёгя. Бёгя кайтыбъ жяткянь чагында, алыбъ карагянь яхянь, бёгёнь ядаяъ (¹) жазъ булгянь. Начекъ итебъ жайыбъ алыргя белжятёбъ яргыяняпъ яке кеше кяда яхянь, шуль сешеларь тутырыбъ биргянняръ. Кайткачъ барь жадыяъ жарлыларга кяйярь итебь. Ондысебъ биргянь.

№ 2.

Барь дей берь бӧюй белянь берь бабай. Адарныпъ берядя жаддяры (¹) бузмагянъ; тиць яке яекъ тинки ячкадяда барь ялян. Бӧюй бабайга айтканъ: „бу ячкачъ жаддяпъ алайякъ“, дябь. Анпарь бабай ячка алыбъ берь ядыгга киткянь. Анда барыбъ берь тарядяпъ сорагянъ: „сендя сигдысъ жадъ жукяи, дябь?“— Анарь барь дягянняръ.—„Нёй жадъ дягянь.“?—Кяда такдяо, дягянняръ. Бабай

(¹) У татаръ болѣе употребительное *жарлылар*.—(¹) Жядяи ялг. дяжяд.—(¹) Жяда значитъ вообще богатство, имущество, достатокъ, но въ особенности *скотъ*, составляющій главное имущество кочевыхъ народовъ.

Труды IV Арх. Съѣзда. Т. II. отдѣл. VII. 36

В.Н. Витевский язмасыннан өзек

Хәзерге татар әдәби телендәге кебек ирен гармониясе эзлекле сакланган: *сӧйдӧря* [1: 271] – әд. *сөйдерә*, *жӧзӧнә* [1: 272] – әд. *йөзеңә*, *жӧзӧкь* [1: 272] – әд. *йөзек*, *ӧстӧндя* [1: 277] – әд. *өстендә*, *бӧкӧре* [1: 276] – әд. *бөкере*. Аерым очракларда лексемалар хәзерге татар әдәби телендәге орфографиядә бирелгән: *сӧрдемь* [1: 268] – әд. *сөрдем*, *кордымъ* [1: 268] – әд. *кордым*, *сӧткеняйень* [1: 269] – әд. *сөткенәен*, *жӧземь* [1: 272] – әд. *йөзем*, *кӧмешь* [1: 272] – әд. *көмеш*, *кӧчегемъ* [1: 277] – әд. *көчегем*. Lingvodoc корпусында теркәлгән нагайбәк сөйләшеннән аудиоязмада икенче иҗектә бирелгән **[о], [ө]** авазлары беренче иҗектә булган ирен-ирен авазлары кебек үк ачык ишетелә: мәсәлән, *төтен, болыт, йөрергә* һ. б. сүзләрдә [5]. Әлеге тенденция сөйләшнең артикуляцион табигате ягыннан хәзерге татар әдәби теленең орфоэпик нормаларына якын булуын күрсәтә.

Текстларда нагайбәк сөйләшендә күзәтелгән дифтонглаштыру күренешенең системалы сакланыу теркәлгән. Татар әдәби телендәге шикелле, нагайбәк сөйләшендә дә чын дифтонглар юк. Бары тик **[а], [ə], [у], [ү], [о],**

[ө], [ы], [е] сузык авазларның **[й], [w]** ярым сузыклары белән ясалган дифтонглар гына кулланыла [3: 171–174].

Төшерелмә [ей] дифтонгы ачык иҗек нигезендә килгән алгы рәт тар [и] сузыгы урынына әйтелә: *белмейбезь* [1: 268] – әд. *белмибез*, *ней* [1: 268 – *әд. ни*], *жöгöрейекъ* [1: 269] – әд. *йөгерик*, *ätейнень* [1: 269] – әд. *әтинең*, *жöрейбезь* [1: 270] – әд. *йөрибез* һ. б. Язмада **[ей]** дифтонгының кулланылышы 41 тапкыр теркәлгән. Ф. Йосыпов бу үзенчәлекнең беренче чиратта керәшен татарлары сөйләшләре өчен хас булуын билгели [3: 172]. [и] урынына [ей] дифтонгын куллану пермь татарлары [7: 47], красноуфим, златоуст, эчкен, сафакүл сөйләшләре [2: 21, 234, 291], шулай ук көнчыгыш диалектлары өчен [8: 70] характерлы үзенчәлекләрнең берсе булып санала.

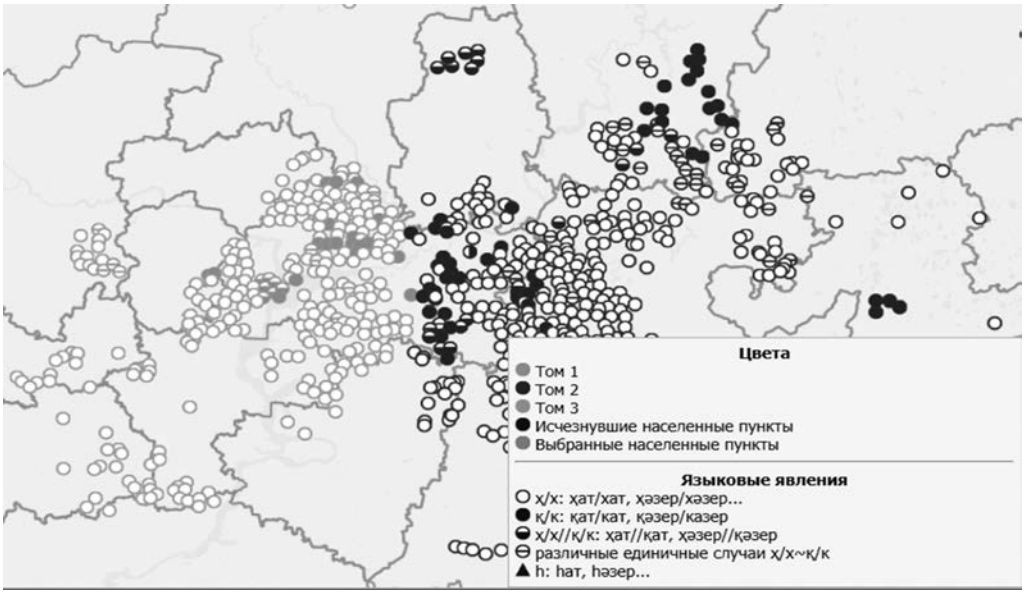
Язмада **[өй]** дифтонгының **[яў]** дифтонгы белән белдерелүе теркәлгән: *сяў* [1: 270] – әд. сөй, *сяўäрьйемь* [1: 270] – әд. сөярмен. Бу үзенчәлек нәкъ «сөю» тамыры белән бәйле сүзләрдә чагылыш таба: *сяўсянъ* – әд. сөйсәң: Жярлярне **сяўсянъсяў** матурынъ [1: 270]; *сяўгянь* – сөйгән: *Уль кемнярнень **сяўгянь** жярляре* [1: 270], *сяўäрьйемь* – әд. сөярмен: *Матуръ булмасада **сяўäрьйемь**, / Билгеняйе незекяй булса* [1: 270].

Татар әдәби телендәге иҗек һәм сүз азагындагы (бигрәк тә исем фигыльнең –у/-ү кушымчаларында) ирен-ирен [у] – [ү] сузыкларына нагайбәк сөйләшендә **[ыу], [еү], [ыw], [ew]** дифтонглары туры килә [3: 172]. Шушы ук үзенчәлек Витевский язып алган текстларда теркәлгән: *тыуаръ* [1: 276] – әд. *туар*, *жазыуы* [1: 276] – әд. *язуы*, *сыу* [1: 276] – әд. *су* , *бейеўляреннянь* [1: 278] – әд. *биюләреннән*, *айыу* [1: 278] – әд. *аю*. Нагайбәк сөйләше бу үзенчәлеге белән керәшен татарлары сөйләшләре белән белән зур уртаклык күрсәтә [6: 56].

В.Н. Витевскийның фольклор текстларында тартык авазлар системасында да нагайбәк сөйләше белән уртаклыклар чагылыш таба.

Әдәби телдә тел уртасы [й] тартыгы белән әйтелә торган сүзләр фольклор текстларында һәм хәзерге нагайбәк сөйләшендә тел очы, өрелмәле [ж] авазы белән әйтелә, ж хәрефе белән белдерелә: *жотаръ* [1: 276] – әд. *йотар*, *жакшылыкъ* [1: 269] – әд. *яхшылык*, *жöрякяйемь* [1: 271] – әд. *йөрәккәем*. Сүз башында [й] авазы урнына [ж] авазының кулланылышы язмада 109 тапкыр теркәлгән. Ж-ләштерү үзенчәлеге белән нагайбәк сөйләше казан арты, тау ягы керәшен татарлары сөйләшләренә якын.

Нагайбәк сөйләшенә характерлы икенче үзенчәлек – ул әдәби телдәге тирән тел арты һәм тел арты өрелмәле [х] системалы рәвештә тирән тел арты, шартлаулы саңгырау [к] тартыгы белән алмаштырып сөйләү дип билгели Фәрит Йосыф улы [3: 176]. В.Н. Витевский текстларында [х] ~ [к] авазларының тәңгәллекләре урын алган: *жакшылыкъ* [1: 269] – әд. *яхшылык*, *жакшы* [1: 269] – әд. *яхшы*, *кюрмят* [1: 268] – әд. *хөрмәт*, *катер* [1: 272] – әд. *хәтер*, *кайыръ* [1: 277] – әд. *хәер* һ. б. Әлеге тартыклар тәңгәллеге татар теленең күпчелек сөйләшендә дә күзәтелә. Күпчелек галимнәр фикеренчә, бу борынгы күренеш аеруча керәшен татарлары өчен хас. Бу яктан нагайбәк сөйләше әлеге сөйләшләр белән зур уртаклык күрсәтә. Татар диалектологлары [х]~ [к] тәңгәллеген урта диалектка хас үзенчәлек дип күрсәтәләр.



Татар сөйләшләренең атласы [6]

Керәшен татарлары сөйләшеннән тыш **[х]~ [к]** күренеше нократкистем [10: 30] һәм пермь [8:13] сөйләшләрендә дә киң таралыш алган. Шулай ук әлеге үзенчәлек Көнбатыш Себер татарлары сөйләшендә дә системалы төс ала [9: 28]. Урта диалектның бәрәңге, казан арты сөйләшләрендә дә бик актив кулланыла. бөре, минзәлә сөйләшләрендә әлеге төр чиратлашу сирәк, аерым сүзләрдә генә күзәтелә [2: 204].

Нагайбәк сөйләшендә ирен-ирен, өрелмәле [w] тартыгының кулланышы Казан татарлары шивәсендә зур урын алып тора [3: 177]. [w] авазы артикуляцион һәм акустик сыйфатлары ягыннан әдәби телдән аерылмый. Нагайбәк сөйләшенә хас **[w] ~[б]** күренеше Витевский текстында да теркәлгән: *багыть* [1: 273] – *әд. вакыт*. Таралышы буенча **[w] ~[б]** күренеше барлык керәшен сөйләшләрендә һәм бастан сөйләшендә таралган [3: 177].

[ф]~[п] күренеше. Татар сөйләшләрендә [ф] авазы хәзерге көндә дә тулысынча үзләштерелеп бетмәгән [3: 177]. Бу сөйләштә дә татар әдәби телендәге ирен-ирен, рус һәм интернациональ телләрдәге ирен-теш өрелмәле [ф] авазы йомык [п] тартыгы белән чиратлаша: *жапырагы* [1: 269] – әд. *яфрагы*, *калямперь* [1: 276] – әд. *кәнәфер*. Бу күренеш шулай ук казан арты, тау ягы, бастан һәм башка керәшен сөйләшләрендә киң таралыш ала.

[ф]~[б] күренеше. [ф] авазы саңгырау [п] авазы белән чиратлашудан тыш, текстта яңгырау йомык [б] авазы белән дә еш чиратлаша: *зиба* [1: 270] – әд. *зифа*, *жепякяй* [1: 269] – әд. *ефәк*. Әлеге үзенчәлек нагайбәк, пермь сөйләшләренә хас [11: 187].

Язмада прогрессив ассимиляция күренеше. Нагайбәк халкының В.Н. Витевский тарафыннан теркәлгән халык авыз иҗаты материалларында пермь [11: 187], минзәлә [11: 219] һәм бөре [11: 246] сөйләшләре өчен хас тел-теш тартыгы, парсыз, сонор [л] авазы урынына тел алды тартыгы, парсыз [н] авазы еш кулланыла: *жондозларъ* [1: 276] – әд. *йолдызлар*, *калямперь* [1: 276] – әд. *кәнәфер*, *йемне* [1: 273] – әд. *ямьле*, *кайынныкта* [1: 275] – әд. *каенлыкта*.

Тартык авазларны төшереп калдыруның очраклары керәшен татарларының сөйләшенең гомумхалык телендәге күренешләрдән санала [7: 69]. Гарәп-фарсы телләреннән татар әдәби теленә кергән ярым йомык, фарингаль, өрелмәле [h] тартыгы нагайбәк сөйләшендәге кебек [2: 207], В.Н. Витевский язмасында да урын алмаган: *ауада* [1: 272] – әд. *һавада*, *гяўярь* [1: 274] – әд. *гәүһәр*. Аерым очракларда [h] авазы яңгырау [г] тартыгына күчә: *айгай* [1: 273] – әд. *ай-һай*, *аждагы* [1: 277] – әд. *аҗдаһа*.

XIX гасырда язып алынган халык авыз иҗаты язма текстлары зур әһәмияткә ия, чөнки аларда шул чор җанлы сөйләм теле чагылыш тапкан. В.Н. Витевский текстларында урын алган фонетик үзенчәлекләрнең (аваз тәңгәллекләре, аваз төшеп калу, өстәлү күренешләре) хәзерге нагайбәк сөйләшендә тотрыклы саклануы ачыкланды.

ӘДӘБИЯТ

1. Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской Губернии // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. II. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 652 с.

2. Юсупов Ф.Й. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре. Казан: Мәгариф, 2003. 350 б.

3. Юсупов Ф.Й. Казан татарлары шивәсе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 993 б.

4. Нагайбаки [Электронный ресурс] // URL:https://clck.ru/39pK36 (мөрәҗәгать итү көне: 12.09.2025)

5. Lingvodoc [Электронный ресурс] // URL: https://lingvodoc.ispras.ru/dicŁtionary/3093/13/perspective/3093/17/view?clckid=eb032937 (мөрәҗәгать итү көне: 09.09.2025)

6. Атлас татарских народных говоров [Электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/34At6G (мөрәҗәгать итү көне: 9.09.2025)

7. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 247 с.

8. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань, 1996. 239 с.

9. Тумашева Д.Г. Көнбатыш себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. 241 б.

10. Борһанова Н.Б. Казан арты керәшен сөйләшләрен төп билгеләре буенча төркемләү. Татар теле һәм әдәбияты. Алтынчы китап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 279 б.

11. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Беренче китап / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретинова һ. б. Казан: Мәгариф, 2008. 463 б.

УДК 81

Панфилова Валентина Михайловна
Казанский федеральный университет
Елабуга, Россия
Panfilova Valentina Michailovna
Kazan federal university
Elabuga, Russia
e-mail: VMPanfilova@kpfu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

LINGUOCULTURAL ASPECT OF INTERGENERATIONAL COMMUNICATION

Аннотация. *Статья посвящена анализу межпоколенческой коммуникации в лингвокультурологическом аспекте. Рассматриваются различия в ценностных ориентирах, языковых практиках и культурных кодах разных поколений. Особое внимание уделяется трансформации языка под влиянием цифровой среды и процессам стереотипизации. Выделяются ключевые проблемные зоны, предлагаются пути преодоления барьеров и сохранения культурного наследия.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of intergenerational communication in the linguacultural aspect. The differences in value orientations, language practices and cultural codes of different generations are considered. Particular attention is paid to the transformation of language under the influence of the digital environment and the processes of stereotyping. Key problem areas are identified, ways to overcome barriers and preserve cultural heritage are proposed.*

Ключевые слова: *коммуникация, лингвокультурология, культурный код, языковая картина мира, культурная идентичность, стереотипизация*

Keywords: *communication, linguoculturology, cultural cod,; linguistic worldview, cultural identity, stereotyping*

Современное общество переживает эпоху глубокой трансформации, вызванной глобализацией, цифровизацией и ускоренной динамикой социальных изменений. Эти процессы затрагивают все сферы человеческой деятельности, в том числе и сферу коммуникации, которая является основным каналом передачи культурных норм, ценностей и опыта. Особое значение приобретает межпоколенческое общение, выступающее важным механизмом преемственности и формирования коллективной идентичности [5].

Однако последние десятилетия показывают нарастающие трудности во взаимодействии между представителями различных поколений. Условно выделяемые когортные группы – «традиционалисты», «бэби-бумеры», «поколение X», «миллениалы» и «поколение Z» – обладают разными культурными кодами, формировавшимися в специфических исторических и социальных условиях. Ускоренная цифровизация и глобализация приводят к тому, что традиционные культурные ориентиры подвергаются пересмотру, а новые формы коммуникации формируют иные модели смыслопорождения [2]. Современные исследования показывают рост коммуникативных барьеров между поколениями, которые затрудняют социаль-

ную консолидацию и влияют на воспроизводство культурных ценностей. Это приводит к появлению лингвокультурологических разрывов, затрудняющих процесс взаимопонимания.

Основными проблемами межпоколенческой коммуникации становятся:

1) различие ценностных доминант, закрепленных в языке;

2) трансформация языковых практик под влиянием цифровой среды;

3) рост стереотипизации через речевые ярлыки;

4) снижение роли языка как хранителя культурной памяти.

Таким образом, исследование лингвокультурологического аспекта межпоколенческой коммуникации представляется актуальной научной задачей, позволяющей выявить закономерности взаимодействия языка и культуры в условиях социокультурной динамики.

Лингвокультурология как научная дисциплина исследует язык в неразрывной связи с культурой [2: 4]. Согласно концепции Ю.М. Лотмана, культура представляет собой семиотическую систему, в которой язык является ключевым механизмом хранения и трансляции смыслов. Следовательно, изменения в языковых практиках напрямую отражают трансформации культурных кодов [3].

Важным методологическим инструментом служит теория культурных концептов [1: 5]. Концепт выступает носителем культурно значимой информации, формирующей мировоззрение представителей определенной общности. Различие интерпретаций одних и тех же концептов у разных поколений иллюстрирует расхождение в ценностных системах. Например, концепт *«успех»*: для представителей «поколения X» он традиционно связан с карьерным ростом и материальным благополучием, в то время как для «поколения Z» успех чаще понимается как личная самореализация, гибкость и баланс между работой и личной жизнью. Эти различия находят прямое отражение в языке: в речи старших поколений доминируют выражения типа *«сделать карьеру»*, *«достичь вершины»*, тогда как молодежь использует формулы *«найти себя»*, *«быть в потоке»*.

Еще в начале 21 века известный американский социолог М. Пренски (M. Prensky) предложил разграничить пользователей Интернета на два типа – концепцию «цифровых аборигенов» (люди, которые пользуются информационными технологиями с первых дней своей сознательной жизни, то есть люди имеют врождённое знание о цифровых технологиях, воспринимают цифровой мир как повседневность, ощущают себя в потоке многозадачности, фактически изначально «живут» в цифровой среде) и «цифровых мигрантов» (люди, которые начинают пользоваться информационными технологиями в уже сознательном возрасте, то есть, вынуждены «мигрировать» в цифровую среду, они не до конца понимают, как устроен цифровой мир). Согласно данной концепции люди, формирующиеся в одном социально-историческом контексте, обладают специфическими языковыми и культурными паттернами [6].

Таким образом, межпоколенческая коммуникация неизбежно предполагает взаимодействие разных «языковых картин мира». Рассмотрим ряд примеров:

1. Различие в цифровых практиках. Молодежь активно использует интернет-сленг: аббревиатуры (имхо (от английского IMHO – In My Humble

Opinion) – «по моему скромному мнению»; лол (от английского LOL – Laughing Out Loud) – «смеюсь громко», «смешно»; краш – по-молодёжному «тот, кто нравится»), англицизмы (лайкнуть, апдейт), эмодзи (также эмоджи, emoji) – появившийся в Японии и распространившийся по всему миру графический язык для передачи эмоций в интернете, где вместо слов используются сочетания картинок, мемы (например, «Умный человек в очках» – пример абсурдного ироничного юмора, в котором веселье появляется от того, что в целом ничего не происходит; «Скебоб» – существо с огромным клювом, большими грустными глазами, короткими волосами и почти без тела, мемы про Скебоба веселят пользователей своей нелепостью и абсурдностью; сокращенные формы (СПС – «спасибо»; ДР – «день рождения»; АСАП – «как можно скорее» (от английского «As Soon As Possible»); АФК – «я не у компа» (от английского «Away From Keyboard»); ГГ – «хорошая игра» (от английского «Good Game»); ПЖ – «пожалуйста»). Старшее поколение, не владея этими кодами, интерпретирует их как «искажение языка». В результате возникают коммуникативные сбои, когда сообщение младшего адресата оказывается семантически «затемнённым» для старшего.

2. Речевые стратегии. Старшее поколение предпочитает развернутые повествовательные формы и нормативность, младшее – фрагментарность, скорость и визуализацию [6]. Эти различия создают впечатление «языкового хаоса» у старших и «избыточной регламентированности» у младших.

3. Стереотипизация через язык. Закрепляются устойчивые ярлыки «молодёжь безответственная», «старики не понимают технологий», усиливающие барьеры. Лингвокультурологический анализ показывает, что они основаны на упрощённых культурных моделях, не отражающих реального разнообразия поколенческих практик.

4. Утрата культурных традиций. Передача культурных норм через язык оказывается затруднённой: традиционные пословицы, идиомы и фразеологизмы перестают использоваться младшими поколениями, заменяясь глобализированными англицизмами или универсальными интернет-мемами. Например, вместо пословицы «Не все то золото, что блестит» чаще используется англоязычная калька «Not everything that shines is gold» или визуальная мем-репрезентация. Это приводит к постепенному снижению роли языка как хранителя культурной памяти. Пословицы и поговорки уступают место глобализированным англицизмам и интернет-мемам.

Различие в интерпретации концептов. Концепт «свобода» для старших связан с социально-политическими изменениями, для младших – с возможностью самовыражения в цифровом пространстве [1].

Для решения указанных проблем важно проработать несколько альтернативных путей:

1. Развитие межпоколенческой культурной компетенции. Необходимы образовательные программы, формирующие у представителей разных возрастных групп понимание культурных кодов друг друга [5].

2. Использование инклюзивных практик коммуникации. Сочетание традиционных и цифровых форм общения (например, использование цифровых архивов пословиц, адаптированных для соцсетей).

3. Сохранение культурного наследия в цифровых форматах. Перевод традиционных жанров речи в медиасферу: создание мемов, видеороликов,

цифровых проектов, которые транслируют культурные ценности в привычной для молодежи форме [3].

4. Организация диалога культурных концептов на образовательных и общественных площадках. Организация дискуссионных площадок, где представители разных поколений обсуждают значимые концепты (свобода, успех, семья) и выявляют сходства и различия в их интерпретации.

Лингвокультурологический анализ межпоколенческой коммуникации демонстрирует, что язык выступает не только инструментом передачи информации, но и важнейшим механизмом формирования культурной идентичности. Современные социокультурные трансформации приводят к ряду трудностей: различию ценностных ориентиров, изменению языковых практик под влиянием цифровизации, закреплению стереотипов и снижению роли традиционных речевых жанров.

Пути преодоления этих проблем связаны с развитием культурной компетенции, внедрением инклюзивных практик коммуникации и сохранением культурного наследия в медиапространствах. Именно лингвокультурологический подход позволяет не только выявить зоны разрыва, но и предложить стратегии построения продуктивного диалога между поколениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А., Шмелев А.Д. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 289 с.

2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 272 с.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.

6. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. MCB University Press, 2001.

УДК 81`27

Пименова Марина Владимировна
Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского
Санкт-Петербург, Россия
Pimenova Marina Vladimirovna
International Humanitarian University
named after P.P. Semenov – Tian-Shansky
Saint Petersburg, Russia
E-mail: MVPimenova@yandex.ru

АЗИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В АСПЕКТЕ ПЕРВОПРИЗНАКОВ

ASIA AS A SYMBOLIC CONCEPT IN THE ASPECT OF ITS ORIGINAL SIGNS

Аннотация. *В статье анализируются первопризнаки символического концепта Азия. В исследовании представлены три версии происхождения онима Азия. Первая и третья версии состоят в том, что слово Азия восходит к имени собственному. Согласно второй версии, Асия восходит к имени небольшой области*

в Малой Азии Assuwa. По четвёртой версии, ассирийское и аккадское слово açû «восток» послужило основанием для образования онима Асия.

Annotation. *The article analyzes the primary signs of the Asia symbolic concept. The study presents four versions of the onym Asia origin. The first and third versions are that the word Asia goes back to a proper name. According to the second version, Asia goes back to the name of a small region in Asia Minor Assuwa. According to the fourth version, the Assyrian and Akkadian word açû "east" served as the basis for the formation of the onym Asia.*

Ключевые слова: *концепт, оним, этимология, мотивирующие признаки, структура концепта, концептуальные исследования*

Keywords: *concept, onym, etymology, motivating signs, concept structure, conceptual research*

Введение. Обращение к теме имён географических объектов и соответствующих концептов – отдельное направление в когнитивной лингвистике. Материк Евразия неравноценно разделен на две части, в которой Азия по объёму гораздо больше Европы (её площадь примерно 43,4 млн км^2). Граница между материковыми зонами Европы и Азии проходит по гребню или восточному подножию уральских гор. Азия омывается тремя океанами: Тихим, Индийским и Северным Ледовитым.

Территория Азии была малоизученной для европейцев вплоть до XIX в. Созданное в 1845 г. Русское географическое общество разворачивает в это время свои исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1856–1857 гг. П.П. Семёнов – Тян-Шанский отправляется на Тянь-Шань. После своего путешествия он представляет первую орографическую схему Тянь-Шаня. В память о его достижениях в изучении гор Тянь-Шаня в 1906 году к его фамилии был добавлен эпитет «Тян-Шанский». Он первым из европейцев поднялся на склоны массива Хан-Тенгри, обследовал западные отроги Заилийского Алатау. В это же время в Центральную Азию отправляется Н.М. Пржевальский с целью географических и естественно-исторических исследований.

Слово *Азия* пришло в русский язык из других языков. На заимствование слова *Азия* указывают все этимологи. М. Фасмер считает, что слово не так давно пришло из польского (Azja), куда попало из немецкого (Asien) [10: 63]. В древнерусском слово звучало немного иначе – *Асия*, которое этимолог возводит к греческому имени ‘Ασία [там же]. Оним *Ассия* (в этой огласовке) используется А.Н. Радищевым в его «Путешествии из Петербурга в Москву»:

Ассия (Азия) в XVIII в. считалась родиной варварства, рабства и деспотизма.

Зверский обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко.

Оним *Асия* встречается на картах разных стран. Город в Японии в префектуре Хёго носит это имя (Ashiya).

Асия – это ещё и арабское имя собственное, переносном значении означает «непокорная, непослушная; жена фараона». Асия – место проис-

хождения, на это указывают соответствующие слова – персидское (آسیا), греческое (Ασία), латинское (Asia). Все они означают «из Азии». При этом латинское слово *Asia* объясняется точно так же: «из Азии (т. е. страны восходящего солнца)» [4].

Литературный обзор. Из просмотренных 15 этимологических словарей русского языка и словарей иностранных слов только четыре содержат статью «Азия» (см. приводимую ниже таблицу и список литературы).

Результаты и обсуждение.

Цель статьи – описать варианты происхождения онима *Азия*, являющегося именем соответствующего концепта. Задачи статьи: 1. Выявить варианты происхождения слова *Азия*, вербализующего концепт; 2. Определить первопризнаки концепта *Азия*; 3. Среди первопризнаков отыскать символические признаки концепта *Азия* в русской лингвокультуре.

Актуальность предпринятого исследования заключается в обобщении мотивирующих признаков концепта *Азия*, которые включают в свой состав символические признаки. Научная новизна работы состоит в первом опыте изучения первопризнаков концепта *Азия*.

Обратимся к версиям происхождения слова *Азия*.

Первая версия. В Греции имя Ἀσία, давшее название второй части света, было у дочери Океана и Фетиды, супруги Иапета, матери Прометея, Эпиметея, Атласа и Менелая. Об этом пишет Гесиод в «Теогонии» (Hes. theog. 359). Им же высказывается иное мнение, что матерью Прометея, Эпиметея, Атласа и Менелая была океанида Климена (Hes. Theog. 507–511). Об этих вариантах повествуется в энциклопедии «Мифы народов мира» [9: 477].

В греческой мифологии об Асии рассказывает Апполодор как о супруге титана Иапета, их сыновьями он объявляет Прометея, Менетия, Эпиметея и Атланта (Apollod. I 2, 2). В ещё одном варианте говорится об океаниде Асии – жене Прометея [7: 44]. Третий вариант утверждает, что Асия – дочь Прометея (Hdt. 4, 45). В четвёртом варианте утверждается, что Асия – нереида (Hygin. praef. 2). Этот вариант считается результатом ошибочного чтения текста Вергилия [5: 32]. Нереидами (др.-греч. Νηρηίδες) в греческой мифологии были морские божества, нам они более известны как нимфы. Нереидами они зовутся, т.к. являются дочерями Нерея и океаниды Дориды. Нимфы сопровождают бога моря Посейдона. По характеру они дружелюбны. Именно они помогли аргонавтам в поисках Золотого руна.

Ко времени Геродота утвердилось обозначение онимом *Асия* (*Азия*) части света в отношении Анатолии или Персидской империи. Эта версия не объясняет, почему греки использовали чужой язык для создания этого онима.

Вторая версия. А.Е. Аникин указывает время появления слова *А́зия* в русском языке – в 1710 г. Помимо этимологии М. Фасмера, А.Е. Аникин приводит еще один вариант происхождения этого слова: из лат. Asia < греч. Ἀσία < ? хетто-лув. Assuwa, название небольшой области в Малой Азии (сейчас это территория Турции). Царство Ассува в хеттскую эпоху располагалось в северо-западной части Малой Азии. Позже Ассува становится конфедерацией государств на западе Анатолии. Создание этой

конфедерации обусловлено войной против хеттов. Ассува всё же была завоевана хеттами во главе с царём Тудхалией IV около 1230 г. до н. э., об этом повествуют анналы этого царя. Тудхалия IV (хет. Tudḫaliya – Тутхалияс) Хешми-Шаррума – царь Хеттского царства, время его правления 1250–1230 гг. до н. э. В греческой мифологии это царство персонифицируется в образе царя Асия, союзника троянцев.

В ходе греческой колонизации название Ασία распространилось сначала на Малую Азию, а затем на восток от нее [6: 113]. Процесс заимствования слова проходил по следующим этапам: др.-рус., рус. стар. *Асия*, ст.-укр. *Асія* < ст.-слав. Асиа < греч. [Там же]. Онимом Assuwa называли раньше восточный берег Эгейского моря. Только в эпоху завоеваний Александра Македонского Асией стали обозначать совокупность земель к востоку от Греции.

Третья версия происхождения. Асий (Азий, др.-греч. Ἄσιος) – персонаж древнегреческой мифологии, участник Троянской войны. Асий – сын Гиртака. Гомер писал о нем так:

Асий Гиртаков; его из Арисбы огромные кони Огненной масти примчали… Гомер. Илиада, 320.

Родился Асий в городе Арисба. Этот город был союзником Трои. Убит Идоменеем (греч. Ἰδομενεύς) – критским царем, внуком Миноса, сыном Девкалиона (Гомер. Илиада II, с. 837). Ф.Т. Любкер приводит полное имя Asĭus Самосский [5].

Версия маловероятна. Имя Асия среди иных имён героев Троянской войны сильно не выделяется, чтобы послужить основанием для именования целой страны света.

Четвёртая версия. Согласно четвёртой версии, русское *Азия* восходит к финикийскому или древнеассирийскому *açû* «восход, восток» [10: 63]. Это слово встречается у Гомера: Ἄσιος λειμών (Homer Il. 2, c. 461). Вариантом этой версии выступает предположение, что латинское Asia происходит от греческого Ἀσία, образованного от аккадского глагола *asu* «выходить, подниматься», употреблявшегося в этом значении по отношению к солнцу с 1300 г. Азия, таким образом, «страна восхода солнца».

В античном мире было узкое толкование слова *Азия* (Асия). Азией «считались лежавшие против Греции малоазийские области (Asia minor), о которых упоминал ещё Гомер; из этих областей была образована римская провинция Азия» [2: 18]. Онимом Ἀσία греки именовали территории, известные сейчас как Малая Азия. Плиний применял это имя по отношению ко всему континенту [11]. Эта версия представляется тоже не совсем удачной, и она вызывает вопросы: если этот оним придумали ассирийцы, то почему словом «восток» названа территория, находящаяся на западе от Ассирии? [3].

Сочетание *Ма́лая Азия* пришло из немецкого: *Kleinasien*, которое соотносится с греческим *Μικρὰ Ἀσία*, латинским *Asia Minor*, откуда пришло в польский *Azja Mniejsza* [10: 63]. В русском языке встречалось выражение *меншая Азия*, во французском *Asie mineure*.

Римский историк Марк Юниан Юсти́н (Marcus Iunianus Iustinus) использует два онима *Asia minor* и *Asia maior*. У римлян словом *Asia* обозначалась не только самая большая часть света, но и римская

провинция Азия – *Asia propria* или *proprie dicta* с главным городом Пергамом.

На основе анализа четырёх этимологических словарей, включающих статью «Азия», были выделены следующие мотивирующие признаки анализируемого концепта.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *Азия*

№	Мотивирующие признаки	Аникин А.Е.	Лебедев В.	Фасмер М.	Etymonline.com
1.	‘Assuwa’ (хетто-лув.)	+	+	–	–
2.	‘восток’	–	–	+	–
3.	‘восход’	–	–	+	–
4.	‘выходить’	–	–	–	+
5.	‘подниматься’	–	–	–	+

По данным этимологических словарей, у концепта *Азия* пять мотивирующих признаков. Все они связаны с солнцем – его появлением над горизонтом (‘восход’, ‘выходить’, ‘подниматься’) и стороной света, где солнце поднимается утром (‘восток’). Вторичным признаком является название страны, расположенной на востоке от Греции (‘Assuwa’). Так по аналогии называется Япония в России – Страна восходящего солнца (кстати, тоже относящаяся к Азии):

Потом выступили японцы, напомнив, что Страна восходящего солнца в Азии – это именно Япония. А. Тарасов. Миллионер (2004).

Рассмотрим вопрос об актуализации мотивирующих признаков концепта *Азия* в контекстах. Для этого используем данные НКРЯ:

1. ‘восток’. Этот признак встречается в статье «Объ остаткахъ города Пальмиры», опубликованной в периодическом издании «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года»:

А Зиновія по смерти своего мужа завоевавъ Египетъ и нарочитую часть малой Азіи вознамѣрилась завладѣть всѣмъ востокомъ: то городъ Пальмира скоро учинился бы столицею равно какъ и другіе въ наисильнѣйшихъ государствахъ городы, ежелибъ Императоръ Авреліанъ не пресѣкъ сихъ дальныхъ намѣреній побѣдами своими.

Азия на современной географической карте – это и есть восток. Азия символизирует собой восток:

Неужели грозные вулканы Италии говорят нам о причинах страшного переворота, когда разорвалась здесь земля; огонь и вода в кипении борьбы отодвинули на юг Африку и зажгли над нею пламенные лучи солнца, на восток – Азию и велели ей быть колыбелью человечества, на север – Европу и сохранили ее, как страницу, на которой человек должен вписать свою последнюю историю? Н.А. Полевой. Иоанн Цимисхий (1841).

2. ‘восход’. Уже в XIX в. этот признак используется в качестве основы для создания политической метафоры:

По смерти Шир-Али, с появлением в афганском туркестане нового кандидата на кабульский престол Абдурахман-хана, Бадахшан первый

признал его верховные права, тогда как маленький Шугнан видимо игнорировал восход новой звезды на политическом небосклоне Средней Азии. Д.Л. Иванов. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы, № 6. 1885.

3. ‘выходить’. Ассирия – слово, содержащее корень *ас*. Ассирия – часть Асии (Азии). Она не выходит из её пределов:

Первое, Ассиро-Вавилонское царство не выходило из пределов Передней Азии, поддерживалось беспрестанными опустошительными походами и законодательствовало лишь военными приказами. В.С. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899).

4. ‘подниматься’. В XIX в. происходит переосмысление этого признака и на его основе появляются метафоры расцвета:

Характер явления высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азия, Скифия на великороссийские города, против европейской России, которая, несмотря на все препятствия, создала из себя крепкое государство и теперь с величайшим трудом, с страшным напряжением сил стремилась дать ему решительный европейский характер. С. М. Соловьев. Петровские чтения (1871).

Мотивирующий признак ‘Assuwa’ в текстах из НКРЯ не встретился в силу устаревания названия страны и вытеснения этого слова из лексикона.

Азия символизирует солнце. Для русскоязычных текстов границы Азии в аспекте этого символа сужаются до пределов Средней Азии. Солнце этого региона греет, согревает, отогревает своими лучами всех, кто там живёт, и кто там оказался по воле случая:

Однако солнце Средней Азии недолго грело нас. В.Н. Вещунов. Дикий селезень. Повесть в рассказах (1987).

Солнце здесь раскалённое. Оно меняет видимое пространство из-за зноя:

И днем, при раскаленном солнце Средней Азии, когда птицы разевают клювы и не в силах подняться в воздух и белый песок нельзя взять – ладони жжет, а купола Биби-Ханым, Регистана или Гур-Эмира слепят глаза своей голубой лазурью, рассчитанной мудрыми мастерами, видимо, на этот зной среднеазиатского солнца. В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000).

В российском дискурсе слово *Асия* встречается в переводе с французского языка книги Ф. Блонделя «Новая манера укреплению городов», сделанного И.Н. Зотовым в 1711 г.:

По томъ предложїлъ я имъ, что въ трехъ болшїхъ частехъ свѣта, то есть, во азїи, афрїкѣ, и америкѣ, нѣсть нїедїнаго мѣста достоїнаго, названїся фортецїя, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ въ восточнои и западнои їндїяхъ, эvропїяны построенныхъ, но и тѣ не велїкаго бы разсужденїя между нами были.

Данные НКРЯ при расширении временных границ показывают более раннюю дату фиксации слова *Азия*. Это слово встречается у Андрей Курбского в его «История о великом князе Московском», датируемой 1564–1583 гг.:

И не токмо (…) кони рускихъ сынов во Азии с текущих рѣкъ напишася – с Танаиса и Куалы и с протчихъ, но и грады тамо поставишася.

Слово *Азия* в русскоязычном дискурсе активно как в XVI, так и в XVII в.:

Прилучися паки, что ѣхалъ морем из единаго доброзрячного вертограда, по которой есть к Черьному морю во Азии, повелѣ судно припустити к брегу, ко овому астрологу и вертограду, идѣже пребывает. Повесть об астрологе Мустаеддыне (1670-е).

Изменение заданных рамок приводит нас к более раннему времени фиксации слова *Азия* в русскоязычных текстах. По запросу «Распределение результатов поиска по датам (частота употребления слова *Азия* на миллион словоформ) с 1125 по 1731», НКРЯ показывает следующие результаты: слово *Азия* встречается с 1564 г.

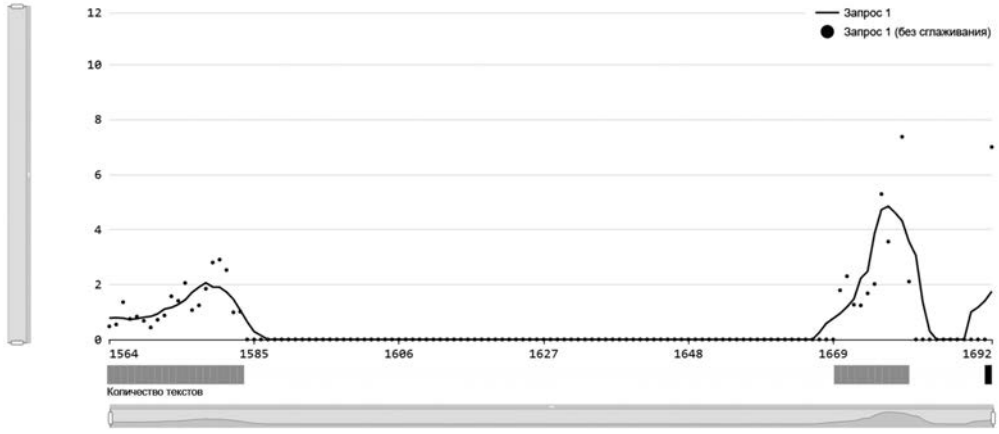


Схема 2. Частота встречаемости слова *Азия* (Асия) в русских текстах (с 1125 по 1731 г.).

Ниже приводится ещё одна схема встречаемости слова *Азия* в англоязычных текстах разных периодов [11]. Как видим, на схеме первое употребление этого слова относится к 1800 г.

Схема 3. Тенденции употребления слова *Asia* «Азия» в англоязычных текстах.

В русском языке слово *Азия* появляется не в те сроки, которые указываются словарями, а гораздо раньше – во второй половине XVI в. Точная дата 1564 г. Автором текста является Андрей Курбский. В англоязычных текстах слово *Asia* «Азия» упоминается гораздо позже – на стыке XVIII – XIX вв.

Заключение. Слово *Азия* прошло долгий путь, пока появилось в русском языке. По предположению этимологов, слово *Азия* появилось в хеттско-лувийском языке как название небольшой области Assuwa, располагающейся напротив Греции. За счёт колонизации земель Александром Македонским это слово перекочевало в греческий, затем в старославянский и только потом в древнерусский и староукраинский (по другому варианту, в латынь, затем в немецкий, потом в польский, и только потом – в русский). По М. Фасмеру, родиной слова *Азия* была *Ассирия*, где слово *асу* означает «восход, восток».

ЛИТЕРАТУРА

1. Азия (Asia) // Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей: в 3 т. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 1. С.194, 354; Т. 2. С. 325, 374, 380; Т. 3. С. 32, 384.

2. Азия // Словарь античности. М.: Эллис Лак, Прогресс, 1994. С. 17–18.

3. Азия // Словарь-справочник «Непростые слова» / Редакция портала «Грамота.ру» [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/slovar-spravochnik-neprostye-slova/aziya (дата обращения: 11.04. 2025).

4. Имя Азия [Электронный ресурс]. URL: https://imya.com/name/662 (дата обращения: 11.04. 2025).

5. Любкер Ф.Т. Реальный словарь классических древностей / под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта. 1914. [Электронный ресурс]. URL: https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=260438650 и https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/8031/Асий (дата обращения: 11.04. 2025).

6. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. В. (а – аяюшка). М. Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 368 с.

7. Лебедев В. Этимологический словарь мирового русского языка. Т. 1. А–В. «Издательские решения». Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero. [Электронный ресурс]. URL: https://flibusta.su/book/83408-etimologicheskiy-slovar-mirovogo-russkogo-yazyika-tom-1-av/ (дата обращения: 11.04. 2025).

8. Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1125 по 1731 г слова Азия // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/results?search=Cs8BEpwBCpkBChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJpChEKA2xleBIKCgjQkNC30LjRjwoKCgRmb3JtEgIKAAoLCgVncmFtbRICCgAKCQoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgwKBnN5bnRheBICCgAKCwoFZmxhZ3MSAgoAKicKCAgEAoYMiAKEAUgAEAFSgdjcmVhdGVkagQwLjk1eACYAQGgAQEyAggBOgEF (дата обращения: 11.04.2025).

9. Тахо-Годи А.А. Иапет // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. I. С. 477.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с.

11. Etymonline.com. Online Etymology Dictionary. [Electronic resources]. URL: https://www-etymonline-com.translate.goog/word/Asia?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=rq&_x_tr_hist=true (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 81`27

Пименова Марина Владимировна
Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского
Санкт-Петербург, Россия
Pimenova Marina Vladimirovna
P.P. Semenov–Tyan-Shansky International University for the Humanities
Saint Petersburg, Russia
e-mail: MVPimenova@yandex.ru
Крестьянинова Александра Алексеевна
Московский финансово-промышленный университет Синергия
Москва, Россия
Krestyaninova Alexandra Alekseevna
vbkSynergy Moscow University of Finance and Industry
Moscow, Russia
e-mail: akrestyaninova89@gmail.com
Хакиева Залиха Усмановна
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Чеченский государственный педагогический университет
Грозный, Россия
Khakieva Zalikha Usmanovna
Kadyrov Chechen State University, Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
e-mail: zalikha_khakieva@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ «СЫН ОТЕЧЕСТВА» В ДИСКУРСЕ Н.М. КАРАМЗИНА

CONCEPTUAL METAPHOR AND CONCEPTUAL METONYMY “SON OF THE FATHERLAND” IN THE DISCOURSE OF N.M. KARAMZIN

Аннотация. *В статье описываются способы актуализации когнитивной модели «сын Отечества» в дискурсе Н.М. Карамзина – известного историка и публициста XIX в. Когнитивная модель «сын Отечества» в произведениях Н.М. Карамзина реализуется как через концептуальную метафору родства (сын своего государства), так и через метонимический перенос (сын своего отца-правителя государством = наследник престола).*

Annotation. *The article describes the ways of actualizing the cognitive model “son of the Fatherland” in the discourse of N.M. Karamzin– a famous historian and publicist of the 19th century. The cognitive model of the “son of the Fatherland” in N.M. Karamzin’s works is realized both through the conceptual metaphor of kinship (the son of his state) and through metonymic transference (the son of his father, the ruler of the state = heir to the throne).*

Ключевые слова: *когнитивная модель, метонимия, метафора, дискурс, терминология родства, концептуальные исследования*

Keywords: *cognitive model, metonymy, metaphor, discourse, kinship terminology, conceptual research*

Цель статьи – описать способы объективации когнитивной модели «сын Отечества» в произведениях Н.М. Карамзина через концептуальные метафоры и концептуальную метонимию. Термины родства, вербализующие когнитивные модели, представляют собой сложившиеся стереотипы лингвокультуры. Задачи статьи: 1. Описать языковой материал из произведений Н.М. Карамзина в аспекте объективации данной когнитивной модели в XIX в., определить среди них концептуальные метафоры и концептуальную метонимию; 2. Выявить смысловые закономерности её актуализации; 3. Сопоставить смыслы, закладываемые в эту когнитивную модель, с тем, что было свойственно для лингвокультуры в предшествующий период в XVIII в., когда эта модель проявилась в русской языковой картине мира.

Актуальность предпринятого исследования заключается в обобщении того содержания, которое вкладывает Н.М. Карамзин в изучаемую когнитивную модель. Научная новизна работы состоит в первом опыте описания концептуальной метафоры и концептуальной метонимии «сын Отечества» в дискурсе Н.М. Карамзина.

Российский дискурс XIX в. складывается под влиянием тех значимых произведений, которые появляются в данное время. Такие произведения носят фундаментальный характер и оказывают воздействие на умы писателей, поэтов, философов, историков. К числу таких произведений относится «История государства Российского» Н.М. Карамзина. О труде этого историка отозвался П.А. Вяземский так: «На нашем веку литературное первенство долго означалось в лице Карамзина» [1: 197].

Проанализируем когнитивную модель «сын Отечества» в произведениях Н.М. Карамзина. Материал исследования взят из трудов Н.М. Карамзина [3; 4; 5].

Большое влияние на умы просвещенных граждан России в этот период оказал Н.М. Карамзин. В его публикациях рисуется образ настоящего сына Отечества. В сочинениях этого общественного деятеля особый пафос высказывается в сторону патриотизма: «Карамзин превознес патриотический пафос идей классицистов и развил его с особенной силой в своих исторических произведениях, исполнив при этом нравственно-патриотический долг перед отечеством» [2: 152].

Н.М. Карамзина можно назвать отцом идеи патриотизма в российском медиапространстве. Этот публицист описывает феномен патриотизма, обосновывает его существование чувством долга перед государством, эти черты характера необходимо воспитывать у каждого достойного гражданина:

Я говорил только о счастии заниматься воспитанием детей; но с другой стороны, оно есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных сынов отечества. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802).

Воспитание – основная функция родителей в семье. Акцент воспитания Н.М. Карамзин делает на морально-нравственных качествах потомков, которые будут достойно представлять свою страну. Упор в сочинениях публициста делается на идее власти и самодержавия, способных правильно

управлять народом: «Нравственно-патриотический идеал Н.М. Карамзина проявлялся в строгой убежденности историка в благодетельности самодержавия для Руси и русского народа при добродетельном их взаимоотношении» [2: 152].

В руках государственных деятелей находятся рычаги образования. Согласно Н.М. Карамзину, обучение должно включать в себя не только передачу знаний, но и воспитание гражданских чувств, среди которых главное место занимает патриотизм – любовь к Родине:

Не везде ли начальства желают способствовать успехам воспитания и просвещения, которое есть не только источник многих удовольствий в жизни, но и самой благородной нравственности; которое образует мудрых министров, достойных орудий правосудия, сынов отечества в семействах, рождая чувства патриотизма, чести народной гордости; и без которого люди служат только одному идолу подлой корысти. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802).

Представитель страны – тот, кто достоин этого звания. Среди эпитетов *сынов Отечества* у Н.М. Карамзина превалируют оценочные: *истинные, достойные, знаменитые, добрые*:

Добрые сыны отечества с горестию угадывали следствия. История государства Российского: Том 3 (1808–1818).

Н.М. Карамзин использует сложившуюся в XVIII в. традицию метонимического и метафорического переноса значений выражения *сын Отечества*. В его сочинениях мы находим:

1. Патерналистское обоснование изучаемой когнитивной модели: отец воспитывает достойных сыновей семейства, а, значит, Отечества. В данном случае речь идёт о метонимическом переносе значения соответствующего выражения и, соответственно, о концептуальной метонимии:

И правом на общественную благодарность: ибо нежный отец семейства есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802).

Правители страны (князья, цари, императоры) имеют своих сыновей. В их лице описываются как сыны своих отцов, правящих страной, так и сыны Отечества – государство видится через его представителя того времени – князя, императора, государя – правителя:

Все граждане собрались на вече и немедленно отправили послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что киевляне, изгнав государя законного, признают вину свою; но как Изяслав ведет с собою врагов иноплеменных, коих жестокость еще памятна россиянам, то граждане не могут впустить его в столицу, и прибегают в сей крайности к великодушию достойных сынов Ярослава и отечества. История государства Российского: Том 2 (1806–1818).

К истинно отцовским чертам Н.М. Карамзин относит нежность и добродетельность, которые, по мнению историка, способствуют правильному воспитанию своих сыновей. Отец с дурными качествами этого сделать не может – у него нет необходимых для этого навыков, ему нечего передать своим детям, потому что он не вписывается в категорию сына Отечества:

Дурной гражданинъ своего края, дурной отецъ своего сѣмейства, не можетъ быть добрымъ сыномъ Отечества. О истинной и ложной любви къ Отечеству // Благонамѣренный. № 9, 1818.

Следует отметить, что для Н.М. Карамзина метонимический перенос имеет заметное значение в реализации исследуемой когнитивной модели:

Ярослав, могущественный и самодержавный подобно Св. Владимиру, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского, как присяжники и знаменитые слуги его. История государства Российского: Том 3 (1808–1818).

Описывая историю России, он обращает внимание и на роль матерей в воспитании истинных сынов своего Отечества:

Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприяла решить судьбу отечества. История государства Российского: Том 6 (1811–1818).

Н.М. Карамзин продолжает тенденцию XVIII в. и уделяет особое внимание сыновьям правителей государства, на которые возлагает надежду весь народ:

Великий князь, его семейство, бояре, народ встретили добродетельного митрополита как утешителя Небесного, и – что было всего трогательнее – осьмилетний сын Иоаннов, Димитрий, в коем расцветала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви к Алексию, проливая слезы, говорил ему с необыкновенною для своего нежного возраста силою… История государства Российского: Том 4 (1808–1820).

2. Метафорический перенос используется публицистом в значении «гражданин»:

ПЕТРА Великого погребаем! … и теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдают с ним! Пантеон Руских Авторов // «Вестник Европы», 1802.

Как показывает языковой материл, в произведениях Н.М. Карамзина доминирует концептуальная метафора «сын Отечества». Концептуальная метонимия занимает важное, но не первое место в ряду способов актуализации соответствующей когнитивной модели.

Историком формируется устойчивая понятийная категория, в которой чётко обозначаются границы характеристик тех, кого можно назвать *сыном Отечества*. Среди основных качеств таких людей называется сила, добродетель ответственности, благодарность и честь, благородная нравственность, верность, усердие и великодушие:

…клятва великая и святая, которою Сенатор навсегда обрекается быть живым органом государственной добродетели, и делается в глазах каждого Россиянина истинно знаменитым сыном отечества: ибо великие обязанности делают человека знаменитым, предполагая в нем особенную силу или добродетель для их исполнения. Известия и замечания // «Вестник Европы», 1802.

Сей верный сын отечества, довольный спасением города, посвятил Небу последние минуты жизни: он скончался монахом. История государства Российского: Том 5 (1809–1820).

С сею хартиею Кетлер возвратился в Ливонию как с трофеем: ободрил чиновников и граждан; ручался за верность короля и за успех; требовал только усердия и великодушия от истинных сынов отечества. История государства Российского: Том 8 (1815–1820).

Под эту категорию подпадают воины и мудрые министры. Воины добывают славу отечеству своим оружием, расширяя границы своего государства:

Будьте уверены, что все истинные сыны отечества между воинами одобрят такие уставы, все, кроме весьма немногих людей, которые, может быть, считают Францию воинскою добычею… Истинный смысл народного согласия на вечное Консульство Наполеона Бонапарте. Сочинение Камиля Жордана // «Вестник Европы», 1802.

Воинская слава и доблесть превалируют над другими мужскими качествами, они превозносятся и превозносятся:

Туда стремились взоры и сердца сынов отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пешие, не многие в доспехах, все с мечом или копием и с ревностию. История государства Российского: Том 12 (1824–1826).

Добывать славу своему государству можно, объединившись со своими союзниками. Так действовали как отечественные войска, так и войска неприятеля:

Сигизмунд объявлял, что извлекая меч на Шуйского за многие неприятельские действия россиян, спасает тем конфедератов, уже малочисленных, изнуренных долговременною войною и теснимых соединенными силами москвитян и шведов; ждет добрых сынов отечества под свои хоругви, забывает вину дерзких, обещает всем жалованье и награды. История государства Российского: Том 12 (1824–1826).

Долг каждого взрослого мужчины – служить своему Отечеству. Долг каждой матери – сохранить жизнь своему сыну, рожденному, чтобы выполнить свой долг перед народом:

…всякая мать <…> обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. История государства Российского: Том 1 (1803–1818).

Достойным сынам Отечества воздвигают статуи и ставят их на площадях больших городов. Так общество отдает дань почтения тем, что отстоял свободу и независимость своего народа:

Всякая из них называется именем провинции Соединенных Областей и примыкает к большой площади, которая будет украшена статуями достойных сынов отечества. Общества в Америке // «Вестник Европы», 1802.

Н.М. Карамзин не употребляет устаревший эпитет *прямой* по отношению к *сынам Отечества*. Вместо него мы находим у него выражение *добрый сын Отечества* в значении «настоящий, добродетельный»:

В сем случае новогородцы поступили как истинные, добрые сыны отечества: не хотев взять участия в междоусобии, они прислали своего

посадника Мирослава и наконец епископа Нифонта, обезоружить князей словами благоразумия. История государства Российского: Том 2 (1806–1818).

Выводы. Таким образом, в самом начале XIX в. когнитивная модель «сын Отечества» реализует следующие смыслы: 1. Патриот; 2. Гражданин. Популяризатором этой когнитивной модели в данный период выступает Н.М. Карамзин, и его 12-томный труд оказывает заметное влияние на литераторов и просветителей этого времени. Историк не приводит такие эпитеты, как *верные* (*верноподданые*), *славные, любезные, благородные, разумные, заслуженные, лучшие, именитые, твёрдые, ревностные*, в отношении сынов Отечества. Если в XVIII в. к сынам Отечества относили воинов, литературных деятелей, представителей науки и искусства, то Н.М. Карамзин сужает этот круг до военных деятелей, принесших славу своему государю и государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2: Литературно-критические статьи. 383 с.

2. Казимова И.И. Особенности нравственно-патриотического идеала А. С. Пушкина и Н.М. Карамзина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 3(41). С. 150–158.

3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника: повести. М.: Правда, 1982. 608 с.

4. Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М.: Правда, 1989. 768 с.

5. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.

6. Сочинения Карамзина. История государства Российского: в 12 т. Изд. 6-е. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1851–1853. (Полное собрание сочинений русских авторов).

УДК 81`27

Пименова Марина Владимировна
Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского
Санкт-Петербург, Россия
Pimenova Marina Vladimirovna
International Humanitarian University
named after P.P. Semenov – Tian-Shansky
Saint Petersburg, Russia
E-mail: MVPimenova@yandex.ru
Родионов Виталий Алексеевич
Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина
Москва, Россия
Rodionov Vitaly Alexeevich
Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin
Moscow, Russia
E-mail: soluvi@yandex.ru
Турганалиева Ганмиркун Ганмирхановна
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
Уральск, Казахстан
Turganalieva Ganmirkun Ganmirkhanovna
West Kazakhstan University named after M. Utemisov
Uralsk, Kazakhstan
E-mail: ganna@tgg@mail.ru

КОНЦЕПТ ОТЕЦ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

THE CONCEPT OF FATHER THROUGH THE PRISM OF MOTIVATING SIGNS

Аннотация. *В статье представлен анализ мотивирующих признаков концепта отец в русской лингвокультуре. В работе приводятся два варианта этимологии слова отец – основного вербализатора изучаемого концепта. В первом варианте утверждается, что суффикс -ьць – уменьшительно-ласкательный, что привносит свою коннотацию в семантику производного отец. Второй вариант – суффикс -ьць содержит коннотацию почтения, что отражается в значении слова отец. В результате изучения десяти этимологических словарей и статьи А.А. Шахматова у концепта отец было выделено 18 мотивирующих признаков.*

Annotation. *The article deals with the analysis of the concept father motivating signs in Russian linguoculture. The work presents two versions of the word father etymology, the main verbalizer of the concept under study. The first version states that the suffix -ьць is a diminutive, which brings its connotation to the semantics of the derivative father. The second version states the suffix -ьць contains a connotation of respect, which is reflected in the meaning of the word father. 18 motivating signs were identified for the concept father as a result of studying ten etymological dictionaries and the article by A.A. Shakhmatov.*

Ключевые слова: *концепт, мотивирующие признаки, концептуальные исследования, языковая картина мира, лингвокультурология*

Key words: *concept, motivating signs, conceptual research, language picture of the world, linguoculturology*

Введение. Обращение к теме имён родства обусловлено необходимостью анализа их в русле концептуальных исследований. Неоднозначность трактовок языковедов, в том числе этимологов, относительно развития семантики слова и его происхождения приводит к возможности их глубокого анализа в рамках привлечения новых языковых фактов из других языков, в том числе тюркских.

О терминах родства в лингвистике писали многие учёные. Однако только сейчас исследователи стали обращаться к теме родства в аспекте лингвокультурного изучения. О.Н. Трубачёв пишет: «Тесная связь между членами рода и единое кровное происхождение большинства их (за вычетом фактов экзогамии) находили, как известно, выражение в том, что каждый род знал своего предка. Развившиеся на такой почве воззрения могут, очевидно, объяснить тот факт, что индоевропейская терминология родства знает единые названия отца, матери, но даёт сбивчивые, несогласные показания о конкретных названия восходящего кровного родства: дед, бабка и т. п. Это можно объяснить, что при родовом строе каждый кровный родич по восходящей линии (т. е. реальный отец, дед, прадед) мог считаться отцом любого младшего кровного родича, т. е. реального сына, внука, сына, правнука» [16: 25–26].

Материал исследования. Для верификации данных в качестве материала исследования было использовано десять этимологических словарей русского языка и статья А.А. Шахматова 1911 года на немецком языке (см. список литературы).

Литературный обзор.

В современном языкознании отмечен ряд исследований как отдельно концепта *отец*, так и его в связке с другими концептами. Концепт «отец» сопоставлен в тувинской, русской и американской лингвокультурах А.П. Лопсан [8: 480–486]. А.Т. Баянова представила особенности вербализации концепта «отец» в проклятиях калмыков [1: 994–1003].

Г.М. Гимашева обратилась к теме индивидуально-авторской картины мира Мустая Карима, сопоставив башкирское концепты «Отец» («Ата») и «Сын» («Ул») [4: 62–67]. Лю Инкунь рассмотрела концепт «отцовство», отображенный в языковом сознании русского и китайского народа [9], Го Лихун, Ф.Э. Абдуллаева – связку концептов «отец» и «сын» на материале русских и китайских пословиц [5: 1061–1068], С.В. Бурдун – связку концептов «мать», «отец» и «дети» на материале кубанских фразеологизмов [3].

Русские и англоамериканские лингвокультурные концепты «отец» и «мать» описала Т.В. Борисенко [2: 47–55]. А.Ю. Пономарёва сравнила связку концептов «отец» и «мужское начало» в индивидуально-авторской картине мира Генриха Белля [11: 124–133]. М.В. Пименова, М.М. Досумова, А.Ж. Бейсенова сопоставили концепты «отец» и «атаман» в русской лингвокультуре [10: 121–124].

Среди всего многообразия представленных работ отсутствуют исследования мотивирующих признаков концепта *отец* в русской лингвокультуре. В этом состоит научная новизна статьи. Актуальность статьи заключается в обобщении фактов этимологии в отношении основного вербализатора изучаемого концепта для определения фундамента его структуры.

Результаты и обсуждение.

Цель статьи – через обращение к этимологии слова *отец* определить мотивирующие признаки одноимённого концепта. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1. Определить варианты объяснения происхождения слова *отец*, вербализующего концепт; 2. На основе анализа этимологических словарей выявить весь набор мотивирующих признаков концепта *отец*.

Слово *отец* определяется как «мужчина по отношению к своим детям» [18: 282]. Среди этимологов нет общего мнения о времени появления слова *отец* в русском языке. М.Н. Свиридова настаивает на X–XI вв. [14: 247].

В русском языке XI–XVII вв. известны две формы: *отьць, отецъ*. В словарях слово *отец* фиксируется с 1704 г. Некоторые историки языка уточняют, что индоевропейская форма *ät- произошла из «детского лепета; ср. подобного происхождения *мама, няня, дядя* и др.» [12: 668]; праславянское слово *отьць – производное с суффиксом -ьць от корня *от-, восходящее к индоевропейскому *ăt- «отец, мать», это слова детской речи [21: 87].

Обратимся к этимологии слова *отец*. Л.В. Успенский отмечает, что в индоевропейских языках понятие «родитель» выражалось словом, к которому восходят французское père, немецкое Vater, латинское pater. М. Фасмер приводит эту форму: и.-е. *pətēr [17: 170].

Первый вариант истолкования. В индоевропейских языках параллельно «существовали ласкательные названия отца, соответствующие нашим “тятя”, “батя”, например древнегреческое áтта» [22]. Слово образовано суффиксальным способом: «-ьць < -ькъ от *отъ “отец” (ср. др.-русск. *отьнъ* “отеческий” с суф. -ьн-, лат. atta, алб. at, хеттск. atta и т. д.)» [20: 318]. А.К. Шапошников отмечает словообразовательную модель, по которой образовано слово: она аналогична рус. *брат – братец, пёс – песец* [21: 87]. Уменьшительно-ласкательный суффикс этого слова производил первоначально значение «*папа, папка, папаша, папенька, тятенька* и т. п.» [12: 669]. Эта тенденция наблюдается и в других европейских языках: гр. ἄττα «папа, папаша», лат. atta «папаша – обращение детей к отцу», гот. atta «отец», attila «папочка» [Там же; 21: 87].

Слово отъ (*otъ «отец») имело уменьшительную форму отькъ (*otьkъ), превратившуюся позже в отьць (праславянское *otьcь), вытеснившая «старое слово, обозначавшее “родитель”», утратившая «оттенок ласкательности и уменьшительности» [22]. М.Н. Свиридова уточняет, что *otъ* является общеславянским словом [14: 247].

Второй вариант истолкования. Г.П. Цыганенко считает, что «Форма *otьcъ была не уменьшительной, а притяжательной» [18: 282]. Это же мнение ранее высказал О.Н. Трубачёв: «мы можем прийти к тому выводу, что первоначально члены рода употребляли термин otьcь как название ближайшего отца, который сам был в сущности ‘отцов’ (ătt-ico-s), т. е. происходил от старшего общего отца (слав. *otъ, и.-е. Ătta)» [16: 25–26].

Пояснением этой версии является факт его происхождения от индоевропейского ăttā, «которое возникло в детской речи и служило обращением к старшим или почтенным (ср. рус. диал. тятя, укр. тáто “отец”, гот. atta “предок”, греч αττα “обращение к почтенным”» [18: 282]. Первоначальное

значение имени *отец* «относящийся, принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов». Возможно первичное уменьшительное значение «младший представитель родового класса отцов» [21: 87].

О происхождении слова *отец* в русском языке С.И. Карантиров пишет: «др.-русск., ст.-слав, отьцъ < общеслав. отьсь; тот же корень, что и в слове “отчий” < индоевроп. корня at-; родственны слова из детской речи: лат. atta, готск. atta, алб. at – отец и др.» [7: 223–224]. Термины родства в разных языках могут означать разную гендерную принадлежность: «Из праслав. *отьць, производного с суф. -ьць от корня *от-, восходящего к и.-е. *ăt- “отец, мать”, слова детской речи» [21: 87]. Эта тенденция сохранилась в русском языке: *отцами* называют родителей [15: 179].

Н.В. Горяев, Ф.И. Рейф, А.Г. Преображенский и М. Фасмер указывают на соответствия формы и содержания слова *отец* и соответствующих терминов родства в других языках: «гр., латин, и гот. atta (отецъ, предокъ); тюрк. ata (отецъ) (санскр. atta = мать, др. сев. edda = прабабушка)» [6: 243], «санскр. tât-a и pit-ri, перс. pèd-èr, тур. at-â, греч. άτ-τα и πατ-ήρ, лат. at-ta и pat-er, нем. at-te и vat-er)» [13: 647], «греч. ἄττα “отец”, лат. atta, гот. atta “отец”, алб. at, ирл. aite “опекун, воспитатель”, хетт. attaš “отец”; осет. æda “папа, отец”, также др.-инд. attā “мать, старшая сестра матери”» [17: 170], дрвнм. atto, гот. atta «отец, предок» (м.-б., отсюда же adel: дрвнм. adal «род» и др. герм. гот. Attila «Аттила»), срир. aite «воспитатель», сскр. attä «мать, старшая сестра»; atti-я «старшая сестра». алб. at «отец» [12: 668].

А.А. Шахматов считает, что славянское *отец* – заимствование из кельтского *otikós; ср. также ирландское aitech-tige «домоправитель»; бретонское ozech vir; мн. ezech garçons «gens» (*otikós из *(p)otikós) [23: 91–92]. Первоначальным значением слова *отьсь* А.А. Шахматов называет ‘Hauswirt, хозяин’ [там же].

Обнаруженные мотивирующие признаки сведены в таблицу 1. Знаком «+» указано наличие признака, знаком «-» – его отсутствие в соответствующем словаре.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *отец*

№	Мотивирующие признаки	Горяев Н.В.	Карантиров С.И.	Преображенский А.Г.	Рейф Ф.И.	Свиридова М.Н.	Успенский Л.В.	Фасмер М.	Цыганенко Г.П.	Черных П.Я.	Шапошников А.К.	Шахматов А.А.
1.	‘воспитатель’	–	–	+	–	–	–	+	–	–	–	–
2.	‘домоправитель’	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	+
3.	‘мать’	–	–	+	–	–	–	+	+	+	+	–
4.	‘младший’	–	–		–	–	–	–	–	–	+	–
5.	‘мужчина / отец’	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
6.	‘опекун’	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–

7.	‘папа’ (ласковое обращение к отцу)	–	+	+	–	–	–	+	–	–	–	–
8.	‘обращение к почтенным’	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
9.	‘обращение к старшим’ (*папаша, отец*)	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–
10.	‘относиться’	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
11.	‘предок’	+	–	+	–	–	–	–	+	–	–	–
12.	‘представитель’	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
13.	‘принадлежать’	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
14.	‘род’	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	+
15.	‘родитель’	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
16.	‘родовой класс’	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
17.	‘старшая сестра (матери)’ (*тётя*)	–	–	+	–	–	–	+	+	–	–	–
18.	‘хозяин’	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+

Выводы. По данным десяти этимологических словарей и статьи А.А. Шахматова, у концепта *отец* восемнадцать мотивирующих признаков. Их можно объединить в шесть кластеров: 1. Родитель (‘мать’, ‘мужчина/ отец’, ‘родитель’); 2. Обращение (‘папа’ (ласковое обращение к отцу), ‘обращение к почтенным’, ‘обращение к старшим’ – *папаша, отец*, ‘относиться’); 3. Член рода (‘предок’, ‘род’, ‘представитель’, ‘принадлежать’, ‘старшая сестра (матери)’ – *тётя*); 4. Статус (‘воспитатель’, ‘домоправитель’, ‘опекун’, ‘хозяин’); 5. Возраст (‘младший’); 6. Классификатор (‘родовой класс’). Старшими из них являются признаки первого кластера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баянова А.Т. Эцкиннь мах ид!: концепт *отец* в проклятиях калмыков // Oriental Studies. 2023. № 16(4). С. 994–1003. URL: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

2. Борисенко Т.В. Концепты «Мать» и «Отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). Филологические науки. Вып. 120. С. 47–55.

3. Бурдун С.В. Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/article/phil20200241/fulltext (дата обращения: 03.09. 2025).

4. Гимашева Г.М. Лингвокультурный анализ концептов «Отец» («Ата») и «Сын» («Ул») в современном башкирском языкознании (на материале произведения «Салават» Мустая Карима) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 62–67. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-62-67.

5. Го Лихун, Абдуллаева Ф.Э. Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец – сын) // Вестник

Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1061–1068. БО1: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068

6. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. 282 с.

7. Карантиров С.И. Этимологический словарь русского языка. М.: Славянский дом книги, 2001. 439 с. С. 223–224.

8. Лопсан А.П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480–486.

9. Лю Инкунь. Концепт «отцовство» в языковом сознании русского и китайского народа // Евразия. Диалог культур. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ottsovstvo-v-yazykovom-soznanii-russkogo-i-kitayskogo-naroda (дата обращения: 03.09.2025).

10. Пименова М.В., Досумова М.М., Бейсенова А.Ж. Первичные признаки концепта атаман в русской лингвокультуре // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Международный научно-практический семинар (2–3 декабря 2021 года, г. Казань): сб. материалов / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 121–124.

11. Пономарёва А.Ю. Репрезентация концептов «отец» и «мужское начало» в романе Генриха Белля «Дом без хозяина» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 124–133.

12. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. I. 716 с. С. 668–669.

13. Рейф Ф.И. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. Т. 1–2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1835. Т. 1. 648 с.

14. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

15. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Сорокалетов. Л.: Наука, 1989. Вып. 24. 368 с.

16. Трубачёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 215 с.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4. Т. III. (Муза – Сят). 832 с. М.: Прогресс, 1987. С. 170.

18. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. шк., 1989. 511 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 562 с. С. 610–611.

20. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

21. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: ФЛИНТА, 2010. Т. II. 576 с.

22. Успенский Л.В. Почему не иначе. Этимологический словарь школьника. [Электронный ресурс]. URL: https://lexicography.online/etymology/uspensky/o/отец (дата обращения: 03.09. 2025).

23. Schachmatov A.A. Zu den ältesten slawisch-keltischen Beziehungen // AfslPh. 1911. Bd. 33. S. 91–92.

УДК 82.09:(571.54)

Пименова Марина Владимировна
Международный гуманитарный университет
им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского
Санкт-Петербург, Россия
Pimenova Marina Vladimirovna
International Humanitarian University named
after P.P. Semenov – Tian-Shansky
Saint Petersburg, Russia
E-mail: MVPimenova@yandex.ru
Утегенова Карлыга Таскалиевна
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
Уральск, Казахстан
Utegenova Karlyga Taskalievna
West Kazakhstan University named after M. Utemisov
Uralsk, Kazakhstan
E-mail: karlyga@bk.ru
Саулебай Кадырали
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
Уральск, Казахстан
Saulebai Kadyrali
West Kazakhstan University named after M. Utemisov
Uralsk, Kazakhstan
E-mail: saulebay.kadyrali@mail.ru

ЗАИМСТВОВАННЫЙ КОНЦЕПТ *КОЧЕВНИК*

THE BORROWED CONCEPT OF A *NOMAD*

Аннотация. *Цель статьи – описать мотивирующие признаки заимствованного концепта кочевник. Для их определения было привлечено восемь этимологических словарей. Результатом анализа стало обнаружение десяти мотивирующих признаков изучаемого концепта, объединенных в три блока: 1. Движение в пространстве; 2. Смена места жительств; 3. Каузативное перемещение.*

Annotation. *The purpose of the article is to describe the motivating signs of the borrowed concept nomad. Eight etymological dictionaries were used to determine them. The result of the analysis was the discovery of ten motivating signs of the studied concept, combined into three blocks: 1. Movement in space; 2. Change of place of residence; 3. Causative displacement.*

Ключевые слова: *заимствованный концепт, мотивирующие признаки, структура концепта, концептуальные исследования, лингвокультурология*

Key words: *borrowed concept, motivating signs, concept structure, conceptual research, linguoculturology*

Введение. Исследования по лингвокультурологии обращаются к особому типу заимствованных концептов. В начале XXI века профессор М.В. Пименова ввела в когнитивную лингвистику термин *заимствованный концепт*. Специфика развития структуры этого типа была описана в 2005 г. [8: 143–177]. К данной группе относятся концепты *иллюзия* [9: 26–37], *Евразия* [11: 251–260] и мн. др.

Материал исследования. Источником анализа стали словарные статьи «кочевать» в этимологических словарях русского языка. Статья «кочевник» не встретилась в словарях, статья «кочевать» встречается в восьми словарях (Н.В. Горяев, Г.А. Крылов, А.Г. Преображенский, М.Н. Свиридова, М. Фасмер, П.А. Черных, Н.М. Шанский и др., А.К. Шапошников).

Литературный обзор.

В лингвистической литературе отмечены две статьи, в которых рассматривается концепт *кочевник*: И.В. Именохоева на примере этого концепта проанализировала особенности этнического самосознания современной монголоязычной поэзии [3]. А.С. Чочиева описала данный концепт в поэтической картине мира В. Майнашева [16: 496–502].

Более широкий, но также количественно ограниченный, список работ посвящён категориальному концепту *кочевье*. Этот концепт была описан на материале якутского языка [1: 9–13], эвенского языка [6; 7: 180–182], в русской литературе [4: 164–167], в русской языковой картине мира [10: 124–128], в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах [14].

Результаты и обсуждение.

Для определения мотивирующих признаков концепта анализу подвергается этимология его репрезентанта. Как пишет П.Я. Черных, корень *коч* – старое заимствование из тюркских языков [15: 437]. Глагол *кочевать* образован с помощью суффикса *-евать* на базе заимствованного из татарского языка коч «путешествие, странствование» [13: 171; 18: 216]. *Кочевать* – «Собственно-русский глагол на *-овати* от заимствованного тюркского глагольного корня köč- , köčür- “увозить, перевозить, уезжать, переселяться”» [19: 434]. В тюркских языках köč «уезжать, переселяться», köčür «перевозить; кочевать». Махмуд Кашгарский использовал глагол köčürmäk «увозить, перевозить» [15: 437].

Этимологи отмечают факт заимствования глагола *кочевать* и образованного отглагольного имени *кочевник* из тюркских языков [Радлов, т. II, с. 1286; 17: 357]. В памятниках этот глагол отмечается с XIV в. [13: 171; 18: 216]. В русском языке периода XI–XVII вв. известен ряд однокоренных глаголов: *кочевати, подкочевати, перекочевати, прикочевати, покочевати, откочевати* и др. Позже стали известны имена *кочевище, кочевье* [19: 434]. Заимствование, возможно, произошло в степях Приднепровья, Причерноморья или, наконец, Приуралья [15: 437]. А.К. Шапошников уточняет: «Заимствование произошло из татарского диалектного koč- в степях Северного Причерноморья» [19: 434].

Основой заимствования являются:

1. уйг., чагат. köč «поездка, путешествие, переселение» [17: 357], алт., телеут., лебед., таран., кара-кирг., уйг. көч «перекочевать; переселиться» [15: 437]; турец. göç «переезд, переселение» [15: 437];

2. кирг., уйг., чагат., тел., алт., леб., тар., караим. köčmäk «кочевать» [17: 357]; азерб., уйг. көчмәк «кочевать»; узб. кўчмоқ «кочевать»; казах. көшу «кочевать»; кирг. көч «кочевка»; турец. göçmek «переселяться, кочевать», ср. туркмен. гөчмек «кочевать» [15: 437];

3. татарское *коч* «путешествие» [5: 198], сев. тюркск. kjuč, татар., азерб. коч, турецк. göč «перемена жилища» [2:164; 12: 373].

4. узб. кўчманчи «кочевник» [15: 437].

В других славянских языках отмечены следующие соответствия: укр. кочувати, кочівнік, польск. koczować «кочевать», koczownik, чеш. kočovati, kočovnik, словек. kočevati, kočevnik. В болгарском языке такого соответствия нет.

Не все этимологические словари включают статью «кочевать». Из 13 этимологических словарей русского языка в восьми включена статья «кочевать». Результаты анализа этимологических словарей представлены в таблице 1.

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *кочевник*

№	Мотивирующие признаки	Горяев Н.В.	Крылов Г. А.	Преображенский А.Г.	Свиридова М.Н.	Фасмер М.	Черных П.Я.	Шанский Н.М. и др.	Шапошников А.К.
1.	‘перевозить’	–	–	–	–	–	+	–	+
2.	‘переезд’	–	–	–	–	–	+	–	–
3.	‘(пере)кочевать’	–	–	+	–	+	+	–	+
4.	‘перемена жилища’	+	–	+	–	–	–	–	–
5.	‘переселение’	–	–	–	–	+	+	–	+
6.	‘поездка’	–	–	–	–	+	–	–	–
7.	‘путешествие’	–	+	–	+	+	–	+	–
8.	‘странствование’	–	–	–	+	–	–	+	–
9.	‘увозить’	–	–	–	–	–	+	–	+
10.	‘уезжать’	–	–	–	–	–	+	–	+

Изучение этимологии глагола *кочевать* – одного из основных репрезентантов концепта *кочевник* – привело к определению десяти мотивирующих признаков в его структуре. Все эти признаки связаны с мотивом перемещения в пространстве и сменой места пребывания.

Заключение. Мотивирующие признаки концепта *кочевник* представим в виде 3 блоков: 1. Движение в пространстве (‘(пере)кочевать’, ‘поездка’, ‘путешествие’, ‘странствование’, ‘уезжать’); 2. Смена места жительства (‘переезд’, ‘перемена жилища’, ‘переселение’); 3. Каузативное перемещение (‘перевозить’, ‘увозить’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева Ж.В. Концепт «кочевье» в смысловой организации северного текста литературы Якутии (на материале творчества А. Кривошапкина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 9–13.

2. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. 282 с.

3. Именохоева И.В. Концепт «Кочевник» и этническое самосознание в современной монголоязычной поэзии // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Философия. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kochevnik-i-etnicheskoe-samosoznanie-v-sovremennoy-mongoloyazychnoy-poezii (дата обращения: 05.09.2025).

4. Исина Н.У. Кочевой мир в русской литературе: кочевье, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2016. С. 164–167.

5. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.

6. Кузьмина Р.П. Этимология лексемы өмчин в диалектной языковой картине мира эвенов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6 (108). Ч. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-leksemy-mchin-v-dialektnoy-yazykovoy-kartine-mira-evenov. (дата обращения: 10.00.2021).

7. Кузьмина Р.П. Лексическая экспликация концепта кочесьве в фольклорном дискурсе эвенов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 180–182.

8. Пименов Е.А., Пименова М.В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. С. 143–177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).

9. Пименова М.В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 26–37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).

10. Пименова М.В., Жукенова А.К., Досумова М.М., Бейсенова А.Ж. Концепт «кочевье» в аспекте тюркского заимствования // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Междунар. науч.-практ. семинар. 2–3 дек. 2021 года, г. Казань: сб. материалов / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 124–128.

11. Пименова М.В. Заимствованный терминологический концепт *Евразия* в русской лингвокультуре // Информационно-коммуникативное пространство Евразии: современные вызовы, тенденции и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23 апреля 2024 г.) / гл. ред. Ю.В. Вайрах. Иркутск, 2025. С. 235–244.

12. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. I. 716 с.

13. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

14. Церенова Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2005. 200 с.

15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 562 с.

16. Чочиева А.С. Кочевник как ведущий концепт вечного времени // Мир науки, культуры, образования. 2018. С. 496–502.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. II. 672 с.

18. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

19. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: ФЛИНТА, 2010. Т. I. 586 с.

УДК 811.512.01

Сабитова Илһамия Исламетдин кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Сабитова Ильгамия Исламутдиновна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Sabitova Ilgamija Islamutdinovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: sabitova_1965@mail.ru

ТӨРКИ ДЕРИВАЦИОН ЛЕКСИКОГРАФИЯСЕНЕҢ КАЙБЕР МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ ТУРЫНДА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЮРКСКОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE TURKIC DERIVATIONAL LEXICOGRAPHY

Аннотация. *В отличие от отечественной деривационной лексикографии тюркская деривационная лексикография обладает ограниченном количеством словообразовательных и морфемных словарей. В статье рассматриваются собственно деривационные словари тюркских языков. Анализируются принципы построения словарных статей, структура словообразовательного гнезда, определяются задачи, стоящие перед современной тюркской лексикографией.*

Annotation. *Unlike the Russian derivational lexicography, the Turkic derivational lexicography has a limited number of word-formation and morphemic dictionaries. The article examines the actual derivational dictionaries of the Turkic languages. The principles of constructing dictionary entries, the structure of the word-formation nest are analyzed, and the tasks facing modern Turkic lexicography are determined.*

Ключевые слова: *деривационный словарь, словообразовательный словарь, морфемный словарь, гнездовой словарь, словообразовательное гнездо*

Keywords: *derivational dictionary, word-formation dictionary, morphemic dictionary, nest dictionary, word-formation nest*

Соңгы дистә елларда хәзерге рус дериватологиясендә сүзьясалыш оялары һәм аны тәшкил иткән берәмлекләрне (пар, парадигма, чылбыр) тикшерүгә аеруча зур әһәмият бирелә. Сүзьясалыш оясы теориясенең уңышлы үсеше төрле типтагы лексикографик басмалар төзүгә сәбәп булды. XX гасыр ахыры – XXI гасыр башында күпсанлы деривацион сүзлекләр дөнья күрде. Алар арасында сүзьясалыш сүзлекләре, бигрәк тә мәктәпләр өчен сүзьясалыш сүзлекләре лексикографик басмаларның иң актив үсеп килә торган төрен тәшкил итә.

Деривацион сүзлекләр саф деривацион һәм саф деривацион булмаган сүзлекләргә бүленә. Саф деривацион сүзлекләргә сүзләрнең ясалышы һәм/яки морфема структурасын тасвирлый торган сүзлекләр – сүзьясалыш (алфавитлы һәм алфавитлы оялы) һәм морфемалар сүзлекләре керә.

Төрки лексикографиянең дә деривацион сүзлекләр төзү эшендә берникадәр тәжрибәсе бар. 2005 елда беренче алфавитлы оялы саф деривацион сүзлек «Башҡорт теленең һүҙьяһалыш һүҙлеге» (Башкорт теленең сүзьясалыш сүзлеге) дөнья күрде [7]. Сүзлек бер томда, аның авторлары башкорт теле сүзьясалышы өлкәсендә танылган дериватолог К.Г. Ишбаев һәм З.К. Ишкилдина. Бу хезмәт башкорт тел белемендә генә түгел, тюркологиядә дә оялап төзелгән беренче сүзьясалыш сүзлеге буларак зур әһәмияткә ия. Хезмәтнең керешендәге «Сүзлекне төзү принциплары» бүлегендә сүзлекнең макро- һәм микроструктурасы җентекләп тасвирланган. Моннан тыш аерым бер бүлек итеп «Башкорт теленең сүзьясалышы системасы» турында да төп мәгълүматлар бирелгән [7: 16-34]. Сүзьясалыш сүзлегенең нигезен хәзерге башкорт әдәби теленең кулланышта йөргән сүзләре тәшкил итә. Сүзлек оялау (тамыр сүз һәм аның нигезендә барлыкка килгән тамырдаш сүзләрне бер ояда бирү) принцибы белән төзелгән, ягъни 61 270 сүз 8 760 ояга туплап бирелгән. Аффиксация юлы белән ясалган ясалма сүзләрдән тыш, сүзлектә аналитик конструкцияләр дә урын алган. Бер үк кушма сүз берничә ояга кертелгән:

168. **аҡ I** *с.*
аҡ II *и. күсм. Аҡ төҫлө нәмә*
аҡ-ҡара *и. кар.* ҡара
<...>
аҡ **-лан** *и.*
аҡлан-*да*-**ғы** *с.*
аҡ **-лык** *и.*
<...>
аҡ/бур *и. кар.* бур
аҡбур-**ла**-*к.*
<...>
аҡ/буҙ *с. кар.* буҙ
аҡ/буҙ/ат *и. кар.* ат, буҙ
<...>
479. **ат I** *и. зоол.* Хайуан
ат-**сы** *и.*
<...>
аҡ/буҙ *с. кар.* аҡ
аҡ/буҙ /ат *и. кар.* буҙ *,* ат
<...>
421. **буҙ** *с. Көлһыу күк төҫ*
буз+**ы**-*кай и. зоол.*
<...>
аҡ/буҙ *с. кар.* аҡ
аҡ/буҙ/ат *и. кар.* аҡ*,* ат
<...> [7: 51, 69, 102].

Әлеге сүзлек бүгенге көндә дә төрки деривацион лексикографиядә бердәнбер оялап төзелгән тулы сүзьясалыш сүзлеге булып тора.

2014 елда «Башҡорт теленең һүҙьяһалыш һүҙлеге» нигезендә югарыда күрсәтелгән авторлар тарафыннан үз эченә 33 500 сүзне алган «Башҡорт

теленең ҡыҫҡаса һүҙьяһалыш һүҙлеге» (Башкорт теленең кыскача сүзьясалыш сүзлеге) басылып чыкты [6].

Бүгенге көндә татар лексикографиясендә оя принцибы белән төзегән ике сүзлек бар. Беренчесе – А.М. Ямалетдинова һәм И.А. Латыйпова тарафыннан «Тематический русско-татарский словарь (на материале тематической группы «Человек. Части человеческого тела (организма)»») дип аталган сүзлек 2007 елда Башкортостанның Туймазы шәһәрендә басылып чыкты [14]. Сүзлек шактый бай тел материалларына нигезләнеп төзелгән. Ул үз эченә 108 (52 рус һәм 56 татар) сүзьясагыч ояны үз эченә алган. Аларда ясалмалар сыйфатында 3 448 (2 047 рус һәм 1 401 татар) сүз теркәлгән. Алфавит тәртибендә бирелгән баш сүзләр үзенең ясалма сүзләре белән бер ояга туплап бирелгән. Ясалма сүзләр морфемаларга бүленгән. Сүзлек мәкаләсендә сүзнең морфемалар структурасы, сүзьясалыш чаралары һәм ысуллары турындагы белешмәләрдән тыш, аларның тәрҗемәләрен һәм аңлатмаларын да табарга мөмкин:

Стопа
стопоч-к-а
стопоч-н-ый
<...>
плоск-о-стоп-н-ый
<...>
Табан
аю-табан (*аконит*)
<...>
табан-лы (*с подошвой*)
яссы-табанлы-лык (*проскостопие*)
<...> [14: 62].

Барлык оялар да күпсанлы ясалмалардан торган макрооялар хасил иткән. Рус телендә дә, татар телендә дә «*голова*» (189 ясалма сүз) һәм «*баш*» (166 ясалма сүз) дериваторларыннан ясалган оялар иң зур күләмле макрооялар. Шулай ук «*нога*» – «*аяк*» һәм «*рука*» – «*кул*» оялары сан ягыннан зур (156 – 68 һәм 152 – 63 ясалма сүз).

Ояларда -лы/-ле, -сыз/-сез кушымчалары ярдәмендә ясалган сүзләр дә урын алган: чәч-ле (*волосатый*) һәм чәч-сез (*без волос*); толым-лы (*с косой*) һәм толым-сыз (*без косы*) һ. б. ш. Бу очракта әлеге ясалмалар оя составына кертелергә тиеш түгел. «Конкрет исемнәргә ялганганда ул (-лы/-ле), кагыйдә буларак, грамматик мәнәсәбәт белдерә: *сыерлы хуҗалык, атлы гаилә*. Бу кагыйдәдән чыгармалар булырга мөмкин. Беренчедән, конкрет исем үзенең туры мәгънәсендә түгел, абстрак мәгънә белдергәндә, -лы/-ле кышымчасы мөстәкыйль лексик мәгънәле сыйфатлар ясый: *йөрәкле егет, башлы кеше*. Икенчедән, нинди дә булса өстәмә семантик билге белдерсә, ул сүзьясагыч булып китә» [10: 382].

Кушымта итеп бер компоненты сыйфатында соматизм кергән фразеологик берәмлекләр һәм тотрыклы сүзтезмәләр бирелгән. Шулай ук сүзьясалыш оялары күрсәткече дә урын алган. Ояларга кергән ясалма сүзләр исемлеген дә бирү урынлы булыр иде. «Оялап төзелгән сүзьясалыш сүзлегенең мәҗбүри состав элементы булып барлык исәпкә алынган

сүзләрнең алфавит күрсәткече тора, чөнки ул сүзләрне эзләүне җиңеләйтә» [3: 102].

Икенчесе – ике өлештән торган И.И. Сабитова авторлыгындагы «Татар теленең сүзьясалыш сүзлеге: «кеше» тематик төркеменә караган лексика» [9]. Беренче өлешендә алфавит тәртибендә урнашкан баш сүзләр үзләренең ясалмалары белән бирелгән, ягъни сүзлек мәкаләләре оя принцибы буенча төзелгән. Кушымчалау ысулы белән ясалган дериватлардан тыш, ояга кушма (саф кушма, парлы, тезмә) сүзләр дә кертелгән. Ясалма сүзләр морфемаларга бүленгән. Кушылып языла торган сүзләрнең компонентлары арасында чик кыек сызык белән күрсәтелгән. Сүзлектә кушма сүз һәр нигез буенча берничә ояда бирелгән:

4. **БАШ** *и. анат.*
баш-**ак** I *и.* Үсемлектә
баш-**ак** II *и. бор*. Ук, сөңге очлыгы
башак-**ла**(*у*) I *ф.*
<...>
баш-аяк *җый. и. к.* **аяк**
баш/аяк-**лы** моллюск *и. зоол. к*. **аяк**
<...>
10. **АЯК I** *и. анат*. Әгъза
аяк-**ла**(*у*) *ф*.
<...>
баш-аяк *җый. и. к.* **баш**
баш/аяк-**лы** моллюск *и. зоол. к*. **баш**
<...> [9: 23–25, 17–18].

Сүзлектәге оялар төзелеше ягыннан төрле: нигездә өч һәм аннан артык дериватлары булган макрооялар. Ике ясалмадан торган микрооялар да очрый:

23. **БРОНХИАЛЬ** *с.*
бронхиаль биз *и. анат. к.* **биз** [9: 39].

Алда күрсәтелгән сүзлектәге кебек үк «*баш*» оясы иң зур күләмле оя – 344 ясалма сүздән тора. «*Күз*» макроясына 158 ясалма, «*аяк*» һәм «*кул*» ояларына – 119 һәм 105 сүз кергән. Бу әлеге тематик төркемнең сүзьясалышы потенциалы югары булуы белән аңлатыла. Тикшеренүчеләр киң кулланыштагы, нейтраль, кешенең эшчәнлегенә һәм кеше тормышы өчен әһәмиятле өлкәләргә караган сүзләрдә сүзьясалышы потенциалының киңрәк булуын ачыклаган [8: 434].

Кушымта итеп алфавит тәртибендә оялarга урнашкан ясалма сүзләр исемлеге бирелгән:

А
авыз А1
авыз-борын А1, Б17
<...> [9: 117].

Сүзлектә барлыгы 3 325 сүз теркәлгән: шуларның 3 147 се ясалма сүзләр, алар 178 ояда урнаштырылган. А.М. Ямалетдинова һәм И.А. Ла-

тыйпова сүзлегендә кебек үк, әлеге белешмәлектә дә **-лы/-ле, -сыз/-сез** кушымчалары ярдәмендә ясалган, сүзьясалыш оялары составына кертелергә тиеш булмаган, кайбер сүзләр кертелгән (*чигә-ле – чигә-сез, тире-ле – тире-сез, миң-ле – миң-сез, сөял-ле – сөял-сез* һ. б.).

П.И. Харакоз һәм А.О. Осмонкулов авторлыгында төзелгән «Русско-кыргызский гнездовой словарь» (Русча-кыргызча оялап төзелгән сүзлек) 1979 елда дөнья күрә [12]. Ул хәзерге рус теленнән кыргызчага тәрҗемә ителгән 11 000 нән артык иң кулланышлы сүзне үз эченә алган. Бу икетелле белешмәлек шулай ук оялы сүзьясалыш сүзлеге булып санала һәм деривацион сүзлекләр тибына керә. Кыргыз мәктәпләре өчен булган рус әдәбияты дәреслекләрендәге лексика сүзлекнең нигезе итеп алынган. Бер тамырдан ясалган сүзләр бер ояга тупланып бирелгән. Оялар белән берәттән сайлап алынган материалда тамырдашлары булмаган сүзләр дә алфавит тәртибендә ялгыз сүзләр буларак теркәлгән. Алар бер сүздән торган аерым оялар буларак урын алган:

Я´РМАРКА ярмарка, жарманке; **весе´нняя я´рмарка** жазгы ярмарка <...>

Я´РОСТЬ (кака´я) **1.** ачуу, кыжыр; **привести´ в я´рость** ачуусун келтирүү; **2.** *перен*. кызуулук <...>

Я´ростный (-стен, -стна) **1.** ачууланган, ачуу келген, ачуулуу коз караш; каарануу; **2.** каардуу; **отби´ть я´ростные ата´ки проти´вника** душмандын каардуу атакаларынын мизин кайтаруу <...>

Разъяри´ть (-рю, -ришь) *сов*. каардантуу, долулантуу, ачуулантуу <...>

Разъяри´ться каарануу, долулануу, ачууланууу <...> [12: 525].

Сүзлектә тарихи яктан бер тамырга караган сүзләр дә бер ояда бирелгән (**ухо** – **подушка**; **место** – **помещик**). Шуңа күрә мондый ояларны этимологик оялар дип санарга мөмкин. Ләкин «этимологик оя» «сүзьясалыш оя»сына караганда киңрәк төшенчә. Сүзьясалыш оясы – этимологик ояның сүзләр арасында синхрон мотивация бәйләнешләре сакланган өлеше [4: 8]. Хәзерге телнең сүзьясалыш сүзлекләре бары җанлы сөйләм телендәге семантик бәйләнешләргә генә таянырга тиеш. Аларның югалуын констатацияләү исә яңа мөстәкыйль сүзьясалыш ояларын аерып чыгару өчен нигез булып тора. Телнең хәзерге торышы күзлегеннән псевдотамырдаш булган барлык сүзләр аерым мөстәкыйль сүзьясалыш ояларына аерып куелырга тиеш.

1993 елда әлеге сүзлекнең тулыландырылган варианты басылып чыкты [13].

Тюркологиядә, рус лексикографиясендәге кебек, деривацион сүзлекләргә сүзьясалыш сүзлекләре белән берәттән морфемалар сүзлекләре дә керә. Морфемалар сүзлекләре сүзләрнең хәзерге тел күзлегеннән морфемаларга ничек бүленүен күрсәтә. Мондый чыганаклар морфемаларга бүленгән сүзләрне я алфавит тәртибендә, я аларны тамыр яки аффиксаль морфемалар уртаклыгы буенча төркемләп бирергә мөмкин. Хәзерге вакытта төрки лексикография берничә морфема сүзлегенә ия.

Беренче тәҗрибә буларак А.Н. Тихонов катнашы белән төзелгән «Үзбек тили морфем луғати» («Үзбәк теленең морфемик сүзлеге») 1977 елда

Ташкентта басылып чыга. Авторлары: А. Гуломов, А.Н. Тихонов, Р. Кунгуров [5]. Ул алфавит принцибында төзелеп, морфемаларга аеру сүзләрне авыш сызык белән аффиксларга бүлүдән гыйбарәт:

адаб/ли
адаб/ли/лик
адаб/сиз
адаб/сиз/лик
адаш
адаш/моқ
адаш/тир/ил/моқ
адаш/тир/ил/моқ
адаш/ув/чи
<...> [5: 20].

Сүзләр исемлегеннән тыш дүрт кушымта (үзбәк теленең әдәби нормалары һәм фонетик вариантлар турында белешмә, үзбәк теленең продуктив сүзьясагыч һәм формаясагыч кушымчалары, рус теленнән һәм рус теле аша чит телләрдән кергән алынма морфемалар исемлеге) бирелгән.

Башкорт лексикографиясендә дә тамыр һәм аффиксаль морфемалар сүзлекләре бар. 1992 елда М.Х. Әхтәмовның хәзерге башкорт теленең 10 000 гә якын сүзен үз эченә алган «Башкорт теленең морфемалары (сүзләрнең мәгънәгә ия өлешләре) сүзлеге» нәшер ителә [2]. Анда 300 дән артык морфемалар теркәлгән. Моннан тыш, тасвирлау берәмлеге сүз кисәкләре (морфемалар) булган белешмәлекләргә З.Г. Уразбаеваның «Башкорт теленең морфемалар сүзлеге» дә керә [11].

2005 елда Л.Н. Тыбыкова редакциясендәге авторлар коллективы «Алтай теленең морфемалар сүзлеге»н бастырып чыгара [1]. Сүзлектә рус һәм инглиз телләренә тәрҗемә ителгән 5 000 гә якын сүз теркәлгән. Бу хезмәттә алтай фигыльләрендә сүзьясагыч һәм формаясагыч морфемалар системага салынган, яңа лексик берәмлекләрнең сүзьясалыш модельләре бирелгән. Кушымта итеп таблицаларда алтай теле грамматикасы бирелгән.

Гомуми тел белемендә сүзьясалышы проблемаларына зур игътибар бирелә. Күпсанда төрле типтагы сүзлекләр дә басылып чыгып тора. Әмма тюркологиядә сүзьясалышының, сүзьясалыш ояларының теоретик мәсьәләләре игътибардан читтә калып килә. Бүгенге көндә төрки лексикографиядә хәзерге лексикография таләпләренә җавап бирә торган деривацион сүзлекләр төзү ихтыяҗы зур. Рус деривацион лексикографиясенең уңай тәжрибәсен кулланып төрки телләрдә төрле типтагы сүзьясалыш, морфемалар сүзлекләре төзүнең кирәклеге көн тәртибенә килеп басты.

ӘДӘБИЯТ

1. Алтай тилдиҥ морфем сӧзлиги / сост.: А.Т. Тыбыкова, Дж. Б. Вуд, К.К. Пиянтинова, Л.Н. Тыбыкова, Г. Вуд; отв. ред. Л.Н. Тыбыкова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2005. 318 с.

2. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең морфемалар (һүҙҙәрҙәң мәғәнәләргә эйә булган өлөштәре) һүҙлеге. Өфө: Башкортостан кит. нәшр., 1992. 272 б.

3. Бушуй А.М. Структура словаря и оформление словарной статьи // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. С. 102.

4. Горбушина И.А. Словообразовательное и этимологическое гнезда слов от праславянского корня *ter- в русском языке на славянском фоне: автореф. дис… канд. филол. наук. М., 2016. 21 с.

5. Ғуломов А., Тихонов А.Н., Қўнғуров Р. Ўзбек тили морфем луғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1977. 462 б.

6. Ишбаев К.Ғ., Ишкилдина З.К. Башҡорт теленең ҡыҫҡаса һүҙьяһалыш һүҙлеге. Өфө: Китап, 2014. 552 б.

7. Ишбаев К.Ғ., Ишкилдина З.К. Башҡорт теленең һүҙьяһалыш һүҙлеге. Өфө: Ғилем нәшр., 2005. 551 с.

8. Михайлова И.Д. Структурные типы словообразовательных гнёзд и новые функции производных слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. № 6 (2). С. 433–437.

9. Сабитова И.И. Татар теленең сүзьясалыш сүзлеге: «кеше» тематик төркеменә караган лексика. Казан: ТӘһСИ, 2015. 160 б.

10. Татар грамматикасы. Т. 1. М.: «Инсан», Казан: «Фикер», 1998. 512 б.

11. Уразбаева З.Г. Башҡорт теленең морфемалар һүҙлеге. Өфө: Ғилем, 2004. 81 с.

12. Харакоз П.И., Осмонкулов А.О. Русско-кыргызский гнездовой словарь: около 12000. Фрунзе: Мектеп, 1979. 526 с.

13. Харакоз П.И., Осмонкулов А.О. Русско-кыргызский гнездовой словарь. Бишкек: Киргизская Энциклопедия, 1993. 368 с.

14. Ямалетдинова А.М., Латыпова И.А. Тематический русско-татарский словообразовательный словарь: на материале тематической группы «Человек. Части человеческого тела (организма)». Туймазы, 2007. 119 с.

УДК 81’1+811.512.145

Сагдеева Фаузия Кабировна
Институт языка, литературы и искуства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Sagdeeva Fauzija Kabirovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: fauzija.sagdeewa@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕЧНОСТИ В ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

UNDERSTANDING ETERNITY IN TATAR LINGUOCULTURE

Аннотация. *В процессах категоризации и концептуализации мира этносами раскрывается их концептуальная картина мира, их представление об окружающей природе, социуме и человеке. Наглядным примером в данном контексте является понятие вечности, которая представляет собой одну из универсальных категорий мышления человека. В статье рассматриваются особенности в восприятии вечности и его языковой репрезентации татарским народом, которые опосредованы различными религиозными и мифологическими представлениями. Исследование выполнено в пограничной зоне смежных наук – лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.*

Annotation. *In the processes of categorization and conceptualization of the world by ethnic groups, their conceptual picture of the world, their idea of the surrounding nature, society and man are revealed. A clear example in this context is the concept of eternity, which is one of the universal categories of life and human thinking. The article examines the peculiarities of the perception of eternity and its linguistic representation by the Tatar people, which are mediated by various religious and mythological ideas. The study was carried out in the border zone of related sciences – linguacultural studies, cognitive linguistics.*

Ключевые слова: *татарский этнос, понятие мәңгелек (вечность)*

Keywords: *Tatar ethnic group, the concept of mangelek (eternity)*

В татарской лингвокультуре понятие *мәңгелек* (вечность) рассматривается как религиозно-мифологическая категория. В философиии и теологии существуют два противоположных мнения на это понятие. Вечность осознается как вневременность и вечность, которая понимается как особая форма времени. Вечность – это то, что существует постоянно и не подвергается изменениям, и это то, что означает свойство и состояние существа или вещества, который не подлежит времени, то есть не имеет ни начала, ни продолжения, ни конца во времени. Также под вечностью понимается непрерывность, бесконечное продолжение или повторение бытия во времени.

В системе исламских категорий слово *мәңгелек* (вечность) выражает не все содержание понятия, а один из признаков. В Коране сказано, что только Аллах имеет место быть вечно. Вечное существование Аллаха объясняется тем, что он не был рожден. У Всевышнего есть имена а*ль-Ауваль* (букв. Начало (Первый)) [57: 3], *аль-Ахир* (букв. Завершение (Последний)), а*ль-Баки* (букв. Вечный (Абсолютное бытие)). В данном случает вечность по сути является вневременной сущностью и противопоставляется времени. В исламе смерть человека рассматривается как рождение для вечности. Созданные Всевышним существа после смерти будут пребывать в состоянии вечного блаженства или вечных мук в загробной жизни. Здесь вечность рассматривается в связи с онтологией времени.

С философской точки зрения вечность является сложением бесконечной суммы отрезков времени. П.П. Гайденко отмечает, что отличие вечности от времени в философии Дж. Локка лишь количественное. Вечность есть сложение бесконечной суммы отрезков времени [3: 111]. В данном случае между временем и вечностью нет больше «онто-теологического различия» [Там же]. Онтология времени не связана с вечностью для современного обыденного сознания. Как считает М. Хайдеггер, такая «интерпретация времени» состоит в том, что «время бесконечно» [12: 424]. По мнению П.П. Гайденко, «сегодня время представляется как бесконечно продолжающееся время, не более того» [3: 415].

Этимология слова *мәңгелек (вечность)* не имеет однозначного толкования. В словарях выдвигаются разные версии происхождения этого слова, которое имеет различные варианты написания.

В Древнетюркском словаре в значении *мәңгелек* (вечность) зафиксированы две диалектные формы слова *меңгү* / *беңкү*. В древности слово *беңкү*

употреблялось и в значении *памятник. Беңкү таш* – стела, каменная плита с надписью [4: 94]. Лексема *меңгү* имело значения: 1. *вечность, бесконечность;* 2. *вечный* / *вечно; бесконечный* / *бесконечно; постоянный* / *постоянно*. Имелись и другие варианты написания этого слова – *меңигү* / *беңигү.* В значениях *вечный* / *вечно; бесконечный* / *бесконечно* также функционировала и лексическая единица *меңгүлүк* [4: 341–342].

Этимологический словарь Э.В. Севортяна позволяет определить варианты форм употребления – *бенги* / *беңкү* / *беңү.* Автором словаря отмечается начальное *б- ~ м-,* зафиксированное еще в старейших текстах. В словаре воспроизведены значения: 1. *вечный*; 2. *вечность, бесконечность, памятник;* 3. п*родолжающийся;* 4. *очень давно, некогда* – тат. диал.; 5. б*ольшой, обширный, пространный* – як.; 6. *радость, счастье*; 7. *белок* (горный хребет, большую часть года покрытый снегом) – тув., алт. обл. Значения *вечный снег*, *ледник* и *памятник* являются конкретизацией значений *вечный*, *бесконечный*. И, возможно, они вторичные по отношению к ним [8: 113].

Р.Г. Ахметьянов указывает две версии происхождения слова *мәңге*. По первой версии: *мәңге* «вечный; вечно, никогда» восходит к др.-тюрк. (в данном случае автор ссылается на В. Радлова (IV: 1082, 1584)), а также чув. *менкĕ*, мар. *мäңгӹ* общ. кыпч., к. каз. *мәңгĕ,* к.-калп. *мәңги,* кр.-тат., уйг. *мәңгү*, *мәңү, мäңгү, бäңгү*, огуз. б*әңгү* и в этом же значении *teŋgü, menigü, beŋgü, beŋigü.* По второй версии отмечается древнекитайская природа этого слова. Чыгт., алт. *мӧңкү*, тув. *мӧнге* ~ бур. *мүнхэ*, монг. *мӧнхӧ, мүнхү, мүнкү, мӧңке, калм. mönkö,* а также як. *мäңä* «вечный» происходит из др. -кит. *man kö* «десять тысяч лет», а оттуда же современный китайский *вань цуй* > яп. *банзай* «даже десять тысяч лет спустя, никогда (не забуду, не отступлю и др.)» [1: 31]. В китайской лингвокультуре число *десять тысяч лет* (вань цуй, вансуй) означает вечность, вечное; используется как пожелание долгой жизни, приветствие; символизирует что-то великое. Ключевые аспекты значения японского слова *банзай – десять тысяч лет* – вечность, вечное; *никогда* – долгосрочная память; отрицательное наречие времени, которое указывает на то, что что-то не произойдет ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Противоречивое представление о вечности находит отражение в толковых словарях татарского языка. Так, в трехтомном Толковом словаре татарского языка (1977–1981) значение слова *мәңгелек* как трансцендентной сущности представлено энантиосемическими оттенками значения: 1. и. Башы да, ахыры да булмаган вакыт агышы (букв. Течение времени, не имеющее ни начала, ни конца). || с. мәгъ. Беркайчан да бетми торган, гомерлек (букв. прил. Бесконечный, вечный). || Дини-идеалистик философиядә: вакытка бәйләү булмау, вакыттан тыш яши алу, вакытка бәйле рәвештә үзгәрмәүчәнлек хәле (букв. В религиозно-идеалистической философии: отсутствие привязанности ко времени, существование вне времени, состояние неизменности во времени). 2. с. Күптәннән булган, яшәп килгән (букв. давным-давно существовавший). В Толковом словаре татарского языка, изданном в 2013 году, в словарной статье *мәңгелек* (вечность) зафиксированы значения этого слова: ис. *башы да, ахыры да булмаган вакыт агышы;* сф.

мәгъ. гомерлек, гомер буена җитәрлек; күптәнге, күптәннән яшәп килгән; ис. *мәгъ. күч. теге дөнья, бакый дөнья.* Здесь сущ. *мәңгелек* (вечность) – это течение времени, не имеющее ни начала, ни конца; в значении прилагательного 1) пожизненный (вечный), достаточный на всю жизнь; 2) давний, давно существующий; перенос. значения: букв. иной мир, вечный мир (о загробном мире). В шеститомном Толковом словаре татарского языка (2015–2021) слово *мәңгелек* (вечность) трактуется следующим образом: *бер дә тәмамланмый торган, башы да, ахыры да булмаган вакыт агышы; дини – вакытка бәйле булмау, вакыттан тыш яши алу, вакытка бәйле рәвештә үзгәрмәүчәнлек хәле; күптәннән булган, күптәнге, әллә кайчангы; беркайчан да бетми торган, гомерлек.* В данном случае *мәңгелек* (вечность) – это бесконечное течение времени, не имеющее ни начала, ни конца; рел. вневременность, независимость от времени; то, что было давно, давным-давно; нескончаемый, вечный [13].

В татарско-русском словаре (2007) слово *мәңгелек* в значении существительного на русский язык переводится как *вечность; бессмертие* (тат. улемсезлек), в качестве прилагательного – 1. *вечный; бессмертный* (тат. үлемсез); 2. *вековой, вечный*. Здесь прилагательное *мәңгелек* (вечность) понимается как онтология вечного, то есть неизменного, бесконечного и безначального; бессмертного и через оппозитивные отношения со словом *вековой* [13].

Синтагматические связи слова мәңгелек свидетельствуют об осмыслении вечности с помощью пространственных метафор: например, *мәңгелек йорт* (вечный дом), *мәңгелек дөнья* (вечный мир) и др., которые в повседневной жизни татар, художественной литературе являются широко употребительными. В индивидуально-авторской картине мира *мәңгелек* символизирует загробную жизнь: *Дөнья – фани, ахирәт мәңгелек имди.* Кол Гали. Кыйссаи Йосыф (букв. Мир временен, загробная жизнь вечна).

Ассоциативные представления связаны с осознанием бренности земного бытия, осмыслением временности, недолговечности человеческой жизни: *Мине мәңгелек теге дөнья көтә.* Кадим Җәмит. Килмешәк (букв. Меня ждет тот вечный мир). Конец земного существования – это переход в вечный дом: *Мәңгелек йортка күчкәннәр һәркемгә изге теләк теләп <...> озаталар кебек* (букв. Кажется, что те, кто перешел в вечный дом, отправляют всем добрые пожелания. Гөлназ Шәйхи. Кеше китә, җыры кала). При этом переход в иной мир может представляться как избавление от одиночества, забот земной жизни, встреча с близким человеком в вечном доме: *Япа-ялгыз яшәүдән, гомүмән, фани дөньямнан туюларым да <...> шул мәңгелек йортыбызда тизрәк Нургали янында буласым килүдән генә иде бит.* Гөлчәчәк Галиева. Газзәбану. Смерть ассоциируется с вечным сном: *Абыйсы мәңгелек йокыга талган <...>* ((Его брат впал в вечный сон). Гөлзадә Бәйрәмова. Шагыйрь артист).

Со словом *мәңгелек* в татарском языке образована концептуальная метафора *мәңгелек студент (*вечный студент). Эта метафора имеет двоякий смысл. Ранее это выражение употреблялось как прозвище для обозначения вечного студента, который никогда не стареет душой и живет, «питаясь» идеей. Как правило, он пытается учится в нескольких высших учебных за-

ведениях, но так и не может найти себя, завершить образование. В русской литературе образ вечного студента изображен в произведении А.П. Чехова «Вишневый сад». Несмотря на то, что автор положительно описывает своего героя, он не верит, что такие люди могут изменить жизнь к лучшему. В настоящее время *мәңгелек студент* – это уже не прозвище и это не тот, у кого есть зачётная книжка и студенческий билет. Это тот, кто занят вечным процессом познания. Как подчеркивает А. Тимергалин, это выражение используется при определении человека, который постоянно совершенствуется, беспрерывно учиться и получает новые знания для дальнейшего своего развития [9: 357].

В татарском языке представление о вечности осмысляется с помощью пространственной метафоры *мәңгелек ут* (вечный огонь). Истоки происхождения выражения *мәңгелек ут* (вечный огонь) восходят к зороастризму [10: 219], который представляет собой одну из древнейших монотеистических религий в мире. Эта религия была основана пророком Зороастром, жившим в Древней Персии (современный Иран). Главный символ зороастризма – *огонь* (тат. *ут),* который рассматривается как представление божественной искры, которая существует во всех вещах. Огонь хоть и имел культовый смысл, но как таковой не был объектом поклонения, а почитался в качестве явственного свидетельства о бытии бога Ахура-Мазды и как самое чистое из божественных творений.

В лингвокультуре зороастризма огонь напрямую связан с понятием храма. На персидском языке зороастрийские храмы называются *аташкаде,* что означает *дом огня.* В них всегда горел огонь. Оттуда и выражение *вечный огонь.*

Известный татарский ученый-языковед М.З. Закиев на основе морфонологического и историко-лингвистического анализов рассматривает зороастризм (наряду с тенгрианством, христианством, исламом и частично буддизмом и иудаизмом) как один из этапов в развитии религиозных воззрений татар. Широкое распространение зороастризм получил в Азербайджане, Средней Азии, Иране, Афганистане, Урало-Поволжье [5]. М. Бойс отмечает, что зороастризм был связан с культом вечного огня и назывался *атар* (тюркское слово в значении *огонь*) [2: 11]. В горах Азербайджана, который в древности назывался Атропатена, постоянно горел газ.

У татар (кряшен и мишарей) также существовал культ огня. В его основе «лежали древние религиозные представления самих тюркских народов» [6: 63]. Обряд «добывания нового (свежего огня)» относится к самым важным обрядам и во временном отношении отличается включенностью в религиозный комплекс аграрного цикла. Р. Исхаковым выделены основные смыслы, которые вкладываются кряшенами в этот обряд – начало нового жизненного цикла человека; очищение человека и окружающего его мира от нечистой силы и духов; обновление мира [там же].

В сознании татар такие природные объекты как вода, дерево мифологизированы и наделены символическим значением вечности. В татарской лингвокультуре с понятием *мәңгелек* связана пространственная метафора *мәңгелек су* (вечная вода). В татарской мифологии *мәңгелек су*

символизирует источник жизни, вечную жизнь и обладает животворящей силой. Также в мифологии осмысляется представление о вечнозеленом дереве – ели / сосны. В одной легенде говорится, что булгарский царь, когда сильно постарел отправил одного своего богатыря на Ледяное море за вечной водой. Батыр, пройдя долгий путь, добрался до моря. Оказывается, внутри этого моря есть один остров, а на острове бьет родник. Набрав из родника вечной воды, он отправился в обратный путь. Возвращаясь через леса, он достигает берегов реки Ашит. Усталый, молодец решил отдохнуть и заснул под молодой елью. Мешок (бурдюк) с водой он положил под ноги. Во время сна богатырь, задев ногами, опрокинул этот мешок под ели и сосны. С тех пор они остались вечнозелеными. Отсюда *мәңге яшел чыршы* / *нарат* [9: 108]. С религиозно-мифологическими представлениями о вечности связано и дерево *зәйтүн* (олива). Это вечнозеленое дерево для мусульман представляет особую ценность. В Коране Аллах клянется им (Сура 95: 1).

В фольклорном наследии тюркских народов присутствует образ вечно живого старца – Хызыр Ильяса. Легенда о его вечности, бессмертности связана с исламской традицией. Он отождествляется с пророком Ильясом. Р.Г. Ахметьянов слово *хызыр* поясняет следующим образом: хызыр, хизыр (хизыр пророк) «Хизр, Хидр – мифический пророк». По-шумерски это слово означает *зеленый человек; вечнозеленый*. Автор отмечает, что очень древнее шумерское слово *хизр* (вечнозеленый) происходит от *кизр ~ киçр ~ кифр* (кедр (дерево)) [1: 392].

Легенды о чудотворце по имени Хидр известны с шумеро-аккадских времен (около двух тысяч лет до н. э.). В татарском языке имя пророка *Хызыр* имеет разные варианты написания *Хозыр, Хизыр, Хозер.* В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» (2018) указано, что *сущ. Хозыр (Хизыр)* – собственное имя мифического пророка (в религиозных сказках он появляется перед людьми в образе белобородого старика). В словаре А. Тимергалина упоминается орфографический вариант написания имени пророка – *Хозер* [10: 506]. По мнению автора, имя *Хозыр Ильяс* появилось в результате отождествления в народных легендах пророков Хозыра и Ильяса. Р.Г. Ахметьянов пишет, что у татар Хызырильяс ~ тюрк. hederillez представляется как святой. В исторической действительности имена Хызыр и Ильяс происходят из двух отдельных источников (Ильяс – по-еврейски) [1: 392]. В татарской разговорной речи Хызыр Ильяса называют и Хызыр бабай.

В разнообразных легендах, сказках, обрядах тюркозычных народов Хызыр Ильяс предстает как вечный путник, старый скиталец, одаряющий и наказующий. У казахов упоминается как Қыдыр ата. Согласно легенде, Хызыр Ильяс закончил свое земное существование во вторник. У юртовских ногаев Астраханской области бытуют поверья, что в этот день недели не принято начинать новые дела, выходить в дальнюю дорогу, одевать новые вещи, проводить свадьбы, стричь ногти, стирать белье, веселиться. В этот день желательно поминать своих предков. В старину его называли к*айглы күн* (букв. печальный (скорбный) день).

Таким образом, *мәңгелек* (вечность) – это то, что безначально и бесконечно; то, что пожизненное, давнее, нескончаемое, вечное; бессмертное; вековое. Смысловое поле *гомер* (жизнь) представлено словами и выражениями – *гомерлек; гомер буена җитәрлек; күптәнге; күптәннән яшәп килгән.* В религиозном понимании вечность противопоставлена времени и является вневременной сущностью, а также в значении *вечности* соединены значения, связанные с онтологией вечности и субъективного времени. Продолжение земной жизни мыслится как мир иной, загробный. В этой связи *мәңгелек* (вечность) представляется как бытие человеческого духа. Также в представление о *мәңгелек* (вечности) включаются как материальные объекты (стела, памятник), которые являют собой представление о вечности как об исторической памяти, так и природные – *су* (вода), *ут* (огонь), *чыршы* / *нарат* (ель / сосна) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этмологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

2. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.: Азбука, 2003. 342 с.

3. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. 467 с.

4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

5. Закиев М.З. Основные периоды развития конфессиональных воззрений предков современных татар // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. Казань, 2011. С. 87.

6. Исхаков Р.Р. Дохристианские верования в системе религиозности татар-кряшен в XIX в.: архаичные культы // Научный Татарстан. 2012. № 2. С. 61–73.

7. Коран / пер., коммент. М.-Н.О. Османов. М.: Ладомир, Восточная литература, 1995.

8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978. 349 с.

9. Татар халык иҗаты: 25 томда. 1 т.: Мифология / [төз., текст. иск. һәм аңл. әзерл., кереш сүз авт. Л.Х. Давлетшина]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 511 б.

10. Тимергалин А.К. Миллият сүзлеге: аңлатмалы сүзлек: 3 томда. 2 т.: Й–Р хәрефләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. 684 б.

11 Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 2 т. (Д–С). Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.

12. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. 621 с.

13. URL: http://suzlek.antat.ru/indexR.php (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 37

Садриева Илүзә Рамзил кызы
Казан шәһәре Совет районы
«180 нче күп профильле полилингваль гимназия»
муниципаль бюджет гомуми белем бирү учреждениесе
Казан, Россия
Садриева Илюза Рамзиловна
МБОУ «Многопрофильная полилингвальная гимназия №180
Советского района г. Казани
Казань, Россия
Sadrieva Ilyuza Ramzilovna
Municipal budgetary educational institution
"Multidisciplinary multilingual gymnasium No. 180"
of the Sovetsky district of Kazan
Kazan, Russia
E-mail: sadrievailyuza@mail.ru
Хөснетдинов Дамир Хәйдәр улы
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Хуснутдинов Дамир Хайдарович
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Khusnutdinov Damir Khaydarovich
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: domer1982@mail.ru

КҮПТЕЛЛЕЛЕК ШАРТЛАРЫНДА ЭТНОМӘДӘНИ КОМПЕТЕНЦИЯ ФОРМАЛАШТЫРУ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE IN THE CONTEXT OF MULTILINGUALISM

Аннотация. *В статье говорится, что внедрение этнокультурного компонента на уроках татарского языка способствует повышению мотивации учащихся к изучению родного языка, развитию их творческих способностей и формированию чувства уважения к культуре своего народа и других народов. Это также способствует сохранению и развитию татарского языка как одного из важнейших элементов национальной культуры.*

Annotation. *The article states that the introduction of an ethno-cultural component in Tatar language classes helps to increase students' motivation to learn their native language, develop their creative abilities, and foster a sense of respect for their own and other nations' cultures. This also contributes to the preservation and development of the Tatar language as an essential element of national culture.*

Ключевые слова: *татарский язык, этнокультурный компонент, национальное образование*

Keywords: *Tatar language, ethno-cultural component, national education*

Соңгы берничә дистә елда, бөтен дөньяга хас күренеш буларак милли мәдәнияткә җитди игътибарның артуы сизелә. Уку-укытуда этномәдәни компетенциянең аерым бер планлаштырылган нәтиҗә буларак аерылып чыгуын ассызыкларга кирәк. Әлбәттә, бу өлкәдә эш башка предметларны өйрәнүдә дә алып барыла, гәрчә тел дәресләрендә аның роле, тел дәресләренең этномәдәни компетенция формалаштырудагы потенциалы бермә-бер артык. Гаҗәп тә түгел: тел – теләсә нинди милли мәдәниятнең аерылгысыз һәм бик мөһим өлеше, милли мәдәниятне өйрәнү аның матди мәдәниятен, тарихын, географиясен һәм башкаларны белүне генә күзаллламый, ә бәлки шул милләтнең фикерләү рәвешен аңлау, дөньяга шул милли мәдәният вәкиле күзлегеннән чыгып карауга омтылышны да күздә тота. Әлеге эшне чит телләрне өйрәнүдә генә түгел, беренче нәүбәттә, туган телеңне өйрәнүдә дә алып барырга кирәк, чөнки бу очракта гына туган телнең «җанын» өйрәнеп, ата-бабалардан калган, тел хәзинәсендә яшеренгән тәжрибәне үзләштереп була.

Заманча дәреслекләрдә әлеге эш шактый тулы тәкъдим ителә, дәреслек авторлары предмет белемнәрен тәэмин итү белән генә чикләнмиләр, татар дөньясы картинасына ачыклык кертә торган текстлар белән дә эшне даими тәкъдим итәләр. Чынлап та, татар теленә туган тел буларак өйрәтүдә, программага ярашлы рәвештә, укуның планлаштырылган нәтиҗәләренә аралашу, лингвистик һәм этник мәдәният өлкәсенә караган компетенция формалаштыру күздә тотыла.

Шул ук вакытта дәреслекләрдә башка милләт вәкилләре әсәрләреннән алынган өземтәләр, башка илләрдәге сүзләр, табигать объектларын тасвирлаган текстлар да бар, димәк, башка халыкларның дөнья картинасына да пәрдә ачыла, дип әйтсәк тә була. Шул рәвешле, этномәдәни компетентлык күпмәдәниятле тирәлектә уңайлы яшәү максаты белән, төрле мәдәниятләрне өйрәнү, халыкларның үзара тәэсир итешү, багланышлары, мөнәсәбәтләренең асылына төшенүне үз эченә ала. Үсеп килүче буын өчен бу компетентлык, шәхеснең күпмәдәниятле җәмгыятькә яраклашуының бер шарты булып тора. Әмма төп игътибар, әлбәттә, татар теленең этномәдәни үзенчәлекләрен чагылдырган сүзләренә юнәлтелә. Мондый сүзләр, этномәдәни характердагы текстлар тел материалы ролен генә башкармыйлар, дәреслек авторлары тарафыннан даими укытучы һәм укучы, укучы һәм укучылар арасындагы актив әңгәмә өчен җирлек тә ролен үтиләр. Еш кына этномәдәни кыйммәте ачык чагылган лексик берәмлекләр укучыларның ижади эшләре өчен дә нигез булып тора. Шул рәвешле, укучылар милләтнең ничәмә-ничә буыны өчен аерым кыйммәткә ия булган төшенчәләр турында уйланырга мәҗбүр булалар. Бары тик эш шушы рәвешле корылганда гына дәреслек материалының этномәдәни компетенция формалаштырудагы роле турында сөйләргә мөмкин. Мисал китерик. Урта сыйныф укучыларына үз өең турында инша язарга дигән бирем йөкләргә була. Өй – теләсә-кайсы милләт өчен зур кыйммәткә ия булган берәмлек. Укучылар уйланалар, өй дигәч, күз алдына нәрсә килеп баса? Аларның фикерләре тыңлана, өй сурәте төшерелгән рәсемнәр күрсәтелә. Туган тел дәресләрендә милли табын корылган сурәтне тәкъдим итү дә максатка ярашлы. Табында татар милли ризыкларыннан талкыш кәләвә, гөбәдия, кош теле кебек милли ризыкларын, табын түрендә әби белән бабай утыруын, кечерәкләргә урын өстәл

читеннәнрәк бирелүен күрү укучылар өчен уңышлы булачак. Табында самавырның урын алуы, гармун уйнаучының яшьләрне табын читендә биетүе, күңел ачтыруы шулай ук уңышлы материал. Картина татар милләтенең кыйммәтләре турында уйланырга мәҗбүр итәчәк. Әлбәттә, нәкъ тә менә табын күренеше сурәтләнү нәтиҗәсендә кунакчыллык, күңел киңлеге кебек хас милли сыйфатлар алгы планга чыга. Кунакларның утыру тәртибе дә исәпкә алырга кирәк, ягъни үрнәк өйдә өлкәннәрнең хөрмәт ияләре булуын ассызыклый.

Укучылар борынгыдан килгән кыйммәтләрнең бүгенге көндә сакланусакланмавы турында да уйлана алалар. Тагын бер аспектка игътибар итү кирәк: тәкъдим ителгән бирем өстендә эшләү, башка бик күп биремнәрне башкаргандагы шикелле үк, лексик берәмлекләрне активлаштыруны күздә тота. Картинада этномәдәни берәмлекләр буларак, түбәндәгеләр сурәтләнә ала: әби белән бабай, табын, гармун, милли ризык атамалары (талкыш кәләвә, кош теле, гөбәдия), яулык, түбәтәй, самавыр. Шушы берәмлекләрне рәсемдә күрү һәм атау картинада нәкъ татар милләте, тату татар гаиләсендәге мәҗлес сурәтләнүен аңларга ярдәм итә. А.А. Надагурова кебек белгечләр белән килешәбез: «этномәдәни компетенциянең мөһим өлешен этномәдәни компонентлы лексиканы өйрәнү тәшкил итә. Һәрбер телнең лексик составы – халык тарихын – аның чыгышын һәм үсешен, көнкүрешен һәм мәдәниятен, матди һәм рухи кыйммәтләре барлыкка килү һәм үсешен, табигать белән мөнәсәбәтләре үзенчәлекләрен саклый торган кадерле хәзинә ул» [1: 152]. Шулай ук лингвокультурология өлкәсендә эшләүче белгечләр, телнең төзелешендә иң борынгы ышанулар чагылыш таба, дигән фикердә торалар [2: 51].

Этномәдәни характердагы сүзләрне актив кулланылышка кертүне таләп итеп, этномәдәни компетенция укучыларда тел белән этник мәдәният арасындагы бәйләнешнең ныклыгы турындагы күзаллауны камилләштерә. Укучылар тел берәмлекләрендә чагыла торган этник үзлекләрне, төрле тел һәм мәдәниятләрнең уртак һәм аермалы якларын танып белергә; дөнья картинасының чагылыш мөмкинлекләрен аңлау күнекмәсенә ия булырга; этник мәдәниятне саклау һәм үстерү әһәмиятен аңларга; этник мәдәният ирешкән дәрәҗәләрне, мәдәниятләр һәм телләр мөнәсәбәте үзенчәлекләрен күзалларга өйрәнә. Мондый эшнең әһәмиятен ассызыклап, укытучылар болай язалар: «Бүгенге көндә мәктәпләрдә татар халкы тарихы бик аз күләмдә укытыла яисә бөтенләй укытылмый. Шуңа күрә туган тел дәресләрендә кызыклы этнографик-тарихи темаларны яктырту укучыларга үз халкының үткәне турында күпмедер күләмдә мәгълүмат биреп, аларда татар тарихын өйрәнүгә мотивация булдыра. Икенчедән, бүгенге көн укучыларында татар халкының гореф-гадәтләре, традицияләре турында күзаллау бик шартлы. Бигрәк тә зур шәһәрләрдә яшәүче балалар өлкән буын вәкилләре – әби-бабаларыннан читтә яши, шуңа күрә аларда татар халкының гасырлар дәвамында формалашкан гореф-гадәтләре турында хәбәрсез булып калуы ихтимал» [3].

Нәтиҗә ясап, шуны әйтергә кирәк: заман таләпләренә ярашлы рәвештә төзелгән программа һәм дәреслекләрдә телгә өйрәтүдә планлаштырылган нәтиҗәләрнең берсен этномәдәни компетенция тәшкил итә. Әлеге компетенция милли телнең үзенчәлекләрен, милли психологияне тирәнтен

аңларга ярдәм итә, телнең иҗтимагый-тарихи барыштагы ролен яхшы күзалларга өйрәтә. Гомумән, глобальләшү шартларында әлеге компетенциягә ия булу аерым кыйммәткә ия, һәм аны формалаштыру буенча эш башлангыч сыйныфлардан алып мәктәптә белем алуның бөтен дәвамында саклана. Татар теленең грамматик төзелешен генә түгел, ә телдә халыкның ышанулары, тарихы, ментальлеге чагылышын өйрәнү бигрәк тә рус телендә төп гомуми белем бирү оешмаларының татар төркемнәрендә укучы балалар белән эшләгәндә әһәмиятле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Надагурова А.Н. Принципы отбора лексических единиц с этнокультурным компонентом значения при обучении на начальном этапе бурятскому языку как государственному // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 15. С. 150–155.

2. Вершинина Т.С., Гузикова М.О., Кочева О.Л. Этнолингвокультурология: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 80 с.

3. Миңнебаева Г.Ш., Бәдеретдинова А.Д. Туган тел дәресләрендә этномәдәни компетенция формалаштыру. URL: https://nsportal.ru/kultura/narodnaya-khudozhestvennaya-kultura/library/2019/11/28/tugan-tel-dreslrend-etnomdni (мөрәҗәгать итү вакыты: 01.09.2025).

УДК 81’373.611

Салахова Рузиля Рашитовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Salahova Ruzilya Rashitovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ruzilya5@mail.ru
Шедричева Ольга Владимировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Shedricheva Olga Vladimirovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ovshedricheva@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ТАТАРСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

FEATURES OF THE FORMATION AND USE OF SOME FORMS OF THE PAST TENSE IN THE TATAR AND YAKUT LANGUAGES

Аннотация. *В данной статье проводится сравнение форм прошедшего времени в татарском и якутском языках. С помощью сопоставительного анализа рассматриваются как сходства, так и различия в образовании и применении основных форм прошедшего времени.*

Annotation. *This article presents a comparative study of past tense forms in the Tatar and Yakut languages. Through a contrastive analysis, both common features and specific peculiarities in the formation and usage of basic temporal forms are identified.*

Ключевые слова: *татарский язык, якутский язык, глагол, прошедшее время, тюркские языки*

Keywords: *Tatar language, Yakut language, verb, past tense, Turkic languages*

Категория времени глагола выражает отношение действия к моменту речи. Использование данной категории оказывает непосредственное влияние на смысл высказывания. Известно, что основными временами глагола являются настоящее, прошедшее и будущее. Настоящее время указывает на действие, которое происходит в момент речи. В художественных произведениях оно может использоваться для описания прошлых событий с целью придать повествованию живость и динамичность. Также форма настоящего времени может описывать события ближайшего будущего. Прошедшее время является выражением действия, как факта прошлого. Оно может указывать как на завершённое, так и на незавершённое действие, свершившееся до момента речи. Будущее время используется для обозначения действий, которые будут совершены после момента речи.

Если говорить о прошедшем времени, для многих тюркских языков общими являются определённопрошедшее и неопределённопрошедшее время. Впрочем, в некоторых языках, в том числе и в якутском, данные временные категории обозначаются, как недавнопрошедшее и давнопрошедшее.

Для наглядного сравнения приведём спряжения близких по значению глаголов татарского и якутского языка в определённопрошедшем (недавнопрошедшем) времени:

Татарский язык	Якутский язык
Мин алдым	*Мин ыллым*
Син алдың	*Мин ыллыҥ*
Ул алды	*Кини ылла*
Без алдык	*Биһиги ыллыбыт*
Сез алдыгыз	*Эһиги ыллыгыт*
Алар алдылар	*Кинилэр ыллылар*

Таким образом, видно, что морфемы, формирующие определённо-прошедшее время в татарском и якутском языках, схожи.

При этом для якутского языка характерна прогрессивная ассимилиция *ыл +дым=ыллым,* то есть первый согласный звук морфемы, ответсвенной за спряжение глагола в данной временной форме, уподобляется последнему согласному звуку корня. Что касается частоты употребления определённо-прошедшего времени в татарском и якутском языках, то в татарском

языке эта форма встречается чаще, чем в якутском. В якутской художественной литературе форма недавнепрошедшего (определённопрошедшего) времени преимущественно используется для указания на событие, происшедшее сравнительно недавно по отношению к моменту речи.

Приведём примеры из литературы:

*Шәһитнең әнисе, эшен ташлап, урамга чык*ты. *... Шәһит җавап бирмәде (Ю. Миргазиян «Кыпчак кызы»)* [3: 4].

Кулууһун төрдүс күнүгэр арыый уоскуйда... Мин итини соһуйа истибитим (И. Гоголев «Ийэхсити кэлэтии») [1: 8].

Анализ примеров показывает различие в восприятии автором временных рамок. Так, в первом примере на татарском языке отражено обычное действие, в которое через использование определённопрошедшего времени автор и читатель уподоблены свидетелям событий.

Во втором примере действие представляется близким к настоящему моменту, поскольку далее в тексте преобладает употребление давнопрошедших форм [2: 148].

Татарский язык	Якутский язык
Мин алганмын	*Мин ылбытым*
Син алгансың	*Эн ылбытыҥ*
Ул алган	*Кини ылбыта*
Без алганбыз	*Биһиги ылбыппыт*
Сез алгансыз	*Эһиги ылбыккыт*
Алар алганнар	*Кинилэр ылбыттар*

В татарском языке образование неопределённопрошедшего времени осуществляется посредством суффиксов *-ган* / *-гән*, распространённых среди тюркских языков кипчакской ветви [4: 121]. Образование аналогичной формы в якутском языке связано с использованием суффикса *-быт (-mys*), возможно заимствованного из огузских языков. Присоединение этого суффикса сопровождается ассимиляцией конечного согласного корня и начальной части суффикса, например: *гын + быт → гыммыт*. Следует отметить, что в татарском языке в данной форме также проявляется ассимиляция (*-ган-(л)нар* / *-гән-(л)нәр).*

Употребление неопределённо-прошедшего (давнопрошедшего) времени также имеет различия. Так, например, действия, совершённые вне поле зрения говорящего, в татарском языке обозначаются неопределённопрошедшим временем. В якутском языке неопределённопрошедшее (давнопрошедшее) время применяется для указания на действие, которое произошло ранее, чем момент речи. Например: *Кулындагы букчасы, җиргә тия язып, салынып төш**кән** («Кыпчак кызы» Ю. Миргазиян)* [3: 38]. *Мин тугу гыныахтаахпытын сэрэйбитим (И. Гоголев «Ийэхсити кэлэтии»)* [1: 64].

Особое внимание заслуживает второй пример из текста И. Гоголева. Действие воспринимается как объективное, несмотря на то, что оно осуществлено самим субъектом (предложение можно интерпретировать как «Я полагал, что мне следовало сделать»), тогда как использование определённо-прошедшей формы было бы уместнее, если бы речь шла о субъективном действии.

Также отметим существование в обоих языках ещё одной формы прошедшего времени – незаконченное прошедшее время:

Татарский язык	Якутский язык
Мин бара идем	*Мин барарым*
Син бара идең	*Эн барарыҥ*
Ул бара иде	*Кини барара*
Без бара идек	*Биһиги барарбыт*
Сез бара идегез	*Эһиги бараргыт*
Алар бара иделәр	*Кинилэр бараллара*

По значению в обоих языках данные формы времени совпадают. При этом незаконченное прошедшее время в этих языках образуется разными способами. В татарском языке имеет место сложное образование, когда используются две лексические единицы: основа глагола + вспомогательный глагол “иде”. В якутском языке же данная временная форма образуется добавлением окончания лица к морфеме, совпадающей с формой причастия настоящего времени. Впрочем, сложная форма прошедшего незаконченного времени в якутском языке также имеет место.

Мин барар этим
Эн барар этиҥ
Кини барар этэ
Биһиги барар этибит
Эһиги барар этигит
Кинилэр бара этилэр

Как видно из настоящего примера, второй вариант образования прошедшего незаконченного времени в якутском языке близок к татароязычной форме этого времени. При этом обе формы в якутском языке являются довольно часто употребимыми: *Моруос оҕонньор баалларын курдук уобарастаан көрөрүм* [5]. *Онон «тугунан эрэ дьарыктаныахпын наада» диэн, ютубу көрөр этим* [6].

Подводя итог, стоит отметить, что основные формы глаголов прошедшего времени как татарского, так и якутского языка имеют черты, характерные для многих тюрских языков. Однако вместе с тем, присутствуют и различия как в формообразовании, так и в использовании рассмотренных временных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголев И.М. Ийэхсити кэлэтии. Якутск: Бичик, 1993, 270 с.

2. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 316 с.

3. Миргазиян Ю.З. Кыпчак кызы = Кипчакская дочь [Электронный ресурс]. Режим доступа: MyBook (дата обращения: 13.09.2025).

4. Татар грамматикасы: өч томда. II т. Казан: ТӘhСИ, 2016. 432 б.

5. Түннүк мууһурбут кырыатын уобарастаан көрөрүм [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kyym.ru/sonunnar/don/4568-t-nn-k-muu-urbut-kyryatyn-uobarastaan-k-r-r-m?ysclid=mfjrmlb8xh237140607 (дата обращения: 13.09.2025).

6. «Туойдьут буолуоҥ» диэтэллэр, итэҕэйиэ суох этим. Режим доступа: https://kyym.ru/sonunnar/egelge/12224-tuojdut-buoluo-dieteller-ite-ejie-suokh-etim?ysclid=mfjs5ef38d495709417 (дата обращения: 13.09.2025).

УДК 378

Самитова Савия Гималтыновна
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
Казань, Россия
Samitova Saviia Gimaltinovna
Kazan National Research Technological University
Kazan, Russia
E-mail: savilas@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE CULTURE OF FOREIGN STUDENTS IN THE PROCESS OF HIGHER EDUCATION

Аннотация. *В данной статье рассматривается вопрос развития коммуникативной культуры иностранных студентов в условиях реформирования системы высшего образования, необходимость которого вызвано стремительными интеграционными процессами, происходящими в мире, в котором роль межкультурной коммуникации неуклонно возрастает. Выявляются важнейшие аспекты успешного образовательного процесса по формированию у студентов иноязычных коммуникативных компетенций, которые обусловлены высоким уровнем общей и речевой культуры, а также факторы успешности, связанные с высоким уровнем сформированности коммуникативных компетенций.*

Annotation. *This article discusses the issue of developing the communicative culture of foreign students in the context of reforming the higher education system, the necessity of which is caused by rapid integration processes taking place in the world, in which the role of intercultural communication is steadily increasing. The article identifies the most important aspects of a successful educational process aimed at developing students' foreign language communicative competencies, which are based on a high level of general and speech culture, as well as the factors of success associated with a high level of communicative competencies.*

Ключевые слова: *развитие образования, коммуникативные компетенции, формирование профессионально-речевой культуры, иностранные студенты*

Keywords: *development of education, communicative competencies, formation of professional and speech*

На сегодняшний день вопросы, связанные с формированием у современных студентов и преподавателей вузов речевой культуры, изучены явно недостаточно, при этом актуальность этой проблемы в условиях стремительного расширения межкультурных связей в современном мире остается высокой.

Культура межличностной коммуникации является важным условием успешной профессиональной компетентности будущего специалиста. Поэтому роль преподавателя вуза в формировании этого качества у студентов неоценима. Уровень культурного развития преподавателя является одной из важнейших составляющих успешной деятельности высшего учебного заведения по формированию у будущих специалистов коммуникативных компетенций.

Развитие у студентов вузов речевой культуры рассматривается как целостный образовательный процесс, в рамках которого учащиеся и преподаватели осуществляют совместную деятельность, направленную на формирование у будущих учителей важных профессиональных качеств, навыков, умений и знаний речевой коммуникации. Наличие этих профессиональных компетенций способствует эффективному решению задач, стоящих перед преподавателем в рамках образовательного процесса [3: 112].

Коммуникативная культура важное профессиональное качество педагога. Она формируется в определенной культурной среде, в том числе и языковой, наделенной в определенной степени национально-этническими особенностями. Исходя из вышесказанного, структурными компонентами коммуникации являются наличие коммуникативного идеала, системы коммуникативных норм и правил, индивидуальные особенности учащихся, условия коммуникации (двуязычие, многоязычие) и т. д. Только единство и взаимосвязь всех этих компонентов обеспечивает успешную профессиональную деятельность при обучении студентов.

Составляющие речевой культуры основаны на трех нормах общения: поведенческой, аффективной и когнитивной. Кроме этого также важны коммуникативные и межкультурные нормы межличностного взаимодействия.

Для развития речевых навыков учащихся педагогических направлений особое место отводится к выбору дидактического материала с учетом содержания и темы. В учебном процессе важно правильно использовать новейшие цифровые и педагогические технологии, направленные на развитие у учащихся навыков самостоятельного мышления, их кругозора и интеллектуальной гибкости, что позволяет будущим специалистам принимать ответственные решения в нестандартных ситуациях [1: 36].

Применение дидактических моделей позволяет учащимся вырабатывать умение логически обосновывать свои решения, лингвистически грамотно формулировать свои мысли. На следующем рисунке представлена триада компонентов модели речевой культуры для формирования у ино-

странных студентов, будущих педагогов по профилю «Педагогическое образование: Информатика».

Рис. 1. Модель структуры речевой культуры иностранных студентов, обучающихся по профилю «Педагогическое образование: Информатика»

После анализа программ и учебных планов вузов, осуществляющих подготовку учителей информатики, выявлена логическая взаимосвязь между учебными планами, которая позволяет иностранным студентам, обучающихся по профилю «Педагогическое образование: Информатика», целенаправленно, поэтапно развивать свой профессиональный уровень [5: 192].

Особое внимание привлекли такие учебные предметы, как «Русский язык и деловые коммуникации», «Риторика», «Психология» и «Педагогика», изучение которых позволяет освоить стандарты и нормы современного языка, что является важным аспектом развития у иностранных студентов речевой культуры [4: 47].

Теоретическая модель формирования у иностранных студентов речевой культуры состоит из следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих составляющих [2: 181]:

– мотивационную: предполагающую высокий уровень активности и мотивации учащихся к освоению своей будущей профессии;

– содержательную: знания студентов структуры и сущности управления учебно-воспитательным процессом;

– технологическую: которая включает в себя владение современными технологиями, навыками их использования в современном образовательном процессе.

Технологии, ориентированные на развитие языковой компетентности, должны базироваться на принципах коммуникативного обучения, которые реализуются на базе средств компьютерной поддержки. Все компьютеризованные курсы, электронные средства, учебные пособия и их программное обеспечение должны отвечать принципам и требованиям. Вот наиболее важные из них: динамичность, целостность, организованность. К содержанию выдвигаются следующие дидактическими требования: научность,

доступность, систематичность, последовательность, адаптивность, визуализация учебной информации и активация деятельности.

Рис. 2. Теоретическая структурная модель речевой культуры выпускника

Для того, чтобы выявить уровень сформированности у иностранных студентов речевой культуры, были выделены три уровня – низкий, средний и высокий [8: 73]:

– учащиеся с низким уровнем демонстрируют негативное отношение к работе педагога, у них отсутствует мотивация к профессиональному совершенствованию, стремление к изучению инновационных педагогических технологий;

– знания педагогических процессов у студентов, обладающих средним уровнем, имеют бессистемный характер, уровень их мотивации к профессиональному развитию недостаточен;

– будущие преподаватели с высоким уровнем сформированности речевой культуры, проявляют креативный подход к учебному процессу, имеют прочные знания и навыки, на которые опираются в своей практической деятельности, хорошо мотивированы к профессиональному совершенствованию.

В рамках экспериментального исследования было определено исходное состояние рассматриваемой проблематики и итоговое. Для того, чтобы определить уровень развития речевых навыков у иностранных студентов, обучающихся по профилю «Педагогическое образование: Информатики», были проведены различные тестирования, количественный и качественный анализ итогов экспериментального исследования, метод анкетирования, собеседования, рассмотрение педагогических ситуаций, наблюдения, а также математическая и статистическая обработка данных, полученных в ходе исследования.

В ходе исследования было выявлено, что в большинство студентов продемонстрировали бессистемные знания, а их представление о будущей деятельности было неполным. Их действия в ходе педагогической практи-

ки были, как правило, импульсивными и шаблонными. Нам представляется очевидным, что наибольшим уровнем сформированности речевых компетенций обладают те учащиеся, которыми движет призвание к выбранной профессии, которой они обучаются в вузе, а не иные факторы. Поскольку другие студенты в своем большинстве демонстрируют уровни средней и низкий.

Эффективность образовательного процесса обусловлена умелым применением интерактивных технологий, которые, в свою очередь, позволяют активизировать процесс обучения, стимулируя стремление студентов к самообразованию и самосовершенствованию, позволяют выявить их наиболее сильные стороны [7: 224].

В процессе реализации исследования были апробированы и внедрены в практику интерактивные технологии, способствующие формированию у иностранных студентов таких навыков и умений речевой культуры, как участие в дискуссиях, работа с текстами, участие в мозговых штурмах, написание мини-сочинений, наблюдениях, беседах, деловых и ролевых играх, практически занятиях по решению проблемных ситуаций и т. д. Взаимосвязь познавательной, практической и игровой деятельности благотворно влияет на активность, интерес, самостоятельности учащихся, что стимулирует их творческому воображению и изобретательности.

Активное использование дебатов, деловых игр, мозговых штурмов, исследовательских и поисковых методов, а также методики проектного обучения, привели к позитивным результатам.

В ходе ролевых игр студенты играли различные роли, например, роль экскурсовода, который знакомит гостей города с его достопримечательностями. При этом другие учащиеся, выполняющие роль гостей, следят, насколько хорошо «экскурсовод» знает правила грамматики, выстраивает предложения, каково его произношение (см. рис. 3).

Следует отметить и трудности, с которыми сталкиваются многие учащиеся при участии в дискуссиях. Причинами проблем при попытках свободного общения являются опасение сделать ошибки, страх выступления перед публикой, психологический барьер. Грамотная организация преподавателем совместной работы в ходе проведения учебных дискуссий, умение с его стороны обеспечить благоприятный психологический климат в аудитории позволяют успешно преодолеть психологический барьер и достичь серьезных успехов в формировании у учащихся коммуникативных навыков.

В ходе исследовательской работы были разработаны и апробированы тестовые задания, направленные на определение уровня сформированности речевой культуры у учащихся вузов. Доказано, что большинство учащихся успешно выполнили все предложенные задания. В ходе выполнения задания, которое предполагало публичное выступление студента, где он должен был продемонстрировать свое умение свободно и корректно излагать определенный материал, с существенными трудностями столкнулись меньше половины учащихся.

После использования специальных заданий по развитию коммуникативных навыков учащихся, выяснилась динамика развития речевой культуры и повышение уровня сформированности всех составляющих речевой

культуры; освоение и развитие навыков публичных выступлений иностранными студентами [6: 40].

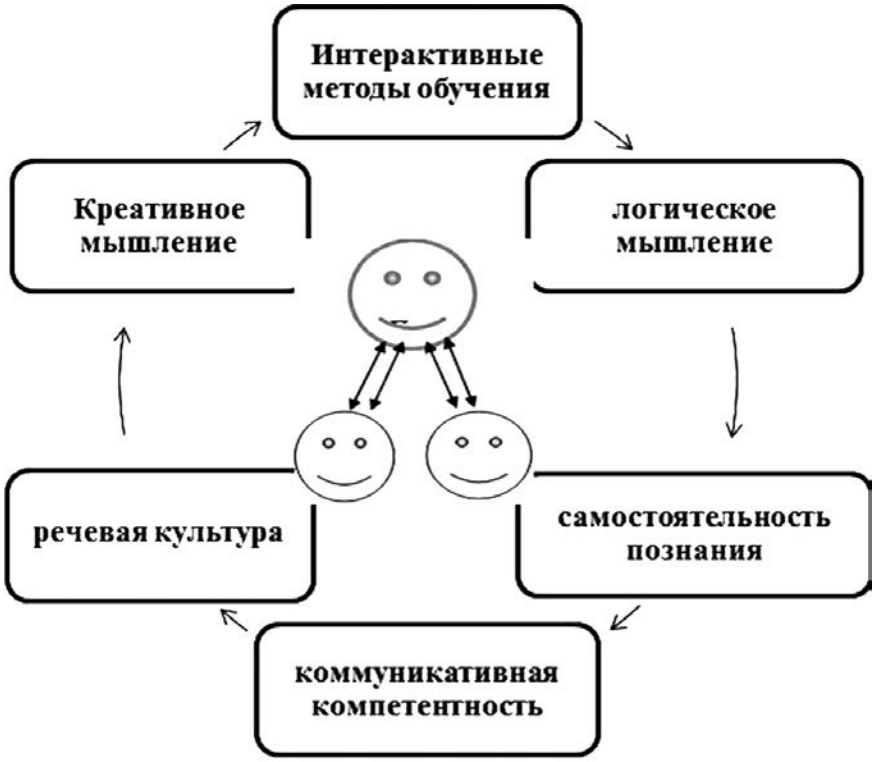


Рис. 3. Интерактивные формы образовательного процесса

Дальнейшая разработка рассматриваемой проблемы должна осуществляться по нескольким направлениям:

– моделирование процессов формирования и развития у иностранных студентов речевой культуры в рамках профессионального обучения в высшем учебном заведении;

– организация дополнительных курсов по совершенствованию отдельных аспектов речевой культуры учащихся;

– широкое внедрение в образовательный процесс интерактивных технологий, позволяющих интенсифицировать развитие речевой культуры.

Представленное исследование является попыткой по развитию коммуникативных навыков иностранных студентов, и не в состоянии решить всей проблемы формирования у иностранных студентов, связанные с развитием у них речевой культуры. Поэтому коммуникативная компетентность иностранных студентов, выпускников педагогических направлений, открывает перспективы дальнейших научно-исследовательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирич З.И. О методике формирования коммуникативной компетенции иностранных тюркоязычных студентов инженерного профиля в процессе обучения русскому языку // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Совре-

менные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2019. № 1 (18). С. 31–39.

2. Егоров К.Б., Захарова В.А. Стратегии обеспечения качества обучения русскому языку и культуре иностранных студентов // Язык и культура. 2020. № 52. С. 170–187.

3. Завадская А.В., Исаева О.В., Слонь О.В., Юдина Т.А. Приобщение иностранных студентов к русской культуре в процессе изучения русского языка // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 4. С. 110–114.

4. Коровина П.К. Выявление речевых сложностей в процессе изучения русского языка у иностранных студентов в ДВФУ // Colloquium-Journal. 2019. № 15-7(39). С. 44–49.

5. Кузнецова А.А., Скаковский В.Ю., Ткачева Р.А. Формирование языковых возможностей студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 184–195.

6. Самитова С.Г. Формирование профессиональной речевой культуры у иностранных студентов в процессе обучения русскому языку (на примере тюркоязычной группы) // Казанская наука. 2021. Т. 3. № 2. С. 39–42.

7. Ульянова Э.Ф., Миролюбова Н.А. Использование адаптивной технологии обучения иностранных студентов русскому языку и культуре речи в технологическом вузе // Перспективы науки. 2022. № 4 (151). С. 222–227.

8. Чуксина И.Г., Ковалишин П.Ю. Профессионально ориентированное обучение иностранных студентов русскому языку в техническом вузе // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2019. № 3 (49). С. 70–78.

УДК 811.512.145

Саттарова Мәдинә Рәшид кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Саттарова Мадина Рашидовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Sattarova Madina Rashidovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: m-sattarova@mail.ru
Болгарова Рәмзия Марс кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казан, Россия
Болгарова Рамзия Марсовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Bolgarova Ramziya Marsovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ramzija5@yandex.ru
Болгарова Алинә Руслан кызы
Казан (Идел буе) федераль университеты
Казань, Россия
Болгарова Алина Руслановна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
Bolgarova Alina Ruslanovna
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: alinabolgarova@mail.ru

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ТАБИГАТЬ КҮРЕНЕШЛӘРЕ АТАМАЛАРЫ
НАЗВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
NAMES OF NATURAL PHENOMENA IN THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *В современном тюркском языкознании, в частности в татарском, особое внимание уделяется изучению семантических и тематических групп лексики, связанных с различными аспектами материальной и духовной культуры народа. Некоторые тематические и лексико-семантические группы до сих пор остаются малоизученными. Одна из таких групп связана с народными представлениями о климате и особенностях погоды. Данная статья посвящена описанию названий природных явлений на материале татарского языка.*

Annotation. *In modern Turkic linguistics, particularly in Tatar, special attention is paid to the study of semantic and thematic groups of vocabulary related to various aspects of the material and spiritual culture of the people. Some thematic and lexico-semantic groups are still poorly understood. One of these groups is associated with popular beliefs about climate and weather patterns. This article is devoted to the description of the names of natural phenomena based on the material of the Tatar language.*

Ключевые слова: *татарский язык, названия природных явлений, метеорологическая лексика татарского языка*

Keywords: *Tatar language, names of natural phenomena, meteorological vocabulary of the Tatar language*

Дөнья халыклары, шул исәптән татарлар да, элек электән үзе яшәгән тирәлекне күзәткән, табигать күренешләрен өйрәнгән. Әлеге күзәтүләргә бәйле төрле ышанулар, гореф-гадәтләр, сынамышлар формалашкан. Шул рәвешле, табигать күренешләре халыкның көндәлек тормышы, дөньяга карашына бәйле тотрыклы бер система барлыкка китергән. Кеше үзен табигатьнең аерылгысыз бер өлеше итеп таныган. География урнашуга бәйле төрле ел фасыллары бер-берсеннән шактый аерылу, шуларга бәйле табигать күренешләренең күптөрлелеге аларны билгеләү өчен күпсанлы атамалар барлыкка китергән.

Татар теленең сүзлек составы бик бай һәм киңкырлы. Арада табигать күренешләрен белдерә торган берәмлекләр зур бер төркемне тәшкил итә. Әлеге мәкаләдә хәзерге татар телендә кулланылышта булган табигать күренешләрен белдерә торган берәмлекләргә тематик классификация тәкъдим итү максаты куелды. Тасвирлана торган материалның лингвистик, этнографик, тел тарихы һ. б. өлкәләр күзлегеннән кыйммәте зур булу хезмәтнең актуальлеген раслый.

Рус тел белемендә метеонимнар шактый өйрәнелгән. Т.В. Горячева [1], В.М. Касьянова [5], М.А. Лазарева [6], М.О. Сорокина [9], И.Н. Суспицина [10], А.А. Чемерчева [19], Л.Е. Щербакова [21] һ. б. хезмәтләре шуны раслый. Төрки тел белемендә дә табигать күренешләрен белдергән сүзләргә берникадәр игътибар бир. Мәсәлән, Л.В. Данилова [2], В.Б. Джафаров [3], А.Г. Искәндәров [4], Л.С. Левитская [7], Ю.В. Норманская [8], М.З. Улаков [17], Д.Д. Хәйруллина [18], А.Г. Шәйхулов [20], А.Д. Эсенмадова [22] һ. б. авторлыгында дөнья күргән басмаларда аерым мәгълүматлар бар. Әлеге хезмәтләр татар телендә кулланылышта булган табигать күренешләре атамаларын өйрәнү өчен фәнни-методологик нигез булдыра.

Татар телендә кулланылышта булган бу төркем сүзләрне өйрәнүне әдәби тел мисалында башлау урынлы булыр. Әлеге мәкалә кысаларында тупланган ике йөздән артык берәмлекне тематик классификацияләү максаты куелды. Перспективада бу эзләнүләр татар теле сөйләшләрендә кулланыла торган берәмлекләр белән тулыландырылачак, шул рәвеште хәзерге татар телендә кулланылышта булган табигать күренешләре атамаларының тулы исемлеге төзеләчәк. Теоретик һәм гамәли яктан татар теленең сүзлек байлыгын өйрәнүдә кулланылырга мөмкин булган чыганак булдыру күз алдында тотыла.

Алда билгеләнгән галимнәрнең хезмәтләрендә табигать күренешләре атамаларын метеорологик лексика, метеонимнар дип билгеләү теркәлгән. Тематик яктан төркемләүгә килгәндә, фикер төрлелеге күренә. Бу табигый дип уйлыйбыз, чөнки авторларны максатлары төрле. Нигездә явым-төшем, һава шартлары белән бәйле күренешләр, җил игътибар үзәгендә. Моннан тыш яктылык, электр, температура белән бәйлеләре дә очрый. Климатик шартлар төрлелеге дә тематиканың үзенчәлеген билгели. Л.С. Левитская

«Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» хезмәтенең «Метеорология» бүлегендә төрки телләрдәге табигать күренешләре белән бәйле атамаларны 3 төркемгә берләштерә: атмосфера күренешләре, явым-төшемнәр, җил [7: 13].

Татар теленең аңлатмалы сүзлегеннән файдаланып тупланган берәмлекләрнең эчтәлеген өйрәнеп, түбәндәге бүленешне тәкъдим итәбез. Сүзлекләр әдәбият исемлегендә күрсәтелде [11–16]. Мөстәкыйль берәмлекләрнең кулланылыш вариантлары төшенчәнең ни дәрәҗәдә киң таралуын, эчтәлеге бай булуын күрсәткәнгә, теркәлгән берәмлекләрне дә санау урынлы булыр.

1. Явым-төшем атамалары:

Яңгыр*: койма яңгыр, көчле яңгыр, күкрәүле яңгыр, ләйсән яңгыр, пыскак яңгыр, спас яңгыры, яңгыр тамгалау, тамчылау, сибәләү, эре тамчылы яңгыр, тынмастан яңгыр, шифалы яңгыр, чиләкләп яңгыр кою, яшенле яңгыр, яңгырлы һава, өермәле яңгыр, явым, явым-төшем, карлы-бозлы яңгыр, рашкылы яңгыр* һ. б.

Кар*: карлы-буранлы (көн), рашкы, ярма кар, кар бураны, кар бөртеге, кар капламы, кар суы, кар тавы, кар өеме, карт көрте, беренче кар, күбәләк кар, ябалак кар, кар давылы, епшек кар, кырпак кар, өрпәк кар, очкак кар, чапырдап торган кар, шыгырдавык кар* һ. б.

Боз: *боз китү, боз кузгалу, боз яву, боз сугу, бозлавык, тайгак, тайгалак* һ. б.

Бәс: *бәс төшү, бәс сару, кырау, кырау төшү, кырау сугу, сыкы* һ. б.

Чык: *чык тамчысы, чык төшү, чык суы, чык тамчысы, чыклы үлән* һ. б.

2. Болыт төшенчәсе белән бәйле берәмлекләр: *болыт басу, болытлар куеру, болытлар калынаю, каурыйсыман болытлар, кысыр болыт, болытлар агылу, аязучан болытлы* һ. б.

3. Томан төшенчәсе белән бәйле берәмлекләр: *томан каплау, томан күтәрелү, томалану, томан катлавы, томан төшү, төтенсу томан, томанлы көн, коры томан* һ. б.

4. Оптик күренешләр белдерә торган сүзләр: с*алават күпере, мираж, рәшә, чагым (искергән сүз), поляр балкыш, төньяк балкышы, котып балкышы* һ. б.

5. Электр белән бәйле күренеш атамалары: *аҗаган, елдырым, арыш камчылау, күк күкрәү, күкрәвек, яшен, яшен шары* һ. б.

6. Җил, һава агымы белән бәйле сүзләр: *буран, кар бураны, буран күтәрелү, буран чыгу, кар давылы, җәяүле буран, ыжгыр буран, җилле буран, карлы-буранлы, күз ачкысыз буран, ком бураны, җил, арттан искән җил, җил сызгыру, пәри туе, үзән җиле, дала җиле, гарасат, давыл, җил-давыл, өермә, җил-давыл кубу, давыл җиле, шторм, шторм сигналы, коры җил, тын куыргыч җил* һ. б.

7. Табигатьтә су әйләнеше белән бәйле төшенчәләр: *боз китү, боз агу, боз кузгалу, язгы ташу, корылык, кытлык, яңгырсызлык, яңгырсыз ел, елга юлы, елга үзәге, елга үзәне* һ. б.

8. Җир катламында бара торган күренешләр белән бәйле төшенчәләр: *җир тетрәү, зилзилә, җир кыймылдау (искергән сүз), вулкан, янартау, утлы тау, ут тавы, янар тау авызы, вулкан кратеры, ләмле вулкан.*

9. Астрономик күренеш атамалары:

Көн: *көн аралаш, көн ачылу, баш көн, буш көн, атнакөн, кояшлы көн* h. б.

Төн: *кара төн, төн уртасы, җиде төн уртасы* h. б.

Иртә: *хәерле иртә, иртә-кич, таң, таң ату, иртән-иртүк, таңгы, яктыру* h. б.

Кич*: кичтән, кичкырын* h. б.

Яз: *иртә яз, яз башы* h. б.

Җәй*: кышын-җәен, җәй җитү, җәен, җәйгелектә, карчыклар атнасы, әбиләр чуагы* h. б.

Көз: *көз җитү* h. б.

Кыш: *кыш көне, кышкы салкын* h. б.

Кояш: *кояш тотылу, язгы кояш баешы, кояш баю, кояш чыгу, кояш нурлары, кояш җылысы, кояш кыздыру* h. б.

Ай: *ай яктысы, ай туу, яңа ай, ай тулысы, тулган ай, ай тотылу, ай яктысы, ай нуры* h. б.

Йолдыз: *Зөһрә йолдыз, Таң йолдызы, Чулпан йолдыз, Тимер казык йолдыз, Җидегән йолдыз, Чүмеч йолдыз, йолдыз атылу, йолдыз җемелдәү* h. б.

Күк: *күк йөзе, җир белән күк арасы, күк гөмбәзе, күк капусы* h. б.

10. Табигать җанлану белән бәйле атамалар: *чәчәк ату, яфрак яру, яфрак коелу, уылдык чәчү* h. б.

11. Метеорология системасы белән бәйле гомуми атмалар: *антициклон, атмосфера, атмосфера басымы, һава, саф һава, дымлы һава, һава басымы, климат, комета, койрыклы йолдыз, космос, галәм, фәза (искергән сүз), ландшафт, күренеш, манзара, һава торышы, ачалак-йомалак, һава ачылу, аязу, аяз, көн суыту, көн җилләп тору, табигать, җанлы табигать, тере табигать, тере булмаган табигать, янгын, янгын сүндерү, озон, сезон* h. б.

12. Температура үзгәрү белән бәйле күренеш атамалары: *тынчу, бөркү, эссе, кызу, салкын, җәйге челлә, көн кызуы, корылык, кытлык, боз сөңгесе, суык, салкын, кырау, иртәнге салкын, кичке салкын, зыкы, үзәк өзгеч салкын, чатлама салкын, зәмһәрир, кышкы челлә, раштуа суыклары, коры суык, пар, пар күтәрелү, тузан, тузан тузу, тузан бөртеге, епшек, җепшек* h. б.

Тәкъдим ителә торган бүленешне татар сөйләшләрендә кулланыла торган берәмлекләр хисабына тулыландыру мөһим. Анализланган кадәр лексик берәмлекләр бу семантик катламның әһәмиятле булуын раслый. Бу берәмлекләрнең җанлы телдә кулланылышы, халык авыз иҗатында теркәлгән мәгънә мөмкинлекләрен өйрәнү тагын да эчтәлекле нәтиҗәләр ясарга мөмкинлек тудырачак. Тематик бүленеш тә метеонимнар гына түгел, су әйләнеше, җир картламы хәрәкәте, температура һәм һава үзгәрү белән бәйле, астрономик һәм башка мәгънәләрне үз эченә алып төзелгән очракта тулырак булыр. Нәтиҗә ясап әйткәндә, татар телендә табигать күренешләре белән бәйле мәгънәдә кулланыла торган сүзләрнең активлыгын, ясалышын, килеп чыгышын өйрәнү юллары ачыла, татар теленең кардәш һәм кардәш булмаган башка телләр арасында тоткан урынын билгеләргә ярдәм итәчәк.

ӘДӘБИЯТ

1. Горячева Т.В. Заметки по этимологии русской народной метеорологической терминологии // Этимология–1977. М.: Наука, 1979. С. 102–109.

2. Данилова Л.В. Метеорологическая лексика тюркских языков: сравнительно-историческое освещение: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972. 209 с.

3. Джафаров В.Б. Метеорологические термины в азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 24 с.

4. Искандаров А.Г. Метеорологическая лексика башкирского языка. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 25 с.

5. Касьянова В.М. Русская метеорологическая лексика (история и функционирование): дис. … канд. филол. наук. Москва, 1984. 258 с.

6. Лазарева М.А. Сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русского языков: дис. … канд. филол. наук. М., 2000. 200 с.

7. Левитская Л.С. Метеорология // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. С. 13–49.

8. Норманская Ю.В. Реконструкция пратюркской системы названий метеорологических явлений и ее анализ с точки зрения диахронической лексической типологии // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Восточная литература, 2008. С. 68–101.

9. Сорокина М.О. Лингвокультурологическое исследование поля «погода» в русских говорах Алтая: Моделирование фрагмента региональной языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 178 с.

10. Суспицина И.Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 188 с.

11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / ред.: Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, Ф.И. Таһирова. Казан: ТӘһСИ, 2015. Т. 1: А–В. 712 с.;

12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / ред.: Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, Ф.И. Таһирова. Казан: ТӘһСИ, 2015. Т. 2: Г–Й. 748 с.

13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / ред.: Ф.Ф. Гаффарова, Ф.И. Таһирова, Р.Т. Сәфәров. Казан: ТӘһСИ, 2017. Т. 3: К. 744 с.

14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Т. 4: Л–Р. Казан: ТӘһСИ, 2018. 760 б.

15. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Т. 5: С–Т. Казан: ТӘһСИ, 2019. 908 б.

16. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Т. 6: У–Я. Казан: ТӘһСИ, 2021. 912 б.

17. Улаков М.З., Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М. Метеорологическая лексика (на материале словарей карачаево-балкарского языка). Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 4 (102) 2021. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_46551835_80823037.pdf (дата обращения: 26.08.2025)

18. Хайруллина Д.Д., Гилязева Э.Н., Базарова Л.В. Особенности номинации природного явления «дождь» в английском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 918–922.

19. Чемерчева А.А. Народная метеорология: поверья, обряды и терминология: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 206 с.

20. Шайхулов А.Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц (на материале языков Урало-Поволжья) // Методы топонимических исследований: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. С. 35-41.

21. Щербакова Л.Е. Формирование русокой метеорологической лексики: наименования осадков, наименования состояний погоды: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1983. 154 с.

22. Эсенмадова А.Д. Лексико-семантические особенности метеорологической лексики туркменского языка // Психология, социология и педагогика. 2023. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psychology.snauka.ru/2023/01/8749 (дата обращения: 26.08.2025)

УДК 811. 512. 145

Сафина Эльвира Ирфат кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Сафина Эльвира Ирфатовна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Safina Elvira Irfatovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
E-mail: 7idillia@mail.ru

ТАТАР ХАЛЫК ҖЫРЛАРЫНДА САНДУГАЧ ҺӘМ БЫЛБЫЛ ОБРАЗЛАРЫ

ОБРАЗЫ СОЛОВЬЯ В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

IMAGES OF A NIGHTINGALE IN TATAR FOLK SONGS

Аннотация. *В статье рассматривается символика образа соловья в татарских народных песнях. Устанавливается, что соловей является центральным символом, выражающим целый спектр чувств: от любви и красоты до глубокой печали, тоски по родному дому, разлуки с любимым и сложной палитры лирических переживаний. Делается вывод о глубокой эмоциональной связи между народной культурой и природным миром, где соловей выступает в роли лирического собеседника и тонкого посредника, связывающего мир человеческой души с миром природы.*

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the symbolism associated with the nightingale in Tatar folk song tradition. Employing structural-semantic and comparative methodologies, the study demonstrates that the ornithonym "nightingale" operates as a pivotal artistic code structuring a multilayered system of lyrical meanings, ranging from themes of love, beauty, and harmony to those of sorrow, longing, and separation. As a key mediator between the individual's inner world and the natural environment, the nightingale integrates both personal and collective emotional experiences, reflecting distinctive aspects of the national mentality. The findings underscore the profound interrelation between the emotional sphere of Tatar folk culture and the natural landscape, as well as the importance of zoomorphic symbolism in shaping the semantic field of folk song.*

Ключевые слова: *орнитоним, образы птиц, соловей, символика, татарская народная песня*

Keywords: *ornithonym, symbolism, nightingale image, Tatar folk song, folklore, emotional structure*

Халык лирикасында орнитологик образлар күплеге һәм төрлелеге белән аерылып тора. Бу кошларның татар халкының материаль һәм рухи тормышында зур роль уйнавы белән аңлатыла.

Поэзиядә һәм җыр сәнгатендә аеруча еш очрый торган орнитонимнар – сандугач һәм былбыл. Алар бүгенге көн җырларында да күп һәм һәр кешегә таныш. Сандугач белән былбыл образларының татар җырларында элек-электән үк актив кулланылуын күрсәтү максатыннан, анализ өчен махсус борынгырак җырлар алынды. 1965 елгы «Татар халык җырлары»

[13] җыентыгындагы әлеге орнитонимнар кергән 50 дән артык җыр тикшерелде.

Халык җырларының поэтик символикасы галимнәр тарафыннан XIX йөздә үк өйрәнелә башлый [5: 19]. Орнитонимнарга бәйле образларга В.И. Абрамова, Д.В. Павлов, А.В. Кузьмина, Т.М. Малыхина, Н.Н. Глухова, А.М. Хәкимьянова, Р.Т. Моратова хезмәтләрендә зур урын бирелә.

Еш һәм күп очраганга, бай образлар хасил иткәнгә күрә, кошлар символикасы гадәттә җырларны тикшерү-анализлауга багышланган хезмәтләрдә дә карала. Мисал өчен, К.М. Миңнуллинның җырларны өйрәнүгә багышланган хезмәтендә [8], Л.Ф. Җамалиеваның татар, башкорт, чуваш халык җырлары турындагы диссертациясендә [4] башка күптөрле образлар белән беррәттән, кошлар белән бәйлеләре дә анализлана. Пермь татарларының музыкаль культурасын фәнни яктан анализлауга багышланган монографиядә шулай ук җырларда орнитологик образларның күп булуы ассызыклана [2].

Сандугач – бик күп телләрдә кулланыла торган гомумтөрки орнитоним [9: 42].

Сандугач атамасы булган җыр юлларында кошлар төрле яктан тасвирлана: аларның символик мәгънәләре генә түгел, ә физик билгеләре, яшәү-тору урыннары, сайраулары да телгә алына. Мисал өчен, игътибарны җәлеп итә торган тышкы билгеләреннән сандугачларның төсе әйтеп үтелә (Кара карлыгач микән, / Сары сандугач микән / Аны үстергән әнкәсе; Таң алдыннан тал тибрәтеп / Сайрый сары сандугач; Сарылы күлмәк, сандугачым, / Саргайдым сине уйлап).

Сандугачның кайчан сайравы (ел фасылы, тәүлек вакыты) күрсәтелә. Мисал өчен, *язын* (Сандугач / Өзелеп-өзелеп сайрыйдыр, / Яз булгач); *таң атканда* (Сандугачлар сайрый, әй, садларда, / Сызылып кына таңнар атканда); *таң алдыннан* (Таң алдыннан тал тибрәтеп / Сайрый сары сандугач; Талдан талга кунып сайрый микән / Таң алдыннан сары ла сандугач?); *төнлә* (Асыл да сандугачлар кайда сайрый? / Тулган айның каршында) һ. б.

Кайда сайравы турында мәгълүмат тагын да күбрәк. Болар: *тугайда* (Сандугач моңая, әй, тугайда, / Мин моңаям нигә бу айда?); *аланда* (Сандугачлар сайрап, ай, очадыр / Аланда); *су буенда* (Сандугачлар сайрый су буенда; *чишмә янында* (Түгәрәккәй чишмә суы тулган, / Аның ягасына кош кунган); *урманда* (Сандугач сайрар яшел урманда, / Без дә сайрашыйк, әйдә, җанашым); *әрәмәдә* (Әрәмәкәйләрдә лә, талларда); *бакчада* (Сандугач сайрый бакчада, / Гөл бакчасы сәйран дип) һ. б. Бакча сүзенең рус телендәге варианты да очрый (Сандугачлар сайрый, әй, садларда). Татар халык җырларында сандугачлар хәтта мәчет башында сайрый (Мәчетләр дә башы кыйгач-кыйгач, / Кыйгачлары саен сандугач).

Фитонимнар белән бергә куллану сандугачның нинди агачка кунып сайравына ачыклык кертә. Мисал өчен, *алмагач* (Асыл да сандугачлар кайда сайрый? / Баллы алмагач башында); *каен* (Сандугачлар сайрый, әй, каршымда, / Нечкә генә башлы каенда); *миләш* (Сандугачлар ияләшкән / Су эчәргә миләштән); *карама* (Сандугачлар оя кайда ясый – / Яшел карамага – куышка); *муел* (Агыйделкәйләрнең, ай, буенда, / Сандугачлар сайрый муелда); *зәйтүн агачы* (Сандугач белән былбылны / Зәйтүн агачына

ла кундыр син); *тирәк* (Сандугачлар сайрый, ай, тирәктә); *тал* (Сандугачым, әйт үземә, / Кайсы талга кунасың?; Сандугачларның, ай, баласы, / Куныр сайрамага тал тапмый; Сандугачлар оча тал эзләп); *тал тирәк* (Җәй аенда матур аяз көндә, / Сандугачлар сайрый-сайрый / Тал тирәккә кунганда шул). Агачлардан тыш, сандугач *гөлләргә* басып сайрый (Сандугачлар басып сайрап / Сындырган гөлләремне; Сандугач очар гөл күреп, / Асыл кошлар очар күл күреп; Бакчадагы гөлләремә / Сандугачлар ияләшми).

Сандугачларның күбрәк тал һәм тирәккә кунуларына игътибар иткәннәр булса кирәк, агач исемнәре арасында алар иң еш кулланыла. Бу фитонимнар аерым-аерым да, бергә дә очрый (Безнең каршыбызда тал да тирәк, / Сандугачка сайрарга шул кирәк). *Тал тирәк* дигән вариант та күп (Сандугачлар сайрый-сайрый / Тал тирәккә кунганда). Бүгенге көндә әлеге агач исемнәре я кушылып, я сызыкча аша языла. К.: Тал-тирәк *җый. и.* Талсыман агачлар, төрле тал агачлары [11: 343]; Талларның һәртөрле төре күп үскән җир [12: 339]. Талтирәк – талчалар семьялыгыннан сулыклар буенда үсә торган очлаебрак торган яфраклы талга охшаш биек агач; русчасы: ветла [Шунда ук]. Халык җырларындагы *тал тирәк* бүгенге көн сүзлекләрендәге *талтирәк* тә, җыйма *тал-тирәк* тә булырга мөмкин.

Кошларның кайда сайраулары турында сүз барганда, җырларда Татарстандагы һәм татарлар яшәгән өлкәләрдәге елга исемнәре телгә алына. Татар халкы җырга салган сандугачлар *Зәй буенда* (Зәй буенда үскән тал тирәккә / Сандугачлар тәхтен корырмы?); *Агыйдел буенда* (Агыйделкәй буе тугай-тугай, / Сайрап тора сандугач-тургай); *Сакмар буенда* (Сакмар да гынай суы буйларында / Сандугачлар тавышын тыңладым) сайрый.

Сандугачларның ничек сайравы түбәндәге юлларда күренә: Сандугач чут-чут итеп сайрыйдыр, / Яз булгач; Таң алдыннан чут-чут килә / Сандугачлар тавышы. Орнитоним *сайрау* сүзе белән еш очрый. *Сайрар* сүзе белән кулланыла (Яшь акылым белән сизми калдым, / Сайрар сандугачым шул булган).

Күзгә күренеп торган үзенчәлекле билгеләреннән образлылыкка күчкәндә, сандугач образының беренче чиратта хис-тойгылар, кичерешләр белән бәйле булуы күзгә ташлана. Шуларның иң көчлесе – тирән сагыш хисе.

Сандугач образының сагыну, юксыну, сагыш белән бәйлеләрен ике төркемгә бүлеп карарга була. Беренчесе – туган якны, икенчесе – сөйгән ярны сагынып сагышлану.

Туган як, туган ил, туып үскән җиргә бәйле рәвештә сандугач сайраулары аеруча еш телгә алына. Сандугач я туган якта сайрый, я аның сайраулары туган якны искә төшерә, я туган җирен сагынучы лирик герой сандугач белән серләшә, аңа сагыну-сагышлары турында сөйли (Сайрамачы, сандугачым, син сайрасаң, / Күңелләрем тулып җилкенә; Искә төшә сөйгән газиз ярлар, / Искә төшә туган ил генә). Шуңа бәйле рәвештә, билгеле инде, сандугачның сайравы үтә дә моңлы булып ишетелә (Сандугачның сайравы / Ник болай моңлы икән? Моңлы бала түгел идем, / Миңа ниләр булды икән?). Сөйгән ярын сагынуга түзә алмаган лирик герой өчен дә сандугачларның тавышы бик моңлы булып тоела (Сандугачлар тавышы моңлы икән, / Сөйгәнеңне өзелеп сагынгач).

Сагышлы җырларда сандугач образы түбәндәге хисләрне белдерә: *сагыну* (Сагынсам да, җаныем, нихәл итим, / Барып та гына күрер җир түгел. / Сандугач, / Бик ямансу була икән Сагынгач; Сандугачлар сайрар, әй, җир түгел, / Сайрар урыннары ла киң түгел. / Сагынмаслык түгел, саргаерлык, / Йөгереп җитә торган җир түгел); *күңел тулу, күңел җилкенү* (Син сайрасаң, / Күңелләрем тулып җилкенә); *саргаю* (Сандугач кебек сайрый-сайрый, / Саргайдым йөргән җиремдә; Сарылы күлмәк, сандугачым, / Саргайдым сине уйлап).

Сагыну-сагыш, юксыну хисләре тулы шигырь юлларында лирик геройның авыр халәте *елау, җырлау, моңаю, сайрау* фигыльләре аша белдерелә (Сандугачлар тавышын тыңладым да / Өзелеп-өзелеп җырлар җырладым; Сайра, сайра син, сандугач, / Моңлы тавышың берләп, / Мин дә җырыңа кушылыйм / Кайгы-сагышым берләп; Җырлау түгел җыларсың да, / Өзелеп-өзелеп сагынгач; Сандугачлар идем бит илемдә, / Кайтсам сайрар идем җиремдә; Сары сандугач, сайрый сандугач, / Егъладым сагынгач; Сандугач моңая, әй, тугайда, / Мин моңаям нигә бу айда?; Үткән гомерләрем кайтыр микән, / Сандугачлар булып сайрасам?).

Шул ук вакытта, сандугач сайравын тыңлап, халык моңаеп кына калмый, киресенчә, *сагышын тарата* (Сайра, сайра син, сандугач, / Тыңлыйм матур тавышың, / Сине тыңлап таратырмын / Эчемдәге сагышым); *хушлана, йөрәгенә ял ала* (Сайра, сайра син, сандугач, / Басып тал-тирәгеңә, / Сайравыңнан хушланам да / Алам ял йөрәгемә). Әлеге җыр юлларында сандугачның сайравы якты хисләр уятса да, алар артында авыр хискичерешләр, тойгылар ята. Биредә алар кешеләрнең шул халәтен онытты рып торырга ярдәм итә торган позитив эмоцияләр буларак кабул ителә. Ә тулаем позитив, уңай төсмерле бер генә мисал очрады: сандугач сайравыннан *җир ямьләнә* (Сайра, сайра син, сандугач, / Сайра, юат, күңелең ач, / Сайравыңнан җир ямьләнсен, / Чәчәк атсын алмагач).

Сандугач сайравы гадәттә кешеләрне тәэсирләндерсә, бер җырда, киресенчә, сандугачларның кешеләр җырлавын тыңлавы турында әйтелә: Агыйделкәй буйлап, әй, сал ага, / Сал өстендә кемнәр, әй, моңлана? / Без җырласак салда курай тартып, / Сандугачлар туктап, әй, тыңлана.

«Сандугачым» дип мөрәҗәгать итеп, лирик герой сандугач белән сөйләшә (Сөйгәнем исемен яздырдым, сандугачым, / Кулымдагы йөзеккә, карлыгачым. / Гыйшык диңгезе бик тирән, сандугачым, / Чыгып булмый йөзеп тә, карлыгачым; Суда тау-таш кыялары, сандугачым, / Былбыл кош оялары, карлыгачым, / Ике гашыйк бергә килсә, сандугачым, / Нурлана дөньялары, карлыгачым).

Сөйгән ярга *сандугачым* дию киң таралган. Җырларда *сандугачым, сайрар кошым* (Калфагыңны күтәр-күтәр, / Көдрә чәчең, / Сандугачым, сайрар кошым); *сайрар кошым, сандугачым* (Рәхәт көннәрем бар иде, / Сайрар кошым, сандугачым, / Тибрәнгәндә бишектә; Нинди шатлыклар булса да, / Сайрар кошым, сандугачым, Баса алмыйдыр кайгымны); *асыл кошым, сандугачым* (Асыл кошым, сандугачым, / Җырлап җибәрә микән?) сүзләре очрый. Кайбер җырларда сандугач образы – хатын-кыз, ә карлыгач образы ир-ат белән тиңләштерелә (Син сандугач булсаң, мин карлыгач, / Елама, иркәм, китмәм, иркәм, / Кил, аппагым, саргайтмам).

Орнитоним башка кош атамалары белән дә кулланыла. Мисал өчен, *сандугач-күгәрчен* (Биек тауларда бер авыл, / Ничек алмый җил-давыл? / Сандугач-күгәрчен, / Хәсрәт чигәм, күрәмсең; Төшләремдә бергә булдык, / Уянсам тагын ялгыз. / Сандугач-күгәрчен, / Хәсрәтем синең өчен; Беләсеңме хәлләремне, / Бер күрергә тилмерәм. / Сандугач-күгәрчен, / Саргаям синең өчен); *күгәрчен-сандугач* (Күгәрчен-сандугач, / Ни кылырбыз аерылгач; Алма чәчәге коела / Таңда искән җил белән. / Күгәрчен-сандугач, / Нишлим бәхетем булмагач?); *сандугач-тургай* (Сайрап тора сандугач-тургай).

Җырлардан тупланган мисаллар сандугач орнитонимының халык ижатында чынлап та бик киң кулланылуын һәм күптөрлелеген күрсәтә.

Былбыл орнитонимы гарәп теленнән кергән [9: 53]. Сандугач атамасының синонимы буларак кулланылса да, орнитологик чыганаклар күрсәткәнчә, былбыл – башлыча Африка һәм Азиядә тереклек итә торган *былбыл кошлар* (рус. Бюльбюлевые; лат. Pycnonotidae) семьялыгына керә торган кошларны белдерә [10: 26]. Моңа кадәр Россиядә былбылларның бер төре генә очрый дип санала иде. Орнитологлар мәгълүматы буенча, соңгы елларда тагын бер төре – кытай былбылы күренә башлаган [1: 621; 3: 46].

Сөйләм телендә, көндәлек тормышта сандугач атамасы кулланылса, былбыл – матур әдәбиятта, аеруча поэтик жанрда актив.

Татар халык җырларын тикшерү күрсәткәнчә, былбыл образы нигездә сандугач образы белән тиңдәш. Без тикшергән җырларда иң беренче чиратта былбыл шулай ук хис белән (туган якны һәм сөйгән ярны сагыну) бәйле. Былбыл сайраулары туган якны искә төшерә, сагындыра (Былбыл өзелеп сайраганда, / Бик ямансу, бик ямансу, / Бик ямансу ят җирдә шул / Бик ямансу ят җирдә; Кычкырыр ла күке, сайрар былбыл, / Шул чагында ничек лә түзәрбез?).

Татар халык җырларында былбыл *сагышлы* (Сайрамачы, былбыл, ник сайрыйсың? / Өзелә үзәк синең тавышка. / Сайрыйсыңмы син дә, минем кебек, / Көне-төне ачы сагышка?); *моңлы* (Кара урманнарның уртасында / Былбыл кошлар сайрый моңланып. / Барлык дус-ишләрем арасында / Бер мин генә моңлы булганмын). Лирик герой үзен дә былбыл белән тиңли, былбыл тавышларын тыңлап моңая (Ай, былбылым, гүзәлем! / Өзелә ич үзәгем, Әй, моңаям).

Сандугач кебек үк, былбыл да гыйшык җырларындагы иң тәэсирле образ (Талда былбыл кошлар утыра, / Чыдап булмый гыйшык утына). Сандугачка тиңләгән кебек, хатын-кызны былбылга тиңлиләр (Сандугач микән, былбыл микән / Бу язуны язган иясе?), сөйгән ярга *былбыл, былбылым* дияләр (Үстем, җаным, гөл-гөл, / Синең өчен, былбыл, / Ятлар өчен үсмәдем; Егет: Укалы калфагыңны чыкчы киеп, былбылым, / Кузасына керләр кунмасын гына. / Аерылышыр булсак, бәхилләшик, былбылым, Соңгы көндә рәнҗүләр булмасын гына). Халык җырларында *былбылым* дип кызга да, егеткә дә әйтелә (Кыз: Алмас та гына булгач, ник сөйдең соң, былбылым, / Яшь гомеремне әрәмгә уздырып кына; Егет: Елама, сөйгән яр, син елама, былбылым).

Былбыл кошларның үзләренә мөрәҗәгать итү дә очрый (Ай, былбылым, вай, былбылым, / Агыйделнең камышы. / Таң алдыннан чут-чут

килә / Сандугачлар тавышы; Ай, былбылым, вай, былбылым, / Кунып сайрый талларга. / Синең хакта серләремне / Сөйлим сандугачларга).

Былбыл – матурлык символы. Яраткан яр былбыллардан да матуррак итеп тасвирлана (Ни еллардан бирле күргәнем юк, / Былбыллардан сылу булгандыр).

Былбыл – дус, сердәш, ярдәмче (Әй, югалттым сәгать лә чылбырым, / Тапмадыңмы, сары ла былбылым?).

Татар халкы былбылларга зур хөрмәт белән карый. Ярату һәм алар турында кайгырту (Былбыл оча, канаты талмасын), аерым мөнәсәбәт, сакчыл караш, затлы кош итеп санау сизелеп тора (Былбыл кошларны тотмыйлар, / Тотсалар да атмыйлар).

Сандугачларныкы кебек үк, былбылларның да сайрау урыны *алмагачта* (Алмагач өстендә сары былбыл / Канатларын кага очканда); *талларда* (Былбыл да бар, кондыз да бар / Димнең талы ягында; Агыйдел кага ярына гына, / Былбыллар куна талына гына); *кылганда* (Кенәлекәй буе кылгандыр, / Кылганына былбыл кунгандыр); *гөлләрдә* (Гөл бакчасында гөлләр үсә, / Арасыннан былбыллар үтәлми. / Үзеңне күреп сөйләмичә, / Хатка язып сүзләрем бетәлми; Бакчаларда гөлләр, әй, үсәдер, / Арасыннан былбыл үтәдер, үтәдер); *муелларда* (Безнең каршыбызда куш муеллар, / Муелларга кунган былбыллар); *камышларда* (Төрле кошлар сайрый икән / Идел камышларында. Иртә уянам, кич моңаям / Былбыл тавышларына); *зәйтүн агачында* (Сандугач белән былбылны / Зәйтүн агачына ла кундыр син).

Анализдан күренгәнчә, татар җырларында сандугач һәм былбыл уңай коннотацияле. Икесе дә матурлык, затлылык символы. Сандугач, былбыл образлары беренче чиратта туган як һәм сөйгән яр белән ассоциацияләнә. Шунысы әһәмиятле: сандугач башка халыкларда да шундыйрак төсмерләрдә, образларда сурәтләнә. Мәсәлән, русларда сандугач – мәхәббәт, романтизм һәм бөек хисләр символы булып тора һәм яшь чак, гашыйк булу чоры белән бәйле рәвештә кулланыла [7: 277]. Башкорт җырларында беренче чиратта матур итеп сайравына бәйле рәвештә телгә алына. «Хәтта кошның үзенә түгел, ә аның сайравына дан җырлана кебек» [6: 174]. Шул ук вакытта сандугач белән былбыл образлары сөйгән кызны белдерә һәм ялгыз, сагыш утында янган кешеләрнең юлдашы ролендә килә [14: 137]. Башка халыкларныкыннан аермалы буларак, мари җырларында сандугач әти һәм әни, чуваш җырларында әни белән тиңләштерелә [8: 11]. Болар барысы да әлеге образларның төрлелеген күрсәтә. Сандугач сүзенә башланган 500 ләп кыска җырны туплаган «Сандугачым-былбылым» (Казан, 1985) исемле җыентык та сандугачларның татар халкының рухи һәм мәдәни тормышындагы ролен ассызыклый.

Шулай итеп, җыр үрнәкләре татар телендә сандугач һәм былбыл атамаларының чынлап та синонимнар буларак кулланылуын күрсәтте. Былбыл – җылы якларда гына очрый торган былбыл кошлар семьялыгы кошы булып түгел, үзебезнең каен, карама, алмагачларыбызга кунып сайрый торган кош буларак кабул ителә.

Анализланган татар халык җырларында сандугач һәм былбыл: 1) су буенда, урманда, бакчада, чишмә янында һ. б. очрый; 2) талга, тирәккә, каенга, миләшкә, камышка һ. б. кунып сайрый; 3) Агыйдел, Дим, Зәй, Идел

буйларын үз итә; 4) матур сайравы белән таң калдыра; 5) моңлы сайравы белән туган якны искә төшереп тора; 6) гашыйкларның сердәше ролен үти; 7) сөйгән яр образында килә; 8) матурлык, затлылык символы булып тора. Сөйгән ярга «сандугачым», «былбылым» дип дәшү, яраткан кешене сандугач белән былбылга тиңләү шулай ук халыкның әлеге кошларга карата ихлас хисләрен һәм яратуын, хөрмәтен белдерә.

ӘДӘБИЯТ

1. Беляев Д.А. Увеличение числа встреч рыжеухого бюльбюля Microscelis amaurotis на Дальнем Востоке России за последние годы / Д.А. Беляев, В.П. Шохрин, Ю.А. Дарман [и др.] // Амурский зоологический журнал. 2022. Т. 14, № 4. С. 620–631.

2. Галимова Э.М. Традиционная музыкальная культура пермских татар. 2-е изд. Казань: ИЯЛИ, 2021. 328 с.

3. Глущенко Ю.Н. Китайский бюльбюль Pycnonotus sinensis – новый вид в авифауне России // Русский орнитологический журнал. 2013. Т. 22. № 835. С. 46–47.

4. Замалиева Л.З. Генетическая и типологическая общность в тематике и образной системе татарских, башкирских, чувашских народных песен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 26 с.

5. Кузьмина А.В., Малыхина Т.М. Наименования птиц в курской песенной лирике // Лингвофольклористика. 2024. № 39–1. С. 15–24.

6. Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении / отв. ред. – д-р филол. наук, проф. Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 260 с.

7. Ли Фэн. Зоонимы в жанре русской народной песни: деривативные аспекты // Казанская наука. 2024. № 10. С. 276–279.

8. Миңнуллин К.М. Җырларның шигъри табигате. Казан: Мастер Лайн, 1999. 107 б.

9. Сафина Э.И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань: Дом печати, 2006. 160 с.

10. Сафина Э.И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге. Казан: ТӘhСИ, 2018. 184 б.

11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: V т.: С–Т / Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Р.Т. Сәфәров, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, Ф.И. Таһирова, Ф.Ф. Гаффарова, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина. Казан: ТӘhСИ, 2019. 908 б.

12. Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 510 б.

13. Татар халык җырлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. 455 б.

14. Хакимьянова А.М. Символика в башкирской народной песенной традиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). С. 133–138.

УДК 811.512.145

Сәфәров Ринат Тәһир улы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Сафаров Ринат Тагирович
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Safarov Rinat Tagirovich
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: safar.rinat@yandex.ru

АҢЛАТМАЛЫ ЛЕКСИКОГРАФИЯДӘ СҮЗЛЕК МӘКАЛӘСЕ ЗОНАЛАРЫН ПАРАМЕТРИЗАЦИЯЛӘҮ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

ПРОБЛЕМЫ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ЗОН СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

PROBLEMS OF PARAMETERIZATION OF DICTIONARY ENTRY ZONES IN EXPLANATORY LEXICOGRAPHY

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме параметризации зон словарной статьи в татарской лексикографии. На материале современных толковых словарей татарского языка проводится комплексный анализ микроструктуры словарных статей. Основное внимание уделяется таким ключевым зонам, как вокабула (включая проблему подачи глагольной леммы), фонетическая характеристика (акцентология и транскрипция) и этимологическая справка. Выявляется вариативность в представлении лингвистической информации и отсутствие единых стандартов. Результаты исследования позволяют определить приоритетные направления для унификации и оптимизации структуры словарных статей в будущих словарях татарского языка с целью повышения их научной ценности и функциональности.*

Annotation. *The article is devoted to the actual problem of parameterization of dictionary entry zones in Tatar lexicography. Based on the material of modern explanatory dictionaries of the Tatar language, a comprehensive analysis of the microstructure of dictionary entries is carried out. The main focus is on key areas such as vocabulary (including the problem of presenting a verbal lemma), phonetic characteristics (accentology and transcription), and etymological reference. The variability in the presentation of linguistic information and the lack of uniform standards are revealed. The results of the study allow us to identify priority areas for the unification and optimization of the structure of dictionary entries in future dictionaries of the Tatar language in order to increase their scientific value and functionality.*

Ключевые слова: *татарский язык, лексикография, толковый словарь, микроструктура, зоны словарной статьи, лемма, этимологическая справка*

Keywords: *Tatar language, lexicography, explanatory dictionary, microstructure, dictionary entry zones, lemma, etymological reference*

Сүзлек мәкаләсенең микроструктурасы аңлатмалы сүзлекләрнең иң мөһим компонентларыннан берсе. Нәкъ микроструктура баш сүз (вокабула, сул як), фонетик транскрипция, морфологик характеристикалар, мәгънәне аңлату, иллюстратив мисаллар, стилистик тамгалар һ. б. зоналарны үз

эченә алган һәр аерым сүзлек фрагментының эчке структурасын (уң якны) бирү ысулларын билгели [6].

Микроструктураны (яки сүзлек мәкаләсенең структурасын) өйрәнү аерым сүзлек берәмлеге кысаларында материалны сайлап алу һәм системалаштыру принципларын аңлау өчен зур әһәмияткә ия. Сүзлек мәкаләсе элементларының урнашу үзенчәлекләрен, зоналарның урнашу тәртибен, бирелгән мәгълүматның характерын һәм аны визуальләштерү ысулларын анализлау сүзлек структурасын оптимальләштерү юнәлешләрен билгеләргә мөмкинлек бирә.

Хәзерге лексикографиянең теориясе һәм практикасы сүзлек мәкаләләренең структур характеристикаларын җентекләп өйрәнүне таләп итә, чөнки тикшеренүнең нәкъ менә шушы өлкәсе сүзлектән файдалануның уңайлы булуы һәм барлык кирәкле лингвистик мәгълүматны җыйнак һәм ачык итеп бирә алу мөмкинлеге белән турыдан-туры бәйләнгән.

Татар теленең хәзерге аңлатмалы сүзлекләрендә микроструктураның төрлечә булуына карамастан, сүзлек мәкаләләрендәге зоналар системасы нигездә бер үк принципларга нигезләнә. Лексикографик анализ нәтиҗәләре күрсәткәнчә, бигрәк тә фигыльләрнең сүзлек мәкаләләре структура һәм эчтәлек ягыннан профессиональ лексикографларның таләпләренә тулысынча җавап бирми, шулай ук тәжрибәле кулланучылар өчен дә җитәрлек дәрәҗәдә ачыклык һәм тулылык тәкъдим итми. Хәзерге вакытта хәл ителмәгән төп проблемалар арасында фигыль формаларының тулысынча чагылыш тапмавы, төрле юнәлештәге фигыльләрнең системалы теркәлмәве [4: 22], шулай ук хәл фигыльләрнең сүзлектә фрагментар рәвештә күрсәтелүе аеруча әһәмиятле мәсьәлә булып кала бирә.

Сүзлек мәкаләсенә караган бу һәм башка кайбер проблемаларны ачыклау максаты белән, тикшерү объекты буларак 1) 1977, 1979, 1981 елларда басылып чыккан өч томлы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» (алга таба – АС3); 2) 2005 елгы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» (АС1); 3) 2013 елгы «Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге» (МАС); 4) 2015–2021 елларда нәшер ителгән алты томлы «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» (АС6) һәм шуның 2020–2024 елларда басылып чыккан икенче басмасы алынды.

В.В. Дубичинский фикеренчә, әгәр дә тасвирланасы тел берәмлеге турында «бөтен» мәгълүматны үз эченә алган инвариант сүзлекнең сүзлек мәкаләсен күз алдына китерсәк, ул 1) баш сүз, 2) аның фонетик тасвирламасы, 3) аның грамматик тасвирламасы, 4) семантизациясе, 5) баш сүзнең башка сүзләр белән бәйләнеше, 6) баш сүзнең сүзьясалыш мөмкинлекләре, 7) этимологик белешмә, 8) иллюстратив белешмә (лексикографик иллюстрация), 9) лексикографик тамгалар, 10) энциклопедик мәгълүмат һәм 11) сылтамалардан гыйбарәт булыр иде [1: 107–112].

Татар теленең хәзерге аңлатмалы сүзлекләре инвариант сүзлек дәрәҗәсендә түгел, шулай да аларны бу юнәлештә камилләштерү киләчәктәге бурычыбыз итеп каралырга тиеш. Бу контекстта В.В. Дубичинский тәкъдим иткән һәр зона анализына мөрәҗәгать итү һәм аның методологик аппаратын татар теленең аңлатмалы сүзлекләренә карата кулланып тикшерү урынлы булыр дип саныйбыз. Безнең бу мәкалә үзәгенә исә баш сүз, фонетик тасвирлама һәм этимологик белешмә зоналары алынды.

1. Баш сүз (вокабула). Рус теленең аңлатмалы сүзлекләрендә, кагыйдә буларак, вокабуланы оештырган сүзләр, баш хәрефләр генә кулланып, эзлекле рәвештә бертөрле бирелә. Гадәттә юл хәрефеннән язылган сүзнең баш хәрефтән язылу очраклары мәкалә эчендә аңлатма башында күрсәтелә:

ЛУНА, -ы, мн. луны, лун, лунам, ж. 1. (в терминологическом значении Л прописное). Небесное тело, спутник Земли, светящийся отраженным солнечнымсветом. *Полет на Луну. Серп луны.* <...> 2. Свет, идущий от такого небесного тела. *Читать при луне.* 3. Спутник любой планеты (спец.). [Ожегов, Шведова, Толковый словарь русского языка]

ПИСАНИЕ, -я; **ср. 1.** к Писать (1-3, 8-11 зн.). <...> *Учиться писанию букв.* **2.** Разг. То, что написано от руки; письмо, рукопись. *Неразборчивое п.* **3.** Разг. О многословном, малосодержательном сочинении. *Не хочу читать газетных писаний!* **4.** [с прописной буквы] Книги Ветхого Завета (*включая книги пророков*). <...> **5.** Для последователей какой-л. религии: Текст, содержание которого составляет основу вероучения и считается священным (1 зн.). [Большой толковый словарь русского языка].

Рус телендә сүзнең гомумән һәр очракта яки аерым мәгънәсенең генә баш хәрефтән язылуы *Антарктика, Арктика, Библия, бобыль, Богоматерь, варшавянка, Восток, Вселенная, Господь, Дубинушка, май, октябрь, Пасха, Рождество, Талмуд* һ. б. сүзлек мәкаләләрендә күрсәтелгән.

Төрек теленең аңлатмалы сүзлегендә, кагыйдә буларак, баш хәреф аша языла торган сүзләр аерым мәкалә булып бирелә:

tatar *is., esk.* Mektup, haber vb. şeyleri gidecekleri yere götüren atlı posta arabasını süren kimse.

Tatar *öz is.* Rusya Federasyonu'na bağlı Tataristan Özerk Cumhuriyeti'nde ve Kırım'da yaşayan Türk halkı ve bu halkın soyundan olan kimse.

Güneş *öz is., astr.* Gezegenlere ve yer yuvarlağına ışık ve ısı veren büyük gök cismi.

güneş *is.* Bu gök cisminin yaydığı ışık ve ısı; gün, şems. [Türkçe sözlük]

Татар теленең аңлатмалы сүзлекләредә вокабула бирелеше рус сүзлекләре белән тәңгәл, ләкин мәгънәсенә карап баш хәрефтән яки юл хәрефеннән языла алган сүзләр төрлечә чагылыш тапкан:

КӨНЧЫГЫШ *и.* 1. Дөньяның дүрт ягының берсе: горизонтның көнбатышка каршы булган, кояш чыккан ягы. <...>; 2. (*баш хәреф белән языла*) Көнбатыш Европа дәүләтләреннән көнчыгышка таба урнашкан илләр. <...> [АС3: т. 2; 268].

КӨНЧЫГЫШ *ис.* **1.** 1) Дөньяның дүрт ягының берсе, кояш чыккан ягы. <...>; 2) (*Беренче хәрефе баш хәреф белән языла*) Бу юнәлештә урнашкан илләр, Көнбатыш Европага һәм Америка илләренә каршы куела. <...> [АС1; 321–322].

КӨ́НЧЫГЫШ (-ка; -тан; -ы) *ис.* **1.** 1) Дөньяның дүрт ягыннан берсе: көнбатышка капма-каршы, горизонтның кояш чыккан ягы; мәшрикъ. <...>; 2) Көнчыгышта урнашкан өлеш. <...>; 3) Көнчыгышта урнашкан дәүләтләр турында. <...>. [МАС: 202]

КӨ́НЧЫГЫШ *и.* **1.** 1) Дөньяның дүрт ягының берсе: горизонтның көнбатышка каршы булган, кояш чыккан ягы; мәшрикъ. <>

2) Европага карата шул тарафта урнашкан илләр. *Урта гасыр мәзһәбләреннән оеган Көнчыгыш тирән йокыда хәзер.* Р. Хәкимов. <...> [АС6: т. 3: 437].

Шулай итеп, татар теленең аңлатмалы белешмәлекләрендә баш хәреф кулланышына карата түбәндәге үзгәрешләр күзәтелә: элеккерәк сүзлекләрдә баш хәрефтән языла торган лексемалар аерым билгеләнгән булса, соңгырак басмаларда бу критерийгә әһәмият кимегән. Аларда баш хәреф кулланышы я бөтенләй күрсәтелмәгән, я иллюстратив материаллар аша гына чагылдырылган.

Лексикографик практика күрсәткәнчә, сүзлек кебек белешмәлектә, аеруча аның тулы типтагы булганында, мондый мәгълүмат системалы рәвештә күрсәтелә. Һәрхәлдә, сүз инвариант сүзлек турында барганда, ул һичшиксез күрсәтелергә тиеш.

Вокабулага караган тагын бер мәсьәлә – фигыльләрнең сүзлек формасы. Хәзерге татар лексикографиясендә фигыль леммасын билгеләүдә бердәм стандарт юк. Кайбер сүзлекләр фигыльләрне инфинитив формасында (*укырга, язарга*), кайберләре исем фигыль формасында (*уку, язу*) бирә. Элегрәк төзелгән сүзлекләрдә баш сүз буларак фигыльләрнең бирелеш төрләре тагын да күбрәк булган [2: 7–10]. Мондый вариатлылык башка төрки телләрдә дә (мәс., казак телендә) күзәтелә. Бу исә сүзлек мәкаләләрен унификацияләүне катлауландыра.

Безнеңчә, аңлатмалы (һәм бигрәк тә тәрҗемәле) сүзлекләрдә фигыль леммасын инфинитив формасында кабул итү уңышлырак булыр иде. Инфинитивны сүзлек формасы итеп сайлау берничә проблеманы чишә: 1) ул баш сүзнең фигыль булуын күрсәтеп тора; 2) фигыльләрне исемнәрдән аеру проблемасын хәл итә (*көтү I* һәм *көтү II* түгел, *көтәргә* һәм *көтү; сайлау I* һәм *сайлау II* түгел, *сайларга* һәм *сайлау*); 3) *ул-, уп-, яз-, кип-, көл-* кебек күпсанлы бер иҗекле фигыльләрнең орфографиясен нормалаштыра һәм ныгыта [5: 368], чөнки исем фигыль формасында, мәсәлән, *көлү* дип бирү *көләргә*ме, *көлергә*ме икәнен күрсәтми.

2. Фонетик тасвирлама. Фонетик характеристика баш сүз итеп бирелгән тел берәмлегенең әйтелешен (башлыча транскрипция һәм басым билгесе) күрсәтүне үз эченә ала.

Татар теле язылышы белән укылышы арасында зур аерма булган телләрдән берсе. Бу аерма үзтума сүзләрдә дә (калын/нечкә [к]/[к], [ғ]/[г] авазлары өчен аерым графемалар булмау; [w] авазының позицион вариантлары өчен *в, у, ү* кебек төрле графемалар кулланылу; ирен гармониясе язуда чагылмау: *бөтен, болытлы* һ. б.), алынмаларда да (*шикаять, вәкаләт, гуаһ* кебекләрдә [к] һәм [г] нечкә булуы язуда чагылмау, рус алынмаларында нигездә рус фонетик нормалары саклану һ. б.) бик еш очрый. Шуңа карамастан, татар лексикографиясендә фонетик транскрипция кулланылышы системале характерда түгел. Мисал өчен, инглиз телендә дә укылыш белән язылыш аермасы зур. Шул ук вакытта «Инглиз теленең Оксфорд сүзлеге» («The Oxford English Dictionary») кебек норматив сүзлекләрендә һәрвакыт һәр сүзнең фонетик тышчасы мәҗбүри рәвештә күрсәтелә.

Анализ өчен алынган татар аңлатмалы сүзлекләре арасыннан бары тик өчтомлыкта гына кайбер омографларның укылышын ачыклап квадрат җәяләр эченә транскрипциясе бирелгән:

А́РКА *и. махс.* 1. Ишек, тәрәзә, мич кебек нәрсәләрнең көймәләп эшләнгән түбәсе (түшәме) <...>.

АРКА́ [арқа] *и.* 1. Гәүдәнең муеннан алып оча сөягенә кадәрге арткы як (хайваннарда, кош-кортларда – югарыгы, сырт як) өлеше. <...>. [АС3, т. 1: 67]

КОРТ [қорт] I *и.* 1. Озынча гәүдәсе белән боргаланып яки бер җыерылып, бер сузылып хәрәкәт итә торган умырткасыз тереклек иясе. <...>.

КОРТ [қорт] II *и. махс.* Әчегән сөтне әкрен янган утта озак, кызыл төскә кергәнче кайнатудан алынган ашамлык, кызыл эремчек. <...>

КОРТ *и. спорт.* Теннис уены мәйданы. [АС3, т. 2: 160–161]

Басым билгесе һәр вокабулага куелган бер генә аңлатмалы сүзлек тә юк. Күпчелек очракта бу билгене куймау татар телендә басымның сүздәге соңгы иҗеккә төшүе белән аңлатыла, шул сәбәпле лексикографлар аны махсус билге белән күрсәтүне кирәксенми. Алты томлы аңлатмалы сүзлектә *-ау* яки *-әү* дип бетә торган сүзләрдә, *у* һәм *ү* [w] тартыгын белдергәнне күрсәтү максаты белән, алардан алда килгән *-а-* һәм *-ә-* хәрефләренә басым билгесе куелган:

АША́У *ф.* 1) Ашамлык, ризык кабул итү. <...>. [АС6, т. 1: 275]

БЕРӘ́Ү *сан* 1. Барысы, бөтенесе бергә бер генә булуны белдергән җыю саны. <...>. [АС6, т. 1: 492]

Басым соңгы иҗеккә төшмәгән очракта анализланган сүзлекләрдә ул махсус билге белән күрсәтелгән. Ләкин, фикеребезчә, норматив сүзлек статусына ия булган һәр белешмәлектә басым билгесе һәр очракта һәм һәрвакыт күрсәтелергә тиеш. Басымның кушымчага күчүе яки күчмәве дә грамматик зонадагы мәгълүматта чагылыш табарга тиеш. Мәсәлән:

САБА́К *и.* -гы́, -кка́, -та́н <...>.

КОММУНИ́ЗМ *и.* -ы, -га, -нан <...>.

Аеруча басымны парлы һәм кушмы сүзләрдә, ярдәмлек сүз төркемнәрендә мотлака билгеләү сорала, чөнки ике төрле әйтелештән кайсы дөрес икәнен норматив сүзлекләр генә күрсәтә ала. Бу аларның төп бурычларыннан берсе. Кайбер сүзлекләрдә, бигрәк тә уку-укыту сүзлекләрендә, басым билгесе вокабулада гына түгел, ә аңлатмаларда һәм иллюстратив материалда да куелырга тиеш. Бу үзенчәлек мәктәп яшендәге балалар, татар телен өйрәнүчеләр, шулай ук телебезнең интонацион нормаларын өйрәнүчеләр өчен бик мөһим. Бүгенгә исә транскрипция мәсьәләсе дә, басым мәсьәләсе дә киләчәктә төзеләсе сүзлекләрдә уңай хәл ителүне көтә.

3. Этимологик белешмә. Хәзерге тулы типтагы аңлатмалы сүзлек мәкаләләрендә этимологик комментарийның кирәклеге, хәтта мәҗбүрилеге шик тудырмый. Диахроник мәгълүмат сүзне тирәнрәк һәм төгәлрәк аңларга ярдәм итә һәм кулланучының гомуми мәдәниятен күтәрүгә өлеш кертә [7: 56–57].

Татар теленең сүзлекләрендә этимологик белешмә беренче тапкыр 2005 елгы аңлатмалы сүзлеккә кертелә. Ул баш сүздән соң этимонның чыганак телен күрсәтү белән чикләнә:

РОМА’ШКА *и. бот. рус* Акбаш. <...> [АС1: 451].

Шул ук принципта алынма сүзләрнең чыганак теле алты томлы сүзлектә дә бирелә:

ГОЗЕР *и. гар.* 1) Үтенеч, ялыныч, йомыш. <...> [АС6: т. 2, 84].

Шул ук вакытта этимон турында мондый кыска мәгълүматның җитмәве бәхәс тудырмый. Күп вакытта сүз чыганак телдәге мәгънәне сакламаска мөмкин. Арадаш телләрне күрсәтү проблемасы бар. Шулай ук төрки телләрнең үзара алынмалары һәм гарәп теленнән кергән дип саналган, ләкин асыллары борынгы грек яки латин теленә кайтып кала торган берәмлекләрнең (мәс., *җенес, намус*) этимологик тасвирламасын бер генә тамга белән биреп бетерү мөмкин түгел.

Күпчелек очракта сүзнең килеп чыгышы турында мәгълүмат алынма сүзләрдә бирелә, чөнки борынгы гомумтөрки лексикадан татар теленә мирас булып калган сүзләр этимологик белешмә белән тәэмин ителми. Шулай ук тел һәм халык атамаларының этимологиясе турында да мәгълүмат бирелми. Этимологик белешмәләрдә хәзерге тарихи, этимологик һәм аңлатмалы сүзлекләрдә шик астына алынмаган иң ышанычлы мәгълүмат кына китерелә ала. Килеп чыгышы бөтенләй аңлашылмый яки актив фикер алышулар объекты булган сүзләрнең этимологиясе турында шулай ук комментарий бирелми.

Г.Н. Скляревская җитәкчелегендә «XXI гасыр рус теле сүзлеге» дип аталган аңлатмалы сүзлек инструкциясендә этомологик белешмә өчен махсус зона каралган. Проект авторлары сүзнең килеп чыгышына бәйле сигез төрле схема тәкъдим итә:

1. Әгәр дә сүз рус теленә чыганак телдәге прототибы (этимоны) мәгънәсендә керсә, этимон аңлатылмыйча күрсәтелә:

апре́ль <…> [лат. Aprilis] <…>
биле́т <…> [франц. Billet] <…>.

2. Әгәр дә алынма белән аның прототибының (этимонның) мәгънәләре тәңгәл булмаса, соңгысының аңлатмасы китерелә:

а́ура <…> [< греч. aura ветерок, дуновение] <…>
эффе́кт <…> [< лат. effectus исполнение, осуществление] <…>

3. Әгәр этимонның формасы һәм мәгънәсе турында мәгълүмат җитәрлек булмаса яки каршылыклы булса, ләкин сүз чыганагы булган тел билгеле булса, этимология зонасында этимонның формасын китермичә, ул тел (яки телләр төркеме) күрсәтелә:

ано́лис <…> [нов.-лат. Anolis < аравакский яз.] <…>
арча́ <…> [тюрк.] <…>

4. Әгәр сүз рус теленә кергәнче берничә Европа телендә таралган булса һәм аның якындагы чыганагын төгәл билгеләп булмаса, этимологик белешмәдә сүзнең беренче чыганагы гына китерелә (гадәттә латин яки борынгы грек телләре):

акаде́мия <…> [< греч. Akadēmia назв. школы в пригороде Афин, в которой учил Платон] <…>
ге́ний <…> [< лат. genius талант, дарование] <…>

5. Халыкара фәнни номенклатурада кабул ителгән ботаника, зоология һәм медицина терминнары өчен этимология зонасында, кагыйдә буларак, аларның яңа латин формасы китерелә (үсемлек һәм хайван төрләренең исемнәре баш хәрефтән языла):

аннóна <…> [нов.-лат. Annona < яз. таино anon] <…>
ба́дис <…> [нов.-лат. Badis < лат. badius каштановый] <…>

6. Этимология зонасында шулай ук шәхси исемнәрдән һәм топонимнардан ясалган алынма һәм рус телле терминнарның килеп чыгышы да аңлатыла; мондый очракларда, гадәттә, сүзнең иң башта барлыкка килгән теле күрсәтелми:

айршúр <…> [по назв. графства Айршир в Шотландии] <…>

базáровщина <…> [по фамилии главного героя романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1818–1883)] <…>

фаллóпиев <…> [по имени итальянского врача-анатома Г. Фаллопио (1523–1562)] <…>

7. Әгәр этимонның эчке формасы һәм аның алдагы тарихы рус алынмасы семантикасын яки ул билгеләгән чынбарлыкның килеп чыгышын аңлау өчен кызыклы булса, этимологик белешмәдә сүзнең рус теленең элементы булганчы башка телләрдә нинди юл үтүе турында хәбәр ителә. Бу мәгълүмат кыскартылып бирелә һәм сүз тарихының ике (сирәк өч) этабы белән чикләнә. Роман чыгышлы сүзләр өчен этимология, кагыйдә буларак, аларның латин телендәге беренче чыганагына җиткерелә (әгәр бу чыганак билгеле булса). Алынма юнәлеше һәм этаплары < график билгесе белән билгеләнә:

ананáс <…> [франц. ananas, нем. Ananas < яз. тупи naná, ananá] <…>

бензоúн <…> [нем. Benzoe, франц. benjoin < араб. (lu)bān-ğāwi яванский ладан] <…>

8. Этимологик белешмәдә этимонның катлаулы составы турында да мәгълүмат булырга мөмкин:

алтабáс <…> [тур. altynbäz < altyn золото + араб. bazz холст, полотнище] <…>

ведáнта <…> [санскр. vedānta < veda (священное) знание, Веда + anta конец, завершение] <…> [3: 188–191].

Шулай итеп, рус теленең яңа төзелә торган сүзлекләрендә этимологик зонага зур игътибар бирелә. «XXI гасыр рус теле сүзлеге» проекты этимологик белешмәне төгәл системага салып биргән үрнәк ролен үти ала. Авторлар тәкъдим иткән схемалар аша этимологик мәгълүматны беренче чыганак телдән башлап, арадаш телләрне дә исәпкә алып, тулы һәм иерархик рәвештә тәкъдим итү мөмкин. Бу модель татар теле лексикографиясе өчен дә өлге булырлык югары стандартлар куя.

Татар теленең аңлатмалы сүзлекләрендә сүзлек мәкаләсе зоналарын параметризацияләү ачык, системалы һәм фәнни нигезләнгән стандартлар эшләп чыгаруны таләп итә. Хәзерге татар сүзлекләрендә зоналар системасы катлаулы, аларның төзелешендә һәм форматында аермалар саклана. Мәкалә зоналарын параметризацияләү бердәм стандартлар эшләүне таләп итә. Безнең тикшеренү вакабула формасын стандартлаштыру, фонетик тасвирламаны (транскрипцияне һәм басым билгеләрен) системага салу һәм этимологик белешмәне тирәнәйтү кебек юнәлешләрдә ачык параметрлар билгеләргә мөмкинлек бирә.

Җитди, бигрәк тә тулы типтагы һәм мәктәп сүзлекләрендә баш сүзләрнең транскрипциясен бирү, басым билгеләрен вокабулада гына түгел, аңлатмаларда, мисалларда да куллану кулланучылар өчен аеруча мөһим. Шулай ук бу ялгышлар һәм ике төрле укылышлардан качарга мөмкин-

лек бирә торган чара. Фигыль леммасын инфинитив формасында (язарга, укырга) күрсәтү аны башка сүз төркемнәреннән аеру, кайбер орфографик проблемаларны чишү һәм сүзлек мәкаләләрен унификацияләү өчен иң рациональ юл дип саныйбыз. Этимологик зонаны баетырга, рус лексикографиясендә кулланылган принципларны (чыганак телне, этимонны, аның мәгънәсен, арадаш телләрне күрсәтү, график тамгалар куллану) алда төзеләсе сүзлекләрнең иң мөһим бурычларыннан берсе. Бу сүзнең семантикасын аңлатуны тирәнәйтә һәм кулланучының лингвистик мәдәниятен күтәрергә ярдәм итә торган белешмә.

Сүзлек мәкаләсенең барлык зоналарын да (грамматик, иллюстратив, фразеологик, стилистик һ. б.) бердәм стандартлар буенча параметризацияләү – киләчәктәге татар аңлатмалы сүзлекләрен төзүнең төп юнәлеше. Бу эш лексикографиянең хәзерге заман таләпләренә җавап биргән, кулланучы өчен уңайлы һәм лингвистик яктан тулы, югары сыйфатлы белешмәлекләр булдырырга мөмкинлек бирәчәк.

ӘДӘБИЯТ

1. Дубичинский В.В. Микроструктура инвариантного словаря // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). С. 107–113.

2. Миннуллин Ф.Г. Глаголы татарского языка и их лексикографирование: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2003. 26 с.

3. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей / Г.Н. Скляревская, И.О. Ткачева, М.Л. Сергеев [и др.] // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 136–311.

4. Сәфәров Р.Т. Берничә йөкләтү юнәлеше кушымчасы белән килгән фигыльләрнең сүзлектә теркәлеше // Фәнни Татарстан. 2023. №. 3(39). С. 21–25.

5. Сәфәров Р.Т. Сүзлекләрдә фигыльләрнең бирелеше // Хәзерге академик фәндә Россия халыкларының телләре, әдәбиятлары һәм мәдәниятләре: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты оешуга 85 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни форум (Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары җыентыгы), Казан, 09–11 октября 2024 года. Казан: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, 2024. С. 367–372.

6. Структура словаря [Электронный ресурс]. URL: https://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/OTT/tLecture/tDictEntry.htm (дата обращения: 14.08.2025)

7. Шимчук Э.Г. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Составили Н.Ю. Шведова, Л.В. Куркина, Л.П. Крысин. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 4. С. 54–58.

СҮЗЛЕКЛӘР

АС3 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977, 1979, 1981.

АС1 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Ф.Ә. Ганиев ред. Казан: Матбугат йорты, 2005.

МАС – Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 510 б.

АС6 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: алты томда. Казан: ТӘһСИ, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2021; Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: алты томда. Тулыл. һәм төзәт. 2 нче басма Казан: Татар. кит. нәшр., 2020, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024.

УДК 811.512.157’373

Скрябина Алевтина Афанасьевна,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
Skryabina Alevtina Afanasievna,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the RAS
Yakutsk, Russia
E-mail: alevtinaskr@gmail.com

ОБРАЗ ДЕВУШКИ-НЕВЕСТЫ В ЯКУТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

THE IMAGE OF A BRIDE IN YAKUT LINGUOCULTURE

Аннотация. *Статья посвящена анализу образа молодой девушки-невесты в якутской лингвокультуре. В якутском героическом эпосе олонхо и произведениях якутских писателей сформировался идеализированный образ невесты, который представляет собой синтез физических и моральных характеристик, символизирующих высокие эстетические и этические стандарты якутского народа.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the image of a young girl-bride in the Yakut linguoculture. In the Yakut heroic epic olonkho and the works of Yakut writers, an idealized image of a bride was formed, which is a synthesis of physical and moral characteristics symbolizing the high aesthetic and ethical standards of the Yakut people.*

Ключевые слова: *якутский язык, лингвокультурология, лексика, невеста, образ*

Keywords: *Yakut language, linguoculturology, vocabulary, bride, image*

С древних времен в культурах различных народов формировался идеальный образ девушки, невесты и женщины, который отражает эстетические и культурные ценности общества. Этот идеализированный образ часто воспевается в поэзии, песнях и других художественных произведениях, служа символом красоты, добродетели и женственности. В контексте якутской культуры можно наблюдать, как образы женщин, созданные якутскими писателями, подчеркивают их связь с природой, а также их роль как источника красоты и жизни. Эти произведения демонстрируют женщину как не только объект восхищения, но и как активного участника в сохранении и передаче культурных традиций. Образ женщины в якутском эпосе и литературе становится многозначным символом, который отражает как идеалы, так и реалии жизни, подчеркивая её важность в общественной структуре и культурном наследии народа.

В тюркологии лексика, репрезентирующая образ невесты, как объект анализа был рассмотрен в работах таких исследователей как, Ф.Х. Хасанова [11], А.Р. Габбасова [3], Г.Г. Кульсарина [8], Л.С. Караоол [7], Г. М. Гимашева [4], К.А. Джеенбаева [5] и др. Выделяется лишь ряд работ, в которых изучение образа невесты проводилось на материале якутского языка. Так, например, внимания заслуживает статья Ю.П. Борисова, где рассмотрен концепт «невеста богатыря» в контексте феноменологического подхода на материале шести ранних текстов якутского олонхо [2]. В результате анали-

за выявлены концепты «женская красота», «портрет», «тело», «рукоделие», «жаворонок» и др.), которые образуют представление о «невесте богатыря» – идеально красивой женщине, эталоне красоты в языковой картине мира якутов. Лексико-семантические особенности действующих лиц свадебного обряда, в том числе главного участника – невесты, рассмотрены А.А. Скрябиной [10].

Невеста у якутов обозначается терминами *сүктэр кыыс* и *кийиит*. *Сүктэр кыыс* – кэргэн тахсан, саҥа ыал буолар кыыс. Девушка, вступающая в брак, невеста [1, 2012: 240]. Первая часть этого словосочетания происходит от общетюркского слова «сүк», которое в якутском языке имеет значения, связанные с действиями «класть», «взваливать» или «брать на себя что-либо» (например, ответственность или вину) [там же: 238]. Это слово восходит к древнетюркскому «jük», что означает «груз» или «поклажа» [6: 285]. Вторая часть – это общетюркская лексема «кыыс», которая в якутском языке обозначает «девочку» или «девушку» (до замужества), а также состояние незамужней женщины [1, 2007: 433]. *Кийиит* – 1. Ким эмэ уолун эбэтэр бэйэтиттэн балыс аймаҕын (бырааты, сиэнин) кэргэнэ. Сноха, невестка. 2. Кэргэн тахсан, сүктэн эрэр кыыс. Невеста [там же: 87]. В более ранних словарях значения «невеста» не было, что свидетельствует о расширении значения этого слова в современном якутском языке. По мнению Э.К. Пекарского, *кийиит* относится к жене младшего родственника сына (невестка), племянника или деверя (невестка, ятровь) [9: 1080]. В «Якутско-русском словаре» также указано значение «невестка, сноха» [12: 164]. Э.К. Пекарский считает, что этот термин происходит от общетюркского слова *kelin*, которое означает «невестка, жена сына» [9: 1080] и восходит к древнетюркскому *kelin* «невеста, невестка» [6: 296].

В произведениях якутских писателей, в якутском героическом эпосе олонхо и народных преданиях ярко воплощается образ-идеал якутской девушки-невесты, который характеризуется эстетическими и моральными качествами, такими как красота, чистота помыслов, доброта, гибкость ума, кротость нрава и отменное здоровье. Для передачи красоты якутской невесты в якутском эпосе часто используются устойчивые выражения, такие как *күндү дьүһүннээх* ‘с ликом красивым’, *кубаҕай маҥан* ‘с белоснежным ликом’, *тоҕус былас суһуохтаах* ‘с косой в девять маховых саженей’, *хара киис хаастаах* ‘с черными соболиными бровями’. Эти метафорические конструкции не только подчеркивают физическую привлекательность, но и создают многослойный образ невесты как символа идеальной женственности. Концепт «невеста» эксплицируется посредством сравнения красоты девушки с небесными светилами. Например, строки *Аламаҕай маҥан күн Атыылыыта буолбут Ала тыргыл харахтардаах эбит* ‘у соболинобровой моей Такие сияющие глаза, Что на солнце похожи они’, *Тоҕус күн холбоспутун курдук Туналҕаннаах дьахтар ньуура Туналыс гына түстэ* ‘Засверкал лик женщины, Подобный девяти солнцам, соединившимся в одно’ создают образ невесты как источника света и тепла. Также красота невесты передается через следующие сравнения: *хара саарбатын Хардарыта туппут курдук Хамныы тэрбэйэр Хара хаастардаах эбит* ‘У гордоголовой моей два камчатские соболя, Положенные голова к голове Расходятся вместо бровей’, *Кириэстээх атыыр манньыаты Кэккэлэтэ туппут курдук*

Килбиэн маҕан иэдэстээх эбит ‘У сверкающеглазой моей Такие круглые щеки, Что на серебряные рубли Похожи они’. Эти образы подчеркивают не только физическую красоту, но и гармонию с природой.

Тело девушки описывается как столь светлое и тонкое, что сквозь него просвечиваются вены и кости: *Тело сквозь одежду светлеет, Сквозь тело кости белеют, Сквозь кости мозг просвечивает.* Эти описание создает ощущение хрупкости и невесомости, что также символизирует чистоту и невинность.

Отдельное внимание уделяется одеянию якутской невесты. Полный комплект традиционного костюма невесты состоял из головных уборов в зависимости от времени года *ураа бэргэһэ, чопчуурдаах дьабака бэргэһэ*, наличного покрывала *аҥнах,* шарфа *моойторук*, наплечной одежды *таҥалай, бууктаах сон, кытыылаах сон, халадаай,* натазника *сыалдьа*, рукавицы *үтүлүк,* обувных изделий *тыс этэрбэс, саары*, а также из многочисленных серебряных украшений. В олонхо дается следующее описание: «*…Была ей к лицу говорят, Подвески узорного. Серебра, Цепочки на шейном кольце. Тонкие илин-кэлин кэбисэр, Переливаясь, ярко блестя, поигрывали на груди и спине, Круглая чеканная туосахта, укрепленная надо лбом, Радостно на солнце блестя, озаряла ее лицо…*».

Якутская невеста выделяется не только своей физической красотой, но и музыкальностью голоса, который сравнивается с голосами различных птиц, что подчеркивает ее гармоничное единство с природой. В якутском эпосе и фольклоре ее голос метафорически сопоставляется с мелодичностью и выразительностью певчих птиц. Например: *Ханаҕар быһыылаах, Халыгырас саҥалаах Халлаан хаҥыл кыыла Хаастыыра барахсаҥҥа Ханыылыы харахтыахпын* ‘Сравню я ее с молодой гусыней, С резвой птицей весеннего синего неба (Голова ее запрокинута гордо, Голос у нее – гогочущий громко),’ *Кынтаҕар быһыылаах ,Кылбаҕар дьүһүннээх, Кыҥкынас ырыалаах, Кынаттаах кыылым Кырасыабай бэрдэ Кыталыктыыра барахсан* ‘Сопоставлю ее с самой гордой птицей, С самой стройной и белой из всех пернатых (Оперенье божественное сверкает И как музыка голос ее клекочет)’, *Табыталлаах талыыта, Таҥараны сааратар Тапталлаах чыычаах Татыйыктыыра барахсаҥҥа Таҕааран тэҥниэхпин* ‘Сравню ее с маленькой певчей птицей, Ну хотя бы с хлопотуньей синицей, С той, которая лучше из всех пернатых Услаждает пеньем и людей и богов’. Зооморфные признаки актуализируются также при сравнении девушки с лебедем, жеребенком, жаворонком: *По траве шелковистой Плыла навстречу Лебедем белым, Лепестком прелестным*; *На щеках румянец заиграл, На глазах слеза заблистала, Глазами влажными Февральского жеребенка; Сереброгрудый жаворонок мой, Медногрудый птенчик мой, Говорящая вещая птичка моя, Молодая невеста, бедняжка моя!*

Кроме того, якутская невеста обладает ясным проницательным умом и острым языком: *Эппэт кэлэҕэй гынар Элбэх эргитиилээх мэйиилээх* ‘Голова у нее такая умная, Что всех в молчание повергает’, *Ыллыбыт суолу ыпсарар Ыллыктаах ыраас тыллаах* ‘Язык у нее так остер и меток, Что самых дерзких замолчать заставляет’. Важно отметить, что якутская невеста также обладает доброй душой и оказывает облагораживающее воздействие. Ее присутствие очищает людей от злых мыслей и наполняет их чистыми

помыслами: *Саҥата суох ыытар Сайаҕас сайдам санаалаах* ‘Душа у нее такая добрая, Что все в удивлении замолкают’, *Ыксаласпыт эрэ киһи Быттах санааттан быралыйан Ыраас санааны ылынар* ‘Если кто окажется рядом Все нечистые мысли свои теряет, Только чистые помыслы остаются’, *Дьүөкэт үөрэҕиттэн төлөрүйэн Дьүүллээх өйүн* түмүнэр ‘Если кто окажется рядом Все коварные помыслы растеряет, Все затеи глупые позабудет’.

Овладение рукодельными навыками является важным элементом подготовки невесты к ее новой социальной роли, что может быть проиллюстрировано через использование ключевых выражений, таких как *солко нуоҕай саптаах* ‘с шелковыми нитками’, *көмүс күөгэл иннэлээх* ‘с золотыми иголками’. На протяжение веков будущие невесты обучались различным традиционным ремеслам, включая вышивание, бисероплетение, шитье одежды и изготовление берестяной посуды.

Таким образом, в якутском героическом эпосе олонхо, народных преданиях и произведениях якутских писателей образ молодой девушки-невесты становится многозначным символом красоты, добродетели и культурной традиции. Образ идеальной невесты актуализируется через такие ключевые понятия как белоснежный лик, черные соболиные брови, длинная коса, тонкая прозрачная кожа, добрая душа, проницательный ум, красивый голос. Он отражает идеалы общества и служит основой для формирования представлений о женственности в якутской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV: Буква К, 2007; Т. VIII: Буква С: с – сөллөҕөр, 2012.

2. Борисов Ю.П. Концепт «невеста богатыря» в ранних текстах якутского олонхо: феноменологический аспект // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 66–85.

3. Габбасова А.Р. Репрезентация концепта «свадьба» в русской и башкирской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 24 с.

4. Гимашева Г.М. Концептосфера «Ғаилә» («Семья») в творчестве Мустая Карима: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2022. 24 с.

5. Джеенбаева К.А. Концепт свадьба в кыргызской и русской лингвокультурах // Вестник Ошского государственного университета. 2023. № 2. С. 175–182.

6. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 677 с.

7. Караоол Л.С. Лексика предсвадебного обряда в тувинском языке // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4 (19). С. 17–31.

8. Кульсарина Г.Г. Вербализация концепта «туй» («свадьба») в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 112–118.

9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. М., 1959. 3858 стлб.

10. Скрябина А.А. Наименования действующих лиц свадебного обряда в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 3. С. 1032–1037.

11. Хасанова Ф.Х. Лингвокультурологическое поле концепта «Туй» в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 24 с.

12. Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.

УДК 811.512.01

Таһирова Фәридә Инсан кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Тагирова Фяридя Инсановна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Tagirova Fyaridya Insanovna,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: feride2412@mail.ru

БҮГЕНГЕ ТАТАР ЛЕКСИКОГРАФИЯСЕНЕҢ КАЙБЕР ТЕОРЕТИК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

SOME THEORETICAL QUESTIONS MODERN TATAR LEXICOGRAPHY

Аннотация. *Работа охватывает небольшой спектр самых существенных теоретических вопросов, непосредственно связанных с практикой составления словарей: принципы отбора лексики, требования нормативности, обеспечение системности и т. п. Также подчеркивается в работе лексикографа вопросов, сопряженных с решением также проблем общелингвистического характера.*

Annotation. *The work covers a small range of the most significant theoretical issues directly related to the practice of compiling dictionaries: the principles of vocabulary selection, the requirements of normativity, ensuring consistency, etc. The lexicographer's work also highlights issues related to solving problems of a general linguistic nature.*

Ключевые слова: *лексикография, татарский язык, словарь, кодификация*

Keywords: *lexicography, Tatar language, dictionary, codification*

Татар лексикографиясенең тирән тарихы һәм бай традицияләре бар. Алар һәм фәнни һәм фәнни-популяр әдәбиятта чагылыш таба. Темага кагылышлы соңгы елларда чыккан хезмәтләрне генә күздән кичерү дә сүзлекчелек мәсьәләләренең актуальлеген югалтмавын күрсәтә [6; 9; 7; 8; 3 h. б.]. Фәнни эзләнүләрнең татар сүзлекчелегенә юнәлгән игътибары, әлбәттә, юкка гына түгел. Татар лингвистикасында сүзлекләр төзү эшенең туктalып торганы юк, хәзерге вакытта да интенсив рәвештә дәвам итә. Соңгы биш ел эчендә генә дә төрле типтагы берничә дистә сүзлек дөнья күргән. Бу хезмәтләрнең барысы да практик һәм теоретик сүзлекчелек эшенең реаль чагылышы ул. Эшнең бу ике тарафын аеру мөмкин дә түгел, чөнки теоретик өлеш кертелмәгән сүзлек чынлыкта юк һәм була да алмый. Һәм киресенчә, теоретик лексикографиянең бурычлары турыдан-туры гамәлдә сүзлекләр төзү вакытында барлыкка килгән проблемалар һәм аларны хәл итү белән бәйле.

Теоретик лексикографиянең приоритет юнәлеше булып татар лексикасын үстерү кала. Хәзерге вакытта тел процесслары һаман да тизләнә, лек-

сикада бигрәк тә. Билгеле вакыт аралыгында телгә кергән яңа берәмлекләр саны да, мәгънәсен үзгәртү, кулланыштан төшеп калу, стилистик статусы үзгәрү очраклары һ. б. да күбрәк. Бу эш күргән-ишеткән сүзләрне туплау һәм теркәү белән генә чикләнмәвен ассызыкларга кирәк.

Лексиканы үстерүнең икенче ягы булып, яңа сүзләр, бигрәк тә яңа терминнар ясау эше тора. Ул да турыдан-туры теоретик үзенчәлеккә ия. Алдарак нәшер ителгән аерым тармакларга караган терминологик сүзлекләр туктаусыз анализлана, үзара чагыштырыла, терминнарның актуальлеге (чөнки алар да искерә), дефинициялəрнең тулылыгы, иске атамаларның һәм аңлатмаларның яңа классификацияләр һәм систематикаларга туры килүе тикшерелә. Төрле фәнни, фәнни-популяр хезмәтләрдә, язма истәлекләрдә булган, ләкин сүзлекләрдә теркәлмәгән яки искергән терминнарны сүзлектә теркәү мөмкинлеге карала, әзер сүзъясалыш калыплары нигезендә яңа терминнар ясау мөмкинлеге, гомумән татар теленең бу өлкәдәге потенциалы бәяләнә һ. б. лар эшләнә.

Теоретик лексикографиянең икенче, бәлки тагын да мөһимрәк, бурычы – кодификация һәм нормалаштыру эше. Яңа берәмлекләрнең һәр яктан дөрес булу-булмавын – мәсәлән, татар теленең сүзъясалыш калыпларына һәм мантыйгына туры килү-килмәве, язылышы һ. б. үзенчәлекләре күзлегеннән тикшерү, аларның телдәге норматив статусын билгеләү эше һ. б. һәрдаим дәвам итә. Бу эш аеруча әлеге берәмлекләрне сүзлекләрдә теркәү өчен кирәк. Алга табан бу мәсьәләгә конкретрак кагылып үтәрбез.

Гомуми планда карасак, сүзлек төзү барышында сүзлекче хәл итәргә тиеш булган проблемаларны ике төркемгә бүлеп карарга мөмкин. Беренче төре теоретик тел белеменең графика, орфография, морфология, сүзъясалыш кебек берәр өлкәсенә караган хәл ителмәгән мәсьәләләр. Әйтик, берәр тел проблемасына багышланган мәкаләдә яки монографиядә «бу мәсьәләгә карата шундый-шундый фикерләр бар, ул әлегә бәхәсле булып кала» рәвешендә язылырга мөмкин. Сүзлек эшләгәндә исә алар кискен рәвештә килеп баса һәм шушы урында һәм шушы мизгелдә конкрет хәл итүне сорый. Бу турыда В.В. Морковкин үз фикерен бик үтемле итеп белдерә: «<...> роль автора-составителя словаря как кодификатора в теоретическом плане явно недооценена в силу ограниченного, даже ошибочного представления о ней. Представляется, что лексикограф имеет дело с некой готовой лингвистической интерпретацией языковых явлений, которую лексикографу остается только взять и использовать. Между тем, если обратиться к описаниям языка, <…> общезначимые решения в лингвистике скорее исключение, чем правило. Правилом же является нечто противоположное – наличие широкого спектра альтернативных, несходных и взаимно дополнительных точек зрения практически по каждому из существующих вопросов начиная от определения понятия «слово» и кончая интерпретацией целых лексико-грамматических классов (ср. местоимения, числительные, категория состояния и некот. др.)». [2]. Ә бит һәр берәмлек билгеле язылышта, төгәл морфологик яки стилистик помета белән төгәл үз урынында теркәлергә тиеш һәм теркәлә дә. Шулай итеп, бу бәхәсле мәсьәләгә карата конкрет фикер дә теркәлә. Хәтта сүз хәл ителгән тел мәсьәләләре турында барса да, шул ук В.В. Морковкин әйтүенчә, аларны һәр конкрет

очракта лексикография эшендә гамәлгә ашыру катлаулы, чөнки сүзлекченең алдында торган тел фактларының «исемлеге ачык», ягъни һәрдаим тулылана тора.

Сүзлекчелекнең гамәли тарафына турыдан-туры караган, шул ук вакытта аның теоретик нигезен тәшкил иткән проблемаларны да күрсәтеп үтү урынлы. Аларның кайбер иң мөһимнәренә генә игътибар итик:

1. Сайлап алу критерийларын билгеләү. Мәсәлән, диалект сүзләрен алу-алмау мәсьәләсе. Аларның кайсы әдәби телне баетырдай берәмлек, кайсы кирәкмәгән дублет, ялгыш вариант һ. б.ш. булып тора? Аларны алганда нинди билгеләргә таянырга? Шул ук проблема тиешле рәвештә кодификацияләнмәгән яки сүзлекләрдә бөтенләй теркәлмәгән гади сөйләм, сленг, профессиональ жаргон, алынма һ. б. сүзләргә карый.

2. Алынган очракта статусын ничек билгеләргә: ул әдәби сүз булып китәме яки берәр стилистик төсмер белән каламы? Нинди помета белән бирелергә тиеш? Стилистик статусы үзгәргән очраклар җанлы тел системасында сирәк түгел, һәм аларны вакытында бәяләп, тиешле коррективалар кертү шулай ук сүзлек төзүченең бурычы.

3. Сүзлекнең лөгатлегенә кертеләсе лексик-фразеологик берәмлекләрне туплау өчен чыганакларның ышанычлылыгын билгеләү, башкача әйтсәк, авторитетлы чыганаклар мәсьәләсе. Мондый таләпләргә югары сыйфатлы әдәбият кына җавап бирүе сүзлекчеләр тарафыннан гомуми кабул ителгән. Шул ук вакытта, күп кенә белгечләр, мәсәлән, Ж.М. Гузеев, чыганакның һәм авторның нинди генә авторитетлы булуына карамастан, тәнкыйть күзлегеннән карап, фәнни анализ ясамыйча бер сүзне дә әдәби тел сүзлегенә теркәргә ярамый, чөнки аларда да уңышсыз сүзьясалыш калыбы, куллану очрагы яки гап-гади хата булырга мөмкин, ди [1: 17].

Аеруча бу фикерне электрон корпуслар һәм базалар белән эшләгәндә хәтерләргә кирәк. Чөнки еш кына теге яки бу берәмлекне лөгатьлеккә кертү яки кертмәүне хәл иткәндә яисә сүзлектә берәр сүз теркәлмәвен тәнкыйть итеп, «фәлән электрон корпуска кергән бит» кебек аргументлар китерелә. Белгечләр исә корпусларга кертелгән текстларга карата кырыс таләпләр куелмавын белә, шуңа күрә аларны җәлеп итүнең чикле булырга тиешлеген аңлый.

4. Сүзлеккә теркәләсе берәмлекнең сүз булуын аныклау, сүз чикләрен билгеләү һәм аны башка берәмлекләрдән аеру, ягъни сүзне идентификацияләү. Сүзлектә баш сүз / мәкалә башы / вокабула / реестр сүз итеп теркәлгән һәр берәмлек бер үк статуста була: ул сүз яки (сүзлек төренә карап) сүзтезмә, фразеологизм һ. б.

Бу таләп конкордансларда гына үтәлми. Сүзлектә, мәсәлән, *китап* сүзе генә бирелсә, конкорданста аның *китапка, китаптан, китабы* кебек теләсә нинди формасы да теркәлә, шуңа күрә дә алар чын мәгънәсендә сүзлек булып саналмый һәм сүзлек функцияләрен үти алмый. Конкордансларның үз бурычлары һәм мөмкинлекләре бар. Алар билгеле әсәрдә яки авторда сүзнең кулланылу-кулланылмавын, аның контекстларын, ешлыгын, гомумән потенциалын аңларга мөмкинлек бирә. Конкордансларның үзенчәлеге шунда ки: бу мөмкинлекләрдән файдалануны аларның электрон варианты тулырак тәэмин итә. Шуңа күрә, сүзлекләрдән аермалы буларак, аларның басма вариантының белешмәлек сыйфатлары бермә-бер түбән була.

5. Сүзлекнең һәм лөгатьлекнең баланслылыгы, системалылыгы, эзлеклелеге һәм бердәйлеге мәсьәләсе дә җитди якын килүне таләп итә. Бер үк төр, класс, категория һ. б.ш. караган атамалар я барысы да теркәлергә тиеш, я билгеле принцип нигезендә сайлап алынырга тиеш. Бер үк морфологик яки структур статустагы берәмлекләрнең аңлатмалары / тәрҗемәләре бердәй яки охшаш булырга тиеш. Төрле тематик төркемнәр яки стилистик катламнар арасында зур күләм дисбалансы булырга тиеш түгел. Бигрәк тә норматив сүзлекләрдә бу таләпләр тиешенчә үтәлергә тиеш һ. б.

Югарыда күрсәтелгән һәм башка шундый мөһим тезислар һәр сүзлекченең белергә һәм эшендә таянырга тиешле төп принциплар булып тора. Боларның кайберләре моңа кадәр дә яктыртылды [5].

Сүзлек төзү эшендә сүзлекче булмаган кешенең күзенә бәрелеп тормаган, бер уку йортында да өйрәтелмәгән һәм үзлегеннән өйрәнү кыен булган тагын күп кенә нечкәлекләр бар. Аларны шул эштә зур тәҗрибә туплаган белгечләр генә күрә ала. Шуның өчен үзешчән, компетентсыз басмалар мәсьәләсендә дә шул белгечләр – турыдан-туры гамәли сүзлекчелек белән шөгыльләнгән галимнәр тарафыннан фикер әйтелергә тиеш. Кайбер хезмәтләребездә бу мәсьәләгә галимнәрнең игътибарын җәлеп итәргә тырышкан идек [4].

Әлеге мәсьәләләрнең күпчелеге универсаль характерда, ягъни алар барлык милли телләрнең лексикографияләрендә һәм рус лексикографиясендә мөһим булып кала. Күп кенә махсус хезмәтләрдә дә, бигрәк тә рус галимнәре тарафыннан шактый җентекле итеп яктыртыла. Ләкин гамәлгә килсәк, сүзлек төзү белән шөгыльләнгәндә бу җитди теоретик хезмәтләр белән танышу мөмкинлекләре чикле.

Сүзлекчелекнең югарыда күрсәтеп үтелгән һәм гомумән хәзерге татар лексикографиясенең актуаль проблемаларын системалы рәвештә тикшерү һәм чишелеш юлларын билгеләү, гамәли лексикография өлкәсендәге белемнәрне системалаштыру, күп еллык практик лексикография тәҗрибәсен махсус хезмәтләрдә чагылдыру сүзлек төзү эшенең гамәли ягына да ярдәм итәр, төзелгән сүзлекләрнең сыйфатында да уңай чагылыр иде. Татар теленең гомуми үсеш тенденцияләре һәм аның хәзерге объектив вазгыяте халыкның академик һәм гомуми характердагы сүзлекләргә ихтыяҗының тотрыклы булуын, мондый хезмәтләрне төзү һәм бастыруны дәвам итүнең кирәклеген раслый. Шулай булгач, теоретик лексикография юнәлешендә дә эзләнүләр дәвам итәргә тиеш.

ӘДӘБИЯТ

1. Гузеев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984. 158 с.

2. Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.

3. Сафаров Р.Т. Слово об «Этимологическом словаре татарского языка» // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 458–460. – EDN WELFIJ.

4. Tagirova F. Sözlüklerin Normatif Fonksiyonu Meselesi // Türk Dil Kurumu Yayınları. VII. Uluslararası Türk Dili Kurultayı. 24-28 Eylül 2012. I. CİLT. Ankara, 2020. S. 687–691.

5. Тагирова Ф.И. «Толковый словарь татарского языка» в 6 томах в свете современной лексикографической парадигмы // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 2(49). С. 349–360. – EDN IWEZIF.

6. Татар лексикологиясе: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘhСИ, 2018. Т. III. 2 кис. 464 б.

7. Тимерханов А.А. О некоторых тенденциях развития современной национальной лексикографии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 184–189.

8. Тимерханов А.Ә. Татар лексикографиясенең үткәне һәм киләчәккә бурычлары // Фәнни Татарстан. 2015. № 4. С. 21–34.

9. Юсупова А.Ш. Лексикографическое наследие татарского языка. Казань: Алмалит, 2010. 133 с.

УДК 811.512.145

Тимерханов Айнур Ахатович
Академия наук Республики Татарстан
Казань, Россия
Timerkhanov Aynur Akhatovich
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: timtako22@mail.ru

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА» В 6-ТИ ТОМАХ (2015–2021 ГГ.): НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

«EXPLANATORY DICTIONARY OF THE TATAR LANGUAGE» IN 6 VOLUMES (2015–2021): A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF TATAR LEXICOGRAPHY

Аннотация. *Статья посвящена выходу шеститомного «Толкового словаря татарского языка» (2015–2021 гг.), ставшему важным этапом в развитии татарской лексикографии. Рассматриваются ключевые принципы составления словаря, охватывающего всю сферу современной татарской лексики, включая неологизмы, заимствования, специализированную терминологию и культурно-историческую лексику. Особое внимание уделено уникальной татарской лексике, важной для сохранения этнокультурного наследия. Новый словарь отличается значительным объемом словника, широким использованием иллюстративного материала и соблюдением современных принципов научного подхода. Аннотируемый источник призван служить надежным ориентиром для исследователей, педагогов и широкого круга пользователей, заинтересованных в изучении и сохранении татарского языка.*

Annotation. *The article is devoted to the publication of the six-volume «Explanatory Dictionary of the Tatar Language» (2015-2021), which became an important stage in the development of Tatar lexicography. The article considers the key principles of compiling a dictionary covering the entire sphere of modern Tatar vocabulary, including neologisms, borrowings, specialized terminology and cultural and historical vocabulary. Special attention is paid to the unique Tatar vocabulary, which is important for the preservation of ethnic and cultural heritage. The new dictionary features a significant vocabulary volume, extensive use of illustrative material, and adherence to modern principles of scientific approach. The annotated source is intended to serve as a reliable reference point for researchers, educators, and a wide range of users interested in learning and preserving the Tatar language.*

Ключевые слова: *татарский язык, лексикография, толковый словарь, лексическое богатство, сохранение языка*

Keywords: *Tatar language, lexicography, explanatory dictionary, lexical wealth, language preservation*

Словари являются фундаментальным элементом формирования культурного ландшафта общества, наглядно демонстрируя объем накопленных человечеством знаний и степень цивилизационного прогресса. Особенное значение среди множества лингвографических справочников принадлежит толковым словарям, воплощающим важную культурно-историческую миссию – они служат важнейшим инструментом, помогая современному пользователю разобраться в непрерывно меняющихся процессах языка и культуры.

Появление значительных словарных проектов служит ярким показателем уровня развития нации и богатства её интеллектуальной сокровищницы. Каждая эпоха вправе гордиться своим собственным словарем, отражающим её дух, ценности и мировоззрение. Толковый словарь становится своеобразным зеркалом эпохи, фиксируя лингвистические трансформации, обусловленные развитием общественного сознания и изменением запросов социума.

Толковые словари представляют вершину лексикографической практики, причем языки с богатой письменной традицией обладают несколькими такими словарями. Именно они аккумулируют накопленные знания и позволяют зафиксировать текущее состояние языка, включая новую лексику, терминологию и стилистические изменения. Такие словари важны не только для исследователей, филологов и лингвистов, но и для широких слоев населения, обеспечивая понимание исторических, культурных и социальных аспектов функционирования родного языка.

В тюркской лексикографии создана богатая база в этом направлении. Тем не менее некоторые современные тюркские языки получили собственные толковые словари сравнительно недавно. Например, «Толковый словарь тувинского языка» начал издаваться лишь в начале XXI века (том 1 – 2003 г.; том 2 – 2011 г.) [1], а первый «Толковый словарь хакасского языка» увидел свет совсем недавно, в 2020 году [2].

Татарская лексикография имеет богатый опыт в создании толковых словарей. Одним из первых значимых трудов в этой области стало издание «Ләһҗә́и татари» («Татарское наречие») выдающегося татарского просветителя Каюма Насыри в конце XIX века, содержащее около 20 тысяч слов [3; 4]. В 1927 [5], 1929 годах [6] были изданы две части первого тома «Полного словаря татарского языка» Джамала Валиди.

Значительным успехом татарской и тюркской лексикографии своего времени стал трехтомный «Толковый словарь татарского языка» 1977–1981 гг. (32000 слов, 14000 фразеологических единиц) [7; 8; 9]. Его лучшие традиции были реализованы позднее в однотомных «Толковом словаре татарского языка» 2005 года (52000 слов, 6000 фразеологических единиц) [10] и «Школьном толковом словаре татарского языка» 2013 года (10000 слов) [11], которые представляют собой словари оперативного пользования. Они отражают состояние и динамику развития татарского языка

конца XX в. Каждый из них – это оригинальный труд с конкретными целями и пользовательской аудиторией.

Несмотря на значительные успехи национальной лексикографии прошлых лет, современный этап ее развития требует непрерывного обновления словарей и расширения существующих словарных ресурсов, отражающих динамику изменений в лексике татарского языка в условиях глобализации, цифровизации и трансформации общественной жизни. Такая потребность обусловливается также интенсивным развитием междисциплинарных научных подходов к интерпретации языкового материала, совершенствованием методов анализа и углубленным изучением ранее известных фактов. Нередко возникает необходимость и кардинального научного переосмысления предыдущего лексикографического опыта ввиду того, что в прежних словарях выявляются неполные дефиниции, несоответствие старых толкований с новыми классификациями и подходами к систематизации, отсутствие новых значений слов, несоответствие нормативного статуса, недостаточное количество зафиксированных дериватов, спорный или неопределенный этимологический, морфологический, орфографический и акцентологический статус и множество других погрешностей, требующих оценки и исправления.

Совершенно новый этап в развитии тюрко-татарской лексикографии ознаменовался выходом шеститомного «Толкового словаря татарского языка» (2015–2021 гг.) [12; 13; 14; 15; 16; 17]. Данный проект – это итог почти двадцатилетнего труда нескольких поколений ученых-языковедов отдела лексикографии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ под началом профессора Ганиева Ф.А., чей труд был продолжен и доведен до логического завершения его последователями под руководством автора этих строк.

Словарь характеризуется масштабностью и глубиной исследования, охватывая наиболее полный спектр современных лексико-грамматических явлений татарского языка. Его отличительной чертой является фиксация как традиционной, так и инновационной лексики, включая неологизмы, заимствования и специализированные термины. Общий объём словника превышает 70 тысяч слов, 10 тысяч фразеологических единиц, что существенно превосходит предыдущие аналоги. Это самый полный и совершенный из всех видов татарских словарей с точки зрения описания основного фонда лексико-фразеологического богатства национального языка.

Он выполняет нормативную функцию, существенно расширяет исследовательскую базу для системного описания татарского языка.

Регулярно обновляемые словари и иные лингвографические источники отражают разные этапы эволюции живого языка и всей культурной среды. Они фиксируют не только многообразие словарного состава языка, но и особенности его динамики в рамках конкретного исторического периода. Исходя из этого, новый «Толковый словарь татарского языка» характеризует состояние языка на рубеже XXI столетия, учитывая современные достижения в развитии общей и национальной лексикографии и лингвистической науки. Вместе с тем словарь бережно сохраняет традиционные подходы, опираясь на богатый опыт предшествующих исследователей и изданий.

В новом словаре учтён широкий круг вопросов, связанных с развитием и функционированием татарского языка, его лексической системы [18]. Важнейшее отличие словаря от предшественников – это фиксация неологизмов, образованных за счёт собственных словообразовательных средств татарского языка, (*кайрыашар* ‘короед’*, майбалык* ‘шемая’*, узөйрәткеч* ‘самоучитель’, *һавакудыргыч* ‘вентилятор; вытяжка’, *чебенкош* ‘колибри’), заимствованных неологизмов (*браузер, домен*), а также большой пласт вновь актуализированных арабо-персидских заимствований [19]: *иман* ‘вера в бога’, *ихсан* ‘благодеяние’, *милләт* ‘национальность, нация’, *мәгърифәт* ‘просвещение, образование’, *рухият* ‘духовность, *хафиз* ‘хранитель; знаток Корана’, *хәйрия* ‘благотворительность’, *хәким* ‘учёный, мудрец’, *фәрман* ‘приказ, указ’ и мн. др.

Широко представлены отраслевые термины, появившиеся в том числе в результате влияния глобализации и технического прогресса. Большинство из них отмечено высокой функциональной маркированностью, что и становится одним из аргументов в пользу включения в Словарь: *җансакчы* ‘телохранитель’*, җанатар* ‘болельщик’*, илбаш* ‘президент’*, кабулханә* ‘приёмная’*, контент (эчтәлек)* ‘контент’, *сайт* ‘сайт’, *тамгачы* ‘таможенник’, *үзизоляция* ‘самоизоляция’, *цифрлы* ‘цифровой’ и др.

Отдельное внимание уделено актуализированным архаизмам и историзмам, в том числе наименованиям вернувшихся в современную общественную жизнь реалий, например: *мәзһәб* ‘путь, учение в исламе’, *тарикать* ‘мистический путь духовного возвышения в исламе’, йөзбашы ‘сотник’, *унбашы* ‘десятник’, *яубашы* ‘военачальник’.

Несомненным достоинством Словаря является фиксация специфической исконно татарской лексики, которая переходит в пассив и постепенно выходит из употребления в силу исчезновения реалий, предметов и явлений старинного быта, многих видов традиционных ремёсел: *нашмак* ‘ритуальный головной платок’, *саба ‘*кожаный сосуд для жидкости; бурдюк’*, сапкан* ‘праща’*, сапканчы* ‘пращник’, *сият* ‘набор украшений’*, сырга* ‘мочка; сережка’, *сыргавыл* ‘шест, столб’*, турсык* ‘кожаный ларец; бурдюк’, *таргылташ* ‘гранит’, *тастар* ‘рушник’. Между тем эта лексика важна с точки зрения истории языка и представляет ценность для сохранения культурного наследия народа, изучения традиций и обычаев прошлых поколений, обеспечивая преемственность культурных ценностей и обогащая современный татарский язык, хотя и на уровне лексикографии, уникальными элементами, утраченными в повседневном общении.

В толковых словарях шире и более системно отражается специфическая, культурно маркированная – безэквивалентная лексика того или иного культурно-языкового сообщества. Семантическое истолкование данного пласта лексики с опорой на богатую иллюстративную базу из художественной литературы, фольклорных текстов, паремиологического фонда имеет важное значение для сохранения и передачи последующим поколениям системы миропонимания и мироощущения отдельно взятого этноса, что в свою очередь способствует сохранению и развитию языка и культуры. Это прежде всего лексика, отражающая уникальные элементы народной материальной и духовной культуры, реалии разных этнических групп татарского народа – названия традиционных блюд, одежды, фольклорных

персонажей и образов, национальных праздников, религиозных ритуалов и др.: *гөбәдия* ‘губадия’, *бәлеш ‘беляш’, чәкчәк* ‘чак-чак’; *калфак* ‘калфак’, *түбәтәй* ‘тюбетейка’; *убырлы* ‘ведьма; нечистая сила’, *шүрәле* ‘леший’; *Нардуган* ‘праздник солнцестояния’, *Сабантуй* ‘Сабантуй’, *Раштуа* ‘Рождество’, *Яфрак бәйрәме* ‘праздник зелени’ и др.

В Словаре впервые широко и системно представлены составные глаголы и именные композиты – каждый в самостоятельных гнездах с детально разработанной структурой толкований; включены слова-конверсивы, также определяющие новизну Словаря. Это стало возможным благодаря глубокому осмыслению новейших научных достижений в области татарского языкознания и современной тюркологии. Например:

АЧУ I … 22) *күч*. Күңелен табу, кәефен күтәрү. *Матур кызга гашыйк булсам, Гармун ача күңелемне*. Ә.Ерикәй. **ача тору, ача төшү, ачып алу, ачып бирү, ачып җибәрү, ачып кую, ачып салу, ачып тору**;

бәпкә үләне ‘травка-мурвка’, *дала мәчесе* ‘манул’, *чебен гөмбәсе* ‘мухомор’.

Впервые в тюрко-татарской толковой лексикографической практике особое внимание уделяется фиксации и исправлению ошибок в употреблении слов, неправильному оформлению и некорректному применению лексики. Благодаря этому Словарь приобретает важную и необходимую современному читателю функцию ортологического справочника, устанавливающего нормы грамотного использования языка. Таким образом, данное издание играет ключевую роль в совершенствовании речевой культуры, укреплении и сохранении стандартов современного литературного языка.

Богатство языка определяется не только количеством слов, но и многообразной палитрой их лексических значений. В этом отношении Словарь выгодно отличает последовательное и наиболее полное, по сравнению с предшественниками, раскрытие семантического богатства слов и выражений, особенно употребление татарских терминов для обозначения новых технических и технологических и других реалий.

Семантика слов подкрепляется иллюстративными примерами из классической татарской литературы, фольклора, фразеологии, тем самым убедительно раскрывается функционально-семантический контекст лексических единиц. Все это всецело отвечает ожиданиям разных групп пользователей, стремящихся видеть слово в его живом функционировании, в динамике употребления в определенном историческом срезе.

В рамках разработки толкового словаря решался целый комплекс теоретических вопросов современного татарского языкознания, начиная от определения лексического статуса, частеречной принадлежности слова (часто – составных единиц) и заканчивая вопросами языковой нормы в области орфографии, орфоэпии, акцентологии, стилистики.

Параллельно издавались и узкоспецилизированные ортологические словари татарского языка, которые направлены на стандартизацию правил орфографии и акцентологии и унификацию норм литературного языка [20; 21; 22; 23].

Таким образом, с точки зрения отражения достижений современной лингвистической науки, уровня лексикографического исполнения, ши-

роте охвата языкового материала Словарь оценивается российским и зарубежным научным сообществом и общественностью самым крупным, совершенным и надежным справочным источником по татарскому языку [24; 25; 26].

Наряду с печатной версией, которую можно свободно скачать с сайта Академии наук РТ, впервые параллельно разработана и электронная версия Словаря, представленная на платформе TATZET (режим доступа: https://www.antat.ru/ru/tatzet/; дата обращения: 12.10.2025), что делает его доступным для широкой аудитории пользователей.

Эта аудитория расширилась и за счет возможности приобретения Словаря в свободной продаже. Он стал доступным после выхода в свет в 2024 г. второго, исправленного и дополненного, издания всех шести томов.

По итогам 2023 года коллективу авторов «Толкового словаря татарского языка» в 6-ти томах присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники, что указывает на государственное признание значимости усилий ученых по сохранению и изучению национального языка (режим доступа: https://tatarstan.ru/press/photo.htm/photoreport/9377359.htm; дата обращения: 10.10.2025).

Значение Словаря выходит далеко за пределы лексикографии и языкознания, отражая богатое наследие, историческое развитие и культурное многообразие татарского народа, а благодаря широкому распространению среди всех регионов проживания татар, включая зарубежье, он становится важным инструментом сохранения, укрепления и популяризации татарского языка, национальной культуры и идентичности, объединения всего татарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь тувинского языка = Тыва дылдын тайылбырлыг словары Тыва дылдын тайылбырлыг словары: С пер. значений слов и устойчивых словосочетаний на рус. яз. / Тув. ин-т гуманитар. исслед.; [сост.: Б.К. Будуп и др.] ; под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003.

2. Дятченко В.В. Толково-грамматический словарь хакасского языка. Т. 1. А-Б-В-Г-Д-Е-Ж-З-И-Й-К-Л-М-Н-О-П-Р-С-Т-У-Ф-Х-Ц-Ч-Ш-Э-Ю-Я / В.В. Дятченко, А.Н. Майнагашева, Э.С. Казанцева и др.; отв. ред. Н.А. Баскаков. Новосибирск: Изд-во Института филологии СО РАН, 2020.

3. Насыйри К. Ләһҗәи татари (Толковый словарь татарской, арабской и персидской лексики). А–С. Казан, 1895. 328 б.

4. Насыйри К. Ләһҗәи татари. (Толковый словарь татарской, арабской и персидской лексики). Т–Я. Казан, 1896. 157 б.

5. Вәлиди Ж. Татар теленең тулы сүзлеге = Полный словарь татарского языка. 1 т. 1–2 кис. (А–Ә, У–Ү, Ы–Е, О–Ө, И, Б). Казан, 1927. 352 б.

6. Вәлиди Ж. Татар теленең тулы сүзлеге = Полный словарь татарского языка. 1 т. 2 кис. (Б–П, Т), 1929. 720 б.

7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. I т.: А–Й. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 475 б.

8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. II т.: К–С. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 726 б.

9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. III т.: Т–һ. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.

10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Толковый словарь татарского языка. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.

11. Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге = Школьный толковый словарь татарского языка. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 510 б.

12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. I т.: А–В / Р.Р. Абдуллина, А.М. Сәгыйтова, Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, О.Н. Галимова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Д. Фәтхетдинова, Ф.И. Таһирова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.М. Газизова. Казан: ТӘһСИ, 2015. 712 б.

13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. II т.: Г–Й / И.И. Сабитова, Ф.И. Таһирова, А.М. Сәгыйтова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Г. Саберова, Л.Ш. Шәмсетдинова, Г.Р. Сәмирханова, Э.И. Сафина. Казан: ТӘһСИ, 2016. 748 б.

14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. III т.: К / И.И. Сабитова, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Ф.Ф. Гаффарова, Э.И. Сафина, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина, Р.Т. Сәфәров, Ф.И. Таһирова. Казан: ТӘһСИ, 2017. 744 б.

15. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. IV т.: Л–Р / Ф.И. Таһирова, Э.И. Сафина, Ф.Ф. Гаффарова, Р.Т. Сәфәров, О.Н. Галимова, Р.Р. Абдуллина, Г.Р. Сәмирханова, Ф.А. Кушелекова, Г.Г. Саберова. Казан: ТӘһСИ, 2018. 760 б.

16. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. V т.: С–Т / Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Р.Т. Сәфәров, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, Ф.И. Таһирова, Ф.Ф. Гаффарова, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина. Казан: ТӘһСИ, 2019. 908 б.

17. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге = Толковый словарь татарского языка. VI т.: У–Я / И.И. Сабитова, Ф.Ф. Гаффарова, О.Н. Галимова, Э.И. Сафина, Ә.К. Булатова, А.Ә. Тимерханов, Ф.А. Кушелекова, И.Ж. Едиханов, Ф.И. Таһирова, Р.Т. Сәфәров. Казан, ТӘһСИ, 2021. 912 б.

18. Тимерханов А. Татар теленең яңа күптомлык аңлатмалы сүзлеге хакында = О новом многотомном толковом словаре татарского языка // Инсани фәннәр: Эзләнү һәм табышлар: Материалы итоговой конференции, Казань, 10 декабря 2012 года. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 2013. С. 137–149.

19. Тимерханов А.А., Галимова О.Н. Арабские и персидские заимствования в татарском языке в диахронном и синхронном аспектах (на примере зоонимов) // ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. PHILOLOGY AND CULTUR. 2020. № 1 (59). С. 105–112.

20. Тимерханов А.А. Композитларны вокабула сыйфатында теркәү мәсьәләсе (Татар теленең күптомлы аңлатмалы сүзлеге мисалында) = О вопросе фиксации композитов в качестве вокабулы (на прмиере многотомного толковго словаря татарского языка) // Мировая тюркология и Казанский университет: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 26–28 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 375–380.

21. Татар теленең орфоэпик сүзлеге (= Орфоэпический словарь татарского языка) / Р.Т. Сәфәров, А.Ә. Тимерханов, О.Н. Галимова; фәнни ред. Р.Т. Сәфәров. Казан: ТӘһСИ, 2019. 156 б.

22. Тимерханов А.А. Современный лексикографический ландшафт Татарстана (на примере новых словарей татарского языка) // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Труды и материалы Казанского международного лингвистического саммита. Казань, 16–20 ноября 2020 года: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. Т. 1. С. 406–409.

23. Татар теленең орфографик сүзлеге: якынча 44 000 сүз (= Орфографический словарь татарского языка) / төз.: А.Ә. Тимерханов, Р.Т. Сәфәров, Ф.И. Таһирова һ. б.; фәнни мөх-р Г.Р. Галиуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. 560 б.

24. Сулейманова Д.Д. Рецензия на 6-томный «Толковый словарь татарского языка» (2015–2021) // Проблемы востоковедения. 2023. № 4 (102). С. 93–95.

25. Yusupova A. Sh. Review of the “Explanatory dictionary of the Tatar language” (2015–2021) (= Рецензия на «Толковый словарь татарского языка») // Tatarica. 2022. No. 2(19). P. 189–194.

26. Türk Ahmet Turan. Tatar Tělěnněñ Añlatmalı Süzlěgě I–VI (2015–2021), Kazan: Tehsi // İdel-Ural Araştırmaları Dergisi. 2023. 5 (1). S. 123–129.

УДК 81-139

Уртегешев Николай Сергеевич
Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
Urtegeshev Nikolay Sergeevich
Institute of Philology, the Siberian Branch of the RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: urtegeshev@mail.ru

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ≠ МЯГКОСТЬ

PALATALIZATION ≠ SOFTNESS

Аннотация. *Данное исследование посвящено изучению артикуляционных и акустических коррелятов признака «мягкости» согласных звуков. Автор опровергает традиционное представление о том, что мягкость связана исключительно с палатализацией (подъемом средней части языка к твердому нёбу), и выдвигает гипотезу о ключевой роли ларингальных механизмов, включая ингерентную соартикуляцию голосовых складок и гортани.*

Annotation. *This research is devoted to the study of articulatory and acoustic correlates of the consonantal feature of softness (palatalization). The author challenges the traditional view that softness is solely associated with palatalization (the elevation of the mid tongue toward the hard palate) and puts forward a hypothesis about the key role of laryngeal mechanisms, including the inherent coarticulation of the vocal folds and the larynx.*

Ключевые слова: *языки Сибири, согласные, палатальность, палатализация, уранизация, мягкость согласных*

Keywords: *Siberian languages, consonants, palatality, palatalization, urbanization, softness of consonants*

Палатализации посвящены многочисленные работы, рассматривающие её с общефонетического, частнофонетического и фонологического ракурсов [4; 3]. Она совместима с большинством артикуляций, кроме среднеязычной (палатальной), какуминальной и ретрофлексной [4; 3].

Ключевые корреляты:

1. **Артикуляционный:** движение языка, характерное для [i]-образного гласного (средняя часть спинки сближена с передней зоной твёрдого нёба) [5; 3; 7]. Для смычных взрывных характерна аффрикатизация [4; 2].

2. **Акустический:** понижение F1, повышение F2, усиление высокочастотных составляющих (~2500 Гц), появление фрикативного шума [7; 4; 9; 1].

Факторы степени палатализации:

А. **Уровень подъёма спинки языка**: выделяют 4 степени (от нулевой до сильной), имеющие акустические последствия и специальные обозначения в транскрипции [7; 8; 4].

Б. **Тип основной артикуляции:** эффект сильнее у дорсальных и заднеязычных согласных (модификация способа образования или активного органа) [4; 9].

В. **Качество гласных:** переднерядные гласные усиливают палатализацию, огубленные – ослабляют [2]. На слух палатализованные согласные воспринимаются как более высокие [2; 4].

Терминологическая проблема: в литературе термины «палатализованный», «мягкий» и «смягчённый» часто отождествляются [7; 8; 3; 4; 5]. А.В. Лемов справедливо предлагает разграничивать: «мягкий палатализованный» (напр., [л’]) и «мягкий палатальный» ([j]) [6]. Л.В. Бондарко использовала «мягкость» исключительно как фонологический дифференциальный признак [3; 9].

Цель и гипотеза исследования. Существующие знания нуждаются в уточнении. **Цель** – разграничить понятия «палатализация», «палатализованный», «палатальный», «мягкость», «мягкий», «смягчённый» на экспериментальных данных (МРТ, акустический анализ, аудиовизуальное наблюдение) по языкам Сибири. **Гипотеза:** «мягкость/твёрдость» – фонологические признаки (характеристики фонем/аллофонов); «патальность» – примарная артикуляционная характеристика класса среднеязычных согласных: палатализация – вероятный, но не обязательный и не единственный артикуляционный коррелят мягкости. Обязательным коррелятом может быть определённая работа гортани.

Анализ соматического и акустического материала, полученного от носителей сибирских народов, показал, что согласные звуки, которые в общей фонетике относят к палатальным/средненёбным/среднеязычным, имеют более сложную природу. Их более точная артикуляционная характеристика – переднеязычно-среднеязычные (передне-среднеязычные), поскольку активную роль играют передняя часть спинки языка и смежная с ней средняя, а в некоторых случаях участвует и межуточная. Кроме того, у гоморганных артикуляций в произнесении одного диктора работа языка выглядит одинаковой, хотя слуховой эффект разный: в одних случаях – мягкий, а в других – твёрдый. Если при равных условиях, а именно при схожих артикуляционных положениях языка, в ротовой полости произносится мягкий и твёрдый согласный, то, очевидно, артикуляционными коррелятами мягкости и твёрдости являются движения не спинки языка – палатализация или её отсутствие, – а иных органов. К подобному заключению пришла Л.В. Бондарко: мягкость определяет палатализацию, а не палатализация – мягкость [2].

Интересная фонико-фонологическая картина складывается в языках с палатальной гармонией. Так в шорском языке принято считать, что мягкий ряд характеризуется мягкими согласными или палатализованными, а

также гласными переднего ряда, которые задают качественную характеристику всему слову и дальнейшей агглютинации. Акустический и слуховой анализ согласных шорского языка, например, малошумных типа «m» в мягкорядных словоформах позволил усомниться в существующих взглядах. Согласные, трактуемые как мягкие или палатализованные, в действительности не все являются таковыми. В шорской паре слов, например, эм [эмь] ‘дома’ и эм [эм] ‘лекарство’ в первом слове согласный мягкий, а во втором твёрдый. В обоих случаях средняя часть спинки языка приподнята к твёрдому небу, что даёт право охарактеризовать их как палатализованные, но в первом случае есть мягкость, а во втором она отсутствует, следовательно, надо говорить о мягком палатализованном и твёрдом палатализованном, т. е. уранизированном.

Таким образом, по положению языка относительно твердого неба трудно сказать, является ли согласный мягким.

Что касается определения палатализации и мягкости в акустических программах, то поучается следующее: в них нельзя (в настоящее время) по форматной картине определить, является ли согласный палатальный или палатализованный, также не всегда можно установить, является ли согласный мягким. Однако по F2 можно определить крайнюю верхнюю точку положения спинки языка относительно нёбного свода и задней стенки фаринкса и, применив знания по артикуляции, соответствующего согласного, а также, применив слуховой метод, возможно понять является ли согласный мягкий палатализованный или твёрдый уранизированный, кроме тех ситуаций, когда согласный нейтральный. Таким образом, только высокие показатели частоты F2 не могут быть параметром мягкости согласного также, как и низкие демонстрировать отсутствие её. Мягкость, как акустическое явление, может быть *усиленная* или *ослабленная*. Все зависит от того, в какой части ротовой полости располагается тело языка (наибольшая масса) в момент фонации мягкого согласного: чем ближе к передней части твёрдого нёба, тем «сильнее» и «чище» будет звучать мягкость и, наоборот, чем ближе к задней стенке фаринкса, тем «слабее» и «приглушённее».

Заключение. Все мягкие согласные переднеязычно-среднеязычные (передне-среднеязычные) и палатализованные мы считаем аллоартикуляциями – звуками, которые есть ничто иное как артикуляционные варианты примаволны с синхронной артикуляцией в связочной и надсвязочной частями речевого тракта.

У мягких согласных констатируется ингерентная соартикуляция: одновременное образование примафона или примаволны определённого звукотипа с образованием узкой щели в передней части у голосовых складок; кроме того, передний край гортани чуть приподнимается вверх и вперёд, в результате чего образуется шум, который наш мозг определяет как «мягкость» звука.

Палатализация и уранизация, как подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу, могут быть сильными, умеренными и слабыми. Это зависит от степени отстояния спинки языка от твёрдого нёба: чем меньше отстояние, тем сильнее палатализация и уранизация.

Только соматическими методами исследования нельзя определить является ли согласный мягким, нужны аудиозаписи.

По формантам нельзя определить мягкость у согласных, лишь положение спинки языка относительно небного свода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова С.В., Гнатюк Е.В., Шуйская Т.В. К вопросу о палатализации согласных в национальных вариантах английского языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2009. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып 3. С. 129–137.

2. Бондарко Л.В. Палатализация // Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – URL:https://tapemark.narod.ru/les/357c.html (дата обращения: 28.02.2024).

3. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб, 1991.

4. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

5. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

6. Лемов А.В. Особенности функционирования некоторых лингвистических терминов в учебной литературе // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 3. С. 182–183.

7. Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 66 с.

8. Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1962. 352 с.

9. Bondarko L.V. Phonetic and phonological aspects of the opposition of ‘soft’ and ‘hard’ consonants in the modern Russian language // Speech Communication. 2005. N 47. P. 7–14; URL: https://doi.org/10.1016/j.specom.2005.03.012

УДК. 316.77

Хилханова Эржен Владимировна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Khilkhanova Erzhen Vladimirovna
Instutute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: erzhen133@mail.ru

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ЭТНОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА

INTERDISCIPLINARITY OF MODERN SCIENCE: ETHNOGRAPHY, SOCIAL SEMIOTICS, SOCIOLINGUISTICS

Аннотация. *В статье говорится о междисциплинарности современной науки, проясняемой на примере симбиоза между этнографическим подходом (методом), социальной семиотикой и социолингвистикой. Автор иллюстрирует сказанное примерами из исследований языковых ландшафтов.*

Annotation. *The author talks about the interdisciplinarity of modern science taking the example of symbiosis between the ethnographic approach (method), social semiotics and sociolinguistics. The author illustrates this with examples from linguistic landscape studies.*

Ключевые слова: *междисциплинарность, этнография, социальная семиотика, социолингвистика, языковые ландшафты*

Keywords: *interdisciplinarity, ethnography, social semiotics, sociolinguistics, linguistic landscapes*

На современном этапе развития наук, подпадающих под широкое определение «исследований языка и общества», уже очевидно, что эпистемологический прирост может происходить только за счет взаимной кросс-фертилизации. Это происходит потому, что особенность современной науки в том, что она строится вокруг как бы пучков проблем. Другими словами, предмет научного познания сегодня – это не отдельные изолированные сегменты, а пучки / узлы. Возникает проблема, и вокруг нее сосредотачиваются усилия разных дисциплин.

Таких пучков проблем и точек пересечения много, но я остановлюсь на том, что заявлено в теме: этнография, социальная семиотика, социолингвистика. Необходимо начать с этнографии, поскольку именно здесь кроется много недопониманий. Первое и главное – то, что термин *этнография* до сих пор иногда ассоциируется с дисциплиной этнографией, причем в его советском понимании как «науки, изучающей преимущественно материальную культуру народов, особенно удаленных от исследователя во времени или пространстве» [5: 2].

Понятие «этнографии» относится к трем разным сферам производства и репрезентации научного знания: *дисциплина, жанр и метод*. Про дисциплину было сказано; *жанр* этнографии скорее характеризует детальный описательный характер научной репрезентации. Именно у этнографического *метода* обнаруживаются наибольшие точки пересечения с социолингвистикой, но еще больше – с лингвистической антропологией.

Основные принципы *этнографического метода* определяются как повествовательный характер научного описания;

1. обязательно присутствующий в тексте индивидуальный опыт исследователя;

2. признание субъективности как получаемых данных, так и роли самого исследователя, акцент на субъективных переживаниях участниковв исследования (информантов и ученого);

3. контекстуальность (контекстуальность описания действительности подразумевает, что произведенное описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуации, на каком социальном «фоне» происходило изучаемое взаимодействие «исследователь – индивид» [3];

4. и, наконец, практика включенного наблюдения как приоритетного способа получения данных.

Поэтому этнографические описания, как правило, подробны, а их результаты трудно обобщаемы. Этнографический подход относится к интерпретативной парадигме и дает возможность установить *смыслы*, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ, выявить субъективные переживания и понять социальное, то есть осмысленное поведение людей.

У этнографического метода, безусловно, есть ограничения:

1. постоянный риск локализма и анекдотизма,
2. уникальность кейсов;
3. субъективизм;
4. сложность процедуры «доступа» в поле и др.

Насколько этнографический метод применим в социолингвистике (ведь мы говорим о междисциплинарности)? Как можно решить ключевую проблему: как совместить детализированность этнографических (микроуровневых) исследований, и макроуровневые выводы и обобщения, характерные для (и ожидаемые от) социолингвистики, перейти от описываемых событий в уникальном контексте к структурным и системным закономерностям в интерпретации?

Эта проблема решаема, если понимать социолингвистику не только как гибрид социологии и лингвистики, но и как антропологическую дисциплину. Компонент «социо-» в названии дисциплины позволяет включать в нее любые дисциплинарные подходы и инструменты анализа, где так или иначе учитывается социальный контекст. Как показывает опыт проводимых Институтом языкознания конференций, опыт журнала «Социолингвистика» и знакомство с научной литературой, именно так – расширительно – многие авторы и интерпретируют эту дисциплину. Примером могут послужить заявки на Евразийский конгресс лингвистов, где в секцию «социолингвистика» было подано наибольшее количество заявок, часть из которых дисциплинарно относилась, к примеру, к дискурсивному анализу. Это – широкое понимание социолингвистики как «зонтичной» дисциплины, вбирающей в себя весь методологический и методический спектр исследований языка и общества. При такой интерпретации этнографические методы, да и лингвистическая антропология вполне вписываются в теорию и методологию социолингвистики или, по крайней мере, не противопоставляются ей, а исследования человеческого фактора являются ее органической частью. Собственно, критическая этнографическая социолингвистика, связанная в первую очередь с именем канадской исследовательницы М. Хеллер, и реализует такой подход. Сама Хеллер поясняет этот подход так [8: 2]:

Критическая – ставятся вопросы власти и неравенства в центр исследования, вопросы последствий социальных процессов для людей; критика понимается как осознаваемое целенаправленное выявление соотношения власти, институций и языка. Также позиционированный, рефлексивный подход применяется и к самому исследователю, т. е. позиция исследователя принципиально не нейтральна.

Этнографическая – углубленные, локальные исследования того, как работают социальные процессы и почему, и что они значат для людей; локальные примеры являются иллюстрацией более широких процессов.

Социолингвистика – термин используется в качестве обобщающего, охватывающего все виды исследований того, как язык приобретает социальное, политическое и экономическое значение.

Существует ряд работ, в которых решена эта ключевая проблема. Работа Н. Бичуриной, которая позиционируется как социолингвистическая [1], показывает, что при наличии глубокого качественного исследования,

погружения исследователя в изучаемую среду и выдаче того, что К. Гирц называет «насыщенным описанием» (thick description), можно совместить оба подхода – этнографический и социолингвистический – и получить вполне обобщающие результаты. Обращение к человеку, категории субъектности может снять претензию к социолингвистике, что она смотрит на лес, но ей трудно увидеть деревья или отдельное дерево, в то время как антропология, наоборот, смотрит на деревья и иной раз не видит леса.

Теперь про социальную семиотику. Собственно, говоря про то, что предметом этнографии являются *скрытые непроговариваемые смыслы, образующие социальные структуры,* мы уже говорили про социальную семиотику, потому что социальное значение, или социальные индексы – это именно то, чем занимается социальная семиотика.

Социальное значение стало центральным предметом в социолингвистике с конца 1990-х годов, но получило иное, более глубокое и всестороннее теоретическое осмысление и методологическую разработку, нежели в прагматике и семантике. В дальнейшем индексальность в широком смысле позиционируется как связь языкового знака с контекстом и как его способность указывать на некоторую переменную этого контекста [6]. Социальная индексальность увязана с лингвистической вариативностью, причем на всех уровнях языка. Фонетическая вариативность хорошо изучена начиная с Shibboleth, лексическая вариативность известна широкой публике через хрестоматийные примеры, индексирующее «петербуржскую речь» – слова «парадная», «кура», «поребрик», что также может быть и желанием мимикрироваться под петербуржца, или иронией, стебом и т. д. [там же].

Например, советский языковой ландшафт, отсылка к советскому прошлому имеет ряд социальных значений (см. об этом: [7]):

– ностальгия по советскому в какой-то степени ввиду стабильности, социальной защищенности, по времени идеализированных идеологем типа братства народов и т. д., просто потому, что значительная часть населения нашей страны родилась и выросла в советское время;

– эксплуатация коллективной памяти о жизни в советский период в коммерческих целях;

– дизайнерская игра с советской эстетикой и т. д.

Приведем другой пример, иллюстрирующий социальную индексальность языкового ландшафта в г. Улан-Баторе, столице Монголии (см. рис. 1 и 2).

Сравнение обоих фотографий показывает смену языков и графики на вывеске универмага: если в советский период он назывался «Улсын их дэлгуур» (‘государственный универмаг’, досл. ‘государственный большой магазин’) и вывеска была написана на кириллице, то сейчас его название пишется, во-1, на вертикальном монгольском письме (Монгол бичиг), во-2, на английском языке – «State Department Store». Смена знаков языкового ландшафта сигнализирует о смене формации, уходе от идеологического влияния Советского Союза и нынешней России и переходе на политическую концепцию «третьего соседа» и ориентации на запад [2]. Вертикальное письмо в языковом ландшафте выполняет две основные функции. Во-1, оно является частью государственной языковой политики, и написание

названий официальных учреждений на двух языках (на кириллице и Монгол бичиг) следует требованию закона о языках Монголии и соответствующих государственных программ. Монгол бичиг является важным компонентом современного монгольского нациестроительства. Символическая значимость введения собственной графической системы письма, отличной как от российской, так и от китайской, сводится к объединению территориально разделенных монголов, утверждению уникальной национальной идентичности и независимости страны. Во-2, Монгол бичиг в языковом ландшафте служит дополнительным средством этнографического брендинга для создания культурной аутентичности.

Рис. 1. Фото центрального государственного универмага в Улан-Баторе в советский период (1970 г.).

В заключение скажем, что российская социолингвистика развивается именно в сторону антропологии, этнографии. Мировая социолингвистика проделала этот путь несколько раньше. Но это не значит, что в каждом социолингвистическом исследовании должны быть и жанр этнографии, и метод. Сейчас это логичный этап в развитии дисциплины, но в то же время своего рода мода. Это не отменяет традиционную социолингвистику. И в каждом исследовании нужно четко осознавать: хочет ли ученый получить социально значимые результаты на широком материале, или ему интересно глубокое погружение в некий кейс? Поэтому нужно четкое целеполагание и осознание парадигмальных рамок, а также тщательное обдумывание адекватных методов.

Рис. 2. Современное фото центрального государственного универмага в Улан-Баторе (2024 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурина Н.М. Горы, язык и немного социальной магии: Опыт критической социолингвистики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021.

2. Железняков А.С., Баасансурэн Д., Недяк И.Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121–132.

3. Лыкова Т.Р. Применение этнографического метода в социологических исследованиях // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 17–18 марта 2011 г., Екатеринбург. Ч. 1. Екатеринбург: УрГУ, 2011. С. 140–145.

4. Рангочев К. Форум: антропология и социология // Антропологический форум, 2012, 16: 88–92.

5. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 145–160.

6. Чернявская В.Е. (а) «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент, 2023, 14(1): 72–85.

7. Чернявская В.Е. (б) Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики, 2023, 2(36): 50–73.

8. Heller M., Pietikäinen S., Pujolar J. (eds.). Critical sociolinguistic research methods: Studying language issues that matter. New York: Routledge, 2018.

УДК 811.512.145

Хөсәенова Алина Ямил кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Хусаинова Алина Ямилевна
Институт языка литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Khusainova Alina Yamilevna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail: husainova_alina@mail.ru
Булатова Әлфия Кәрим кызы
ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты
Казан, Россия
Булатова Альфия Каримовна
Институт языка литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия
Bulatova Alfiya Karimovna
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia
E-mail:alf_0082.82@mail.ru

ТАТАР ТЕЛЕ ДИАЛЕКТЛАРЫНДА ФИН-УГОР АЛЫНМАЛАРЫНЫҢ ФОНЕТИК ВАРИАТИВЛЫГЫ

PHONETIC VARIABILITY OF FINNO-UGRIC BORROWINGS IN THE DIALECTS OF THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. *Настоящая работа представляет собой детальный фонетический анализ финно-угорских заимствований в диалектах татарского языка, с фокусом на терминологию, связанную с обувью. Исследование выявляет механизмы фонетической адаптации заимствованных элементов в рамках татарской языковой системы, в частности, трансформации гласных и согласных звуков. Особое внимание уделяется демонстрации диалектной вариативности фонетических проявлений этих заимствований.*

Annotation. *This work is a detailed phonetic analysis of Finno-Ugric borrowings in the dialects of the Tatar language, with a focus on terminology related to footwear. The study reveals the mechanisms of phonetic adaptation of borrowed elements within the framework of the Tatar language system, in particular, the transformation of vowels and consonants. Special attention is paid to demonstrating the dialectal variability of the phonetic manifestations of these borrowings.*

Ключевые слова: *татарские диалекты, финно-угорские заимствования, фонетическая вариативность, названия обуви, оглушение, озвончение*

Keywords: *Tatar dialects, Finno-Ugric borrowings, phonetic variation, shoe names, stunning, ringing*

Татар халкының тарихи үсеше барышында фин-угор тел гаиләсенә караган, нигездә удмурт, мари һәм мордва вәкилләре белән интенсив һәм

озакка сузылган элемтәләр күзәтелә. Бу этник төркемнәрнең дәвамлы сәяси, икътисади һәм мәдәни үзара бәйләнешләре телләрнең лексик системасында да чагылыш тапкан.

Татар телендә фин-угор алынмалар мәсьәләләре Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Әхмәтҗанов, Ф.С. Баязитова, Л.Т. Мәхмүтова, И.С. Насипов, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һәм башкаларның хезмәтләрендә чагылыш тапкан. Бу юнәлештә башкорт һәм чуваш галимнәренең, атап әйткәндә, В.Г. Егоров, Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максутова һәм башкаларның тикшеренүләре зур өлеш керткән. Фино-угор-төрки тел элемтәләре ареалы элегрәк чакта киңрәк булган дип фаразлана. Бу фараз Л.Ш. Арсланов, Ф.Г. Гарипова, Г.Ф. Саттаров һәм башкаларның ономастик тикшеренүләре белән раслана.

Әлеге мәкаләдә татар диалектларында «аяк киеме» тематик төркеменә бәйле фин-угор алынмаларын тикшерәбез.

«Аяк киеме» гомуми төшенчәсе әдәби телдә ***ajaq kijəme*** лексемасы белән бирелә (сүзгә-сүз «аякка кия торган кием»). Татар теленең күпчелек сөйләшләрендә дә шулай.

Шул ук вакытта, сөйләшләрдә аның тар локаль синонимы да очрый: урта диалект сөйләшләрендә ***ajaq sawutш*** (минзәлә, богырыслан, каргалы, түбән кама керәшеннәре, бөре һ. б.) көнбатыш диалектта ***ajaq sawtш*** (стәрлетамак, шарлык, ләмбрә, байкыбаш). Бу тематик төркемдә түбәндәге сүзләр билгеләнә: ***kutærmælə*** / ***kutærmælə ɛabata*** *(граф.* күтәрмәле / күтәрмәле чабата) «агач такта беркетелгән чабата», ***pima***/ ***pajpaq***/ ***kizitek***/ ***kijəz itək***/ ***kisitək*** «киез итек»), х***æşæp*** (граф. хәшәп) «агач табанлы, юкә яки тукыма җепләрдән үрелгән өлеше булган башмак», ***æbænæj*** (граф. әбәнәй) «җоннан бәйләнгән җиңел чүәк»), ***ɛarpɛur***/ ***ɛæpɛʏr***/ ***ɛæɛʏr*** (граф. чапчур/чәпчүр/чәчүр) «кулдан эшләнгән тиредән тегелгән чүәк», qajaul ***ɛitək***, ***ɛæmɛælə ɛitək, ɛigəşlə ɛitək*** (граф. каюлы итек, чәмчәле итек, чигешле итек) «төрле төсле тиредән бизәкле читек», ***шjшq***/***ojшq*** (граф. ыйык/ойык) «оек» һ. б.

Татар теленең диалектларында киң таралган ***pima*** (тат. әдәби киез итек, рус. «валенки») сүзе фин-угор телләреннән алынган: *egʏɛəlær kilæ torʁan шjш/ pima basuɛular kilæ torʁan шjш. – Тегүчеләр дә, пима басучылар да килә торган була иде* (каргалы сөйләше). Чагыштырыгыз: башкорт телендә *быйма* шул ук «киез итек» мәгънәсендә . З.Р. Садыкова *pima* сүзенең каргалы һәм аның тирәли ареалдагы башка сөйләшләргә, күрәсең, казах теленнән алынган булуын фаразлый, анда да ***pima*** варианты кулланыла [2: 115]. Р.Г. Әхмәтьянов ***pima*** сүзен рус. пимы< коми. *пим, пими* аркылы самодий телләреннән үтеп кергән дип саный [4: 110].

pima бөре, минзәлә, златоуст, турбаслы, каргалы, богурслан, тепекәй, шарлык, стәрлетамак, яүштә-чат, бараба диалектында, калмак сөйләшендә кулланыла: *qшş kønə pima kijælær qшj* (златоуст сөйләше). *Irkæjə pima tøpløp utшrgan ikæn – Минем ирем пима төплән утырган икән* (турбаслы сөйләше). *pima tabanш tişəlsæ tøplæjlær – Пима табаны тишелсә, төплән торалар* (тепекей сөйләше). *arqaʁa pimanш aswp kitæ ajaqta ɛabata bula idə – Аркага пиманы асып китә идем, аякта чабата иде* (стәрлетамак сөйләше). *Tasmalap-nasnalap qujʁannar pimanш baldaʁшna qædær – Тасмалап-насмалап пиманы гөлчәчәккә кадәр бизәгәннәр* (шарлык сөйләше). Урта

диалектның мамадыш сөйләшендә бу лексеманың «чиләнгән башмак» мәгънәсендә кулланылуы кызыклы: *øjdæ kijəp ʒørørgæ pima basturdum ʏzə ʒulш ʏzə jomʂaq – Өйдә киеп йөрер өчен пима* (чиләнгән башмак) *бастырдым, үзе җылы, үзе йомшак*. Эчкен сөйләшендә әлеге сүзнең ***pшima*** фонетик варианты кулланыла.

Тара сөйләшендә ***bojma***, тубыл сөйләшендә ***bujma***: *bujma basqannar – буйма басканнар*. Бараба, том диалектларында, красноуфим, тепекәй, төмән, тевриз сөйләшләрендә дә шулай ук – ***bшjma***.

Бараба һәм том диалектларында ***pojma*** варианты да кулланыла: *qajnam baʁшr jaNa pojma pəɾəptə – Кайнам бәгрем яңа поймә бирде* (бараба диалекты), *pojma ʁinшt͡swna bшt͡saʁшn tшqqan – Киез итек кунычын пычак белән чәнчеп алды* (том диалекты).

Бу лексемадан ясалган һөнәр исемнәре: златоуст сөйләшендә ***pimakat*** «киез итек басучы». *Pimakatlar bula torʁan шjш awшlda – Киез итек басучылар була торган иде авылда*. Турбаслы сөйләшендә бу мәгънәдә ***pimaєш*** варианты кулланыла: *pimaєшlar kilæ torʁan шjш єiwaʂtan – пимачылар килә торган иде чуаштан.*

«Татар халык сөйләшләре Атласы» карталарында бу күренешнең таралу изоглоссасы Оренбург өлкәсенең көнчыгыш өлешен, Башкортстан Республикасының төньяк-көнбатыш өлешен, шулай ук Свердловск, Чиләбе, Курган өлкәләре һәм Пермь краеның аерым участокларын колачлый. Соңгы төбәкләрдә ***pima*** // ***bima*** // ***tʏni*** лексемаларының параллель кулланылышы да күзәтелә [5].

Татар теленең сөйләшләрендә «киез итек» мәгънәсендә ***ontшj*** һәм аның фонетик вариантлары да кулланыла, мәсәлән, тобыл һәм златоуст сөйләшләрендә. Р.Г. Әхмәтьянов билгеләп үткәнчә, ***tøni***, ***tønəj*** «бөрмәле киез итек; калын җылы оекбаш» (шулай ук башк.) *түни, түней* рус. диал., коми. диал. *тюни* «резина кәвүшләр; төни»; чаг. рус. *түни, түней* «кәвүш төре» [4: 293] дигәннән килеп чыга.

Пермь, красноуфим, златоуст сөйләшләрендә ***tøni*** / ***tʏni*** / ***tønəj*** лексемалары «киез итек» мәгънәсендә кулланыла: *ajaʁшN øʂəgæn tʏni ki* – Аякларың өшегән, төни ки (пермь сөйләше). *ajaʁшNa tʏni kijəp utшr. qшʂ ajaq tʏni belæn dæ tuNa* – Аякларыңа төни киеп утыр. Кыш көне аяк төни белән дә туңа (красноуфим сөйләше). *Tʏnine ʒʂkæ kimi torʁan шjшq/ tʏni basusшlar kilæ/ alar da/ qazadan bəz tilær* – Түнине эшкә кими торган ийек. Түни басучылар килә иде, алар да Казаннан без диләр (златоуст сөйләше). Пермь сөйләшендә бу сүз «галош белән киелә торган юка киез итек» мәгънәсендә дә кулланыла. Пермь сөйләшендә ***tønəj*** лексемасы, югарыда күрсәтелгән мәгънәләрдән тыш, «мамык белән сырып тегелгән аяк киеме» мәгънәсендә дә кулланыла: *tønəjfælæn tektergændər ajaʁшna/ təzdæn dæ swralar tønəjne/ matшq bəlæ swrшp tektergælær qunшєlш/* – Төнәй фәлән тектергәндер аягына, тездән дә сыралар төнейне, мамык белән сырып тектергәләр кунычын.

Шуны билгеләп үтәргә кирәк, татарларның кием-салым һәм аяк киеме атамаларында төп татар лексикасы өстенлек итә. Бу өлкәдәге алынмалар, нигездә, рус, гарәп һәм фарсы телләреннән, ә фин-угор катламы чагыштырмача аз. Шулай да, көнкүрешкә бәйле фин-угор терминнарының булуы, татарларның мари, мордва һәм удмуртлар белән борынгыдан килгән тыгыз мәдәни-икътисади элемтәләрен күрсәтә. Анализланган алынмаларның

күпчелеге локаль характерлы, аларның таралу ареалы берничә сөйләштән алып аерым төбәкләргә кадәр үзгәрә. Аерым көнкүреш терминнарның теркәлүе, беренче чиратта, конкрет татар төркеменең билгеле бер фин-угор халкы белән булган этнолингвистик контактларының үзенчәлекләренә бәйле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Биишевой, 2009. 228 с.

2. Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 158 с.

3. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

4. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда / төз. Р.Г. Әхмәтьянов; фәнни мөхәрире Р.Т. Сафәров. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. Т. II. 567 б.

5. Атлас татарских народных говоров. Электронный ресурс. URL: https://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=156# (lata обращения: 4.09.25).

УДК 811.512.145

Һадиева Гөлфия Камил кызы
Казан федераль университеты
Казан, Россия
Хадиева Гульфия Камиловна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Khadieva Gulfiia Kamilovna
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
E-mail: gul-khadieva@yandex.ru

КАЗАН ШӘҺӘРЕ УРАМ ИСЕМНӘРЕНЕҢ ТАТАР ҺӘМ РУС ТЕЛЛӘРЕНДӘ БИРЕЛЕШЕ

НАЗВАНИЯ УЛИЦ КАЗАНИ НА ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

STREET NAMES IN TATAR AND RUSSIAN IN KAZAN

Статья подготовлена при поддержке Академии наук РТ по Постановлению КМ РТ № 565 от 16.07.2024

Аннотация. *Неправильно оформленные названия городских объектов вызывает негативный общественный резонанс, поэтому правописанию названий улиц и других городских объектов должно уделяться пристальное внимание. В статье рассматриваются правописания урбанонимов на татарском и русском языках.*

Annotation. *Incorrectly formatted names of city objects cause a negative public response, so the spelling of street names and other city objects should be given close attention. The article discusses the spelling of urbanonyms in the Tatar and Russian languages.*

Ключевые слова: *татарский язык, город Казань, урбаноним, улица, транслитерация*

Keywords: *Tatar language, city of Kazan, urbanonym, street, transliteration*

Адрес объектлары (урамнар, мәйданнар, яр буйлары, урам чатлары, проспектлар, шоссе һәм башка шәһәр эчендәге объектлар) үзенчәлекле һәм катлаулы система тәшкил итә. Бу аеруча XXI йөздә илебез шәһәрләренең территорияләре зураюына, транспорт челтәрләренең киңәюенә һәм мәдәни-тарихи шартларга бәйле. Бу төргә караган атамаларга бүгенге көндә «топоним төре» «шәһәр эчендәге теләсә кайсы топографик объектның шәхси атамасы...» буларак «урбанонимнар» термины куллану кабул ителгән [3: 154].

Хәзерге вакытта урбанонимик лексика составына уртаклык исемнәрнең кушылуы, шулай ук рәсми булмаган сөйләм телендә микроурбаноним дип аталган яңа урбанонимнар барлыкка килү процессы халык теленең гомуми тенденцияләрен чагылдыра. Шәһәр урбанонимик системасы реаль чынбарлыкны тасвирлый һәм теләсә кайсы тел системасы кебек, иң беренче чиратта, конкрет кешенең аңында яши.

Шәһәр эче объекты атамаларында чагылган топонимик күренешләр катлаулы системалы-структура тәшкил итә һәм тирә-юньдәге чынбарлыкны тасвирлау чарасы булып тора, ә алар исә, үз чиратында, шәһәрдә яшәүче халыкның иҗтимагый-көнкүреш тормышын, мөһим тарихи-мәдәни вакыйгаларын чагылдыра.

Шәһәр урбанонимнары тулаем ономастик система белән тыгыз бәйләнгән мөстәкыйль системадан гыйбарәт. Топонимиканың бер тармагы булган урбанонимика өлкәсен галимнәр төрле аспектлардан чыгып өйрәнә. Тарихчылар, географлар, этнографлар, психологлар, философлар, лингвистлар һ. б. урбанонимнарның барлыкка килү тарихына, әһәмиятенә һәм мәгънәсенә мөрәҗәгать итәләр, кешеләрнең дөньяга карашы һәм диннәре, әйләнә-тирә табигать белән бәйләнешен эзлиләр (В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, М.В. Горбаневский, В.И. Супрун, М.Г. Талалай, Е.А. Сизова, А.М. Мезенко, В.А. Жучкевич, Р.В. Разумов, Г.Ф. Саттаров, К.Ф. Әмиров, Г.К. Һадиева һ. б.).

Казан шәһәре җиде – Авиатөзелеш, Вахитов, Киров, Мәскәү, Яңа Савин, Идел буе һәм Совет административ районнарына бүленә. Казан шәһәре Башкарма комитетының «Казан шәһәре атамалар реестры» турында чыгарылган карар нигезләмәсендә бүгенге көндә 2146 урбаноним теркәлгән [2].

Татар урбанонимнарының язылышы һәм рус телендә бирелеше актуаль мәсьәләләрдән санала. Ономастиканың башка төр берәмлекләрендәге кебек үк, биредә дә шактый авырлыклар күзгә ташлана. Урам исемнәре – милли телнең яшәеше, функциональ мөмкинлекләрен күрсәтә торган билге, шунлыктан аларда сүзләрнең бирелеше төгәл, тел нормаларына туры килгән булуы зарур. Бу өлкәдә аерым кабул ителгән закон һәм кагыйдәләр урамнарга исем бирү, аларның язылышы кебек аспектларны да үзәккә алалар. Мисал өчен, Татарстан Республикасында Топонимия комиссиясе эшли. Әлеге комиссия урам исемнәрен биргәндә түбәндәгеләрне исәпкә алуны ассызыклый.

Атама сайлау вакытында аның төгәл, гади, кыска һәм истә калырлык булуына игътибар итәргә һәм ике төрле аңларга мөмкин исемнәрдән ваз кичәргә кирәк. Урам, мәйдан һәм халык яшәгән башка территорияләрнең атамалары Татарстан Республикасының дәүләт телләрендә бирелә һәм тәрҗемә ителми. Географик объектның исемен рәсмиләштергәндә, Татарстан Республикасы дәүләт телләренең географик амтамаларны куллану кагыйдәләрен һәм гадәтләрен саклаган норматив язылыш формалары билгеләнергә тиеш [1].

Урам атамаларын бер телдән икенче телгә тәрҗемә итү мәсьәләсенә килгәндә, Комиссия атаманың оригинал телендә бирелешен теркәп кую ягында тора. Урбанонимнарны рус теленнән татар теленә һәм татар теленнән рус теленә күчерү вакытында, аффикслар үзгәртү яисә ирекле тәрҗемәдән башка механик транслитерация кулланыла [1]. Шулай итеп, *Зур Кызыл урамы* түгел, бәлки *Большая Красная урамы* формасы дөрес булып санала. Шулай ук, документларда буталчык җибәрмәү максатыннан, *Үзәк урам* урынына *Центральная* урбанонимы кулланылырга тиеш.

Татар урбанонимнарының икетеллелек шартларында өч ысул ярдәмендә бирелеше таралган 1) тәрҗемә; 2) транслитерация; 3) катнаш ысул.

Тәрҗемә ысулына килгәндә, ул 1990–2000 елларда киң таралышка ия булган. Уртаклык исеме белән мотивлашкан рус телендәге шәһәр атамаларының мәгънәләре татар теленә турыдан-туры тәрҗемә ителгән, Мәсәлән, улица *Дубравная – Имәнлек* урамы, улица *Родины – Ватан* урамы. Бүгенге көндә әлеге ысул кулланмый, чөнки урам исемнәре тәрҗемә итеп бирелми. Шул ук вакытта, Реестрда кайбер атамаларның рус һәм татар формалары яшәвен дәвам итә: улица *Победы – Җиңү* урамы; улица *Связистов – Элемтәчеләр* урамы; улица *Слободская – Бистә* урамы; улица *Приволжская – Идел буе* урамы; площадь *Свободы – Ирек* мәйданы; улица *Серп и Молот – Урак һәм Чүкеч* урамы; улица *Современников – Замандашлар* урамы; улица *Строителей – Төзүчеләр* урамы; улица *Трудящихся – Хезмәтчәннәр* урамы; площадь *Тысячелетия – Меңьеллык* мәйданы һ. б.

Топонимнар нигезендә барлыкка килгән урбанонимнарның телдә кабул ителгән тәрҗемә варианты булса, шуның ярдәмендә бирелә: *Тюлячинская – Теләче* урамы; *Тюменская – Төмән* урамы; *Услонская – Ослан* урамы; *Ферганская – Фирганә* урамы; *Челябинская – Чиләбе* урамы.

Транслитерация ысулы бер телнең язылышын икенче телнең аналог хәрефләре ярдәмендә күрсәтүгә нигезләнә. Бүгенге көндә күпчелек очракта әлеге ысул кулланыла – урам атамалары тәрҗемә ителми. Урбанонимнарның язылышлары, оригиналдагы аффикслары сакланган килеш, икенче тел материалы белән бирелә: улица *Кунче – Күнче* урамы; улица *Малая Дорожная – Малая Дорожная* урамы; улица *Эмет – Өмет* урамы; улица *Свободная – Свободная* урамы; улица *Яшьлек – Яшьлек* урамы.

Әлеге ысулдан файдаланганда, кайбер татар авазларының рус телендә бирелү юллары истә тотыла.

Сузыкларның рус телендә бирелеше:

1. Ә хәрефе рус телендә э, а, я, е хәрефләре белән языла:

ә-э: *Ак чәчәкләр – Ак чэчэклэр, Алчәчәк – Алчэчэк, Бердәмлек – Бердэмлек, Бәйге – Бэйге, Бәләкәч – Бэлэкэч, Гаилә* тыкрыгы – переулок *Гаилэ,*

*Дәртле – Дәртле, Дәрдемәнд – Дәрдменд, Истәлек – Истәлек, Нәфис – Нәфис, Чәчәк – Чәчәк, **Ә**кият* тыкрыгы – переулок ***Э**кият, Юкә – Юкә*;

ә-а: *Әбҗәлилов – **А**бжалилов, Әпсәләмов – **А**бсалямов, Әбүбәкер Терегулов – **А**бубекир Терегулов, Әгерҗе – **А**грызская, Әлмәт – **А**льметьевская, Әмәтхан Солтан – **А**мет-Хан Султан, Әмәт – **А**метьевская, Әмирхан Еники – **А**мирхан Еники, Әнәс Таҗетдинов – **А**н**а**с Тазетдинов, Бәйрәм – Б**а**йр**а**м, Бәрәкәт – Б**а**р**а**кят, Бәхетле – Б**а**хетле, Җәүдәт Фәйзи – Дж**а**уд**а**т Ф**а**йзи, Кардәшлек – Кард**а**шлек, Коләхмәтов – Кул**а**хметов, Ләйсән – Лейс**а**н, Мәҗит Гафури – М**а**зит Гафури, Муса Җәлил – Муса Дж**а**лиль, Нәҗип Җиһанов – Н**а**зиб Жиганов, Нәкый Исәнбәт – Н**а**ки Ис**а**нбет, Нәүрүз – Н**а**уруз, Сердәш – Серд**а**ш, Үрмәле – Урм**а**ле*;

ә-я: *Әпсәләмов – Абсал**я**мов, Байтирәк – Байтир**я**к, Бәрәкәт – Барак**я**т, Бүләк – Бул**я**к, Җиләкле – Жил**я**кле, Икмәкле – Икм**я**кле, Имәнле – Им**я**нле, Казан яшьләре – Казан яшьл**я**ре, Кизләү – Кизл**я**у, Миләш – Мил**я**ш, Миләшле – Мил**я**шле, Мәңгелек – М**я**нгелек, Үзәнле – Уз**я**нле, Хикмәт – Хикм**я**т, Чирәмле – Чир**я**мле, Чишмәле – Чишм**я**ле, Яшьләр – Яшл**я**р*;

ә-е: *Әбүбәкер Терегулов – Абуб**е**кир Терегулов, Әлмәт – Альм**е**тьевская, Әмәтхан Солтан – Ам**е**т-Хан Султан, Әмәт – Ам**е**тьевская, Гомәр Гали – Гум**е**р Гали, Дәрдемәнд – Дэрдм**е**нд, Коләхмәтов – Кулахм**е**тов, Ләйсән – Л**е**йсан, Нәкый Исәнбәт – Наки Исанб**е**т, Рәшид Нәҗметдинов – Рашид Н**е**жметдинов, Шаһиәхмәт Алкин – Шагиахм**е**т Алкин*.

2. Ү хәрефе рус телендә у һәм ю хәрефләре белән языла:

ү-у хәрефе: *Б**ү**ләк – Б**у**ляк, Җә**ү**дәт Фәйзи – Джа**у**дат Файзи, Кизлә**ү** – Кизл**у**, К**ү**нче – К**у**нче, Нә**ү**рүз – На**у**руз, **Ү**зәнле – **У**зянле*;

ү-ю хәрефе: *Акт**ү**бә – Акт**ю**бинская*.

3. Ө хәрефе рус телендә и, е, о, э, ы хәрефләре белән языла:

ө-и: *С**ө**енеч – С**и**неч*;
ө-е: *К**ө**меш – К**е**меш*;
ө-о: *Х**ө**ррият – Х**о**ррият*;
ө-э: ***Ө**мет – **Э**мет*;
ө-ы: *Яшь К**ө**ч – Яшь К**ы**ч*.

4. О хәрефе рус телендә у хәрефе белән языла:

о-у: *Әмәтхан С**о**лтан – Амет-Хан С**у**лтан, Г**о**мәр Гали – Г**у**мер Гали, Г**о**мәр Усманов – Г**у**мер Усманов, К**о**л Гали – К**у**л Гали, К**о**ләхмәтов – К**у**лахметов, М**о**стай Кәрим – М**у**стай Карим*.

5. Я хәрефенең рус телендә а хәрефе белән бирелгән очрагы бар:

я-а: *Чи**я**ле – Чи**а**ле*.

6.ы хәрефе һәм ый рус телендә и хәрефе белән бирелә:

ый-и: *Бак**ый** Урманче – Бак**и** Урманче, Гаяз Исхак**ый** – Гаяз Исхак**и,** Нәк**ый** Исәнбәт – Нак**и** Исанбет, Таҗи Г**ый**ззәт – Тажи Г**и**ззат*;

ы-и: *Ч**ы**ңг**ы**з Айтматов – Ч**и**нг**и**з Айтматов*.

Тартыкларның рус телендә бирелеше:

1. Г хәрефе рус телендә сүз башында төшеп кала:

г: ***Г**адел Кутуй – Адель Кутуй, Миркасыйм **Г**османов – Миркасым Усманов*.

2. Җ хәрефе рус телендә ж, з, дж хәрефләре белән языла:

ж-ж: *Әбҗәлилов – Абжалилов, **Ж**имешле – **Ж**имешле, **Ж**иләкле – **Ж**илякле, Нәҗип **Ж**иһанов – Назиб **Ж**иганов, Рәшид Нәҗметдинов – Рашид Нежметдинов, Энҗе – Энже*;

ж-з: *Әгержә – Агрызская, Әнәс Таҗетдинов – Анас Тазетдинов, Мәҗит Гафури – Мазит Гафури, Нәҗип Җиһанов – Назиб Жиганов, Таҗи Гыйззәт – Тази Гиззат*;

ж-дж: *Җәлилчеләр – **Дж**алиловцев, Җамал Вәлиди – **Дж**амал Валиди, Җәүдәт Фәйзи – **Дж**аудат Файзи, Кави Нәҗми – Кави На**дж**ми, Муса Җәлил – Муса **Дж**алиль, Шиһабетдин Мәржани – Шигабутдин Мар**дж**ани*.

3. Һ хәрефе рус телендә х һәм г хәрефләре белән бирелә:

һ-х: *Ба**һ**адир – Ба**х**адир, Ил**һ**ам – Ил**х**ам, **Һ**ади Такташ – **Х**ади Такташ*;

һ-г: *За**һ**итов – Загитов, Нәҗип Җи**һ**анов – Назиб Жиганов, Ибра**һ**имов* проспекты – проспект *Ибрагимова, Рәшид Ва**һ**апов – Рашид Вагапов, Ша**һ**иәхмәт Алкин – Шагиахмет Алкин, Ши**һ**абетдин Мәржани – Шигабутдин Марджани*.

4. ң хәрефе рус телендә н хәрефе белән языла:

ң-н: *Мәңгелек – Мя**н**гелек, Таң – Та**н**, Туфан Миңнуллин – Туфан Ми**н**нуллин, Уңыш – У**н**ыш, Яңалык – Я**н**алык*.

Атаманы катнаш ысул белән биргәндә, аның бер өлеше оригинал телдә, икенчесе кабул ителгән тәрҗемә формасында килә.

Урам-юллар челтәренә караган объектлар тәрҗемә итеп бирелә: *урам – улица*, *переулок – тыкрык*, *проезд – юл*, *площадь – мәйдан, слобода – бистә*. Алынма булып торган сүзләр тәрҗемә ителми: *Проспект Ибрагимова – Ибраһимов проспекты*; *Аракчинское шоссе – Аракчино шоссесы*; *Оренбургский тракт – Оренбург тракты*.

Составларында сан булган атамалар да өлешчә тәрҗемә ителә*: 5-я Давликеевская – 5 нче Дәүләки* урамы; *8-я Залесная – 8 нче Залесная* урамы һ. б.

Шулай ук урбанонимнар составында булган *поперечно-* , *большая*, *малая*, *старая*, *право-*, *лево* компонентлары кайбер очракларда тәрҗемә ителә: *Поперечно-Азинская – Аркылы Азино* урамы (ләкин *Поперечно-Боевая – Поперечно-Боевая* урамы); *Большая Мухаметшина – Зур Мөхәммәтшин* урамы (ләкин *Большая Заречная – Большая Заречная* урамы); *Малая Армавирская – Кече Армавир* урамы (ләкин улица *Малая – Малая* урамы); *Старо-Аметьевская – Иске Әмәт* урамы (ләкин улица *Старая – Старая* урамы), *Право-булачная – Уң як Болак* урамы, *Лево-Булачная – Сул як болак* урамы һ. б.

Икетеллелек шартларында һәр телнең орфографик нормаларының үтәлүен тикшереп торучы органнар булуы зарур. Бүгенге көндә Казан аншлагларында шактый орфографик хаталар күзәтелә, кайберләрендә атамалар татар телендә бирелми. Моны берничә сәбәп белән аңлатып була: 1) аншлагларны урнаштырганчы, аларның паспортларын тикшерүче органнар булмавы; 2) аншлагларны махсус лицензиясез оешмалар тарафыннан чыгару мөмкинлеге; 3) урам атамаларының татар телендә грамоталы

бирелешенең Интернет челтәрендә, хәтта Шәһәр үзидарә органнары сайтында һәм Реестрда булмавы.

Шулай итеп, урам атамаларының дөрес язылышы өчен җаваплы органнар билгеләү, ике телнең орфографик нормаларын саклаган Реестрны Интернет челтәрендә урнаштыру проблеманың чишелеше булырга мөмкин.

ӘДӘБИЯТ

1. Исполнительный комитет – Официальный портал Казани. URL: http://www.kzn.ru/node/32147

2. О Реестре названий улиц города Казани. URL: https://docs.cntd.ru/document/446524353

3. Подольская Н.В. Словарь руской ономастической терминоогии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 199 с.

4. Татар лексикологиясе: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘhСИ, 2017. Т. III. 1 кис. 536 б. URL: https://www.antat.ru/ru/iyli/publishing/book/2017/Лексикология_3_том_1_кис-1.pdf

5. Хадиева Г.К. Урбанонимия города Казани // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (64). С. 216–218.

УДК 81’373.613, 94(47).031

Юсупов Айрат Фаикович
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Yusupov Ayrat Faikovich
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: faikovich@mail.ru
Юсупова Нурфия Марсовна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Yusupova Nurfiya Marsovna
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: faikovich@mail.ru

ИМЕНА И АТРИБУТЫ ВСЕВЫШНЕГО В ЯЗЫКЕ СУФИЙСКИХ ТЕКСТОВ XIX ВЕКА

NAMES AND ATTRIBUTES OF THE ALMIGHTY IN THE LANGUAGE OF SUFI TEXTS OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. *В статье раскрываются функционально-семантические особенности религионимов в языке суфийских текстов XIX века. В ходе исследования акцентируется внимание на влияние мусульманской религии на формирование религиозного мировоззрения татар. Установлено, что религионимы, обозначающие понятия «Обращения к Всевышнему» являются узкоспециальными; сфера функционирования данной категории исламской терминологии в основном ограничена религиозным дискурсом.*

Annotation. *The article reveals the functional and semantic features of religionyms in the language of Sufi texts of the 19th century. The study focuses on the influence of the Muslim religion on the formation of the religious worldview of the Tatars. It has been established that religionyms denoting the concepts of "Appeals to the Almighty" are highly specialized; the scope of this category of Islamic terminology is mainly limited to religious discourse.*

Ключевые слова: *суфийский текст, религиозная лексика, религионим, исламская терминология, имена Всевышнего, атрибуты Всевышнего*

Keywords: *sufi text, religious vocabulary, religious name, Islamic terminology, names of the Almighty, attributes of the Almighty*

В формировании и развитии татарского языка как части духовной культуры народа огромную роль сыграла мусульманская религия, которая способствовала формированию новой тюрко-татарской культуры. Тюрко-татарская культура возникла в результате синтеза исторического опыта доисламского периода народа и арабско-персидской цивилизации.

История становления татарского народа, так или иначе, связана с формированием определенного религиозного мировоззрения, которое со временем стало оказывать влияние не только на культуру поведения татар, но и на словарный запас татарского языка [14: 1794].

Как известно, на протяжении многих веков тюркский письменно-литературный язык оснащался большим количеством инородных лексических единиц и грамматических элементов [12: 214], закреплению которых в словарном составе национального языка «способствовала суфийская поэзия, пропитанная арабо-персидскими элементами и оказавшая сильное воздействие на развитие письменного литературного языка того времени» [13: 100].

В языке суфийских поэтических текстов XIX века активно функционировали слова и понятия, относящиеся к исламской терминологии или общемусульманскому лексическому фонду. Религионимы, зафиксированные в анализируемых текстах, по семантическим признакам подразделены нами на 12 групп. Согласно результатам проведенного нами исследования, самыми многочисленными являются лексических единиц, относящихся к группе имена и атрибуты Всевышнего – понятия «Обращения к Всевышнему» [15: 272].

Имена Всевышнего. اللّٰه Allahu «Аллах» (бог, Аллах) [3: 41] – Создатель и Управитель всего сущего бытия. Помимо Него никто не обладает этими качествами. Существование Аллаха является необходимым для мироздания, а Его отсутствие – невозможным. Он самодостаточен. Ему нет равных, и в этом выражается Его абсолютное единство [1: 24].

Считается, что в религиозно-языковой картине мира татар в качестве главной вербализационной единицы понятия «Всевышний» закреплена лексема *Алла* и ее фонетические варианты *Аллаһ* / *Аллаһы*. В языке поэтических текстов XIX века лексема *Аллах* также является доминантой в лексико-семантической парадигме «Обращения к Всевышнему». Например: bel: fäna fi Allahi [11: 85] «знай, растворение в Боге»; qujyŋyz Allah öčen, äj canlar [8: 25] «ради Всевышнего отдайте свои души»; γyjnajät ulmasa

Allah sändin [МА: 2] «Всевышний (Аллах), если не будет твоей поддержки (*дословно*: если не будет помощи от тебя, Всевышний)» и т. д.

Как известно, арабские слова أللّه Allahu «Аллах» и إله / إلاه iläh-un «Илях» (бог, божество) [3: 41] являются однокоренными. Считается, что лексема *Аллах* образована от *Илях* при помощи определенного артикля ال «аль», который *указывает на Единственного истинного Бога, достойного поклонения*. В исламской философии утверждается, что «*Илях* – объект для служения и поклонения, Бог. Наиболее общее обозначение любого божества» [1: 122].

В языке исследуемых поэтических текстов إله / إلاه iläh-un «Илях» является одним из высокочастотных заимствований, это слово активно употребляется в поэтических текстах Ш. Заки. Например: ilähi, mötbälä qaldym [11: 89] «Всевышний, в печали я»; ilähi, äjlä qurqulardan azad, ilähi, äjlä iršad, äjlägel šad [11: 96] «Всевышний, освободи от страха, Всевышний, покажи мне дорогу, обрадуй»; jä ilähi, qyl sälamät [9: 43а] «о, Всевышний, дай мне здоровья»; ja ilähi, räxmät äjlägel bezä [11: 133] «о, Всевышний, будь к нам милосерден» и т. д.

Лексемы *Аллах* и *Илях* употребляются также в составе устойчивых религиозных высказываний: انشاء الله inša’ Allah [8: 21] «если Аллаху будет угодно (*дословно*: создание бога)»; حسبة لله xisbät-ulla [8: 4] «ради Аллаха» [3: 17] и т. д.

Вместе с тем, семантика категории «Обращения к Всевышнему» расширяется за счет лексических единиц персидского и тюркского происхождения. В суфийских поэтических текстах XIX века аналогами арабского термина إله / إلاه iläh-un «Илях» выступают персидская лексема خدا xoda «Хода» (*от персид.* бог, господь) [5: 188; 4: 662] и тюркское слово تڭرى täŋre «Тэнгре» (*тюрко-мат.* бог, тенгри) [2: 245]. Следует отметить, что из репрезентируемых лексических единиц наибольшей частотностью отличается персидская лексема خدا xoda «Хода», которая преимущественно представлена в произведениях А. Тубыли и Ш. Заки. Например:

خدا xoda «Хода»: xoda jazγan käler irkän [9: 41б] «то, что написано Богом, обязательно сбудется»; bän xodanyŋ ber γaribe [10: 417] «я один из беспомощных божьих (бедняга)», xodanyŋ ilčese ul mäγsum ide [9: 40б] «посланник бога был невинным (безгрешным)»; xodaγa qyjlmady la’jyq γämäl [11: 94] «не совершил дела, достойного Всевышнего»; qanqysyjlä xökem idär jären xoda [8: 4] «каким (образом) в будущем будет судить Бог»; cämiγ γalämneŋ sän sän xodasy [6: 2] «ты Бог всей вселенной» и т. д.

تڭرى täŋre «Тэнгре»: täŋrejä jalwarasy [10: 418] «молиться Всевышнему (умолять бога)»; täŋre dustydyr ular [11: 125] «они друзья бога» и т. д.

В языке исследуемых поэтических текстов зафиксирован синоним персидского термина خدا xoda «Хода» – خداونده xodawändä «Ходаванда» (*от персид.* бог, господь; господин, владыка) [5: 188; 4: 662]. Например: räxim äjlä xodawändä, bän ber γarib zäγif bändä [11: 102] «будь милосерден, о, господь (бог), я есть суфий – дервиш (*дословно*: чужой) – беспомощный человек».

В исламской философии отмечается, что слово *Илях* может употребляться как по отношению к Аллаху, так и лжебогам. Общими обозначе-

ниями божества являются также такие разноязычные слова, как *Бог, God, Худа, Танры, Тенгри* и т. д.: они не обозначают конкретно истинного Бога и могут быть применены как к Нему, так и к другим племенным, национальным и другим лжебожествам [1: 123].

Атрибуты Всевышнего. В исламской традиции также существует понятие атрибутивных имен Аллаха. «Все эти имена выражают качества Аллаха, которыми Он выражает свое присутствие в сотворенном им мире» [1: 27]. Согласно исламской терминологии, اسماء الله الحسنى asma'-u Allahi al-xusnä /الاسماء الحسنى asma'-u al-xusnä «асма аль-Хусна» (прекраснейшие имена (99 эпитетов Аллаха)) [3: 375]. Эти имена повторяются в зикрах. «В мусульманской традиции принято считать, что Аллах имеет множество имен, которые выражают Его атрибутивные качества» [1: 32].

В языке анализируемых поэтических текстов XIX века зафиксированы следующие атрибутивные имена Всевышнего:

رب rabbe «рабб» (господь; господин; государь; владелец, хозяин; глава) [3: 281] – господь. Например: hidäjät wir bäŋa, jä rabb [9: 42б] «покажи мне истинный путь, о, Всевышний»; nä xuš säüdä wirebsän, ja rabb [11: 90] «истинную любовь (*дословно*: хорошую торговлю) ты дал, о, Господь» и т. д.

Наряду с этим, в языке поэтических текстов XIX века зафиксирован эпитет رب العالمين rabbu al-γalämin «Господь миров (Аллах)». Например: dide axyr änä rabb-el-γalämin [8: 3] «в конце сказал: я Господь миров (Аллах)»;

رحيم räxim «рахим» (милосердный, милостивый) [3: 291] – Милосердный. Например: räxim äjlä xodawändä, bän ber γarib zäγif bändä [11: 102] «будь милосерден, о, господь (бог), я есть суфий – дервиш (*дословно*: чужой) – беспомощный человек»; u narda hič beräügä, hič räxim juq [9: 40a] «в этом огне никому нет никакого милосердия» и т. д.;

عزيز γaziz «ʹазиз» (сильный, могущественный; крепкий; ценный; милый, дорогой) [3: 513], *рел.* Святой; Правитель [4: 66] – Великий. Например: عزيز γaziz [11: 123; 8: 3] «милый, дорогой; святой», xaqnyŋ xökemenä razyj γazizlär [9: 119a] «с суждением (решением, приговором) Всевышнего согласны (довольны) святые»;

قهار qahhär «каххар» (всемогущий (эпитет Аллаха)) [3: 662] – обладатель сокрушительной, уничтожающей силы и мощи [1: 32]. Например: xäzräti Qahhär [8: 10] «уважаемый Всемогущий Аллах»;

كريم kärim «карим» (щедрый, великодушный; благородный; любезный, радушный; дорогой, драгоценный; значительный) [3: 684] – Щедрый. Например: bujlämide ul kärimneŋ sönnäte? [8: 4] «такая ли сунна (предписание, закон) Всевышнего»; berlekeŋneŋ xörmätenä, ja kärim [8: 4] «в честь твоей единственности, о, Всевышний»; xäzräti Qor'än ečendä Xaq Kärim [8: 10] «в уважаемом Коране Всевышний Щедрый» и т. д.;

ودود wädüd «вадуд» (любящий; симпатичный, приветливый) [3: 879] – Любящий. Например: häm wöcüdeŋ xörmätenä, ja wädüd [8: 4] «и ради твоего наличия (присутствия), о, Всевышний»; dide, šäjxemä irešter, ja wädüd [8: 24] «сказал: передайте моему духовному наставнику (шейху), о, Всевышний» и т. д.;

حق xaq «хакк» (истинный, настоящий, подлинный; правильный, справедливый) [3: 184] – одно из имен Бога, означающее «Истинный» [7]. Следует подчеркнуть, что в языке анализируемых поэтических текстов эпитет *Истинный* наиболее высокочастотный и употребление термина حق xaq «хакк» преобладает по сравнению с другими эпитетами Всевышнего. Например: kilür xaqdan xitab [11: 82] «будет от бога послание (*дословно*: обращение)»; küzläre qur ulyb, xaq räxmätendin uldylar dur [8: 6] «когда глаза ослепли, они были далеки от благодарности Всевышнего»; xaqdan üzgä mö'nisem juq [11: 96] «нет друга у меня, кроме бога»; Xaq öčen wirmäjä qoruγ nanyny [8: 3] «ради Всевышнего не отдаст сухой хлеб» и т. д.

В языке анализируемых поэтических текстов XIX века широко применяется также эпитет Аллаха «Истинный Всевышний» – حق تعالى xaq täγalä [6: 33]. Например: bojyrybdyr xaq täγali [8: 4] «повелел Всевышний»; xaq täγalä xökem qylsa [10: 417] «если Всевышний осудит»; xaq täγalä räxmätendin dämbedäm ulyr bäγid [11: 110] «от милости Всевышнего постоянно будет далеким» и т. д.;

ولي wäli «вали» (близкий; родной; покровитель, опекун; собственник, владелец; святой угодник) [3: 913] – Покровитель, святой. Например: belgel, Allah wälijjü äl-mö´minin [11: 125] «знай, Аллах – Покровитель верующих (мусульман)»;

واحد waxid «вахид» (единый; один; единица; кто-нибудь) [3: 877] – Единственный, не имеющий себе подобных и равных [1: 34]. Например: waxide färd estäräm [11: 118] «хочу быть единственным»;

اول äüwäl «авваль» (начало; первый) [3: 50] – Первый; Предшествующий всему сотворенному бытию [1: 34]. Например: dide äüwäl [6: 34] «сказал Первый (бог) (*дословно*: сначала)»;

غنى γani «гани» (богатый, зажиточный; богач) [3: 573] – Истинный Обладатель богатства [1: 34]. Например: nä qadär disäm dä, säneη qadreηe äjtä belmimem barča siηa märde γani [9: 37б] «сколько бы я ни говорил, не могу пересказать тебе все твое желание (стремление), Всевышний (*дословно*: богатый, богач)»; julynda sän γaninеη – bän fäqyjreη [11: 90] «на твоем Пути, Всевышний (*дословно*: богач), я есть факир – суфий (*дословно*: бедный)»; xämede lillah säd häzarin, ul γani [8: 12] «хвала Аллаху (слава Богу) сто тысяч раз, он – Обладатель богатства» и т. д.;

نور nur «нур» (свет) [3: 838] – «Ан-Нур – Свет небес и земли; Дарующий свет Веры» [1: 34]. Например: nuryη ilä kitde zolmät [11: 132] «луч Всевышнего рассеял мрак»; gär qalawüz äjläsäη bäηa γyjnajät nuryny [11: 93] «если направишь на меня луч помощи Всевышнего» и т. д.

Таким образом, исламские термины данной категории (имена и атрибуты Всевышнего) являются узкоспециальными, в поэтических текстах XIX века используются в целях выражения понятия «Обращения к Всевышнему» и раскрывают основополагающую концепцию исламского единобожия – доктрину *ат-тауxид* (التوحيد ät-täüxid – единобожие, монотеизм). В языке поэтических текстов эпитеты Аллаха (асма аль-Хусна) употребляются поэтами в соответствии с правилами стихосложения и в тесной связи

с установками метрики; вместе с тем в текстах не соблюдается порядок, принятый в религиозной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 340 с.

2. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. II т. (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

3. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: около 42000 слов. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 928 с.

4. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре): 2 т. Казан: Татар кит. нәшр., 1993. 854 б.

5. Персидско-русский словарь: около 35000 слов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иност-х и нац-х словарей, 1953. 668 с.

6. Салихов Һ. Мәҗмәгыл адаб. Казан: нашире: Имашев Ф.Х., 1858. 96 б.

7. Словарь суфийских терминов [Электронный ресурс]. URL: http://саморазвитие1.рф/Sufizm/Termini.php (дата обращения: 05.03.2014).

8. Тәрҗемәи Хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Казан: Казан ун-тының табгыханәсе, 1889. 34 б.

9. Тубылый кулъязмасы // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 6058. 209 л.

10. Фәхретдин Р. Асар. 13 җөзьә. 2 нче җилд. Оренбург, 1907. Б. 343–422.

11. Шәмсетдин Зәки шигырьләре // Научный архив Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан. Ф. 3. Оп. 63. Ед. хр. 47. 178 л.

12. Юсупов А.Ф. Заимствованные имена прилагательные в языке татарских суфийских произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 214–217.

13. Юсупов А.Ф. Многовариативность старотатарского литературного языка XIX века // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 99–103.

14. Юсупов А.Ф., Мухаметова И.И. Сакральная лексика в татарском языке как языковой и культурный код // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1794–1798.

15. Юсупов А.Ф. Атрибуция языка татарской суфийской поэзии XIX века: специальность «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)»: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2022. 502 с.

УДК 81

Юсупова Альфия Шавкетовна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Yusupova Alfiya Shavketovna
Kazan federal university
Kazan, Russia
E-mail: alyusupova@yandex.ru

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
(на примере речи татар в КНР)

THE TATAR LANGUAGE IN A FOREIGN LANGUAGE: THE CURRENT STATE
(on the basis of Tatar speech in China)

Аннотация. *Вопросы изучения языковой и этнокультурной идентичности являются особо актуальными для татарской диаспоры, проживающей в Китае. С одной стороны, в связи с историческими событиями в региональном китаеязычном окружении татарская диаспорная идентичность развивалась изолированно от современной татарской этнической культуры. С другой стороны, в результате тесного территориального контакта, социокультурных связей с тюркскими народами, в особенности уйгурами и казахами, диаспорная идентичность претерпела определённые изменения.*

Annotation. *The issues of studying linguistic and ethno-cultural identity are particularly relevant for the Tatar diaspora living in China. On the one hand, due to historical events in the regional Chinese-speaking environment, the Tatar diasporic identity developed in isolation from modern Tatar ethnic culture. On the other hand, as a result of close territorial contact and socio-cultural ties with the Turkic peoples, especially the Uighurs and Kazakhs, the diasporic identity has undergone certain changes.*

Ключевые слова: *диаспора, татар, язык, идентичность, китайский язык, культура*

Keywords: *diaspora, Tatars, language, identity, Chinese language, culture*

Язык является одним из важнейших компонентов этнокультурной идентичности. В последние годы история, культура и язык татарской диаспоры стали предметом пристального внимания ряда российских и зарубежных учёных. Достаточно много внимания уделяется изучению динамики языка, языковой идентичности татарской диаспоры, проживающей за пределами Российской Федерации.

Принято различать три волны эмиграции татар в Китай: 1-я – 30-е годы XIX века, 2-я начинается с 1851 года, 3-я – 1905–1917 гг. Татары принимали деятельное участие в социальной жизни региона, в образовательной сфере, занимались коммерцией. В результате сформировалась татарская община в Харбине, которая уже не существует и на западе Китая (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) по данным последней переписи населения Китая 2020 года, проживает 3544 татар. Основной

контингент татар, в Синьцзяне, это образованные представители интеллигенции. Предки этих татар были представителями состоятельных слоев татарского народа и духовенства. Татары прибыли сюда из Поволжья, Урала, Оренбургской и Уфимской губерний.

История татарской диаспоры в Китае нашла отражение в работе татарского историка Курбангали Халиди «Таварихи хамсаи Шарки» – «историческая пятерка Востока», где зафиксированы важные факты о татарах. Немало татарского материала содержится и в рукописях известного просветителя Габдуллы Буби, который работал учителем в татарской школе г. Кульжа. Достаточно богатые сведения о татарах, проживавших в этих краях, собраны в книге «Краткая история татар», изданной на уйгурском языке в 1988 году в городе Урумчи. В 1996 году вышел в свет научно-литературный труд известного ученого, историка, академика М. Усманова «Неоконченная книга или посеянные семена», написанный им по собственным воспоминаниям [2]. В своей книге автор, уроженец китайского города Кульжа, проживший там около 20 лет, собрал богатую информацию об истории, культуре, быте татарской диаспоры Китая.

Изучение особенностей функционирования татарского языка в данном регионе, в среде изолированных от метрополии носителей языка ценно в научном плане , потому что при этом выявляется взаимодействия языков разной демографической и коммуникативной мощности, функционально неравнозначных и генетически различных языков.

Татарский язык в зарубежье связан, прежде всего, с необходимостью этнического самосохранения и поэтому он обладает особой актуальностью в условиях эмиграции. Язык татарской эмиграции в Синьцзяне приобрел свои особенности, обусловленные различными факторами как собственно лингвистического, так и социолингвистического свойства.

В начале XX в. представители татарской интеллигенции в Китае всеми силами стремились строить школы и следить за их работой. Некоторые из них отправились в сельские регионы и внесли ценный вклад в формирование основ образования Синьцзяна. Их усилия принесли пользу не только татарам, но также уйгурам, дунганам, казахам, узбекам и другим народам. В городах Кульжи, Урумчи и Чавучак открылись татарские школы (татар мәктәбе ‘татарская школа’, кызлар мәктәбе ‘школа для девочек’, «Нур» мәктәбе ‘школа Нур’, «Максудия» мәктәбе ‘школа Максудия’, Чанышев мәктәбе ‘школа Чанышева’, Урумчи татар мәктәбе ‘татарская школа Урумчи’), и татарский язык функционировал, прежде всего, как язык образования, то есть в начальных, средних учебных заведениях обучение велось на татарском языке. В целях поддержания и сохранения своей этнокультуры татарской диаспорой проводились и проводятся различные общественные, научные и культурные мероприятия.

Урумчи, Кульжа и Чавучак – города с татарским топонимическим пространством. Достаточно указать на то, что названия улиц имели типичные татарские названия или названия, образованные по продуктивным моделям татарского языка (Татар мәчете, Нугай город, Ташләпкә базары ‘рынок Ташлавка’, Алтай ширкәте ‘товарищество Алтай’, Тянь-Шань ширкәте ‘товарищество Тянь-Шань’, Тукай күчәсе ‘улица Тукая’, Хәбип Юнич күчәсе ‘улица Хабип Юнич’, консул күчәсе и т. д.). Кроме татарских названий

улиц, магазинов, гостиниц и т. п., топонимическое пространство было заполнено вывесками и рекламой на татарском языке, которые также выступали элементами его знаковой организации.

Прожив около 200 лет в окружении китаеязычного населения и культуры, татары Китая сохранили свою этнокультурную и языковую идентичность и сформировали сплоченную духовно-культурную татарскую диаспору. Тем не менее, согласно исследованиям, степени сохранности или уровня жизнеспособности татарского языка ограничено. Нужно отметить, что настоящая лингвистическая ситуация в китайской среде может привести к потере татарского языка с уходом старшего поколения.

Мы хотим показать динамику языковых процессов на примере лексики речи татар, проживающих в Китае, потому что лексический фонд, является показателем состояния языка, поскольку он отражает изменения, происходящие в общественной жизни и потребностях.

Анализ лексики показывает, с одной стороны, общность с современным татарским литературным языком, с другой стороны, специфичные черты, характерные только для данного ареала. В первую очередь, особый интерес представляют слова, которые составляют основу лексического пласта речи татар. Любопытно, что в исследуемой территории сохранились старотатарские элементы, которые в современном татарском языке уже не употребляются: *бикәр* (литер. *буш*) *‘пустой’*, *кәттә* (литер. *яхшы*) *‘лучший, крутой’, келит* (литер. *ачкыч*) *’ключ’, кулуп* (литер. *йозак*) *‘замок’, чөмәк* (литер. *кадак*) *‘гвоздь, чыраг* (литер. *ут*) *‘свет’, табанча* (литер. *мылтык*) *‘пистолет’, чапан ‘куртка’ и др.*

Лексика, как наиболее проницаемая часть языка, испытывает наибольшее воздействие со стороны других языков. Из-за долгого отсутствия тесной связи с исторической родиной и основной нацией многоязычная среда проживания определили в целом локальные особенности речи татар, проживающих в Китае. Сложная картина, наблюдаемая в речи татарской диаспоры в Китае, сложилась под влиянием внешних и внутренних факторов в ходе ее исторического развития.

Тесный территориальный контакт, национально-культурные связи с родственными и неродственными языками создавали реальные условия для проникновения заимствованной лексики в языковой корпус исследуемого ареала.

В языке происходило обновление лексики. Татарский язык обогащался в первую очередь уйгурскими словами, которые были близки по звучанию и по значению, так как уйгурский язык является родственным тюркским языком.

Выявлено, что тематический диапазон уйгурской лексики в речи татар достаточно разнообразен и охватывает различные социально-культурные и бытовые сферы. Например, лексико-семантическая группа, отражающая родственные отношения: *апа ‘мама’, әдә ‘сестра’, нәбрә ‘внук’, гөреш ‘рис’*; *тохум пошкал* ‘*блины*’, *күзәйнәк ‘очки’, чакмак ‘молния’, кунак ‘кукуруза’, пияз ‘лук’, сәбес ‘морковь’*; *долана ‘боярышник’, мөшек ’кот’, тоху ‘курица’, көйнәк ‘рубашка’, пайпак ’носки’*; *пичин ‘обед’, сабах ‘утро’ и т. д.*

Фонетические варианты ***ака*** / ***әкә*** ‘дядя, старший брат, брат, старший родственник’ активно употребляются в уйгурском, казахском, киргизском, каракалпакском языках. Слово *ака* относится к ‘лепетным’ выражениям, как и почти все названия старших родственников. Г. Рамстедт относил их к общему тюрко-монгольскому фонду [3: 292].

Слово ***чал*** в значении «старик» является общеупотребительной лексемой, а этимологически оно связано с прилагательным *чал*, которое обозначает ‘потерявший цвет, белый, серебристый’. Также в толковом словаре татарского языка зафиксировано устаревшие значение этой лексемы: «старик, взрослый человек» [4: 403].

Слова *аял* и *кимпер* выступают в качестве синонимов и используются в значении ‘жена, женщина’. Слово *аял* фонетический вариант арабского заимствования ***yajal*** ‘женщина’, который присущ среднеазиатскому ареалу. В каракалпакском, казахском, киргизском, узбекском, уйгурском языках данное слово является активной единицей [3: 297].

Слова *ләкап (прозвище), күҗә (крупа), амал (обстоятельство), гуй (ведь), лазем (нужно)* являются активными лексическими единицами как в языке казахов так и в языке татарской диаспоры КНР. Сохранению некоторых из них в активном употреблении способствовал и тот факт, что они имеются в казахском и уйгурском языках.

Слово *күҗә* в значении ‘крупа’ в современном татарском языке считается этнографизмом и употребляется в разных фонетических вариантах. Как отмечает Р. Ахметьянов, параллели этого слова имеются в казахском, уйгурском, тувинском, монгольском языках. В китайском языке слово *ку цзу* – это сорт пшена. Во времена кочевничества *күҗә* была основным продуктом питания после молока и мясо. А в жизни оседлых народов эта каша считается ритуальной и готовится к празднику Науруз [1: 126].

Можно заметить, что некоторые слова устаревшие в современном татарском языке, сохранились в составе пословиц и паремий. Например, *«Ир белән ил күгәрә»* (Мужчина омолаживает землю). В этом случае слово *«күгәрү»* употребляется в значении *«зеленить, омолаживаться»*. Слово **күк** во многих тюркских языках упртребляется в значении ‘**зеленый цвет’** и т. д.

Проникновение китайских слов в татарский язык происходило в течение многих лет. В результате этого в язык татарсой диаспоры КНР вошли многочисленные заимствования, различные по времени проникновения и по происхождению. Китайские заимствования относятся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, военному делу, системе образования, делопроизводству, быту, традициям и обычаям и другим областям, характерным для жизни китайского народа (культура, социальное и историческое развитие). К ним относятся, прежде всего, слова-реалии, употребляющиеся наиболее широко в общественно-политической сфере, то есть не имеющие, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках. Например, *данҗүнъян ‘партия’, данвэй ‘партийный комитет’, җүнгун ’китайская компартия’, цзунтун ‘президент’, буҗан ‘министр’, цзунли ‘премьер-министр’, җ ‘глава’, кэсюэюанъ ‘академия наук’, дасюэ ‘университет’, цзинцзюй ‘театр, пьеса, драма’, доуфу ‘бобовый сыр’, момо ‘хлеб, приготовленный на пару’, махуаэр ‘хворост,*

жаренный в масле’, сэй ‘салат’, ютацзы ‘слоеный хлеб, выпекаемый на пару’; лянфэнъ ‘холодное кушанье в виде желе’, гуамянъ ‘лапша’, мифанъ ‘рисовая каша’, цзян ‘соус, паста’, цзяоцзи ‘пельмени’. Многие из них являются названиями овощей, фруктов и других растений: *цинсэй ‘зеленые овощи’, жүсэй ‘лук душистый’, цун ‘лук’, лобу ‘редька’, чэйзы ‘баклажан’, сянцзяло ‘банан’.*

Среди этнографических реалий встречаются также слова, выражающие обычаи, ритуалы китайцев, природные явления: *яңгэр ‘песни, которые поют в Китае во время пересадки риса, а также исполняются во время новогодних праздников’, саньцзюсань ‘самое холодное время зимы’.*

Процесс лексического заимствования сопровождал освоение татарскими эмигрантами отдельных сторон жизни и быта чужой для них страны. Несмотря на интенсивность контактов татар и китайцев в Синьцзяне, китайские заимствования долгое время не являлись многочисленными. Это объясняется причинами как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. Процессу беспрепятственного, свободного заимствования мешал, как правило, трудный для татарского восприятия орфоэпический облик китайского слова. Другая причина социокультурного плана: татарам в Китае было свойственно представление о своем языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость. Нужно отметить, что в речи татарских эмигрантов китайские заимствования употребляются синонимично с исконными лексемами или с другими заимствованиями. Например, *җадао* / *бычак* ‘нож’, *мифән* / *гөруш аши, санзан* / *куймак* ‘блины’, *йанйу* / *бәрәңге* ‘картофель’ и т. д.

Глагол резко противопоставлен именам. Глагол – это такая часть речи, которая в татарском языке не может существовать без формальных показателей своей глагольности. Поэтому глаголы, рождающиеся в речи татар-эмигрантов, от заимствованных основ, создаются по образцу татарских аналитических глаголов, образованных с помощью вспомогательных глаголов. Язык татарской диаспоры обнаруживает то же противопоставление глагол/имя, которое свойственно ему в метрополии, т. е. на родине. Спряжение глагола не подвергается разрушению. В склонении имени обнаруживаются явления, свидетельствующие о росте аналитических форм. Так создаются глаголы-гибриды (китайские слова + татарские грамматические показатели): *җуаңшу кылу* ‘ремонтировать’, *чаңваң кылу* ‘войти в интернет’, *даиң кылу* ‘распечатывать’, *җаушаң тарту* ‘фотографировать’, *җазыга салу* ‘орамировать’, *җилә кылу* ‘беспокоить’ и т. д.

Наряду с уйгурскими и китайскими заимствованиями, в речи татар, проживающих в КНР активно употреблялись и слова арабского и персидского происхождения, которые составляют большой пласт лексики татарского языка.

Особый интерес представляют русско-европейские слова, которые сохранились и продолжают бытовать в речи диаспоры. Русско-европейские заимствования, зафиксированные в речи татаркой диаспоры в КНР, являются результатом длительного исторического диалога языков и культур ещё до эмиграции. В течение длительного времени тесные торгово-экономические, политические и культурные связи тюрко-татарского народа со славянскими народами способствовали проникновению русско-

европейских заимствований в татарский язык, и это влияние сохранилось и в речи татарских эмигрантов.

Тематика русско-европейских слов охватывает различные общественно-политические, социально-культурные и бытовые сферы: названия посуды и домашней утвари: *паднус, самавыр*; предметы быта и домашнего обихода: *мунчала, понаръ*; названия строений: *матча, мич*; названия растений, продуктов питания: *булка, кампит 'конфета', малина, варения*; названия одежды и материала: папайка/фуфайка, сарапан/сарафан, *батинка 'ботинки', брука 'брюки', майка, кастум 'костюм', эшлэпэ, йупка*; предметы сельского хозяйства: *сука, камыт*; учебные принадлежности: *карта, каникул*; названия профессий: *консул*, *пассажир*; лексика, относящаяся к финансовой сфере: *касса, банка*; научные термины: *математика, физика, алгебра*; музыкальные термины: *скрипка, арган*; названия транспорта: *машина, автобус, поезд, аэропорт, аэроплан.* Неизменность, устойчивость, сохранность большинства лексических единиц и сегодня говорит о том, что в речи диаспоры зафиксированы самые частотные слова.

Большой интерес представляет антропонимы, распространенные среди татар, проживающих в Китае: *Ирек, Ильяр, Илбикә, Өмет, Илсөяр*, *Мәрфуга, Мәхфүзә, Шәмсия, Шәмсенур, Мәхбүбә, Камилә, Нәфига, Фәйрүзә, Зөлфия, Мөнәҗия, Шәфика, Равия, Рәгънә, Әдибә, Фәһимә, Хәлимә, Сәярә, Рәкыйп, Әбдерехим, Рәүф, Рәшит, Абдулла, Диларә, Гөлгенә, Гөлфия, Дилбәр, Фәрхәт, Гөлчәһрә, Клара, Эльмира, Лидия, Рафаэль, Филүрә, Нилүфәр, Роза, Малина, Резидә* и т. д.

Встречаются такие имена, которые не имеются у татар, проживающих в Татарстане и России: *Суат, Фидат, Шадия, Күнтәгин, Айтәгин, Илморат, Кодрәт, Илдана, Вилдана, Сәяра, Һалнур, Базарбай, Нуршат* и т. д.

Очень часто употребляются уменьшительно-ласкательные формы собственных имен: *Шади (Шадия), Пакуш (Фәрхәт), Кәши (Кәшифә), Лидүш (Лидия), Филүш (Флера), Сәүли (Сәүләш), Ану (Абдулла)* и т. д.

В некоторых случаях, имена приобрели уйгурский фонетический облик: *Гөлпия (литер. Гөлфия), Зөлпия (литер. Зөлфия), Гөлпәри (литер. Гөлфәри), Зөлпикар (литер. Зөлфикар), Рәпкәт (литер. Рифкат)* и т. д.

Как видно из примеров, татарская диаспора в Китае является носителем нескольких культур. Благодаря этому в нем сохранились архаичные, характерные для старотатарского языка элементы, а, с другой стороны, тесный территориальный контакт, национально-культурные связи с уйгурами и казахами создавали реальные условия для проникновения китайских слов в язык татар, проживающих в КНР.

Вопрос языка диаспоры характеризуется степенью сохранения языка страны исхода членами диаспоры, особенностями идиома (языка), которые возникают в нем на территории нового государства, уровнем его престижности для носителей, его политическим и юридическим статусом в стране приема, способами сохранения идиома (языка) в условиях доминирующего языка, его социальной значимостью, или приоритетностью для носителей данного идиома

В языковой компетенции многих татар, живущих в Китае с рождения, независимо от того, сколько языков они знают, татарскому языку

принадлежит особое положение. Родной татарский язык воплощает связь с родиной, с семейными корнями.

Для лингвистической картины татарской диаспорной идентичности характерно явление взаимопроникновения и смешения языков. В качестве лексических особенностей можно указать сохранение архаичной лексики татарского языка; обилие заимствованной лексики (уйгурской, китайской, арабской, персидской, русской и европейской), что обосновано лингвистическими и экстралингвистическими факторами обитания носителей татарского языка.

Динамика языковых процессов в татарской диаспоре в Китае включает в себя ряд особенностей:

1. Сильное языковое воздействие иноязычного окружения. В речи членов диаспоры наблюдаются просодические сдвиги, окказиональные заимствования. В результате длительного контактирования явления интерференции стал системным, и со временем формировался местный вариант языка (этнолект).

2. Аккультурация родного языка. Осваивая язык принимающего общества, татары приняли также нормы поведения и культуру. В этом случае этнический язык становился функционально неравнозначными доминирующему языку (например, китайскому). Таким образом, этническая культура татар, проживающих в Китае, содержит элементы культуры страны проживания. В этом контексте именно коллективная этнокультурная идентичность является основой существования и развития диаспоры

3. Утрата языковой компетенции. Потомки эмигрантов неполно владеют разными типами речи, а также утрачивают языковые компетенции в целом.

Настоящее исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблемы. Представляется, что полученные результаты открывают возможности для дальнейшего исследования речи татарской диаспоры в КНР. Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем изучении языка зарубежных восточных и западных татарских диаспор, в расширении корпуса лингвистического материала, в обобщении и систематизации научных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтьянов Р. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 272 б.

2. Госманов М.Г. Ябылмаган китап яки чәчелгән орлыклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 206 б.

3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: [Т. 4] Лексика. М.: Наука, 2001. 888 с.

4. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.

УДК 811.511.131’367’373.421”18”(045)

Utkina Alexandra Filippovna
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Udmurt Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russia
Уткина Александра Филипповна
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки УдмФИЦ УрО РАН
Ижевск, Россия
E-mail: sandra199608@rambler.ru

FEATURES OF THE USE OF MULTICOMPONENT COMPLEX SENTENCES IN THE MODERN UDMURT LANGUAGE
(based on literary texts from the national corpus of the Udmurt language)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале художественных текстов из национального корпуса удмуртского языка)

Annotation. *The article examines the features of the structure and functions of multicomponent complex sentences used in the modern Udmurt fiction. The analysis includes the study of various elements of such proposals and their interrelationships. Attention is also focused on how these constructions help authors convey their thoughts and emotions, as well as how they affect readers’ perception of the text.*

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности структуры и функций многокомпонентных сложноподчиненных предложений, используемых в художественной литературе современного удмуртского языка. Анализ включает в себя изучение различных элементов таких предложений и их взаимосвязей. Также акцентируется внимание на том, как эти конструкции помогают авторам передавать свои мысли и эмоции, а также как они влияют на восприятие текста читателями.*

Keywords: *the Udmurt language, syntax of the Udmurt language, complex sentence, multicomponent complex sentence, collateral subordination*

Ключевые слова: *удмуртский язык, синтаксис удмуртского языка, сложноподчиненное предложение, многокомпонентное сложное предложение, соподчинение*

Introduction

In modern linguistics, which is developing within the framework of the anthropocentric paradigm, special attention is paid to the study of syntax, including polynomial complex sentences (PCS). This aspect of linguistics is a complex and multifaceted field of study that attracts the attention of scientists due to its structural and functional complexity. In Russian linguistics, this phenomenon is

studied under various names, reflecting the diversity of approaches and views on its nature. For example, G.F. Gavrilova calls them complicated complex sentences, G.F. Kalashnikova and N.S. Gantsovskaya – multicomponent complex sentences, N.S. Valgina – complex syntactic constructions and G.A. Ukhanov – polypredicative complex sentences.

One of the types of PCS are multicomponent complex sentences characterized by the presence of several subordinate parts. As a basic definition, we use the term "multicomponent complex sentence" (MCS), since this name more accurately reflects their structure. Such complex constructions are found mainly in fiction, where authors use them to create expressive and multi-layered images. At the same time, in colloquial speech, MCS are quite rare. They usually manifest themselves in monologue-type texts, when one speaker presents his thoughts consistently and in detail. This term, unlike some others, does not impose strict restrictions on the number of predicative parts, as well as on the types of relationships between them. This makes it more versatile and flexible, allowing it to cover a wide range of complex sentences that may occur in the language.

In the syntax of the Udmurt language, the MCS can be found already in translations of written monuments from 1847, for example: *Люкалэ бонъ аськ тэ-лы̀ дзѐць бурзэ̀съ инъ вылы̀нъ, кытын̀ъ кэй синэ̀мъ-но угъ бы́тты, кытын̀ъ воръіо̀съ-но уг-гу́дзило у́гъ-но лу́чкало* [1, 6; 20][1] 'But lay up for yourselves treasures in heaven, where neither moths nor aphids destroy, and where thieves do not break in and steal.'

The MCS was already considered by P.N. Perevoshchikov [4: 39–47], and in the grammar of the Udmurt language (1974) such constructions are considered as "sentences-periods" [5: 8]. MCS were also partially investigated by G.A. Ushakov [6: 72–75] and N.N. Timerkhanova [7; 8].

Modern writers actively use such complex constructions in their works. As N.S. Gantsovskaya notes, the use of MCS is dictated by the fact that "only a literary language with its centuries-old developed variety of informative, capacious and expressive constructions could be suitable for a realist writer" [9: 86]. Such a writer is G.K. Perevoshchikov. The material for the study was his novel "Nunaze az'yn" ("At midday") [10], included in the National Corpus of the Udmurt language (NCUL). Examples from the work of G.K. Perevoshchikov's works are supplemented with sentences from the texts of the NCUL, which, in turn, confirm the presence of the MCS in fiction.

It should be noted that one of the most promising areas of modern linguistics and linguodidactics is the use of linguistic corpora for the study of linguistic phenomena. Linguistic corpora are collections of texts in a particular language that are specifically designed to analyze that language. In Russian linguistics, a corpus is defined as a structured collection of written and oral texts, digitized and available electronically. According to N.V. Kozlova, the corpus includes not only the texts themselves, but also metadata describing these texts, as well as linguistic annotations that help organize and systematize the data. This makes

---

[1] Here the link to the source of "Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. Matthew the Evangelist in Russian and Votyak, Sarapul narration" is given in the following format: [source number: chapter number; verse number / verses].

corpora a powerful tool for analyzing linguistic phenomena, as they allow researchers to work with large amounts of data and identify patterns that are difficult to detect in traditional analysis [11: 79].

An example of a successful creation and use of a linguistic corpus is the National Corpus of the Udmurt Language, the development of which began at the end of 2019. This project is being implemented by the staff of the Department of Philological Research of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the UdmFRC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. To the present days, the volume of the corpus is about 8 million word usage, and it continues to be actively replenished. The corpus includes texts of various genres and styles, such as fiction, journalism, dialectological materials, folklore texts, as well as a corpus of parallel texts [12].

In our study, based on the materials posted in the NCUL, we identified the types of MCS, and also determined their frequency of occurrence in G.K. Perevoshchikov's novel "Nunaze az'yn".

In the course of the research, the following methods were used: continuous sampling, descriptive, contextual analysis, as well as quantitative.

Results

Types of MCS

Depending on the semantic relationships between the components in the Udmurt language, there are three types of sentences in the Udmurt language: 1) MCS with sequential subordination; 2) MCS with collateral subordination; 3) MCS of a mixed type. Using the quantitative method allowed us to identify the frequency of use of these types in the literary text. The results are clearly shown in Table 1.

Table 1

The frequency of occurrence of various types of subordination between subordinate clauses in the MCS
(using the example of G.K. Perevoshchikov's novel "Nunaze az'yn")

Type of subordination	MCS with sequential subordination	MCS with collateral subordination		MCS of a mixed type
		homogeneous subordination	heterogeneous subordination	
Frequency of use (%)	18.2%	47.6%	20%	14.2%

An analysis of the artistic work of G.K. Perevoshchikov's "Nunaze az'yn" showed that the most common type is the MCS with homogeneous subordination (47.6%). There are several reasons for its preference. First, homogeneous subordination helps to convey parallel events, states, or descriptions more effectively without overloading the text with unnecessary details. Secondly, such constructions are more visual and easier for readers to perceive. Thirdly, homogeneous subordination is often used to create the effect of saturation and completeness of the description, which makes the text more expressive.

Let's move on to a detailed review of the types of subordination in the MCS.

1. MCS with sequential subordination.

MCS with sequential subordination are an interesting object for linguistic analysis. Their distinctive feature is the presence of a chain structure, where each subordinate component performs two important functions at once: first, it is subordinate to the preceding main component, and, secondly, it serves as the main one in relation to the next subordinate element. In the Udmurt language, sentences with two subordinate components are most often used, for example: *Угось нокин öз тодылы, [1]кызьы ортчытiз со кылем уйзэ, [2]кытчы вуттiзы уйбыт куасам малпанъёсыз* [10: 242] 'For no one knew how he had spent last night, or where his thoughts had taken him all night'[1].

Жегатскытэк тодоно, [1]кытын али улэ эсер Евсеев Н.И., [2]кудiз вордэ скемын Дебес уездысь Сосновка волостьысь Бызин гуртын [12] 'It is necessary to immediately find out where the Socialist revolutionary Evseev N.I., who was born in the village of Byzin, Sosnovskaya volost, Debessky district, lives now'.

2. MCS with collateral subordination.

In the MCS with collateral subordination, depending on the meaning of subordinate components and their relation to the main one, we have identified two groups of sentences in the Udmurt language: a) with homogeneous subordination; b) with heterogeneous / parallel subordination.

MCS with homogeneous subordination. With this subordination, subordinate clauses refer to the same word in the main sentence or to the entire main component. These subordinate clauses belong to the same structural and semantic type and can be connected by both the same and different means of communication. For example:

[1]Но ваньмыз колхозъёсы вуысал ке, [2]кыӵакмы лулысь-сюлмысь тыршым салмы ке, ньыльмосэз комбайнъёсмы мугло öй сылысалзы ни ук, дась луым салзы [10: 217] 'But if everything had gone to the collective farms, if we had all tried hard, a quarter of the combines would not have been empty, because they would have been prepared'.

Учком, адзом ини, [1]кудiз [*участок*] *умойгес луоз, [2]кудiз тросгес кушӥ ман сётоз* [12] 'Let's see, which [plot] will be better, which will produce more beets'.

The main type of construction with homogeneous subordination is a sentence with two subordinate components and one main one. This type of model is most commonly used in the Udmurt literary language. However, there are also constructions with three and four subordinate clauses, for example: *Валамон ини, [1]кудiз соку ик пештырскиз, [2]кудiз та кылъёсты сереме гинэ басьтiз, [3]кудiз ӵыж ӵыжектiз* [10: 49] 'It's already clear who immediately ruffled up, who took these words as a joke, who blushed'.

Юг-тöдьы кызьпу туйлэсь / Выжы книга лэсьтiзы, / Пересьёс пусэн-пусэн / Гожтiзы отчы, [1]кызьы, / [2]Ку но кыӵе, [3]мар муген / Инмарлы вöсяськоно, / [4]Кызьы суд ортчытоно, / Ӟеч сямъёсты утёно [12] 'Having made a book out of birch bark, / In this book they wrote / The elders have ordained the order / of the court and all supplications[2]'.

---

[1] Here and further the translation into Russian is made by the author of the article.

[2] Translated by V.M. Vanyushev [13: 108].

MCS with heterogeneous (parallel) subordination. In case of heterogeneous subordination, subordinate clauses are related: 1) to different words of the main component, or one part to the entire main component, and the other to one of its words; 2) to one word or the entire main component – all subordinate clauses, different in their structural and semantic types. In the Udmurt language, as a rule, there are MCS with heterogeneous subordination, in which the first subordinate precedes and the second follows the main component: *[1]О-о-о, быдэстӥм-марам ке, соку адӟом ай, [2]кин-кинэ!* [10: 96] 'Oh, when we're done, then we'll see who's who!'.

[1]Заполярьеез гинэ басьтоно ке, Удмуртиысь гинэ вуэмъёсыз воштӥзы 680 пиосмуртъёсты, [2]кудъёссэ передовое келязы [12] 'If we take only the Arctic, only those who came from Udmurtia replaced the 680 men who were sent to the front line'.

3. MCS of a mixed type.

In the MCS of a mixed type, both collateral and sequential subordinations of dependent components are presented simultaneously, for example: *Собере учкод, малпаськод ни: [1]кызьы созэ я тазэ чаклам ужпумдэ быдэстоно, [2]кызьы устогес луоно кадь, [3]кудзэ – туннэ, [4]кудзэ – ӵуказе...* [10: 134] 'Then you'll look, you'll think: how to complete this or that task, what will be the best, which is today, which is tomorrow…'

Верасько, [1]кызьы отын пересьёс така но ӟазег вандо, соослэсь вирзэс но пушкысьтызы мазэ но созэ музъемлы сёто, [2]кызьы ми вӧсям ӝук сиыь ны ветлӥськом вал, [3]кудзэ одно ик кӧттырон понна сиёно ӧвӧл, [4]веръян понна гинэ но сюриз ке умой [12] 'They say how old people slaughter sheep and goose there, their blood and some parts of the entrails are buried, how we went to eat consecrated porridge, which does not have to be saturated, but you can only try, and that's good'.

In mixed-type sentences, the main idea is expressed by one main component, to which three or more subordinate clauses are added. In cases where the number of accessory parts is less than three, such constructions cannot be considered mixed. Using the quantitative method, we analyzed how often such complex constructions are found in fiction. The results are shown in Table 2.

Table 2

The frequency of use of MCS with several subordinate components (using the example of G.K. Perevoshchikov's novel "Nunaze az'yn")

Number of subordinate components	2	3	4	5
Frequency of use (%)	63,8%	23,7%	9,7%	2,8%

The study revealed that three-component MCS account for 63.8% of the total number, which may indicate the authors' desire for conciseness and clarity in the presentation of thoughts, while maintaining their complexity and versatility. The high proportion of three-component structures may also be due to cognitive features of information perception and processing, since such a structure turns out to be the most convenient and easily perceived.

In the Udmurt literary language, MCS of four or more subordinate parts are used quite rarely, for example: *Я, маке вань – вань, [1]куд-ог Тылошур кышноослы ваньмыз та жож, валантэм ке но йӧтэ, [2]осконзы таки уг ке но быдэсмы, [3]егит кузпалъёслэн улон-вылонзы озьы ӧръяськиз бере, [4]асьсэлы со туж ик уг люкеты дыръя, ӵок, вылды, ини, [5]кызьы ке улозы – асьсэос тодозы* [10: 185] ‘Okay, that is, even though it all seems sad and incomprehensible to some Tyloshur women, even though their hope still does not come true, since the life of the newlyweds has gone this way, when it does not bother them at all, well, let them live somehow, they know for themselves’.

Пумтэм-йылтэм вера со: [1]кызьы прикащикын улысал, [2]кыӵе дйськут нуллысал, [3]кызьы сое купец ныл яратысал, [4]кызьы со, купец нылэз басьы тыса, купецлэсь ваньбурзэ киултысал [12] ‘He talks endlessly about how he would have lived as a clerk, what clothes he would have worn, how the merchant’s daughter would have loved him, how he would have married the merchant’s daughter and taken his wealth’.

A.F. Shutov also speaks about the small number of MCS with a large number of components: “MCS consisting of a large number of predicative parts are unusual for the Udmurt language, since this is hindered by a large number of postpositive conjunctions, the Udmurt word order” [14: 289]. Moreover, they require significant efforts from the reader to understand and analyze the information provided.

Conclusion

Thus, the use of descriptive and contextual analyses in the study and the use of texts from the NCUL made it possible to identify the following main types of MCS in the Udmurt literary language: a) MCS with sequential subordination; b) MCS with collateral subordination; c) mixed-type MCS.

An analysis of G.K. Perevoshchikov’s work “Nunaze az’yn” demonstrated that the most common type of MCS is a structure with homogeneous subordination, which is 47.6%. The author’s preference for this type of sentence is explained by the fact that homogeneous subordination allows for more efficient and concise transmission of parallel events, states or descriptions, as well as similar constructions have greater visibility, which makes them convenient for perception.

The study also revealed that three-component MCS are most common (63.8%). This may indicate the author’s desire to create a text that is both concise and understandable, but at the same time retains complexity and versatility. The high popularity of three-component constructions may also be related to the peculiarities of cognitive perception of information.

Let us emphasize that the study of MCS in the context of linguistic corpora is an important area of modern linguistics. It allows us not only to deepen our knowledge of the structure and functioning of language, but also promotes the development of new analysis methods that can be applied in a wide variety of fields, from education to artificial intelligence. The national Corpus of the Udmurt language is a vivid example of how modern technologies can be used to solve the problems of preserving and studying linguistic heritage.

ЛИТЕРАТУРА

1. Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. 234 с.

2. Шутов А.Ф. Многочленное сложноподчиненное предложение в удмуртском языке // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 474–478.

3. Уткина А.Ф. К вопросу о функционировании сложноподчиненных предложений в рукописях переводных Евангелий от Иоанна на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. № 4. С. 507–514. DOI: https://doi.org/10.35634/2224-9443-2024-18-4-507-514.

4. Перевощиков П.Н. Сложноподчинённые предложения в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртиздат, 1939. 75 с.

5. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.

6. Ушаков Г.А. Сложноподчиненной предложениос но соослэн синонимъёссы = Сложноподчиненные предложения и их синонимы. Ижевск: Удмуртия, 1977. 78 с.

7. Тимерханова Н.Н. Удмурт кылын пус пуктылон. Индылэтъёсын но схемаосын: дышетскон юрттэт = Пунктуация удмуртского языка. В правилах и схемах. Ижкар: Удмуртский университет, 2019. 99 с.

8. Тимерханова Н.Н. Удмурт кылысь кылтэчетлы но предложенилы синтаксической разбор: Электрон дышетскон юрттэт = Синтаксический разбор словосочетаний и предложений удмуртского языка: электронное учебное пособие. Ижевск; Хельсинки: Удмуртский университет, 2021.

9. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга: сб. науч. трудов. Ярославль, 1974. С. 80–92.

10. Перевощиков Г.К. Нуназе азьын: роман: «Йыбыртты музъемлы» тетралогилэн ньылетӥ книгаез. Устинов: Удмуртия, 1986. 248 с.

11. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 79–88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-korpusa-opredelenie-osnovnyh-ponyatiy-i-tipologiya (дата обращения: 20.02.2025).

12. Корпус удмуртского языка. URL: https://udmcorpus.udman.ru/body (дата обращения: 10.08–15.08.2025).

13. Худяков М.Г. Дорвыжы: Удмуртский героический эпос. Ижевск: Удмуртия, 2008. 140 с.

14. Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2002. 305 с.

УДК: 811:111’38

Zakirova Madina Damirovna
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan
Закирова Мадина Дамировна
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан
E-mail: mzakirova17@gmail.com

METAPHTONYMY. THE INTERPLAY OF METAPHOR AND METONYMY

МЕТАФТОНИМИЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ

Annotation. *This article examines Louis Goossens’s concept of* metaphtonymy*, the interaction of metaphor and metonymy in figurative language, particularly in expressions about communication. Goossens demonstrates that while metaphor and metonymy are distinct cognitive processes, they frequently intertwine to create complex, layered meanings. He identifies three main types of interaction–metaphor from metonymy, metonymy within metaphor, and metaphor within metonymy–illustrated through idiomatic expressions rooted in bodily experience. By showing how physical actions and gestures evolve into abstract linguistic meanings, Goossens highlights the cognitive basis of figurative language. This topic remains highly topical as it illuminates fundamental mechanisms of human thought and communication.*

Аннотация. *Эта статья рассматривает концепцию Луи Гуссенса* метафтонимии *– взаимодействия метафоры и метонимии в переносном языке. Гуссенс показывает, что, хотя метафора и метонимия являются различными когнитивными процессами, они часто переплетаются, создавая сложные, многослойные значения. Ученый выделяет три основных типа взаимодействия – метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры и метафора внутри метонимии – иллюстрируя их на идиоматических выражениях, основанных на телесном опыте. Показывая, как физические действия и жесты развиваются в абстрактные языковые значения, Гуссенс подчеркивает когнитивную основу переносного языка. Эта тема остаётся весьма актуальной, поскольку она раскрывает фундаментальные механизмы человеческого мышления и коммуникации.*

Keywords: *metaphtonymy, metaphor, metonymy, metaphor from metonymy, metaphor within metonymy, metonymy within metaphor*

Ключевые слова: *метафтонимия, метафора, метонимия, метонимия из метафоры, метафора в метонимии, метонимия в метафоре*

In the article “Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action”, Louis Goossens explores how metaphor and metonymy intertwine in figurative language. Goossens argues that metaphor and metonymy are two distinct cognitive processes which, nevertheless, are not mutually exclusive. He suggests the existence of “complex domains formed through the combination of other domains” [2: 165].

The scholar introduces the term metaphtonymy to designate cases where metaphor and metonymy do not merely coexist but interact in such a way that one can trigger or reinforce the other. This interaction is particularly evident in

expressions related to communication, where physical actions or body parts are used to denote abstract linguistic processes. It illustrates how metaphor and metonymy can work together to convey complex ideas concisely and expressively [2: 166].

Goossens emphasizes that understanding metaphtonymy requires a cognitive approach that takes into account how people process and conceptualize language. This approach allows for better understanding how figurative language reflects deep cognitive structures. Goossens's study demonstrates the complex ways in which metaphor and metonymy interact, revealing the cognitive mechanisms underlying figurative language [2: 167].

Goossens distinguishes different types of interaction between metaphor and metonymy, or "metaphtonymy,"such as metaphor from metonymy, metaphor within metonymy and metonymy within metaphor [1: 332–336].

Metaphor from metonymy – when an originally metonymic expression evolves over time into a metaphorical one. The metonymic expression provides the experiential or conceptual foundation for developing a metaphor on this metonymic base. To be more specific, the expression initially arises as metonymy, but over time, under the influence of usage and reinterpretation, a metaphorical meaning is superimposed on it. Metonymy comes first and provides the concrete initial frame, which is is extended metaphorically and then metaphorically mapped onto another, more abstract target to describe something else. Consequently, metaphor inherits its structure from metonymy [1: 332].

For instance: "With one's tongue in one's cheek"

The meaning of the expression "with one's tongue in one's cheek" originates in an embodied, observable metonymic link since the metonymy is based on contiguity or the gesture of tongue pushed into cheek stands for the attitude such as mockery and irony, which later extends metaphorically to contexts with no certain gesture.At that point, the bodily metonymic cue is projected metaphorically onto an abstract domain of speech acts, describing ironic communication in general, "to say something ironically" [1: 332].

Metonymy within metaphor. A metaphorical expression may contain an embedded metonymic mapping that makes the metaphor more vivid or concrete. The main structure remains metaphorical, while metonymy is embedded within this dominant metaphorical structure. Sometimes the metaphor is too general, and then a metonymic detail is used to anchor or embody it. Metonymy specifies or fills it with concrete content from the source or target domain. Metonymy makes the metaphor more concrete, expressive, and cognitively accessible by linking it to something familiar, tangible or bodily image , making the metaphor easier to perceive and understand and helping to embody the metaphor more vividly [1: 333].

For instance, in "bite one's tongue off" the dominant stricture being metaphorical, metonymy is embedded in the source domain of the metaphorical expression. Within a source domain of the metaphor, the metonymy "tongue" stands for and metonymically associated with "speech" [1: 333–334].

Metaphor within metonymy. The metaphtonymy of this type is rarer than metaphor from metonymy and metonymy within metaphor. Metaphor withn metonymy occurs when metaphor is embedded in a metonymic expression. Metaphor within metonymy arises when metaphor is used to enhance the

expressiveness of metonymy and “metaphorize” the whole expression [1: 334]. For instance, in the expression “explode with anger”, the dominant structure is metonymic since the relation is based on cause-effect. Bodily and behavioural effects such as shouting, reddening, shaking and increased heeartbeat stand for anger which functions as a cause. On top of that, the metaphoric mapping is embedded in the metonymic strutucre. The physical source domain of “hot fluid in a container” or “pressure release” is mapped to the abstract target domain of “anger”.

In conclusion, Goossens’s study of metaphtonymy demonstrates that metaphor and metonymy, though traditionally treated as separate cognitive processes, are deeply interconnected in shaping figurative language. By analyzing expressions of linguistic action, he shows how bodily experiences and gestures serve as the foundation for complex meaning-making, where metonymic cues often evolve into or coexist with metaphorical structures. The typology of interactions–metaphor from metonymy, metonymy within metaphor, and metaphor within metonymy–reveals the subtle ways in which language reflects human cognition. Ultimately, Goossens highlights that understanding metaphtonymy is essential for uncovering the cognitive mechanisms that underlie creativity, communication, and conceptual thought.

LITERATURE

1. Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Cognitive Linguistics. 1990. № 1 (3). P. 323–342.

2. Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions of Linguistic Action // By Word of Mouth. Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 159–174.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асланбекова Эльвира Аслановна, директор МБОУ «Гимназия 37» им. М. Нурбагандова. *Махачкала, Россия.*

Багироков Хазрет Заурбечевич, доктор филологических наук, профессор Адыгейского государственного университета. *Майкоп, Россия.*

Баширова Илида Басыровна, доктор филологических наук. *Казань, Россия.*

Башкатова Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Кемеровского государственного университета. *Кемерово, Россия.*

Биткеева Айса Николаевна, доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. *Москва, Россия.*

Бобырь Елизавета Андреевна, студент Российского государственного гидрометеорологического университета. *Санкт-Петербург, Россия.*

Болгарова Алина Руслановна*,* главный специалист отдела развития кадрового потенциала Управления кадровой политики МКУ «Аппарат исполнительного комитета муниципального образования г. Казани. *Казань, Россия*.

Болгарова Рамзия Марсовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Бондарко Николай Александрович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. *Санкт-Петербург, Россия.*

Борисова Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. *Якутск, Россия.*

Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Булатова Миннира Рахимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и журналистики Иркутского национального исследовательского технического университета. *Иркутск, Россия.*

Валиева Милеуша Закиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Вахитова Диляра Касимовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета. *Казань, Россия.*

Волкова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. *Санкт-Петербург, Россия.*

Галимбикова Ильзира Ильгизаровна, аспирант Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Гильманова Муслима Маликовна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук Казанского федерального университета, главный специалист МКУ «Аппарат исполнительного коммитета г. Казани. *Казань, Россия.*

Гиниятуллина Лилия Миннулловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Демидова Евгения Евгеньевна, кандидат филологических наук, преподаватель Международного гуманитарного университета им. П.П. Семенова – Тян-Шанского. *Санкт-Петербург, Россия.*

Денмухаметова Эльвира Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. *Санкт-Петербург, Россия.*

Евтых Элла Ибрагимовна, студент Кубанского государственного университета. *Краснодар, Россия.*

Закирова Мадина Дамировна, учитель Узбекского государственного университета мировых языков. *Ташкент, Узбекистан.*

Захарова Акулина Егоровна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия.*

Захарова Наталия Егоровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия.*

Зиганшина Руфия Рифгатовна, магистр Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Зиннатуллина Гульзара Фазулрахмановна, кандидат филологических наук, доцент. *Казань, Россия.*

Иванова Нина Иннокентьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия.*

Идиятуллина Алия Илдусовна, младший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Кадирова Энзе Ханафиевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Камаева Рима Бизяновна, доктор филологических наук, доцент, профессор Казанского федерального университета. *Елабуга, Россия.*

Касьяненко Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Донецкого государственного университета. *Донецк, Россия.*

Кириленко Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Институт языкознания Российской академии наук. *Москва, Россия.*

Кириллова Зоя Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Копылов Игорь Леонович, кандидат филологических наук, доцент, директор Института языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси. *Минск, Республика Беларусь.*

Крестьянинова Александра Алексеевна, преподаватель Московского финансово-промышленного университета Синергия. *Москва, Россия.*

Кузьмина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение Российская академия наук. *Якутск, Россия.*

Кузьмина Халиса Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Лемская Валерия Михайловна, кандидат филологических наук, заместитель директора Института иностранных языков и международного сотрудничества Томского государственного педагогического университета. *Томск, Россия.*

Лукина Маргарита Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия*.

Махадов Ахмедия Камилович, учитель МБОУ «Гимназия 37» им. М. Нурбагандова, аспирант Дагестанского государственного университета. *Махачкала, Россия.*

Миннуллин Бахтияр Кимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом общей лингвистики

Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мирхаев Рифат Фирдинатович, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Мичугина Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета. *Москва, Россия.*

Морозова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета. *Благовещенск, Россия.*

Мугтасимова Гульназ Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Мухаметшина Алиса Фаизовна, ассистент Казанского федерального университета, *Казань, Россия.*

Мухарлямова Гульназ Нурфатовна, кандидат филологических наук, заведующий отделом национального образования Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Набиуллина Гузель Амировна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Насибуллова Гузель Ришатовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. *Якутск, Россия.*

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Панфилова Валентина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Елабуга, Россия*.

Петрова Ольга Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук Кемеровского государственного университета, старший преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения. *Новосибирск, Россия*.

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, ректор Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского. *Санкт-Петербург, Россия.*

Родионов Виталий Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. *Москва, Россия.*

Рябинина Алевтина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета. *Краснодар, Россия.*

Сабитова Ильгамия Исламутдиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сагдеева Фаузия Кабировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Садриева Илюза Рамзиловна, учитель муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Многопрофильная полилингвальная гимназия №180» Советского района г. Казани. *Казань, Россия.*

Салахова Рузиля Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Самитова Савия Гималтыновна, кандидат филологических наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета. *Казань, Россия.*

Саттарова Мадина Рашидовна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Саулебай Кадырали, студент четвертого курса Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. *Уральск, Казахстан*.

Сафаров Ринат Тагирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Скрябина Алевтина Афанасьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. *Якутск, Россия.*

Тагирова Фяридя Инсановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Тимерханов Айнур Ахатович, доктор филологических наук, действительный член Академии наук Республики Татарстан, вице-президент Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Токмашев Денис Михайлович, кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. *Томск, Россия.*

Турганалиева Ганмиркун Ганмирхановна, магистр Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. *Уральск, Казахстан.*

Уджуху Айтеч Асхадович, студент Адыгейского государственного университета, младший научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. *Майкоп, Россия.*

Уртегешев Николай Сергеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН. *Новосибирск, Россия*.

Утегенова Карлыга Таскалиевна, кандидат педагогических наук, доцент Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова, *Уральск, Казахстан*.

Уткина Александра Филипповна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы. *Ижевск, Россия*.

Хадиева Гульфия Камиловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хакиева Залиха Усмановна, заведующий кафедрой английского языка Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, доцент Чеченского государственного педагогического университета. *Грозный, Россия.*

Хилханова Эржен Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Институт языкознания РАН. *Москва, Россия.*

Хисматуллина Ильзия Мунировна, магистр Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Хусаинова Алина Ямилевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хуснутдинов Дамир Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Шакурова Муслима Магесумовна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Шедричева Ольга Владимировна, магистр Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупов Айрат Фаикович, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Юсупова Нурфия Марсовна, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

СОДЕРЖАНИЕ

Багироков Х.З., Уджуху А.А. Идентичность автора в структуре доменов языкового сознания писателя 3

Башкатова Ю.А., Петрова О.А. Кинодискурс как средство репрезентации лингвокультурных типажей (лкт): на примере лкт «переводчик» 12

Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы – аның стильләре тарихы (Каюм Насыйриның тууына 200 ел тулу уңаеннан) 18

Биткеева А.Н. Методология экспертизы социального воздействия на язык и культуру: опыт исследования северных городов 29

Бобырь Е.А. Политическая корректность в японском языке: исторический контекст и современные тенденции. 38

Бондарко Н.А. К вопросу о методах синхронического и диахронического словообразования немецкого языка: от конфронтации к взаимодействию 43

Борисова Ю.М. Синтагматические способы образования терминологической лексики сенокошения языка саха. 50

Булатова М.Р. Киров өлкәсе татарлары (балтач, нократ сөйләшләре һәм йола фольклоры үрнәкләре). 54

Вайрах Ю.В., Демидова Е.Е. Когнитивная модель «царь-батюшка» в русской лингвокультуре 59

Вахитова Д.К. Особенности инвективной лексики с компонентом зоонимом в творчестве М. Магдеева 65

Вәлиева М.З. XVII–XVIII гасырлар иске татар язма истәлекләрендә тиңдәш кисәкләрнең кулланылышы 68

Волкова Е.В. Актуализация концепта «война» в поэзии М.И. Цветаевой и ее переводе на английский язык Р. Кембаллом . . 73

Галимбикова И.И. «Идел» журналында яңа лексик берәмлекләр: лингвистик аспект 77

Галимова О.Н. Татар теленең терминографик сүзлекләрендә кушымталар эволюциясе. 81

Галиуллина Г.Р. Фразеологизмы, выражающие *гнев* в татарском языке 89

Гыйльманова М.М. 1960–1980 еллар шигърятендә йола традицияләренең яктыртылу үзенчәлеге 93

Гыйниятуллина Л.М., Шәкүрова М.М. Сыйфатларның халык әкиятләрендә һәм бәетләрдә кулланылышы 97

Демидова Е.Е. Татарские пословицы и поговорки о власти и силе . . . 101

Денмөхәммәтова Э.Н. Татар телендә гарәп алынмалары һәм төрки сүзләр синонимлыгы 105

Дубровина М.Э. Об одном языковом средстве со значением пересказывательности в татарском языке 110

Евтых Э.И., Рябинина А.Г. Современный интернет-мем: подходы к определению 114

Җиһаншина Р.Р., Хөснетдинов Д.Х. Югары сыйныфларда татар сайтларын куллану мөмкинлекләре 118

Захарова А.Е., Захарова Н.Е. Родной язык как индикатор устойчивости этнического самосознания 121

Зиннәтуллина Г.Ф. Хәзерге татар язучыларының әсәрләрендә неологизмнарның кулланылышы 128

Иванова Н.И. Этноязыковая идентичность молодежи саха и русской молодежи: кросс-культурный аспект 133

Идиятуллина А.И. Татар телендә төс атамаларын өйрәнү 141

Кадирова Э.Х. XV–XVI гасырлар иске татар язма әдәби телендә акыл эшчәнлеген белдерә торган фигыльләрнең кулланылышы . . . 144

Кадирова Э.Х. XV–XVI гасыр иске татар язма истәлекләрендә физиологик халәтне белдерә торган фигыльләрнең функциональ семантикасы 149

Камаева Р.Б. Татар әдәби әсәрләрендә медицина терминнарының роле 153

Касьяненко Н.Е. Роль аллюзии в передаче культурно значимой информации в произведениях Е.Г. Водолазкина 158

Кириленко С.В. Солидарность, престиж и языковая идентичность: анализ речевых сообществ в республиках РФ 164

Кириллова З.Н. Керәшен татарларында чүк атамасы 166

Копылов И.Л. Актуальные проблемы белорусского языкознания в свете современных научных исследований 169

Крестьянинова А.А., Хакиева З.У. Импликации когнитивной модели «сын гор» в дискурсе XIX–XXI вв. 176

Кузьмина Р.П. Лексическая репрезентация концепта «лёд» в эвенской языковой картине мира 181

Кузьмина Х.Х. Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» әсәрендә синтаксик сурәтләү чараларының кулланышы 184

Лемская В.М., Токмашев Д.М. Инновации в документации томско-татарских диалектов: исследовательский и прикладной аспект 189

Лукина М.П. Особенности исследования категории модальности в юкагирском языке. 196

Махадов А.К., Асланбекова Э.А. Художественное творчество и проблемы лезгинского литературного языка 202

Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. Социально-речевой портрет татарского общества второй половины XIX – начала XX века: итоги исследования. 209

Мичугина С.В. Цифровизация лингвистических исследований на примере изучения терминов цвета 213

Морозова О.Н. Фонетическая адаптация в тунгусо-маньчжурских языках: типы влияния контактирующих языков 217

Мөгътәсимова Г.Р. Гаиләдә кабул ителгән традицияләрне репрезентацияли торган татар мәкальләре 222

Мөхәрләмова Г.Н. Тел чаралары ярдәмендә эмоциональ интеллектның репрезентациясе (Г. Бәшировның «Туган ягым – яшел бишек» повестен өйрәнү мисалында) 227

Мухаметшина А.Ф., Нурмухаметова Р.С. Специфика простых предложений в разносистемных языках (на примере татарского и китайского языков) 233

Насибуллова Г.Р. Лингвокогнитивные особенности категории пространства в прозе А. Матвеевой и А. Ахметгалиевой 240

Нәбиуллина Г.Ә. Татар телендә коммуникемаларның синтаксик-прагматик үзенчәлекләре 244

Николаев Е.Р. Диалектные номинации лодки в якутском языке 249

Нуриева Ф.Ш., Хисматуллина И.М. XIX гасыр халык авыз иҗаты текстларында нагайбәкләр сөйләшенә хас фонетик үзенчәлекләр (В.Н. Витевский (1981) язмалары нигезендә) 253

Панфилова В.М. Лингвокультурологический аспект межпоколенческой коммуникации 260

Пименова М.В. Азия как символический концепт в аспекте первопризнаков 263

Пименова М.В., Крестьянинова А.А. Концептуальная метафора и концептуальная метонимия «сын Отечества» в дискурсе Н.М. Карамзина 271

Пименова М.В., Родионов В.А., Турганалиева Г.Г. Концепт отец сквозь призму мотивирующих признаков 277

Пименова М.В., Утегенова К.Т., Саулебай К. Заимствованный концепт *кочевник* 283

Сабитова И.И. Төрки деривацион лексикографиясенең кайбер мәсьәләләре турында 287

Сагдеева Ф.К. Осмысление вечности в татарской лингвокультуре . . . 293

Садриева И.Р., Хөснетдинов Д.Х. Күптеллелек шартларында этномәдәни компетенция формалаштыру 300

Салахова Р.Р., Шедричева О.В. Особенности формирования и употребления некоторых форм прошедшего времени в татарском и якутском языках 303

Самитова С.Г. Развитие коммуникативной культуры у иностранных студентов в процессе обучения в вузе 307

Саттарова М.Р., Болгарова Р.М., Болгарова А.Р. Татар телендә табигать күренешләре атамалары 314

Сафина Э.И. Татар халык җырларында сандугач һәм былбыл образлары 319

Сәфәров Р.Т. Аңлатмалы лексикографиядә сүзлек мәкаләсе зоналарын параметризацияләү проблемалары 326

Скрябина А.А. Образ девушки-невесты в якутской лингвокультуре . . 334

Таһирова Ф.И. Бүгенге татар лексикографиясенең кайбер теоретик мәсьәләләре 338

Тимерханов А.А. «Толковый словарь татарского языка» в 6-ти томах (2015–2021 гг.): новый этап в развитии татарской лексикографии 342

Уртегешев Н.С. Палатализация ≠ мягкость 349

Хилханова Э.В. О междисциплинарности современной науки: этнография, социальная семиотика, социолингвистика 352

Хөсәенова А.Я., Булатова Ә.К. Татар теле диалектларында фин-угор алынмаларының фонетик вариативлыгы 358

Һадиева Г.К. Казан шәһәре урам исемнәренең татар һәм рус телләрендә бирелеше 361

Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М. Имена и атрибуты всевышнего в языке суфийских текстов XIX века 366

Юсупова А.Ш. Татарский язык в условиях иноязычия: современное состояние (на примере речи татар в КНР) 372

Utkina A.F. Features of the use of multicomponent complex sentences in the modern Udmurt language (based on literary texts from the National Corpus of the Udmurt language) 379

Zakirova M.D. Metaphtonymy. The interplay of metaphor and metonymy 386

Сведения об авторах 389

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
20–21 октября 2025 года, город Казань

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*

Подписано в печать: 16.10.2025.
Бумага офсетная. Формат 70×108 1/16. Гарнитура «Таймс».
Усл.-печ. л. 35. Уч.-изд. л. 28. Тираж экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20